

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Princeton University Library

BX512
.B37

32101 073395616

~~11~~
2
6

6

120

Д. 8719.

N. Barsov

ИСТОРИЧЕСКІЕ,
КРИТИЧЕСКІЕ И ПОЛЕМИЧЕСКІЕ
ОПЫТЫ.

Николая Барсова,

У.-О. ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1879

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется.
С.-Петербургъ. Августа 2 дня 1878 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Иосифъ*.

BX512
.837

33 (188) 737582

ПРЕДИСЛОВІЕ

Изданіе настоящей книги вызвано отчасти личною потребностью автора. Иногда для человека, въ виду тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, личныхъ или не имѣющихъ къ нему никакого отношенія, сложившихся помимо его воли, устранить или измѣнить которыя не въ его власти, возникаетъ необходимость сказать, что такое самъ онъ, и чѣмъ онъ быть не хочетъ и не можетъ, чѣмъ нельзя его сдѣлать, чѣмъ не должно его изображать, — въ той, вполне основательной, какъ думаемъ, увѣренности, что за нимъ оставлено будетъ право быть самимъ собою. Для человека пишущаго въ этомъ случаѣ средствомъ самозащиты можетъ быть его литературная дѣятельность, которая, какъ бы ни была скромна по своимъ размѣрамъ и достоинствамъ, лучше, чѣмъ что-либо выясняетъ его нравственную физиономію.

Изданіе настоящей книги вызвано отчасти личною потребностью автора. Иногда для человека, въ виду тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, личныхъ или не имѣющихъ къ нему никакого отношенія, сложившихся помимо его воли, устранить или измѣнить которыя не въ его власти, возникаетъ необходимость сказать, что такое самъ онъ, и чѣмъ онъ быть не хочетъ и не можетъ, чѣмъ нельзя его сдѣлать, чѣмъ не должно его изображать, — въ той, вполне основательной, какъ думаемъ, увѣренности, что за нимъ оставлено будетъ право быть самимъ собою. Для человека пишущаго въ этомъ случаѣ средствомъ самозащиты можетъ быть его литературная дѣятельность, которая, какъ бы ни была скромна по своимъ размѣрамъ и достоинствамъ, лучше, чѣмъ что-либо выясняетъ его нравственную физиономію.

Аще злѣ глаголахъ; свидѣтельствуй о злѣ, аще же добрѣ, почто мя бѣши!

Просмотрѣвъ настоящее изданіе, читатель найдетъ, что авторъ въ напечатанныхъ здѣсь статьяхъ (равно какъ и въ другихъ, помѣщенныхъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ), хотя онъ писались совершенно независимо отъ его обязанностей по профессіи, хочетъ быть поборникомъ — на сколько компетентнымъ, о томъ пусть судятъ читатели — принципозъ православно-религіознаго міровоззрѣнія.

въ его свѣтломъ, широкомъ, объективно-научномъ пониманіи, — истолкователемъ, на сколько въ правѣ быть таковымъ частное лицо — каждый рвущійся, интересомъ и стремленій православной русской церкви, въ ея охранительно-зидательномъ призваніи, а равно правъ и обязанностей православнаго русскаго духовенства въ отношеніи къ русскому обществу и народу; — что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ авторъ думаетъ стоять на дѣйствительномъ уровнѣ современныхъ интеллектуальныхъ потребностей русскаго образованнаго общества и русскаго народа.

Авторъ смѣетъ думать, что, независимо отъ вышеизложеннаго, собраннаго въ настоящемъ изданіи статьи, не лишены нѣкотораго интереса и сами по себѣ. Статьи историческія составлены по архивнымъ матеріаламъ, дотолѣ неизвѣстнымъ, и трактуютъ о предметахъ, нелишенныхъ историческаго значенія. Идеи, защитѣ которыхъ посвящены статьи полемическія и критическія, не чужды ни русскому обществу, ни современной литературѣ. Правда, относительно многихъ вопросовъ, о которыхъ трактуются въ настоящей книгѣ, мы позволили себѣ противорѣчить (и едва-ли не мы одни) сужденіямъ такихъ корифеевъ нашей литературы, какъ „Вѣстникъ Европы“. Но читатели этого журнала позволяютъ, конечно, намъ смѣть свои сужденія имѣть о тѣхъ предметахъ, которые намъ ближе и знакомѣе, чѣмъ — сотрудникамъ г. Стасюлевича.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Новый методъ въ Богословіи (опытъ синтеза богословскаго ученія Хомякова).	
1. Предисловіе.—Главная задача современнаго Богословія.—Понятіе о новомъ методѣ. 2. Задача Богословія по отношенію къ православному обществу. 3. Славянофильская школа и ея значеніе по отношенію къ Богословію. Хомяковъ—общія характеристическія черты его Богословствованія. 4. Основные принципы православія по изображенію Хомякова. 5. Католичество по изображенію Хомякова. 6. Протестанство по изображенію Хомякова. 7. Единица и Православіе. 8. Принципы свободы въ Православіи. 9. Принципы соборности и участія міра въ дѣлахъ церковныхъ. 10. Принципы поступательнаго движенія въ развитіи догматическаго ученія. 11. Важныя отношенія Церкви и государства, вѣры и науки, по ученію Православія . . .	1—70
II. Русскій, простонародный инстинктивизмъ (Хлыстовщина).	
Роспѣвцы хлыстовъ, какъ матеріалъ для изученія секты. Литературные источники для изученія предмета. Значеніе сочиненій Добротворскаго и Мельникова. Догматика Хлыстовъ. Ихъ нравственное ученіе. Обряды. Радья, общая и частная судьба. Общія заключенія о сектѣ. Численность Хлыстовъ въ Россіи. Объясненіе хлыстовщины съ точки зрѣнія народной психологіи. Вопросъ объ отношеніи секты къ другимъ подобнымъ, восточнымъ и западнымъ. Заключеніе изслѣдованія	71—113
III. Личность Теофана Прокоповича	114—127
IV. Въ биографіи А. П. Волынскаго	128—131
V. Малоизвѣстные русскіе проповѣдники XVIII столѣтія.	
Значеніе въ исторіи русскаго проповѣдничества московской славяно-греко-латинской академіи. Проповѣдники въ Москвѣ и Петербургѣ въ періодъ времени съ 1727 г. по 1750 г. Архимандритъ Владиміръ Каллигравъ. Его биографія. Двѣ проповѣди Каллиграва. Игуменъ Патрікій и его проповѣдь на 29 іюня.	132—184
VI. Арсеній Мацѣевичъ и его «доношенія».	
Литература изслѣдованій объ Арсеніи.—Сужденіе о немъ г. Соловьева. Антисторическія постановки историкомъ во-	

проса объ Арсеніѣ. — Личность Арсенія. — Пирота его дѣла. — Переписка Арсенія съ Ярославцевымъ. — Сужденіе о способѣ выраженія и образѣ рѣчи въ доношеніяхъ Арсенія. — Солидарность Арсенія съ св. Димитріемъ Ростовскимъ. — Было ли дѣло Арсенія его личнымъ дѣломъ? Партія Арсенія. — Письма къ Арсенію митрополита Тимоѳея, Амвросія Крутицкаго. — Текстъ неизданнаго втораго «доношенія» Арсенія. — Его прошеніе объ отставкѣ. — Арестъ Арсенія и судъ надъ нимъ въ Св. Синодѣ. — Изложеніе дѣлопроизводства о немъ по подлиннымъ документамъ. — Осужденіе Арсенія . 185—223

VI. Въ исторіи законодательныхъ работъ по духовному вѣдомству въ царствованіе Имп. Екатерины II.
 Докладные пункты Св. Синоду преосвященныхъ Гавріила, Порфирія, Афанасія и Сильвестра. Д о п о л н и т е л ь н ы й указъ Св. Синода своему депутату относительно переводческой конторы. 224—238

VII. Въ характеристикѣ церковно-приходской проповѣди въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины II.
 Проповѣди священниковъ Петрова и Игнатъева и рѣчь протоіерея Барсова. 239—244

IX. Въ исторіи мистицизма въ Россіи.
 Характеръ борьбы между партіями. — Распоряженіе Шишкова отъ 17 ноября 1824 г. — «Отношеніе» его къ м-ту Серафиму. — Опрежденіе Синода относительно способовъ искорененія мистицизма. — Инструкція м-та Серафима комитету для разсмотрѣнія мистическихъ сочиненій. — Результаты дѣятельности комисіи. — Историческія данныя относительно мистицизма въ Россіи, извлеченныя изъ дѣлъ Комитета. — Замѣчаніе о томъ, что такое мистицизмъ, по поводу сужденій о немъ г. Галахова. 245—260

X. О значеніи Хомякова въ исторіи отечественнаго Богословія.
 (По поводу сужденій о немъ «Вѣстника Европы») 261—276

XI. Напрасное опасеніе.
 Насколько неизбежно возникновеніе въ Россіи церковно-политическаго вопроса, предсказываемое Вѣстникомъ Европы? 277—283

XII. Вѣстникъ Европы о значеніи религіознаго преподаванія. 284—287

XIII. Вѣстникъ Европы о значеніи церковной исторіи 288—292

XIV. *Pia desideria* Вѣстника Европы.
 По вопросу о вѣротерпимости въ Россіи и о русскомъ клерикализмѣ 293—306

XV. Въ характеристикѣ религіознаго состоянія русскаго общества.
 Лордъ Рѣстоукъ. Ю. Ѳ. Самаринъ — о русской религіозности 307—319

XVI. Типы духовенства въ нашей беллетристикѣ.
 Гоголь и Бѣлинскій по вопросу о духовенствѣ. — Общій характеръ отношеній нашей свѣтской печати къ духовенству. — «Ставленникъ» и «попъ Микола» Рѣшетникова. —

«Казанскій Приходъ», Преображенскаго.—Какъ изображаютъ свое духовенство протестантскіе беллетристы. — Мистеръ «Гильеяль» Эллиота. — «Баритонъ», «Соборяне». — О. Филипъ въ «семействѣ «Снѣжныхъ».—Духовенство по изображенію Некрасова.—О. Адрианъ въ «Девятомъ вагѣ» Данилевскаго.	320—387
XVII. Бѣлинскій, какъ религиозный мыслитель	338—346
XVIII. По поводу разсужденій «Отеч. Записокъ» о духовенствѣ.	347—356
XIX. Запоздалыя сѣтованія «Недѣли».	357—363
XX. Profession de foi и pia desideria современнаго русскаго юдоизма	364—374
XXI. Новыя отношенія къ старой бурсѣ въ нашей литературѣ.	375—380
XXII. Первый опытъ гомилетической христоматіи на русскомъ языкѣ	381—405
XXIII. Пресвященный Іоаннъ, епископъ Смоленскій, какъ проповѣдникъ	406—419
XXIV. Наши современные проповѣдники публицисты.	420—438
XXV. О виѣцерковныхъ обязанностяхъ духовенства	439—444
XXVI. О преподаваніи словесности въ семинаріяхъ	445—463
XXVII. О преподаваніи русскаго языка въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній	464—472
XXVIII. Новая книга для народа	473—479
XXIX. Новый опытъ учебника по Закону Божию	480—485
XXX. Законъ Божій въ народныхъ школахъ	486—493
XXXI. О современномъ состояніи изученія святоотеческихъ твореній въ нашей духовной литературѣ	494—503
XXXII. О собесѣдовательномъ богословіи	504—508
XXXIII. Объ исторіи русскаго проповѣдничества	509—516
XXXIV. Излишества и опущенія въ обзорѣ русскої народно-учебной литературы	517—521
XXXV. Подвижныя школы и учителя изъ отставныхъ солдатъ.	522—525
XXXVI. За что русскій народъ любитъ братьевъ Славянъ.	526—530

1820 128
 1830 135
 1840 142
 1850 150
 1860 158
 1870 165
 1880 172
 1890 180
 1900 188
 1910 195
 1920 202
 1930 210
 1940 218
 1950 225
 1960 232
 1970 240
 1980 248
 1990 255
 2000 262
 2010 270
 2020 278
 2030 285
 2040 292
 2050 300
 2060 308
 2070 315
 2080 322
 2090 330
 2100 338
 2110 345
 2120 352
 2130 360
 2140 368
 2150 375
 2160 382
 2170 390
 2180 398
 2190 405
 2200 412
 2210 420
 2220 428
 2230 435
 2240 442
 2250 450
 2260 458
 2270 465
 2280 472
 2290 480
 2300 488
 2310 495
 2320 502
 2330 510
 2340 518
 2350 525
 2360 532
 2370 540
 2380 548
 2390 555
 2400 562
 2410 570
 2420 578
 2430 585
 2440 592
 2450 600
 2460 608
 2470 615
 2480 622
 2490 630
 2500 638
 2510 645
 2520 652
 2530 660
 2540 668
 2550 675
 2560 682
 2570 690
 2580 698
 2590 705
 2600 712
 2610 720
 2620 728
 2630 735
 2640 742
 2650 750
 2660 758
 2670 765
 2680 772
 2690 780
 2700 788
 2710 795
 2720 802
 2730 810
 2740 818
 2750 825
 2760 832
 2770 840
 2780 848
 2790 855
 2800 862
 2810 870
 2820 878
 2830 885
 2840 892
 2850 900
 2860 908
 2870 915
 2880 922
 2890 930
 2900 938
 2910 945
 2920 952
 2930 960
 2940 968
 2950 975
 2960 982
 2970 990
 2980 998
 2990 1005
 3000 1012

Общественные идеалы не выдумываются и не навязываются, они слагаются самисобою, вырабатываясь постепенно историческою жизнію народа и передаются отъ одного поколѣнія другому безчисленными нитями живаго преданія.

Ю. Ф. Самаринъ.

1. The first part of the document
describes the general situation
of the country and the
state of the economy.
It also mentions the
main problems that
the government is
facing at the moment.
The second part of the
document discusses the
measures that the
government has taken
to solve these problems.
It also mentions the
results of these
measures and the
prospects for the
future.

НОВЫЙ МЕТОДЪ ВЪ БОГОСЛОВІИ.

Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Томъ I. Москва. 1861. Томъ II. Сочиненія Богословскія. Прага. 1867. Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. Москва. 1861. Характеръ протестантства и его историческое развитіе. Архим. Хрисанеа. Спб. 1868.

I. Къ числу наиболѣе знаменательныхъ явленій послѣдняго времени по всей справедливости должна быть отнесена та усиленная агитація, какая происходитъ нынѣ въ области религіознаго сознанія въ инославномъ западномъ мірѣ. Германскій протестантизмъ, развившій свои начала до послѣднихъ предѣловъ, за которыми уже ничего не остается кромѣ всецѣлаго безвѣрія, не хочетъ, однако, переступить эти предѣлы и перестать быть христіанствомъ; договорившись до своего послѣдняго слова, онъ, такъ сказать, остепенился и, въ чувствѣ утомленія, ищетъ для себя болѣе устойчивой положительности и догматизма. ¹⁾ Скороспѣлыя, самочинныя, составленныя на скорую руку по волѣ свѣтской власти, и путающіяся въ противорѣчіяхъ символическія построенія Церкви англиканской, удовлетворяющія на первый разъ раздраженному чувству новообразовавшихся полупротестантовъ, при спокойномъ обсужденіи не выдерживаютъ умѣренной критики даже собственныхъ послѣдователей: религіозныя

¹⁾ См. «Современныя партіи въ протестантствѣ», Н. Зайцева (Прав. Обоз. 1862), также: «Современныя движенія въ протестантствѣ»—Труды К. Д. А. 1864. Въ нѣмецкой литературѣ изображеніе современнаго состоянія протестантства можно найти въ слѣд. сочиненіяхъ: *Шварца* Zur Geschichte der neuesten Theologie 1856. *Гундесагена* Der deutsche Protestantismus 1854. *Юри* Neueste Protestantismus 1858, а также въ нѣмецкихъ богословскихъ журналахъ, изъ которыхъ каждый служитъ представителемъ какой-либо изъ существующихъ партій.

партии въ Англіи видоизмѣняются, дробятся; усиливается реакція въ пользу католичества, усиливается чистый, болѣе послѣдовательный протестантизмъ германскій. Даже въ церкви римской, столь вѣрно и, повидимому, неразрушимо организованной, съ такимъ непоколебимымъ достоинствомъ отстаивающей свои вѣковые принципы, исторія, здравый смыслъ начинаютъ наконецъ мало по малу брать свое: хотя здѣсь пока имѣетъ значеніе не столько агитація мысли (патеръ Пассалья, надѣлавшій столько шума въ Италиі, составляетъ явленіе пока единственное въ своемъ родѣ), сколько военныя демонстраціи и сношенія дипломатическія, и хотя—между тѣмъ какъ въ протестантствѣ безъ внѣшняго шума, почти незамѣтно, мѣняются вѣрованія, догматы, перестраивается цѣлая организація церковныхъ общинъ—здѣсь весь шумъ происходитъ пока изъ за одного частнаго догмата о свѣтской власти папы.

На ряду съ этимъ стремленіе къ воссоединенію въ распавшемся христіанскомъ мірѣ особенно оживилось въ послѣднее время. Съ одной стороны быстрые успѣхи философскаго рационализма, а особенно матеріализма, проповѣдуемыхъ уже не въ одной Германіи безчисленными органами науки и литературы, напомнили христіанамъ всѣхъ исповѣданій объ общей опасности и побуждаютъ ихъ позаботиться о томъ, чтобы соединенными силами стать противъ общаго врага; съ другой стороны, независимо отъ этого, чисто-внѣшняго, обстоятельства, вслѣдствіе успѣховъ христіанской образованности, возвысился уровень христіанскаго сознанія даже въ массахъ народныхъ: всѣ болѣе или менѣе начинаютъ понимать, что истинное свойство учениковъ Христовыхъ—любовь, которая должна объединить всѣхъ людей въ едино стадо единаго Пастыря,— что для всѣхъ христіанъ, по смыслу ученія Христа Спасителя, обязательно не только братское общеніе въ общежитіи, но и единомысліе въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ. Эпоха наибольшаго взаимнаго раздраженія, бывшаго причиною печальнаго распаденія Запада съ Востокомъ, миновалась, взаимныя антипатіи и крайнія предубѣжденія значительно сгладились.

Богъ вѣсть, на сколько будутъ имѣть правтческаго значенія эти приническія стремленія и какой будетъ практической исходъ этой агитаціи, ея дѣйствительные результаты. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ явленіи много отраднаго и успокоительнаго для христіанскаго чувства. Націи, болѣе насъ жившія, извѣдавшія на опытѣ всѣ роды невѣрія, прошедшія всѣ степени отрицанія, начиная отъ невѣрія сомнѣвающагося и фанатическаго, и оканчивая невѣріемъ холодно

разсуждающимъ, пришли, наконецъ, не къ чему другому, какъ къ сознанію своей внутренней пустоты, и въ религіозномъ чувствѣ ищутъ для себя успокоенія. Все это показываетъ намъ, что религіозные интересы имѣютъ доселѣ такое же жизненное, общечеловѣческое, общемировое значеніе, какъ и всегда, по аксіомѣ: душа человѣческая по природѣ христіанка;—что успѣхи невѣрія, особенно въ отношеніи къ многоученой Германіи, далеко не такъ велики и всеобъемлющи, какъ это кажется нѣкоторымъ маловѣрамъ и какъ это хочется представить людямъ, принявшимъ у насъ на себя пропаганду этого невѣрія: голое мертвящее отрицаніе, которое все разрушаетъ и ничего не созидаетъ, становится рутинной... Съ другой стороны эта агитація въ инославномъ мірѣ, служа для насъ нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности началъ, лежавшихъ доселѣ въ основѣ религіозной жизни на Западѣ, убѣждаетъ насъ въ истинности нашего родного православія, въ которомъ одномъ хранятся истинныя гарантіи *вѣры разумной*, въ которомъ одномъ высшія потребности духа находятъ для себя цѣлостное удовлетвореніе.

Можно ли надѣяться какихъ нибудь болѣе положительныхъ результатовъ для православной Церкви отъ этой агитаціи? Было и есть въ настоящее время въ нашемъ обществѣ не мало оптимистовъ, которые, наблюдая первые признаки этой агитаціи, глубоко убѣждены, что она, рано или поздно, должна разрѣшиться полной, повсюду, реакціей въ пользу православія ¹⁾. Намъ кажется, что говорить объ этомъ такъ рѣшительно нѣсколько преждевременно. Вообще говоря, дѣло, конечно, съ теченіемъ времени, должно клониться къ тому. Въ папствѣ галликанизмъ и такъ называемая Утрехтская церковь (Янсенисты), въ церкви англиканской пьюэизмъ (самъ докторъ Пьюзей, по послѣднимъ извѣстіямъ, будто бы, допустилъ совратить себя, какъ и Пальмеръ, въ католичество; но партія, имъ основанная, остается вѣрною первоначальнымъ его принципамъ), въ протестантствѣ партія уніонистовъ,—всѣ болѣе или менѣе близкія къ православію, усиливаются все больше и больше. Особенно важно въ этомъ случаѣ то, что во всѣхъ этихъ партіяхъ есть склонность признать необходимость живаго голоса преданія и соборнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ, какъ лучшихъ гарантій правильной жизни церковной. Но предразсудки національности и невѣжества въ отношеніи къ православію такъ велики въ инославномъ мірѣ, что вождѣн-

¹⁾ Такія или почти такія надежды высказывались очень недавно въ нашихъ духовныхъ журналахъ по поводу лекцій Станлея о церкви восточной, по поводу сочиненій Пьюзея, Пальмера, Овербега и пр.

наго обращенія ихъ въ истинѣ долго еще придется ждать. Если инославнымъ буддизмъ какой-нибудь лучше извѣстенъ, чѣмъ ученіе и учрежденія церкви восточной, если люди, специально посвящавшіе себя изученію церкви восточной, люди, относившіеся къ православію съ любовью и уваженіемъ, какъ Станлей, люди, такіе многоученые, какъ Гизо, Деллингеръ, Генгеретеръ ¹⁾, доселѣ руководствуются во многомъ тѣми же свѣдѣніями о русской церкви, какія, цѣлыя вѣка тому назадъ, сообщались Западу іезуитомъ Поссевиномъ съ братією, то чего ждать отъ массъ народныхъ, отъ людей толпы?..

Изъ такого положенія дѣла естественно вытекаетъ долгъ православной богословской науки прежде всего познакомить инославныхъ съ православіемъ ²⁾, показать имъ наше исповѣданіе съ той стороны, съ какой они легче и скорѣе могутъ его уразумѣть. Не о полемикѣ съ инославными говоримъ мы, той полемикѣ, литература которой такъ обширна, что даже пересчитать всѣ сочиненія, къ ней относящіяся, трудно, и полную несостоятельность которой для дѣла воссоединенія доказалъ тысячелѣтній опытъ... И при томъ недостаточномъ знаніи, какое существуетъ на Западѣ о Церкви православной, къ намъ уже несутся многочисленные сочувственные голоса лучшихъ людей Запада; еще не зная близко православной Церкви, многіе угадываютъ въ ней истину. Въ Англійи и въ отдаленной Америкѣ образовались уже цѣлыя общины, для которыхъ вопросъ о воз-

¹⁾ Лекціи Станлея весьма обстоятельно изложены въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ въ русс. переводѣ, т. 20, также въ Прав. Обзорнѣи.—Что касается до Гизо, то онъ откровенно сознается въ своемъ невѣствѣ относительно церкви русской.—Деллингеръ, какъ извѣстно, слыветъ первымъ католическимъ богословомъ Германіи.—Разборъ сочиненія Генгеретера (о Византійскихъ патріархахъ до Фотія) см. въ «Хр. Чтеніи» за 1868 г. Мы не говоримъ уже здѣсь о тѣхъ западныхъ богословахъ, которые умышленно отвращаютъ свои взоры отъ истины, каковы, напримѣръ, одинъ изъ современныхъ богослововъ Франціи, миссисъноръ Жакме, пріобрѣтшій у насъ столь плачевную извѣстность по своей неудачной полемикѣ съ О. Протоіереемъ І. В. Васильевымъ, въ свое время напечатанной въ нашихъ духовныхъ журналахъ.

²⁾ Нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи у насъ не было ничего сдѣлано. «Православное Богословіе» преосв. Макарія княземъ М. Д. Волконскимъ давно уже переведено на французскій языкъ. Кромя того изданы на нѣмецкомъ языкѣ: «Православный Катихизисъ» Филарета (1850. Спб.), «Литургія Златоуста» (1845. Спб.), «Евхологія правосл. церкви» (въ 3 т. въ Вѣнѣ. 1861), «Объ отношеніи церкви къ христіанамъ» Амштеатрова (Визабандъ. 1855); на французскомъ: «Изложеніе ученія правосл. вост. церкви» свящ. Гетте (1866. Парижъ), «Православіе и папство», по поводу соч. іезуита Гагарина (Парижъ. 1869), Богословскія сочиненія Стурдзы, въ 2 т. (Парижъ. 1860), «Религіозный вопросъ между Востокомъ и Западомъ» и «Письма о Богослуженіи» А. Н. Муравьева (Москва и Спб. 1856—59) и пр.

соединеніи съ нашею церковію—самый жизненный вопросъ: онѣ уже имѣютъ журналы, основанные съ специальною цѣлю ознакомленія съ нашею церковію... Прочтите въ недавно изданныхъ въ Москвѣ г. Сушковымъ «Запискахъ о жизни и времени московскаго митрополита Филарета» рассказъ преосв. Леониды о бесѣдѣ съ покойнымъ московскимъ святителемъ американскаго пастора Юнга; прислушайтесь къ рассказамъ людей свѣдущихъ о той кипучей энергіи, какую проявилъ этотъ благородный энтузіастъ своего святаго дѣла во время своего пребыванія въ Петербургѣ; вспомните подобную же поѣздку въ Россію, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Пальмера, изучившаго нарочито русскій языкъ, объѣхавшаго Русь—все съ тою же цѣлю ознакомленія и воссоединенія съ православіемъ¹⁾; познакомьтесь, хотя по тѣмъ выдержкамъ, какія можно найти въ нашихъ духовныхъ журналахъ, съ сочиненіями англійскихъ богослововъ, того же Пальмера, Нила,²⁾ Пьюэла, швейцарскаго профессора Вине (Vinet),³⁾ лейденскаго профессора Киста⁴⁾; прочитайте, наконецъ, сочиненія Овербека, нѣмецкаго доктора и профессора теологіи и философіи, особенно послѣднее его приглашеніе къ образованію національныхъ католическихъ церквей на Западѣ⁵⁾,—и для васъ станетъ понятною та апостольская, непрестающая болѣзнь сердца, какую болѣлъ въ продолженіе всей своей жизни человекъ, сочиненія котораго теперь предъ нами, этотъ лучшій христіанинъ, лучшій человекъ земли русской—Хомяковъ. Непонятною останется для васъ при этомъ только та апатія, какую обнаруживаютъ въ отношеніи къ дѣлу воссоединенія вѣрующіихъ наша духовная наука и наше общество. Говоримъ о духовной наукѣ: потому что дѣйствительно здѣсь прежде всего ея дѣло, а не администраціи церковной, которой дѣло начнется лишь послѣ того, какъ наука проложитъ путь къ воссоединенію и подготовить для него почву. Что же именно нужно въ настоящемъ случаѣ?

¹⁾ О Пальмерѣ см. статьи Протоіерея Фортунатова въ «Дух. Бесѣдѣ» за 1867, а также въ «Прав. Обзор.» за 1866, въ статьѣ о попыткахъ церкви англиканской къ соединенію съ православною.

²⁾ См. Твор. Св. Отц. 1850, кн. 9.

³⁾ Вине, рисуя идеалъ истинной церкви, не сознаетъ, чтобы она существовала гдѣнибудь; но онъ характеризуетъ его такими чертами, въ которыхъ нельзя не узнать церкви восточной.

⁴⁾ Рязч Киста см. въ Прав. Собесѣдн. за 1859 г.

⁵⁾ Одно изъ сочиненій Овербека: *Die orthodoxe katolische Anschauung*, von d-r Overbeck. 1865, переведено на русскій языкъ въ 1867, братьями виленскаго Свято-Духовскаго братства. «Воззваніе къ основанію національныхъ католическихъ церквей» см. въ декабрьской книжкѣ «Христ. Чтенія» за 1868 годъ.

Нужна новая постановка вопроса въ полемикѣ, нуженъ новый методъ въ богословіи.

Богословская наша наука должна разсѣять то невѣжество, тѣ предубѣжденія, какія существуютъ на западѣ относительно православія; она должна, повторяемъ, познакомить инославныхъ съ православіемъ, показать имъ наше исповѣданіе съ той стороны, съ которой оно легче можетъ быть ими понято и усвоено. Затѣмъ, обращаясь къ инославнымъ исповѣданіямъ, она, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ частныхъ разностей вѣроученія на основаніи св. Писанія и Преданія, должна выяснить себѣ, что такое эти исповѣданія сами въ себѣ, что лежитъ въ основѣ ихъ, что даетъ имъ силу и живучесть, какой ихъ характеръ, какое они имѣютъ вліяніе на жизнь практическую и общественную, должна поставить религиозныя ученія запада въ соотношеніе съ историческими и бытовыми условіями жизни западныхъ народовъ, съ ихъ міровоззрѣніемъ научнымъ; должна обратить вниманіе на внутреннія силы, которыя движутъ извѣстнымъ ложнымъ религиознымъ воззрѣніемъ и даютъ ему видъ цѣльности, на характеръ, съ какимъ оно является въ исторіи. «У насъ есть не только монографіи, но и системы, говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ о. архим. Хрисанфъ ¹⁾, въ которыхъ секты и ереси обличаются и опровергаются на основаніи св. Писанія и Преданія Церкви... Нѣтъ сомнѣнія, что сопоставленіе неправыхъ ученій съ образомъ здравыхъ словесъ, завѣщанныхъ Церкви, есть сильнѣйшее и самое рѣшительное осужденіе ихъ... Но каждое вѣроученіе есть, или по крайней мѣрѣ хотеть быть непремѣнно чѣмъ либо цѣльнымъ, законченнымъ въ себѣ самомъ, — создается не вдругъ, а постепенно, ищетъ, наконецъ, оправданія въ жизни. Разъясненіе того, что и въ цѣломъ оно также ложно, какъ и по частямъ, въ подробности, что противъ него говоритъ сама исторія его образованія и развитія, что оно отвергается самою жизнью—также весьма важно въ дѣлѣ приговора о немъ». Если наша духовная наука взглянетъ на инославныхъ съ этой точки зрѣнія, — заблужденія запада не будутъ намъ представляться сознательною, преднамѣренною ложью, какимъ-то злодѣяніемъ въ дѣлѣ вѣры; намъ легче будетъ покрыть христіанскою, братскою любовію эти заблужденія—продуктъ западной исторіи, склада прошедшей умственной жизни западныхъ народовъ, и самими заблуждающимися легче будетъ отречься отъ нихъ. Тогда уже можно

¹⁾ «Характеръ протестантства и его историческое развитіе». Спб. 1868.

будетъ подумать и о томъ, чтобы изыскать способы взаимнаго соглашенія и примиренія ¹⁾, это тоже дѣло богословской науки.

II. Но если необходимо знакомить съ православіемъ инославныхъ, въ виду первой и главной задачи нашего времени, въ виду великаго дѣла воссоединенія вѣрующихъ, подлежащаго современной нашей богословской наукѣ, то *едва ли не необходимо намъ изучить православіе для самихъ себя*: разумѣемъ, конечно, не духовную школу, не пастырей церкви, а наше общество. Въ сазомъ дѣлѣ: православный христіанинъ, ни мало не мудрствуя, всегда, конечно, зналъ, что составляетъ основу всего закона и пророковъ, и всегда понималъ необходимость свято хранить божественныя преданія своей вѣры, которыми научился отъ отцовъ. И если мы скажемъ, что сущность православія состоитъ въ духѣ святой и самоотверженной евангельской любви и благоговѣйнаго храненія божественнаго преданія св. Вѣры—мы скажемъ истину общезвѣстную. Но мало только сказать эту истину; нужно сказать ее съ полнымъ сознаниемъ разумнаго убѣжденія. Мало только знать ученіе своей вѣры и принимать его внѣшнимъ образомъ, безотносительно къ своимъ практическимъ понятіямъ и научнымъ воззрѣніямъ: нужно вдуматься въ него, освѣтить и оживотворить имъ весь кругъ своихъ понятій, сознать его во всей глубинѣ его содержанія. Намъ кажется, что во всей Европѣ нѣтъ страны, гдѣ религія и наука, церковь и общество находились бы въ такомъ развѣдненіи и отчужденіи одна отъ другой, гдѣ литература была бы до такой степени невѣрующая, какъ у насъ въ Россіи. Отчего это, если это дѣйствительно такъ? Намъ кажется — отъ того, что нигдѣ нѣтъ такого глубокаго невѣжества въ отношеніи къ религіи, какъ у насъ между такъ называемыми «образованными» и «развитыми» людьми, а особенно между писателями. Наши отрицатели, намъ кажется, стали отрицателями именно потому, что никогда не задавались серьезнымъ изученіемъ религіи; уроки закона Божія едва-ли гдѣ у насъ между свѣтскими людьми привлекаютъ серьезное, глубокое вниманіе, независимо отъ балловъ и экзаменовъ ²⁾; много—много, если посредствомъ этихъ уроковъ удастся

¹⁾ Какъ на первые опыты въ этомъ дѣлѣ, укажемъ на статью преосв. Григорія, митроп. Хіосскаго: «Какимъ образомъ можетъ осуществиться единеніе армянской и православно-каеолической церкви»—въ «Христ. Чтен.», 1866 г. № 6, и на статью Овербека, упомянутую нами выше.

²⁾ Говоря такимъ образомъ, мы высказываемъ свое личное мнѣніе, можетъ быть ошибочное. Люди, болѣе насъ компетентные въ настоящемъ дѣлѣ, пусть скажутъ намъ, что мы судимъ не вѣрно, и мы согласимся съ ними.

поддержатъ въ слушателяхъ доброе, въ семьѣ еще воспитанное христіански-нравственное настроеніе характера и чувства. Конечно и это не мало; но отсюда еще далеко до того, чтобы научить учащихся и мыслить по христіански. Когда дѣло коснется «мышленія», бывшій ученикъ школы будетъ обращаться за справкою и руководствомъ исключительно къ наукѣ или къ тому, что имѣетъ видъ науки, выдаетъ себя за науку, но отнюдь не къ ученію церкви. Разладъ между наукою и религіею, церковію и обществомъ въ жизни неизбѣжно отражается и на школѣ. Виноваты, конечно, не лица, а духъ времени. Много-ли есть у насъ исполиновъ, мощныхъ духомъ, сильныхъ непреклонною твердостію убѣжденія, сѣумѣвшихъ въ своей педагогической практикѣ совладать съ этою страшною силою — духомъ времени, и подчинить его въ своихъ слушателяхъ духу Вѣры? Ихъ не трудно перечестъ поименно. Какъ бы то ни было, наши отрицатели пренаивно убѣждены, что нѣсколько фразъ изъ школьныхъ уроковъ Закона Божія, Богъ вѣсть какими судьбами уцѣлѣвшихъ въ ихъ головахъ, и составляютъ ту религію, отрицаніемъ которой они такъ гордятся. Въ такомъ порядкѣ вещей виновато, конечно, слабое развитіе богословской науки у насъ въ Россіи и серьезнаго научнаго образованія вообще, столько же, сколько и личныя качества отрицателей. На западѣ наука, образованіе—болѣе или менѣе зиждется на религіозномъ основаніи; самое невѣріе тамошнее есть естественный и неизбѣжный продуктъ тамошнихъ религіозныхъ началъ. У насъ не то. У насъ христіанство, Вѣра, не составляетъ мировоззрѣнія; это—кодексъ понятій, свойственныхъ толпѣ, но недостойный человека развитаго, и развитой человекъ не станетъ искать въ немъ отвѣта на высшіе запросы духа. Ищутъ этихъ отвѣтовъ въ наукѣ и, благоговѣя предъ наукою, игнорируютъ религію, какъ будто-бы наука и религія не совмѣстны одна съ другою. Между тѣмъ, что же выходитъ? Думая владѣть сокровищемъ науки, часто пробавляются тѣми скудными крохами съ запада, которыя достаются такою дорогою цѣною—цѣною утраты народныхъ началъ жизни, разрыва съ родиной, мѣною спокойнаго здравомыслія на легкомысленное переразвиванье. Даже въ эпоху наибольшаго религіознаго возбужденія у насъ—въ царствованіе императора Александра I, когда наше общество такъ сильно потрясено было тяжкимъ испытаніемъ общенароднаго бѣдствія, оно искало религіознаго успокоенія не въ Вѣрѣ отцовъ, а въ мистицизмѣ m-me Крюднеръ и масонствѣ, не въ православныхъ храмахъ, а въ пересаженныхъ къ намъ съ запада масонскихъ ложахъ или въ аудиторіи патера Грубера, да въ салонахъ

савойскаго посланника графа де Мэстра, создателя новѣйшей теоріи папизма, и совращенной имъ въ католицизмъ г-жи Свѣчиной. А теперь? Бюхнеръ и Фейербахъ, прочитанные студентствующею молодежью въ литографированныхъ переводахъ или въ контрабандныхъ подлинникахъ, Ренанъ, прочитанный всѣми, знающими французскій языкъ (а кто его у насъ не знаетъ?), Бокль, съ своею антирелигиозною теоріею философіи исторіи, Дарвинъ, Вундтъ, Фохтъ, Моле-шоттъ и цѣлая фаланга невѣрующихъ естествоиспытателей, геологовъ и проч., изданныхъ книжною торговлею, вѣроятно въ шутку (какъ замѣчено было гдѣ-то, кажется — въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ») назвавшей себя «русскою книжною торговлею»: какая обильная пища для любознательнаго русскаго общества, коснѣвшаго доселѣ въ невѣдѣніи всей этой премудрости, и только теперь, по указѣ то же иностранца, англичанина Смайльза, ринувшагося на самообразование!

Пусть не думаетъ читатель, что, говоря подобнымъ образомъ, мы негодуемъ на появленіе исчисленныхъ авторовъ въ русской литературѣ, что мы желаемъ какихъ либо репрессивныхъ мѣръ противъ изданій подобнаго рода. Сохрани насъ Богъ отъ этого! Не трудно понять, что указанное явленіе составляетъ неизбѣжный фазисъ въ развитіи общественнаго сознанія въ каждой странѣ: послѣ столь долго и притомъ насильственно сдерживаемаго напора враждебной религіи мысли, теперь, при существующей у насъ свободѣ печатнаго слова, ей совершенно естественно было излиться такимъ обильнымъ и шумнымъ потокомъ. И нашему обществу, доселѣ еще столь молодому въ отношеніи умственнаго развитія, также естественно отнестись къ этой отрицательной литературѣ съ такою наивностію, съ такимъ дѣтскимъ подобострастіемъ всякое недозрѣлое произведеніе иноземной мысли принимать какъ бы нѣкое откровеніе — лишь бы стояло на немъ модное заглавіе, модное имя. Мы заявляемъ только фактъ, для того, чтобы на основаніи его опредѣлить одну изъ современныхъ задачъ нашей богословской науки. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, наша духовная наука такъ бессильна, что намъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только склониться предъ этими возгласами нашей отрицательной литературы и молча сознаться въ своемъ безсиліи, согласиться, что религія можетъ удовлетворять только неразвившееся сознаніе народовъ младенчествующихъ, что она лишь переходный, правда очень важный моментъ въ развитіи человѣчества ¹⁾ и т. п.?

¹⁾ См. объ этомъ въ предисловіи г. Самарина, ко 2-му тому сочиненій Хомякова, стр. III.

Мы отнюдь этого не думаемъ. Общественное сознаніе, постановляя новые вопросы въ наукѣ и жизни, время отъ времени вызываетъ и вопросы старые, настоятельно требуя ихъ разрѣшенія. Мудрая логика жизни, послѣдовательно подвигая насъ впередъ по пути естественнаго развитія, заставляетъ насъ по временамъ оглядываться на пройденное уже поприще и осматривать его съ новыхъ, достигнутыхъ нами наблюдательныхъ пунктовъ, чтобы составить себѣ возможно полное, всестороннее пониманіе настоящаго, необходимое для дальнѣйшаго нашего преуспѣянія. Исключительное пристрастіе къ новому, съ забвеніемъ стараго, можетъ сообщить ложный свѣтъ нашимъ понятіямъ, поставить насъ въ фальшивое положеніе относительно добытыхъ уже нами истинъ и относительно самыхъ драгоценныхъ для насъ историческихъ наслѣдій. Изъ сознанія этой необходимости умственного обращенія къ исторіи вытекаетъ тотъ спасительный консерватизмъ, который, среди шума новыхъ идей, отрезвляетъ насъ надъ старыми, пережитыми вопросами.

Къ числу такихъ вопросовъ, намъ кажется, принадлежитъ въ настоящее время вопросъ о православіи. «Ищите и обряцете», сказалъ Христосъ Спаситель. Изучите, какъ слѣдуетъ, православіе, и вамъ никогда не придется на мысль искать новой религіи, иного міровоззрѣнія.

Установить подобный взглядъ на православіе, обратить на него вниманіе мыслящей части нашего общества именно съ этой точки зрѣнія и есть, по нашему мнѣнію, вторая задача современной нашей богословской науки. Что же нужно для этого? Нужно дать нашимъ образованнымъ людямъ средства изучить православіе. Освободите наше богословіе отъ школьныхъ формъ, пригодныхъ только для школы, приблизьте его въ вашемъ изложеніи къ пониманію людей свѣтской науки, свѣтскаго образованія, заговорите съ ними ихъ языкомъ, ихъ понятіями; выясняйте для нихъ не столько частности богословскія, сколько самую сущность дѣла, принципы православія. Покажите нашему мыслящему обществу вѣру съ той стороны, съ которой она легче можетъ быть имъ понята и усвоена, сопоставьте церковное ученіе съ міровоззрѣніемъ научнымъ и покажите взаимное отношеніе между ними, покажите, какъ смотритъ православіе, какъ оно дѣйствительно смотритъ, на тѣ вопросы науки и жизни, какіе занимаютъ мыслителей въ данный моментъ и какіе для нихъ рѣшаются одною наукой, докажите, что истинная религія не врагъ настоящей науки, что для каждой изъ нихъ—и для религіи и для науки—своя особая сфера въ области духовной жизни человѣка.

Однимъ словомъ, здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, въ вопросѣ объ отношеніи къ инославнымъ исповѣданіямъ, для нашей богословской науки прежде всего нуженъ новый методъ: это методъ современной свѣтской науки — историко-философскій. Нашему богословію нужны свои Ульрици, Лютарды и Навили. Въ построеніи богословія намъ нужно теперь послѣдовать примѣру протестантовъ, какъ доселѣ мы слѣдовали въ этомъ дѣлѣ примѣру католиковъ. Да и содержаніе протестантской богословской литературы не должно быть чуждымъ намъ въ настоящее время: многое можетъ оно дать нашему богословію въ тѣхъ именно случаяхъ, когда дѣло коснется общехристіанскаго ученія, особенно апологетики христіанства. Скажемъ болѣе: въ этотъ послѣднемъ случаѣ намъ рѣшительно ничего не остается пока болѣе дѣлать, какъ переводить на русскій языкъ сочиненія отчасти католическихъ, преимущественно же протестантскихъ богослововъ. Между тѣмъ какъ такъ обширна у насъ пропаганда принциповъ, враждебныхъ вѣрѣ, что можетъ противопоставить ей наша духовная наука, обязанная оберегать вѣру и защищать ее? Если какая отрасль ея находится у насъ въ младенествѣ, то это именно апологетика христіанства. Да и вообще нельзя сказать, чтобы наша богословская литература была обширна. Если не брать во вниманіе въ настоящемъ случаѣ системъ православнаго богословія, имѣющихъ въ виду, главнымъ образомъ, положительное изложеніе вѣрученія нашей церкви, каковы; столь извѣстный всѣмъ классическій трудъ преосв. Маварія, составившій эру въ исторіи нашего богословія, надолго имѣющій оставаться настольною книгою для нашихъ богослововъ; догматическое богословіе покойнаго преосвященнаго Филарета Черниговскаго, умозрительное богословіе Ѳ. А. Голубинскаго; догмат. богословіе преосв. Антонія Казанскаго: то много-ли можно у насъ считать оригинальныхъ сочиненій, имѣющихъ въ виду спеціально современныя богословскія потребности нашего общества? Нѣсколько статей профессора Кудрявцева — о геологіи и антропологіи (въ Прибавленіяхъ къ твор. св. отцовъ и въ Правосл. обзорѣніи), статьи Н. И. Глоріантова — «Ученіе слова Божія о происхожденіи міра, въ связи съ ученіемъ современной геологіи (въ Христ. Читеніи; трудъ, къ сожалѣнію, не оконченный авторомъ)», статьи подобнаго же содержанія Е. И. Ловагина (въ «Странникѣ» и въ «Христ. Читен.»), которыя почтенному автору давно пора бы собрать въ одну книгу; затѣмъ нѣсколько студенческихъ, такъ называемыхъ курсовыхъ сочиненій по современнымъ богословско-апологетическимъ вопросамъ: монографія г. Чельцова о Боклѣ, «о Спиритизмѣ», г. Лебедева (въ

Христ. Чтен.»), о матеріалізмъ Бюхнера, г. Рождественскаго (тамъ же); если прибавить къ этому сочиненія о. архим. Михаила и о. Владиміра Гетэ о Ренанъ — вотъ и вся наша оригинальная апологетическая литература. Затѣмъ можно назвать нѣсколько переводныхъ сочиненій по апологетикѣ, уже имѣющихся въ нашей литературѣ, каковы: «Богъ и Природа» Ульрици (переводъ казакской академіи), Письма о матеріалізмѣ, Фабри (переводъ протоіерея Рудакова), Современный матеріалізмъ въ Германіи (Жане), статьи изъ апологетики Лютарда (въ «Прав. Обзорѣніи»), сочиненія Навиля (Вѣчная жизнь и проч., въ «Православ. Обзорѣніи»), Гизе «размышленія о сущности Христіанской Вѣры» (тамъ же), книга Катрфауша: «Единство рода человѣческаго» «Новѣйшія апологетическія сочиненія о жизни Іисуса Христа» Ульгорна (въ Христіанскомъ Чтеніи) и др. Нельзя не отнести съ чувствомъ глубокой благодарности къ о. протоіерею Заркевичу, предпринявшему изданіе «Современныхъ христіанскихъ писателей» въ русскомъ переводѣ, въ составъ котораго должны войти всѣ лучшія сочиненія иностранныхъ богослововъ—обще-христіанскаго содержанія; почтенный издатель уже сдѣлалъ нѣсколько выпусковъ своего изданія, изъ которыхъ обращаемъ особенное вниманіе на сочиненіе Прессансе: «Іисусъ Христосъ и Его время». Жаль, что это полезное изданіе доселѣ, кажется, еще не довольно извѣстно въ нашемъ обществѣ. Изъ сочиненій, имѣвшихъ въ виду уяснить отношенія православія къ современной жизни, укажемъ на замѣчательную статью покойнаго Шалфеева (въ Христіанскомъ Чтеніи) «Христіанство и прогрессъ», на статью извѣстнаго историка Соловьева, «Религія и прогрессъ», написанную въ опроверженіе возрѣній извѣстнаго французскаго мыслителя Лорана (въ августовской книжкѣ за 1868 г. журнала м-ва нар. просвѣщенія). Книга о. архим. Теодора: «О православіи въ отношеніи къ современности», обратила на себя въ свое время вниманіе общества и свѣтской литературы¹⁾, но доселѣ еще не оцѣнена должнымъ образомъ нашей духовной критикой, какъ и другія сочиненія того же автора,—благодаря тяжелому, непомерно-своеобразному складу рѣчи.

III. При томъ господствѣ въ нашей свѣтской литературѣ и въ нашемъ обществѣ отрицательнаго направленія, при томъ, отчасти безсознательномъ, отчасти же преднамѣренномъ игнорированіи религіознаго міросозерцанія, на какія указали мы выше, утѣшительно встрѣтить цѣлую литературную школу, не многочисленную по числу

¹⁾ См. «Эпоху», статья А. Григорьева и Страхова.

послѣдователей, но за то сильную талантами и неподдѣльною искренностію убѣжденія, которая не только не чуждается религіознаго ученія, напротивъ—на немъ построяетъ всю систему своего міросозерцанія, столь симпатичнаго для каждаго русскаго, и, что, конечно, гораздо важнѣе, столь основательнаго и глубокаго,—которая въ православіи русскаго народа видитъ залогъ его великой исторической будущности, его будущаго значенія въ судьбѣ человѣчества, Читатель догадывается, что мы говоримъ о такъ называемомъ славянофильствѣ. Не даромъ поборники отрицанія и западничества съ такимъ ожесточеннымъ фанатизмомъ нападаютъ на него. Но замѣнительно, что доселѣ враждебныя славянофиламъ литературныя партіи не представили основательнаго, научнаго опроверженія теоріи славянофиловъ: доселѣ онѣ лишь осыпаютъ ихъ насмѣшками... Нѣтъ сомнѣнія, что, со временемъ, по мѣрѣ постепеннаго развитія нашего народнаго самосознанія, теорія славянофиловъ будетъ оцѣнена всѣми по достоинству. Уже и теперь высказанныя въ первый разъ славянофилами понятія о народности въ наукѣ, искусствѣ; въ жизни, о русской общинѣ, о значеніи нашей народной поэзіи, о свойствахъ русскаго народнаго характера—получаютъ все болѣе и болѣе значенія и въ литературѣ и въ обществѣ; уже оцѣнены по достоинству труды П. В. Кирѣевскаго, Рыбникова, Безсонова и др. по части собиранія и изслѣдованія памятниковъ русскаго народнаго творчества, русской народной словесности; уже славянофильство имѣетъ своихъ даровитыхъ представителей не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ ¹⁾, со временъ Бѣлинскаго отличающемся повальнымъ западничествомъ.

Здѣсь не мѣсто распространяться о славянофильствѣ вообще,—это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы хотимъ остановить вниманіе читателей на одномъ изъ корифеевъ этой школы, А. С. Хомяковѣ, богословскія сочиненія котораго, изданныя въ прошломъ году въ Прагѣ г. Самаринымъ, теперь находятся предъ нами. Въ виду высказанныхъ выше фактовъ и соображеній нельзя не порадоваться изданію этихъ сочиненій въ русскомъ переводѣ (болѣе замѣчательныя изъ богословскихъ сочиненій Хомякова—его брошюры о западныхъ исповѣданіяхъ написаны на французскомъ языкѣ). Далекое не соглашавшаяся съ мнѣніемъ о Хомяковѣ издателя его богословскихъ сочиненій, г. Самарина, который, не обинуясь, возводитъ нашего автора въ высокое званіе «Учителя церкви», мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что эти сочиненія составляютъ капитальное пріобрѣтеніе для нашей

¹⁾ Имѣемъ въ виду печатныя сочиненія В. И. Ламанскаго, О. Э. Миллера, Бестужева—Рюмина, Гильеердинга.

богословской литературы. Хомяковъ не былъ богословъ по профессіи; онъ, такъ сказать, богословъ-дилетантъ. Ревностный сынъ церкви, онъ болитъ душею о томъ невѣжествѣ, какое господствуетъ, относительно православія, на западѣ, и считаетъ своимъ долгомъ защищать его отъ клеветъ на него, распространяемыхъ на западѣ его врагами или людьми, его непонимающими. Съ глубокимъ чувствомъ достоинства и правоты своей церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ съ чувствомъ возвышенной христіанской любви къ западнымъ нашимъ братьямъ, онъ выясняетъ имъ характеръ православія сравнительно съ католичествомъ и протестанствомъ. Отбросивши обычные приемы полемики, авторъ переноситъ вопросъ на одинаково-безобидную для обѣихъ сторонъ почву исторіи, ставитъ вѣроисповѣдныя разности Востока и Запада въ соотношеніе съ складомъ духовныхъ силъ тѣхъ и другихъ народовъ, съ историческими и бытовыми условіями, какими обставлена была тамъ и здѣсь церковная жизнь и развитіе религіознаго сознанія, и на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ изъ частныхъ пунктовъ вѣроученія церкви православной и исповѣданій западныхъ опредѣляетъ принципы православія, католичества и протестанства. Такимъ образомъ въ его сочиненіяхъ мы находимъ впервые тотъ методъ богословствованія, который намъ представляется такъ пригоднымъ въ настоящее время, въ виду современныхъ нашихъ церковныхъ потребностей. Даровитое своеобразіе въ развитіи мысли и въ складѣ рѣчи дѣлаетъ чтеніе статей Хомякова въ высшей степени занимательнымъ и интереснымъ даже для человѣка, непривыкшаго къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Ложь папства, ошибки и противорѣчія протестанства выступаютъ предъ нами съ поразительною рельефностію въ изложеніи автора. Его характеристика папства и протестанства удивительно мѣтка и вѣрна... Нельзя не пожалѣть, поэтому, что сочиненія эти изданы за границей, что для нашего читающаго общества они составляютъ запрещенный плодъ. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ плохую услугу оказалъ Хомякову его издатель своимъ непомѣрно-восторженнымъ предисловіемъ, въ которомъ дѣлаетъ изъ Хомякова, этого преданнаго сына церкви и смиреннаго христіанина, какого-то реформатора-мистика. Своими разглагольствіями о свободѣ религіознаго сознанія, по которой будто бы поборалъ Хомяковъ, своими рѣзкими выходками противъ «церковной казенщины», г. Самаринъ набрасываетъ неблагоприятную тѣнь на отношенія Хомякова къ церкви, предъ всѣми уставами и учрежденіями которой онъ всегда благоговѣлъ.—Что касается до самыхъ сочиненій Хомякова, то въ нихъ мы рѣшительно не находимъ ничего такого, что могло бы

препятствовать имъ явиться въ Россіи. Его изложеніе своеобразно, отстѣпаетъ отъ общепринятыхъ пріемовъ богословскаго изложенія; у него новая постановка вопросовъ, новый методъ; но едва-ли можно отыскать у него что-либо противное ученію церкви. Многія оригинальныя понятія его высказываются отрывочно, бездоказательно, мимоходомъ; многое онъ высказываетъ, такъ сказать, по чутью, не подтверждая своихъ мыслей выписками изъ св. писанія и изъ св. отцевъ церкви, какъ это у насъ принято; но вѣдь онъ не пишетъ богословской системы, онъ пишетъ статьи, въ которыхъ пріурочиваетъ свое изложеніе къ специальной своей задачѣ оправдать православіе отъ клеветъ, распространенныхъ о немъ на западѣ. Не нужно при этомъ забывать и того, что церковное ученіе и богословская наука—не одно и то же, что послѣдняя не можетъ ограничиваться однимъ повтореніемъ, лишь въ систематической формѣ, перваго. «Вѣра сама по себѣ всегда едина, неизмѣнна и непреложна», справедливо говоритъ г. Самаринъ, но въ каждомъ обществѣ и при каждой исторической обстановкѣ она вызываетъ своеобразныя явленія, по существу своему измѣняющіяся во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго развитія, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ практическихъ примѣненіяхъ. Догматъ не измѣняется, но логическое формулированіе догмата и опредѣленіе отношенія его къ другимъ ученіямъ—задача богословской науки—развивается съ наукою рука объ руку... Да и упомянутого своеобразія въ сочиненіяхъ Хомякова не больше, чѣмъ сколько его, напримѣръ, въ сочиненіяхъ архим. Феодора («О новомъ завѣтѣ Господа нашего І. Христа», «О православіи въ отношеніи къ современности») которымъ, однако, ничто не помѣшало быть напечатанными въ Петербургѣ. Ужъ не находятъ ли въ этомъ случаѣ протестантствомъ то, что за дѣло богословствованія берется человѣкъ свѣтскій? Не думаютъ ли, что это дѣло должно составлять монополию духовной школы? Но даже въ папствѣ есть свои де Мэстры и Монталамберы. Да и у насъ Хомяковъ не первый изъ свѣтскихъ людей берется за богословіе. Не будетъ забыто въ исторіи нашей духовной литературы имя А. С. Стурдзы, среди религіозныхъ смуть первой четверти нынѣшняго столѣтія ¹⁾ выработавшаго для себя твердыя строгоправославныя убѣжденія, и въ служебной своей сферѣ и въ литературѣ довольно потрудившагося для церкви. Его

¹⁾ Эту въ высшей степени замѣчательную эпоху онъ мастерски изобразилъ въ своихъ «Запискахъ современника о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе имп. Александра І», напечатанныхъ нами въ «Русской Стани» за 1876 годъ.

«Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe» были сочиненіемъ, совершенно однороднымъ съ брошюрами Хомякова и по цѣли и по содержанию. Его «Письма о должностяхъ свящ. сана», о которыхъ покойный преосв. Филаретъ, съ обычною своею рѣзкостью, отзывается такъ неблагосклонно ¹⁾, тѣмъ не менѣе составляютъ одно изъ лучшихъ пособій при преподаваніи вновь введенной въ семинарскій курсъ науки «практическаго руководства для пастырей церкви». Прекрасная статья А. Н. Муравьева «Слово католическаго православія римскому католичеству» и подобная же о лютеранствѣ нашли себѣ мѣсто въ лучшемъ, нѣкогда, духовномъ журналѣ—въ «прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ». А его «Первые четыре вѣка христіанства», «Расколъ, обличаемый своею исторіею», «Римскія письма» вмѣстѣ съ «Путешествіями ко св. мѣстамъ» приобрѣли въ свое время почетную извѣстность автору и, по нашему мнѣнію, были не малою услугою для церкви, способствуя весьма многѣ оживленію религиозныхъ интересовъ въ нашемъ обществѣ ²⁾ и давая доселѣ прекрасную пищу благочестивой любознательности религиозно-настроивныхъ свѣтскихъ людей. Повторяемъ: еслибы не предисловіе г. Самарина, вѣроятно, ничто не помѣшало бы сочиненіямъ Хомякова быть изданными въ Петербургѣ или Москвѣ.

Намѣреваясь нѣсколько ближе познакомиться читателей съ богословскими воззрѣніями Хомякова, съ принципами православія, какъ понимаетъ ихъ нашъ авторъ, мы должны оговориться, что въ настоящемъ случаѣ вовсе не имѣемъ въ виду дѣлать подробный разборъ всѣхъ частныхъ мнѣній его, что возможно только послѣ обстоятельнаго изученія его сочиненій. Подъ живымъ впечатлѣніемъ талантливыхъ статей нашего автора, мы хотимъ лишь отмѣтить существенныя черты его теорій, ея главные пункты, насколько удалось намъ ихъ усвоить послѣ перваго, довольно, впрочемъ, внимательнаго знакомства съ книгою, изданною г. Самаринимъ. Въ сочиненіяхъ Хомякова его мысли о православіи излагаются въ неразрывной

¹⁾ Въ своемъ обзорѣ русской дух. литературы.

²⁾ Кстати здѣсь замѣтить, что «Путешествія по св. мѣстамъ» составляютъ уже библиографическую рѣдкость, что не было бы дѣломъ лишнимъ издать ихъ еще разъ. Вообще въ книгахъ назидательнаго содержанія, *приспособленнымъ въ изложеніи и въ изданіи къ потребностямъ образованныхъ свѣтскихъ читателей* у насъ чувствуется большой недостатокъ. Только и можно указать въ этомъ родѣ на книгу покойнаго преосв. Кирилла Мелитопольскаго: «Минуты уединенныхъ размышленій Христіанина», да еще, развѣ, изданную редакціей «Странника», «Вѣра, Надежда, Любовь». Поневожѣ приходится нашимъ велико-свѣтскимъ дамамъ братья за всегда изящныя изданія французскихъ аббатовъ: какія-либо *melanges* или *etudes religieuses*.

связи съ его сужденіями о католичествѣ и протестантствѣ. Въ своемъ изложеніи, опредѣливши исходный пунктъ возвращеній Хомякова на различіе между католичествомъ, протестантствомъ и православіемъ, мы изложимъ отдѣльно сначала его взглядъ на католичество, потомъ—на протестантство и наконецъ—его мысли о православіи, при чемъ, по мѣстамъ, сужденія Хомякова будемъ дополнять сужденіями писателей одного съ нимъ направленія, преимущественно И. В. Кирѣвскаго, статьи котораго: «О характеръ просвѣщенія Европы» и «О новыхъ началахъ философіи» служатъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ положеній Хомякова, не довольно подробно раскрытыхъ въ его сочиненіяхъ.

IV. Промышляя о человѣкѣ, благоустроая его временную и вѣчную судьбу, Богъ благоволилъ и самаго человѣка призвать къ сильному участию въ этомъ дѣлѣ: одаривши его разумомъ и свободою, Господь не хотѣлъ, чтобы эти силы его оставались безъ употребленія, особенно въ такомъ важномъ и близкомъ для человѣка дѣлѣ, какъ его собственное спасеніе. Вотъ причина, почему какъ древле, такъ и въ послѣднокъ дней. Свои отношенія къ человѣку Господь благоустроилъ въ видѣ завѣта—договора, въ которомъ каждая изъ договаривающихся сторонъ является съ своею свободою самодѣятельностію, съ свойственнымъ ей характеромъ: одна—съ характеромъ вѣчнаго, безусловно-истиннаго, совершеннаго; другая—съ характеромъ временнаго, условнаго, несовершеннаго. Господь даетъ человѣку Свое спасительное ученіе и Свое благодатное содѣйствіе; человѣкъ усваиваетъ это ученіе полнотою своего убѣжденія, разумною вѣрою и, при помощи Божественной благодати, осуществляетъ въ своей жизни. Такимъ образомъ, религія, какъ союзъ между Богомъ и человѣкомъ, слагается изъ двухъ сторонъ: божественной и человѣческой; въ составѣ религіозныхъ понятій отдѣльнаго человѣка и цѣлаго помѣстнаго общества вѣрующихъ можно различать понятія двухъ родовъ, съ двоякимъ характеромъ. Одни—божественнаго происхожденія, безусловно-истиннаго и общеобязательнаго характера: это—догматы, правила нравственности и каноны, изложенные или въ св. Писаніи, или въ символическихъ опредѣленіяхъ церкви вселенской, руководимой Духомъ Святымъ; это—религія въ смыслѣ подлежательнаго, сумма истинъ, аподиктически поставленныхъ и преподаваемыхъ церковію, сознательное непризнаніе которыхъ дѣлаетъ человѣка еретикомъ. Другія понятія—происхожденія человѣческаго, съ значеніемъ временнымъ и условнымъ, и не всегда несомнѣнно-истинныя: это совокупность свойственныхъ отдѣльнымъ

членамъ церкви личныхъ понятій о предметахъ вѣры, понятій, не вошедшихъ въ составъ символическихъ опредѣленій церкви, составляющихъ плодъ духовной самостоятельности чловѣка, того свободного отношенія чловѣческой личности къ откровенію, какія допускаются и узаконяются самымъ понятіемъ о религіи, какъ свободномъ и сознательномъ союзѣ чловѣка съ Богомъ ¹⁾). Таковы частныя мнѣнія богослововъ и людей богословствующихъ—область богословской науки, сумма истинъ, предположительно выводимыхъ изъ церковнаго символическаго ученія и изъ слова Божія, а потому не имѣющихъ обязательнаго характера, а только предлагаемыхъ благочестивой любознательности и пытливости вѣрующаго разума. Это то, что въ богословской терминологіи принято называть религіей въ смыслѣ подлежательномъ. Здѣсь мѣрило религіознаго развитія чловѣка и извѣстнаго церковнаго общества; показатель степени усвоенія людьми Божественнаго ученія, открытаго въ словѣ Божиемъ.

Здѣсь—въ пониманіи и усвоеніи людьми истинъ Вѣры—прогрессъ религіи. «По своей объективной сторонѣ, по своему внѣшнему происхожденію христіанство не зависитъ отъ временныхъ и случайныхъ условій; какъ совершенное, само въ себѣ оно всегда должно остаться неизмѣннымъ и достаточнымъ для чловѣка. Но, по своей видимой, субъективной сторонѣ, христіанскія начала сами еще должны были развиваться въ жизни чловѣчества; будучи восприняты людьми, они должны были отразиться въ ихъ сознаніи сообразно съ складомъ самого сознанія». Отъ того первыхъ проповѣдниковъ евангелія—св. апостоловъ нужно было особеннымъ, нарочитымъ образомъ приготовить къ христіанству; отъ того христіанство преобра-

¹⁾ «Мы были бы недостойны разумнія истины, если бы приобрѣтали ее не свободно, не подвигомъ и напряженіемъ всѣхъ нравственныхъ силъ». Богосл. соч. Хом. стр. 206. «Богъ есть свобода для всѣхъ чистыхъ существъ; Онъ есть законъ для чловѣка невозрожденнаго; Онъ есть необходимость только для демоновъ». Тамъ же, стр. 189. «Всякая вѣра есть актъ свободы и непремѣнно исходитъ изъ предварительнаго свободнаго изслѣдованія, которому чловѣкъ подвергъ явленія внѣшняго міра или явленія своей души... стр. 40. «Я долженъ оговориться, что хотя, придерживаясь общепринятыхъ опредѣленій, я призналъ право изслѣдованія данныхъ, на которыхъ зиждется вѣра, однако отнюдь не думаю оправдывать того значенія, какое придается слову изслѣдованіе въ западныхъ исповѣданіяхъ. Вѣра всегда есть слѣдствіе откровенія опознаннаго, то есть признаннаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактѣ видимомъ; вѣра не то, что вѣрованіе или убѣжденіе логическое, основанное на выводахъ, а гораздо болѣе. Она не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и пѣннаго до послѣдней его глубины живую истинною откровеннаго факта»... стр. 56—57.

зовывало жизнь человѣчества не вдругъ, а постепенно. Съ теченіемъ времени человѣчество, вспомоствуемое всепросвѣщающею Божественною благодатію, все болѣе и болѣе усволяетъ истину христіанства и проникается его духомъ. Въ частности воспринятіе Божественнаго ученія сознаниемъ человѣка можетъ быть и бываетъ неодинаково; оно можетъ видоизмѣняться по различію личныхъ и народныхъ особенностей частнаго человѣка или цѣлаго народа. Каждый частный человѣкъ, также, какъ и каждый народъ, приноситъ на служеніе Божественной идеѣ христіанства свои личныя, индивидуальныя особенности. «Каждый народъ, вслѣдствіе мѣстныхъ, племенныхъ или историческихъ случайностей, развившій въ себѣ преимущественно одну какую нибудь сторону умственной дѣятельности, естественно долженъ былъ, и въ духовной жизни своей и въ писаніяхъ своихъ богослововъ, удерживать тотъ же характеръ, свою, такъ сказать, природную физиогномію, только просвѣтленную высшимъ сознаниемъ. Богословы Сиріи обращали преимущественное вниманіе на внутреннюю созерцательную сторону христіанства. Византія имѣла въ виду отношеніе христіанства къ частнымъ наукамъ, вокругъ него процвѣтавшимъ, и сперва враждовавшимъ съ нимъ, а потомъ покорившимся ему. Богословы Александріи, находясь въ двойной борьбѣ съ язычествомъ и іудействомъ, окруженные философскими, теософскими и гностическими школами, обращали вниманіе на умозрительную сторону христіанства» ¹⁾. Различныя пути вели къ одной цѣли, пока идущіе по нимъ не уклонились отъ этой цѣли. Единомысліе было обязательно для всѣхъ членовъ церкви только въ томъ, что узаконено непогрѣшимымъ голосомъ всеенской церкви, что имѣетъ несомнѣнно Божественное происхожденіе. «Вся исторія церкви есть какъ бы раскрытіе этого закона. Каждый отдаетъ свой умственный трудъ всѣмъ; каждый пріемлетъ отъ всѣхъ добытое общимъ трудомъ. Поэтому, когда заблужденіе выдаетъ себя за церковную истину, опроверженіе иной разъ можетъ идти отъ одного лица, но рѣшеніе всегда принадлежитъ всѣмъ» ²⁾.

Очевидно, что въ такомъ порядкѣ вещей, вмѣстѣ съ возможностью духовнаго преспѣянія для людей, заключалась возможность и уклоненія отъ здраваго пути. Только такое пониманіе Вѣры истинно и спасительно, въ которомъ соблюдено правильное отношеніе между Божественнымъ и человѣческимъ элементами религіи христіанской;

¹⁾ И. В. Кирѣевскій, въ статьѣ: о характерѣ просвѣщенія Европы. Сочин. Хомякова, т. I. стр. 205—206.

²⁾ Богосл. сочин. Хомякова, стр. 207.

только та церковь свята и неодолима вратами ада, которая имѣть въ себѣ истинныя обезпеченія, ручательства для соблюденія во всѣ времена, при всѣхъ условіяхъ своего существованія—этого нормальнаго отношенія. Но тамъ, гдѣ личная дѣятельность человѣка перейдетъ законныя, назначенныя ей предѣлы, гдѣ разумъ человѣческій преднамѣренно или безсознательно взимается на разумъ Божій—являются ересь и расколъ. Всѣ древнія и новыя ереси произошли отъ того, что нарушено было гармоническое отношеніе между Божественнымъ и человѣческимъ элементами религіи христіанской: или человѣческому придаваемо было значеніе Божественнаго (мистицизмъ) или Божественному — значеніе человѣческаго (раціонализмъ), — что свое частное, народное, мѣстное пониманіе истинъ христіанскаго ученія хотѣли дѣлать общеобязательнымъ для всѣхъ христіанъ, а законы и учрежденія несомнѣнно—Божественнаго происхожденія низводили въ рядъ явленій случайныхъ, изобрѣтеній человѣческихъ, подлежащихъ, съ теченіемъ времени, отмѣнѣ и исправленію.

Но если свобода религіознаго сознанія, по самому понятію о религіи, какъ свободномъ и сознательномъ союзѣ человѣка съ Богомъ, составляющая дѣло не только дозволенное, но и узаконенное, можетъ и способствовать духовному преслѣданію вѣрующихъ и — въ то же время—повести къ уклоненію отъ праваго пути: то гдѣ—же мѣрило, норма, указатель должной правильности въ отношеніяхъ свободной самодѣятельности человѣка къ Божественному ученію откровенія? И какъ узнать, что въ ученіи отдѣльнаго человѣка и цѣлой помѣстной церкви составляетъ Божественную, навсегда неизмѣнную сторону христіанства, что—плодъ ихъ частнаго разумѣнія, личной самодѣятельности? Это мѣрило указано Самимъ Божественнымъ Основателемъ и Главою церкви, Господомъ Іисусомъ Христомъ («повѣждь церкви, аще же церковь преслѣдуетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь») и выяснено практикою первыхъ, классическихъ, вѣковъ христіанства: это—живой голосъ преданія церкви вселенской ¹⁾ и соборный способъ рѣшенія церковныхъ дѣлъ и постановки догматическихъ вопросовъ. Съ ними всегда и долженъ сообразовать христіанинъ свое личное разумѣніе истины религіозной. Неизмѣннымъ храненіемъ этихъ обезпеченій истины религіозной собственно и опредѣляется православіе; католичество и протестантство потому и укло-

¹⁾ Ниже, опредѣляя подробнѣе православіе по Хомякову, мы будемъ имѣть случай сказать, какъ онъ понимаетъ церковь и какія находитъ въ ней способы постановки и рѣшенія догматическихъ вопросовъ.

нились отъ праваго пути, что утратили эти обезпеченія, а вслѣдствіе этого и правильное пониманіе должнаго отношенія человѣческаго разумія и умственной дѣятельности человѣка личной къ Божественнымъ, однажды на всегда даннымъ истинамъ религіи.

Вотъ та точка зрѣнія, которую новый методъ богословія, замѣчаемый въ указанныхъ выше сочиненіяхъ, полагаетъ, какъ намъ кажется, въ основу своего взгляда на происхожденіе вѣроисповѣдныхъ разностей католичества, протестантства и православія, и того характера, съ которымъ каждое изъ этихъ исповѣданій является въ исторіи.

V. Обращаясь прежде всего къ католичеству, новый методъ, съ указанной точки зрѣнія, ищетъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ для системы папства — въ характерѣ почвы, на которую пало сѣмя христіанства на западѣ, именно—*въ особенностяхъ умственнаго склада латинскихъ народовъ, въ историческихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ условіяхъ тамошняго гражданскаго и политическаго быта*. Первые послужили началомъ папской системѣ вѣроученія, папской догматикѣ, съ ея своеобразнымъ, не православнымъ направленіемъ, вторыя—сообщили устройству церкви римской тотъ видъ, какой она имѣетъ до настоящаго времени.

Идея папства не вдругъ была сознана въ Римѣ. Римская церковь въ первые вѣка христіанства была одною изъ первыхъ между помѣстными церквами, не только по гражданскому значенію Рима, но и по избытку святыхъ и досточтимыхъ іерарховъ и многострадальныхъ мучениковъ. Еще св. Левъ папа высказываетъ самыя чистыя понятія о характерѣ церковнаго управленія. Даже «папа Николай I-й писалъ къ патріарху Фотію, что въ вопросахъ Вѣры послѣдній изъ христіанъ имѣетъ такой же голосъ, какъ и первый изъ епископовъ»¹⁾. И вообще пока Римъ находился въ союзѣ и единеніи съ православнымъ Востокомъ, его своеобразіе ограничивалось совершенно позволительными особенностями въ характерѣ раскрытія общей христіанской идеи. Онъ несъ свою долю въ общую сокровищницу Вѣры, наравнѣ съ другими церквами трудился надъ раскрытіемъ и выясненіемъ христіанскаго ученія: богословская дѣятельность папства вращалась въ это время около вопросовъ, уясненіе которыхъ существенно потребно было для всего христіанскаго міра, возникновеніе которыхъ на Западѣ имѣло отношеніе къ особенностямъ умственнаго склада западныхъ народовъ, но никакого—къ идеѣ папства. Именно, въ то время, какъ мыслители Востока занимались Христо-

¹⁾ Бог. соч. Хомяк. стр. 46—47.

логией, рѣшали вопросы теоретическаго, содерцательнаго богословія, мыслители Запада занимались, если можно такъ выразиться, антропологіей, вопросами практическаго богословія, имѣвшими непосредственно отношеніе къ жизни и дѣятельности христіанина, каковы, напримѣръ, вопросы объ отношеніи между благодатію и личностію человѣка (бл. Августинъ), о крещеніи еретиковъ, о церкви (св. Киприанъ и проч.) ¹⁾. «О папской непогрѣшимости въ первые вѣка никто ничего не зналъ, по признанію самихъ римлянъ: св. Ипполитъ могъ обвинять папу Калигста въ ереси, а одинъ изъ соборовъ вселенскихъ могъ осудить память папы Гонорія за погрѣшеніе въ догматъ» ²⁾.

Но не смотря на отсутствіе внѣшнихъ обнаруженій папства въ первые вѣка христіанства, и въ это время оно существовало въ римской церкви въ зародышѣ, жило въ немъ, такъ сказать, *implicite*, и только ждало для своего обнаруженія благоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ всякое челоѣческое ученіе, оно должно было неизбежно возникнуть изъ особенностей умственнаго склада латинскихъ народовъ, изъ условій ихъ гражданскаго и соціальнаго быта, изъ постоянно благопріятствовавшихъ ему историческихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Пока Римъ оставался въ единеніи съ Востокомъ, пока онъ признавалъ надъ собою авторитетъ церкви вселенской, оставался послушенъ живому голосу ея преданія—дотолѣ онъ былъ вѣренъ ученію истины; но стоило ему порвать эту связь, утратить это единственное и всегдашнее обезпеченіе чистоты и непогрѣшимости церковнаго ученія, какъ сокрытыя дотолѣ въ немъ начала должны были вознмѣть свое дѣйствіе и—явилося папство. «Папскій расколъ начался посягательствомъ областнаго мнѣнія на соборность единовѣрія,—введеніемъ въ область церкви новаго начала—раціоналистическаго своеволія» ³⁾.

Римъ, при появленіи въ немъ христіанства, представлялъ главное средоточіе языческой цивилизаціи, ея высшее, послѣднее развитіе; а «деспотизмъ лица надъ обществомъ составлялъ существенное проявленіе античнаго духа»: онъ послужилъ основою для цѣлой системы политическихъ учрежденій Рима. Безуловное преобладаніе надъ всѣми вѣрующими одного лица, облеченнаго высшимъ саномъ, было, слѣдовательно, совершенно въ духѣ тогдашнихъ западныхъ понятій. Корень папства, такимъ образомъ, былъ уже въ томъ, что римскій

¹⁾ Сочин. Хомяк. т. I. стр. 203—207.

²⁾ Бог. соч. Хомяк. стр. 164.

³⁾ Богосл. соч. Хомяк., стр. 70.

епископскій престолъ находился тамъ, гдѣ прежде былъ римскій императорскій тронъ. Далѣе: Римъ, какъ извѣстно, съ успѣхомъ разрабатывалъ область практическихъ, юридическихъ ученій и искони чуждался метафизическихъ вопросовъ ¹⁾). Умственная энергія восточныхъ странъ не была знакома римлянамъ; они слабѣе понимали несостоятельность языческаго міросозерцанія, заимствованнаго ими въ готовомъ видѣ изъ древней Греціи и содержимаго, говоря вообще, безъ особенной горячности. Такимъ образомъ, когда христіанство явилось въ Римѣ, оно встрѣтило себѣ здѣсь сравнительно меньшую подготовку, меньшую восприимчивость и большую, чѣмъ гдѣ-либо, неподатливость невѣжества и неразвитости ²⁾). Поэтому при воздѣйствіи на жизнь римскихъ народовъ христіанство мало проникало въ глубь, не передавало своимъ послѣдователямъ своего духа въ должной полнотѣ, остановилось на поверхности. А въ послѣдствіи оно явилось тамъ не только съ отбѣнкомъ мѣстнаго законнаго своеобразія, но и—хотя не вдругъ—стало подъ вліяніе языческаго развитія, было, какъ увидимъ, приурочиваемо къ языческимъ началамъ. При такомъ положеніи дѣла, очевидно, простые вѣрующіе не могли принимать дѣятельнаго участія въ церковной жизни: опека надъ ними, всестороннее руководство со стороны пастырей церкви, мудрыхъ и святыхъ, было, слѣдовательно, для нихъ благотворно и необходимо болѣе, чѣмъ для кого-нибудь другаго. Но духъ времени, понятія страны, не могли не сообщиться и пастырямъ римской церкви; эти пастыри были дѣти своей страны и своего времени. И вотъ, мало по малу, вмѣсто законнаго руководства пасомыхъ, у римскихъ епископовъ является мысль о безусловномъ господствѣ надъ ними, по образцу языческихъ римскихъ императоровъ. Какъ бы то ни было, это явленіе не было личнымъ дѣломъ папъ: «это было бы слишкомъ великою для нихъ честью, или, съ другой точки зрѣнія, слишкомъ большою для нихъ обидою. Это было дѣломъ всего римскаго міра, и дѣло это освятилось въ понятіяхъ той среды чувствомъ мѣстной гордости» ³⁾, для которой было такъ много поводовъ въ политическомъ значеніи Рима и въ историческихъ событіяхъ нѣсколькихъ вѣковъ. Историческія событія на Западѣ постоянно такъ слагались, что соблазняли, такъ сказать, римскихъ епископовъ на папство и сильно способствовали уtratѣ ими христіанскаго пониманія и христіанской любви. Римъ — столица ре-

¹⁾ Раскрытіе этой мысли см. въ сочин. Хомяк. т. I, стр. 203—207.

²⁾ См. подробное раскрытіе этого взгляда въ сочиненіи Прессансе: «Древній міръ и христіанство» въ «Прав. Обзорѣніи».

³⁾ Бог. соч. Хомяк., стр. 46.

сарей, резиденція сената, міродержавный городъ, средоточіе жизни всей римской вселенной. Члены кесарева дома принимаютъ въ немъ вѣру Христову; въ Римѣ скончались мученически оба первоверховные апостолы; Римъ—постоянный оплотъ православія во времена безконечныхъ еретическихъ смуть на Востокѣ; столпы церкви—св. Афанасій и Василій Великіе, Златоустъ, ищутъ въ римскомъ епископѣ для себя защиты и опоры. Съ торжествомъ христіанства надъ язычествомъ возвысились епископы главныхъ городовъ, и между ними—особенно епископъ Рима, первый епископъ вселенной. По распаденіи имперіи на восточную и западную, когда изнѣженные западные императоры живутъ, запершись въ Равеннѣ, безъ всякихъ занятій и вліянія на государство, папы стоятъ во главѣ всего западнаго міра, пекутся не только о духовныхъ, но и житейскихъ благахъ народа и становятся виднѣе императоровъ. А тамъ нахлынули на Западъ новые народы и, принявъ отъ рамскихъ епископовъ новое ученіе, смотрятъ на нихъ, по выраженію Григорія II-го, какъ на боговъ земныхъ. Таковъ былъ постепенный ходъ историческихъ обстоятельствъ, обусловившихъ развитіе папства, воспитавшихъ въ римскихъ епископахъ чувство духовной гордости, побудившей ихъ отрѣшиться отъ авторитета церкви вселенской и поставить на его мѣсто свой авторитетъ личный. «Право рѣшенія догматическихъ вопросовъ какъ бы внезапно переставилось. Прежде оно составляло принадлежность цѣлой вселенской церкви; отнынѣ оно присвоилось церкви областной. Это право могло быть за нею укрѣплено на двоякомъ основаніи: въ силу свободы изслѣдованія, откинувшей живое преданіе, или въ силу признанія за извѣстною географически-очерченною мѣстностію исключительной привиллегіи на обладаніе св. Духомъ. На дѣлѣ принято было первое изъ этихъ началъ; но провозгласить и узаконить его какъ право было рано; прежній строй церковной жизни былъ еще слишкомъ памятенъ. Второе начало было слишкомъ неопредѣленно и притомъ столь противно здравому смыслу, что не было возможности на немъ укрѣпиться. Естественна вознигла мысль приурочить монополію Боговдохновенности къ одному престолу, древнѣйшему изъ всѣхъ на западѣ и наиболѣе чтимому вселенною; это было благовиднѣе и въ меньшей степени оскорбляло человѣческой разумъ. Правда, можно было на это возразить, выведя на справку отступничество папы Либерія и осужденіе, произнесенное противъ папы Гонорія вселенскимъ соборомъ (какъ видно, не предполагавшимъ въ немъ непогрѣшимости); но эти факты мало по малу изглаживались изъ памяти людей и можно было надѣяться, что нововводимое начало восторжествуетъ. Оно дѣйстви-

тельно восторжествовало» ¹⁾). После того, какъ римская церковь порвала связь съ востокомъ, идея папства развивается такъ логически—последовательно, зданіе папства растетъ такъ безостановочно—прогрессивно, какъ, казалось бы, можетъ расти и развиваться только зданіе какой-нибудь теоріи въ головѣ мыслителя, но какъ рѣдко развиваются явленія жизни, обыкновенно идущей впередъ далеко не прямымъ путемъ и не безпрепятственно.

Въ то время, какъ на Востоке православно христіанское ученіе получаетъ все большее и большее раскрытіе, особенно въ блестящій періодъ семи вселенскихъ соборовъ, римская церковь «не хочетъ знать Востока, не призываетъ его на совѣтъ и, такимъ образомъ, совершаетъ надъ нимъ нравственное братоубійство, присвоивъ себѣ монополію благодати». Она все болѣе и болѣе удаляется отъ чистоты православія, забываетъ внутреннюю сущность христіанства, его духовный характеръ—для вѣдшихъ своихъ выгодъ. Въ дѣйствіяхъ римскаго епископа все болѣе и болѣе замѣчается стремленіе расширить область папства, духовную и свѣтскую власть его—за первоначальныя предѣлы. Это стремленіе становится главнымъ двигателемъ всей исторической жизни латинства; «обыкновенно оно прикрывается благовиднымъ предлогомъ ревности о распространеніи царства Божія: лучшіе изъ папъ, особенно лучшіе изъ служителей папства, думали, что они служатъ дѣлу Христову; на самомъ же дѣлѣ здѣсь иногда сознательно, иногда ненамѣренно высказывался духъ древняго властолюбиваго римлянина, соединявшаго съ мыслию о Римѣ идею о всемірномъ господствѣ. Сначала это стремленіе находитъ себѣ исходъ въ частныхъ, и, можетъ быть, безсознательныхъ злоупотребленіяхъ и деспотическихъ притязаніяхъ папы, каковъ былъ, напримѣръ, поступокъ папы Виктора въ извѣстномъ спорѣ его съ восточными церквами о времени празднованія Пасхи. Потомъ злоупотребленіе возводится въ принципъ (въ силу котораго папамъ удалось постепенно подчинить себѣ всѣ западныя церкви: въ IV в., иллирійскую, въ V в. галликанскую и африканскую, въ VII в. испанскую) и выражается въ видѣ общеобязательнаго для вѣрующихъ догмата: въ короткое время римскій епископъ дѣлается духовнымъ владыкою всего Запада, мнимымъ главою церкви, имѣющимъ право суда по апелліціямъ надъ всею, будто бы, церковію, затѣмъ—свѣтскимъ государемъ и наконецъ—непогрѣшимымъ ²⁾). Всѣ научныя и ненаучныя приемы,

¹⁾ Богосл. соч. Хомяк., стр. 47—48. 90. 60.

²⁾ Впрочемъ относительно папской непогрѣшимости Хомяковъ замѣчаетъ, что она «не была возведена на степень несомнѣннаго догмата и даже теперь не

всѣ административныя заботы папы посвящены теперь на то, чтобы убѣдить людей въ законности и святости этого принципа ¹⁾. Признаніе новаго ученія со стороны католическихъ паствъ, на случай недостаточности мѣръ нравственныхъ, обеспечивается союзомъ съ гражданскими властителями, положительнымъ закономъ императора Фоки и собственною гражданскою властію папы надъ экзархатомъ Равенскимъ и Сполеттою, въ оправданіе которой измышлена и распространена легенда о дарственной записи императора Константина. Наконецъ и все христіанское ученіе, весь ходъ церковной жизни на западѣ стали приурочиваться къ этому догмату: для фактическаго подтвержденія ученія о безусловной власти папы надъ церковію, для заявленія существованія церкви римской въ качествѣ самостоятельной, притомъ единой истинной, церкви прогрессивной, и въ то же время какъ бы для большаго закрѣпленія безвозвратнаго отдѣленія отъ церкви восточной—новое ученіе о исхожденіи св. Духа и отъ Сына возведено въ догматъ и внесено въ символъ Вѣры слово *filioque*, не смотря на очевидную незаконность дѣла, признаваемую самими папами ²⁾. На помощь папству явилась схоластика, силою соллогизма оправдывавшая всѣ нововведенія его. «Тогдашніе ученые, отчасти подкупленные папскою благосклонностію, отчасти изъ страха—какъ завистлившіе отъ папы, брались за это дѣло тѣмъ охотнѣе, что находили въ немъ удовлетвореніе своей наследственной римской страсти къ логическому сцѣпленію понятій и къ внѣшней механической стройности ученія, — котораго (удовлетворенія) не давала имъ неизмѣнная чистота восточнаго догмата, основаннаго исключительно на преданіи и авторитетѣ общаго голоса вселенской церкви». Какъ-бы для того, чтобы вѣрующій самъ не могъ доискаться истины, запрещено простымъ вѣрующимъ читать слово Божіе; устроено богослуженіе, отличающееся театральными эффектами (которыхъ всегда чуждалось простое, отъ временъ апостольскихъ сохранившееся, богослуженіе церкви восточной), какъ бы съ цѣлію отвлечь вниманіе вѣрующихъ отъ существеннаго и привязать его къ внѣшности. Мало заботясь о внутреннемъ состояніи совѣсти, папство допускало самый отвѣщенный атеизмъ, коль скоро онъ прикрывался

считается догматомъ; это все еще вопросъ, къ которому римская курія подступитъ не смѣетъ. Б. С. X. стр. 90.

¹⁾ Здѣсь находятъ себѣ объясненіе такіа дѣйствія папъ, какъ искаженіе правилъ вселенскихъ соборовъ: 6-го правила 1-го всел. соб., 6-го прав. 2-го всел., 28 прав. 4-го всел., появленіе лжеисидоровскихъ декреталій и пр. См. также Бог. соч. Хомякова стр. 68.

²⁾ См. Папство и свѣц. римская имперія, Вызьянскаго, стр. 25—32.

формами вѣшняго подчиненія папѣ. Для своей цѣли папство положительно искажало христіанское ученіе, приспособляя его къ языческимъ понятіямъ, скрывая истину крестной смерти Христа Спасителя, какъ это дѣлали, на примѣръ, католическіе миссіонеры въ Китаѣ, дѣлая изъ папы въ своей проповѣди какъ бы четвертое лицо св. Троицы ¹⁾, какъ это было еще въ недавнее время въ Японіи. Характеръ папства особенно рельефно выразился въ его отношеніяхъ къ новообращеннымъ племенамъ германскимъ, особенно—къ ихъ королямъ. «Духовенство грубое, непросвѣщенное, не знающее даже религіи, которой оно служило, сопровождало кочующую дружину. Оно терпѣло кровавыя измѣны Хлодовика, убійство Хлотаря, свирѣпый развратъ Хильдерика, всѣ мерзости Меровинговъ, требуя только вѣшной набожности, покровительства для служителей церкви, защищая, хваля, возводя почти на степень святыхъ царственные лица, о которыхъ исторія не можетъ говорить безъ отвращенія» ²⁾. «Между тѣмъ какъ православные миссіонеры въ своей проповѣди обращались главнымъ образомъ къ хижинѣ земледѣльца, католическіе—къ аристократіи и князьямъ, обѣщая не только духовныя награды, но и мірскую власть. Первые шли на проповѣдь, вызываемые велѣніемъ теплой вѣры и духовной любви, и органически созидали христіанскую общину, оставляя избраніе епископа какъ вѣнецъ... Католичество посылало епископа какъ полководца, созывающаго дружину прозелитовъ» ³⁾. Такимъ образомъ, и въ новые мѣхи было влито не чистое, новое вино, а древняя языческая закваска. Папство не имѣло, повидимому, желанія раскрывать новымъ народамъ чистое ученіе Христово; и вотъ въ глазахъ язычника—германца христіанство сплавилось съ представленіями его прежней религіи ⁴⁾. Тѣми или другими способами папство достигло наконецъ того, что наложило свою печать на всѣ безъ исключенія явленія тогдашней жизни. Условное папистическое пониманіе науки и искусства было узаконено на всегда догматически. Церковь поглотила государство. Могущество папы достигло крайнихъ предѣловъ. Роскошь и развратъ папъ увеличились до послѣдней степени ⁵⁾. Начинаютъ слышаться по мѣстамъ энергическіе протесты, провозвѣстники Лютеровой реформы.

Какъ ни мало занималось католичество внутреннимъ содержаніемъ

¹⁾ См. объ этомъ въ письмѣ изъ Хакодате, «Христ. Чт.» 1869, февраль.

²⁾ Записки по всеобщей исторіи Хомякова, «Русск. Бесѣда» 1860 года, ч. 2-я.

³⁾ Кирѣевскій, въ статьѣ: О характерѣ просвѣщенія Европы.

⁴⁾ Гусъ и Лютеръ. Новикова. т. 2 стр. 64—67.

⁵⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 169.

емъ христіанства, все-таки оно успѣло заявить свои отношенія къ нему. Для своей главной цѣли—цѣли вѣшняго господства надъ міромъ, оно избирало средствомъ все-таки Вѣру Христову; оно должно же было передать ученіе этой Вѣры тѣмъ людямъ, которые подчинялись его господству. И оно передало западному міру христіанское ученіе, наложивши на него собственный обликъ. Этотъ обликъ, по Хомякову, есть обликъ раціонализма. Раціонализмъ выразился въ томъ, что, не имѣя должнаго уваженія и любви къ Божественному достоинству Христовой Вѣры, папство святотатственно отодвинуло ее на второй планъ, сдѣлавъ ее не цѣлю, а средствомъ, заставивши цѣлый западный міръ не истину Богооткровенную выражать, а служить папѣ. Раціонализмъ выразился и въ томъ произволѣ, съ какимъ папство отнеслось къ слову Божію, къ твореніямъ св. отцовъ церкви и къ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ, приурочивая церковное ученіе и догматы къ своимъ вѣшнимъ цѣлямъ, произвольно узаконяя догматически новыя, дотолѣ не существовавшія въ церкви, вѣрованія, противныя общему голосу вселенской церкви; раціонализмъ выразился въ папистической казуистикѣ, обезобразившей христіанское правоученіе,—въ схоластическомъ построеніи всего богословія, въ этомъ «логическомъ отрицаніи разума во имя вѣры», въ желаніи логическимъ путемъ достигнуть истины Вѣры. Раціонализмъ—въ древнемъ преобладаніи пелагианства надъ ученіемъ Августина, и потомъ—Дунса-Скотта надъ Томомъ Аквинатомъ; раціонализмъ, наконецъ, въ рѣшительномъ господствѣ, продолжающемся доселѣ, полупелагианства въ римской церкви, выразившагося, напри- мѣръ, въ догматѣ о чистилищѣ, изъ котораго грѣшныя души освобождаются по молитвамъ служителей церкви, которыя нужно при-обрѣтать милостынями.—въ ученіи о значеніи добрыхъ дѣлъ чело-вѣка, какъ самостоятельныхъ условій спасенія, недостатокъ которыхъ восполняется *сверхдолжными* заслугами святыхъ, усвояемыми чело-вѣку за пожертвованія въ пользу церкви; въ индულгенціяхъ, юби-лейяхъ, и т. п. «Раціонализмъ перенесъ въ святилище Вѣры полный механизмъ банкирскаго дома: установилъ между Богомъ и чело-вѣкомъ балансъ обязанностей и заслугъ; началъ прикидывать на вѣсы грѣхи и молитвы, проступки и искупительные подвиги; завелъ переводы съ одного чело-вѣка на другаго; узаконилъ обмѣны мнимыхъ заслугъ. Одновременно съ этимъ церковь—государство вводитъ государственныя языки—латинскій; потомъ—привлекла къ суду дѣла мірскія; затѣмъ взялась за оружіе и стала снаряжать сперва нестройныя полчища крестоносцевъ, въ послѣдствіи—постоянныя арміи, рыцарскіе ордена

и, наконецъ, когда мечъ былъ вырванъ изъ ея рукъ, она выдвинула въ строй вышколенную дружину иезуитовъ» ¹⁾). Съ теченіемъ времени, когда общество западное развилось умственно, папство благоразумно умѣрило свои рационалистическіе порывы, стало усерднѣе рекомендовать своимъ послѣдователямъ, вмѣсто бесплодныхъ и опасныхъ мудрованій, *одни благочестивыя упражненія, чувство рабскаго страха, безусловной покорности папскому авторитету, суевѣрную преданность однимъ обрядамъ*: такимъ образомъ оно стало мистицизмомъ, не отказываясь, впрочемъ, отъ рационалистическаго принципа непогрѣшимости папскаго сужденія.

Такимъ-то образомъ папство нарушило гармоническое отношеніе между Божескимъ и человѣческимъ элементами христіанской религіи: возвысило значеніе элемента человѣческаго и унизило элементъ Божественный, отождествивши полную идею христіанства съ частнымъ ея проявленіемъ, съ церковію частною, помѣстною, — внутреннее единеніе людей въ духѣ Вѣры и любви съ внѣшнимъ единствомъ церковнаго управленія, — нравственное, духовное господство надъ міромъ — съ внѣшнимъ матеріальнымъ господствомъ.

VI. Тѣ же начала, какими руководится Хомяковъ, объясняя характеръ папства и его историческое развитіе, въ книгѣ о. архим. Хрисанеа прилагаются къ объясненію характера протестантства и его историческаго развитія. Какъ Хомяковъ и Бирѣвскій видятъ данныя для развитія папства въ особенностяхъ умственнаго склада латинскихъ народовъ, въ условіяхъ ихъ политическаго и соціальнаго быта, такъ о. Хрисанеъ видитъ въ протестантствѣ продуктъ германскаго національнаго характера, нѣмецкаго ума. «Реформація XVI вѣка есть дѣло нѣмецкой націи по преимуществу, говоритъ онъ; идеи Лютера охватили всѣ страны Европы; но инициатива ихъ вышла изъ духа германскаго племени, ихъ отечество въ тѣхъ же нѣмецкихъ странахъ. Для протестантскаго міра Германія тоже, что Римъ для католицизма». «Характеръ германскій достаточно выяснился въ исторіи и хорошо извѣстенъ. Это—типъ сухой разсудочной дѣятельности и отвлеченнаго формальнаго мышленія. Германія—это страна науки; безъ этого она не мыслима: такой чистой, безропной любви къ умственной дѣятельности не было ни у одного народа. Самое искусство здѣсь носить отвлеченный характеръ. Сообразно съ чисто-отвлеченнымъ строемъ нѣмца, реформація Лютера въ своемъ цѣломъ была не что иное, какъ попытка создать отвлеченную философскую религію, —она была протестомъ за права разума и

¹⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 49.

лично возрѣнія... Все послѣдующее развитіе протестантскихъ идей, такъ извѣстныхъ по своему философскому характеру, необходимо заключалось въ реформѣ Лютера, какъ въ сѣмени». Все дальнѣйшее содержаніе книги о. Хрисанеа (составляющей только начало обширнаго труда) составляетъ послѣдовательное раскрытіе этой мысли въ критическомъ изложеніи богословскихъ ученій и церковныхъ вѣроопредѣленій протестантскихъ обществъ—лютеранства, реформатства и англиканизма.

Обратимся къ критикѣ протестантства, какую находимъ въ сочиненіяхъ Хомякова. Постоянная лживость папства внушала автору, при всей его любви къ заблуждающимся братьямъ, невольныя чувства негодованія и отвращенія. По его понятіямъ папистамъ по крайней мѣрѣ въ настоящее время слѣдовало бы перемѣнить тактику. «Пусть-бы они довольствовались потаенными маневрами и интригами, которыя имъ такъ часто удаются. Пусть-бы старались застичать и и оболгать по одиночкѣ людей слабыхъ, такихъ, напримѣръ, каково это множество моихъ соотечественниковъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ, развозящихъ на показъ всей Европѣ свою бесполезную правдность и полное невѣжество о своемъ отечествѣ и своей вѣрѣ! Съ ними совладать легко. Но пусть, на сколько могутъ, избѣгаютъ они опаснаго для нихъ свѣта и гласности. Это такая арена, на которой они могутъ послужить только безвѣрію и ничему болѣе». Иначе относится Хомяковъ къ протестантству. «Здѣсь нравственная атмосфера чище. Правда, мы еще встрѣчаемъ заблужденія, но лжи преднамѣренной не находимъ. Искренность въ исканіи истины, хотя поиски направляются по такимъ путямъ, которые не могутъ къ ней привести, внушаетъ намъ сочувствіе, отъ котораго мы не имѣемъ причинъ отбиваться; уваженіе и соболѣзнованіе заступаютъ мѣсто болѣе тяжелыхъ ощущеній, которыя испытывались на почвѣ римской» ¹⁾...

Нельзя не признать, въ самомъ дѣлѣ, чистоты, благонамѣренности и, такъ сказать, религіозности побужденій Лютера, когда онъ возсталъ противъ папы. Точкою отправленія для протестантства служило высокое чувство, чувство пробудившагося сознанія духовнаго характера и Божественнаго достоинства христіанства, чувство глубокаго отвращенія въ отношеніи къ матеріализму римской церкви, унизившей религію до объединенія съ грязными интересами обыденной жизни. «Схоластика подготовила, отрицательнымъ путемъ, разрывъ мыслящаго

¹⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 170, также стр. 66, 88.

субъекта съ церковнымъ авторитетомъ; возрожденіе такъ называемыхъ гуманическихъ наукъ ускорило этотъ разрывъ, пробудивши умъ отъ оковъ схоластики, пробудивши въ немъ рефлексію мысли». Но чувство, побудившее протестантовъ свергнуть съ себя иго папства, было горячее и неразборчивое, страстное чувство: исторгая плевелы, оно исторгло и пшеницу; оно не сумѣло разграничить незаконный мірской авторитетъ папства отъ святаго законнаго авторитета вселенскаго преданія: папство заслоняло отъ реформаторовъ православный востокъ съ его истинно-христіанскимъ складомъ церковнаго устройства и развитіемъ религіозной мысли¹⁾. И вотъ, представляя съ отрицательной стороны много добраго (римская церковь дѣйствительно нуждалась въ исправленіяхъ), со стороны положительной протестантство представляетъ искаженіе христіанства, притомъ горавдо большее, нежели какое было въ исправляемомъ исповѣданіи римскомъ.

По общепринятому у насъ понятію католичество и протестантство—два ученія диаметрально—противоположныя, взаимно—исключающія другъ друга. По понятіямъ нашего автора протестантство, по отношенію къ католичеству—плоть отъ плоти и кость отъ костей его, его неизбежное логическое слѣдствіе, «законное по своему происхожденію, хотя и непокорное исчадіе Рима»²⁾. «Въ первые вѣка христіанства, до самой эпохи великаго западнаго раскола (т. е. раздѣленія церкви восточной и западной) познаніе Божественныхъ истинъ считалось принадлежностію всецѣлой церкви, объединенной духомъ любви. Вопреки церковному преданію, Западъ въ 9-мъ вѣкѣ присвоиваетъ себѣ право измѣнять вселенскій символъ безъ содѣйствія своихъ восточныхъ братій. Какое необходимо вытекаетъ изъ этого посягательства логическое слѣдствіе? Какъ скоро логическое начало знанія, выражающееся въ изложеніи символа, отрѣшилось отъ нравственнаго начала любви, выражающагося въ единодушій церкви, такъ этимъ самымъ, на дѣлѣ, *устанавливалось протестантское безначаліе—анархія въ области вѣры*. То самое право, какое въ отношеніи къ цѣлой церкви присвоилъ себѣ западный патріархатъ, могла присвоить себѣ въ отношеніи къ этому патріархату всякая епархія; всякій приходъ могъ предъявить тоже право въ отношеніи къ своей епархіи, каждое отдѣльное лицо къ отношенію ко всѣмъ прочимъ. Никакимъ софизмомъ нельзя увернуться отъ этого послѣдствія. Или истина дана единенію всѣхъ и ихъ взаимной любви въ

¹⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 90.

²⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 50.

Иисусъ Христѣ, или она дается каждому отдѣльному лицу, взятому порознь, безъ всякаго отношенія къ прочимъ» ¹⁾). И вотъ «протестантство, исходя изъ той же мысли, что Западъ, измѣняя символъ, пользовался законными правомъ, пришло къ заключенію, что, наравнѣ съ западнымъ патріархатомъ, всякая страна, всякая церковная область, наконецъ, всякое отдѣльное лицо имѣетъ такое же право отдѣлиться отъ цѣлой церкви и создать себѣ символъ вѣры или вѣрованіе по своему вкусу». «Частное мнѣніе, личное или областное (это все равно), присвоившее себѣ въ области вселенской церкви право на самостоятельное рѣшеніе догматическаго вопроса, заключало въ себѣ постановку и узаконеніе протестантства, т. е. свободы изслѣдованія, оторванной отъ живаго преданія о единствѣ, основанномъ на взаимной любви» ²⁾).

«Общее основаніе и папства и протестантства есть раціонализмъ» ³⁾), но раціонализмъ, указанный и узаконенный Лютеромъ, какъ радикальное средство противъ всѣхъ возможныхъ недоразумѣній — не робкій, сознающій собственное безсиліе раціонализмъ папистической схоластики, а раціонализмъ искренній, добрый и свѣжій, и потому гораздо болѣе состоятельный. Протестантство на первыхъ порахъ имѣло одну заботу — стать во всемъ въ оппозицію католичеству. Католичество мало занималось внутреннимъ содержаніемъ христіанства; оно скрадывало его, боясь, чтобы его свѣтъ не обличилъ темныхъ дѣлъ папства: протестантство стало въ прямыя и искреннія отношенія къ христіанству, отношенія даже черезъ чуръ смѣлыя. Оно сдѣлало это тѣмъ охотнѣе, что, не имѣя религіознаго культа, не зная церковно-общинной жизни, оно не имѣло чѣмъ занять своихъ послѣдователей, и, по необходимости предписывая индивидуализмъ, уполномочивало каждого протестанта строить вѣру по собственному благоусмотрѣнію. Отбрасывая суевѣрія папства, оно отмѣнило и многія святѣйшія истины религіи. Протестантство забыло, что религіозная жизнь не можетъ соиздаться на однихъ внутреннихъ субъективныхъ основахъ духа человѣческаго, что она необходимо предполагаетъ для своего твердаго правильнаго развитія объективныя, Божественныя начала, которыя хранятся въ живомъ преданіи, должны быть усвоены личнымъ духомъ, какъ основанія единства Вѣры и силы ея.

Протестъ, естественно, направленъ былъ противъ главнаго, характеристическаго въ римской церкви, противъ той внѣшней дисципли-

¹⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 89.

²⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 47.

³⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 141.

лины, въ которой папство искало обезпеченія для своей безусловной власти надъ людьми. И вотъ, разрушая римскій іерархическій строй, протестантство вмѣстѣ съ тѣмъ отвергло и Богоданную организацію церкви, благодать священства, Богоучрежденную іерархію—этотъ проводникъ Божественныхъ дарованій вѣрующимъ. «Лютеру нужно было возстановить упавшее въ римской церкви соборное управленіе и пресѣчь путь притязаніямъ іерархическихъ лицъ на право свѣтской власти. Онъ не ограничился этимъ: его реформація произвела въ церкви демократію и безначаліе. Іерархіи, какъ Богоучрежденной власти, не могло существовать въ церкви послѣ уничтоженія священства; потому протестантскіе пасторы ничѣмъ не отличены отъ мірянъ и не получаютъ никакого полномочія отъ Главы Церкви Иисуса Христа предъ прочими ея членами. Если они и имѣютъ какія права и отличія, то они даны не отъ Бога, а отъ людей. А между тѣмъ—«не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ, сказалъ Спаситель ученикамъ; а Духъ Божій устами апостола говоритъ: благословляемый отъ большаго благословляется. Такъ всегда учила церковь о своемъ устройствѣ. Не отъ несовершенства она исходитъ, чтобы взойти къ совершенству; нѣтъ, ея исходъ: совершенство и всемогущество, возводящія къ себѣ несовершенство и немощь. Протестантство измѣнило благочинію, установленному Духомъ святымъ. Оно дало право низшему благословлять высшаго»¹⁾... Возставая противъ односторонняго преобладанія внѣшности въ римской церкви, протестантство отвергло все, что было обрядоваго, внѣшняго въ церкви, весь церковный порядокъ, всякое наружное Богопочтеніе, которое, между тѣмъ, непрѣмѣнно должно имѣть мѣсто, какъ выраженіе внутренней религиозной жизни человѣка²⁾. Желая, вопреки Риму, сдѣлать для всѣхъ доступною чистую истину Вѣры, протестантство, вмѣсто того, отрѣшная ее отъ преданія и начала единства и подчиняя ее личному толкованію, дѣлаетъ Вѣру монополіею людей богословски-образованныхъ и лишаетъ народъ того, что, по протестантскимъ понятіямъ, есть Вѣра въ собственномъ смыслѣ. Протестантство, такимъ образомъ, есть своего рода аристократизмъ. «Оно отнюдь не расширило правъ свободнаго изслѣдованія, а только сократило число несомнѣнныхъ данныхъ, которыя оно подвергаетъ

1) Трактатъ о таинствахъ, особенно о священствѣ, евхаристіи, о бракѣ—составляетъ, по нашему мнѣнію, самыя блестящія страницы въ богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова. Мы не помѣщаемъ его здѣсь, потому что это значило бы перепечатать цѣлую половину 2-й брошюры.

2) Раскрытіе этой мысли см. во второй брошюрѣ, въ трактатѣ о молитвѣ, съ православной точки зрѣнія, сравнительно съ католическимъ и протестантскимъ взглядомъ на этотъ предметъ, стр. 102—113.

свободному изслѣдованію своихъ вѣрующихъ (оставивъ имъ одно Писаніе), подобно тому, какъ и Римъ сократилъ это число для мірянъ, отобравъ у нихъ Писаніе» ¹⁾.

Отвергая, въ принципѣ, преданіе, протестанты находятъ, что для нихъ достаточно одного св. Писанія. Но «протестантское поклоненіе библии есть въ сущности не что иное, какъ фетишизмъ, ибо оно обращено къ мертвой буквѣ, смыслъ которой совершенно безразличенъ для протестантовъ. Я не думаю утверждать, что протестанты относятся равнодушно къ истолкованію св. Писанія, — не думаю также отрицать достоинства ихъ трудовъ по этой части; но я говорю что библия представляетъ характера фетиша, поколику она служитъ связью для протестантскаго міра, ибо въ истолкованіи ея онъ далеко не согласенъ самъ съ собою» ²⁾. «Разбитое на безчисленное множество несогласныхъ между собою обществъ, котрыхъ, и сами по себѣ, суть единицы только по имени (ибо каждое отдѣльное лице держится часто вѣрованія противоположнаго вѣрованію прочихъ) протестантство полагаетъ свое единство только въ одномъ фактѣ признанія библии и въ какомъ-то поклоненіи этой книгѣ. Но это единство держится не на смыслъ писаній (ибо толкованія его противорѣчатъ одно другому), а не единство вещи — писаннаго слова, книги независимо отъ смысла, въ ней содержащагося... Такое кажущееся единство представляетъ всѣ черты фетишизма» ³⁾. «Міръ видимый есть откровеніе Бога; но это откровеніе понималось различно различными народами. Они находили, въ немъ всѣ возможныя формы религій, начиная съ истины израиля, и кончая безуміемъ самаго грубаго многобожія. Предположите, что всѣ эти народы соединились бы въ одномъ ученіи, именно: что міръ есть откровеніе верховной силы... и что эти народы вообразили бы, что вѣра у нихъ единая; вы сказали бы, что весь смыслъ откровенія ушелъ въ его форму, что для всѣхъ этихъ народовъ міръ сдѣлался общимъ кумиромъ (фетишемъ). Также точно относится къ библии весь протестантскій міръ, поколику онъ заявляетъ притязаніе на единство въ вѣрѣ». «Протестантскій міръ, въ своей совокупности, обвиняющей безчисленное множество сектъ, не имѣетъ въ настоящую минуту другой связи, кромѣ почитанія воздаваемого мертвой буквѣ писанія. И этотъ міръ давно бы разбился на осколки, чуждые даже

1) Богосл. соч. Хомяк. 43—44.

2) Богосл. соч. Хомяк. стр. 172.

3) Богосл. соч. Хомяк. стр. 95—96.

собирабельнаго названія, если бы общаа необходимость противостать Риму не заставляла его держаться за призракъ единства» ¹⁾.

Если что осталось хорошаго въ протестантствѣ, то только благодаря его непослѣдовательности. Отвергая въ принципѣ преданіе, оно удержало многое изъ преданія, и тѣмъ спасло для себя вѣру. «Преданіе, какъ фактъ, несомнѣнно существуетъ у протестантовъ, хотя они всѣми силами отвергають его въ принципѣ. Они не могутъ поступить иначе, не могутъ выпутаться изъ этого неизбѣжнаго противорѣчія». «Въ 1847 году... я вступилъ въ разговоръ съ почтеннымъ пасторомъ, человѣкомъ образованнымъ и серьезнымъ. Рѣчь зашла о преданіи, котораго пасторъ не признавалъ. Я спросилъ къ какому исповѣданію онъ принадлежитъ. Оказалось, что онъ лютеранинъ. — А на какихъ основаніяхъ онъ предпочитаетъ Лютера Кальвину? — Онъ привелъ мнѣ весьма ученые доводы. Въ эту минуту слуга его подалъ ему стаканъ лимонада. Я спросилъ, къ какому исповѣданію принадлежитъ его слуга? — Тотъ былъ тоже лютеранинъ. „Онъ-то на какихъ основаніяхъ предпочелъ Лютера Кальвину? спросилъ я. Пасторъ смолчалъ и на лицѣ его выразилось неудовольствіе. Я поспѣшилъ увѣрить его, что отнюдь не имѣлъ намѣренія его оскорбить, но хотѣлъ только показать, что и въ протестантствѣ есть преданіе... Пасторъ выразилъ надежду, что современемъ невѣжество, которымъ обуславливается это подобіе преданія, развеется предъ свѣтомъ науки. — А люди съ ограниченными способностями, а большая часть женщинъ, а чернорабочіе, едва успѣвающіе добывать себѣ насущный хлѣбъ, а дѣти?.. Пасторъ замолчалъ и послѣ нѣкотораго размышленія проговорилъ: «es ist doch etwas darin (да, да, это конечно еще вопросъ); я объ этомъ подумаю» ²⁾...»

Подобнымъ образомъ отвергая всякое обязательное подчиненіе авторитету, кокому бы то ни было, протестантство, однакожь, составило для своихъ членовъ общія вѣроопредѣленія, установило общія формы церковной жизни, и тѣмъ спасло для себя церковь. Правда, вѣроопредѣленія эти, составленныя произволомъ нѣсколькихъ ученыхъ, приняты анатическимъ легковѣріемъ милліоновъ, и продолжаютъ существовать только благодаря необходимости противостать нападеніемъ со стороны церкви римской ³⁾.

¹⁾ Подробный разборъ протестантскаго ученія о св. Писаніи см. въ третьей брошюрѣ стр. 172—177.

²⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 42—43.

³⁾ Богосл. соч. Хомяк. стр. 41.

И такъ, что же такое протестантство? «Скажутъ-ли, что отличіе его въ самомъ актѣ протеста по предметамъ вѣры? Но если такъ, то протестантами были бы апостолы и мученики, протестовавшіе противъ заблужденій іудейства и противъ идолопоклонства; всѣ отцы церкви были бы протестанты, потому что и они протестовали противъ ересей, вся церковь постоянно была-бы въ протестантствѣ, ибо и она постоянно во всѣ вѣка протестуетъ противъ заблужденія каждаго вѣка... Не заключается-ли сущность протестантства въ свободѣ изслѣдованія? Но апостолы свободное изслѣдованіе дозволяли, даже вмѣняли въ обязанность; но святые отцы свободнымъ изслѣдованіемъ защищали истины Вѣры; но *свободное изслѣдованіе составляетъ единственное основаніе совершенной истинной Вѣры*. Правда, папство осуждаетъ свободное изслѣдованіе; но вотъ человекъ, изслѣдовавъ свободно всѣ авторитеты, пришелъ къ признанію ученія латинянъ: отнесутся ли они къ нему, какъ къ протестанту?.. Въ этомъ отношеніи христіанскія исповѣданія отличаются одно отъ другаго только тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ разрѣшаютъ изслѣдованіе всѣхъ данныхъ, другія же ограничиваютъ число предметовъ изслѣдованія. Приписывать право изслѣдованія одному протестантству значило бы возводить его на степень единственной смыслящей Вѣры. Наконецъ не въ реформѣ-ли, не въ актѣ-ли преобразованія исцѣлить сущности протестантства? Дѣйствительно само протестантство, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, надѣялось утвердить за собою такое значеніе. Но вѣдь и церковь постоянно реформировала свои обряды и правила, и никому не приходило на мысль назвать ее ради этаго протестантскою. Стало быть протестантство и реформа не одно и то же... Протестантство значитъ: предъявленіе сомнѣнія въ существующемъ догматѣ, иными словами—*отрицаніе догмата, какъ живаго преданія, короче—церкви*. Миръ протестантскій отнюдь не миръ свободнаго изслѣдованія, ибо свобода изслѣдованія принадлежитъ всѣмъ людямъ. *Протестантство есть миръ отрицающій другой миръ. Отнимите у него этотъ другой отрицаемый имъ миръ, и протестантство умретъ: ибо вся жизнь его въ отрицаніи* ¹⁾...

¹⁾ Бог. соч. Хомяк. стр. 41. Въ настоящемъ очеркѣ протестантства и католицизма мы, конечно, далеко не исчерпали всего богатаго содержанія брошюръ Хомякова. Мы не коснулись частныхъ пунктовъ вѣроученія того и другаго исповѣданія, которыя всѣ съ большею или меньшею обстоятельностью рассмотрѣны нашимъ авторомъ и оцѣнены съ такимъ мастерствомъ, которому по истинѣ нельзя не удивляться.

Ни католичество, ни протестантство не соблюли истины Божественной; и то и другое нарушило гармоническое отношеніе между Божественнымъ и человѣческимъ, элементами религіи христіанской. Чистоту православія въ вѣроученіи и совершенно правильный строй жизни церковной соблюла и соблюдаетъ церковь восточная. Какимъ образомъ первобытная чистота Вѣры спаслась именно на Востокѣ? Что за счастливыя эти греки и сирійцы, что они одни избѣжали того крушенія, которому подвергся весь западный міръ? Причина этого явленія находится, конечно, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Промысла, въ благой волѣ Божественнаго Основателя и Главы церкви Господа Іисуса Христа. Наши богословы—диллетанты, не довольствуясь такимъ объясненіемъ, достаточнымъ для чувства вѣрующаго, но не удовлетворительнымъ съ точки-зрѣнія научной, прилагая и къ изслѣдованію православія свои начала и свой новый методъ, находятъ объясненіе указаннаго явленія опять—въ мѣстныхъ особенностяхъ восточныхъ странъ и народовъ, ихъ національнаго характера, духовнаго развитія, политическаго и соціальнаго быта.

VII. Въ Греціи, вообще на христіанскомъ востокѣ, искони интересы духовныя, отвлеченныя интересы науки и мысли, занимали людей предпочтительно предъ интересами жизни практической, индустриальной. Не говоря уже о непосредственныхъ представителяхъ науки и искусства, здѣсь самыя массы народныя, не только при началѣ христіанства, но и въ теченіе многихъ вѣковъ послѣ того, стояли на несравненно высшей степени интеллектуальнаго развитія, нежели народы запада. Отъ того-то, хотя, по выраженію Тертуліана, всегда и вездѣ «душа человѣческая по природѣ христіанка», тѣмъ не менѣе на востокѣ человѣчество съ большею, чѣмъ на западѣ, энергіею и съ большимъ энтузіазмомъ устремилось къ Богооткровенному *ученію* христіанства, скорѣе и легче если не создало вполне, то почувствовало его истинность и превосходство. Отъ того христіанское *ученіе* воспринималось на востокѣ цѣлостнѣе и глубже, въ глазахъ его обитателей никогда не утрачивало своего истиннаго глубокаго смысла, своего Божественнаго характера. Въ усвоеніи новаго ученія на востокѣ не остановились на внѣшнемъ культѣ, на одной обрядовой сторонѣ; догматы вѣры, и при томъ вышеочайшіе, таинственнѣйшіе, замѣнявшіе собою прежнія философы языческихъ мудрецовъ, вотъ что на первыхъ же порахъ главнымъ образомъ привлекло вниманіе христіанъ восточныхъ. Отъ того-то, далѣе, вѣра, признаніе ученія не стало дѣломъ лишь слѣпаго, рабскаго послушанія папствы ерархій, дѣломъ слѣпаго довѣрія къ внѣшнему авторитету того или дру-

того лица: по причинѣ давняго навыка и значительнаго умственнаго развитія, здѣсь каждый стоялъ за свои личныя права въ области мысли, каждый дорожилъ сознательностью и свободою своего религіознаго вѣрованія (принимая за свободу сознательное и непринужденное подчиненіе общецерковному закону): «тамъ христіанство не было связано съ властію и гражданскимъ порядкомъ, какъ на западѣ; оно шло отъ человѣка къ человѣку, отъ мысли къ мысли, и сохранило свой характеръ вѣры и мысли». Мало того: здѣсь каждый считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ принимать посильное, живое участіе въ отправленіяхъ религіозной жизни своей помѣстной церкви, въ разсужденіяхъ о предметахъ вѣры и о дѣлахъ церковнаго управленія, насколько эти дѣла касались его, какъ члена церковной общины, и насколько они были доступны его религіозному смыслу.

Очевидно, при такомъ высокомъ развитіи умственной энергіи и религіознаго интереса въ народѣ на востокѣ движеніе религіозной мысли не могло быть сосредоточено не только въ одномъ какомъ-либо или нѣсколькихъ лицахъ, но и въ цѣломъ сословіи служителей церкви, клирѣ, ни даже въ одной какой-либо помѣстной церкви. А потому не могло быть здѣсь мѣста и тѣмъ клерикальнымъ злоупотребленіямъ, какія имѣли мѣста на западѣ,—трудно было на востокѣ кому бы то ни было пользоваться религіознымъ чувствомъ народныхъ массъ для цѣлей эгоистическихъ, своекорыстныхъ. Въ общинѣ вѣрующихъ жило общецерковное преданіе, которое не давало незаконному голосу одного частнаго лица сдѣлаться общимъ вѣрованіемъ. Такъ было въ каждой отдѣльной общинѣ, такъ было и во всей церкви восточной. При близкомъ взаимномъ общеніи помѣстныхъ церквей одна изъ нихъ повѣряла другую. Такимъ образомъ невозможно было на востокѣ папство. Но не могло возникнуть здѣсь и что-нибудь похожее на протестантство. Допуская въ извѣстныхъ, узаконенныхъ предѣлахъ, свободу религіознаго изслѣдованія для каждого изъ своихъ членовъ, церковная община на востокѣ не оставляла его при этомъ съ его личною немощію, въ одиночествѣ, на произволъ судьбы. Свободные члены церкви были однакожъ связаны союзомъ братской любви; а потому для личной дѣятельности каждаго члена церкви существовалъ контроль не только нарочито поставленныхъ блюстителей чистоты вѣры — іерархін, но и контроль своего рода общественнаго мнѣнія, не того общественнаго мнѣнія, которое въ дѣлахъ міра такъ живо и измѣнчиво, но того не погрѣшимаго общественнаго мнѣнія, о которомъ въ строгомъ и точномъ смыслѣ можно сказать: гласъ народа — гласъ Божій, которое есть выраженіе и

отголосокъ живущаго въ церкви Духа Святаго, по силѣ словъ Христа Спасителя: *«гдѣ соберутся двое или трое во имя Моё, ту есмь посреда ихъ»*. Если членъ общины заблуждался, каждый изъ его братьевъ по вѣрѣ, по заповѣди евангельской, имѣлъ право и обязанность обличить его *между собою и тѣмъ единѣмъ*, въ случаѣ безусловности обличенія, повѣдать о заблуждающемся церкви; и только въ случаѣ непослушанія всей церкви непослушный становился для нея якоже язычникъ и мытарь.

Усвоеніе себѣ вѣрующими права дѣятельно принимать участіе въ общей религіозной церковной жизни страны не обошлось на востокѣ, какъ и вообще бываетъ въ жизни людей, безъ злоупотребленій и излишествъ. Чаше всего эти злоупотребленія ограничивались профанацией святыни догмата въ средѣ простаго народа. Какъ прежде съ своими мудрецами и философами о философіи, съ ораторами и политическими дѣятелями — дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, такъ теперь между собою о предметахъ религіозныхъ, о высочайшихъ истинахъ Богословія народъ сталъ спорить на улицахъ, площадяхъ, рынкахъ и гипподромахъ, въ гостинницахъ и общественныхъ баняхъ, даже въ деревенскихъ захолустьяхъ. Св. Григорій Богословъ и св. Іоаннъ Златоустъ, какъ извѣстно, жаловались въ свое время на эти злоупотребленія народа своимъ правомъ, хотя, конечно, ни тотъ ни другой св. отецъ отнюдь не отрицали этого права въ принципѣ. Но этого рода злоупотребленія еще не представляли конечно особенной опасности для истины вѣры. Гораздо опаснѣе были, повидимому, тѣ ошибки и заблужденія, индивидуальнаго сужденія, въ которыя впадали люди, «напоенные гордостью философіи эллинской и мистицизмомъ Египта и Сиріи». Пока догматы лишь подразумеваемо (impliciter) содержались въ церковномъ ученіи еще не были облечены въ форму совершенно ясныхъ опредѣленій — для мощи личнаго сужденія была возможность заблужденія, и чѣмъ учене и глубокомысленнѣе былъ заблуждающійся богословъ, тѣмъ больша была опасность для церкви. Такимъ образомъ высокая умственная энергія восточныхъ странъ сдѣлалась источникомъ появленія безчисленныхъ ересей на востокѣ. Церковь восточная долго боролась съ заблужденіями индивидуальнаго сужденія, долго не могла успокоить въ прѣотѣ вѣры мятущейся джеименный разумъ, и вынесла много страданій. Случалось, что ученіе заблуждающаго богослова совпадало съ умственнымъ направленіемъ цѣлой страны, такъ что церкви грозила опасность отпаденія отъ нея цѣлаго патриархата ¹⁾. Но «въ это время, говоритъ И. В. Кирѣевскій, когда част-

¹⁾ Ересь Несторія распространилась по всему антиохійскому патриархату

ной церкви предстоялъ выборъ или отторгнуться отъ церкви вселенской, или пожертвовать своимъ частнымъ мнѣніемъ, Господь спасалъ ее братскимъ единодушіемъ всего христіанскаго міра». Заблужденія еретиковъ востока были заблужденія болѣе или менѣе преступныя, но заблужденія личныя, не посягавшія на догматы о церковной всеенскости; искажая догматическое преданіе, они, однакожь, заявляли притязаніе на вѣрность преданію, свидѣтельствовались согласіемъ всѣхъ христіанъ, и этимъ мнимымъ согласіемъ старались доказать истинность своихъ ученій. И вотъ, чтобы узнать истинный смыслъ общецерковнаго преданія по возникавшимъ предметамъ пререканія, составлялись соборы, на которые весь христіанскій міръ отражалъ своихъ представителей, своихъ высшихъ сановниковъ. Эти соборы, «не смотря на безпорядки, затмѣвавшія иногда ихъ чистоту», мирнымъ своимъ характеромъ и возвышенностію вопросовъ, подлежавшихъ ихъ рѣшенію, выдаются въ исторіи человѣчества, какъ возвышеннѣйшее изъ всѣхъ ея явленій. Это было «величавое засвидѣтельствованіе, данное Божественной истинѣ, отъ человѣческой, благодатью просвѣщенной свободы». Люди, напоенные ложными ученіями, также присутствовали на вселенскихъ соборахъ, потому что и они видѣли въ нихъ высшій органъ общецерковнаго догматическаго преданія, надѣялись удостоиться на нихъ засвидѣтельствованія своимъ ученіемъ отъ вѣры своихъ братьевъ, ожидали, что соборъ, въ ясныхъ, не оставляющихъ мѣста сомнѣнію, выраженіяхъ, въ ихъ смыслѣ, узаконитъ ихъ ученіе, какъ догматъ, исповѣдуемый всею церковію. Такимъ образомъ ложныя ученія на востокѣ, вступая въ борьбу съ истиной, лишь вызывали ее къ яснѣйшему выраженію своего невысказаннаго смысла. На соборахъ устанавливалась норма вѣрованія, совершался великій подвигъ наукообразнаго изложенія христіанскихъ истинъ со всею точностію логическаго выраженія, — совершался мыслителями, преемниками эллинскаго просвѣщенія, и не для одной Греціи а для всего міра и на всѣ времена.

Въ православномъ ученіи о вселенскомъ соборѣ, по Хомякову, существенную черту составляетъ то, что соборы не создаютъ новыхъ вѣрованій, а только выясняютъ, раскрываютъ, формулируютъ смыслъ того, что дано въ Божественномъ откровеніи; они только *охраняютъ* вѣру, которую *хранитъ* весь народъ церковный. Они получаютъ свое значеніе вселенскихъ не отъ особенныхъ формъ, не отъ внѣшнихъ

именно потому, что совпадала съ рационалистическимъ направленіемъ антихристіанскаго училища, главнаго разсадника христіанскаго образованія для христіанской Азіи.

какихъ-либо признаковъ вообще, а отъ согласія отсутствующихъ. Вручая своимъ представителямъ на соборѣ полномочіе формулировать свою вѣру, церковь сохраняла, однако, за собою право повѣрить формулу, которую они составятъ. Вся церковь принимала или отвергала опредѣленія соборовъ, смотря по тому: находила-ли ихъ сообразными или противными своей вѣрѣ и своему преданію, и названіе вселенскихъ дала только тѣмъ изъ нихъ, въ постановленіяхъ которыхъ признала выраженіе своей внутренней мысли. Бывали соборы еретическіе, на которыхъ присутствовали представители всей іерархіи; они издавали догматическія опредѣленія въ смыслѣ обязательныхъ для всей церкви; на нихъ подписавшихся епископовъ было иногда вдвое болѣе, чѣмъ на никейскомъ (напримѣръ, соборъ въ Римини, составившій полуарианскій символъ), на нихъ императоры принимали ересь, патриархи провозглашали ересь, папы подчинялись ереси. Церковь осудила невѣжество, испорченность или немощь своихъ уполномоченныхъ и, оставаясь вѣрною истинѣ преданія, отвергла эти соборы, хотя они и не представляютъ никакихъ наружныхъ отличій отъ истинно-вселенскихъ соборовъ, потому единственно, что ихъ рѣшенія не были приняты за голосъ церкви всѣмъ вѣрующимъ народомъ, — въ той средѣ, «гдѣ, въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мужчиной и женщиной, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ; гдѣ, когда нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы все были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія ¹⁾).

Потому-то какъ въ Греціи, такъ позже и у насъ въ Россіи всѣ попытки высшихъ іерархическихъ лицъ къ соединенію съ Римомъ сокрушались о крѣпкую, непоколебимую вѣру православнаго народа, который не допускаетъ ничего деспотическаго господства надъ своею совѣстію. Извѣстно, какъ отвѣчалъ православный западно-русскій народъ на опредѣленія брестскаго собора, узаконившаго унію. Точно

¹⁾ Въ «запискахъ по всеобщей исторіи» Хомяковъ съ своей точки зрѣнія излагаетъ между прочимъ и исторію вселенскихъ соборовъ. Записки эти изданы въ 1874 г. покойнымъ Гильєсрдингомъ. Подлинныя акты или «дѣянія» св. вселенскихъ соборовъ въ рускомъ переводѣ напечатаны въ «Православномъ Соборѣдникѣ» за послѣдніе годы. Прагматическая исторія ихъ составлена пресовъ. Иоанномъ (исторія трехъ первыхъ соборовъ) и г. Лебедевымъ (четыре послѣдніе собора).

также встрѣчена была въ восточной Руси унія флорентійская. Отпущая митрополита Исидора на соборъ во Флоренцію, Великій Бязь Василій Темный наказывалъ ему: «иди, но принеси назадъ нашу вѣру во всей ея чистотѣ». Исидоръ принесъ съ собою догматъ о главенствѣ папы и—былъ низложенъ съ своей кафедры.

Эллинское племя, сказали мы, съ большимъ, чѣмъ какой-либо народъ, энтузіазмомъ, усвоило Божественное ученіе евангелія. Преосв. митрополитъ хіосскій, въ своей замѣчательной статьѣ «эллинизмъ и православіе» ¹⁾, при объясненіи этого явленія не ограничивается указаниемъ на историческую подготовку и на высокое развитіе умственной энергіи, облегчившихъ на востокъ принятіе христіанства: онъ укаazuje болѣе внутреннія и, такъ сказать, болѣе спеціальныя причины этого явленія. На основаніи сочиненій Аристотеля, Клевула и другихъ классическихъ писателей древней Греціи, опредѣливши свойства греческаго національнаго генія (или «интеллекта», какъ онъ выражается), особенности греческой политикі — общественнаго и государственнаго устройства Греціи въ ея цвѣтущую эпоху, въ тотъ періодъ ея исторіи, когда Греція давала направленіе всей общечеловѣческой цивилизаціи, онъ затѣмъ опредѣляетъ начала православія въ его вѣроученіи и церковномъ устройствѣ, и проведши параллель между тѣми и другими, находитъ между ними до тождества близкую аналогію. По остроумнымъ соображеніямъ преосвященнаго автора оказывается, что начала эллинизма, черты греческаго національнаго характера и политическаго устройства, по особому устройенію божественнаго Промысла, удивительнымъ образомъ совпадаютъ и гармонируютъ съ началами чистаго христіанства—православія, такъ что эллинизмъ былъ какъ бы предзнаменованіемъ и предображеніемъ православной церкви, что церковь была предначертана свыше ниспосланными настроеніями эллинскаго интеллекта. Такимъ образомъ, съ особеннымъ энтузіазмомъ усвоивъ себѣ евангельское ученіе, эллинское племя дѣйствовало такъ между прочимъ и потому, что нашло это ученіе гармонически-согласнымъ съ своими прирожденными расположеніями, съ своими историческими и народными преданіями. Въ воспринятіи и сохраненіи началъ православія авторъ справедливо видитъ великую историческую миссію греческаго народа ²⁾.

¹⁾ Она напечатана въ Хр. чт. 1869 г. Мартъ.

²⁾ Мы не считаемъ себя въ правѣ дѣлать болѣе подробное изложеніе оригинальныхъ и остроумныхъ сужденій преосв. Григорія, такъ какъ самая статья его еще такъ недавно была помѣщена на страницахъ Христ. Чтенія.

Когда, деморализованный игомъ варваровъ великій греческій народъ утратилъ прежнюю энергію своего національнаго духа, когда рабство сократило его умственную производительность и принизило уровень его духовнаго развитія, является на чреду историческаго суженія человѣчеству не менѣе богато одаренное духовными силами, многочисленное, бодрое и могучее славянское племя. Принявши христіанство главнымъ образомъ отъ славной Греціи, оно видимымъ образомъ призывалось къ тому, чтобы быть продолжателемъ и сотрудникомъ ея въ великомъ дѣлѣ усвоенія человѣчеству и сохраненія для всего міра въ неповрежденной чистотѣ сокровища истинной Вѣры. И вотъ здѣсь опять, между славянскимъ культурно-историческимъ типомъ и началами православія мы находимъ такую же полную гармонію, такое же соотвѣтствіе, какое преосв. Григорій указываетъ сопоставляя съ православіемъ эллинизмъ. Исслѣдованіе славянства—его историческихъ судебъ, этнографическихъ особенностей, умственной производительности и поэтическаго творчества—привлекаетъ у насъ въ послѣднее время все больше и больше лучшія умственныя силы въ области нашей науки и литературы. Безспорно, ни одна отрасль научныхъ изслѣдованій не ведется у насъ съ такою энергіею и энтузіазмомъ, съ такимъ научнымъ достоинствомъ, какъ изслѣдованіе славянства ¹⁾. И всѣ наши слависты, начиная съ покойнаго Хомякова и оканчивая г. Макушевымъ, самымъ молодымъ дѣтелемъ на этомъ поприщѣ, исключая впрочемъ гг. Пыпина и Спасовича, въ своемъ «оборѣ славянскихъ литературъ» перенесли свое завязанное западничество и въ область славянства, и въ слѣдствіе этого наполнившихъ свою весьма ученую, тѣмъ не менѣе тенденціозную книгу парадоксами и преувеличеніями ¹⁾, всѣ болѣе или менѣе согласны въ основномъ принципѣ, въ исходной точкѣ зрѣнія на славянство.

¹⁾ Это впрочемъ и не удивительно. Мысли чужія, навязанныя извнѣ, хотя бы и были симпатичны писателю, никогда не могутъ быть такъ плодотворны, какъ мысли, добытыя самостоятельнымъ умственнымъ трудомъ. А въ области славянства нашимъ изслѣдователямъ по неволѣ приходится быть самостоятельными; едва ли даже это не единственная у насъ отрасль научныхъ изслѣдованій, гдѣ наша наука вполне самобытна: тутъ нечѣмъ заимствоваться съ запада—развѣ теоріею пана Духинскаго, проповѣдующаго въ Парижѣ о тождествѣ русскихъ съ тюркскими племенами. Сочувственные отзывы о славянствѣ въ родѣ отзыва барона Гакстгаузена или Марте (см. опытъ истор. обзор. р. словесности О. Миллера, стр. 239) слишкомъ рѣдки у западныхъ писателей.

²⁾ Эти парадоксы и промахи гг. Пыпина и Спасовича указаны въ рецензіяхъ на ихъ книгу г. Лавровскаго (см. отчетъ о 9 мѣ присужденія уваровскихъ наградъ, стр. 11—87) и г. О. Миллера («славянскій вопросъ въ наукѣ и жизни», С.-Пб. 1865).

Православіе—одна изъ основныхъ стижій народнаго славянскаго духа, до того необходимо ему присущая, что славянинъ немедленно утрачиваетъ типическія черты своей народности, своего племеннаго характера, какъ только перестаетъ быть православнымъ (Поляки; отчасти Чехи). И на оборотъ: сохраненіе православія обезпечиваетъ племенной славянскій типъ за славянами даже въ томъ случаѣ. когда то или другое славянское племя подпадаетъ игу иноплеменниковъ—турокъ и нѣмцевъ: до того родственно православіе славянству, до того близка аналогія между началами того и другаго ¹⁾). Подобно тому, какъ въ Греціи, въ лучшую эпоху ея исторіи, и у насъ «жизнь церкви и жизнь общества сливаются во внутренней гармоніи народнаго духа и быта съ коренными началами чистаго христіанства—православія», и эта-то гармонія служитъ источникомъ того гармоническаго взаимодѣйствія церкви и государства, которое проходитъ чрезъ всю исторію Россіи, источникомъ того, что религіозное и церковное дѣло въ Россіи всегда было дѣломъ общенароднымъ.

Въ частности, въ подтвержденіе мысли объ аналогіи православія съ славянствомъ, указываютъ на добровольное, охотное принятіе всѣми славянами христіанства именно въ формѣ православія, на мягкость и задушевность славянской природы, которому такъ соответствуетъ любвеобильный духъ православія, всегда чуждый насилія и инквизиціонной суровости, на земскіе соборы, вѣчевое устройство правленія у славянъ и общинную форму славянскаго землевладѣльческаго быта, на круговую поруку въ средѣ крестьянъ, на нѣкоторые факты славянскаго такъ называемаго обычнаго права, какъ на

1) Нужно сознаться, впрочемъ, что вопросъ этотъ мало разработанъ у насъ съ фактической стороны. Укажемъ на «опытъ историч. обзорнія русской словесности» О. Миллера, гдѣ мысль объ аналогіи между православіемъ и славянствомъ не разъ высказывается при изложеніи древняго періода нашей литературы и подтверждается тою самостоятельною разработкою нашей народной словесности, какаю составляетъ несомнѣнную заслугу г. Миллера въ русской наукѣ. Разсмотрѣнію того же вопроса посвящена отчасти упомянутая брошюра того же автора: «Славянскій вопросъ въ наукѣ и живни... Если кто и возставаѣтъ противъ этой мысли, то не въ силу своей научной компетентности, а въ силу предвзятой мысли. Потому и возстаніе это принимало характеръ не серьезной научной полемики, а—грубого осмѣиванія, какъ это мы видимъ въ статьяхъ: Добролюбова («Московское словенство»), Писарева («русскій донъ-Кихоть»). Г. Бестужевъ—Рюминъ одинъ изъ всѣхъ критиковъ Хомякова и Карѣвскаго отнесся къ дѣлу объективно и до нѣкоторой степени уважительно («славянофильское ученіе, его значеніе и судьба въ рус. литературѣ»). На значеніе Хомякова въ области Богословія первый у насъ указалъ г. Ламанскій (см. его вступительную лекцію, читанную въ С.-Петербургскомъ университетѣ—въ газетѣ День 1865 г.).

явленія, которымъ соотвѣтствуютъ въ православномъ устройствѣ церкви соборное начало, братства и приходскія попечительства съ ихъ всегдашнимъ важнымъ значеніемъ въ дѣлахъ церкви, выборное начало въ поставленіи духовныхъ лицъ, епископовъ и священниковъ, постоянное и близкое участіе паствы не только въ дѣлахъ церковнаго устройства и управленія, но и въ обсужденіи вопросовъ догматическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, и у насъ въ Россіи были времена такого сильнаго возбужденія религіознаго интереса въ народѣ и такого широкаго развитія богословствующей мысли, которая живо напоминаютъ собою славныя времена вселенскихъ соборовъ въ Греціи. Іосифъ Волоцкій, подобно Златоусту, въ свое время жаловался, въ письмѣ къ Нифонту епископу суздальскому: «нынѣ и въ домахъ и дорогахъ и на рынкахъ, всѣ—иноки и міряне—съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ»¹⁾. Во времена братьевъ Лихудовъ по словамъ составителя Остена «и духовные, и свѣтскіе, мужи, жены и дѣти въ собраніяхъ, бесѣдахъ, на всякомъ мѣстѣ, благовременно и безвременно—всѣ стали разсуждать, какъ пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, и въ кое время, и кіими словами».

VIII. Впрочемъ допуская указанное выше соотвѣтствіе между умственнымъ складомъ православныхъ народовъ, ихъ социальнымъ и политическимъ бытомъ—съ одной стороны, и характеромъ ученія и учреждений истинной церкви съ другой, наши богословы отнюдь не думаютъ этимъ «подчинить идею христіанства идеѣ національности», не думаютъ утверждать, будто богосозданная организациа церкви и характеръ ея ученія явились, какъ случайный плодъ историческихъ и социальныхъ условий. Складъ умственной и политической жизни въ Греціи и Россіи не былъ источникомъ склада жизни церковной, а только по особому устройенію Божественнаго Промысла, внѣшнимъ благопріятнымъ условіемъ для того, чтобы божественное ученіе христіанства могло тѣмъ легче войти въ органическую связь съ жизнію человечества, и чтобы основной законъ истинной церкви, по духу Христова ученія, возымѣлъ въ людяхъ свое полное дѣйствіе.

Формула этого органическаго закона жизни церковной: свобода въ единствѣ, единство въ любви²⁾.

Человѣкъ былъ бы не достоинъ разумѣнія истины, если бы не

¹⁾ См. «Просвѣтитель», по изд. Казан. Духов. Акад., стр. 60.

²⁾ Мы позволяемъ себѣ именно такимъ образомъ формулировать основной принципъ богословскихъ воззрѣній Хомякова, сводя въ одно цѣлое разлчныя мѣста его сомнѣній.

имѣлъ свободы, если бы приобрѣталъ эту истину не подвигомъ и напряженіемъ всѣхъ своихъ нравственныхъ силъ. Всякая смыслящая вѣра есть актъ свободы, и непремѣнно исходитъ изъ предварительнаго свободнаго изслѣдованія, которому человѣкъ подвергъ явленія внѣшняго міра или внутреннія явленія своей души, событія минувшихъ временъ, или свидѣтельства современниковъ. И въ тѣхъ случаяхъ, когда гласъ самаго Бога взывалъ и воздвигалъ душу падшую или заблудшую, душа повергалась ницъ и поклонялась, предварительно опознавъ Божественный голосъ: и здѣсь начало обращенія въ актъ свободнаго изслѣдованія. Приписывать право изслѣдованія одному протестантству значило бы возводить его на степень единственной смыслящей вѣры. Впрочемъ, свобода человѣческаго разума состоитъ не въ томъ, чтобы по своему творить истину, а въ томъ, чтобы уразумѣвать истину свободнымъ употребленіемъ своихъ познавательныхъ силъ, не зависимо отъ какаго бы то ни было авторитета ¹⁾).

Но свободный въ исканіи истины и спасенія, человѣкъ въ одиночествѣ, самъ по себѣ, безсиленъ обрѣсти то или другое. Мы были бы недостойны разумѣнія истины, если бы не имѣли свободы, если бы приобрѣтали его не подвигомъ и напряженіемъ всѣхъ нашихъ нравственныхъ силъ; но мы были бы *не способны* уразумѣвать Божественную истину, если бы не держались *въ единствѣ* силою нравственного закона любви. Разумная свобода вѣрующаго не знаетъ надъ собою авторитета; но оправданіе этой свободы—въ единомысліи съ церковію, а мѣра оправданія опредѣляется согласіемъ всѣхъ вѣрныхъ. Нѣтъ человѣка, который бы самъ по себѣ, въ своей одиночной дѣятельности, изъять былъ отъ заблужденія, какъ бы онъ высоко ни стоялъ; но согласіе всѣхъ есть истина въ лонѣ церкви. Въ церкви каждый отдаетъ свой умственный трудъ всѣмъ, и каждый пріемлетъ отъ всѣхъ добытое общимъ трудомъ, и изъ гармоническаго сліянія мыслей личныхъ образуется мысль всей церкви, и только ей, мысли цѣлой церкви, доступна истина. Требованіе единства не противорѣчитъ ли требованію свободы? Церковь требуетъ отъ своихъ сыновъ согласія, ибо безъ согласія органическая жизнь не возможна; но это не значитъ навязывать согласіе внѣшнимъ образомъ, принудительно требовать слѣпаго признанія. Милліоны людей смотрятъ на солнце и соглашаются, что оно блеститъ. Слепой можетъ въ этомъ сомнѣваться, но слѣдуетъ ли изъ этого, что согласіе прочихъ имъ навязано? Взаимная любовь есть то око, которымъ каждый

¹⁾ См. Бог. сочин. Хомякова стр. 40, 208—210, и др.

христіанинъ зрѣтъ божественные предметы. Доля духовнаго ясновидѣнія, даруемая въ мѣру каждому христіанину, находитъ свою полноту въ органическомъ соединеніи всѣхъ. Каждый человекъ долженъ быть свободенъ въ своемъ вѣрованіи, такъ; но этого мало, этимъ не все исчерпывается и не опредѣляется отличие свободы въ христіанствѣ отъ другихъ проявленій свободы. На такой свободѣ, которой плоды обнаруживаются во внутреннемъ раздорѣ вѣрованій, въ признанномъ или неизбежномъ субъективизмѣ, въ отсутствіи вѣры объективной—на такой свободѣ нѣтъ благословенія Божія. Свободные въ Иисусѣ Христѣ суть едино въ немъ, а гдѣ нѣтъ единства, тамъ рабство заблужденію, тамъ свобода мнимая. Кто отрицаетъ христіанское единство, тотъ клеветаетъ на христіанскую свободу, ибо единство—ея плодъ и проявленіе ¹⁾).

Какимъ образомъ единство христіанъ даетъ каждому изъ нихъ то, чего не имѣетъ никто въ отдѣльности? Песчинка, дѣйствительно не получаетъ новаго бытія отъ груды, въ которую ее забросилъ случай. Таковъ человекъ въ протестанствѣ. Кирпичъ, положенный въ стѣнѣ, не улучшается отъ мѣста, назначеннаго ему каменщикомъ; таковъ человекъ въ католициствѣ. Но всякая частица вещества, воспринятая живымъ тѣломъ и усвоенная имъ, ассимилируется въ организмъ, дѣлается не отъемлемою его частию и получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь. Таковъ христіанинъ въ церкви. Каждый изъ насъ постоянно ищетъ того, чѣмъ церковь обладаетъ; безсильный въ своемъ одиночествѣ, человекъ ищетъ приобщиться къ единству церкви. И церковь даетъ ему то, чего самъ по себѣ обрѣсть онъ не можетъ. Каждый изъ насъ отъ земли, одна церковь отъ неба. Впрочемъ человекъ находитъ въ церкви не чуждое что-либо себѣ; онъ находитъ въ ней самого себя, но не въ безсиліи своего духовнаго одиночества, а въ силѣ искренняго духовнаго единенія съ своими братьями, съ своимъ Спасителемъ. Онъ находитъ въ ней себя въ своемъ совершенствѣ, находитъ въ ней то, что есть совершеннаго въ немъ самомъ—Божественное вдохновеніе, постоянно испаряющееся въ грубой нечистотѣ отдѣльно—личнаго существованія ²⁾).

Это очищеніе совершается необходимою силою взаимной любви христіанъ во Иисусѣ Христѣ, «ибо эта любовь есть Духъ Божій». Взаимная любовь христіанъ есть то око, которымъ каждый христіанинъ зрѣтъ Божественные предметы, и это око никогда не смыкалось съ самаго того дня, когда огненные языки низошли на главы

¹⁾ См. Бог. сочин. Хомякова стр. 171, 210, 208, и др.

²⁾ См. Бог. сочин. Хомякова стр. 99—100 и др.

апостоловъ; оно и не сомнется никогда дотолѣ, пока Верховный Судія сойдетъ и потребуеъ отчета у человѣчества въ истинѣ, которую Онъ далъ ему, запечатлѣвъ ее своею кровію. Доля духовнаго ясновидѣнія, даруемая въ мѣру каждому христіанину, находитъ свою полноту въ органическомъ единеніи всѣхъ. Когда порвана связь взаимной любви, когда отринута вѣра въ ея силу, человѣкъ фактически вышелъ изъ церкви, хотя бы, по законамъ чисто-земной организаціи, и оставался въ ея оградѣ. Потому-то и не дается истина вѣры ни католичеству, ни протестантству, что тамъ забыто это органическое начало жизни церковной—любовь. «Какъ, возразятъ, вы хотите увѣрить, что въ продолженіе столькихъ вѣковъ въ христіанскомъ мірѣ, въ странахъ наиболѣе образованныхъ, основаніе и сущность христіанства—любовь оставалась въ забвеніи? Сколько было славныхъ мужей, проповѣдавшихъ законъ Спасителя, сколько было высокихъ и благородныхъ умовъ, сколько пламенныхъ и нѣжныхъ душъ, провозглашавшихъ народамъ запада слово вѣры—и будто нѣкъ изъ нихъ не было упомянуто о взаимной любви, которую, умирая, оставлялъ въ завѣтъ братіямъ умиравшій за нихъ Христосъ? Это невѣроятно, дѣйствительно невѣроятно, а все-таки это такъ. Витіи, мудрецы и проповѣдники говорили часто о законѣ любви, но никто не говорилъ о *смыслѣ* любви. Народы слышали проповѣдь о любви, какъ о долгѣ, но забыли о любви, какъ о *божественномъ дарѣ, которымъ обезпечивается за людьми познаніе безусловной истины* ¹⁾).

Папство приноситъ свободу въ жертву единству, протестантство—единство въ жертву свободѣ. Протестантство заводитъ человѣка въ пустыню; католичество обноситъ его оградю: но тамъ и здѣсь онъ остается одинокимъ. «Повинуйтесь и вѣруйте моимъ декретамъ», говорятъ Римъ. «Будьте свободны и постарайтесь создать себѣ какое нибудь вѣрованіе», говоритъ протестантство. А церковь православная вызываетъ къ своимъ чадамъ: *«возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмся Отца, и Сына и Св. Духа»*.

IX. Отсюда для насъ уже становится понятнымъ, какимъ образомъ принципъ участія паствы, народа церковнаго, въ дѣлахъ церкви въ разсужденіяхъ о предметахъ вѣры, въ охраненіи чистой истины отъ злоупотребленій мысли личной составляетъ, по Хомякову, одно изъ существенныхъ отличій православія въ сравненіи съ католичествомъ. По Хомякову этотъ принципъ существенно вытекаетъ изъ православной идеи церкви, какъ живаго организма, въ жизни котораго

¹⁾ См. Бог. сочин. Хомякова стр. 96—97, 103, и др.

каждый изъ отдѣльныхъ членовъ церкви принимаетъ соотвѣтствующую долю участія, по мѣрѣ своего значенія въ общемъ составѣ организма. «Какъ тѣло имѣетъ много членовъ, говорить св. ап. Павелъ, и всѣ члены хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло: такъ и Христосъ (т. е. церковь). Ибо *единымъ духомъ мы вси крестимся, и вси единымъ духомъ напоихомся*. Но тѣло не есть одинъ членъ, а совокупность многихъ. Глазъ не можетъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна, или голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ: члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе. Богъ такъ устроилъ тѣло, чтобы въ немъ не было раздѣленія, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ (1 Кор. XII, 12—27), и чтобы *соразмѣрнымъ дѣйствіемъ каждаго члена* совершался ростъ всего тѣла (церкви) для его назиданія въ любви (Ефес. IV, 16). Таковъ основной прототипъ устройства церкви. Здѣсь все основывается на живомъ взаимодействіи членовъ; здѣсь нѣтъ рѣзкаго, абсолютнаго раздѣленія между управляющими и управляемыми, между дѣятельными и пассивными членами. Раздвоеніе церкви на церковь учащую и церковь учениковъ, признанное въ католичествѣ, какъ основной принципъ, обусловленный самымъ складомъ церкви—государства, прошло, какъ извѣстно, и въ протестантство, какъ слѣдствіе упраздненія въ немъ преданія или посягательства науки на вѣру. Отсутствие этого раздвоенія въ церкви православной самымъ рѣшительнымъ образомъ опредѣляетъ характеръ послѣдней. Говоря такимъ образомъ, Хомяковъ предлагаетъ не гипотезу, не выводъ только изъ другихъ началъ православія: это — неоспоримый догматическій фактъ. Восточные патріархи, говоритъ онъ, торжественно провозгласили въ своемъ отвѣтѣ на окружное посланіе Пія IX, что непогрѣшимость почиетъ только во вселенскости церкви, объединенной взаимною любовію, и что неизмѣняемость догмата, равно какъ и чистота обряда, ввѣрены охранѣ не одной іерархіи, но всего народа церковнаго, который есть тѣло Христово. Народъ — тѣло церкви, въ нравственномъ единеніи съ Богоучрежденной іерархіей и совокупно съ нею служитъ носителемъ обще-церковнаго преданія, этого главнаго обезпеченія неизмѣнности и чистоты вѣры. Вотъ подлинныя слова восточныхъ патріарховъ: «У насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что нибудь новое, потому что хранитель благочестія (*ὑπερασπιστὴς τῆς Ἐκκλησίας*) у насъ есть самое тѣло церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцовъ своихъ... Мы не имѣемъ никакого свѣтскаго надзирательства или, какъ говоритъ его

блаженство (папа), священнаго управленія, а только соединены союзомъ любви и усердія къ общей матери нашей въ единствѣ вѣры» ¹⁾. «Это формальное объявленіе всего восточнаго клира безспорно самое значительное событіе въ церковной исторіи за много вѣковъ, замѣчаетъ Хомяковъ. Оно заключаетъ въ себѣ общую формулу всей исторіи церкви... Изъ нѣдръ невѣжества и уничтоженія, изъ глубины темницы, въ которой ислаимзмъ держитъ христіанъ востока, раздался голосъ и изрекъ міру слово, которое ни одна честная душа, вѣрующая во что-либо или невѣрующая, не откажется признать за одно изъ прекраснѣйшихъ, когда-либо исходившихъ изъ человѣческихъ устъ» ²⁾.

Правда, вопреки протестантству, іерархія не есть произведеніе церковнаго общества, а творческое начало его самого, Богоучрежденный органъ, чрезъ который простые вѣрующіе должны быть утверждаемы и возвращаемы во Христѣ. Не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ, сказалъ Спаситель апостоламъ; а Духъ святой, устами апостола, говоритъ: благословляемый отъ большаго благословляется. «Не отъ несовершенства церковь восходитъ къ совершенству; ея исходъ—совершенство и всемогущество, возводяція къ себѣ несовершенство». Полнота церковныхъ правъ, которыя вручилъ Иисусъ Христосъ апостоламъ, пребываетъ всегда на вершинѣ іерархіи. Апостолы идутъ предъ церковь, какъ посланники Божіи, а не на оборотъ; епископы и пресвитеры—не служители частной общины, а служители Христа во вселенской общинѣ. Но съ другой стороны Господь, удаляя отъ вселенной свое видимое присутствіе, поручилъ храненіе своего ученія не отдѣльнымъ лицамъ—своимъ ученикамъ, а церкви учениковъ. Сами апостолы, какъ искупленные и вѣрующіе, были и первымъ церковнымъ обществомъ, такъ что въ лицѣ ихъ іерархія и церковное общество, какъ одно тѣло, одновременно произошли отъ Главы церкви, Господа Иисуса Христа. Отъ этой Главы церкви исходитъ жизнь всего тѣла, и духъ этой жизни—та же Божественная любовь, по которой Виновникъ нашей вѣры совершилъ дѣло искупленія. А любовь не предвосхищаетъ, не монополизируетъ благодати, и не низводитъ своихъ братій въ духовное плотство. «Церковь знаетъ братство, но не знаетъ подданства». Потому-то и самое полномочіе апостоловъ — быть органами жизни во Христѣ для прочихъ вѣрующихъ, переданное имъ своимъ ученикамъ—епископамъ

¹⁾ См. §§ 17-й и 18-й Окружнаго посланія восточныхъ патріарховъ въ рускомъ переводѣ (1850 г. Спб.) стр. 37.

²⁾ См. Богосл. сочин. Хом. стр. 55, 140.

называется въ св. Писаніи *служеніемъ*, такъ какъ и самъ *Сынъ человѣческій не придетъ, да послужитъ Ему, но послужити* (Мѡ. XX, 25—28; сн. Дѣян. 1, 25, 1 Кор. III, 5 IV, 1 и пр.). Въ церкви, гдѣ господствуетъ право любви, кто хочетъ быть первымъ, долженъ быть всѣмъ слугою. Такимъ образомъ въ церкви православной законодателемъ религіозной истины является не одна іерархія, и не одинъ народъ первовный въ отдѣльности, а Духъ Божій, *въ цѣломъ тѣлѣ* церкви, которое составляютъ іерархія и народъ, и основою церковной вѣры является не голосъ и воля іерархіи или народа въ отдѣльности, а откровеніе Духа Божія, живущаго въ церкви. Рядъ свидѣтельствъ св. Писанія и церковной исторіи всѣхъ вѣковъ подтверждаютъ такой взглядъ на значеніе паствы въ дѣлахъ церкви. Столпъ и утверженіе истины есть, по апостолу, *церковь* Бога жива — вся, въ ея полномъ составѣ, а не одна іерархія (1 Тим. III, 15); обѣтованіе непогрѣшимости въ вѣрѣ дано всей церкви, а не одной іерархіи (Мѡ. XVI, 18); слова Спасителя: *идъже еста два или трие собрани во имя Мое—ту есмь посредъ ихъ*—относятся, очевидно, ко всѣмъ вѣрующимъ, а не къ одной іерархіи. Почти всѣ посланія апостольскія, содержащія въ себѣ рѣшеніе важнѣйшихъ догматическихъ вопросовъ, написаны не къ однимъ предстоятелямъ церквей, но—къ цѣлымъ обществамъ вѣрующихъ. На соборѣ апостольскомъ, послужившемъ первообразомъ для всѣхъ послѣдующихъ соборовъ, —гдѣ рѣшенъ вопросъ о необязательности закона Моисеева для христіанъ, присутствовали, вмѣстѣ съ апостолами и пресвитерами, и братія—съ правомъ совѣщательнаго голоса: *умолча же все множество* (внимая разказу Варнавы и Павла объ успѣхѣхъ проповѣди ихъ у язычниковъ), замѣчаетъ св. дѣписатель; *умолча*—значитъ до того времени оно говорило въ собраніи, хотя въ повѣствованіи св. Луки приводятся рѣчи только апостоловъ Петра и Іакова. Самое опредѣленіе этого собора отправлено христіанамъ Антіохіи и Сиріи не отъ лица только апостоловъ и пресвитеровъ, но и братій (Дѣян. гл. 15).

Во всей полнотѣ божественный авторитетъ іерархіи проявляется въ совершеніи таинствъ. Здѣсь іерархическое лицо дѣйствуетъ лишь какъ орудіе силы Божіей, чрезъ которое вѣрующему подается невидимая благодать, и въ этомъ заключается Богоучрежденное отличіе іерархіи отъ прочихъ членовъ церкви: первая имѣетъ право *совершать* таинства, послѣдніе—только *пользоваться* ими. Но и при совершеніи таинствъ участіе паствы проявляется *въ молитвенномъ содѣйствіи* всѣхъ вѣрующихъ священнослужителю. Такъ жертва св.

евхаристіи приносится священникомъ отъ лица всей церкви, при живомъ участіи всѣхъ вѣрующихъ, которое выражается въ ихъ молитвахъ, въ отвѣтахъ на обращенія священника. Абсолютная необходимость крещенія для каждаго вызвала въ церкви правило, по которому, въ случаяхъ крайней нужды, таинство это можетъ быть совершено и мирянами. Что касается до другихъ сторонъ іерархической дѣятельности пастырей церкви, каково право учительства церковнаго и право церковнаго управленія, то здѣсь, конечно, оставляется больше мѣста личной дѣятельности и естественнымъ силамъ отдѣльныхъ пастырей, но съ тѣмъ вмѣстѣ—и большой просторъ участию мирянъ. Для цѣлей религіознаго просвѣщенія церковь допускаетъ на ряду съ оффиціальнымъ учительствомъ іерархіи, и частное учительство каждаго вѣрующаго, кто чувствуетъ къ тому призваніе и твердо стоитъ на неизблемомъ основаніи вѣры. Не вси бывайте учителя, говоритъ апостолъ (1 Кор. XII, 29), но въ то же время постоянно убѣждаетъ всѣхъ вѣрующихъ назидать другъ друга и словомъ и примѣромъ. Такимъ образомъ въ церкви кто получилъ отъ Бога даръ слова—учить словомъ, кому Богъ не далъ этого дара—поучаетъ жизнью. «Мученики, въ минуту смерти возвѣщавшіе, что страданія за истину Христову принимались ими съ радостію, были по истинѣ великими наставниками. Кто говоритъ брату: я не въ силахъ убѣдить тебя, но помолимся вмѣстѣ,—и обращаетъ его пламенною молитвою, тотъ также сильное орудіе учительства. Кто силою вѣры и любви исцѣляетъ больнаго и тѣмъ приводитъ къ Богу заблудшія души, тотъ пріобрѣтаетъ учениковъ и въ полномъ смыслѣ слова становится ихъ учителемъ». И это нисколько не противорѣчитъ тому, что служеніе словомъ возложено преимущественно на клиръ, какъ его *обязанность*. Іерархическія лица суть только оффиціальныя церковныя учителя, несутъ въ этомъ случаѣ лишь обязанность, но не имѣютъ привилегіи; кто пріурочиваетъ учительство въ какой-либо должности, какъ особый божественный даръ, тотъ впадаетъ въ ересь или создаетъ новое, небывалое таинство раціонализма (такъ какъ отличительная особенность таинства предъ всякимъ другимъ дѣйствіемъ именно въ томъ и состоитъ, что дѣйствительность его нисколько не зависитъ отъ личныхъ свойствъ и внутренняго настроенія лица, его совершающаго). Только папа можетъ говорить о себѣ, что изъ устъ его всегда исходитъ вышеновѣданная истина, что ни личная ограниченность его пониманія, ни личная его грѣховность не могутъ имѣть вліянія на проповѣдуемое имъ ученіе. Въ православной же церкви ни пастыри церкви, въ сферѣ учительства, не изъяты отъ

возможности заблуждаться, ни міряне не лишены права и способности изрѣкать ученіе, согласное съ истиною. Потому-то въ церкви даже тотъ, кто въ глазахъ міра ниже всѣхъ въ сонмѣ вѣрныхъ, но воспитанъ во всякомъ благочестіи, можетъ, если видитъ кого-либо изъ собратій, даже высшихъ себя, даже высшее іерархическое лицо, совращающимся съ пути истины, обличить его законнымъ, каноническимъ способомъ, предъ лицемъ церкви. Подобнымъ образомъ и въ сферѣ церковнаго управленія: авторитетъ іерархіи обнаруживается въ богодарованномъ ей правѣ вязать и рѣшить, т. е. отдѣлять преступныхъ членовъ церкви отъ духовнаго общенія съ нею, равно какъ и снова принимать въ это общеніе кающихся. Но въ приложеніи этого права къ частнымъ случаямъ пастыри церкви, будучи предоставлены своему личному благоразумію, имѣя только лишь общее правило—употреблять свою власть *въ созиданіе, а не на разрушеніе церкви* (2 Кор. X, 2), пользуются содѣйствіемъ церковной общины мірянъ. Во времена апостоловъ судъ надъ преступными членами церкви былъ дѣломъ всего церковнаго общества. *Тако-ли нпсть въ васъ мудръ ни единъ, иже можетъ рассудити между братій своихъ*, писалъ апостоль Коринѳянамъ (1 Кор. 6, 5). Изрекая отлученіе коринѳскому кровосмѣснику, апостоль вмѣняетъ тамошнимъ христіанамъ въ вину, что они такъ долго терпѣли въ своей средѣ такого страшнаго грѣшника: *не вамъ ли принадлежитъ судъ надъ внутренними* (т. е. членами своей общины)?

Что касается до фактовъ церковной исторіи, греческой и русской, и изрѣченій св. отцовъ церкви, свидѣтельствующихъ о дѣятельномъ участіи, какое принимала, въ большей или меньшей мѣрѣ во всѣ времена, въ дѣлахъ церкви, въ рѣшеніи вопросовъ не только церковнаго благочинія, но и вопросовъ догматическихъ, церковная паства, міряне, то въ изслѣдованіи г. Павлова ¹⁾ этихъ фактовъ и свидѣтельствъ собрано такъ много, что едва ли справедливо утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ богослововъ, будто народъ составляетъ въ церкви темную, инстинктивную силу, что онъ не болѣе, какъ источникъ суевѣрій и заблужденій. Не говоря уже о выборахъ на церковно-іерархическія должности, въ которыхъ участіе мірянъ не только допускалось, но и узаконялось и только по временамъ, среди еретическихъ смуть и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, устранялось или сокращалось, хотя никогда впрочемъ не было отмѣнено въ принципѣ, мы видимъ мірянъ даже на соборахъ

1) Объ участіи паствы въ дѣлахъ церкви, А. Павловъ, Казань. 1866.

не только на тѣхъ, на которыхъ рѣшались вопросы дисциплины церковной, но и на тѣхъ, гдѣ шла рѣчь объ основныхъ догматахъ вѣры, и на этихъ послѣднихъ даже больше, чѣмъ на первыхъ, — съ правомъ совѣщательнаго голоса. Отецъ церковной исторіи, Евсевій, о малоазійскихъ соборахъ противъ Монтана выражается такъ: *отрующіе* (слѣдов. не одна іерархія) стали собираться и изслѣдовать новое ученіе, объявили его нечестивымъ и отвергли». Міряне присутствовали на соборахъ африканскихъ, разсуждавшихъ о крещеніи еретиковъ и о падшихъ. Нѣкоторые западные соборы постановляли даже за правило, чтобы епископы приглашали на соборы и мірянъ. Толедскій соборъ 633 года, устанавливая, согласно древнему обычаю, общую форму для соборныхъ засѣданій, отводитъ на нихъ особое мѣсто и мірянамъ. Въ актахъ нѣкоторыхъ соборовъ есть даже подписи мірянъ. На первомъ вселенскомъ соборѣ несомнѣнно присутствовали во множествѣ и міряне; на слѣдующихъ шести мірской элементъ былъ представляемъ императорами или ихъ уполномоченными, — при чемъ это присутствіе мотивируется именно тѣмъ, что «дѣло идетъ о вѣрѣ», которая составляетъ общее достояніе всей церкви, въ ея совокупности, а не одной іерархіи. Знаменитый поборникъ церковнаго абсолютизма, папа Николай I-й писалъ императору Михаилу. «гдѣ вы читали, чтобы императоры присутствовали на соборахъ? *Развѣ только на тѣхъ, на которыхъ шло разсужденіе о вѣрѣ, которая всеобща, которая принадлежитъ всемъ христіанамъ, не только клирикамъ, но и мірянамъ*». Мірянамъ на соборахъ, конечно, не принадлежало право окончательнаго рѣшенія догматическихъ вопросовъ — это было дѣло епископовъ, уполномоченныхъ учителей церкви; но и свидѣтельство мірянъ о вѣрѣ имѣло также каноническій авторитетъ: на него, по крайней мѣрѣ, ссылаются сами отцы церкви, когда нужно было противопоставить еретическимъ толкамъ единство вѣры. «Напрасно, говоритъ бл Августинъ, еретики, осужденные отчасти *судомъ народа*, отчасти важностью соборовъ, отчасти величіемъ чудесъ волнуются внѣ церкви: этимъ тройкимъ осужденіемъ она выразила свой высшій авторитетъ». Св. Левъ, изложивъ православное ученіе противъ Несторія и Евтихія, замѣчаетъ: не только священники, но и христіанскіе владыки, *весь народъ*, всѣ признали, что въ этомъ состоитъ *каеолическая вѣра*. Св. Кипріанъ Карфагенскій «полагалъ себѣ за правило ничего не дѣлать безъ совѣщанія съ клиромъ и безъ согласія народа».

Позволимъ себѣ указать еще на нѣкоторые данныя, относящіяся къ занимающему насъ вопросу, приводимыя къ статьѣ г. Силицка-

го ¹⁾ — изъ исторіи собственно русской церкви. Истинный смыслъ православнаго ученія о взаимныхъ отношеніяхъ іерархіи и паствы съ особенною полнотою и наглядностію выразился тамъ, гдѣ православная церковь историческими обстоятельствами поставлена была въ соприкосновеніе съ папствомъ, устранивающимъ мірянъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ церкви, дѣлающимъ ихъ, по выраженію Хомякова, «духовными илотами». Такова была юго-западная Русь. Въ періодъ вѣковой борьбы здѣсь православія съ папствомъ и особенно съ уніей, благодаря трудамъ незабвенныхъ ревнителей православія, здѣсь образовалась цѣлая литература по вопросу о взаимномъ отношеніи между іерархіею и паствою въ дѣлахъ вѣры. Данныя, представляемыя этой полемической литературой, имѣютъ въ настоящемъ случаѣ особенный интересъ въ виду взгляда на занимающій насъ вопросъ, недавно выраженаго въ органѣ современной юго-западной православной богословской учености — «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи». Почтенный профессоръ Академіи В. Θ. Пѣвницкій, справедливо пользующійся заслуженною извѣстностію въ нашей духовной литературѣ, ученый авторъ многихъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ кіевскомъ академическомъ журналѣ, въ своемъ замѣчательномъ очеркѣ «судебъ богословской науки въ Россіи», дѣлая бѣглый взглядъ на значеніе богословскихъ сочиненій Хомякова, высказываетъ убѣжденіе, что «народъ доставляетъ въ церкви темную инстинктивную силу, источникъ суевѣрій и заблужденій», что «іерархія составляетъ непосредственный органъ изволеній св. Духа», «волю и мысль народа, силу, надъ народомъ бдящую»...

Нѣсколько иначе рассуждали кіевскіе ученые стараго времени, и не вполне таковъ былъ порядокъ вещей въ православной юго-западной церкви прошлыхъ временъ. Когда олатинившіеся юго-западные епископы, затѣявшіе унію, подали королю о ней прошеніе отъ имени всего духовенства и «вѣрренныхъ имъ овецъ», считая послѣднихъ обязанными безусловно слѣдовать за ними всюду, куда бы они ихъ не повели, два епископа, оставшіеся вѣрными православію, одинъ архимандритъ, низшее духовенство и представители народа, съѣхавшись на соборъ въ Брестъ-Литовскъ, издали декретъ, въ которомъ объявили, что отступники отъ православія, митрополитъ и пять епископовъ, «осуждены голосомъ патріарха, епископами, духовенствомъ, а также панами и огуломъ вѣрнымъ православнымъ христіанствомъ». Затѣмъ послѣдовало то широкое развитіе братствъ,

¹⁾ Характеръ церковнаго управленія въ юго-западной Руси предъ Брестскою уніей. А. Сняцкаго Вѣстн. Югов. Россіи 1862—1863.

которому *главнымъ образомъ* обязано православіе своимъ спасеніемъ въ Литвѣ, и та побѣдоносная полемика со стороны православныхъ противъ уніи, главнымъ и наиболѣе даровитымъ представителемъ которой является авторъ «*апокризиса*», такъ кстати вновь изданнаго кіевскою академіею къ своему юбилею и такъ мало гармонирующаго съ замѣчаніемъ г. Пѣвницкаго о Хомяковѣ. «Толковать о членахъ вѣры, говорилъ Поцѣй въ своей «Оборонѣ Брестскаго собора», изъяснять спасительный ихъ смыслъ могутъ только одни духовные и епископы, ибо какъ въ ветхомъ, такъ и новомъ завѣтѣ повелѣно слушать однихъ духовныхъ и слѣдовать ихъ вѣрѣ, а свѣтскимъ, какъ овцамъ, велѣно идти за пастырями безпрекословно». На это Христофоръ Бронскій (авторъ апокризиса) отвѣчаетъ, что пастыри не должны управлять совѣстію мірянъ такъ, чтобы стѣснять своими требованіями ихъ свободу: пастыри обязаны только наблюдать за ихъ дѣлами и совѣстію и соглашать ихъ и свою жизнь съ закономъ евангельскимъ и постановленіями церкви. Въ церкви голосъ даже одного ея члена долженъ быть уваженъ. Что касается до блага всѣхъ и спасенія души, это должно быть всеми постановлено съ общаго согласія и тогда уже принято. Мірянинъ, содержащій вѣру православно, вмѣшивающійся въ дѣла церковныя съ доброю цѣлію, заслуживаетъ не порицанія, а одобренія. Патріархъ Іеремія II, утвердившій церковныя братства, призналъ за всеми мірянами право присутствовать на соборахъ, какъ было и въ древней церкви. Но это присутствіе не должно быть только страдательнымъ,—иначе оно не будетъ имѣть смысла. «Совершеннѣйшій соборъ не есть судилище однихъ епископовъ. Есть разныя дарованія Божіи, — и между свѣтскими людьми бываетъ много людей благочестивыхъ, одною простотою могущихъ сдѣлать многое. Много бываетъ между ними и ученыхъ, многіе изъ нихъ болѣе разумны, чѣмъ епископы—тѣ епископы, которые кромѣ титула, облаченій, гордости и богатства, по истинѣ не имѣютъ ничего епископскаго, о которыхъ можно сказать словами бл. Іеронима: не всѣ епископы суть епископы. Одному простому мірянину православному нужно больше вѣрить, чѣмъ папѣ».

Въ бѣглой замѣткѣ г. Пѣвницкаго о Хомяковѣ есть одно выраженіе, на которомъ мы также находимъ нужнымъ остановиться. Почтенный профессоръ думаетъ, что показанное выше значеніе въ дѣлахъ церкви Хомяковъ усволяетъ «народу церковному», мірянамъ единственно «въ соотвѣтствіе общинной теоріи славянофиловъ», что-де богословъ—диллетантъ, такъ сказать, мимоходомъ сочинилъ свою богословскую теорію въ pendant своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

Мы не настолько знакомы съ исторіею развитія Хомякова, чтобы опредѣлить, на сколько «общинная теорія славянофиловъ» имѣла вліянія на его богословскія понятія но, во всякомъ случаѣ, кто, сколько-нибудь изучавшій Хомякова, не знаетъ, что это былъ прежде всего человекъ вѣры, а потомъ уже—человѣкъ науки и наконецъ уже, всего меньше, человекъ политики, что богословскія понятія Хомякова возникли у него не случайно, а составляютъ плодъ долгаго, внимательнаго и глубокаго изученія богословскихъ вопросовъ по первоначальнымъ источникамъ вѣроученія, что не религіозное ученіе онъ пріурочиваетъ къ своимъ научнымъ и политическимъ воззрѣніямъ, а на оборотъ—религіозную православную идею беретъ за исходный пунктъ своихъ научныхъ изслѣдованій, и что эта-то исходная точка его научныхъ и литературныхъ трудовъ придаетъ его міросозерцанію удивительную цѣлостность и ту стройность, какая составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ этого міросозерцанія? Если г. Пѣвницкій желаетъ видѣть, до какой степени не способенъ былъ Хомяковъ свои богословскія понятія ставить въ зависимость отъ политическихъ и соціальныхъ теорій, мы совѣтуемъ ему прочесть во второй брошюрѣ о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ тѣ мѣста, гдѣ авторъ разсуждаетъ объ усиліяхъ протестантскихъ партій войти въ соглашеніе съ политическими партіями Германіи.

«Есть какая-то фальшь въ союзѣ религіи съ соціальными треволненіями, говоритъ Хомяковъ. Что богачъ требуетъ себѣ обезпеченій для своихъ устрицъ и трюфелей, что бѣдняку хотѣлось бы, вмѣсто чернаго хлѣба, нѣсколько лучшей пищи— все это естественно и можетъ быть вполне справедливо въ обоихъ случаяхъ, особенно въ послѣднемъ; *но разрѣшеніе этого рода задачъ дѣло разума, науки, а не вѣры*». «Напрашиваясь на союзы съ политическими доктринами и подпираясь страстями, хотя бы самыми законными, религіозныя партіи запада только сами себя роняютъ». Западные вѣроисповѣданія «ищутъ поддержки, болѣе или менѣе надежной, то въ сочувствіи народныхъ массъ, то въ интересахъ престоловъ и привилегированныхъ сословій. Та и другая сторона попеременно заискиваютъ благорасположенія міра, выставя на видъ то любовь свою къ порядку, то готовность свою обезпечить свободу, смотря потому, какое начало беретъ верхъ надъ другимъ, и что выгоднѣе—союзъ съ правительствами, или союзъ съ народами... Я знаю, что такъ какъ каждый христіанинъ обязанъ предъ Богомъ дѣятельно заботиться о томъ, чтобы всѣ его братья достигли возможно высокой степени благосостоянія, то отсюда само собою вытекаетъ и общее стремленіе

цѣлыхъ народовъ, озаренныхъ христіанствомъ, доставить всѣмъ сполна ту долю свободы просвѣщенія и благоденствія, какая доступна обществу и *можетъ быть достигнута правдою и любовью*; но знаю также, что по отношенію къ церкви это результатъ не прямой, а косвенный, къ которому она должна относиться безразлично, не принимая въ немъ непосредственнаго участія, ибо ея цѣль выше всякаго земнаго благополучія ¹⁾...

Х. Неизмѣнное и ненарушимое храненіе догматовъ, преданій, установленій и церковныхъ обычаевъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ церкви въ первые восемь вѣковъ христіанства, составляетъ отличительный характеръ православной церкви. Въ этомъ ея величайшая похвала и высшее достоинство, котораго не могутъ не признать и болѣе добросовѣстные изъ ея противниковъ, и здѣсь источникъ того важнаго значенія, какое церковь восточная имѣетъ и будетъ имѣть для всего міра во всѣ времена... Тѣмъ не менѣе, по этому случаю, на западѣ очень часто обвиняютъ нашу церковь въ неподвижности и застоѣ, въ отсутствіи жизненности и развитія, и хвалятся своимъ прогрессомъ христіанства. И то и другое—и порицаніе и похвальба—не справедливо. Дѣло въ томъ, что православная церковь отнюдь не отрицаетъ возможности и законности поступательнаго движенія религіозной мысли, но иначе понимаетъ прогрессъ христіанства, нежели какъ понимаютъ его на западѣ, и другой путь избираетъ для этого поступательнаго движенія.

Въ отправленіяхъ жизни религіозной, даже самыхъ высшихъ, каково постановленіе догматовъ, по самому существу религіи, какъ свободнаго союза человѣка съ Богомъ, по самому понятію о церкви, какъ живомъ организмѣ, въ жизни котораго принимаетъ участіе весь народъ церковный, многое условливается степенью и характеромъ развитія естественныхъ силъ человѣчества, а вслѣдствіе этого болѣе или менѣе широкое раскрытіе религіозной мысли можетъ совершаться не иначе, какъ въ уровень съ жизнію и по ея требованіямъ и нуждамъ. Поэтому поступательное движеніе религіозной мысли и на востокѣ не могло совершаться постоянно съ тою необычайною энергією и быстротою, съ какою оно совершалось тамъ въ знаменательный періодъ семи вселенскихъ соборовъ. Во времена, слѣдовавшія за временемъ вселенскихъ соборовъ, историческія обстоятельства христіанскаго востока далеко не были благопріятны для процвѣтанія религіозной мысли и жизни. Изъ народовъ, принадлежащихъ восточной цер-

¹⁾ См. Бог. сочин. Хомякова стр. 73—75.

кви, одни тогда отживали, другіе еще не начинали или только что начинали жить историческою жизнію. Тяжелыя политическія обстоятельства, въ которыхъ тогда находился и доселѣ находится христіанскій востокъ, греческій и славянскій, мало оставляли возможности вообще для какой бы то ни было дѣятельности мысли. Неудивительно, слѣдовательно, что и раскрытіе христіанскаго ученія въ восточной церкви съ 9-го вѣка приостановилось, или по крайней мѣрѣ стало совершаться съ меньшею энергіею, чѣмъ прежде. Въ твореніяхъ церковныхъ писателей того времени мы дѣйствительно не находимъ уже ничего или очень мало новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что содержится въ твореніяхъ отцовъ и учителей церкви первыхъ восьми вѣковъ. Богословствованіе въ тѣ времена не вызывалось общими нуждами всей церкви, не требовалось жизнію и было бы не дѣломъ всего тѣла церкви, а лишь дѣломъ личной потребности частныхъ ея членовъ и какъ это иногда бывало, даже произвольно и можно сказать праздною дѣятельностію любителей діалектики, слѣдствіемъ школьной привычки разсуждать и спорить. Таковы именно были богословскіе споры въ Византіи въ царствованіе Мануила Комнена. Такой же характеръ имѣли споры Грековъ съ Латинянами по вопросу о соединеніи церквей, вызванные не внутреннею потребностію всего христіанскаго народа въ уясненіи религіознаго вопроса, какъ вопроса жизни, а личными и политическими интересами императоровъ и папъ. Позже, во времена турецкаго пораженія, величайшею заслугою восточной церкви было уже одно то, что она въ продолженіе тысячелѣтія, не смотря на всѣ покушенія иновѣрныхъ совратить ее съ праваго пути, спасла неприкосновеннымъ сокровище своей чистой вѣры. Для народа церковнаго, тогда, какъ и теперь, довольно, слишкомъ довольно было и того раскрытія христіанскаго ученія, какое уже имѣлось, для того, чтобы быть существами вѣрующими, нравственными, достойными чадами Божиими. Христіанство дано людямъ не какъ діалектическое построеніе, не для гимнастики мысли, а какъ ученіе любви, для воздѣйствія на жизнь людей, для нравственнаго возрожденія человѣчества. Спасеніе человѣка зависитъ не отъ количества содержащихся истинъ, а отъ простоты вѣры, и отъ жизни святой и Богоугодной. Когда православные народы разовьются до той степени умственной энергіи, какая была въ Греціи въ первые восемь вѣковъ христіанства, тогда справедливо будетъ требовать и отъ нихъ большаго движенія религіозной мысли, нежели какое замѣчается доселѣ... У православныхъ народовъ, дѣйствительно доселѣ, можетъ быть, слаба самодѣятельность въ религіозномъ дѣлѣ, слабъ дѣятель-

ный умственный трудъ въ человѣческой сторонѣ религіи, точно также, какъ слабо живое воспріятіе догматической, Божественной стороны христіанства мыслію, проведеніе ея въ обыденное міросозерцаніе. Но, очевидно, все это—случайное, временное, обуславливается чисто внѣшними неблагоприятными обстоятельствами 1). Все же потребное къ животу и ко спасенію, существенно-христіанское, содержится нами *православно*...

Что православная церковь отнюдь *одною* не чуждается поступательнаго движенія религіозной мысли (или, пожалуй, прогресса, если ужъ нужно непременно употребить это, хоть и не совсѣмъ идущее здѣсь къ дѣлу, слово), что она не отрекается отъ раскрытія и уясненія началъ вѣры Христовой, это видно уже изъ того, что она саму себя признаетъ единою истинною церковію, церковію непогрѣшимою. Если она, какъ церковь, дѣйствительно есть живое тѣло, Глава котораго Господь Іисусъ Христосъ, если она—храмъ Духа Святаго, Который, по обѣтованію Господню, воспомянетъ ей все глаголы Его и наставитъ ее на всяку истину, то и теперь, какъ и всегда, у церкви есть полномочіе и сила постановлять, по мѣрѣ надобности, догматическія рѣшенія религіозныхъ вопросовъ, вновь возникающихъ. И опытъ дѣйствительно доказываетъ, въ лицѣ восточныхъ патріарховъ, писавшихъ отвѣты лютеранамъ и реформатамъ, также Пію IX, и изложившихъ въ этихъ своихъ посланіяхъ догматическое ученіе церкви—о церкви, о таинствахъ, о предопредѣленіи и пр., что она дѣлала такіа догматическія опредѣленія по мѣрѣ дѣйствительной надобности, т. е. по мѣрѣ нужды въ ней всего тѣла церкви. Церковь православная отнюдь не слѣдуетъ примѣру Рима, гдѣ вся церковная жизнь сосредоточивается въ главѣ церкви, который постановляетъ свои декреты, руководясь единственно своимъ личнымъ усмотрѣніемъ и произволомъ, отнюдь не справляясь съ духовными нуждами и желаніями народа церковнаго,—отчего эти декреты и становятся для самихъ католиковъ лишь бременами неудобноносимыми, какъ это было на примѣръ недавно, при постановленіи новаго римскаго догмата о непорочномъ зачатіи Богоматери, и какъ по всей вѣроятности будетъ послѣ собора, который теперь засѣдаетъ въ Римѣ. Нѣтъ, въ истинной церкви Христовой каждое догматическое постановленіе есть продуктъ общей жизни всего тѣла Христова, логическая формула общецерковнаго преданія, чрезъ которое говоритъ самъ Духъ Божій, живущій въ церкви. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ догматическія опредѣленія о предме-

1) См. Бог. сочин. Хомякова стр. 144.

тахъ вѣры не требуются всею церковію, не вызываются ея общими нуждами, для удовлетворенія благочестивой любознательности и личной религіозной потребности частныхъ членовъ церкви, церковь предоставляетъ людямъ имѣть *частныя мнѣнія* по вопросамъ, о которыхъ не существуетъ догматическихъ постановленій ¹⁾). Эти частныя мнѣнія существуютъ во множествѣ въ готовомъ видѣ въ единичныхъ проявленіяхъ церковнаго преданія—въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей церкви... Если идея христіанства, какъ идея Божественная, есть дѣйствительно безконечная идея, то содержаніе ея не можетъ быть исчерпано мыслию одного какого нибудь вѣка или нѣсколькихъ вѣковъ. Въ христіанствѣ каждый вѣкъ найдетъ для себя новую пищу, новое содержаніе. Въ словѣ Божіемъ, письменномъ и устномъ, какъ бы въ зернѣ, содержатся данныя для раскрытія цѣлаго и полнаго организма христіанскаго міровоззрѣнія или догматики; организмъ этотъ вырастаетъ содѣйствіемъ непогрѣшимаго голоса вселенской церкви, въ которой живетъ Духъ Святой, по мѣрѣ того, какъ вырастаетъ и развивается стройный организмъ церкви Божіей, облагодатствованнаго человѣчества, содѣйствіемъ Промысла, силою естественныхъ и благодатныхъ даровъ. Извѣстная истина ученія христіанскаго, заключенная въ словѣ Божіемъ *impliciter*, не замѣченная и не доступная пониманію иди и доступная, но только пониманію частному, по мѣрѣ нужды дѣлается мнѣніемъ, вѣрованіемъ, обобщается и наконецъ авторитетомъ непогрѣшимаго голоса церкви вселенской возводится въ общеобязательный догматъ, не какъ продуктъ человѣческаго разумѣнія, а какъ вынаруженія готоваго, существующаго въ Божественномъ откровеніи, которое смогъ выразумѣть естественный, развившійся смыслъ вѣрующихъ, вспомошествоваемый благодатію.

И такъ несправедливо отрицать поступательное движеніе религіозной мысли въ церкви православной. Правда, есть большое различіе между православнымъ *раскрытіемъ* и уясненіемъ христіанской истины, какое съ большею или меньшею энергіею совершается въ церкви Христовой, и тѣмъ *развитіемъ* христіанства, какого требуетъ и какимъ похвάζεται протестанство. Значительная часть третьей брошюры Хомякова посвящена уясненію этого различія между православнымъ *раскрытіемъ* христіанскаго ученія, и тѣмъ *развитіемъ*, котораго требуютъ отъ церкви протестанты. Это мѣсто, безспорно, одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ сочиненіяхъ Хомякова и одинъ изъ капиталныхъ вкладовъ въ сокровищницу нашей богослов-

¹⁾ См. Бог. соч. Хомякова стр. 783.

ской науки... «Всѣ тайны вѣры были открыты церкви Христовой отъ самаго ея основанія, и всѣ эти тайны выражены были первыми Христовыми учениками, но были выражены только для церкви (въ ея духовной цѣлостности) и ею только могли быть поняты. Сами по себѣ, Богъ и Божественное, невыразимы; слово человеческое не въ состояніи ни опредѣлить, ни описать ихъ; оно только можетъ возбуждать въ разумѣ мысль или порядокъ мыслей, соответственныхъ реальности міра Божественнаго... Даже въ области человеческихъ предметовъ слова, выражающія понятія, взятые изъ живой реальности, вещественной или духовной, бываютъ понятны только для людей, обладающихъ физическими органами или духовными способностями, необходимыми для ихъ пониманія, иными словами: понятны въ той мѣрѣ, въ какой составляютъ долю жизни самого постигающаго субъекта. Оттого слѣдующему недоступно пониманіе словъ: «свѣтъ и цвѣтъ»; оттого человекъ, лишенный чувства красоты, не понимаетъ словъ, ее выражающихъ; оттого душа, огрубѣвшая въ чувственности, или погрязшая въ эгоизмѣ, слышитъ доносящіяся до нея слова любви, благовѣнія и почтенія, но не проникаетъ въ ихъ смыслъ. Не тѣмъ ли съ большимъ основаніемъ должны мы признать что слова, которыми выражаются понятія о мірѣ Божественномъ, могутъ быть понятны только для того, чья собственная жизнь находится въ согласіи съ реальностію этого міра? Если эти самыя понятія недоступны человеческой мысли, пребывающей въ уединеніи своей личной немощи и порочности, а постигаются только Духомъ Божиимъ, который открываетъ ихъ нравственному единству христіанскаго общества, то естественно, что и слова, служащія ихъ выраженіемъ, представляются въ реальномъ смыслѣ тому только, чья жизнь составляетъ какъ бы живую принадлежность организма церкви.

Тайны Божіи открыты намъ отъ начала. Что же послѣ этого значитъ вся слѣдующая работа, та, которая продолжается и въ наши дни, будетъ продолжаться во всѣ вѣка, и которую историки нашего времени весьма не точно называютъ развитіемъ? Въ языкѣ человеческомъ нѣтъ словъ, которыми Богъ и божественные предметы могли бы быть въ самомъ ихъ существѣ опредѣлены или описаны. Человѣческое слово есть только знакъ, болѣе или менѣе условный, смыслъ котораго измѣняется не только по языкамъ, нарѣчіямъ и эпохамъ, но и по мѣрѣ развитія науки и умственной жизни людей. Церковь унаслѣдовала отъ Апостоловъ не слова, а наслѣдіе внутренней жизни, наслѣдіе мысли не выразимой, однако стремящейся выразиться. И слово церкви видоизмѣняется, во свидѣтельство без-

конечности идеи. Если бы приспособляемое имя «Сынъ Божій» обнимало во всей полнотѣ христіанскую идею о томъ, кто воплотился ради нашего спасенія, то къ чему бы придавать ему еще другое божественное имя—«вѣчное Слово»? Или, если это послѣднее необходимо для выраженія идеи, то почему бы ему не быть произнесеннымъ въ самомъ началѣ евангельской проповѣди? Читая писанія апостольскія, предшествовавшія писанію Іоанна, иногда невольно какъ бы сѣтуешь, не находя въ нихъ названія столь выразительнаго, сіяющаго въ первой строкѣ Евангелія отъ Іоанна. «Образъ отца», «сіяніе славы Его» и другія подобныя выраженія, правда открываютъ намъ ту же мысль, какая заключена и въ имени «Слово», но указываютъ ее не такъ ясно. И такъ, скажемъ ли, что появленіемъ этого термина знаменуется прогрессъ въ развитіи церкви? Отнюдь нѣтъ; ибо полнота церковной мысли чувствуется и въ выраженіяхъ св. Павла; но дѣло въ томъ, что явился новый слушатель. Іудей, римлянинъ, грекъ—мастеровой ничего бы не поняли, если бы св. Павелъ заговорилъ о «Словѣ». Это выраженіе не пробудило бы въ ихъ представленіи никакой идеи; оно бы для нихъ не имѣло смысла. Но къ церкви Христовой примкнулъ новый личный элементъ, новая историческая жизнь—воспитанники греческой философіи. Выраженіе сравнительно съ прежними болѣе сжатое и болѣе ясное, но которое до той поры было бы не понятно, стало теперь возможно. Значитъ ли, что церковь обрѣла наконецъ терминъ для выраженія своей мысли? Нѣтъ, не то это значить, чтобы ей удалось *выразить* мысль свою, а только то, что она ясно *указала* своимъ чадамъ мысль, которую никакой языкъ человѣческій выразить не можетъ. Если бы Апостоль обращался къ другимъ слушателямъ, если бы онъ встрѣтилъ въ нихъ другую умственную подготовку, можетъ быть онъ употребилъ бы иныя выраженія. При встрѣчѣ съ философскими системами, подобными нынѣшнимъ германскимъ, вмѣсто «Слова» онъ употребилъ бы, можетъ быть, для выраженія той же мысли, другой терминъ, напиримѣръ «объектъ» и эта форма, хотя и менѣе совершенная, была бы также вполне законна. Я нисколько не думаю сравнивать эти два выраженія; я очень хорошо знаю, что въ терминѣ «Слово» гораздо живѣе выступаетъ понятіе рожденія, т. е. отношенія мысли къ ея проявленію; но знаю также, что терминомъ «объектъ» можно бы было передать понятіе о мысли проявленной и самосознанной, слѣдовательно и въ этомъ случаѣ была бы достигнута предположенная церковію цѣль—уяснить Божественный міръ наведеніемъ, заимствованнымъ изъ видимаго міра или изъ дѣйствій человѣческаго разума.

Такимъ образомъ самъ св. Апостолъ Богословъ подалъ высокій примѣръ этого умственного труда, никогда, по милости Божіей, не прекращавшагося въ церкви. Тоже движеніе замѣчается въ выраженіи всѣхъ догматовъ. Выраженія: вѣчное рожденіе, вѣчное исхожденіе, Троица, лица, и пр. являются и входятъ въ общее употребленіе мало по малу; но *все это движеніе не выходитъ изъ круга терминологіи и никакъ не можетъ быть принимаемо за развитіе ученія*; напротивъ, ученіе остается неизмѣннымъ навсегда. Вообще поводами къ выраженію истины въ формулахъ болѣе опредѣленныхъ служили для сыновъ церкви ереси или ложныя опредѣленія; но, конечно, это такъ сказать научное движеніе церковной терминологіи въ сущности нисколько не требуетъ для своего обнаруженія непремѣнной встрѣчи съ заблужденіями; оно весьма естественно вытекаетъ изъ потребности заявить, что христіанское ученіе не наборъ словъ, вѣтверженныхъ наизусть и удерживаемыхъ памятью, а приблизительное выраженіе истины Божіей, постоянно созерцаемой и уразумѣваемой внутреннимъ смысломъ сыновъ церкви. Истина пребываетъ неизмѣнною во всѣ вѣка, познаніе ея не измѣняется; но *выраженіе ея, по самому существу, всегда не достаточное, не можетъ не видоизмѣняться сообразно съ развитіемъ аналитическаго слово-выраженія и съ характеромъ умственныхъ пріемовъ каждой эпохи. И въ послѣдствіи не можетъ быть недостатка въ болѣе или менѣе счастливыхъ опытахъ анализа или приблизительнаго опредѣленія, какъ не было въ нихъ недостатка въ прошлыя времена. Но всѣ вообще этого рода выраженія могутъ только служить намевами на идею, но не опредѣленіями ея. Кто принялъ бы аналитическое движеніе въ церковной терминологіи за развитіе церкви, тѣмъ самымъ всецѣло погрузился бы въ раціонализмъ».* ¹⁾

XI. Мы отнюдь не имѣемъ претензіи въ настоящихъ своихъ бібліографическихъ замѣткахъ исчерпать все богатство богословскихъ идей Хомякова. Но не можемъ удержаться отъ того, чтобы, въ заключеніе, не указать еще на одну, весьма важную, по обстоятельствамъ времени, и по существу дѣла, сторону въ его сочиненіяхъ. Между церковію и обществомъ, какъ мы имѣли случай замѣтить въ началѣ, существуетъ непроницаемая туча недоразумѣній, которая застилаетъ въ глазахъ многихъ свѣтлый образъ церкви, которая не только въ глазахъ отрицателей, но и въ глазахъ многихъ изъ вѣрующихъ или, по крайней мѣрѣ, ощущающихъ потребность

¹⁾ См. сочин. Хомякова стр. 209—215.

вѣры, представляетъ ее не тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ. Этихъ недоразумѣній много, такъ много, что ихъ трудно и исчислить. Существуетъ множество проблемъ объ отношеніи религіознаго вѣрованія къ научному міросозерцанію, жизни церковной къ жизни общественной и естественной. Эти проблемы настойчиво ждутъ рѣшенія, а наша богословская наука какъ будто повидимому боится къ нимъ подступить ¹⁾. Между тѣмъ отъ того, что эти недоразумѣнія остаются доселѣ неразъясненными наукой, а эти проблемы нерѣшенными, нашимъ пастырямъ церкви поневолѣ остается быть лишь священнодѣйствителями, требоисправителями, а дѣло учительства церковнаго въ его высшемъ, серьезнои значеніи оказывается крайне скуднымъ, приходится большею частію повторять лишь общія правоучительныя сентенціи да основныя положенія догматики. А чрезъ это главная задача пастырскаго служенія—быть вождями людей на пути къ конечной цѣли бытія, заправителями духовно-нравственной жизни общества, ускользаетъ изъ ихъ рукъ и становится исключительнымъ - достояніемъ науки или того, что выдаетъ себя за науку. Или же за это дѣло берутся непризванные ревнители и охранители религіозныхъ и церковныхъ интересовъ, которые не задумываются долго надъ рѣшеніемъ этихъ недоразумѣній и проблемъ: едва не всю современность провозглашаютъ порожденіемъ адовымъ и предають анаемѣ ²⁾. Между тѣмъ, такова ли дѣйствительно наша современность, чтобы съ точки зрѣнія религіозныхъ интересовъ съ нею ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ только отступиться отъ нея, какъ это дѣлаетъ папство въ своихъ силлабусахъ и энцикликахъ и какъ это дѣлають наши доморощенные ультрамонтане, это по меньшей мѣрѣ вопросъ, который многими, конечно, ужъ гораздо болѣе издателей пресловутыхъ брошюръ компетентными въ дѣлѣ, рѣшается въ смыслѣ, совершенно противоположномъ.

Возьмемъ, для примѣра, вопросъ объ отношеніи религіи къ наукѣ. Какое нормальное рѣшеніе этого вопроса? Гдѣ предѣлы между этими двумя сопряженными сферами? Могутъ ли онѣ существовать совмѣстно, или же—взаимно исключаютъ одна другую, такъ что при существованіи религіи излишня наука, какъ говорятъ иные

¹⁾ По крайней мѣрѣ въ печати у насъ не много сочиненій и статей въ этомъ родѣ.

²⁾ Такой характеръ имѣетъ, напр., рядъ брошюръ, изданный лѣтъ десять тому назадъ подъ названіемъ: «современныя идеи православныхъ», и «предостереженія отъ увлеченія духомъ времени и пр.

благочестивые люди, а при существованіи науки излишняя религія, эта «пережитая форма самосознанія», какъ говорятъ иногда нѣкоторые ревнители науки? «Вы услышите не одинокіе голоса, а цѣлый хоръ, говоритъ достопочтенный г. Самаринъ въ одномъ мѣстѣ своего предисловія, который возвѣститъ вамъ, что вѣра и свобода мысли, научнаго изслѣдованія—два, взаимно—исключающія понятія, что кто дорожитъ свободою мысли и успѣхами науки, тотъ долженъ распроститься съ церковью, а кто не можетъ обойтись безъ вѣры, тотъ долженъ обрѣзать крылья своей мысли, заточить ее въ клетку.» На нашъ взглядъ ничего не можетъ быть прискорбнѣе этого недоразумѣнія, потому что ни однимъ изъ предубѣжденій, существующихъ относительно церкви, не оскорбляется такъ истина церкви и вѣры. Откуда взялось такое предубѣжденіе? Очевидно здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, о православіи, принципы котораго наши публицисты не даютъ себѣ труда должнымъ образомъ изучить, смѣшивають съ католичествомъ, которое всѣмъ слишкомъ хорошо знакомо, такъ какъ въ историческихъ судьбахъ человѣчества оно постоянно фигурируетъ въ своей незавидной роли. Католичество, дѣйствительно, за исключеніемъ честныхъ галликанцевъ, въ родѣ Боссюэта или позднѣйшаго—графа Монталамбера, даже никогда и не задавалось такими вопросами, какъ вопросъ объ отношеніи религіи къ наукѣ; оно довольствовалось тѣмъ, что внѣшнимъ образомъ, механически, подчинило науку своему пониманію религіи, свое частное мѣстное разумѣніе науки догматизировало и узаконило на всѣ времена и всю мыслительную дѣятельность размѣняло на мелочь—на схоластику и казуистику.

По идеѣ папства первосвященнику Рима нужна была не только внѣшняя власть надъ церковію, надъ обществомъ, но и духовная—надъ умами и совѣстями людей,—власть безусловная, казуистически опредѣлявшая не только поступки внѣшняго поведенія человѣка, но и всѣ движенія и помыслы его внутренней жизни. И вотъ папская догматика поглотила, замѣнила науку; непогрѣшимый голосъ намѣстника Петрова раздавался не только въ области вѣроученія, но и въ области науки... Папство гнало и гонитъ всякое пониманіе, не только религиозное, но и научное; оно знало, что развитіе научное можетъ повести, какъ и случилось, къ протесту противъ проповѣдуемыхъ имъ суевѣрій; и вотъ оно, изъ своего quasi—религиознаго ученія механически выработало, посредствомъ схоластики, извѣстныя понятія о предметахъ научныхъ и узаконило ихъ какъ догматы, за уклоненіе отъ которыхъ сочло себя въ правѣ казнить людей смер-

тію, какъ это оно сдѣлало съ Галилеемъ за его астрономическія понятія. Папству не довольно было хотѣть, чтобы наука, въ общемъ своемъ направленіи, была вѣрна духу христіанства, чтобы свѣтъ идей христіанской осіявалъ всю область естественной жизни человѣка. Оно требовало, чтобы наука была вѣрна самой буквѣ Писанія, даже извѣстному толкованію этой буквы, и притомъ о такихъ предметахъ, о которыхъ ученіе церковное не говоритъ ничего определеннаго. Даже въ лучшую пору своей исторической жизни римская церковь, устами Тертуліана, высказывалась крайне неблагоприятно въ отношеніи къ умственному развитію.

Католичество слишкомъ широко поняло область положительнаго религіознаго ученія; протестанство поняло его слишкомъ узко. Выходя изъ своего начала и идя послѣдовательнымъ путемъ, оно мало по малу, дошло до того, что стало отрицать всякое положительное, теоретическое содержаніе въ области религіи, всю теоретическую умственную дѣятельность человѣка предоставило распоряженію разума, и истины религіи, такимъ образомъ, сдѣлало предметомъ логическаго постиженія, какъ и знанія научныя. Христіанство, въ рукахъ протестанства, мало по малу, превратилось въ деизмъ, индифферентизмъ, въ отрицаніе всякихъ положительныхъ вѣрованій, то есть знаній, основанныхъ на авторитетѣ Откровенія. Знаніе только то, что дается логическою дѣятельностію разсудка. Религіи принадлежитъ лишь вліяніе на нравственную жизнь человѣка... Такимъ образомъ и протестанство такъ же легкомысленно, какъ и католичество, отнеслось къ вѣрѣ, къ высшему порядку предметовъ, подлежащихъ духовной дѣятельности человѣка. Легкомысліе католичества — это легкомысліе невѣжества, которое, пользуясь преимуществомъ внѣшняго преобладанія, грубой матеріальной силы, унизило религію до разбойничьяго, насильственнаго захвата непринадлежащихъ ей рублищъ бѣднака — разума. Это — средневѣковой феодалъ, который выходитъ на грабежъ не изъ удалства, и не отъ праздности только, а по принципу жадности духовной. Легкомысліе протестанства — это легкомысліе ни чѣмъ не сдерживаемой страсти, и ложно понятой, необузданной свободы, которая все разрушаетъ, ничего не созидая.

Не такъ свойственно понимать отношеніе между религіею и наукою церкви православной. Существованіе положительнаго вѣроученія отнюдь не исключаетъ ни возможности, ни даже необходимости свободной науки. *Вѣра* отвѣчаетъ на вопросы, не разрѣшимые для ума, и не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ есть очевидность *знанія*. То самое, что вѣра беретъ въ свое завѣдываніе непостижимое, служитъ

ручательствомъ свободнаго движенія и дѣятельности мысли въ предѣлахъ познаваемаго; не подпадая разуму, вѣра не можетъ и стѣснять его, вся область мыслимаго и познаваемаго тѣмъ самымъ упрочивается за разумомъ. Догматъ успокоиваетъ нашъ мяшущійся умъ, отсылая его въ его предѣлы. Богъ создалъ мысль нашу не для страданія и вѣра дана намъ не для того, чтобы деморализовать умственный прогрессъ... Но, съ другой стороны, какъ ни велико значеніе человѣка въ ряду существъ вселенной, онъ отнюдь не высшая потенція въ мірѣ. Религіозная потребность лежитъ въ самой основѣ человѣческой природы. Исторія человѣческой мысли съ несомнѣнною убѣдительностію доказываетъ, что удовлетвореніе этой потребности не можетъ быть дано логическою дѣятельностію самого человѣка. Древняя философія стремилась этимъ путемъ удовлетворить религіозной потребности человѣка — стремилась *познать* Бога. И вотъ послѣ пантеизма и матеріализма она пришла къ скептицизму. Скептицизмъ этотъ мы должны понимать не иначе, какъ смиреніе человѣческаго самосознанія, откровенное признаніе древняго человѣчества въ томъ, что вопросы, за которые оно бралось, внѣ сферы ума человѣческаго. Если же уму нашему присуще стремленіе въ высшей истинѣ, а средствами самаго ума это стремленіе удовлетворено быть не можетъ, то очевидно, что для удовлетворенія его нужны *откровенія*, нужно положительное ученіе откровенія Божественнаго. Новѣйшая философія повторила исторію философіи древней и — пришла къ тому же результату. Но есть большое различіе между философіею древнею и новою: тогда былъ дѣйствительный прогрессъ отъ самообольщенія къ самоуниженію, къ сознанію своего безсилія и потребности Откровенія; нынѣ напротивъ невѣріе есть плодъ поразительнаго невѣжества и непостижимо-упорнаго философскаго притязанія на всемогущество разума. Тогда философское невѣріе искренно и откровенно высказывало всѣ свои потрясающіе душу, результаты; нынѣ матеріалистическое невѣріе намѣренно игнорируетъ эти результаты.

Пора оставить это дѣтское притязаніе на всезнаніе, и это легкомысленное отрицаніе вѣры на основаніи разсудочныхъ знаній. Пора понять, что мышленіе можетъ вести только къ сознанію необходимости положительнаго вѣроученія, а не къ логическому постиженію его. Знаніе логическое не апогей, а только одна изъ низшихъ ступеней духовной дѣятельности человѣка.

Вопросъ объ отношеніи вѣры къ знанію — старый вопросъ въ церкви православной. Когда образованному Востоку, для котораго интеллектуальная работа была всегда насущною потребностью, приш-

лось принимать христіанство, и слѣдовательно отречься отъ языческаго міросозерцанія, выработаннаго древней наукой,—этотъ вопросъ предсталъ предъ нимъ во всей своей широтѣ. Въ теченіе вѣковъ трудились надъ рѣшеніемъ его св. отцы восточной церкви, и изучающій ихъ творенія найдетъ въ нихъ не однѣ случайныя замѣтки, но и подробную разработку этого вопроса. И они не только не находили, подобно Тертуліану, что духъ человѣческій, какъ самостоятельная личность, дѣйствуетъ неправильно, и началъ такъ дѣйствовать вслѣдствіе паденія, подъ влияніемъ злыхъ духовъ, раскрывшихъ будто бы въ немъ и поддерживающихъ въ немъ стремленіе быть и дѣйствовать по себѣ и отъ себя, но думали напротивъ, что греческое образованіе, хотя и возникло на почвѣ язычества, тѣмъ не менѣе, своею общечеловѣческою стороною, вполне совмѣстимо съ христіанствомъ, что оно даже необходимо для христіанъ, что оно при этомъ самостоятельно въ области естественнаго и рациональнаго, хотя и должно быть подчиненнымъ въ превышающей естественныя силы ума области христіанства. Такимъ образомъ св. отцами церкви восточной еще за долго до насъ установлена та гармонія знанія и вѣры, какой доселѣ поучаетъ православная церковь...

Въ такомъ, намъ кажется, смыслѣ разсуждаютъ Хомяковъ и Кирѣевскій, рѣшая этотъ важный вопросъ—объ отношеніи религіознаго ученія къ міросозерцанію научному... Въ томъ же примиряющемъ духѣ касаются они и другихъ недоразумѣній и проблеммъ, существующихъ въ области науки церковной, и вотъ въ этомъ то отношеніи намъ и представляются особенно сочувственными и заслуживающими глубокаго уваженія и внимательнаго изученія, особенно со стороны духовной школы, богословскія сочиненія Хомякова, человѣка, вышедшаго изъ той среды, гдѣ былъ бы одинаково тяжелъ разрывъ, какъ съ церковною доктриною, такъ и съ современностію, съ наукою. Всѣмъ существомъ своимъ ощущая потребность вѣры, инстинктомъ сердца угадывая святую истину православія, и въ тоже время стоя лицомъ къ лицу со всею не только богословскою, но и философскою ученостію Запада, со всѣми результатами, добытыми разрушительной критикой невѣрующей учености, онъ очутился въ положеніи человѣка, желающаго вѣровать и въ тоже время не могущаго совладать съ бездною недоразумѣній и проблеммъ... Надъ ними, надъ этими недоразумѣніями и проблеммами, онъ пережилъ лучшіе годы своей жизни, потратилъ лучшія силы своего богато-одареннаго духа и глубокаго ума. И эта многолѣтняя тяжелая работа вывела его на истинный путь и поставила на такую высоту религіознаго и вмѣстѣ на-

учнаго пониманія, какой давно мы не видали въ области нашей религиозной мысли. Повторяемъ: мы далеки отъ того, чтобы возводить Хомякова въ званіе учителя церкви, какъ это дѣлаетъ г. Самаринъ, но тѣмъ не менѣе не обинуясь скажемъ, что не многіе изъ нашихъ богослововъ такъ хорошо поняли умиротворяющій и любвеобильный духъ православія, не многіе сѣумѣли такъ хорошо—типически выяснить его свѣтлый образъ.

1870 г.

РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ МИСТИЦИЗМЪ.

(СООБЩЕНІЕ, ЧИТАННОЕ ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, 12-ГО МАЯ 1869 Г.)

Мм. гг. Литература отечественной этнографіи недавно обогатилась двумя капитальными приобрѣтеніями. Я разумѣю изданную въ началѣ настоящаго года въ Казани профессоромъ церковной исторіи въ тамошнемъ университетѣ г. Добротворскимъ монографію: «Люди Божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ» и двѣ статьи г. Мельникова въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Тайныя секты» и «Бѣлые голуби». Книга г. Добротворскаго и статьи Мельникова посвящены одному и тому же предмету — изслѣдованію исторіи, ученія и обрядовъ секты, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Хлыстовщины и болѣе точно названной г. Добротворскимъ «Людьми Божьими» — именемъ, которое усвоетъ себѣ въ своихъ пѣсняхъ сама секта. Но, не смотря на замѣчательное обиліе свѣдѣній, сообщаемыхъ двумя почтенными изслѣдователями, нельзя сказать, чтобы этотъ важный и интересный предметъ былъ исчерпанъ ими вполне, такъ, чтобы научъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только подвести итогъ и сдѣлать окончательныя заключенія о сектѣ. Вотъ почему, мм. гг., я испросилъ у васъ позволеніе обратить ваше вниманіе на собранныя мною новыя матеріалы, относящіяся къ тому же предмету, которому посвятили свои труды гг. Добротворскій и Мельниковъ. Съ давнихъ поръ занимаясь съ особеннымъ вниманіемъ изученіемъ русскихъ сектъ, я имѣлъ возможность, между прочимъ, изъ разныхъ источниковъ, преимущественно въ г. Липецкѣ (лѣтомъ 1868 г.) собрать

145 пѣсенъ секты Людей Божіихъ, отчасти историческихъ и догматическихъ, отчасти—обрядоваго и смѣшаннаго содержанія ¹⁾).

Отвергая богослуженіе Церкви и находя ея пѣснопѣнія недостаточными для своихъ радѣній, сектанты учатъ, что нужно Господеви воспѣвать всегда пѣснь нову. На практикѣ, конечно, этотъ принципъ строго не выдерживается сектантами; есть много церковныхъ пѣснопѣній, употребляемыхъ и хлыстами: это тѣ пѣсни, которыя хлысты находятъ возможнымъ истолковать въ смыслѣ своего ученія (преимущественно пѣсни церковныхъ каноновъ). Нѣкоторыя хлыстовскія пѣсни представляютъ текстъ пѣсенъ православныхъ въ извращенномъ и испорченномъ видѣ, или въ стихотворномъ переложеніи, какъ напр.

Бога человѣкомъ
Видѣть не возможно;
На него не смѣютъ
Ангелы взирати:
Тобою, пречистая,
Дѣва благодатная,
Намъ Господь познался
Въ плоти человѣка, и т. д.

Но тѣмъ не менѣе, въ силу указаннаго принципа, хлыстовскіе пророки и пророчицы на радѣніяхъ большею частію считаютъ себя обязанными, по крайнему своему разумѣнію, импровизировать каждый разъ новые гимны и пророчества. Здѣсь источникъ необычайнаго обилія хлыстовскихъ пѣсенъ. Въ литературномъ отношеніи, въ отношеніи своего грамматическаго и стихотворнаго склада, пѣсни хлыстовъ имѣютъ не одинаковое достоинство, хотя всѣ непремѣнно выражаютъ хлыстовское ученіе въ примѣненіи къ частнымъ обстоятельствамъ цѣлой секты или одного корабля. Неудачно составленныя, будучи разъ пропѣты, забываются, лучшія же записываются желающими, усвоятся другими кораблями и получаютъ въ сектѣ такъ сказать классическое значеніе.

Какъ велико число этихъ пѣсенъ, можно судить по тому, что не смотря на то, что эти пѣсни, какъ и самое ученіе хлыстовъ содержатся сектантами въ строгой тайнѣ, что онѣ становятся достояніемъ изслѣдователей лишь случайно или съ чрезвычайными усиліями, что собираніемъ этихъ пѣсенъ, какъ и изслѣдованіемъ самой секты стали

¹⁾ Изъ числа ихъ 36 пѣсенъ представляютъ болѣе полныя варианты пѣсенъ, уже напечатанныхъ прежде въ разныхъ изданіяхъ. Весь сборникъ напечатанъ нами, съ особымъ предисловіемъ и нѣкоторыми примѣчаніями, въ запискахъ отдѣленія этнографіи Императорскаго русскаго географическаго общества т. IV стр. 1—155.

заниматься весьма недавно, — кромѣ собранных мною 145 пѣсень, мы имѣемъ еще больше 50-ти пѣсень, собранныхъ покойнымъ Н. И. Надеждинымъ (въ приложеніи къ его «Исслѣдованію о скопческой ереси»), 85 пѣсень, собранныхъ г. Добротворскимъ (изъ нихъ впрочемъ около 20 пѣсень—тѣже, что и у Надеждина) ¹⁾, да въ разныхъ мелкихъ статьяхъ о скопствѣ и хлыстовщинѣ можно насчитать до 40 пѣсень (въ статьѣ Крыжина—въ Вѣстникѣ Географ. Общества, въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и пр.).

Пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ двоякій интересъ: историко-литературный, какъ памятники устной народной словесности, поэтического народнаго творчества, и — историко-культурный, какъ матеріалъ для характеристики одного изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ русскаго религіознаго разномыслія, какъ болѣе или менѣе значительный фактъ духовной самобытности и умственной самодѣятельности русскаго простолюдина. Какъ произведенія поэтическаго творчества эти пѣсни, мнѣ кажется, должны быть поставлены отнюдь не ниже, если не выше нашихъ духовныхъ стиховъ и легендъ, къ которымъ онѣ непосредственно примыкаютъ по своему религіозному характеру и отъ которыхъ отличаются лишь болшею самобытностію въ замыслѣ, своеобразіемъ основнаго мотива и вѣшняго построенія. Въ большинствѣ ихъ замѣчается искусное соединеніе мысли и образа, глубокое лирическое чувство, доходящее по временамъ до восторженности, живописность образовъ и стройность картинъ. Во второмъ отношеніи — какъ матеріалъ для характеристики секты, ея ученія и обрядовъ, ея внутренняго быта — пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ гораздо болше значенія, чѣмъ тѣ показанія уличенныхъ въ хлыстовствѣ крестьянъ, какія записаны слѣдователями и затѣмъ изъ министерскихъ архивовъ попадаютъ въ руки изслѣдователей. Если въ этихъ послѣднихъ вѣрованія хлыстовъ излагаются съ документальною ясностію и опредѣлительностію, то въ пѣсняхъ они представляются намъ съ болшею полнотою, рельефностію и, главное, съ болшею вѣрностію. Что касается до такихъ матеріаловъ, какъ письма Радаева, которыя послужили главнымъ источникомъ для изслѣдованія г. Добротворскаго, то можно опасаться, что въ нихъ содержится не столько ученіе цѣлой секты, сколько личныя понятія о предметахъ вѣры — самого арзамасскаго пророка:

¹⁾ Именно пѣсни: 5 я (у Кел. 25-я), 6-я (—1-я), 7-я (—2-я), 8-я (—3-я), 15-я (—4-я), 16-я (11-я), 19-я (26-я), 24-я (—27-я), 25-я (9-я), 32-я (13-я), 35-я (6-я), 39-я (10-я), 42-я (5-я), 43-я (8-я), 45-я (20-я), 68-я (12-я), 80-я (30-я).

тогда какъ пѣсни хлыстовъ, распѣваемыя повсемѣстно въ хлыстовскихъ корабляхъ съ давнихъ поръ, содержать въ себѣ несомнѣнно ученіе цѣлой секты.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, представляя собранныя мною пѣсни въ распоряженіе отдѣленія этнографіи, для котораго изученіе памятниковъ самобытной народной культуры, народнаго русскаго творчества, составляетъ прямую задачу, я полагаю бы полезнымъ напечатать ихъ въ одномъ изъ изданій общества, предварительно обработавъ ихъ для изданія въ томъ видѣ, въ какомъ вообще принято издавать памятники народной словесности, какъ это дѣлаютъ гг. Безоновъ и Рыбниковъ при изданіи былинъ и духовныхъ стиховъ, Аванасевъ—при изданіи сказокъ: раздѣлить ихъ на группы, примѣнительно къ характеру ихъ содержанія, сдѣлать сводные тексты нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ пѣсней, имѣющихся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, снабдить каждую пѣсню необходимыми комментаріями, какъ дѣлаетъ г. Добротворскій въ своей книгѣ, наконецъ всему изданію предпослать эту же объ этихъ пѣсняхъ, о степени художественнаго ихъ достоинства, и, пожалуй, составить къ нимъ словарь, такъ какъ языкъ ихъ постоянно метафорическій, своеобразный, подобный языку офеней, и почти каждое обыкновенное слово имѣетъ въ нихъ свой особенный аллегорическій смыслъ.

Въ настоящемъ случаѣ я имѣю въ виду предложить, вмѣстѣ съ критическими замѣчаніями о трудахъ гг. Добротворскаго и Мельникова, нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній и общихъ соображеній о сектѣ Людей Божіихъ, на основаніи собранныхъ мною пѣсней, а также другихъ матеріаловъ, рукописныхъ и печатныхъ, которыми не воспользовались ни Добротворскій, ни Мельниковъ: между первыми особеннаго вниманія заслуживаетъ обширная записка калужскаго священника Сергѣева «О расколѣ, именуемомъ Христовщина», представленная въ 1809 г. въ Святѣйшій Синодъ и обращающаяся въ рукописи между специалистами; между вторыми — VIII-й томъ Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, составленной г. Варадиновымъ, въ которомъ между многими другими свѣдѣніями помѣщена записка крестьянина Андреянова о скопцахъ, представленная авторомъ Императору Александру Павловичу въ Таганрогѣ въ 1825 году, и потомъ—Тульскія Епархіальныя Вѣдомости за 1867 годъ, гдѣ помѣщена замѣчательная исповѣдь обратившагося хлыста. Кстати позволяю себѣ здѣсь замѣтить, что епархіальныя наши вѣдомости несправедливо игнорируются нашей ученой литературой: матеріала этногра-

фическаго, археологическаго и статистическаго онѣ представляютъ гораздо больше, чѣмъ вѣдомости губернскія.

I. Состоя бакалавромъ по расколу въ Казанской духовной академіи, г. Добротворскій, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, особенно занимался изученіемъ такъ называемыхъ духовныхъ русскихъ сектъ, и настоящее его изслѣдованіе есть плодъ шестидѣтихъ его трудовъ по этому предмету. Большая часть изданной теперь книги, въ видѣ отдѣльныхъ статей, была напечатана еще въ 1858 и 1860 годахъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ», издающемся при Казанской духовной академіи. Теперь авторъ лишь собралъ эти статьи въ одно цѣлое, присоединилъ новую главу о нѣсныхъ хлыстовъ и скопцовъ и напечаталъ самыя пѣсни въ числѣ 85-ти. Автору удалось воспользоваться матеріалами, доступными далеко не всякому. Это—1) Двѣ обширныя рукописныя монографіи о сектѣ, принадлежавшія извѣстному своею миссіонерскою противораскольническою дѣятельностію, покойному нижегородскому архіепископу Іакову, составляющія, по всей вѣроятности, систематическій сводъ изъ тѣхъ подробныхъ отчетовъ и секретныхъ дознаній о сектѣ, какія представляемы были преосвященному подвѣдомственными ему приходскими священниками и миссіонерами. 2) Рукописи бібліотеки Соловецкаго монастыря, принадлежащей въ настоящее время Казанской академіи (напечатавшей по этимъ рукописямъ столько замѣчательныхъ памятниковъ древней русской литературы въ своемъ «Православномъ Собесѣдникѣ»). Въ Соловецкій монастырь, какъ извѣстно, хлысты и скопцы, со дня своего официальнаго обнаруженія и до послѣдняго времени, были ссылаемы на жительство, и здѣсь, допрашиваемые, дѣлали обстоятельныя письменныя изложенія вѣрованій и обрядовъ своей секты. Изъ этихъ ихъ показаній соловецкій архимандритъ Досіеѣй еще въ 30-хъ годахъ составилъ свою монографію о скопцахъ (существующую доселѣ въ рукописи), которую, въ свою очередь, воспользовался Надеждинъ въ извѣстномъ своемъ «изслѣдованіи о скопческой ереси». 3) Дѣла нижегородской и казанской духовныхъ консисторій, въ архивахъ которыхъ, вслѣдствіе-ли особеннаго развитія сектанства въ предѣлахъ этихъ епархій, или въ слѣдствіе какихъ другихъ обстоятельствъ, оказались особенно обстоятельныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ. 4) Письма крестьянина Радаева, пророка арзамазскаго корабля людей Божіихъ, который въ этихъ письмахъ является для секты тѣмъ же, чѣмъ былъ авторъ «Поморскихъ отвѣтовъ» — Денисовъ для безпоповщинскаго раскола: «ученымъ» истолкователемъ вѣрованной секты и систематизаторомъ ея

ученія. 5) Наконецъ слушатели г. Добротворскаго, студенты Казанской академіи, по выходѣ изъ академіи, сдѣлавшись учителями семинарій казанскаго духовно-учебнаго округа, въ предѣлахъ котораго особенно процвѣтаетъ въ настоящее время секта людей Божіихъ, изъ мѣсть своей службы присылали г. Добротворскому собранныя ими лично или, можетъ быть, какъ это иногда бываетъ, чрезъ своихъ учениковъ-семинаристовъ, пѣсни людей Божіихъ и скопцовъ, изъ которыхъ г. Добротворскій напечаталъ 85 пѣсенъ. Такое обиліе и такихъ важныхъ матеріаловъ заинтересовываетъ насъ въ пользу труда почтеннаго профессора и заставляетъ надѣяться найти въ ней важное приобрѣтеніе для литературы этнографіи.

Но значеніе труда г. Добротворскаго возрастетъ въ нашихъ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что до него въ нашей печатной литературѣ не было рѣшительно ничего, что бы сколько нибудь знакомило съ избраннымъ имъ предметомъ, что г. Добротворскому пришлось самому пролагать дорогу въ области до него, можно сказать, не початой наукою. Статьи его въ «Православ. Собесѣдникѣ» были первымъ опытомъ гласнаго и строго-научнаго изслѣдованія о такъ называемыхъ тайныхъ русскихъ сектахъ¹⁾. Правда, съ давнихъ поръ, съ XVII еще столѣтія, по мѣрѣ того, какъ въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались извѣстными правительству отдѣльныя обнаруженія хлыстовщины, въ подлежащія правительственнымъ учрежденія представлялись донесенія епархіальныхъ и свѣтскихъ властей, составленныя на основаніи показаній подсудимыхъ хлыстовъ предъ слѣдователями. Но и подсудимые сектанты, большею частію рядовые члены хлыстовскихъ общинъ, не имѣли ни достаточныхъ знаній о сектѣ, ни побужденій быть вполне искренними въ своихъ показаніяхъ; и слѣдователи, большею частію люди свѣтскіе, часто военные, были мало компетентны въ дѣлѣ религіозныхъ ученій и не могли представить свѣдѣній о сектѣ обстоятельныхъ и точныхъ, тѣмъ болѣе—сдѣлать какія либо соображенія о ея сущности и характерѣ. Да и эти неудовлетворительныя, часто противорѣчивыя, свѣдѣнія до послѣдняго времени оставались достояніемъ архивовъ, гдѣ хранились въ строгой тайнѣ, такъ какъ не признано было полезнымъ гласно обнаруживать существованіе этихъ такъ называемыхъ тайныхъ или вредныхъ сектъ. Только въ 1863 году эти официаль-

¹⁾ Единственный печатный источникъ, на который ссылается г. Добротворскій, это небольшая статья Прав. Обзор. (1862, 8) излагающая «дѣло о каварской ереси въ Москвѣ», за которую принимали въ прошломъ столѣтіи хлыстовщину.

ныя донесенія и отчеты резюмированы въ весьма добросовѣстно составленной, къ сожалѣнiю мало распространенной, извѣстной однимъ специалистамъ, книгѣ г. Варадинова: «исторiя правительственныхъ распоряженiй по расколу» (VIII томъ исторiи министерства внутреннихъ дѣлъ) которою, впрочемъ, г. Добротворскiй не могъ воспользоваться уже потому, что его сочиненiе написано раньше чѣмъ явилась книга г. Варадинова... Были двѣ-три попытки научнаго изслѣдованiя секты: таковы упомянутыя выше—записка Сергѣева, изслѣдованiе архим. Досиея и книга Надеждина; но труды Сергѣева и архим. Досифея вовсе не были напечатаны ¹⁾, а книга Надеждина хотя и была напечатана въ 1845 г., по распоряженiю бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго, но въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, нажется 50-ти, и не для публики, а для высшихъ правительственныхъ лицъ. Уже въ 1861 году она была перепечатана въ Лондонѣ г. Кельсиевымъ и составила 3-й томъ его сборника статей о расколѣ. Такимъ образомъ безъ преувеличенiя можно сказать, что когда въ Православномъ Собесѣдникѣ (за 1858 и 1860 годы) г. Добротворскiй сталъ излагать, на основанiи исчисленныхъ выше источниковъ, исторiю, ученiе и обряды секты Людей Божiихъ, онъ открывалъ для насъ совершенно новый, дотолѣ невѣдомый мiръ русскаго престопаднаго мистицизма. Имя секты, имъ изслѣдованной, до него въ печати только разъ было упомянуто—въ «Розыскѣ» св. Димитрiя Ростовскаго... Въ свое время прочитанныя съ живымъ интересомъ всѣми статьи Православнаго Собесѣдника послужили первоначальнымъ источникомъ для всѣхъ, писавшихъ или только упоминавшихъ о томъ-же предметѣ послѣ него: для гг. Максимова ²⁾, Ливанова ³⁾, Протопопова ⁴⁾, и въ значительной мѣрѣ для самаго г. Мельникова.

Но самое важное, безъ сомнѣнiя, достоинство книги г. Добротворскаго—ея научный характеръ, выражающiйся какъ въ строго-научной обработкѣ того матеріала, какой былъ у него подъ руками, въ систематическомъ его изложенiи, такъ и въ томъ отношенiи, въ какое ставитъ себя авторъ къ сектѣ, въ его основномъ взглядѣ на

¹⁾ Мы имѣли случай прочесть изслѣдованiе архим. Досиея, хотя и не имѣемъ его подъ руками въ настоящее время. Авторъ пытался напечатать его, въ бытность свою въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ своимъ описанiемъ Соловецкаго монастыря, но попытка его не имѣла успѣха.

²⁾ «За Кавказомъ», Отеч. записки 1867 г.

³⁾ «Раціонализмъ русскихъ сектантовъ», Всемирн. Трудъ 1868 г.

⁴⁾ «Опытъ обозрѣнiя мистическихъ сектъ въ Россiи», Труды Кiевск. духовн. академiи 1867 г.

нее. Излагая въ строгой системѣ ученіе секты съ возможною обстоятельностью и полнотою, и въ качествѣ богослова полемизируя съ нею, авторъ, однако, не глумится надъ нею, подобно г. Мельникову, не трактуетъ ее какъ простой курьезъ, какъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ баронъ Гакстгаузенъ ¹⁾: уважая человѣческое убѣжденіе, хотя и ошибочное, сожалѣя о заблуждающихся, авторъ ученію сектантовъ противопоставляетъ обстоятельное и спокойное опроверженіе съ точки зрѣнія православнаго богословія. Оказывается, что хлысты далеко не такіе жалкіе сумасброды, какими представляютъ ихъ обыкновенно, что въ основѣ ихъ странныхъ обрядовъ лежитъ цѣлая система ученія, ложнаго конечно, но далеко не бессмысленнаго (слѣдовательно тѣмъ болѣе опаснаго), въ которомъ каждый отдѣльный пунктъ органически примыкаетъ къ цѣлому и обоснованъ на неправильно понятомъ текстѣ св. Писанія или словахъ церковныхъ пѣсней. Это нисколько и не удивительно, если возьмемъ во вниманіе то обстоятельство, что ученіе Людей Божіихъ, хотя и содержится въ настоящее время исключительно простолюдинами, но не ими измышлено, что оно во многомъ повторяетъ ученіе еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ которыми боролись великіе отцы Церкви, вооружась всею тогдашнею эллинскою и христіанскою ученостію, что наконецъ, въ теченіи своего по крайней мѣрѣ свыше-двухъ-вѣковаго ²⁾ существованія на Руси, оно не разъ находило себѣ пріютъ «въ домахъ благородныхъ и въ монастыряхъ и не страшилось становиться не разъ даже на мѣстѣ святѣ, въ лицѣ самихъ служителей алтаря Господня» ³⁾. Вообще въ научномъ отношеніи книга г. Добротворскаго далеко оставляетъ за собою труды всѣхъ другихъ, занимавшихся изслѣдованіемъ русскихъ сектъ, не только такіе, какъ записка Сергѣева или «изслѣдованіе» архим. Досіоея, но и труды, не лишеныя научныхъ достоинствъ, какова книга г. Новицкаго «о духовборцахъ», изданная въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и, благодаря отсутствію всякой критики, вмѣсто ожидаемой пользы, принесшая лишь вредъ (извѣстно, что она была вся раскуплена самими духовборцами: представляя систему ихъ ученія, она сдѣлалась ихъ символической книгой, своего рода катихизисомъ), и какова въ особенности упомянутая уже книга Надеждина, которая, не смотря

¹⁾ Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen 1847. Hanovre, t. I, c. IX.

²⁾ Говоримъ: свыше двухъ-вѣковаго, слѣдуя г. Добротворскому, по которому начало секты не восходитъ ранѣе половины XVII вѣка.

³⁾ Слова священника Сергѣева.

на замѣчательную церковно-историческую эрудицію автора, чужда необходимаго научнаго безпристрастія и оказывается не столько научнымъ изслѣдованіемъ, сколько судебнымъ розыскомъ... Мы уже не говоримъ о книгѣ г. Ливанова «Раскольники и острожники», разошедшейся съ такою необычайною быстротою (въ одинъ годъ— два изданія): въ этихъ quasi-беллетристическихъ разсказахъ, вовсе ужъ лишенныхъ научнаго характера, составленныхъ не съ особеннымъ мастерствомъ по документамъ министерства внутр. дѣлъ, въ которомъ, какъ видно изъ предисловія, служилъ авторъ, и по печатнымъ статьямъ, о которыхъ онъ благоразумно умалчиваетъ—едва ли кто можетъ найти серьезный научный интересъ ¹⁾.

Къ сожалѣнію, въ научномъ отношеніи книга г. Добротворскаго даетъ намъ далеко не все, чего можно было бы желать отъ «изслѣдованія», какъ авторъ называетъ свою книгу.

Какъ секта, существующая нѣсколько столѣтій, хлыстовщина цѣлуетъ не только внѣшнюю исторію своей общины, но и исторію внутренняго развитія, исторію ученія, слагавшагося постепенно, изъ элементовъ, какъ увидимъ, довольно разнообразныхъ, объединившихся уже въ позднѣйшее время и не образовавшихъ изъ себя системы лишь по причинѣ малаго числа образованныхъ членовъ въ сектѣ и по отсутствію чего-либо похожаго на общеобязательное символическое изложеніе. Ученіе одной хлыстовской общины, при сходствѣ въ основной доктринѣ, очень часто весьма много разнится въ частностяхъ отъ ученія другой общины. При первомъ же взглядѣ на секту въ ея цѣломъ, легко можно различить въ ея ученіи два составные элемента: первоначальную фэбулу, идущую изъ далека, отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства, и позднѣйшее наслоеніе, плодъ бытовыхъ условій русской жизни. Отъ *изслѣдованія* мы вправе ожидать, что, не ограничиваясь послѣдовательнымъ изложеніемъ ученія въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, авторъ прослѣдитъ постепенное наростаніе хлыстовскаго ученія, начиная отъ первоначальнаго его зерна, сопоставитъ русскую секту съ однородными ей проявленіями мистицизма въ первые вѣка христіанства, съ совершенно-тождественными или, по меньшей мѣрѣ, аналогическими съ нею безчисленными сектами средневѣковой, а особенно современной западной Европы и Америки: съ этими бичующимися и пляшущими, квакерами, виртембергскими михеліанами, назареями, іерусалимскими друзьями, однимъ словомъ со всѣми тѣми сектами, о которыхъ такія обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ Диксонъ

¹⁾ Въ этой книгѣ напечатаны двѣ статьи относящіяся къ хлыстовщинѣ.

въ своей «Новой Америкѣ» (Спб. 1869) и въ книгѣ о духовныхъ женахъ (Спб. 1869), изслѣдуетъ генетическую связь хлыстовщины съ этими сектами, дастъ научное объясненіе появленія и развитія ея у насъ въ Россіи—изъ общечеловѣческихъ и мѣстныхъ, историческихъ и бытовыхъ, условій страны: однимъ словомъ приложить къ изслѣдованію секты Людей Божіихъ тотъ методъ, которымъ такъ удачно воспользовался г. Щаповъ по отношенію къ расколу старообрядства и который въ сочиненіяхъ этого писателя, не смотря на ихъ односторонность, далъ такіе богатые результаты ¹⁾).

Бъ сожалѣнію, г. Добротворскимъ въ этомъ отношеніи или ничего не сдѣлано или сдѣлано очень мало. Въ его сочиненіи секта разсматривается внѣ всякой связи ея съ социальными и историческими условіями, среди которыхъ она возникла и развивалась у насъ, такъ что представляется явленіемъ оторваннымъ отъ жизни, случайнымъ, наноснымъ. О мистическихъ сектахъ Востока и Запада, съ которыми наша хлыстовщина имѣетъ несомнѣнное сродство, у г. Добротворскаго мы находимъ лишь краткое упоминаніе; генетическая связь ея съ ними не только не выяснена, но и не сказано, существуетъ ли она. Авторъ распространяется, правда, о связи хлыстовщины съ масонствомъ, усиливаясь доказать вліяніе послѣдняго на нашу секту; но съ этимъ его мнѣніемъ трудно согласиться, какъ объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать ниже.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ напечатанія статей г. Добротворскаго въ «Православномъ Собесѣдникѣ», явилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статья г. Мельникова: «Тайныя секты», и черезъ два мѣсяца послѣ книги г. Добротворскаго о людяхъ Божіихъ, статья: «Бѣлые голуби» въ томъ же журналѣ ²⁾. По вопросу о русскихъ сек-

¹⁾ Книга г. Щапова: «Русскій расколъ старообрядства» въ свое время критикою признана замѣчательнѣйшимъ явленіемъ русской исторической литературы; смотри напр. статью Соловьева въ Атеней 1859, № 8) «Унія, казачество и расколъ», статьи Бестужева-Рюмина въ Отеч. Зап. (1859, №№ 5, 6 и 11) и др... Въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ о расколѣ, начиная съ статьи «Земство и расколъ», г. Щаповъ измѣнилъ объективному характеру пераго своего изслѣдованія и задалъ тенденцію доказать исключительно—политическій противогосударственный характеръ раскола, невѣрность который мы имѣли случай доказать въ своей монографіи о Денисовыхъ. (Прав. Обзор. 1865 г.)

²⁾ Мы не безъ цѣли указываемъ на время появленія статей г. Мельникова. Между двумя почтенными изслѣдователями существуетъ, повидимому, какое-то недоразумѣніе. Г. Добротворскій, въ своемъ предисловіи, рассказываетъ, что еще въ 1862 г. его сочиненіе было готово къ напечатанію и, отправляясь за границу, онъ отдалъ его для изданія одному извѣстному книгопродавцу. Возвратившись изъ-за границы, онъ не только не нашелъ своей книги напечатанною, но и самая рукопись сочиненія оказалась затеряною, такъ что только по удѣ-

тахъ г. Мельниковъ долженъ, повидимому, считаться судьбою болѣе компетентнымъ, чѣмъ кто-либо: его «письма о расколѣ», «историческіе очерки поповщины» его беллетристическіе рассказы изъ раскольниковьяго быта («Гриша» «за Волгой»), а главное его дѣйствительно замѣчательный «отчетъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи», обращающійся въ рукописи между специалистами, доставили ему почетную извѣстность между изслѣдователями раскола и вообще русскаго сектанства. Благодаря своему прежнему официальному положенію, онъ имѣлъ возможность составить такую богатую коллекцію матеріаловъ для изслѣдованія о сектахъ, какою едвали обладаетъ кто-либо другой. Но за всѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что послѣ книги Добротворскаго, хотя этотъ послѣдній далеко не обладалъ такимъ богатствомъ матеріаловъ, скороспѣлыя журнальныя статьи г. Мельникова о «бѣлыхъ голубяхъ» (тѣже «Люди Божіи») даютъ намъ очень не многое. Авторъ очевидно не успѣлъ воспользоваться должнымъ образомъ всѣми своими матеріалами, спѣша изготовить статью, имѣвшую интересъ дня въ виду Плотицынскаго дѣла, возбуждившаго въ публикѣ вниманіе къ скопчеству и хлыстовщинѣ. Мы такъ думаемъ на томъ основаніи, что двумя замѣчательными записками, о которыхъ мы упомянули выше, и которыя г. Мельниковъ указываетъ въ числѣ своихъ источниковъ (записки священника Сергѣева и крестьянина Андріанова: о томъ, что послѣдняя напечатана, г. Мельниковъ и не зналъ, хотя не зная книги Варадинова грѣшно такому специалисту по расколу, какъ г. Мельниковъ), онъ воспользовался въ самой незначительной степени. При всемъ обилии матеріаловъ рукописныхъ, авторъ оказываетъ предпочтительное вниманіе источникамъ печатнымъ. Такъ, говоря о скопчествѣ вообще и излагая его исторію, онъ эксплуатируетъ книгу Надеждина ни сколько не меньше, чѣмъ это дѣлали наши газетные публицисты (въ статьяхъ о скопчествѣ по поводу Плотицынскаго

лѣвшимъ черновымъ тетрадямъ ему удалось воспроизвести свое изслѣдованіе и напечатать. Съ своей стороны г. Мельниковъ объясняетъ, что всѣ тѣ матеріалы, какими воспользовался г. Добротворскій, были въ его рукахъ и въ нѣкоторомъ родѣ составляли его авторскую собственность, — что покойный митрополитъ Григорій, которому передалъ эти матеріалы министръ внутренниихъ дѣлъ, переслалъ ихъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ «отчетомъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи» въ бібліотечку Казанской духовной академіи, гдѣ ими и воспользовался г. Добротворскій. Г. Мельниковъ видитъ въ этомъ, кажется, нарушеніе своихъ авторскихъ правъ. По нашему мнѣнію претензія его едва ли справедлива, такъ какъ онъ не доказываетъ, чтобы г. Добровольскій что-нибудь буквально заимствовалъ изъ его «отчета».

дѣла), щеголявшіе надеждинскою ученостію и выписывавшіе на столбцы газетъ греческіе и латинскіе цитаты, безъ малѣйшаго упоминанія объ источникахъ своей учености. Разсказъ о послѣднемъ хлыстовскомъ христѣ Копыловѣ и о тамбовскихъ хлыстахъ онъ заимствуетъ изъ Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей; пѣсни хлыстовъ, приводимыя имъ, перепечатаны изъ Тульскихъ епархіальныхъ вѣдомостей и т. д. Но чего особенно не достаетъ статьямъ г. Мельникова, это — научнаго характера: его нѣтъ ни во взглядѣ автора на секту, ни въ изложеніи ея исторіи и ученія. Для г. Мельникова секта, надъ ученіемъ и странными обрядами которой нельзя не задуматься, повидимому составляетъ не болѣе, какъ простой курьезъ, предметъ скорѣе празднаго любопытства, чѣмъ научной любознательности; тонъ статей анекдотической — по мѣстамъ шуточный, иногда скабресный ¹⁾. Точка зрѣнія автора на предметъ не научная, а публицистическая. Хотя секту далеко нельзя еще считать окончательно выясненною и хотя г. Липранди, не менѣе г. Мельникова компетентный по вопросу о сектахъ, находитъ (въ замѣткѣ о скопцахъ, по поводу Плотичинскаго дѣла, въ «Голосѣ»), что даже секта скопцовъ вовсе чужда политическаго, противогосударственнаго значенія, — г. Мельниковъ, съ точки зрѣнія государственнаго благоустройства, настаиваетъ на преслѣдованіи хлыстовъ. Изложеніе ученія сектантовъ въ статьяхъ г. Мельникова лишено всякой системы. «Обозрѣніе мое не стройно, въ немъ встрѣтятся противорѣчія», сознается самъ г. Мельниковъ, и оправдывается тѣмъ, что «не смѣетъ, для стройности изложенія и избѣжанія противорѣчій, переименовать что-либо», какъ будто для того, чтобы излагать предметъ стройно, необходимо переименовывать! То онъ утверждаетъ, (и совершенно справедливо) что хлысты даютъ страшныя клятвы никому не открывать тайнъ своей секты и скорѣе тѣло свое готовы отдать на раздробленіе, чѣмъ постороннему человѣку сообщить что-нибудь слышанное и видѣнное въ кораблѣ» (стр. 332); то увѣряетъ, что хлысты бываютъ «довольно откровенны» (стр. 333). То онъ сближаетъ хлыстовщину съ ква-

¹⁾ Таковъ, напр., разсказъ г. Мельникова объ одномъ изъ хлыстовскихъ христовъ, Андрей Петровъ (Рус. Вѣст. 1869 г. мартъ, 392). Замѣтимъ, что въ курсахъ всеоб. исторіи, существующихъ у насъ, и обыкновенно цѣлкомъ пересаживающихъ на русскую почву западныя историческія воззрѣнія (въ этомъ отношеніи самостоятеленъ только Хомяковъ въ своихъ «Запискахъ по всеоб. исторіи») о западныхъ мистикахъ—масонахъ, квакерахъ и пр., вездѣ говорится серьезно, научно, до нѣкоторой степени уважительно; только въ отношеніи къ русскимъ сектамъ не находятъ нужнымъ прилагать обычные историческіе приемы...

керствомъ (и не безъ основанія) и рассказываетъ, какъ англійскіе квакеры, прїѣзжавшіе, отъ времени до времени, въ Россію, съ нарочитою цѣлію познакомиться съ хлыстовщиной, посѣщая хлыстовскія радѣнія, находили въ нашихъ сектантахъ своихъ братьевъ; то рѣзко разграничиваетъ одно отъ другаго: квакеры-де-люди образованные; ученіе ихъ изложено систематически, формулировано научно, а наша «доморошенная» хлыстовщина содержится безграмотными мужиками; и въ тоже время, нѣсколько позже, перечисляетъ многочисленныя прїмѣры принадлежности къ сектѣ лицъ духовнаго сана и высокообразованныхъ особъ изъ высшаго свѣтскаго общества, г. Татаринову, семейство Буксгевденъ, князя А. Н. Голицина, тайнаго совѣтника Попова, генерала Головина, князя Энгальчева, камергера Еянскаго, помѣщика Дубовицкаго, гг. Родіонова, Кошелева, Пилецкаго и другихъ... О пѣсняхъ хлыстовъ, въ которыхъ г. Добротворскій весьма справедливо видитъ «замѣчательныя произведенія народной поэзіи» (51 стр.), «нерѣдко возвышенной и обольстительной, особенно для простолюдиновъ» (стр. 102), — г. Мельниковъ отзывается весьма не благосклонно: они отличаются, по его мнѣнію, бессмыслицей, хотя и не лишены печати какого-то дикаго поэтическаго вдохновенія. Наконецъ къ числу ошибочныхъ мнѣній г. Мельникова относится и то, что онъ совершенно отождествляетъ хлыстовъ съ скопцами: хотя скопчество выросло на хлыстовской почвѣ и хотя обряды и нѣкоторые пункты ученія совершенно сходны у обѣихъ сектъ (почему хлысты позволяютъ скопцамъ присутствовать при своихъ радѣнїяхъ и наоборотъ—что и ввело г. Мельникова въ заблужденіе) тѣмъ не менѣе хлысты отнюдь не скопцы... Не смотря, впрочемъ, на всѣ свои недостатки, статьи г. Мельникова изобилуютъ фактическими подробностями, значительно восполняютъ во многихъ случаяхъ книгу г. Добротворскаго и въ этомъ смыслѣ не лишены своего значенія. Г. Мельниковъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы, вмѣсто того, чтобы сочинять на скорую руку свои компіляціи изъ драгоценныхъ матеріаловъ, какими онъ располагаетъ, напечаталъ бы эти самые матеріалы, въ ихъ полномъ составѣ, хоть въ «Чтенїяхъ московскаго общества исторіи и древностей», гдѣ уже не мало помѣщено подобныхъ матеріаловъ г. Липранди и другими. Если почтенная редація этого изданія нашла возможнымъ напечатать въ немъ «страды великаго искупителя», то едва ли бы она затрудила помѣстить въ немъ письма Радаева или «объясненіе» Ивана Кудимова.

II. Переходимъ къ тѣмъ свѣдѣнїямъ о сектѣ, какія сообщаютъ

въ своихъ запискахъ Сергѣевъ и крестьянинъ Андреяновъ. «Свойства сей секты удивительны, говорить Сергѣевъ, она есть необыкновенная и отличная отъ всѣхъ породившихся въ російской Церкви расколовъ... Она изъ всѣхъ ересей заимствуетъ и ни съ одной (въ цѣломъ) не согласуется». Дѣйствительно ученіе секты въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его Сергѣевъ, представляетъ элементы самыхъ разнообразныхъ ученій, начиная отъ гностическихъ ересей первыхъ вѣковъ христіанства и оканчивая позднѣйшимъ квакерствомъ и ирвингіанствомъ.

Первый вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся при изученіи хлыстовской догматики, это вопросъ о томъ, что такое по понятіямъ сектантовъ ихъ христы: Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и другіе? Для того, члобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать взглядъ сектантовъ на Божественнаго Основателя христіанства, Господа Иисуса Христа, лежащій въ основѣ всего ихъ догматическаго ученія. По словамъ Сергѣева наши сектанты «не признаютъ того, что Иисусъ Христосъ, совокупивъ въ особѣ своей оба естества, Божеское и человѣческое, въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя содѣйствіемъ Святаго Духа отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи плоть нашу, и благоизволилъ родиться изъ нея истинно, яко совершенный младенецъ, во семь, кромѣ грѣха, съ другими человѣками соестественный»: они учатъ, что *Сынъ Божій*, второе Лице Святой Троицы, сошедши на землю «Духомъ Своимъ Святымъ вселился въ чужую душу и плоть прежде зачатого и рожденнаго по общимъ законамъ природы человѣка Иисуса Назарей, — вселился на тридцатомъ году его жизни, «ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ». Съ этого времени человѣкъ Иисусъ Назарей сталъ *Христомъ*, т. е. помазанникомъ, по причинѣ помазанія, сообщеннаго ему Духомъ Святымъ, т. е. чрезвычайнаго дара ученія и пророчества. «И такъ, продолжаетъ священникъ Сергѣевъ, у нихъ Иисусъ Христосъ есть не больше, какъ первоначальный учитель, сынъ Божій не по естеству, а по благодати, причастію и вселенію въ Него Духа Святаго». Таковъ взглядъ нашихъ сектантовъ на Иисуса Христа, или «старого Христа», какъ они выражаются. Нельзя не видѣть, если не тождества, то близкаго родства такого взгляда съ ученіемъ многихъ еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства...

Но то, чего удостоился Иисусъ Назарей, продолжаютъ сектанты, можетъ быть приобрѣтено и другими людьми. Иисусъ Назарей сдѣлался Христомъ, въ него благодатно вселился Сынъ Божій, второе Лице Святой Троицы—единственно ради его естественной святости и чистоты жизни; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы и другой кто-

либо изъ людей достигалъ той же степени нравственной чистоты, какой достигъ родившійся отъ Іосифа и Маріи; слѣдовательно и другіе люди могутъ удостоиваться благодатнаго вселенія, въ нихъ Сына Божія—дѣлаться христами. Вселюся *въ нихъ* и похожду, а не *въ него*, сказано въ писаніи, говорятъ хлысты. Кто заповѣди мои сохраняетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ и *Азъ въ Немъ*, сказалъ Сынъ Божій, устами „старого“ Христа,—и Отець Мой возлюбитъ его, и къ нему придемъ *и обитель у него сотворимъ*. Такимъ образомъ, говорятъ хлысты, извращая смыслъ словъ Спасителя, Христось очевидно, не единственнъ; отъ времени до времени христы могутъ „открываться“ въ мірѣ снова, по мѣрѣ надобности, т. е. по мѣрѣ упадка въ мірѣ «чистоты» и благочестія и по усердной, нарочитой молитвѣ «умныхъ людей», т. е. сектантовъ. Потому-то хлысты и молятся постоянно на своихъ радѣніяхъ:

«Дай намъ, Господи, Іисуса Христа,
 Дай намъ, сударь, сына Божьяго!
 И помилуй, сударь, насъ...
 Пресвятая мать Божія!
 Упроси, свѣтъ, объ насъ,
 Свѣта--сына твоего...
 Безъ тебя, нашъ свѣтъ,
 Много грѣшныхъ на землѣ,
 На сырой землѣ, на матушѣхъ,
 На сударьяхъ, на кормилицѣ!»

Эта молитва составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго хлыстовскаго радѣнія, и смыслъ ея совершенно понятенъ послѣ того, что мы только что сказали. Хлысты молятся собственно о томъ, чтобы Христось *открылся*, т. е. явель сталъ своимъ дѣтушкамъ; невидимо-то или, точнѣе, незнаемо для нихъ онъ всегда пребываетъ съ ними, «переселяясь духомъ своимъ изъ одного человѣка, по смерти его, въ другаго, и пребудеть съ ними по обѣтованію стараго Христа до скончанія вѣка». Основаніе для этого послѣдняго своего мнѣнія о непрерывномъ, невидимомъ пребываніи въ ихъ обществѣ христовъ, хлысты видятъ въ томъ, что волхвы, пришедшіе поклониться рождшемуся Спасителю міра, спрашивали: гдѣ Христось *рождается*, а не гдѣ родился. Да и въ церковной пѣсни поется: Христось *рождается*, славите. Значитъ, говорятъ сектанты, Христось не одинъ разъ родился, а постоянно рождается, и христы постоянно являются и существуютъ въ мірѣ ¹⁾. Христовъ «открывшихся» или «изобрѣтенныхъ», доселѣ было въ мірѣ, по понятіямъ сектантовъ, шесть (по другимъ—семь):

¹⁾ См. Записку Андреянова, въ VIII т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 259.

Аверьянъ (при Димитріѣ Донскомъ: о немъ есть хлыстовская пѣсня), Иванъ Емельяновъ (открывшійся и замученный, по словамъ другой хлыстовской пѣсни, при Грозномъ, котораго будто бы обличалъ за жестокость), Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и государь Петръ Ѳеодоровичъ, въ лицѣ котораго, по словамъ хлыстовъ, «открылся Вышній на престолѣ суда» (тамбовскіе хлысты седьмымъ христомъ считаютъ крестьянина Аввакума Копылова). «Изобрѣтенный» или «открывшійся» Христось, по словамъ сектантовъ, повторяетъ въ своей жизни и дѣятельности всю исторію земной жизни Христа Спасителя, или, по ихъ выраженію, стараго Христа: проповѣдуетъ и собираетъ свое «малое стадо», которому даетъ вѣдать тайны царствія, т. е. своего ученія. «Злые іудеи», т. е. люди, невѣрующіе въ него, враждуютъ противъ него, преслѣдуютъ его и его послѣдователей, наконецъ распинаютъ его, какъ это было, напримѣръ, по разсказамъ хлыстовъ, съ Иваномъ Тимошеевичемъ Сусловымъ. Въ свою очередь нашъ Спаситель, по понятіямъ сектантовъ, былъ и по ученію и по жизни совершенный «божій человекъ», первый провозвѣстникъ ихъ ученія ¹⁾.

И такъ, очевидно, м. м. г. г., что христы людей Божіихъ вовсе не то, что еврейскіе жемесіи, являвшіеся до и послѣ Рождества Христова, или лжехристы первыхъ вѣковъ христіанства, которые пытались *замѣнить* собою личность Божественнаго Основателя христіанства, каковы были: Симонъ волхвъ или Менандъ, его ученія. И вообще ученіе хлыстовъ объ ихъ христахъ на христіанской почвѣ не находитъ ничего себѣ родственнаго или аналогическаго. Между христіанскими сектами не было и нѣтъ ничего подобнаго... Единственное ученіе, которое представляетъ черты сходства съ хлыстовскимъ миѳомъ объ ихъ христахъ, — это индійское ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Вишну. Ужъ не этотъ-ли индійскій миѳъ неповытнымъ образомъ отразился въ хлыстовскомъ ученіи, подобно тому, какъ въ нашихъ народныхъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ, по остроумнымъ соображеніямъ г. Стасова ²⁾, повторились тѣ же фавулы, какія легли въ основу индійскаго, персидскаго и вообще восточнаго героическаго эпоса?.. Не восточное-ли также ученіе о переселеніи душъ отозвалось въ слѣдующихъ чертахъ хлыстовскаго ученія, передаваемыхъ священникомъ Сергѣевымъ: «отдѣльнаго существованія духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не признаютъ, а ихъ существованіе заклю-

¹⁾ Объ одномъ изъ своихъ христовъ хлысты говорили даже, что «у нынѣшняго сына Божія больше благодати, чѣмъ у прежняго». Записка Андреянова. стр. 255.

²⁾ См. Вѣстн. Европы 1868 г. О происхожденіи русскихъ былинъ.

чаютъ только въ человѣкѣ. Вѣрують, что по смерти добрыхъ и угодившихъ Богу людей души ихъ преобразуются въ ангеловъ, а иныя причисляются, по мѣрѣ заслугъ, къ лику святыхъ; злыя же и грѣшныя души дѣлаются діаволами, а *нечестивые люди*, не познавшіе пути Божія, т. е. вѣры ихъ, *переселяются въ скотовъ, гадовъ* и проч. и опять изъ скотовъ и гадовъ переходятъ въ новорожденныхъ младенцевъ, потому что младенцы, по ихъ мудрствованію, рождаются отъ нечистоты... *Въруая въ переселеніе душъ*, они такъ тѣсно сближаютъ небо съ землею и смѣшиваютъ небесную іерархію съ землею, что земля, по ихъ понятію, ничѣмъ не отличается отъ неба; самъ Богъ, будто бы, сходя къ нимъ съ небесъ, со всѣми святыми ангелами, архангелами и прочими небесными силами, а также со всѣми святыми, пребываетъ съ ними во плоти, видимо утѣшаетъ и убажваетъ, и они предъ нимъ ликують и кружатся здѣсь на землѣ, думая, что также будутъ по смерти кружиться на небѣ»...

Какъ ни далеко хлыстовское ученіе отъ истиннаго христіанства, тѣмъ не менѣе хлысты хотять видѣть въ Иисусѣ Христѣ основателя своего ученія, въ св. Апостолахъ—проповѣдниковъ его, въ мученикахъ, преподобныхъ и вообще христіанскихъ святыхъ—послѣдователей этого ученія. Какимъ же образомъ они соглашаютъ это свое ученіе съ сказаніями библіи и церковной исторіи, когда несообразность его съ библіей очевидна съ перваго взгляда? Не рѣшаясь совершенно отвергать подлинность евангельскихъ и вообще библейскихъ сказаній, наши сектанты въ сказаніяхъ библіи, на сколько они не согласуются съ хлыстовскимъ ученіемъ, видятъ аллегорію, «духовное, по выраженію священника Сергѣева, прелагаютъ на чувственное, и чувственное на духовное; представляютъ невидимое—видимымъ, неосязаемое—осязаемымъ, а видимое и осязаемое—невидимымъ и неосязаемымъ». Руководствожъ для нихъ при такомъ толкованіи библіи служить, такъ называемое, толковое евангеліе (книга, бывшая въ большемъ употребленіи между православными), въ которомъ событія евангельской исторіи истолкованы, съ цѣлію нравоученія, въ смыслѣ иносказательномъ, таинственномъ. Этотъ иносказательный смыслъ толкованій они принимаютъ за подлинный смыслъ евангельскихъ сказаній, а буквальный смыслъ послѣднихъ — за аллегорическій. Что касается до четіихъ—миней и прологовъ, рассказывающихъ жизнь святыхъ, то, производя названіе *пролога* не отъ греческаго слова *πρόλογος* (предисловіе), а отъ русскаго глагола *пролыгаю*, хлысты говорятъ, что жизнеописатели святыхъ въ промогахъ и четіихъ-минейхъ *облыгали* святыхъ, изображали ихъ жизнь не такую, какова она была

на самомъ дѣлѣ (потому что въ дѣйствительности всѣ святые, по понятіямъ сектантовъ, были хлысты, то есть хранили чистоту, совершали корабельныя радѣнія и проч.), а иною, для того, чтобы утаить дѣйствительную жизнь святыхъ отъ міра, по силѣ словъ церковной молитвы: *не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ*, — подобно тому, какъ и теперь хлысты въ глазахъ міра являются добрыми христіанами — посѣщаютъ церкви, исповѣдаются и причащаются, и вообще бываютъ, по видимости, лучшими прихожанами православныхъ церквей, въ душѣ презирая Церковь, ея таинства и обряды.

Вотъ цѣлая система аллегорическихъ толкованій библіи и церковныхъ священнодѣйствій хлыстами, какъ она изложена въ запискѣ священника Сергѣева. 1) *«О паденіи перваго челоуѣка»*. Ни Адама, ни райа вовсе не было. Подъ Адамомъ нужно разумѣть умъ нашъ, Ева — это душа, жена или помощница, которую Богъ будто бы создалъ Адаму — это плоть; Едемъ — общество «Божьихъ людей»; древа райскія — люди ихъ согласія; дерево среди райа, красное въ свѣдѣ — прелестный женскій полъ; змій искуситель — плотское вождѣніе, чрезъ которое падаетъ челоуѣкъ въ грѣхъ, плодъ древа райскаго, отъ котораго будто бы вкусили прародители — самый грѣхъ. 2) Въ сказаніи *о переходѣ израильтянъ чрезъ Черное море*: израильтяне знаменуютъ истинно вѣрующихъ (т. е. хлыстовъ древнихъ), Египеть — міръ; Фараонъ — грѣхъ; Моисей — законъ Божій, жезлъ Моисеевъ — сила его; переходъ чрезъ Черное море — избытіе соблазновъ мірскихъ; манна — слово Божіе (изрекаемое пророками хлыстовъ); скрижали закона — челоуѣческое сердце. 3) Въ евангельскомъ сказаніи *о воплощеніи Сына Божія*: Дѣва Марія — чистая душа, архангелъ Гавріиль — челоуѣкъ, удостоившійся Божіей благодати; зачатіе Сына Божія — вселеніе въ душу Духа Святаго, рождество Христово — обнаруженіе въ хлыстѣ дара пророчества. Страданія Спасителя — скорбная жизнь въ мірѣ праведника; смерть Иисуса Христа — грѣхопаденіе праведника; положеніе во гробъ — лишеніе благодати и ослѣпленіе житейскими попеченіями; воскресеніе Иисуса Христа — истинное покаяніе; вознесеніе — преуспѣяніе въ добродѣтели. Въ повѣствованіи *о самарянкѣ*: самарянка — грѣшная душа, владызь — крещеніе, живая вода — Святой Духъ, пять мужей самарянки — пять книгъ Моисеевыхъ. Болящій Лазарь — челоуѣческій умъ, немощію побѣждаемый; Марфа — плоть, Марія — душа и проч. Иуда, предавшій Господа, по сказанію евангелія, *шедъ удавился*; народная легенда дополняетъ, что Иуда удавился *на осинѣ*; по толкованію хлыстовъ это значитъ, что онъ женился *на Асинѣ*. «Они говорятъ о вступившемъ въ бракъ:

такой-то удавился или окрутился, а женитьбу почитают за великій грѣхъ, младенцевъ называютъ грѣшками; повивальнымъ бабамъ, говорятъ, за ихъ грѣхъ и прощенія не будетъ»... ¹⁾ Совершенныя Исусомъ Христомъ и святыми чудеса сектанты объясняютъ такъ. Ходить по водамъ, яко по суху — значить жить въ мірѣ и не касаться его соблазновъ; горѣть и не сгорать (о купинѣ) быть искушаемымъ и не впасть въ искушеніе, исцѣлять разслабленныхъ — подкрѣплять маловѣрныхъ, возставлять болящихъ отъ одра — ободрять унывающихъ, давать слѣпымъ прозрѣніе — научать истинной вѣрѣ (хлыстовщинѣ), отверзать слухъ глухимъ — проповѣдывать чистоту, отверзать уста нѣмымъ — поощрять на пѣснопѣнія во славу Божию и проч. Милоти и кози дожи, въ которыхъ, по выраженію апостола, прошли святыя поприще своей жизни — по понятіямъ сектантовъ суть таинства и обряды православной Церкви, которыя хлысты выполняютъ для вида, чтобы прожить безпечально, не терпѣть гоненій «отъ злыхъ іудеевъ». Тамъ, гдѣ хлысты не могутъ библейскаго или богослужебнаго текста объяснить въ смыслѣ иносказательномъ, ²⁾ они переиначиваютъ слова и буквы, напримѣръ: вмѣсто: тѣло Христово примите, они говорятъ: дѣло Христово творите; вмѣсто: разрѣшеніе вина и елея (выраженіе церковнаго устава) — отпушеніе винностей и прекращеніе ссоръ; Иорданъ рѣка означаетъ у нихъ гортань, изъ которой проистекаетъ пророческое слово — «какъ рѣка льется».

Подобнымъ образомъ православнымъ иконамъ сектанты усвояютъ символическое значеніе. Иконостасъ въ цѣломъ своемъ составѣ есть символическое изображеніе ихъ великаго радѣнья, въ полномъ составѣ корабля; икона, называемая деисусъ или деисисъ — малыя радѣнія; иконы двенадесятихъ праздниковъ — разные моменты хлыстовскаго радѣнья; разныя иконы Пресвятой Богородицы — суть изображенія ихъ знаменитыхъ пророчицъ; икона Спасителя въ томъ или другомъ видѣ — изображеніе того или другаго изъ ихъ христовъ. Въ этомъ смыслѣ хлысты охотно смотрятъ на иконы и даже поклоняются имъ, хотя гораздо охотнѣе молятся другъ на друга, говоря, что гораздо разумнѣе поклоняться живому существу, въ которомъ можетъ быть невѣдомо для поклоняющагося обитаетъ Богъ, Духъ Святой, или даже самъ Сынъ Божій, нежели неодушевленному дереву. У скопцовъ ²⁾ особеннымъ уваженіемъ пользуются иконы архангела

¹⁾ Записка Андреянова, стр. 255.

²⁾ Скопчество, выдѣлившись изъ хлыстовщины, и образовавши отдѣльную секту, удержало однакожь все ея ученіе и обряды. Единственное отличие его

Михаила, возсѣдающаго на крылатомъ огненномъ или бѣломъ конѣ, поражающаго копьемъ змія, и св. Георгія Побѣдоносца, изображаемаго въ подобномъ же видѣ: архангелъ Михаилъ и св. Георгій, по ихъ толкованію, изображаютъ скопца, огненный конь — обоженную плоть его, бѣлый конь — пламенную чистоту, приобретаемую оскотпленіемъ, змій — знаменуетъ похоть плотскую, копье — орудіе оскотпленія; на иконѣ св. Георгія изображаются, кромѣ самого святаго и змія — царская дочь, имъ спасенная, царь, отецъ дѣвицы и городъ. Первая знаменуетъ душу, спасаемую отъ вѣчной гибели — оскотпленіемъ, второй — самого Бога, съ любовію взирающаго на угодный будто бы ему подвигъ самоизуродованія, третій — небо, котораго удостоится скопецъ за свой подвигъ.

Послѣ всего этого что же такое въ глазахъ сектантовъ Церковь, ея исторія, ученіе, таинства, обряды? «Божественную нашу религію почитаютъ простымъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ, выдумкою мудрыхъ законодателей, изложенною въ равной силѣ, какъ и гражданскія постановленія. Церковь есть учрежденіе, ничѣмъ не отличающееся отъ ветхозавѣтной синагоги и другихъ языческихъ собраній и только предзнаменующее ихъ духовную церковь». Таинствъ они не признаютъ; особенно издѣваются надъ священствомъ. «Съ насмѣшкою говорятъ, будто вся духовность священнаго сана переродилась въ чувственные знаки. Монашескій, ангельскій бѣловидный чинъ преобразился въ черный. Окомъ зависти взирая на святительскія свѣтлыя и блистательныя украшенія, говорятъ, что вся благодать церковная окаменѣла и обратилась въ дорогія каменья, золото и серебро, которое могло бы многихъ бѣдныхъ пропитать. Въмѣсто всякаго благолѣпія церковнаго употребляютъ, при своихъ богослуженіяхъ, простыя бѣлыя рубахи». «Священниковъ именуютъ сопатыми ослами». «Супружеское сожитіе почитаютъ наравнѣ съ незаконнымъ предубодѣяніемъ, указывая на слова Спасителя: въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели, ибо почитаютъ себя таинственно воскресшими. Первый человѣкъ согрѣшиць не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ древа, а паденіемъ въ грѣхъ супружескаго совокупленія». Остальныя всѣ таинства отрицаютъ на томъ основаніи, что по совершеніи ихъ, съ тѣми, надъ кѣмъ они совершены, не происходитъ будто бы никакой видимой перемѣны, ничего подобнаго тому, что испытываютъ хлысты во время своихъ радѣній. Истинныя

составляетъ оскотпленіе, котораго отнюдь не хотятъ допустить хлысты: не трудно бороться съ умерщвленнымъ врагомъ, а ты поборись съ живымъ, говорятъ они.

христиане, духовные, каковы хлысты, не имѣютъ надобности въ чувственныхъ знакахъ, какіе составляютъ принадлежность церковныхъ таинствъ: только сущій по плоти плотская мудрствуетъ, а иже по духу—духовная, а идѣже духъ, тамъ—свобода.

Мы не считаемъ нужнымъ доказывать, какъ превратно и несмысленно во всемъ этомъ ученіи хлыстовъ пониманіе ими св. Писанія. Какъ для испорченнаго желудка пища есть уже вредъ, справедливо замѣчаютъ Сергѣевъ, и какъ дряхлѣющему малѣйшее хвастіе преткновеніемъ бываетъ, а преткновеніе предускоряетъ и самое паденіе: такъ и для сихъ заблуждающихъ все служить къ соблазну,—всякое книжное сказаніе и всякій глаголь Божій».

III. Въ настоящее время, по видимому, у хлыстовъ нѣтъ «изобрѣтенныхъ» христовъ. Послѣднимъ такимъ христомъ признается у нихъ Государь Петръ III, который доселѣ, будто бы, сокровенно живетъ въ странѣ восточной, иркутской. Мѣсто христовъ заступаютъ теперь у хлыстовъ пророки. Такой пророкъ есть непременно въ каждой частной хлыстовской общинѣ, даже каждый частный членъ общины можетъ во время радѣнія удостоиться чрезвычайныхъ дарованій и изрекать пророчества. Подобно сектѣ ирвингианъ, существующей въ настоящее время въ западной Европѣ (особенно въ Англіи) и въ Америкѣ, наши сектанты хотятъ видѣть въ своей сектѣ осуществленіе, повтореніе церкви первобытной, апостольской, когда овы были пророками, овы апостолами, овы пастырями и учителями. Когда были у хлыстовъ христы, при нихъ большею частію было двѣнадцать апостоловъ, которые помогали ему «удовлять вселенную». Теперь, хотя и нѣтъ у нихъ христовъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайныя благодатныя дарованія церкви первобытной существуютъ у нихъ въ полной мѣрѣ: и теперь овому дается Духомъ пророчество, иному даръ языковъ, иному сказаніе языковъ. Хлыстовскіе пророки обладаютъ, по отношенію къ своимъ общинамъ, чрезвычайными полномочіями и авторитетомъ, свойственнымъ органамъ непосредственно дѣйствующаго чрезъ нихъ св. Духа, какъ въ постановленіи ученія и богослуженія, такъ въ устроеніи всей общественной и частной жизни членовъ секты. По словамъ г. Мельникова власть Далай-Ламы между буддистами—ничто, въ сравненіи съ тою властію, какою пользуется пророкъ въ хлыстовской общинѣ.

Въ чемъ же состоитъ, и какимъ способомъ достигается это нравственное совершенство, при которомъ простолюдинъ дѣлается христомъ или, по крайней мѣрѣ, пророкомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить *нравственное* ученіе хлыстовъ, обстоятельно изло-

женное и разобранное въ книгѣ Добротворскаго. Мы изложимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, словами г. Мельникова. Назначеніе каждаго человѣка, говорятъ хлысты, состоитъ въ томъ, чтобы умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ, ибо всѣ ангелы (какъ мы видѣли выше) суть не что иное, какъ отжившіе люди, сподобившіеся таинственнаго воскресенія. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе Божескаго приговора: земля еси и въ землю отыдещи. Смерть о Христѣ есть смерть таинственная, состоящая въ умерщвленіи воли, себялюбія и гордости, а главное въ умерщвленіи плоти, этаго злаго демонскаго начала въ природѣ человѣка, — въ полнѣйшемъ безстрастіи и святости. За эту смерть слѣдуетъ погребеніе о Христѣ, т. е. отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя, какъ въ могилу. Въ тайникѣ каждой души есть начатокъ духа Божія, и если кто умеръ о Христѣ, говорятъ хлысты, и спогребся Ему въ смерть, т. е. послѣ умерщвленія воли и плоти нисойдетъ въ самаго себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутренней голосъ, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое внутри насъ есть. Кто услышитъ въ себѣ этотъ таинственный голосъ, тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается храмомъ Божиимъ и Духъ Божій живетъ въ немъ; съ той минуты онъ оправдится отъ грѣха, сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему, какъ праведнику, законъ не лежитъ. Таинственно воскресшій вмѣсто своей воли получаетъ волю Божію; что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ—дѣлаетъ и говоритъ не онъ, но самъ живущій въ немъ Духъ Святой. Если онъ дурачится, прикидывается юродивымъ — во всемъ нужно видѣть особенную премудрость Божію, ибо буе Божіе премудрѣе человѣкъ есть.

Отсюда уже, съ свойственною русскому уму смѣлостію и послѣдовательностію въ выводахъ, сектанты заключаютъ, что даже такіа дѣйствія таинственно воскресшаго, какъ развратъ Радаева, сознавагося на судебномъ слѣдствіи въ связи съ тринадцатію женщинами, безпрекословно отдавшимися ему изъ повиновенія его пророческому авторитету, — есть не грѣхъ, а дѣло святое, такъ какъ оно не было дѣломъ собственно Радаева, а живущаго въ немъ Духа Святаго. Отсюда и свальный грѣхъ, которымъ оканчивается большая часть чрезвычайныхъ или великихъ радѣній—дѣло святое, дѣло религіознаго культа, любовь Христова, — такъ какъ совершается непосредственно влѣдъ за радѣніемъ, когда Духъ Святой «накатитъ» на радѣющихъ: плотское возбужденіе, которое является какъ слѣдствіе усиленнаго

раздраженія нервовъ послѣ усиленнаго бѣганья «на кругу» — есть дѣйствіе «накатившаго» на нихъ Св. Духа... Дѣти, зачатые отъ этого грѣха, признаются зачатыми по наитію Св. Духа, родившимися не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога; имъ усвоается названіе *христосиковъ*; воспитываются они подѣ надзоромъ мальчижи—пророковъ, а дѣвочки—пророчиць, и впоследствии заступаютъ ихъ мѣста въ сектѣ. Такимъ образомъ, у секты людей Божіихъ мы находимъ даже обоготвореніе разврата, нѣчто въ родѣ культа Афродиты и Астарты, хотя далеко не въ той эстетически-облагороженной формѣ, въ какой онъ является у грековъ и народовъ эллинизованныхъ. А что касается до умерщвленія плоти, этого злаго, демонскаго начала въ природѣ человѣка, посредствомъ воздержанія, то въ этомъ пунктѣ хлыстовскаго ученія, равно какъ въ ученіи о близкомъ средствѣ и постоянномъ общеніи человѣка съ небомъ и небожителями, о легкомъ переходѣ изъ одного міра въ другой, по нашему мнѣнію нельзя не видѣть самой близкой аналогіи съ гностицизмомъ.

Хлыстовскія радѣнья, подробно описанныя г. Добротворскимъ въ 3-й главѣ его книги, служащая внѣшнюю формою богопочтенія таинственно воскресшихъ, составляютъ явленіе родственное богослуженію греческихъ евтиховъ, западныхъ бичующихся и пляшущихъ и наконецъ—кваверовъ. Подобно тому, какъ во всѣхъ этихъ сектахъ, бѣганье и верченье хлыстовъ на радѣньяхъ имѣетъ значеніе прежде всего аскетическое, дѣлается съ цѣлію изнуренія плоти (хотя, какъ видно изъ послѣдствій, какими они сопровождаются, цѣль эта достигается въ смыслѣ совершенно противоположномъ):

Богу порадайте,
Плотей не жалѣйте,
Мареу ¹⁾ не щадите,
Богу послужите,

поютъ хлысты на радѣньяхъ. Затѣмъ уже эти богослужебныя ихъ дѣйствія имѣютъ значеніе духовнаго веселія и ликования, по образу небожителей, которыхъ блаженство, по понятіямъ хлыстовъ, состоитъ именно въ томъ, что они «ходятъ въ кругу», доказательство чего видятъ въ словахъ церковныхъ пѣсней: *съ небсныхъ круговъ слетѣлъ Гаврилъ... небснаго круга верхотворче, Господи... На землѣ первообразъ своихъ радѣній сектанты видятъ въ дѣйствіи царя Давида, который, по выраженію церковной пѣсни, скакаше играя,—и*

¹⁾ Евангельская Марѣа, по понятіямъ хлыстовъ, есть аллегорическое имя плоти, подобно тому, какъ подѣ Маріей, ея сестрой, нужно разумѣть душу.

въ собраніи апостоловъ въ Сіонской горницѣ въ день пятидесятницы: Духъ Святый, по словамъ одной хлыстовской пѣсни, сошелъ на нихъ (подобно тому, какъ онъ сходитъ на сектантовъ во время радѣній) въ то время, какъ они «радѣли на кругу».

Въ дополненіе къ описанію хлыстовскихъ радѣній, имѣющемуся въ изслѣдованіяхъ гг. Добротворскаго и Мельникова, сообщаемъ описаніи того же предмета Сергѣевымъ, отчасти пополняющее свѣдѣніи двухъ изслѣдователей, отчасти разнящееся отъ нихъ. «Когда наступаетъ какойнибудь правдіи́къ, то наканунѣ уходятъ изъ домовъ, подъ предлогомъ ярмарки или другой причины, и незамѣтнымъ образомъ собираются въ тотъ домъ, въ которомъ предполагается радѣнье. Когда наступитъ ночь, собираются въ одну горницу. Помолвившись образамъ, кланяются въ ноги сначала главному учителю, потомъ всѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые вошедшему отвѣчаютъ тѣмъ же. Вставши, вошедшій цѣлуетъ въ руку и въ уста наставника, потомъ цѣлуется съ прочею братією. Въ случаѣ, если собранію грозитъ какая-либо опасность со стороны мірскихъ властей, прежде, чѣмъ начать радѣнье, разставляютъ около дома караулы... Всѣ бывають одѣты въ длинныя бѣлыя рубахи, нарочито для радѣній устроенныя, съ длинными рукавами, а женщины одѣты въ лучшія свои одежды и подпоясаны голубыми или вообще цвѣтными поясами и лентами. Предъ иконами зажигаются свѣчи; учитель беретъ кадильницу, кадитъ иконы и предстоящихъ; потомъ, отдавши кадильницу, учитель, по образу нашихъ іерарховъ, владеть себѣ на плечи полотенце, подобіе омофора..., беретъ въ одну руку крестъ, въ другую—зажженную свѣчу, и вмѣстѣ со всѣми начинаетъ пѣть: царю небесный... многое множество моихъ, Богородице, прегрѣшеній..., большею частію переимчивая слова, отчасти по незнанію, отчасти преднамѣренно, примѣнительно къ своему ученію. Потомъ, обращаясь поочередно на всѣ четыре стороны, осѣняетъ крестомъ и свѣчею предстоящихъ, приговаривая: Христось воскресе! Предстоящіе отвѣчаютъ: воистину воскресе! Затѣмъ ставитъ крестъ и свѣчу на мѣсто; всѣ садятся по лавкамъ и разстилають на колѣняхъ платки и полотенца, приготовляясь къ радѣнью. Въ это время наставникъ говоритъ поученіе, въ родѣ слѣдующаго: возлюбленные мои дѣтушки! не сомнѣвайтесь въ великой милости небеснаго Отца, возлетайте всѣ мыслями на небо къ престолу Батюшки Царя небеснаго, проливайте отъ сердца теплыя свои молитвы къ Нему, просите Его, Государя, чтобы ниспослалъ милость Свою намъ, Сына Своего Иисуса Христа къ намъ послалъ, изволилъ бы намъ милости Свои послать, излилъ на насъ

Духа Святаго благодать. «Посидѣвши затѣмъ нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи, наставникъ обращается къ хозяину дома съ такими словами: «ну-ко-сь, господинъ хозяинъ, благоволите-ка намъ съ Государемъ батюшкою повеселиться, небесною пищею Его насладиться, Богомъ-свѣтомъ завладать и на святомъ кругу его покатать». Хозяинъ, вставши и поклонившись, отвѣчаетъ: «родимый ты нашъ батюшка, вить знаешь: народъ Божій собрался не стѣнъ моихъ смотрѣть, а мягкихъ пироговъ твоихъ покушать и слова Божьяго, отъ тебя, Государь послушать». (У нихъ св. Писаніе называется сухарями, черствымъ хлѣбомъ, давно уже испеченнымъ, т. е. проповѣданнымъ, а ихъ пророчество—мягкими и горячими пирогами, которые вынимаются прямо изъ печи, т. е. изъ устъ пророка). Тогда наставникъ, перекрестившись, начинаетъ вмѣстѣ со всѣми молитву:

Дай намъ, Господи, Иисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія и проч.

По окончаніи этой молитвы, одинъ изъ собранія, заранѣе предназначенный «ходить въ словѣ», т. е. пророчествовать, какъ бы въ иступленіи, вдругъ встрепенувшись, вскрикиваетъ, въ знакъ того, что на него «накатилъ духъ», разувается, иногда его разуваютъ сидящіе подлѣ него; между тѣмъ все собраніе продолжаетъ пѣть протяжно ту же пѣснь: дай намъ, Господи и пр.; когда молитву запоютъ въ третій разъ—скорымъ напѣвомъ—онъ встаетъ, начинаетъ кружиться съ всхлипываньемъ, до тѣхъ поръ, «пока благодать совершенно имъ не овладѣетъ»; тогда онъ останавливается, оправляется, приговаривая: «Христось воскресе»; имѣя дикій видъ, «быстрыми глазами смотритъ на всѣхъ гордо», называетъ себя Богомъ, поглядываетъ въ находящійся въ его рукахъ платокъ, какъ бы въ нѣкій талисманъ, что-то говоритъ про себя; беретъ въ горсть руки воду и кропитъ ею горницу и присутствующихъ, чтобы въ нимъ не ввралась въ корабль какая нечистота, бросаетъ воду на воздухъ, какъ бы заливая пожаръ, т. е. могущій случиться розыскъ и раззореніе ихъ севты. Послѣ этого всѣ встаютъ, крестятся и молятся на него, а онъ «тихимъ и дикимъ голосомъ» произноситъ на распѣвъ свое пророчество, сначала обращая свою рѣчь къ цѣлому кораблю (такъ называется «общая судьба») въ такомъ родѣ:

Ахъ мой батюшка, отецъ—да
Ты услыши вѣдь меня—да
Ты небесный вѣдь творецъ—да
Ты мой-то вѣдь глава—да
Благослови-кась ты меня—да
Своего-то вѣдь раба—да

Въ золоту трубу трубить—да
 Въ небесный колколець—да
 На святомъ кругу звонить—да
 Что могу я безъ тебя—да?
 Ну мой батюшка родной—да
 Научи-же ты меня—да
 Твсе слово проповѣдать—да
 А вы други-ль вы мои—да
 Вы меня-то вѣдь простите—да
 Проливайте горьки слезы—да
 И вы батюшку просите—да
 Умоляйте вы его—да
 Чтобы онъ вѣдь заступилъ—да
 Ужь за насъ-то вѣдь сиротъ—да
 Упросилъ-бы изъ рая—да
 У небеснаго царя—да
 Ужь вѣдь птицу сокола—да
 Что вѣдь духа-то свята—да
 Ужь и къ намъ-то-ли сюда—да
 Утѣшителя благова—да...
 Ужь я вижу чудеса—да
 Что всходились облака—да
 Всколебались небеса—да
 Отворяетъ вамъ владыка—да
 Ужь небесную-то дверь—да...
 Наливается сосудъ—да
 Ужь вѣдь Божьей-ли рукой—да
 Что катить съ неба вѣдь судъ—да
 Стойте всѣ вы, да со страхомъ—да
 Дарить хотеть вѣдь отецъ—да
 Изъ насъ всякаго вѣдь даромъ—да...
 Ну живите, не тужите—да...
 Голько Богу мнѣ служите—да...
 Вы имѣйте чистоту—да
 Что вѣдь дѣтство-то святое...
 Не своимъ—да вѣдь умомъ—да
 Ужь вамъ други—да, говорю—да
 А все Божьимъ-то судомъ—да... и проч. ¹⁾.

За «общую судьбою» слѣдуетъ «судьба частная» — предсказанье каждому члену корабля въ отдѣльности. Ниже мы представимъ характеристическіе образцы этихъ частныхъ пророчествъ. Здѣсь пророки истощаютъ всю свою изобрѣтательность, потому что каждому нужно сказать что-нибудь примѣнительно къ его частнымъ обстоятельствамъ. За частною судьбою слѣдуетъ самое радѣнье, состоящее

¹⁾ Приводимъ это «пророчество» въ томъ видѣ, какъ оно записано Сергѣевымъ.

въ бѣганьи и верченьи на одномъ мѣстѣ. Различныя виды радѣнья описаны подробно г. Добротворскимъ: круговое—корабельное, крестикомъ и проч. Въ продолженіе круженія и скаканія, продолжаетъ Сергѣевъ, они поютъ свои пѣсни «очень согласно и пріятно», по временамъ единогласно всхлипывая, издавая порывистыя трели и гоготать, непрерывно повторяя: ой духъ, ой духъ, духъ! Ой гогъ, ой гогъ, ой гогъ! Царь-богъ, царь-богъ, царь-богъ! Этимъ гоготаньемъ они наводятъ на слушателей ужась, и если послушать ихъ изъ-за стѣнъ, то можно подумать, что они чѣмъ-то сбьются, отчего и существуетъ въ народѣ молва, будто они, бѣгая около чана, хлыщутся, приговаривая: «хлыщу, хлыщу, Христа ищу! Выйди къ намъ наружу и дай денегъ на нужу.» При круженіи нѣкоторые трясутся, кривляются, топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ, приходятъ въ изступленіе и говорятъ «иными языками странныя глаголы», которыхъ и сами, конечно, не понимаютъ. Случается, что иной хвалится: «я-де богъ великъ», а другой отвѣчаетъ: «а я богъ больше тебя», и чтобы рѣшить споръ, одинъ другому даетъ пощечину: кто равнодушно вынесетъ ее, подставивъ и другую ланиту, тому и приписывается большее божество: смиреннымъ—де дается благодать. У нѣкоторыхъ сектантовъ радѣнья имѣютъ нѣсколько другой видъ: эти, какъ они называютъ себя—«старого повѣту», ограничиваются богослуженіемъ, по словамъ Сергѣева, совершенно тождественнымъ съ квакерскимъ. Радѣнье у обыкновенныхъ хлыстовъ оканчивается пѣніемъ стиховъ: воскресеніе Христова видѣвше..., воскресъ Иисусъ отъ гроба..., прикладываніемъ ко кресту, къ рукѣ главнаго учителя и взаимными лобзаніями со словами: Христосъ воскресъ — воистину воскресъ!

Кромѣ радѣній, составляющихъ родъ богослуженія наиболѣе торжественнаго, совершаемаго только подѣ двенадцатые и годовыя праздники, а также въ случаяхъ принятія въ секту новыхъ членовъ, есть еще другой родъ богослуженій хлыстовъ, совершаемыхъ гораздо чаще: это простыя «бесѣды», на которыхъ бываетъ все, что и на радѣньяхъ, за исключеніемъ той торжественной обстановки, какую мы описали выше. Для знакомства съ этими «бесѣдами» приводимъ характеристическій разсказъ одного обратившагося хлыста. «Однажды, наканунѣ новаго года, собрались мы на «бесѣду», часу въ десятомъ вечера. Въ пророческомъ дѣлѣ ходилъ домохозяинъ Федоръ Силантьевичъ. Онъ карауломъ забылъ распорядиться предварительно, и мы были въ нѣкоторой тревогѣ. Онъ это замѣтилъ и обратился къ собранію съ такимъ пророческимъ словомъ:

Возлюбленные друзья!

Вы себя не тревожьте,
Надежду на меня, свята духа, положьте,
Соборъ вашъ я крѣпкой стѣной огорожу,
На караулъ легионъ ангеловъ пошлю...
Врага злого на сто сажень къ собору не допущу;
А вы мнѣ, святому духу, вѣрите,
Живую благодатную воду мою пейте,
Подите, други, кораблемъ порадайте,
Въ духовной моей банѣ попотѣйте...

«Мы образовали около пророка корабль и предалися радѣнью со всѣмъ азартомъ, въ той надеждѣ, что нашъ соборъ караулитъ легионъ ангеловъ. Въ самомъ разгарѣ «божьей работы» вдругъ вбѣгаетъ въ соборъ работница: «бѣгите кто куда знаетъ, къ намъ кто-то пріѣхалъ!» На насъ напалъ паническій страхъ; мы не знали что и дѣлать. Духъ Святой изъ пророка въ одно мгновеніе улетѣлъ. Федоръ Силантьевичъ только бѣгалъ по горницѣ и ахалъ. Марья была дѣвка смѣтливая: успокойся, говоритъ, сними верву, передѣнь бѣлье, а я приму ихъ и скажу, что ты моешься. Между тѣмъ мы всё кинулись бѣжать въ однихъ потныхъ рубашкахъ, босые, кто куда. Снѣгъ былъ по колѣно, морозъ градусовъ 25-ть, а намъ не холодно — жарко; казалось благодать насъ согрѣвала. Наконецъ хозяинъ проводилъ пріѣзжихъ: то были голова и сборщикъ податей. Насъ увѣдомили и мы собрались—взять свое платье и обувь. Доканчивали бесѣду уже на другой день. На караулъ нарядили двухъ молодцовъ, а на ангеловъ уже не надѣялись. Сначала говорили о вчерашнемъ событіи. «Эка чудеса Богъ творить, говоритъ одинъ: до выселокъ — сажень двѣсти; а я домой пріѣхалъ — у меня ноги до того горячи, что снѣгъ подо мной таялъ, и готовъ еще столько же бѣжать. Ну, милость Божія дивная!» Другой говоритъ: «я думалъ, что бѣгу по травѣ, а не по снѣгу; еслибъ не стыдно было босому и раздѣтому придти въ домъ свой, то, кажись, добѣжалъ бы до самаго своего села (версты три). Наконецъ говорю и я: «братцы, а я налецъ на правой ногѣ жестоко ознобилъ». «Это значитъ — ты повиненъ грѣху, отвѣчалъ Федоръ Силантьичъ: отъ того благодать тебя и не согрѣвала». Въ заключеніе разговора вчерашній пророкъ обратился къ обществу съ такою рѣчью: «Господь Богъ одинъ и тотъ же: какъ древле онъ разженные одры охлаждалъ и мученигамъ казалась, что они лежатъ не на огненномъ одрѣ, а на мягкой постели, такъ и до конца Господь свои чудеса творить будетъ. Помогимтесь, братья и сестры, поблагодаримъ Господа за его къ намъ милости». Началась

«бесѣда». На пророческое дѣло нарядили Молявку. Она пророческимъ словомъ заплѣла:

Вы любезные мои!
 Будьте вѣрны до конца:
 Не лишу злата вѣнца.
 Хотя воронъ налетѣлъ,
 Стадо мое распугалъ;
 А самъ Господь Саваоѣ
 Съ неба на васъ поглядѣлъ,
 Помощь—силу вамъ послалъ,
 Ноженькамъ вашимъ, други,
 Теплоту свою сослалъ;
 А мои небесные круги
 Всѣ блаженные духи
 Невидимо васъ одѣвали,
 Тѣла ваши согрѣвали;
 И я, духъ святой, съ вами невидимо пребывалъ,
 Ваши душеньки въ уборъ небесный убиралъ,
 Всѣ ступеньки ваши я самъ, духъ святой, считалъ
 За каждую ступень я сторицей заплачу,
 А злого врага во гробъ вколочу,
 Чтобъ не смѣлъ пужать небесный мой синодъ,
 И не смѣлъ-бы тревожить моихъ вѣрныхъ рабовъ.
 А надъ вами благодатный всегда мой покровъ.
 Оставайтесь, Богъ съ вами,
 Милость Божія надъ вами.

Затѣмъ послѣдовала частная судьба. Помолвившись сперва предъ образами, чтобы, благословилъ ее «небесный доброхотъ идти ей въ походъ по его вѣрнымъ рабамъ, помочь ей евангелъ толковой его вѣрнымъ прочитатъ, чтобъ могли они живаго Бога почитать, полного духа въ сердца свои включать, Отца и Сына непрестанно прославлять»,—она обратилась сначала къ Ѳеодору Силантыичу, вчерашнему пророку, поклонилась ему съ крестнымъ знаменіемъ въ землю и заплѣла:

Здравствуй, вѣрный, дорогой,
 Изобранный воинъ мой!
 Со врагомъ смѣло воюй,
 Ни о чемъ ты не горюй.
 Хоша злой врагъ помѣшалъ
 Совершать мои дѣла,
 И разстроилъ весь мой здѣсь
 Благодатный кабинетъ (!)
 Я злого того врага грозно накажу,
 А тебя, моя душа,
 Благодатью награжу,
 Въ царствіе опредѣлю,
 Со ангелами вселю,
 Оставайся, Богъ съ тобой,
 Покровъ Божій надъ тобой!

Затѣмъ началась судьба Семену Ариновичу:

Здравствуй, вѣрный рабъ ты мой,
Возлюбленный Симеонъ!
Ты дивишься на мои
Премудрыя чудеса:
Не могли вотъ тѣлеса
Повредиться отъ мороза.
Такъ тебѣ я что скажу:
Вѣра твоя горяча
Несумнѣнная была,
Она тебѣ помогла,
А благодать-то моя
Теплоту тебѣ дала.
Будь же вѣренъ до конца;
Не лишу тебя царства,
Обведу всѣ митарства.
Оставайся, Богъ съ тобой,
Милость моя надъ тобой.

Потомъ—судьба Ильѣ Ариновичу:

Ну, Богъ помощь и тебѣ,
Возлюбленный, дорогой!
Вѣдь батюшка духъ святой
И тебѣ тожь помогаль,
Твое тѣло согрѣваль,
Благодатью одѣваль,
За то, что ты, душа моя,
Къ Богу сердцемъ воспыляль,
Свое сердце надрываль,
Бога въ помощь призываль.
Доведу я и тебя
До небеснаго дворца,
До блаженнаго рая.
Во судѣ меня прости,
А самъ въ небушко рости.

Дошла очередь до меня.

Ну, поди, душа, на судъ.
Ты бери дѣло въ разсудъ,
Какъ Богъ вѣрнымъ помогаль,
А тебя, душа моя,
Лютый морозъ ознобляль,
За чѣмъ вѣры не имѣль.
Вѣдь сомнѣнне Петра
На дно моря повлекло,
И онъ слезно закричалъ:
Господи, спаси меня!
Тогда самъ Господь Петра
За правую руку взяль,
На корабль его поставиль,
А Петръ Господа прославиль.

Такъ и ты, душа моя,
 Поди Богу помолись,
 И праведнымъ поклонись,
 Ихъ молитвъ себѣ проси.
 А мнѣ свату духу вѣрь,
 Не погубить и тебя
 Никакой лютый звѣрь.
 Оставайся, Богъ съ тобою,
 Покровъ Божій надъ тобою.

Отъ меня Молявка пошла съ частной судьбой по очереди къ другимъ «вѣрнымъ душамъ» и благодарила за вчерашніе труды. А я принужденъ былъ, какъ маловѣрный, молиться Богу и кланяться всѣмъ въ ноги. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что и другіе многіе ознобили ноги. Тогда я пожалѣлъ о своихъ поклонахъ, да уже дѣлать было нечего: слово — не воробей; выскочить — не поймашь. Если-бъ я не сказалъ о своемъ ознобѣ, конечно и меня мнимый «духъ святой» благодарилъ бы за крѣпкую вѣру и труды» ¹⁾.

Наконецъ, къ числу обрядовъ секты Людей Божіихъ наши изслѣдователи, гг. Добротворскій и Мельниковъ, относятъ еще изрѣдка будто-бы совершаемый хлыстами гнусный обрядъ причащенія тѣломъ и кровію. «Во время моленія Люди Божіи сажаютъ въ чанъ, наполненный теплой водой, 16-ти лѣтнюю дѣвицу. Когда она усядется въ чанъ, подходятъ къ ней старухи, дѣлаютъ глубокой надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ — лѣвый и съ удивительною ловкостію останавливаютъ теченіе крови. Во время этой страшной операции даютъ ей въ руки икону Св. Духа (по Мельникову—икону нерукотвореннаго Спаса), чтобы она, углубившись въ благоговѣйное созерцаніе, легче переносила страшную муку. Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзаютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которые ѣдятъ ихъ. Когда окончится это людоедство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: поплясахомъ, погорахомъ на сіонскую гору. Пляска дѣлается живѣе и живѣе, безуміе достигаетъ высшей степени; вдругъ свѣчи гаснутъ, и тогда начинается сцена, для которой напрасно было бы искать примѣровъ и въ язычествѣ». Эта сцена и есть свальный грѣхъ, о которомъ мы упоминали выше. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наши изслѣдователи заимствуютъ этотъ рассказъ не изъ официальныхъ документовъ и не изъ письменныхъ какихъ-либо показаній самихъ хлыстовъ, какъ это они дѣлаютъ

¹⁾ Тульскія Епарх. Вѣд. 1867 г., №№ 17 и 18.

обыкновенно во всѣхъ другихъ случаяхъ, даже не столь важныхъ, какъ настоящій, а изъ книги Гакстгаузена, который «слышалъ» этотъ разсказъ отъ одного «достовернаго» лица. Какъ ни уважаемъ мы барона Гакстгаузена, особенно за открытое имъ общинное начало въ быту русскихъ крестьянъ (въ чемъ онъ, какъ извѣстно, предупредилъ самихъ славянофиловъ), — мы не находимъ достаточнымъ его авторитетъ въ настоящемъ случаѣ. Для того, чтобы переданный выше разсказъ могъ быть занесенъ въ *научное* изслѣдованіе, какъ *несомнѣнный* (какъ это мы находимъ въ книгѣ г. Добротворскаго), необходимо, чтобы онъ былъ подтвержденъ официальнымъ разслѣдованіемъ, чего мы въ настоящемъ случаѣ не видимъ, не видимъ даже того, чтобы фактъ, подобный разсказанному, былъ упомянуть хоть въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ письменныхъ источниковъ, которые были въ распоряженіи гг. Добротворскаго и Мельникова. Самъ же Мельниковъ говоритъ ¹⁾, что православный народъ питаетъ къ хлыстовщинѣ отвращеніе и какую-то суевѣрную боязнь; что «о ней ходяхъ въ народѣ странные разсказы, *съ примѣсю чудеснаго*, какъ о колдунахъ, оборотняхъ, фармазонахъ и пр.». Не подъ влияніемъ ли подобнаго взгляда на хлыстовщину сложился и разсказъ о причащеніи тѣломъ и кровію? Самъ же г. Мельниковъ отрицаетъ сложившійся подобнымъ способомъ въ средѣ православныхъ разсказъ о хлыстаньи «святыми жгутиками» во время бѣгання вокругъ чана, на томъ основаніи, что онъ не подтвержденъ судебными разслѣдованіями, хотя о немъ говорится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и даже въ самыхъ пѣсняхъ хлыстовъ: почему же онъ находитъ болѣе достовернымъ разсказъ Гакстгаузена ни на чемъ, кромѣ показанія «достовернаго» разсказчика, неоснованный? И возможное ли дѣло, чтобы такое ужасающее и омерзительное явленіе, какъ мнимое людоедство хлыстовъ, осталось неизвѣстнымъ ни одному изъ составителей записокъ и донесеній о хлыстовщинѣ, которыхъ такое множество насчитываетъ г. Мельниковъ въ началѣ своей статьи, и о немъ зналъ лишь неизвѣстный «достоверный» свидѣтель Гакстгаузена?... Официально дознавъ только одинъ видъ хлыстовскаго причащенія — хлѣбомъ и квасомъ, существовавшій у московскихъ хлыстовъ, обнаруженныхъ въ царствованіе Анны Іоанновны, какъ это видно изъ дѣла о квакерской сектѣ ²⁾.

IV. Прежде, чѣмъ обнародованы будутъ всѣ имѣющіеся въ архивахъ матеріалы и собраны будутъ всѣ нужныя свѣдѣнія о хлыстов-

¹⁾ Въ статьѣ: «Тайные секты», Русск. Вѣстн. 1868 г., май.

²⁾ Полн. Собр. Зап., т. IX. № 6613.

щинѣ, окончательное заключеніе о сектѣ было бы дѣломъ преждевременнымъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся уже въ литературѣ данныхъ, мнѣ кажется, можно сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ и соображеній о ней. Такъ:

1. Пересматривая всѣ имѣющіеся въ настоящее время въ печати матеріалы для изученія хлыстовщины, особенно статистическія данныя въ книгѣ г. Варадинова, мы не можемъ не придти къ тому убѣжденію, что секта Людей Божіихъ, послѣ раскола старообрядства, *самый распространенный изъ всѣхъ существующихъ на Руси видовъ религіознаго разномыслія*. Нѣтъ, кажется, губерніи въ Россіи, гдѣ бы они, отъ времени до времени, не обнаруживали своего существованія. Начиная съ Костромской губерніи, гдѣ секта появилась въ царствованіе Алексѣя Михайловича, она обошла сначала всѣ центральныя губерніи: Ярославскую, Московскую, Рязанскую, Тульскую, Тамбовскую, Владимирскую, Орловскую, Калужскую, Пензенскую. Позже она появилась въ губерніяхъ поволжскихъ: Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской, Астраханской, затѣмъ замѣчены обнаруженія ея въ губерніяхъ Воронежской и Таврической (шелануты, ползуны, сусленники); губерніи малороссійскія, дотолѣ оставшіяся чуждыми сектанству, не избѣгли общей участи, какъ видно изъ сообщаемыхъ гг. Мельниковымъ и Варадиновымъ данныхъ. Наконецъ въ губерніяхъ сѣверо-западнаго и эсто-латышскаго края также отъ времени до времени оказывались хлысты. Правда, численность сектантовъ опредѣлить даже приблизительно нѣтъ возможности. «Ибо свойства сей секты удивительны, скажемъ словами священника Сергѣева: хотя втайнѣ она больше всѣхъ сектъ хулить церковь, но священныхъ храмовъ, священства и всей святости церковной, какъ тѣ, не удаляется, да и наставники оной не только не запрещаютъ ученикамъ своимъ ходить въ церковь, но, наравнѣ съ благочестивыми, велятъ принимать всю святую церковную: не сквернить-де васъ сіе, дѣтшुшки,—дабы удобнѣе вамъ утаить отъ міра вѣру и тайны свои,—иногда-де и изъ ослей главы истекаетъ вода сладка (т. е. изъ устъ православныхъ священниковъ не противныя сектантамъ истины)». Пріймняя къ себѣ слова Спасителя апостоламъ: вамъ дано есть вѣдати тайны царствія, прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ, слышаще не уразумѣютъ, а также принимая къ руководству для себя слова церковной молитвы предъ причащеніемъ: не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ, — сектанты подъ страшными вѣятвами даютъ обѣщанія не обнаруживать своихъ вѣрованій «предъ міромъ». Они, поэтому, усерднѣе самихъ православныхъ посѣщаютъ

храмъ и принимаютъ къ себѣ въ домъ священниковъ, говѣютъ иногда по четыре раза въ годъ, дѣлаютъ большія жертвованія въ пользу церкви, золотятъ ихъ куполы, покушаютъ колокола и пр. Удивительно ли послѣ этого, что численность хлыстовъ опредѣлить даже приблизительно — нѣтъ возможности, если даже раскольниковъ, открыто отдѣляющихся отъ церкви, не могутъ доселѣ надлежащимъ образомъ исчислить?

2. Народная психологія, наука еще новая, только зараждающаяся на западѣ ¹⁾, а у насъ пока еще вовсе неизвѣстная, должна съ теченіемъ времени выяснитъ причины такой живучести и такого усиленія этой странной секты въ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что то направленіе религіознаго сознанія, какое представляетъ собою наша хлыстовщина, есть явленіе общеисторическое: гностицизмъ Александріи и Сиріи, евхиты, манихеи и богомилы, бичующіеся и пляшущіе, квакеры и ирвингіане — все это явленія, родственныя нашей хлыстовщинѣ; мы указали выше въ хлыстовщинѣ нѣкоторыя черты сходства или даже тождества съ этими сектами, а дальнѣйшее, болѣе обстоятельное изученіе нашей секты, по тѣмъ матеріаламъ, какими, будемъ надѣяться, г. Мельниковъ не откажется подѣлиться съ публикой, покажетъ намъ и новыя черты такого сходства или тождества. Но съ другой стороны то или другое психическое настроеніе, въ которомъ беретъ свое начало каждое ученіе, каждая секта, существенно обуславливается складомъ духовныхъ силъ извѣстнаго племени и народа, національнымъ темпераментомъ, историческими и бытовыми условіями жизни... Г. Добротворскій думаетъ, что секта Людей Божіихъ «вовсе не сродна съ направленіемъ умовъ русскихъ простолюдиновъ» (стр. 26), что «основатели секты, привязанные къ внѣшности и неспособные къ мистическимъ тонкостямъ, заняли свое ученіе отъ западныхъ еретиковъ» (стр. 24).. Намъ кажется, что народная психологія у насъ сдѣлала пока еще слишкомъ мало ¹⁾, «направленіе умовъ русскихъ простолюдиновъ», складъ ихъ духовныхъ силъ, выяснены далеко не на столько, чтобы можно было говорить такъ категорически. Въ настоящемъ случаѣ нельзя

¹⁾ Благодаря трудамъ Штейнталя (ученикъ Гумбольдта), съ 1859 г. предпринявшаго специальное изданіе: *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*.

¹⁾ Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области этой науки мы находимъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи г. Данилевскаго: «Россія и Европа» (въ журналѣ «Заря»), а также въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго: «О характерѣ просвѣщенія западной Европы»: Вообще у насъ честь почина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ славянофиламъ.

разсуждать а priori, нужно выходить изъ фактовъ; а такой фактъ, какъ выше—двухвѣковое (по меньшей мѣрѣ) существованіе секты, ея живучесть и постепенное усиленіе по всему пространству обширной русской земли, не смотря на условія существованія самыя неблагоприятныя, едва ли можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія г. Добротворскаго, а скорѣе указываетъ на тѣсную органическую связь секты съ складомъ духовныхъ силъ русскаго простолюдина, съ нашимъ народнымъ характеромъ, наконецъ съ историческими и бытовыми условіями русской жизни. Что касается до привязанности русскаго простолюдина къ внѣшности, къ обрядности, то хлыстовщина—не молоканство, вовсе отрицающее внѣшній богослужебный культъ; мы видѣли, что кромѣ многочисленныхъ и сложныхъ обрядовъ, измышленныхъ самими сектантами, хлысты не чужды нѣкоторыхъ обрядовъ церкви и пародируютъ ихъ на своихъ радѣньяхъ. Наконецъ уточненныя разсужденія Радаева, не лишены остроумія и софистической изворотливости, равно какъ «видѣнія» Аввакума Копылова и другихъ сектантовъ, вовсе не доказываютъ «неспособности простолюдина къ мистическимъ тонкостямъ». Мы еще согласились бы съ г. Добротворскимъ, если бы онъ отнесъ свое замѣчаніе къ сектамъ рационалистическаго характера: онѣ дѣйствительно если и появлялись на Руси, то имѣли успѣхъ лишь временный (жидовствующие); если и существуютъ въ ней въ настоящее время (молокане и духоборцы), то численность ихъ далеко не такъ значительна, какъ численность хлыстовъ. Русскій человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ чувства, а въ преобладаніи чувства надъ мыслию, ощущенія надъ рефлексомъ и содержится источникъ мистицизма и мистической экзальтаци, характеризующей хлыстовщину.

Вліяніе историческихъ и бытовыхъ условій жизни русскаго простолюдина также замѣтно отразилось въ ученіи и вѣрованіяхъ хлыстовъ. При рѣшительномъ отсутствіи всякой свободы и самобытности въ жизни гражданской и общественной, нашему простолюдину естественно было пытаться вознаградить себя самобытностію въ жизни духовной, самодѣятельностію въ области мысли и чувства, и чѣмъ меньше было у него свободы въ жизни внѣшней, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ обнаружить смѣлости въ неподлежащей завѣдыванію извнѣ области внутренняго убѣжденія. Въ крайностяхъ и абсурдахъ хлыстовскаго ученія очевидно сказалась страстность раздраженія наблюдѣвшаго чувства, не оставляющая мѣста спокойному разсужденію, которое бы положило во время предѣлъ мистическому порыву и не допустило бы мужика сознаніе своего человѣческаго достоинства до-

вести до самообожанія. При низкомъ и тяжеломъ общественномъ положеніи, простолюдину отрадно утѣшать себя примѣненіемъ къ себѣ словъ Спасителя, что нищихъ и худородныхъ міра избралъ Богъ, чтобы посрамить вѣркихъ, что Богъ утаилъ свою божественную истину отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ ее младенцамъ.

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики!
Ужь какъ эти мужики
Словно съ медомъ бураки...
Ужь какъ въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ обитаетъ...

Такъ поютъ хлысты. Весь энтузіазмъ, все то глубокое чувство, какія мы находимъ въ хлыстовскихъ пѣсняхъ и какія ставятъ эти пѣсни, по нашему мнѣнію, выше всѣхъ другихъ видовъ народной лирики, возникаютъ изъ убѣжденія, съ такою простодушною наготою выражаемаго въ этомъ небольшомъ отрывкѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что съ отмѣною вѣрпостнаго права, вообще съ улучшеніемъ общественного положенія крестьянина, особенно же съ успѣхами образованности въ средѣ крестьянъ, хлыстовщина, какъ и другія секты, почерпающія свою живучесть въ тяжеломъ положеніи и невѣжествѣ нашего простаго народа, должны все болѣе и болѣе ослабѣвать. Не даромъ въ послѣднее время у хлыстовъ уже перестали являться христы, и начальники хлыстовскихъ общинъ именуютъ себя только пророками или даже просто — кормщиками кораблей; не даромъ ученіе Радаева уже чуждо крайностей ученія Сулова, а ученіе Аввакума Копылова еще мягче и менѣе враждебно ученію церкви.

Въ социальныхъ условіяхъ жизни нашего простолюдина находить себѣ объясненіе и тотъ гностическій аскетизмъ, какой, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, въ ученіи, если не въ практикѣ, составляетъ одно изъ болѣе выдающихся характеристическихъ отличій хлыстовщины. Исторія воспитала въ русскомъ человѣкѣ особенную склонность къ аскетизму. Припомнимъ чрезвычайное развитіе у насъ монашества, въ первую, до-петровскую половину нашей исторіи, припомнимъ исторію образованія мнимо-монастырскихъ раскольническихъ обществъ и скитовъ—оловецкихъ, иргизскихъ и другихъ,—это упорное отрицаніе брачнаго принципа раскольниками въ теченіе столѣтій, и намъ станетъ нѣсколько понятною подобная же склонность въ хлыстовщинѣ. Историческія судьбы нашего простолюдина были таковы, что мало оставляли ему возможности думать о наслажденіяхъ и радостяхъ брачной жизни. Они отнюдь не способствовали развитію

въ немъ привязанности къ благамъ земной жизни вообще и остав-
ляли лишь одно: гадать о блаженствѣ въ жизни загробной.

Но вотъ среди тяжелого и малопроизводительнаго труда, среди
нужды и злополучій крѣпостнаго быта выпадаютъ для простолюдина
дни отрады и покоя—праздники. Въ то время, какъ «мірской» чело-
вѣкъ предается безобразіямъ пьянаго разгула, хлысть тайкомъ отпра-
вляется въ «божій домъ», въ «сіонскую горницу»

На святомъ кругу гулять,
Бога-свѣта прославлять,
Въ золоту трубу играть,
Въ живогласну возглашать,

переживать наслажденія сильныхъ физическихъ ощущеній и мистиче-
скаго экстаза въ «бавѣ духовной», пить «пиво ¹⁾ духовное».

Варилъ пивушко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама магушка сливала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала;
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили...

Это «потѣнье въ банѣ духовной» заканчивается иногда, какъ мы
видѣли, свальнымъ грѣхомъ—явленіе, повидимому противорѣчащее той
аскетической проповѣди, которую слышитъ хлысть на томъ же радѣньи.
Но въ то время, какъ «мірской» простолюдинъ, позволяющій себѣ подоб-
ный грѣхъ послѣ плясокъ и пѣсенъ на посидѣлкахъ, спокойно со-
вершаетъ его, какъ завѣдомый грѣхъ, нимало не стѣсняясь запре-
щеніями своего исповѣданія,—а раскольникъ—оодосѣвецъ въ подобномъ
случаѣ вступаетъ въ сдѣлку съ своею совѣстію, придумывая казу-
истическое оправданіе грѣха («не согрѣшишь—не покаешься, не по-
каешься—не спасешься») хлысть, согласно съ своими религіозными
убѣжденіями, въ томъ, что для другихъ составляетъ грѣхъ, видитъ дѣло
религіознаго культа, «любовь Христову». Въ порывахъ грубой чув-
ственности, пробуждающихся съ особенною силою, вслѣдствіе бѣга-
нія и прыганья, одновременно съ порывами мистическаго экстаза,
хлысть, лишенный руководства св. Церкви, не въ состояніи усмот-
рѣть *иныхъ законъ, противовоющъ закону ума*; онъ отождествляетъ
одно съ другимъ, порывъ грубаго инстинкта съ мистическимъ экста-

¹⁾ Подъ пивомъ духовнымъ, на языкѣ сектантовъ, разумѣются пѣсни и рѣчи
пророковъ на радѣньяхъ. Слышая эти восторженные рѣчи, сопровождаемыя не-
рѣдко слезами, Андреяновъ переживалъ самъ такія ощущенія, такое душевное
состояніе, которое дѣйствительно можно назвать «упоеніемъ». Рѣчи пророчицы
Устиныи, по его словамъ, не только его, но «всѣхъ присутствовавшихъ приво-
дили въ умиленіе и слезы» (сл. Ист. мин. внутр. дѣлъ, т. VIII, стр. 265).

зомъ, и тотъ и другой возводитъ къ одному источнику. Для него тутъ нѣтъ насилія совѣсти, хотя, конечно, съ православной точки зрѣнія такое кощунственное извращеніе истины есть величайшая дерзость, до какой только можетъ дойти человѣкъ.

3. По вопросу о происхожденіи секты и времени появленія ея на Русь мы встрѣчаемся съ двумя противоположными воззрѣніями. Г. Добротворскій относитъ начало секты къ первой половинѣ XVII вѣка, къ началу царствованія Алексѣя Ммихайловича, когда «умные люди», по выраженію одной хлыстовской пѣсни, пораженные оскудѣніемъ въ мірѣ чистоты и благочестія, собрались на святое мѣсто и своими молитвами совзвали съ неба на землю Господа Саваоа, въ лицѣ крестьянина Данилы Филипова, который, даровавъ имъ Сына Своего Христа, въ лицѣ Суслова, вознесся на небо. По мнѣнію г. Мельникова, секта людей Божіихъ перешла къ намъ изъ Греціи, чрезъ Болгарію, и занесена вмѣстѣ съ христіанствомъ еще при св. Владимірѣ, болгарскими священниками; хлыстовщина, по мнѣнію г. Мельникова, есть тоже богомилство или павликианство, которое, въ свою очередь, было ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ манихейства, древнѣйшей изъ христіанскихъ сектъ востока, образовавшейся изъ смѣшенія христіанскихъ понятій съ ученіемъ Зердушта или Зороастра и проч. ¹⁾. Есть еще третье мнѣніе, по которому хлыстовщина произошла изъ слиянія ереси Бакшина и Косого съ ученіемъ квакеровъ, или же явилась какъ непосредственное порожденіе проповѣди квакерства на самой невѣжественной почвѣ русскаго народа, не развитой рационализмомъ ²⁾. Всѣ же вообще изслѣдователи согласны въ томъ, что хлыстовщина есть продуктъ чуждой намъ исторіи, цѣликомъ, искусственно, пересаженный на русскую почву, и отнюдь не хотятъ допустить, чтобы хлыстовщина была мѣстнымъ произведеніемъ русской національности, нашимъ доморощеннымъ дѣтищемъ. Намъ кажется, что прямую генетическую связь хлыстовщины съ тѣмъ или другимъ иноземнымъ ученіемъ доказать весьма трудно; самая множественность доктринъ, съ которыми соприкасается хлыстовщина въ частностяхъ своего ученія, доказываетъ, что оно не было простымъ повтореніемъ съ чужаго голоса ученія одной какой либо секты. При сходствѣ или

¹⁾ Мнѣніе Мельникова вполне раздѣляетъ извѣстный своими этнографическими трудами («Годъ на сѣверѣ», «На востокѣ» и пр.) г. Максимовъ («За Кавказомъ», Отеч. Зап. 1867 г., стр. 500—521).

²⁾ Ливановъ, въ статьѣ: «Рационализмъ русскихъ сектантовъ» (Всем. Трудъ 1868 г., февраль, стр. 49). Онъ пытается отыскать связь между Даниломъ Филиповымъ и Кульманомъ, котораго преосв. Филаретъ прямо называетъ квакеромъ (Ист. Рос. Церк., пер. 4).

тождествѣ многихъ частныхъ хлыстовскаго ученія съ ученіемъ сектъ востока или запада, въ основной своей доктринѣ—о многократныхъ воплощеніяхъ Сына Божія—наша секта вполне самобытна. Точно также трудно доказать, что сходство или даже тождество частныхъ хлыстовскаго ученія съ ученіями западными было слѣдствіемъ прямого заимствованія изъ этихъ послѣднихъ. Ближе всѣхъ наша секта къ богомильству, какъ это доказываютъ выписки изъ слова пресвитера Космы на богомиловъ ¹⁾, но соображенія г. Мельникова о *заимствованіи* хлыстами своего ученія отъ болгарскихъ священниковъ страдаютъ натянутостію и едва ли выдержатъ строгую критику. Больше значенія въ смыслѣ мнѣнія г. Мельникова имѣютъ нѣкоторые факты, приводимые г. Добротворскимъ, который впрочемъ, приводитъ ихъ отнюдь не имѣя намѣренія доказывать мнѣніе г. Мельникова: такъ, по словамъ св. Димитрія Ростовскаго въ «Розыскѣ», о Сусловѣ говорили, что онъ родомъ турченинъ, очевидно на томъ основаніи, что Сусловъ былъ, какъ и его преемникъ Лупкинъ, бѣглый солдатъ и оба они участвовали въ походахъ противъ Турціи, слѣдовательно были въ Болгаріи, или вблизи ея, и могли тамъ познакомиться съ остатками богомильства. Затѣмъ г. Добротворскій приводитъ показаніе одной хлыстовской богородицы, записанное священникомъ Вазерскимъ о томъ, что «секта хлыстовъ происходитъ отъ запорожскихъ казаковъ, бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія (Некрасовцовъ). Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля секты, въ видѣ христа ¹⁾ и проч. Но, указывая всѣ эти факты, г. Добротворскій тѣмъ не менѣе не пришелъ къ мнѣнію о тождествѣ хлыстовщины съ богомильствомъ, а находитъ все таки возможнымъ заключать о происхожденіи нашей секты съ запада, изъ Польши и Силезіи. Главнымъ же образомъ г. Добротворскій видитъ тождество нашей секты людей Божіихъ съ Авиньонскимъ братствомъ народа Божія или новаго израиля, основаннымъ въ Петербургѣ извѣстнымъ искателемъ приключеній въ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, полякомъ Грабленкой, и потомъ съ масонствомъ, которое, какъ извѣстно, въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія имѣло большой успѣхъ

¹⁾ Г. Мельниковъ приводитъ выдержки изъ слова Космы по отрывку, напечатанному въ книгѣ Руднева: «О ересяхъ и расколахъ». Онъ повидимому не зналъ, что *все* слово, въ болѣе исправной редакціи, напечатано въ Правосл. Событіяхъ за 1864 годъ.

¹⁾ Эта ссылка находитъ себѣ подтвержденіе въ разказахъ г. Кельсіева («Русскіе двоевѣры», Отеч. Зап. 1867 г.), который въ настоящемъ случаѣ имѣетъ нѣкоторый авторитетъ, какъ человекъ, собиравшій свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ Турціи.

въ Россіи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Добротворскій находитъ достаточнымъ привести двѣ-три мысли изъ масонскихъ сочиненій и указываетъ на то, что Радаевъ ссылался, въ оправданіе своихъ мнѣній, на сочиненія г-жи Гіонъ... Что касается до авиньонскаго братства, то достаточно прочитавъ статью г. Лонгинова, на которую ссылается г. Добротворскій ¹⁾, чтобы видѣть, что затѣя Грабіенки имѣла чисто-политическій характеръ, только прикрытый мистическою доктриной, которая, впрочемъ далеко, не тождественна съ ученіемъ хлыстовъ. Ссылка Радаева на «евангеліе» г. Гіонъ, какъ и вообще большое употребленіе въ средѣ хлыстовъ сочиненій мистической литературы (сочиненій Экартсгаузена, Штилинга и друг.) ²⁾, доказываетъ только то, что хлысты искали подтвержденія своего ученія вездѣ, гдѣ могли, что въ мистицизмѣ начала нынѣшняго столѣтія они видѣли одно изъ слабыхъ проявленій «истиннаго вѣдѣнія», открываемаго въ полной мѣрѣ духомъ Божиимъ собственно хлыстамъ. Не говоря уже о томъ, что масонство явилось у насъ значительно позже хлыстовщины, — ни хлыстовскихъ христовъ, ни радѣній, ничего подобнаго этимъ двумъ кореннымъ отличіямъ хлыстовщины не было въ масонствѣ. Масонство беретъ свое начало совершенно въ другомъ источникѣ, нежели хлыстовщина, — оно не религіозная доктрина, а мистико-философская, отчасти политическое (розенкрейцерство) ученіе. Точно также хлыстовщина не есть квакерство, какъ оно не есть богомилство и масонство. Съ квакерствомъ еще чаще отождествляли хлыстовщину, чѣмъ съ богомилствомъ и масонствомъ ³⁾, на томъ основаніи, что Яковъ Барлей основалъ квакерство въ Англіи, а Анна Лей возставала противъ браковъ — въ то самое время, какъ Прокопій Лупкинъ проповѣдывалъ у насъ хлыстовщину. Но во всемъ остальномъ, кромѣ обрядовъ, наша хлыстовщина столь же существенно отличается и отъ квакерства, какъ отъ богомилства и масонства.

Съ своей стороны допуская, что хлыстовщина есть повтореніе на русской почвѣ явленія общеисторическаго, такъ какъ въ ея ученіи есть много аналогическаго или даже тождественнаго съ ученіемъ сектъ греко-болгарскихъ и западно-европейскихъ, мы однако хотимъ думать, что это общеисторическое явленіе возникло у насъ въ началѣ впол-

¹⁾ «Одинъ изъ магиковъ XVIII-го вѣка», Русск. Вѣстн. 1860 г., № 16.

²⁾ См. VIII-й т. Ист. мин. внутр. дѣлъ Варадинова, стр. 545—549. Чиновникамъ-слѣдователямъ не разъ случалось находить у хлыстовъ толкованіе на Апокалипсисъ г. Гіонъ и другія мистическія сочиненія.

³⁾ См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 549—550.

нѣ самобытно, возникло изъ повторенія тѣхъ общихъ условій, ка-
кимъ обязаны своимъ происхожденіемъ подобныя секты на западѣ и
въ Болгаріи, внѣ всякой прямой исторической и генетической связи
съ этими послѣдними. Близкая аналогія нашей секты то съ тою, то
съ другою изъ сектъ западныхъ и болгарскихъ, указываетъ лишь на
общій источникъ тѣхъ и другихъ ученій, который содержится въ оди-
наковыхъ для всѣхъ людей законахъ человѣческаго духа, въ ихъ не-
правильномъ одностороннемъ развитіи. Г. Мельниковъ указываетъ на
обстоятельство, въ высшей степени важное въ настоящемъ случаѣ,
которому самъ онъ, впрочемъ, не придаетъ должнаго значенія. Это—
близкія отношенія основателя хлыстовщины Данилы Филиппова съ
нѣкимъ чернцомъ Капитономъ (по имени котораго хлысты долгое вре-
мя, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и доселѣ, назывались капита-
нами), о которомъ отнюдь нельзя связать, чтобы онъ былъ въ сноше-
ніяхъ съ кѣмъ либо изъ западныхъ сектантовъ-мистиковъ. Этотъ
Капитонъ, котораго наши изслѣдователи несправедливо приурочиваютъ
къ расколу старообрядства ¹⁾, удалившись изъ монастыря, въ кото-
ромъ жилъ сначала, училъ, будто ни Церковь, ни таинства не
нужны для спасенія, что для этого достаточно одной молитвы и дру-
гихъ личныхъ подвиговъ богоугожденія, а всякое внѣшнее содѣйствіе
въ жизни духовной излишне, прежде же всего нужно умерщвленіе
плоти посредствомъ строгаго поста и другихъ аскетическихъ подвиговъ.
Отъ этого гордаго отрицанія необходимости всякой свышестествен-
ной помощи въ дѣлѣ спасенія, до хлыстовскаго самообожанія, до хри-
стовщины—одинъ шагъ. Этотъ шагъ сдѣлалъ ученикъ Капитона—Данила
Филипповъ. Замѣчательно, что другой ученикъ Капитона—Подръшет-
никовъ первый установилъ обрядъ причащенія изюмомъ,—который впо-
слѣдствіи мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи хлыстовщины. Подобно
тому какъ у современныхъ хлыстовъ (въ нѣкоторыхъ корабляхъ) на
годовомъ радѣньи, во время пѣнія пѣсень въ честь «матушки сырой
земли», выходитъ изъ подполья богородица, неся на головѣ чашку
съ изюмомъ или другими сладкими ягодами и причащаетъ ими при-
сутствующихъ ²⁾, у подрѣшетниковъ «избираема была дѣвица, кото-

¹⁾ Первые свѣдѣнія о Капитонѣ сообщаетъ тобольскій митрополитъ Игна-
тій, въ своемъ 3-мъ посланіи (см. Прав. Собесѣд. 1858 г.). Что Капитонъ не
былъ расколучитель-старообрядецъ, какъ Аввакумъ и др., это видно уже изъ
того, что онъ проповѣдывалъ свое ученіе еще въ царствованіе Михаила Федорови-
ча, когда о расколѣ не было и рѣчи. Преосв. Игнатій говоритъ о немъ въ своемъ
посланіи потому, что предположилъ обобщить всѣ ереси и секты на Русь, въ
томъ числѣ и расколъ старообрядства.

²⁾ Русск. Вѣстн. 1869 г. мартъ, стр. 381.

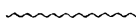
рая наряжалась въ цвѣтное платьѣ и скрывалась въ подполье избы, и чрезъ нѣсколько времени выходила изъ подполья, неся на головѣ рѣшето, наполненное изюмомъ и покрытое чистымъ платкомъ и, произнося слова по подобію іерейскому: всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, причащала ихъ, раздавая ягоды»¹⁾. Этотъ видъ причащенія при Лупкинѣ былъ замѣненъ причащеніемъ хлѣбомъ и квасомъ. При Лупкинѣ же и Андреѣ Петровѣ мы видимъ въ первый разъ хлыстовскія радѣнья въ видѣ верченья, скаканья, что подало поводъ тогдашней слѣдственной комисіи отождествить секту съ квакерствомъ. Но на заимствованіе нашими сектантами этихъ обрядовъ отъ квакеровъ или отъ средневѣковыхъ бичующихся нѣтъ ни малѣйшихъ историческихъ указаній. Уже въ позднѣйшее время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху непомернаго развитія мистицизма въ Россіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ лицѣ своихъ членовъ изъ высшаго общества (хлысты михайловскаго замка), хлыстовщина приходитъ въ сопригосновеніе и съ квакерствомъ и съ масонствомъ, и, нѣтъ сомнѣнія, испытала на себѣ вліяніе этихъ сектъ, оставаясь, по прежнему, вѣрною своей, самобытно измышленной, основной доктринѣ, и только послѣ этого она получаетъ тотъ распространенный видъ, въ какомъ мы находимъ ее въ ученіи Радаева и Копылова.

Высказывая въ своей запискѣ постоянное негодованіе на безобразія хлыстовскаго ученія, Сергѣевъ упоминаетъ и о нѣкоторыхъ добрыхъ свойствахъ хлыстовъ. «Они между собою очень дружелюбны, говоритъ онъ; хотя и бываютъ между ними ссоры, но небольшія и скоро прекращаются миромъ. Любятъ ходить опрятно, а достаточные и щеголяютъ. Брадобрітїемъ и нѣмецкимъ платьемъ не гнушаются. Между ними не встрѣчается пьянства, такъ какъ употребленіе спиртныхъ напитковъ запрещено еще Данилой Филиповымъ». Большинство хлыстовскихъ пророковъ обладаютъ значительною начитанностію въ св. писаніи и церковныхъ книгахъ и вообще вражды противъ книжнаго образованія, которую будто бы проповѣдывалъ Данила Филиповъ, между современными хлыстами не замѣчается; напротивъ Аввакуму Копылову, христу тамбовскихъ хлыстовъ, когда онъ былъ на седьмомъ небѣ. Богъ велѣлъ «*доходить по книгамъ*» о томъ, что есть грѣхъ, и что спасеніе. Радаевъ же знакомъ не только съ св. писаніемъ и аскетическими твореніями отцевъ Церкви и церковныхъ писателей, но и съ произведеніями свѣтской мистической литературы.

¹⁾ Исторія раск. преосв. Макарія стр. 244—245.

Будемъ надѣяться, мм. гг., что съ успѣхами народнаго образованія, для котораго такъ много дѣлается въ настоящее время, народъ нашъ все болѣе и болѣе будетъ выразумѣвать истину православія, что съ улучшеніемъ общественнаго положенія и матеріальнаго быта нашего духовенства, о чемъ такъ усиленно заботится въ последнее время наше правительство, оно приобрететъ болѣе нравственной силы въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способовъ для обращенія заблуждающихъ на путь истины и для успѣшной духовной борьбы со всеми заблужденіями, существующими въ нашемъ народѣ, богатое религиозное чувство котораго питается такою недостойною пищей. Такого рода борьба единственное средство противъ сектанства. Г. Мельниковъ взываетъ къ полицейскому преслѣдованію и настаиваетъ на истребленіи хлыстовщины — правительственными мѣрами. Мы не считаемъ себя въ правѣ въ настоящемъ случаѣ входить въ разсмотрѣніе вопроса: насколько—дѣло науки и литературы, предрѣшать подобнымъ образомъ дѣйствія администраціи; но намъ кажется, что исторія раскола, за все время его существованія, достаточно доказываетъ, что полицейскія мѣры способны лишь разжечь фанатизмъ сектантовъ, отнюдь не принося пользы дѣлу истины. Намъ кажется, что наука сдѣлаетъ все свое дѣло, если познакомитъ съ сектой, съ сущностью и подробностями ея ученія и т. п. «Обстоятельныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь темномъ ученіи, справедливо говоритъ г. Добротворскій, служатъ лучшимъ началомъ къ обличенію ихъ несостоятельности. Въ древности возникали въ средѣ христіанства секты, сильныя софистической діалектикой, умомъ и энергіей своихъ представителей; но, обсуживаемыя всенародно, онѣ исчезали съ изумительной быстротою... Особенно распространяется секта, если, скрывая въ тайнѣ сущность ея ученія, въ то же время открыто вооружаются противъ нея не мѣрами убѣжденія, а полицейскими: есть, должно быть, думаетъ народъ, какая-нибудь опасность для вѣры въ ихъ ученіи; есть, значитъ, какая-нибудь несостоятельность въ православной Церкви, если она защищается противъ какихъ-то невѣдомыхъ еретиковъ силою свѣтской власти. А между тѣмъ ни опасности для православной вѣры, сильной своею истинною, ни опасности для Церкви, которой неодолютъ врата адовы, не представляютъ тайныя секты.. Вся тайна успѣха ихъ въ тайнѣ. Приподнимите завѣсу предъ глазами народа и секты потеряютъ свою таинственную прелесть».

1869 г.

ЛИЧНОСТЬ ТЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

(*Теофанъ Прокоповичъ и его время. И. Чистовича* Спб. 1868 г.).

«Петра Великаго дѣлъ славныхъ проповѣдникъ,
«Витійствомъ Златоустъ, музъ чистыхъ собесѣдникъ,
«Историкъ, богословъ, мудрецъ россійскихъ странъ»—

эта характеристика Теофана, составленная однимъ изъ немногихъ его восторженныхъ почитателей — современниковъ, извѣстнымъ сатирикомъ, княземъ Кантемиромъ, далеко не исчерпываетъ всего значенія въ русской исторіи самаго даровитаго изъ всѣхъ птенцовъ гнѣзда Петрова. Съ именемъ Теофана болѣе или менѣе тѣсно связаны всѣ важнѣйшіе вопросы русской исторіи первой половины прошлаго столѣтія, — не только церковной, но и политической. Г. Печарскій совершенно справедливо замѣтилъ, что въ своей сферѣ Теофанъ имѣлъ такое же значеніе, какое имѣлъ Петръ Великій въ жизни государственной ¹⁾. Отъ него, составителя духовнаго регламента, ведетъ свое начало современная организація нашего церковнаго управленія и весь современный строй нашей церковной жизни. Въ исторіи нашей школы, духовной и свѣтской, въ исторіи нашего богословія, которое онъ поставилъ на новую дорогу, въ исторіи нашего проповѣдничества, для котораго онъ далъ лучшіе образцы и правила, наконецъ въ исторіи первыхъ годовъ синодальнаго управленія — вездѣ Теофанъ является новаторомъ, преобразователемъ, отмѣчаетъ собою новую эру. Наконецъ въ политическихъ переворотахъ, послѣдовавшихъ въ Россіи за смертію Петра, Теофану также пришлось играть такую видную роль, какая ни до него, ни послѣ него никому изъ нашихъ іерарховъ не выпадала на долю.

Понятенъ послѣ этого тотъ интересъ, какой возбуждаетъ къ себѣ эта личность, понятно желаніе прослѣдить постепенное развитіе ея, умственное и нравственное, узнать, какимъ путемъ сложились въ ней

¹⁾ «Наука и литература при Петрѣ I, стр. 481. Т. I».

тѣ убѣжденія, осуществленію которыхъ посвящена была вся его жизнь. Между тѣмъ до сихъ поръ наша литература представляла слишкомъ мало данныхъ для обстоятельнаго знакомства съ знаменитымъ новгородскимъ архіепископомъ. Небольшая біографическая, или, точнѣе, бібліографическая статья о немъ въ словарѣ духовныхъ писателей митр. Евгенія, прекрасная магистерская диссертація г. Самарина «*Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники*» (къ сожалѣнію уже не существующая въ продажѣ), которая впрочемъ касается лишь одной стороны дѣятельности Теофана—его проповѣдничества, пять-шесть, впрочемъ весьма тяжеловѣсныхъ, страницъ о Теофанѣ въ книгѣ г. Пекарскаго: «*Наука и литература при Петрѣ*»; нѣсколько общихъ свѣдѣній о Теофанѣ въ сочиненіяхъ историковъ петровскаго времени, гг. Устрялова и Соловьева (томы XIV--XVII), свѣдѣній, составленныхъ повидимому, главнымъ образомъ на основаніи Крещина и Голикова: вотъ, кажется, все, что мы имѣли доселѣ печатнаго о Теофанѣ. Изданный въ концѣ прошедшаго года академіею наукъ трудъ И. А. Чистовича, заглавіе котораго мы выписали, даетъ наконецъ намъ такую полную біографію Теофана, какой только можно было пожелать, и такую массу матеріаловъ (доселѣ неизвѣстныхъ, извлеченныхъ авторомъ изъ недоступныхъ для насъ архивовъ государственнаго и синодальнаго) для характеристики той эпохи, особенно для характеристики тогдашнихъ отношеній церкви къ государству, что нашимъ историкамъ петровскаго времени будетъ надъ чѣмъ поработать. Въ литературѣ о петровскомъ періодѣ нашей исторіи книга И. А. Чистовича должна занять самое видное мѣсто, на ряду съ упомянутымъ сочиненіемъ Пекарскаго. Обширный трудъ этотъ (50 листовъ печатныхъ большаго формата), впрочемъ, не есть просто біографія Теофана: это—цѣлая картина всей церковной, а, отчасти, и политической жизни того времени; это—исполненная драматизма хроника всей той замѣчательной, исполненной тревоженій, переходной эпохи, когда борьба принциповъ и направленій мысли такимъ страннымъ образомъ перемѣшивалась съ личными интересами и страстями. Въ книгѣ И. А. Чистовича на ряду съ Теофаномъ предъ нами выступаютъ одинъ за другимъ всѣ замѣчательные церковные дѣятели того времени: Стефанъ Яворскій, вождь и глава партіи, по своимъ убѣжденіямъ діаметрально противоположной Теофану, съ самоотверженіемъ боровшійся за дорогія для него преданія старины; Θεодосій Яновскій, предшественникъ Теофана по новгородской кафедрѣ, необразованный, но умный и отважный честолюбецъ, разрѣшавшій Петру «на вся», по выраженію царевича Алексѣя Петровича (извѣстный своею несчаст-

ною судьбою чернецъ Феодось),—Феофилактъ Лопатинскій, впоследствии исповѣдникъ православія; Георгій Дашковъ, «тотъ, что чинъ патріаршъ достати ища, конскій свой заводъ раздарилъ не встати», по словамъ Кантемира, — Левъ Юрловъ, епископъ Воронежскій и пр., не говоря уже о дѣятеляхъ второстепенныхъ, которые имѣли менѣе важное значеніе въ исторіи Феофана и описаны биографомъ, какъ рядовые типы тогдашнихъ нравовъ, каковы Маркеллъ Родышевскій, Аврамовъ и др.

Разсказывая жизнь Феофана до его епископства, авторъ знакомитъ насъ съ состояніемъ духовнаго образованія, нашей школы въ то время; говоря объ учрежденіи синода, излагаетъ со всею обстоятельностью это важнѣйшее событіе прошлаго вѣка, знакомитъ съ первоначальнымъ личнымъ составомъ новаго учрежденія... Мы не будемъ передавать всѣхъ интересныхъ подробностей, содержащихся въ книгѣ И. А. Чистовича: ихъ такъ много—это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Обратимся къ оцѣнкѣ личнаго характера Феофана, какую находимъ въ его биографіи.

Биографъ относится къ Феофану съ большимъ сочувствіемъ. И въ самомъ дѣлѣ нельзя не благоговѣть предъ этою необычайно многостороннею даровитостію Феофана, предъ его ученостію и умомъ, предъ его всеобъемлющею, неутомимою энергіею. Еще въ юности Феофанъ, ради науки странствующій изъ Кіева въ Львовъ, изъ Львова въ Краковъ, Вѣну, оттуда едва ли не чрезъ всѣ университетскіе города въ тогдашнюю столицу просвѣщенія—Римъ, гдѣ для того, чтобы имѣть право поступить въ папскую академію св. Аванасія, онъ на время мѣняетъ религію, дѣлается уніатомъ—представляетъ собою явленіе, выходящее изъ ряда. Въ короткое время овладѣвши всею тогдашнею ученостію, изучивши Аристотеля и схоластическое богословіе, классическихъ писателей древности и современныхъ гуманистовъ, предвѣстниковъ реформаціи (Эразма роттердамскаго и др.) и выработавши для себя изъ всего этого самостоятельныя воззрѣнія, запечатлѣнныя отвращеніемъ къ схоластикѣ, къ папскому фанатизму и исключительности, Феофанъ возвращается въ Кіевъ, дѣлается профессоромъ риторики и піитики, реформируетъ эти науки, живостію изложенія, остроуміемъ, новизною взглядовъ создаетъ себѣ репутацію лучшаго изъ профессоровъ академіи, потомъ дѣлается префектомъ, ректоромъ, профессоромъ богословія,—и здѣсь опять является новаторомъ: новый историко-филологическій методъ преподаванія, заимствованный имъ у протестантовъ, дѣлаетъ его извѣстнымъ какъ «нарочитаго учителя въ Богословіи» по всей Россіи и привлекаетъ

къ нему слушателей съ отдаленнаго сѣвера, изъ лѣсовъ олонецкихъ (Андрей Денисовъ). Съ 1707 года Теофанъ уже дѣлается извѣстнымъ Петру, какъ талантливый проповѣдникъ, какъ живой, свѣжій человекъ, проникнутый сочувствіемъ къ реформѣ, способный быть сотрудникомъ Государя. Съ переселеніемъ въ Петербургъ и съ посвященіемъ во епископа открывается самое широкое поприще для неутомимой энергіи Теофана, для его разносторонней даровитости, для его ораторскаго таланта. Рядомъ живыхъ, блестящихъ проповѣдей онъ показалъ, какого способнаго и точнаго исполнителя и адвоката нашель въ немъ великій преобразователь: въ этихъ проповѣдяхъ, въ которыхъ Теофанъ является апологетомъ реформы, разъясняетъ съ правительственной точки зрѣнія различные общественные вопросы, Теофанъ относительно построения и изложешя проповѣди, въ ораторскихъ приемахъ, является такимъ же новаторомъ, какимъ показалъ себя на профессорской кафедрѣ. Не ограничиваясь проповѣдями, Теофанъ въ тоже время издаетъ одно за другимъ разнообразныя, всегда умныя сочиненія въ защиту реформы и дѣйствій Петра, ведетъ ученую полемику съ своими противниками, составляетъ духовный регламентъ, не будучи президентомъ въ синодѣ, является въ немъ однако главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Биографъ Теофана не скрываетъ и темныхъ сторонъ въ дѣятельности своего героя. Какъ горячій поборникъ реформы, какъ новаторъ въ сферѣ церковной, какъ человекъ передовой, ставшій, въ слѣдъ за Петромъ, въ противорѣчіе съ существовавшимъ до того строемъ понятій, Теофанъ встрѣтилъ ожесточенную вражду со стороны поборниковъ старины, со стороны своихъ личныхъ завистниковъ и недоброжелателей. «Сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ, онъ тотчасъ же подвергся непріятностямъ отъ своихъ товарищей, которые не давали ему покоя ни дома, ни въ обществѣ. Непріятности продолжались и послѣ того, какъ онъ сдѣлался ректоромъ академіи. Государь приглашаетъ его въ Петербургъ къ посвященію во епископа: только что огласилось намѣреніе Государя, какъ противъ Теофана воднялась чуть не вся Москва съ патріаршимъ мѣстоблюстителемъ во главѣ, и заявила протестъ противъ посвященія его во епископа. Первое печатное сочиненіе его—букварь, встрѣчено было въ обществѣ очень враждебно. Ту же судьбу имѣли и другія его сочиненія. Друзья дѣлались его врагами. Люди, которыхъ онъ ласкалъ и которымъ покровительствовалъ, при первомъ случаѣ становились въ ряды его недоброжелателей и выдавали его правительству своими доносами или роняли его въ обществѣ, бросая тѣнь на каждый его

поступокъ, черня каждый шагъ его жизни (стр. 572)». Теофанъ увеличивалъ общее раздраженіе противъ него тѣмъ, что относился къ прежнимъ формамъ церковной жизни съ несдерживаемою ироніею, съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ, и выражалъ свое неудовольствіе ими при каждомъ случаѣ. Теофанъ долженъ былъ въ продолженіе всей своей жизни бороться съ своими врагами, особенно послѣ смерти Петра, когда не стало его могучаго покровителя. Борьба эта запечатлѣна со стороны Теофана всегда безопадною жестокостію. Онъ часто обращается къ содѣйствию страшнаго преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, въ которой самъ засѣдаетъ на ряду съ Ушаковымъ и другими, присутствуетъ при пыткахъ и допросахъ. Благодаря уму и необычайной изворотливости Теофана дѣло всегда оканчивается торжествомъ Теофана и гибелью его противниковъ, которыхъ всегда ждало жестокое заточеніе, иногда—голодная смерть въ замурованной кельѣ убогаго отдаленнаго монастыря. И. А. Чистовичъ и эту темную сторону дѣятельности Теофана извиняетъ духомъ времени, чувствомъ самосохраненія. «Ему оставалось одно изъ двухъ, говоритъ онъ, или погибнуть гдѣ нибудь въ Охотскѣ, въ Соловахъ, какъ погибли тамъ Θεодосій, Дашковъ и другіе, или обороняться тѣмъ же оружіемъ, какимъ пользовались его противники. Нельзя не признать, что только владѣя такимъ обширнымъ и гибкимъ умомъ, каковъ умъ Теофана, онъ сохранилъ свое положеніе и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія. При болѣе высокомъ состояніи общества вмѣсто того, чтобы растрчивать время на процессы въ тайной канцеляріи, онъ употребилъ бы его на пользу церкви. Но какъ сынъ своего вѣка онъ несетъ на себѣ и его болѣзни».

Нравственное достоинство общественной дѣятельности человѣка опредѣляется съ одной стороны достоинствомъ принциповъ, на служеніе которымъ посвящаетъ онъ свою дѣятельность, съ другой—степенью искренности, вѣрности и постоянства этимъ принципамъ, степенью отсутствія видовъ своекорыстія и честолюбія. Что Теофанъ былъ человѣкъ принциповъ, убѣжденія — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: вся дѣятельность его имѣетъ такой строго-опредѣленный отъ начала до конца выдержанный характеръ...

Каковы же эти принципы? При первомъ, самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣятельность Теофана не трудно замѣтить, что они совершенно тождественны съ принципами великаго преобразователя: Теофанъ въ церковной сферѣ былъ лишь отголоскомъ Петра, работалъ подъ его руководствомъ, былъ лишь исполнителемъ его пред-

начертаній. Это, впрочемъ, не значить, что онъ былъ гонителемъ старины изъ угожденія Государю: еще будучи скромнымъ преподавателемъ въ Кіевѣ, Теофанъ читалъ лекціи, которыя враги его ославляли опасными, находя въ нихъ «новое» ученіе. Еще не будучи призванъ къ участию въ преобразованіяхъ, онъ обличалъ въ своихъ проповѣдяхъ пороки и невѣжество старой Руси.

Враги Теофана обвиняли его въ протестантствѣ. Теофанъ блистательно оправдался. «Пристыженный и пораженный Стефанъ, разсказываетъ Теофанъ, и на словахъ и на бумагѣ сознался, что не читалъ моихъ сочиненій, что вовлеченъ въ обманъ Теофилактомъ Лопатинскимъ и Гедеономъ»... Мстительный мѣстоблюститель «всталъ и смиренно просилъ у Теофана прощенія, что и получалъ при взаимномъ лобзаніи». Но странное дѣло: мысль о протестантствѣ Теофана не исчезла, не смотря на такое торжественное свидѣтельство его православія, ни въ современномъ Теофану обществѣ русскомъ, ни у иностранныхъ писателей, имѣвшихъ поводъ говорить о Теофанѣ, ни у позднѣйшихъ писателей русскихъ, даже до нашихъ дней. Если не было протестантскаго ученія въ богословскихъ лекціяхъ Теофана, которыхъ касалось обвиненіе Теофилакта и Гедеона, то не отзывались ли по крайней мѣрѣ протестантскимъ духомъ его послѣдующія сочиненія и особенно его дѣятельность, подобно тому какъ, по мнѣнію Теофана и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ нашихъ писателей ¹⁾, въ сочиненіяхъ и особенно въ дѣятельности Стефана замѣтенъ былъ духъ «папешскій»? Присмотримся повнимательнѣе съ этой точки зрѣнія къ характеру дѣйствій Петра по отношенію къ церкви: можетъ быть это поможетъ намъ рѣшить наше недоумѣніе относительно Теофана (о которомъ вообще нельзя сказать слова, не упоминая о Петрѣ—до того тѣсно связана была дѣятельность послѣдняго по отношенію къ церкви съ личностію Теофана).

Лѣтъ семь—восемь тому назадъ, по поводу появленія первыхъ томовъ извѣстнаго сочиненія академика Устрялова: «Исторія царствованія Петра В.» и не менѣе замѣчательныхъ въ своемъ родѣ статей г. Семеваго о Петрѣ, помѣщавшихся въ тогдашнихъ журналахъ, много говорилось и писалось у насъ о великомъ преобразователѣ Россіи. Между прочимъ дѣлались попытки выяснить свойство

¹⁾ Такого мнѣнія о Стефанѣ Яворскомъ былъ Хомяковъ. См. его Богосл. сочиненія, стр. 155.—Вотъ относящееся сюда мѣсто въ одной изъ проповѣдей Теофана: «многіе мыслятъ, говорить онъ имѣя въ виду Стефана, что не всѣ люди обязаны повиновеніемъ властямъ, что нѣкоторые исключаются, напримѣръ священство и монашество... Это тернъ, жако змѣное, духъ папешскій, неизвѣстно какъ насъ коснувшійся (Исторія Соловьева, т. XVI, стр. 360).

религиозныхъ убѣжденій Петра. Оказалось, что Петръ не былъ чело-
вѣкомъ не вѣрующимъ, какъ хотѣли думать нѣкоторые; готовясь
къ труднымъ своимъ предпріятіямъ, онъ искренно молитъ Бога о по-
мощи и столь же усердно благодаритъ Его за свои побѣды. Не разъ
высказывались мнѣнія о наклонности Петра къ протестантизму ¹⁾.
Но достаточно—религиозный и набожный, Петръ не считалъ себя
однакожъ компетентнымъ въ богословіи и чуждался разсужденій о
вѣроисповѣдныхъ разностяхъ. Слѣдовательно о протестантизмѣ Петра,
въ строгомъ смыслѣ слова, не можетъ быть и рѣчи. Но, намъ ка-
жется, есть два пункта, относительно которыхъ въ Петрѣ видна на-
клонность къ протестантскимъ воззрѣніямъ, или, какъ выражается
Хомяковъ о сочиненіяхъ Теофана Прокоповича, протестантская окраска:
это вопросъ о свободѣ совѣсти и вопросъ объ отношеніи церкви къ
государству ²⁾. Въ первомъ случаѣ сказалось вліяніе отношеній Петра
къ Лефорту, своему воспитателю, къ семейству Монсовъ и вообще къ
нѣмецкой слободѣ; въ послѣднемъ—вліяніе его заграничныхъ путе-
шествій. Въ Германіи онъ видѣлъ иной родъ отношеній государей къ
представителямъ религіи, нежели какой существовалъ до того времени
въ его отечествѣ, и онъ пришелся ему по душѣ: для его деспоти-
ческой природы невыносимы были тѣ дѣтски—покорныя отношенія,
въ какихъ находились его предшественники къ патриарху, котораго
всегда называли не иначе, какъ «святѣйшій патриархъ отецъ нашъ»,
«Въ Виртембергѣ, рассказываетъ Станлей въ своихъ лекціяхъ о во-
сточной церкви, Петръ разбилъ въ куски чашу Лютера, разсердив-
шись на то, что ему не позволили взять ее съ собою, и замѣтилъ
что монументъ Лютера въ церкви не довольно блестящъ для *такого
великаго человека*... Король Голландскій совѣтовалъ Петру въ уста-
новленіи отношеній между церковію и государствомъ подражать Ген-
риху VIII и самому сдѣлаться главою религіи, безъ чего онъ ни-

¹⁾ См. Богосл. сочин. Хомякова, стр. 155: «религиозныя мнѣнія Петра I (какъ кажется весьма нетвердыя), очевидно имѣли нѣкоторую наклонность къ протестантизму; точно также протестантская окраска выказывается и въ писа-
ніяхъ Теофана Прокоповича»...

²⁾ Къ сожалѣнію, ни г. Соловьевъ, въ послѣднемъ XVIII томѣ своей исто-
ріи окончившій исторію Россіи въ эпоху преобразованія, ни другіе историки
петровской эпохи, излагая факты отношеній Петра къ церкви, не сопровож-
даютъ своего изложенія критикой съ юридической, или, точнѣе, съ канонической
точки зрѣнія. Такая критика, если не ошибаемся, должна быть въ сочиненіяхъ
писателей славянофильской школы, особенно у К. Аксакова. Къ сожалѣнію, не
имѣя въ настоящую минуту подъ руками сочиненія этого писателя, мы не мо-
жемъ процитовать его. Сколько помнится, И. С. Аксаковъ въ покойномъ «Двѣ»
или въ «Москвѣ» затрогивалъ также этотъ вопросъ.

когда не могъ бы сдѣлаться полнымъ господиномъ въ своей землѣ. Этотъ совѣтъ понравился царю» ¹⁾). Весь преданный своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ, великій Государь и въ пастыряхъ церкви, которые, какъ онъ зналъ, имѣютъ такое сильное вліяніе на народъ, хотѣлъ видѣть больше исполнителей своей державной воли, проповѣдниковъ «правды воли монаршей», нежели независимыхъ служителей дѣла Божія, пастырей духовныхъ.

Какъ бы то ни было, стремленіе Петра подчинить до нѣкоторой степени церковь государству, приурочить ея дѣятельность къ интересамъ чисто государственнымъ, сдѣлать ее органомъ государственной власти, какъ это онъ сдѣлалъ со школой, со всѣмъ, что возникало по его манію въ устроиваемой имъ на европейскій ладъ русской имперіи, не подлежитъ сомнѣнію. Въ такомъ настроеніи мыслей Петра, намъ кажется, нужно искать причину отмѣны патріаршества въ Россіи, болѣе, чѣмъ въ тѣхъ неосновательныхъ опасеніяхъ, какія приписываетъ Петру г. Соловьевъ ²⁾). Если и были такія опасенія въ головѣ Государя, то они не имѣли для себя достаточнаго основанія. Петру ли было бояться кого бы то ни было? Какъ бы ни былъ неудовлетворителенъ, съ государственной точки зрѣнія, порядокъ въ отношеніяхъ церкви къ государству, существовавшій до Петра, во всякомъ случаѣ слишкомъ далеко еще было здѣсь до іерократіи, до посягательства патріарха на власть государя, до открытаго противодѣйствія ему. Велико было значеніе въ Россіи патріарха Филарета при Михаилѣ Θεодоровичѣ: но кто же не знаетъ, что это значеніе все основывалось на родственныхъ отношеніяхъ патріарха къ Государю-сыну, а не на какихъ-либо прерогативахъ гражданскаго вѣдательства, которыхъ народъ не далъ даже великому Гермогену въ эпоху безвластія на Руси? Силень былъ Никонъ, но опять — благосклонностію мягкосердаго царя Алексѣя Михайловича, а не дѣйствительнымъ правомъ ³⁾): какъ только разошелся Никонъ съ царемъ, вся сила его исчезла. Дѣло въ томъ, что священна въ глазахъ народа власть патріарха, но гораздо болѣе священна, по его понятіямъ, власть Государя, помазанника Божія... Наконецъ переворотъ въ отношеніяхъ церкви къ государству въ смыслѣ прямо противоположномъ старому допетровскому порядку вещей ведетъ свое начало не со времени учрежденія синода, а съ той самой поры, какъ только принялъ

¹⁾ Твор. св. отц. изд. при Моск. Дух. Акад. 1862, в. 2.

²⁾ Исторія Россіи, т. XV, стр. 117—118.

³⁾ См. объ этомъ въ превосходной монографіи протоіерея Самуила Михайловскаго: Патріархъ Никонъ. Спб. 1864.

Петръ въ свои могучія руки управление государствомъ, когда еще существовалъ на Руси патріархъ. Съ того самаго времени уже не церковь вліяетъ своею нравственною силою на тѣ или другія отправления государственной жизни, а государство импонируетъ церковь, не касаясь, конечно, ея догматической и канонической юрисдикціи, а лишь въ ея администраціи, въ финансовыхъ операціяхъ и въ ея бюрократической дѣятельности. Не одинъ разъ случалось, что чиновники синодальной канцеляріи, а особенно секретари сената, съ которыми новоучрежденный синодъ имѣлъ постоянно такое близкое соотношеніе, по дѣламъ о расколѣ или по сбору подлежащихъ вѣдѣнію духовной коллегіи пошлинъ, штрафовъ и всякаго рода денежныхъ взиманій, ретанавливали законный ходъ указовъ св. синода. Много можно найти примѣровъ въ доказательство этого въ недавно изданномъ «Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. синода» (Спб. 1868) и въ «Собраніи правительственныхъ распоряженій по расколу, по вѣдомству св. синода», изданномъ г. Варадиновымъ лѣтъ десять тому назадъ. Не разъ случалось, что «синодальный дворянинъ», т. е. чиновникъ синодальной канцеляріи, подобно нѣкому Rogozinu, упоминаемому въ одномъ дѣлѣ о выгорѣцкихъ раскольникахъ, доносилъ св. синоду: «секретарь-де военной (или другой какой) коллегіи Макаровъ (или другой) съ товарищи сего указа не принялъ, и по сему признается, что та коллегіа присылаемыхъ изъ св. синода указовъ слушать не хочетъ, и синодальное правительство въ уничтоженіи быть значителенъ 1).

«Самымъ важнымъ изъ нововведеній Теофана, бывшихъ поводомъ къ неудовольствію на него, говоритъ И. А. Чистовичъ, была замѣна патріаршества синодомъ. Не Теофану принадлежитъ это нововведеніе, но онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи идеи Государя... Съ канонической точки зрѣнія патріаршая и синодальная формы церковнаго управления равно законны»... Мало того, новая форма была даже можетъ быть лучше, какъ вообще коллегіальный способъ управления лучше единоличнаго; а главное—новая форма церковнаго управленія, такъ или иначе, получила санкцію самой церкви, въ лицѣ восточныхъ патріарховъ. И вообще трудно сказать что-нибудь противъ тѣхъ вполне компетентныхъ доводовъ, которыми мотивирована была реформа. Но справедливость требуетъ замѣтить, что и до реформы дѣла церковныя шли не хуже, чѣмъ послѣ нея. Дѣло учительства церковнаго на первый разъ очень мало

1) См. Братья Денисовы. Эпизодъ изъ исторіи раскола. Н. Барсова. Прав. Обзор. 1865 г.

было подвинуто впередъ казенными учрежденіями — семинаріями, съ принудительнымъ обученіемъ въ нихъ, узаконеннымъ указами Петра. Какъ прежде Петра, такъ и послѣ него, и доселѣ нашъ народъ, «люди темные», назидался не тѣми учеными «казаньями», какія читались сельскими священниками по книгамъ, изданнымъ св. синодомъ, а находилъ и находить для себя религіозное удовлетвореніе — въ службѣ церковной, въ ея полныхъ высокаго назиданія священнодѣйствіяхъ. Церковь допетровская — мало сказать: шла въ уровень съ общимъ развитіемъ гражданственности и образованія въ странѣ: она — шла впереди и вела за собой народъ — не по дурному пути. Она была цивилизующимъ, просвѣтительнымъ началомъ въ древней Руси. Она не враждовала съ тогдашней наукой, энергически боролась съ суевѣріемъ, какъ и съ ересями. Дѣло миссіонерства было не ниже, чѣмъ при Петрѣ, по крайней мѣрѣ не видѣло противодѣйствія со стороны гражданской власти, не парализовалось бюрократическимъ формализмомъ и приказными, какъ это мы видимъ въ дѣлѣ о Неофитѣ ¹⁾. Церковь не благословляла рабства ²⁾, поучала челоуѣколюбію помѣщиковъ; устами св. Филиппа проклинала тираннію, устами Максима Грека (котораго достойно было бы назвать исповѣдникомъ, какъ и тезоименитаго ему его соотечественника время вселенскихъ соборовъ), обличала съ самоотверженіемъ нарушеніе религіозныхъ уставовъ сильными земли. Однимъ словомъ древняя допетровская церковь свободно и дѣятельно справляла свою высокую миссію. Въ годину всенароднаго бѣдствія церковь высылала своихъ служителей въ ряды воинской рати, облакала воиновъ Христа въ оружіе мірской брани (Пересвѣтъ и Осяля). Въ эпоху междуцарствія церковь съ своимъ предстоятелемъ патриархомъ стала во главѣ великаго всенароднаго подвига; мирная иноческа обитель стала неодолимой твердыней, благодаря гражданскому мужеству своихъ иноковъ, источникомъ крѣпости нравственной и вещественной помощи для возставшаго и обнищавшаго народа. Свои обильныя сокровища, скопленныя самоотреченіемъ, данныя ей свободнымъ усердіемъ ея сыновъ, она свободно принесла на алтарь отечества земнаго...

Но то, что прежде было свободнымъ даромъ любви, стало потомъ добычей бюрократической узурпаціи, хотя и было употребляемо на дѣйствительныя нужды государства. Такъ напримѣръ у той же Троицкой лавры, которая свободно сослужила свою великую службу

¹⁾ См. въ Описаніи док. и дѣлъ, хран. въ архивѣ св. Синода.

²⁾ См. Голосъ древней русской церкви о бытѣ несвободныхъ людей — брошюра Шапова.

отечеству въ смутное время, «въ 1696 году *взято*, говоритъ г. Соловьевъ, на ратныхъ людей 50,000 р., въ томъ же году 20,000 р., въ 1697 г. 20,000 р., въ 1700 г. 30,000 р., въ 1701 г. 5,000 р., всего 125,000 тогдашнихъ рублей. Да «въ подношеніе великому Государю дано въ тѣже годы 103,000 р., да 2,000 золотыхъ червонныхъ, да 1,000 ефимковъ; да въ пользу Олонецкой верфи въ тоже время было отписано отъ монастыря 4,412 дворовъ. Всего въ четыре года одиѣми деньгами взято на государственныя потребности 230,000 р. ¹⁾. Порядокъ вещей, созданный Петромъ, лишилъ іерархію на все время его царствованія того высокаго нравственнаго авторитета, какой существенно требуется принципомъ неприкосновенности церковныхъ правъ, принципомъ административной и финансовой автономіи церкви. Что прежде, при высокомъ авторитетѣ верховнаго предстоятеля церкви, было силою безъ всякихъ усилій и напряженія, стало оказываться бесплоднымъ порывомъ самопожертвованія ничего незначащей одинокой личности. Такой характеръ имѣла знаменитая исторія приснопамятнаго іерарха, Арсенія Маціевича... Петръ далъ Россіи европейскую науку, но не далъ церкви средствъ стать съ нею въ дружественныя, равноправныя отношенія; съ восторгомъ привѣтствуя иноземную гостью, забросилъ, позабылъ стараго друга и учителя. Исторія съ «Камнемъ Вѣры» показываетъ, что церковь, благодаря Петру, лишена была даже права защиты своихъ догматовъ. Если въ настоящее время мы очутились лицомъ къ лицу съ непримѣрнымъ въ исторіи всего міра невѣріемъ просвѣщенія — не вкушаемъ ли мы здѣсь только плоды Петровой реформы?

Таковъ былъ характеръ отношеній Петра къ Церкви. Таковы были принципы, на служеніе которымъ посвятилъ свою неустанную энергію даровитый Теофанъ Прокоповичъ. Съ государственной точки зрѣнія, не смотря на все это, исторія можетъ только хвалить Петра и Теофана, хотя и то не всегда: по словамъ самого г. Соловьева, «обрѣзывая монастырскіе и архіерейскіе доходы для нуждъ государства, монастырскій приказъ иногда рѣзалъ по живому мѣсту, лишалъ достойныхъ архіереевъ средствъ служить великому дѣлу образованія» ²⁾. Не много также, вѣроятно, пользы было и отъ того, что съ бѣдныхъ поповъ, которымъ самимъ не чѣмъ было кормиться, отбирали послѣдніе гроши на покупку *драгунскихъ лошадей* ³⁾. Что же касается до безпристрастной и правдивой исторіи церкви, то,

¹⁾ Истор. Соловьева, т. XVI, стр. 245—6.

²⁾ Ист. Россіи, т. XVI, стр. 26.

³⁾ Соловьевъ, т. XVI, стр. 247.

отдавая должную дань хвалы Теофану за его труды на пользу богословской науки и вообще русскаго просвѣщенія, она вмѣстѣ съ тѣмъ скажетъ, что онъ мало послужилъ тому дѣлу, для котораго призвался самымъ своимъ званіемъ и своимъ высокимъ положеніемъ ¹⁾.

Что касается до вопроса о свободѣ совѣсти, то и въ этомъ отношеніи Теофанъ отличался такой же широтою воззрѣнія, какъ и въ вопросѣ вѣроисповѣдномъ. Въ то время, какъ всѣ прочіе члены св. Синода хлопотали о репрессивныхъ мѣрахъ противъ раскола, а Теофилактъ Лопатинскій полемизировалъ съ нимъ въ духѣ «жезла правленія» и «увѣта духовнаго», одинъ Теофанъ былъ до того снисходителенъ къ нему, что готовъ былъ повидимому дать расколу полную свободу исповѣданія. Расколъ съ благодарностію и любовію вспоминаетъ о «Теофанѣ Прокопьевичѣ, архіепископѣ Новоградскомъ». Если вѣрить біографу Денисова ²⁾, Теофанъ, наслышавшись объ умѣ и начитанности своего прежняго ученика ³⁾—Андрея, очень хотѣлъ видѣть его у себя, неоднократно посылалъ ему на Выгъ собственноручныя письма, въ которыхъ «привѣтствоваше и возлюбленнымъ о Христѣ братомъ ублажаше». По свидѣтельству раскольничьяго біографа Павла Любопытнаго, Семень Денисовъ понималъ Теофана на столько благосклоннымъ къ расколу, что писалъ къ нему письмо ⁴⁾, въ которомъ имѣлъ смѣлость доказывать вице-президенту православнаго синода превосходство раскола предъ православіемъ. Въ то время, какъ Теофилактъ настаивалъ на разореніи Выговскаго общежителства — этого раскольничьяго гнѣзда ⁵⁾, Теофанъ не далъ хода его предложенію, и, по словамъ упомянутаго біографа Андрея, «словесы своими за выговлянъ великимъ персонамъ возношаше». По поводу извѣстнаго доноса Халтурина на выговскихъ раскольниковъ, Теофанъ написалъ такую резолюцію: «раскольщиковъ наставлять и сколько можно обращать къ церкви святой священникамъ не страхомъ и нуждою, но прямой евангельской истины проповѣданіемъ» ⁶⁾.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы примѣръ И. А. Чистовича нашелъ себѣ подражателей, чтобы побольше являлось въ нашей цер-

¹⁾ Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе и приговоръ, слишкомъ строгій правда, князя Щербатова о Теофанѣ, см. Пекарскаго; Наука и литература при Петрѣ, т. 2, 575.

²⁾ Рукопись Импер. Публ. Б—ки № 1276.

³⁾ Братья Денисовы. Н. Барсова. Прав. Обоз. 1865 г.

⁴⁾ Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1862. Раскольничья «Библиотека» Павла Любопытнаго.

⁵⁾ Чтенія М. О. И. и Д. Статья И. А. Чистовича.

⁶⁾ Раск. дѣла XVIII ст. Есипова, т. 2, стр. 214.

ковно-исторической литературѣ монографій такого глубокаго историческаго интереса и такого высокаго научнаго значенія. Монографическій способъ изслѣдованія историческихъ явленій долженъ предшествовать систематическому ихъ изложенію и обобщенію: таковъ естественный порядокъ, что нужно предварительное обстоятельное изученіе частныхъ, чтобы сдѣлать вѣрный и основательный общій обзоръ. Наша церковно-историческая литература въ этомъ отношеніи представляетъ обратный порядокъ: мы имѣемъ уже три системы исторіи русской церкви (м-та Платона, преосв. Макарія и преосв. Филарета Черниговскаго), хорошихъ же монографій пять—шесть, и только.

1869.

КЪ БІОГРАФІИ А. П. ВОЛЫНСКАГО.

Въ прекрасной біографіи Волынскаго, печатаемой въ «Древней и Новой Россіи», и составленной почтеннымъ профессоромъ Д. А. Корсаковымъ съ тою тщательностію, какой заслуживаетъ столь замѣчательная личность, мы замѣтили одинъ, по нашему мнѣнію, довольно важный пробѣлъ, который позволяемъ себѣ пополнить. Мы имѣемъ въ виду исторію губернаторства Волынскаго въ Астрахани, уже законченную почтеннымъ біографомъ въ напечатанныхъ доселѣ главахъ и въ частности отношенія Волынскаго къ мѣстнымъ церковнымъ дѣламъ. Мы совершенно согласны съ Д. А. Корсаковымъ, что губернаторство Волынскаго въ Астрахани, заслоненное позднѣйшими, болѣе крупными событіями его жизни, относится къ числу невыясненныхъ сторонъ его дѣятельности, и что изъ эпохи астраханской жизни Волынскаго особенно важны документальныя подробности, которыя даютъ матеріалъ для болѣе близкаго знакомства съ служебной дѣятельностію Волынскаго. Предлагаемыя ниже именно такого рода документальныя свѣдѣнія по этому предмету мы извлекаемъ изъ небывшихъ у автора біографіи въ рукахъ данныхъ архива св. синода, отчасти извѣстныхъ и по печатнымъ изданіямъ, которыми также не воспользовался Д. А. Корсаковъ, именно—по «Описанію документовъ и дѣлъ архива св. синода (Спб., 1868 г.), т. I-й» и «Полному собранію постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи», т. II (Спб., 1872 г.).

Прежде прибытія въ Астрахань, на пути къ мѣсту своего новаго служенія, Волынскій имѣлъ случай заявить свою заботливость объ интересахъ православія. Въ 1715 году подчиненными Россіи калмыками изъ владѣнія нѣкоего Батыря-Доржи взятъ былъ въ плѣнъ на Кубани молодой татаринъ, по имени Асянь. Плѣнникъ—изъ дѣла не видно, почему на него обращено было особенное вниманіе—былъ привезенъ въ Саратовъ и отданъ въ приказную избу подъ караулъ

гдѣ и пробылъ до 1721 года, до прїѣзда въ Саратовъ Волынскаго. По прибытіи Артемія Петровича въ этотъ городъ, Асанъ нашель случай представиться ему и подалъ ему прошеніе, въ которомъ изъявлялъ свое желаніе принять православную вѣру и креститься. Волынской приказалъ немедленно освободить его изъ заключенія и отдать для предварительнаго обученія христіанству саратовскому протопопу Алексѣю, причемъ Асану дано былои христіанское имя—Александръ. Затѣмъ изъ Саратова Волынской отправилъ Асана, вмѣстѣ съ другимъ калмыкомъ, по имени Шарги, также изъявившимъ желаніе креститься, въ Москву, куда намѣренъ былъ и самъ отправиться. Но Асанъ съ товарищемъ прожили цѣлыхъ четыре недѣли въ домѣ Волынскаго, пользуясь здѣсь, съ его разрѣшенія не только квартирой, но и столомъ и всѣмъ продовольствіемъ, и однако не дождались своего благодѣтеля: Волынской измѣнилъ свое намѣреніе побывать въ Москвѣ прежде окончательнаго отъѣзда въ Астрахань и изъ Саратова отправился прямо къ мѣсту своего новаго служенія¹⁾,

Но столь заботливый относительно обращенія инородцевъ въ христіанство, астраханскій губернаторъ совсѣмъ въ иномъ духѣ отнесся къ православной церкви въ управляемомъ имъ губернскомъ городѣ. Волынской прибылъ въ Астрахань въ концѣ іюня 1721 года, а въ первыхъ числахъ августа того же года въ св. синодѣ было получено доношеніе строителя Троицко-Сергіева монастыря, монаха Іосифа Колюбякина о томъ, что новый губернаторъ, прїѣхавъ въ Астрахань, занялъ подъ свою канцелярію и подъ кладовыя кельи астраханскаго Троицкаго (приписаннаго къ Троицко-Сергіеву) монастыря, монастырскую землю взялъ подъ городскую площадь, наконецъ въ самомъ монастырѣ, невѣдомо для чего, разломалъ каменные ворота обители и нѣсколько зданій²⁾. Монастырь просилъ св. синодъ приказать губернатору Волынскому взятая имъ кельи и землю возвратить, а сломанное строеніе вновь построить. Св. синодъ постановилъ: по содержанію этого доношенія послать въ правительствующій сенатъ вѣдѣніе, въ которомъ просить «сатисфакціи» отъ сената. Но никакой сатисфакціи не послѣдовало, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ о ней не упоминается ни единымъ словомъ. Такова была уже въ это время сила Волынскаго. Въ своей монографіи г. Корсаковъ упоминаеть («Древн. и Нов. Россія», 1877, III, стр. 299, примѣчаніе), что въ

¹⁾ Дѣло архива св. синода № 430, 1721 г. 25 мая. Въ «Описаніи докум. и дѣлъ св. синода», т. I, стр. 326—327.

²⁾ Дѣло архива св. синода № 318, 1721 г.; въ Описаніи докум. и дѣлъ т. I-й, стр. 545—547.

1740 году рассказывали о кражѣ Волынскимъ изъ астраханскаго монастыря богатой ризы, стоющей сто тысячъ рублей, и о заключеніи имъ архимандрита этого монастыря въ тюрьму. «Этотъ рассказъ— замѣчаетъ биографъ—не имѣетъ достовѣрности». Мы съ своей стороны охотно соглашаемся, что свидѣтельство Германа («Русскій Архивъ», 1866 г., стр. 1352), на которое ссылается г. Борсакъ, не можетъ имѣть полнаго авторитета въ настоящемъ случаѣ; но принимая во вниманіе только-что указанный нами фактъ, а также и то обстоятельство, что изложенныя въ жалобѣ Троицкаго монастыря дѣянія Волынскаго совершены имъ, едва лишь онъ прибылъ въ Астрахань, намъ кажется, нельзя не дать нѣкоторой вѣры и свидѣтельству Германа: что нибудь подобное, если не все то, что рассказываетъ послѣдній, дѣйствительно могло быть совершено Волынскимъ въ монастырѣ.

Другіе факты, характеризующіе какъ воззрѣнія Волынскаго на церковныя дѣла вѣрренной ему губерніи, такъ и его дѣятельность въ этомъ отношеніи, состоятъ въ слѣдующемъ.

Съ точностію неизвѣстно когда, но не позже конца 1721 года, преосвященный Іоакимъ, епископъ астраханскій, донесъ св. синоду, что въ Астрахань пріѣхалъ чрезъ Персію патеръ римской вѣры Антоній, и, не имѣя никакого паспорта, по приказу губернатора Волынскаго, построилъ свою церковь; что лютерской вѣры пасторъ Яганъ Сигилисъ близъ православной церкви построилъ свою кирху и симъ чинить помѣшательство дѣлу православія; что тотъ же пасторъ повѣнчалъ отъ живаго мужа жену греческаго закона съ драгуномъ; что наконецъ губернаторъ Волынскій приказалъ безъ его позволенія не производить дѣлъ въ церковномъ приказѣ и присылалъ въ приказъ поручика Ермолова для взятія священника Попова. Св. синодъ по этимъ доношеніямъ постановилъ: о дѣйствіяхъ Волынскаго сообщить вѣдннѣемъ сенату съ такимъ предложеніемъ, чтобы губернаторъ Волынскій впредь въ духовныя дѣла, относяціяся исключительно до духовной власти, и нисколько не касающіяся свѣтской команды, не вмѣшивался, а въ томъ, что онъ, Волынскій, въ такія дѣла духовнаго правленія вступалъ, повелѣно-бъ ему было отвѣтствовать на допросныя пункты, которые будутъ посланы ему изъ синода немедленно. Относительно римской и лютерской кирхъ синодъ предписалъ преосв. Іоакиму разслѣдовать: по какому указу и по чьему изволенію оныя кирхи построены, въ которомъ году и въ какомъ онѣ находятся разстояніи отъ церкви православной, а также—римскаго и

лютерскаго закону коликое число людей въ Астрахани, и всегдашнiе-ль они астраханскiе жильцы или только прiѣзжiе бывають ¹⁾).

Дѣло это разъяснилось значительно позже, и не вслѣдствiе вѣдѣнiя св. синода въ сенатъ или допросныхъ пунктовъ Волинскому, на которые, очевидно, не было обращено рѣшительно никакого вниманiя, а вслѣдствiе поступившаго въ государственную коллегiю иностранныхъ дѣлъ прошенiя двухъ патеровъ римскаго закона, Фиделiя и Казимира, о дозволенiи имъ отправиться въ Астрахань и въ низовый корпусъ, для отправленiя службы для своихъ единовѣрцевъ. Св. синодъ, конечно, не зналъ о связяхъ и значенiи астраханскаго губернатора, когда дѣлалъ свое постановленiе о сообщенiи вѣдѣнiй сенату и посылалъ допросные пункты Волинскому. По прошенiю фратровъ—кауциновъ Фиделiя и Казимира, произведено было въ Астрахани разслѣдованiе государственной коллегiей иностранныхъ дѣлъ, и результатъ этого разслѣдованiя сообщенъ синоду чрезъ сенатъ. Оказалось, что въ 1721 году 27 iюля канцелярiя означенной коллегiи увѣдомляла сенатъ, что Волинскому съ товарищи изъ коллегiи послана была его императорскаго величества грамота, которою предписывалось ему собрать свѣдѣнiя и сообщить коллегiи: сколько имѣется въ Астрахани на государственной службѣ, а также купецкихъ и иныхъ людей римскаго закона—французовъ, цезарцевъ, вѣмцевъ, и армянъ, есть-ли въ городѣ римскiй костелъ, и давно-ли построенъ, были-ль при немъ прежде патеры, и, если просители—Фиделiй и Казимиръ—будутъ жить въ Астрахани, то не будетъ ли отъ того какой опасности для государства? На этотъ запросъ послѣдовали одновременно три отвѣта: сказка упомянутаго выше проживавшаго въ Астрахани патера Антонiя, вѣдѣнiе отъ Ивана Кляина (должность, какую занималъ Кляинъ въ Астрахани, въ дѣлѣ не обозначена) и рапортъ отъ губернатора Волинскаго. Патеръ Антонiй писалъ, что онъ прибылъ въ Астрахань изъ Персiи еще при оберъ-комендантѣ Чириковѣ, предшественникѣ Волинскаго, въ апрѣлѣ 1718 года, по назначенiю отъ самаго римскаго папы и кардиналовъ, для духовнаго управленiя тамошнихъ жителей католикаго закона,—что и до прибытiя его у астраханскихъ католиковъ патеръ былъ же,—имени его не знаетъ,—во время губернаторства въ Астрахани графа Петра Матвѣевича Апраксина (переведеннаго потомъ на губернаторство въ Казань и замѣщеннаго въ Астрахани Чириковымъ); въ 1718 году, когда въ Астрахань прiѣхалъ онъ, Антонiй, тамъ было

¹⁾ См. «Полн. собр. постан. и распор. по вѣдомству прав. исповѣд.», т. II, стр. 5, № 346.

два патера—Бонавентура, который впоследствии переселился въ Москву, гдѣ скоро и умеръ, и Іоаннъ, что нынѣ съ посланникомъ Флоріемъ Беневени въ Бухарахъ; эти патеры отправляли службу церковную, съ благословенія святѣйшаго папы, въ домахъ, а онъ, пріѣхавши, построилъ въ прошломъ 1721 году костель, на которомъ съ разрѣшенія губернатора, Артемія Петровича, водрузилъ крестъ. Иностранныхъ людей католическаго закона, — французовъ, цезарцевъ, нѣмцевъ—въ Астрахани нѣтъ, а есть католики-армяне, которыхъ всѣхъ будетъ дворовъ съ двѣнадцать, съ женами и дѣтьми, да кромѣ того въ костель ходятъ для молитвы армяне-католики, временно пріѣзжающіе въ Астрахань по своимъ торговымъ дѣламъ. Почти тоже самое сообщалъ и Кивинъ въ своемъ вѣдѣніи, добавляя, что какъ отъ Антонія, такъ и отъ двухъ новыхъ патеровъ, назначаемыхъ въ Астрахань государственной коллегіей иностранныхъ дѣлъ, опасности для государства предвидѣть трудно, такъ какъ Цезарія и Франція и прочія нѣмецкія земли отъ Астрахани лежатъ за иными государствами, а не порубежныя.

Еще сильнѣе говоритъ въ пользу фратровъ-капуциновъ, Казимеруса съ товарищи, которые въ Астрахань «для экзерцицы католической вѣры по ординаціи папы римскаго ординованы въ Россійскую имперію», губернаторъ Волинскій. «Иноземцы цезарцы римской религіи—пишетъ онъ—есть въ Астрахани въ службѣ его императорскаго величества многіе (какъ согласить это его заявленіе съ тѣмъ, что показали Кивинъ и патерь Антоній?) а также купцы изъ армянъ того же закона. Опасности или подозрѣнія отъ оныхъ фратровъ быть для государства не чаю, а повидимому со временемъ отъ нихъ была бы и польза, понеже изъ тамошняго (астраханскаго) суроваго народа обучаются отъ нихъ молодыя дѣти латинскаго и прочихъ языковъ». Причину такого, болѣе чѣмъ благосклоннаго, отношенія губернатора къ фратрамъ-капуцинамъ понять не трудно: одинъ изъ птенцовъ гнѣзда Петрова, онъ лучше многихъ зналъ вѣротерпимость государя, особенно въ отношеніи къ полезнымъ для страны заѣзжимъ иноземцамъ.

Другъ семейства Монсовъ также, конечно, сказался въ этомъ взглядѣ астраханскаго губернатора.

Св. синодъ, получивъ вмѣстѣ съ вѣдѣніемъ сената, копіи со всѣхъ трехъ доношеній, по рассмотрѣніи ихъ, не нашелъ съ своей стороны препятствій къ допущенію фратровъ въ Астрахань для служенія въ тамошнемъ костелѣ.

МАЛОИЗВѢСТНЫЕ РУССКІЕ ПРОПОВѢДНИКИ

XVIII столѣтія.

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА).

Въ кратковременное царствованіе императора Петра II, *alma mater* великорусскаго просвѣщенія—московская славяно-греко-латинская академія удостоилась чести обратить на себя такое вниманіе высшаго гражданскаго правительства, какового, по видимому, не знала ни прежде того, ни послѣ. Прошло не болѣе мѣсяца со времени вступленія на престолъ молодаго императора (7 мая 1727 года), какъ Верховный Тайный Совѣтъ, управлявшій государствомъ отъ его имени, обративъ вниманіе на полученное Святѣйшимъ Синодомъ донесеніе ректора академіи, архимандрита Гедеона Вишневскаго, о томъ, что Высочайшій указъ 1723 года ¹⁾ о высылкѣ въ академію для ученія молодыхъ монаховъ изъ монастырей всей Россіи остается безъ выполненія, что только изъ смоленской епархіи были доставлены два іеродіакона, да и изъ тѣхъ одинъ бѣжалъ, а изъ прочихъ епархій и изъ московскихъ монастырей, хотя въ нихъ и довольно молодыхъ и къ ученію способныхъ монаховъ, никто не присылыванъ, строжайше предписалъ привести означенный указъ въ исполненіе повсемѣстно, безъ замедленія ²⁾. Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ того, въ первыхъ числахъ іюня 1728 года, Верховный Тайный Совѣтъ предписалъ Синоду представить ему «немедленно» вѣдомость о томъ, «имѣющаяся въ Новоспасскомъ монастырѣ школа съ котораго времени началась, откуда и чѣмъ довольствовалась, и съ начала той школы сколько въ ней было учениковъ, изъ какихъ они были чиновъ и до какой науки тѣ ученики обучались, и куда отбыли, также и нынѣ въ той школѣ сколько обучено поповыхъ дѣтей, и какими

¹⁾ Пол. собр. зак. №№ 2186, 2308, 2778 и 3718.

²⁾ Пол. собр. зак. № 5091.

науками, и куда тѣ поповы дѣти отбыли, и нынѣ въ той школѣ сколько на лицо учениковъ, и въ какихъ наукахъ имѣется». Не успѣлъ еще Св. Синодъ собрать необходимыхъ свѣдѣнiя по этому дѣлу и представить въ Верховный Тайный Совѣтъ свое донесенiе, какъ синодальный оберъ-прокуроръ Алексѣй Баскаковъ 9 iюля 1729 года словесно объявилъ Синоду, что 7-го сего iюля онъ былъ призванъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, и приказано ему отъ высокосiятельныхъ господъ министровъ предложить Св. Синоду между прочимъ слѣдующее: 1) «во всѣ степенные въ Москвѣ и близъ Москвы мужскiе монастыри проповѣдниковъ чего для не опредѣлено? 2) Въ Москвѣ, ко всѣмъ генерально церквамъ по силѣ именнаго 1718 года указа въ священники и диаконы производить школьниковъ достойныхъ, не взирая на приходскихъ людей выборы, и дворы имъ окупать изъ церковныхъ денегъ. 3) Въ вѣдомости, поданной изъ академiи московской славяно-греко-латинской, о школьникахъ, которые произошли въ мирское священство и диаконство, а именно о тридцати четырехъ человекъ, показать, кто именно изъ какихъ чиновъ, и въ которыхъ годахъ и къ которымъ церквамъ и кѣмъ произведены. 4) Нынѣ въ той академiи обрѣтающихся школьниковъ и впродъ принимаемыхъ священническихъ, дяконскихъ и дяческихъ дѣтей отнюдь безъ собственнаго школьнаго опредѣленiя нигуда не отпускать, а кто доволенъ будетъ во ученiи, и тѣхъ бы ректоръ представлялъ Святѣйшему Синоду для дѣйствительнаго опредѣленiя къ мѣстамъ при доношенiяхъ своихъ безъ упущенiя времени, а которые будутъ остропонятны во ученiи, и надежды въ нихъ къ тому не будетъ, о таковыхъ вносить въ Синодъ рапорты при окончанiи каждаго года или вакации. Также объявить указомъ всѣмъ московскимъ священникамъ съ причетниками, дабы они дѣтей своихъ мужескаго пола всѣхъ безъ изъятiя отдавали для науки въ оныя школы безъ всякаго замедленiя, а ежели отдавать не будутъ, то по смерти ихъ, или по отлученiи отъ мѣсть, тѣ ихъ неучащiеся дѣти не токмо до священства, но ни до какой церковной службъ въ чины допускаемы не будутъ, а будутъ опредѣляемы на тѣ мѣста изъ вышеозначенныхъ учившихся въ школахъ по достоинству съ разсмотрѣнiя синодальнаго. 5) Сколько человекъ въ спасскую школу опредѣлено было для ученiя—поповскихъ, дяконскихъ, дяческихъ и пономарскихъ дѣтей, и такъ ли ихъ учать, какъ указомъ опредѣлено, и сколько кто учился времени, и нынѣ они въ той ли школѣ куда отбыли, и сколь давно, и для чего, и нынѣ гдѣ, и кто въ какихъ чинахъ, ежели посвящены въ попы и диаконы, то кѣмъ?»

Не довольствуясь и этимъ, Верховный Тайный Совѣтъ, неизвѣстно какимъ образомъ узнавъ, что въ словено-греко-латинской академіи учится монахъ Іосифъ Скрипицынъ, обратилъ на безвѣстнаго инока-студента свое особенное вниманіе, и въ томъ же докладѣ Святѣйшему Синоду, который мы только что привели, оберъ-прокуроръ Баскаковъ предлагалъ относительно Скрипицына слѣдующіе вопросы: «давно-ль тотъ монахъ въ Чудовѣ монастырѣ обрѣтается, и какимъ опредѣленіемъ, и чѣмъ его велѣно довольствовать, и то исполняется-ль, и въ томъ монастырѣ проповѣднику по штату что въ годъ жалованья положено, и такой проповѣдникъ былъ-ли (прежде) и кто именно, и жалованье ему давано-ль, и съ котораго до котораго времени, и нынѣ въ томъ монастырѣ проповѣдникъ есть-ли, а буде нѣтъ, давно-ли, и куда отбылъ, и по какому указу, и чего для нынѣ проповѣдника тамъ не опредѣлено, и проповѣдническое жалованье куда нынѣ происходитъ, или имѣется на лицо, и коликое число, и для чего по указу и по даннымъ пунктамъ отъ онаго оберъ-прокурора въ томъ монастырѣ исполненія нынѣ не чинять» ¹⁾?

Во всѣхъ этихъ предписаніяхъ и запросахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта видна одна забота высшаго государственнаго управленія по отношенію къ академіи: специализировать ее въ чисто-духовную, церковную школу, которая главною, если не единственною, цѣлію имѣла бы готовить образованныхъ священнослужителей и проповѣдниковъ слова Божія, а также учителей для основывавшихся, во исполненіе извѣстныхъ постановленій духовнаго регламента, при всѣхъ архіерейскихъ домахъ школъ. До сего времени академія чрезвычайно мало удовлетворяла этому главнѣйшему своему назначенію. Доставленные въ Св. Синодъ, вслѣдствіе приведенныхъ выше запросовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, донесенія и отчеты представляютъ краснорѣчивое тому доказательство. Изъ донесенія ректора академіи, напримѣръ, мы прежде всего узнаемъ о крайней патріархальности и простотѣ тогдашнихъ академическихъ порядковъ. Отвѣчая на первый вопросъ—«съ котораго времени та школа началась», ректоръ говорить, что въ славяно-греко-латинской академіи имѣющіяся школы заведены еще при святѣйшихъ патріархахъ, а въ которомъ году, и съ начала тѣхъ школъ сколько было учениковъ, и изъ какихъ чиновъ, и до какой науки тѣ ученики дошли, *о томъ въ оной академіи невѣдомо, понеже записки о томъ въ академіи никакой не*

¹⁾ Архивъ Св. Синода, дѣло № 306, 1729 года.

имѣлось» ¹⁾. По видимому, въ академію безъ всякихъ формальностей и опросовъ принимали всякаго приходящаго, равно какъ и оставляли академію ученики безпрепятственно во всякое время, когда хотѣли. Только за годъ до возникновенія настоящей переписки, т. е. въ 1728 году, вслѣдствіе особаго нарочитаго предписанія Св. Синода «имѣть записныя книги—кто изъ какихъ чиновъ приняты въ ученье, и сколько времени учиться будутъ, и куда кто и по какому указу произведется», — училищное начальство озаботилось завести запись съ указанными рубриками, на основаніи которой и собрало свѣдѣнія, препровожденныя теперь въ Св. Синодъ ²⁾. Скучность свѣдѣній о состояніи академіи до 1728 года въ отчетѣ ректора восполняется свѣдѣніями, доставленными комиссіей экономіи (со времени учрежденія Синода замѣнившей при немъ прежній монастырскій приказъ), на основаніи матеріаловъ, имѣвшихся въ экономическихъ отчетахъ академіи монастырскому приказу. Школа началась, по свѣдѣніямъ комиссіи, въ 1701 году, въ которомъ послѣдовалъ именной высочайшій указъ — «для ученія всякаго чина людей дѣтей быть учителямъ и давать имъ жалованье по росписи, какову пришлетъ преосв. Стефанъ, митрополитъ рязанскій, которое имъ и дано; учителямъ восьми человекъ по 100 рублей, ученикамъ богословіи и философіи по 4 копѣйки на день, а прочимъ школьникамъ по три копѣйки на день, да въ словено-россійскихъ школахъ (приготовительныхъ классахъ академіи) учителямъ двумъ по 6 копѣекъ на день». Жалованье выдавалось изъ суммъ монастырскаго приказа, а потомъ изъ коллегіи экономіи, на основаніи особаго регламента, состоявшагося въ 1710 году. О томъ, въ какой мѣрѣ возрастало число учащихся въ академіи съ этого времени, видно изъ того, въ какой пропорціи возрастали изъ года въ годъ расходы на содержаніе академіи, — при чемъ

¹⁾ Это заявленіе ректора, архимандрита Германа, представляется не совсѣмъ понятнымъ, такъ какъ предметныя его архим. Гедевъ только что составилъ въ 1727 году историческую записку объ академіи, въ которой, въ общихъ чертахъ, излагается исторія ея до 1727 года. Она напечатана Новиковымъ въ XVI томѣ Россійской Вивліюеки.

²⁾ Изъ этого послѣдняго распоряженія Св. Синода для насъ становится понятнымъ, почему Ломоносовъ встрѣтилъ тѣ затрудненія при поступленіи въ академію, о которыхъ рассказываетъ Штелинь и въ правдоподобіи которыхъ нѣкоторые сомнѣвались. Рассказы безвѣстнаго юноши о самомъ себѣ, при той требовательности, которая была только что узаконена, могли быть заподозрѣны, при недостаткѣ документальныхъ данныхъ, которыми онъ могъ бы удостовѣрить свою личность. Известно, что, прибывши въ Москву, Ломоносовъ не имѣлъ при себѣ никакого либо удольнительнаго свидѣтельства отъ общества, а лишь билетъ на проѣздъ до Москвы и обратно. См. Пекарскаго, М. В. Ломоносовъ (Исторія Академіи наукъ, т. II. 1873 г.).

ассигновалось по прежнему на каждого ученика по 4 копѣйки. Въ 1714 году на содержаніе академіи издержано 2.439 рублей; въ 1715—уже 2.938 рублей, въ 1720 г.— 3.314 р., въ 1721— 3.566 р., въ 1724 году—4.467 р. и въ 1727 году 4.936 р., т. е., въ теченіе четырнадцати лѣтъ бюджетъ академіи болѣе чѣмъ удвоился, пропорціонально возрастанію числа учениковъ въ академіи.

Но, какъ видно изъ той же вѣдомости, контингентъ учащихся въ академіи составлялся главнымъ образомъ отнюдь не изъ дѣтей священнослужителей и церковничьихъ, а изъ дѣтей всѣхъ возможныхъ классовъ народа, что, конечно, и имѣлось въ виду при учрежденіи академіи, какъ мы видѣли выше. Такъ въ 1727 году изъ числа 259 человекъ учащихся въ академіи, священнослужительскихъ и церковничьихъ дѣтей было всего 63 человека, т. е. менѣе четвертой части всѣхъ учащихся. Въ 1728 году изъ 360 учащихся, дѣтей священнослужителей и причетниковъ было 109,—остальные же всѣ были дѣти разночинцевъ, именно: 1 сынъ капитана, 1—переводчика при типографіи, 2 лекарскихъ дѣтей, 3 иноземца (вѣроятно изъ славянъ), 7 польской націи, 5 изъ шляхетства, 1 малороссіянецъ, 2 дѣтей учениковъ математической школы (на Сухаревой башнѣ), 1 сынъ денежнаго мастера, 2 посадскихъ, 1 сынъ типографскаго наборщика, 5 дѣтей монастырскихъ служителей, 1 сынъ архіерейскаго служки, 1 сынъ пѣвческій, 3 дѣтей сторожей, 2 дѣтей богадѣленныхъ нищихъ, 15 дѣтей мастеровыхъ, 9 купецкихъ дѣтей, 22 подъяческихъ дѣтей, 25 дѣтей дворовыхъ людей и 121 человекъ дѣтей солдатскихъ. При такомъ составѣ учащихся въ академіи, нѣтъ ничего удивительнаго, что, оставляя академію, рѣдко по окончаніи въ ней полного курса, а большею частію изъ философіи, риторики и даже пѣтими, ученики ея рѣдко опредѣляли себя для духовнаго званія, а громадное большинство поступало или въ с.-петербургскую аптекарскую науку, или въ московскій госпиталь, для обученія хирургической наукѣ, или же въ разные «свѣтскіе чины и достоинства». Такъ въ томъ же отчетѣ академіи мы находимъ слѣдующія любопытныя цифры. Со времени основанія академіи изъ ея учениковъ въ 1728 году состояло: трое архіереями, трое архимандритами, четверо игумнами, двѣнадцать іеромонахами, шесть іеродіаконами, восемь монахами, двадцать пять (по другому свѣдѣнію — тридцать четыре) священниками, девять діаконами; всего, значить, поступившихъ на служеніе церкви 70—79 человекъ. Между тѣмъ поступившихъ въ госпиталь для ученія хирургической наукѣ значится 63,—въ с.-петербургскую аптекарскую науку—45, въ разные свѣт-

скіе чины и достоинства—28, въ московскую главную аптеку—1, въ полковые писаря—4, въ справщики типографіи—3, въ переводчики—6, и въ учителя въ Сербію и въ губерніи Россіи—11,— всего 161 человекъ,—т. е. на служеніе гражданскому обществу академія въ показанный срокъ выпустила почти втрое больше, чѣмъ сколько дала для церкви. Отсутствие всякой разборчивости при приѣмѣ въ академію было причиной того, что чрезвычайно много учениковъ было исключаемо начальствомъ академіи, а многіе «самовольно предавались бѣгству» изъ нея. Такъ 18 іюня 1728 года, послѣ годичныхъ испытаній учениковъ, изъ академіи было «отставлено» 46 человекъ изъ боярскихъ и подъяческихъ дѣтей, «которые въ ученіи непонятны, и злонравны, и злодѣи». Затѣмъ «бѣжали» изъ академіи въ теченіе года: четверо поповскихъ и діаконскихъ дѣтей—на Сухареву башню; двое пѣтговъ — въ преображенскій полкъ писарями; одинъ — въ доимочную канцелярію, гдѣ его сдѣлали подъячимъ; одинъ — Сѣрковъ — «бѣжалъ» даже почему-то въ Сибирь; шестеро «бѣжали-жъ и по Москвѣ гуляютъ праздно». Определено же на мѣста къ церквамъ Москвы: священниками—двое: Антипъ Леминовъ, учившійся въ академіи двѣнадцать лѣтъ,—къ Пятницѣ, что за Москвою-рѣкою, и Иванъ Змилевскій, — польской націи, учившійся шесть лѣтъ, къ домовою церкви князя Черкаскаго; сверхъ того определены четверо въ діаконы, да четверо-жъ въ причетники—въ Москвѣ ¹⁾).

Еще менѣе, до приведеннаго выше указа, служила академія дѣлу проповѣди: на вопросъ о томъ, сколько въ академіи учится человекъ, могущихъ быть проповѣдниками слова Божія, въ отчетѣ показано тридцать восемь человекъ учениковъ, имѣвшихъ духовный санъ—іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ, священниковъ и діаконствъ; но изъ числа ихъ только восемь ²⁾ помѣчено «проповѣдывать слово Божіе могущими»; объ остальныхъ замѣчено: «проповѣдывать слово Божіе не могутъ», или: «проповѣдывать слово Божіе могутъ-ли—неизвѣстно».

¹⁾ Архивъ Св. Синод., дѣло № 306, 1729 г. Сообщаемъ эти свѣдѣнія объ академіи между прочимъ и потому, что въ печатныхъ сочиненіяхъ о ней, какъ напримѣръ въ исторіи академіи г. С. Смирнова, этихъ свѣдѣній не находится.

²⁾ То были: іеромонахи—Іерофей Іозефовичъ, Варсоломей Филевскій; монахи—Симеонъ Ярирковскій, Андрей Гамертговскій, Алексѣй Голенищевъ, Михаилъ Сладскій, Яковъ Буявинскій, Антипъ Пещуровъ. Въ этотъ счетъ не вошли трое, во время составленія отчета состоявшіе уже въ должности проповѣдниковъ, а не въ ученикахъ академіи: Макарій Любичскій, Дамаскинъ Данилевичъ и Іосифъ Свирищичевъ.

Наконецъ, что касается до училищъ при архіерейскихъ домахъ, то спросъ для нихъ учителей, обращаемый къ академіи, весьма нерѣдко оставался безъ удовлетворенія. Такъ въ 1733 году архангельскій преосвященный Германъ (бывшій ректоръ академіи) обращался съ просьбою въ академію выслать ему учителей изъ Москвы или Кіева, но его просьба осталась безъ удовлетворенія по неимѣнію годныхъ на то людей ¹⁾). Подобнымъ же образомъ позже, въ 1745 году, преосв. бѣлорусскій Іеронимъ писалъ Св. Синоду, что «великую нужду терпятъ въ учительныхъ людяхъ, ибо ни одного не имѣтъ къ правленію и помощи дѣлъ епаршескихъ, наипаче для проповѣди слова Божія»; такого человѣка онъ нашелъ не въ Москвѣ или Кіевѣ, а въ Смоленскѣ, — префекта тамошней семинаріи, іеромонаха Варлаама Иваницкаго, который былъ «проповѣдникомъ быть весьма способенъ, наипаче въ Бѣлорусскомъ краѣ, понеже былъ родимецъ польскій, искусный въ діалектъ Бѣлорусскомъ» ²⁾).

Въ виду приведенныхъ фактовъ для насъ становится понятною та заботливость правительства о дѣлахъ церковныхъ, краснорѣчивое доказательство которой представляютъ приведенные выше указы. И мы видимъ, что послѣдствія оправдали эту заботливость.

Что касается до Петербурга, то тамъ еще во времена Петра Великаго, кромѣ проповѣдниковъ по профессіи, изъ монаховъ, проповѣдниковъ — архіереевъ, каковы были: Теофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Гавріилъ Бужинскій и другіе, — были приходскіе священники, настолько образованные, что ихъ считали достойными и способными проповѣдывать не только для своихъ прихожанъ, въ своихъ церквахъ, но и въ высочайшемъ присутствіи, хотя въ послѣднемъ случаѣ они и не всегда оправдывали возлагавшіяся на нихъ надежды. Такъ въ 1724 г., когда Св. Синодъ виѣсть съ дворомъ былъ въ Москвѣ, и синодальными дѣлами управляли синодальные ассессоры: архимандритъ Аванасій (Кондоиди) и протопопъ Петръ Григорьевъ, — эти послѣдніе распорядились, чтобы при возвращеніи ихъ Величества въ Петербургъ была произнесена торжественная предика, каковую указомъ синодальнымъ велѣно было изготовить успенскому протопопу Симеону Ярмерковскому, священникамъ: самсоніевскому Терлецкому и успенскому — Венгриновскому, — всѣ трое, какъ можно догадываться по фамиліямъ, южно-русы и воспитанники кievской или московской академіи. Терлецкій, призванный въ присутствіи

¹⁾ Архивъ Св. Син., дѣло № 335, 1733 года.

²⁾ Архивъ Св. Син., дѣло № 398, 1745 года.

Св. Синода, объявилъ, что «опредѣленіе синодальное исполнить готовъ, только просить у Св. Синода отъ того свободности, понеже онъ, Терлецкій, предъ Его Императорскимъ Величествомъ скудоумія ради своего предиковать не можетъ, да и потому, что отсюда взять матерію для предики, никакого вѣдѣнія и довольнаго числа потребныхъ книгъ, кромѣ самыхъ къ служенію нужныхъ, не имѣетъ, также ради многого и едва не ежечаснаго при той церкви священныхъ потребъ исправленія, ему, Терлецкому, такихъ предикъ затверживать весьма невозможно, и о семь-де онъ доноситъ сущую правду, а не для какаго-либо вымышленнаго отбывательства, а буде впродъ неправда явится, то повиненъ онъ тяжкому оштрафованію ¹⁾). Въ александровскомъ монастырѣ, при установленіи для него штата, учреждена была и особая должность штатнаго проповѣдника. Въ 1746 году, марта 3-го, Св. Синодъ спрашивалъ, почему въ александровскомъ монастырѣ нѣтъ проповѣдника, тогда какъ ему слѣдуетъ тамъ быть по штату монастыря. Монастырь отвѣчалъ, что хотя по штату, учиненному Св. Синодомъ, и къ апробаціи въ бывшій кабинетъ внесенному, и слѣдуетъ въ немъ быть проповѣднику, но за неконфирмованіемъ и неприсылкою онаго штата — штатнаго проповѣдника въ монастырь не имѣется; что проповѣди, тѣмъ же менѣе, въ монастырѣ сказываются во всѣ воскресные, праздничные и викторіальныя дни «самоохотно» того жъ монастыря ректоромъ и префектомъ, безъ награжденія изъ монастырской казны, которая расходуется на содержаніе какъ монастыря, такъ и семинаристовъ, а равно разныхъ лицъ изъ разныхъ націй, въ монастырь присылаемыхъ для наставленія христіанскому закону. И если не будетъ отъ Св. Синода особаго жалованья на содержаніе особаго штатнаго проповѣдника при монастырѣ, то содержать таковаго на свой счетъ монастырю не чѣмъ ²⁾). Наконецъ со времени учрежденія въ Петербургѣ шляхетнаго кадетскаго корпуса проповѣданіемъ въ высокостепенные и праздничные дни въ кафедральномъ соборѣ по назначенію отъ Св. Синода, занимались также законоучители этого корпуса. Такъ изъ дѣлъ мы видимъ, что на новый 1745 годъ назначенъ былъ Св. Синодомъ говорить проповѣдь въ кафедральномъ соборѣ законоучитель корпуса, іеромонахъ Гавріилъ Краснопольскій, который, впрочемъ, отъ этого назначенія отказался, понеже, какъ писалъ онъ въ Св. Синодъ, «въ слабосиліи очесномъ и въ болѣзни

¹⁾ Арх. Св. Синода, дѣла № 320, 1724 г.

²⁾ Арх. Св. Син., дѣло № 299, 1746 года.

грудей» находился. Преосвященный Никодимъ, епископъ с.-петербургскій, назначилъ, въ замѣнъ его, отъ себя проповѣдникомъ на этотъ день іеромонаха Гавріила, ректора александровской семинаріи ¹⁾. Вообще въ Петербургѣ, по видимому, ни одинъ высокочестивый день, ни одинъ праздникъ не обходился безъ проповѣданія въ каедральномъ петропавловскомъ соборѣ.

Тотъ порядокъ вещей, въ отношеніи къ церковному проповѣдничеству, который въ Петербургѣ имѣлъ мѣсто едва не съ самаго дня основанія его, въ Москвѣ получилъ начало не раньше, какъ послѣ приведенныхъ нами въ началѣ статьи запросовъ и предписаній Верховнаго Тайнаго Совѣта. Прежде всего здѣсь проповѣдничество прочно утвердилось при славяно-греко-латинской академіи въ заиконоспасскомъ монастырѣ. Здѣсь были учреждены сначала одна, а потомъ и двѣ штатнымъ должности проповѣдника, и если въ какое воскресенье или праздникъ не сказывалась проповѣдь въ монастырской церкви, то это было рѣдкимъ исключеніемъ и случалось не иначе, какъ по какой-либо благословной винѣ. Въ должности проповѣдниковъ при академіи перебували почти всѣ, сдѣлавшіея впоследствии известными, лица изъ монашествующаго духовенства, переходившіе отсюда на должность придворныхъ проповѣдниковъ, а иногда и на архіерейскія каедры. Въ 1751 году указомъ Св. Синода велѣно быть проповѣдникомъ въ заиконоспасскомъ монастырѣ присланному изъ Кіева митрополитомъ Тимоѣемъ іеромонаху Бонифатію Борецкому. По штату въ это время въ монастырѣ полагалось быть двумъ проповѣдникамъ; но втораго въ монастырѣ не было, и Бонифатію не съ кѣмъ было чередоваться въ сказываніи проповѣдей въ монастырской церкви. Академическое начальство озаботилось присканиемъ ему сотрудника: нашли на эту должность прибывшаго изъ Тобольска іеромонаха Владимира Зеленскаго, бывшаго сначала префектомъ переяславской семинаріи во время управленія переяславскою епархіею преосвященнымъ Никодимомъ, а потомъ состоявшаго при преосвященномъ Веніаминѣ (Краснопѣвковѣ) въ Нижнемъ-Новгородѣ, и наконецъ въ Тобольскѣ, откуда преосвященнымъ Сильвестромъ іеромонахъ Владиміръ былъ отпущенъ въ Москву «по своему обѣщанію». До тѣхъ поръ, пока не состоялось утвержденія его въ этой должности, проповѣди говорить велѣно было игумену серпуховскаго владычнаго монастыря Іосифу Золотому. Указъ предписывалъ ему сказывать проповѣди чрезъ воскресенье не-отмѣнно, подъ опасеніемъ штра-

¹⁾ См. въ дѣлахъ арх. Св. Сив. за 1744 годъ.

фа; буде же за болѣзнію или другою благословною виною сказывать проповѣдь нельзя будетъ, то чтобы за себя панимывалъ. Іосифъ донесъ московской Св. Синода конторѣ, что онъ-де ѣхалъ въ Москву съ проповѣдью, но въ 10-ти верстахъ отъ города Серпухова, лошади, невѣдомо чего испугавшись, понесли и вывалили его изъ саней, съ полверсты волокли его по дорогѣ, отчего ему, игумену, учинилось не малое поврежденіе, — руку въ лѣвомъ плечѣ весьма повредило, и пока-де не придетъ въ здоровое состояніе, ѣхать ему въ Москву никакъ невозможно ¹⁾).

Наконецъ по немногу, по мѣрѣ того какъ воспитанники славяно-греко-латинской академіи стали занимать священническія мѣста въ Москвѣ, въ первопрестольной столицѣ стали появляться проповѣдники и внѣ академіи, при приходскихъ церквахъ и наконецъ — позже всего — при успенскомъ кафедральномъ соборѣ. 1-го сентября 1739 г. канцелярія московскаго синодальнаго правленія вошла въ Св. Синодъ доношеніемъ, въ которомъ объясняла, что такъ какъ успенскій соборъ изъ всѣхъ россійской имперіи церквей есть первѣйшая и знатная церковь, въ которой какъ въ велико — праздничные и воскресные, такъ и въ высокаторжественные дни знатныхъ лицъ и народнаго собранія бываетъ довольно, то весьма потребно, дабы въ ономъ соборѣ въ таковыя дни были проповѣди слова Божія, и для того надлежало-бъ въ томъ соборѣ священнослужителямъ быть добрѣ въ школьныхъ наукахъ обученнымъ и предики сказывать могущимъ, противъ того какъ въ С.-Петербургѣ въ петропавловскомъ соборѣ учреждено. Такъ какъ наличный составъ духовенства успенскаго собора не только не соотвѣтствовалъ изложеннымъ требованіямъ, но многіе изъ священниковъ «и состоянія нечестнаго суть», то московское синодальное правленіе предложило на благоусмотрѣніе Св. Синода, не сочтеть ли онъ полезнымъ обратиться въ Малую Россію, гдѣ протопоповъ, священниковъ и діаконовъ ученыхъ и достойныхъ довольно находится, и изъ нихъ опредѣлить къ успенскому собору въ высшихъ академическихъ наукахъ довольно обученныхъ и предики сказывать могущихъ, честныхъ и достойныхъ мужей. Въ отвѣтъ на это доношеніе Св. Синодъ распорядился, чтобы, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія, предики въ успенскомъ соборѣ сказывали обрѣтающіеся въ Москвѣ архимандриты и игумены и архангельскаго собора священникъ Мартиніановъ, произведенные въ свои чины за то, что учились въ школахъ. На имѣющія упраздниться при соборѣ мѣста

¹⁾ Архивъ Св. Синода, дѣло № 224, 1751 г.

опредѣлять впредь только ученыхъ; недостойные изъ наличныхъ должны быть немедленно устранены и замѣнены достойными, которые учены, и въ нотномъ пѣніи искусны, и не весьма худогласны. Въ силу этого указа, канцелярія московской синодальной конторы немедленно отрѣшила отъ должности священника Петра Иванова, замѣченнаго въ весьма непорядочныхъ поступкахъ: «29 мая сего 1739 г. во время вечерняго пѣнія въ соборѣ пьяный произнесъ нѣкія дерзостныя слова, за которыя отосланъ былъ въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію», и послѣ нещаднаго плетьюми наказанія, отосланъ въ николаевскій, на Угрѣши, монастырь, и потомъ въ Саввинъ — сторожевскій, подъ началъ на мѣсяцъ; на его мѣсто, равно какъ на мѣсто умершаго священника Симеона Яковлева, опредѣлены бывшіе ученики славяно-греко-латинской академіи, церкви преображенія, что за петровскими воротами, священникъ Стефанъ Александровъ, да церкви Василия Кесарійскаго священникъ Константинъ Ивановъ, понеже тѣ священники сказками показали, что они проповѣдь слова Божія сказывать могутъ. Черезъ два года (9-го января 1741 года) въ силу того же указа, на мѣсто престарѣлаго и ослабѣвшаго священника Тихона Леонтьева, канцелярія опредѣлила священника домовою церкви князя Чернасскаго, Ивана Змилевскаго, который, какъ намъ уже извѣстно, также учился съ славяно-греко-латинской академіи и въ сказкѣ показалъ, что проповѣдь слова Божія сказывать можетъ. Наконецъ 3-го февраля того же года, послѣ того, какъ священникъ Иванъ Яковлевъ, опредѣленный къ успенскому собору изъ обучавшихся въ академіи, произносить проповѣди отказался, подъ тѣмъ предлогомъ, что за немалолѣтствомъ (ему было 43 года) памятію недоволенъ—на его мѣсто былъ опредѣленъ дьяконъ церкви Іоанна воиственника Николай Ефремовъ, обучавшійся также въ академіи и изъявившій готовность сказывать предики неупустительно. Не оправдалъ надеждъ синодальной канцелярія и другой, вновь опредѣленный къ успенскому собору священникъ-проповѣдникъ, Константинъ Ивановъ, оказавшійся «въ проповѣди недостаточенъ и крайне малогласенъ». Канцелярія опредѣлила на его мѣсто изъ студентовъ «Бѣлгородской академіи» харьковскій епархіи, впослѣдствіи сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Петербургѣ, священника Евстаѳія Могилянскаго, за котораго ручался префектъ академіи, Кириль Флоринскій, что онъ состоянія добраго и проповѣди сказывать достаточенъ ¹⁾).

¹⁾ Архивъ Св. Синода, дѣло № 464, 1739 года.

Вообще же болѣе замѣчательные успѣхи сдѣлала русская проповѣдь въ XVIII столѣтіи въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Вскорѣ послѣ вступленія ея на престолъ — въ началѣ 1742 года — высочайшимъ указомъ Святѣйшему Синоду повелѣно было, чтобы въ высочайшемъ присутствіи въ придворной и другихъ церквахъ, гдѣ случится быть Высочайшимъ особамъ, по вся воскресные и праздничные дни нарочитымъ духовнымъ персонамъ чинить проповѣданіе слова Божія. Вслѣдствіе этого указа у насъ возникъ особый классъ священнослужителей, дотогѣ несуществовавшій въ Россіи, особая придворная должность—придворные проповѣдники. Въ должность эту были избираемы наиболѣе даровитыя и образованныя лица изъ рядоваго, бѣлаго и чернаго, духовенства: члены Святѣйшаго Синода и вообще архіереи, жившіе въ столицахъ, могли по своему усмотрѣнію, проповѣдывать, когда хотѣли, но къ тому не обязывались. Число придворныхъ проповѣдниковъ, сдѣлавшихся известными лично императрицѣ, было довольно значительно. Такъ изъ архивныхъ документовъ Святѣйшаго Синода мы видимъ, что во время высочайшаго присутствія въ Москвѣ въ 1742 году, тамъ проповѣдывали: нарочно для того вызванный изъ Кіева архимандритъ Сильверстъ Кулябка, впоследствии митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій; архимандриты: Иларіонъ Савинскій, Аѳанасій Антоновичъ, Германъ Барушевичъ, Платонъ Малиновскій, Іеронимъ Волчанскій, Антоній Нарожницкій, — лица, впоследствии сдѣлавшіеся епископами разныхъ епархій; кромѣ того въ это же время въ высочайшемъ присутствіи въ Москвѣ проповѣдывали около двѣнадцати приходскихъ и полковыхъ священниковъ и протопоповъ, и даже одинъ діаконовъ— Стефанъ Савицкій. Съ переѣздомъ двора изъ Москвы въ С.-Петербургъ обнаружилась трудность въ присканіи способныхъ проповѣдниковъ на мѣстѣ. Когда Св. Синодъ представилъ объ этомъ императрицѣ, она укавала вызвать въ Петербургъ учителя московской академіи Арсенія Могилянскаго, произведеннаго по этому случаю въ архимандрита Троицко-Сергіевской лавры и въ члены Св. Синода, — впоследствии митрополита кіевскаго; брата его священника успенской церкви въ Москвѣ Евстаѳія Могилянскаго; іеромонаха Симона Тодорскаго, избраннаго въ законоучителя къ великому князю, наследнику престола; архимандрита Амвросія Зертисъ-Каменскаго, знаменитаго впоследствии московскаго архіепископа. Изъ духовенства собственно петербургскаго проповѣдывали въ это время въ присутствіи императрицы: архимандритъ александро-невскаго монастыря Гавриилъ Кременецкій; законоучитель шляхетнаго кадетскаго корпуса

Гавріиль Краснопольскій, священники и даже діаконъ петропавловскаго кафедральнаго собора—Флеровъ.

Кромъ этихъ лицъ по указаніямъ бібліографіи изъ временъ императрицы Елизаветы извѣстны проповѣди слѣдующихъ лицъ: саввинскаго архимандрита Иларіона Григоровича, вполсѣдствіи епископа крутицкаго и члена Св. Синода; іеромонаха Іоасафа Хутунцевскаго; архимандрита Аѳанасія Топольскаго, ректора харьковскаго коллегіума; Арсенія Мацѣевича, вполсѣдствіи митрополита ростовскаго; священниковъ: Іоанна Козловича, І. Комаровскаго, Михаила Красильникова; Гедеоиа Антонскаго и Іоанникія Скобовскаго, архимандрита Платона Петрунkevича. Всего по бібліографическимъ указаніямъ извѣстно до сорока лицъ, занимавшихся проповѣдываніемъ слова Божія въ Петербургъ и Москвѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны; число же проповѣдей, большею частію, по обычаю времени, весьма обширныхъ, съ 1741 по 1754 годъ доходитъ до ста двадцати. По высочайшему повелѣнію всѣ проповѣди, говоренныя въ высочайшемъ присутствіи, а также и изъ прочихъ болѣе замѣчательныя, печатались большею частію немедленно по произнесеніи, отдѣльными брошюрами на казенный счетъ, при чемъ авторамъ, по опредѣленію Св. Синода, выдавалось по пятидесяти экземпляровъ ¹⁾.

Не всѣ изъ исчисленныхъ лицъ, имѣвшихъ высокую честь проповѣдывать въ присутствіи императрицы, оказывались достойными этой чести. Евстаѳій Могилянскій былъ даже удаленъ, по недовольству высочайшаго двора, въ свою епархію, въ Полтаву; діаконъ Савицкій также былъ отставленъ отъ своей должности по личному словесному приказу императрицы ²⁾. Но изъ ряда этихъ же лицъ вы-

¹⁾ Архивъ Св. Синода, дѣло за 1726 г. дек. 31.

²⁾ Арх. Св. Синода, дѣло № 509. 1747 г. Дѣло началось прошеніемъ Савицкаго объ увольненіи въ отпускъ на родину къ умирающей матери, письмо которой въ копіи приложено къ прошенію. Въмѣсто отвѣта на это прошеніе, адресованное чрезъ Св. Синодъ на высочайшее имя, духовникъ императрицы іерей Феодоръ Дубянскій объявилъ въ Синодѣ, что Ея Императорское Величество изустнымъ указомъ повелѣтъ соизволила: діакона Савицкаго, уволеннаго отъ двора Ея Императорскаго Величества, опредѣлять вуда пристойно, по усмотрѣнію Св. Синода. Въ дѣлѣ есть чье-то письмо на имя секретаря Св. Синода, Леванидова, о томъ, что Савицкій «дожучаетъ въ конторѣ». Узнавъ о высочайшей резолюціи, Савицкій вошелъ въ Синодъ прошеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что такъ какъ онъ уволенъ отъ двора не по какимъ-либо преступленіямъ, а единственно по собственному его желанію и прошенію, то онъ, Савицкій, справедливую имѣетъ причину надѣяться, за вышеписанное, правильно и безпорочно, болѣе полшеста года, понесенное проповѣдническое при дворѣ служеніе, съ повышеніемъ чина и съ прибавленіемъ содержанія къ пристойнѣйшему мѣсту опредѣленія. Именно онъ проситъ предоставить ему мѣсто или ди-

шли и такія знаменитости, какъ *Кириллъ Флоринскій*, ректоръ московской академіи и архимандритъ Троицко-Сергіевой лавры († 1742), *Амвросій Юткевичъ*, умершій въ 1745 г. въ санѣ митрополита, *Дмитрій Стѣеновъ*, впоследствии также митрополитъ, и *Гедеоузъ Кривновскій*, умершій въ санѣ епископа псковскаго, — личности, со-общившія русской проповѣди замѣчательный публицистическій характеръ и значительно — высокую степень ораторскаго совершенства, и вообще сдѣлавшіяся украшеніемъ своей эпохи. Дѣятельность ихъ и значеніе въ исторіи обслѣдованы и оцѣнены у насъ довольно обстоя-тельно ¹⁾, и мы на этотъ разъ не намѣрены на ней останавливаться: мы хотимъ здѣсь познакомить читателей съ дѣятельностію и судь-бою проповѣдниковъ малоизвѣстныхъ или и вовсе неизвѣстныхъ, но тѣмъ не менѣе замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи. Такими намъ представляются напримѣръ архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ и игуменъ Патрикій, разсказъ о которыхъ за симъ слѣдуетъ.

ректора московской синодальной типографіи, съ новоучиненнымъ окладомъ, или—въ коллегію экономіи, съ чиномъ и окладомъ по усмотрѣнію Св. Синода. Въ отвѣтъ на это ему предложено было діаконское мѣсто при успенскомъ со-борѣ. Савицкій въ новомъ прошеніи докладывалъ, что «онъ, Савицкій, къ цер-кви себя привязать не можетъ, въ дяконскомъ и прочемъ священническомъ или монашескомъ санѣ быть не желаетъ, понеже нежелатимъ быть не можетъ, а желаетъ быть свѣтскимъ человекомъ, а въ какомъ чинѣ, въ томъ полагаетъ себя на волю Св. Синода. Св. Синодъ постановилъ «опредѣлить его въ дон-скомъ монастырѣ при славяно-греко-латинской академіи бібліотекаріусомъ, а послушаніе ему отправлять — быть при переводѣ книгъ св. отецъ, съ жало-ваньемъ учительскимъ по 150 р. въ годъ. Ректоръ академіи, Порфирій Край-скій, предлагалъ помѣстить его при самой академіи; но Св. Синодъ строжайше предписалъ помѣстить его въ донскомъ монастырѣ, хотя бы для этого понадо-билось вывести изъ него нѣсколько монаховъ въ приписные монастыри. Са-вицкій жаловался, что его крайне стѣсняетъ жизнь монастырская, каковую онъ не обязанъ вести, не будучи монахомъ; но Св. Синодъ не уважилъ его просьбы. Тогда онъ объявилъ, что за болѣзнію не можетъ исправлять должности бібліо-текера и хочетъ принять монашество, по обѣщанію, въ кіево-печерскомъ мо-настырѣ. Отпущенный въ Кіевъ, онъ сказалъ тамъ, по желанію преосв. Ти-мофея, нѣсколько предикъ, затѣмъ уѣхалъ въ деревню къ своей матери, откуда прислалъ преосв. Тимоеею доношеніе, что монашество принять не желаетъ, да и діаконскій санъ снять съ себя желаетъ, понеже никогда не чувствовалъ при-званья къ духовному званію и посвященъ въ діаконы преосв. Амвросіемъ Юш-кевичемъ почти насильно, еще въ отрочествѣ, что правила церковныя воспре-щаютъ, дозволяющія, для пользы церкви, въ такихъ случаяхъ снимать санъ. Чѣмъ окончилось дѣло—неизвѣстно.

¹⁾ См. статью Н. А. Попова въ «Лѣтописяхъ русской литературы» Тихо-нравова: «Придворные проповѣдники въ царствованіе Елизаветы Петровны», также статью священника М. И. Соколова о томъ же предметѣ въ «Духовной Бесѣдѣ» за 1872 годъ, къ сожалѣнію не оконченную авторомъ.

I. *Архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ* ¹⁾.

Въ 1754 году, сентября 29, въ московской славяно-греко-латинской академіи сдѣлались вакантными должность префекта и преподавателя богословія и должность проповѣдника. По обычаю, усвоенному академіею съ самаго ея основанія, начальство ея обратилось за кандидатами для замѣщенія вакантныхъ должностей въ Кіевъ, прося преосвященнаго Тимоѳея, тогдашняго митрополита кіевскаго, выслать въ Москву на должность префекта и профессора богословія—архидіакона Манассію, посвятивъ его во іеромонаха, а на должность проповѣдническую—кого либо иного, «и на высшее послушаніе впредь способнаго», по усмотрѣнію преосвященнаго Тимоѳея. Доношеніемъ отъ 31 января слѣдующаго года преосвященный кіевскій отвѣчалъ, что на должность проповѣдника въ московской академіи онъ назначилъ іеромонаха Иринея Братановича, а на должность префекта и профессора богословія—учителя риторики въ кіевской академіи, іеромонаха Владиміра Каллиграфъ.

Прибывши въ Москву, кіевляне были удержаны отъ вступленія въ свои должности, такъ какъ еще не получена была о нихъ резолюція Св. Синода. Іеромонахъ Владиміръ жилъ въ законоспасскомъ монастырѣ «праздно», залечивая большую ногу, которую сломалъ въ дорогѣ. Не раньше августа 1756 года состоялось опредѣленіе Св. Синода, которымъ, за увольненіемъ ректора, архимандрита Іоасафа, и за перемѣщеніемъ на его должность учителя философіи и префекта іеромонаха Геннадія, іеромонахъ Владиміръ утвержденъ въ званіи префекта и учителя философіи. 30 апрѣля 1757 года, за происшедшими въ академическомъ служебномъ персоналѣ новыми перемѣщеніями, іеромонаху Владиміру поручено было преподаваніе богословія. Но едва успѣлъ онъ вступить въ новую должность, какъ обрушилась надъ нимъ бѣда, которая имѣла рѣшительное вліяніе на его судьбу и безвременно свела его въ могилу.

Независимо отъ проповѣдыванія въ церкви законоспаскаго монастыря каждый воскресный и праздничный день, каковая обязанность лежала на штатномъ проповѣдникѣ академіи, всѣ члены академической корпораціи, имѣвшіе духовный санъ, обязаны были отъ времени до времени сказывать проповѣди въ приходскихъ церквахъ Москвы. Новому префекту академіи поручено было произнести слово 21 мая, въ день срѣтенія чудотворной иконы Божіей Матери Владимірскаго, въ церкви, посвященной этому празднику. Въ блестящемъ

¹⁾ Архивъ Св. Синода, дѣло № 348, 1857 года.

по тому времени, смѣломъ и энергическомъ словѣ проповѣдникъ коснулся самага большаго мѣста тогдашней русской жизни, религиозныхъ суевѣрій русскаго общества, нарисовалъ ѣдкую картину пороковъ, русскаго общества и между прочимъ выражался такимъ образомъ: «пускай, кому угодно, различныя суевѣрія вымышляетъ, пускай на однихъ святыхъ, на иконы ихъ или и на Богоматерь всю надежду свою полагаетъ; однако твердо такому скажу, что ежели въ немъ не будетъ мудрствоваться тоже, что во Христѣ Иисусѣ, его вѣчная мука ожидаетъ». «Укрась, какъ хочешь, икону Богоматерню, кричи, сколько у тебя мочи: радуйся благодатная Марія, Господь съ тобою, а самъ о той Божіей благодати не старайся; промели на всякъ день по десять или по двадцать кратъ агаѣистъ Богородицѣ, а самъ Сына Ея возлюбленнаго грѣхами второе распинай.—никакой не получишь пользы». Такое смѣлое, оригинальное слово оказалось явленіемъ необычнымъ въ Москвѣ и привело всѣхъ «въ крайнее сумнительство». Проповѣдь стала ходить по рукамъ, и списки ея распространились далеко за предѣлы Москвы,—достигли до Ярославля и Ростова... Все это побудило московскую Святѣйшаго Синода контору имѣть о кievскомъ выходцѣ экстренное «сужденіе», при чемъ мнѣнія членовъ конторы раздѣлились. Разсмотрѣвъ означенную проповѣдь, синодальные члены—преосвященный Амвросій, епископъ переславскій и архимандритъ воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря, и архимандритъ новоспасскій, Мисаилъ, пришли къ заключенію, что іеромонаху Каллиграфу преподавать богословское ученіе не слѣдуетъ дозволять, понеже та проповѣдь паче чаянія всей православной церкви ученію противная, ибо какъ волкъ подъ овчею кожею, такъ онъ, Каллиграфъ, подъ нарочно-умышленными претекстами весь ядъ иконоборческій во многихъ тоя проповѣди мѣстахъ скрываая, объявилъ, отчего какъ тогда слышавшіи, такъ и нынѣ о томъ же разглагольствующи и рассуждающи изъ знатныхъ лицъ и изъ общенародія многіе въ крайнемъ негодованіи и соблазнѣ находятся, и для такой оказавшейся чрезвычайности, по мнѣнію ихъ, ко обученію богословію допускать его, Каллиграфа, не слѣдуетъ, а надлежитъ его исправить, какъ правила святыхъ отецъ повелѣвають и обычай церковный. Синодальный членъ Иларіонъ, епископъ крутицкій, да засѣдающій въ конторѣ Гавріилъ, архимандритъ симоновскій, находили, напротивъ, что въ той проповѣди формально и явственно, если братъ во вниманіе не отрывочныя мѣста изъ нея, а вмѣстѣ начало, средину и конецъ, не усматривается никакой противности православной вѣрѣ, точію простому народу за необъясне-

ніемъ или невыполненіемъ въ оной проповѣди принадлежащихъ терминовъ, нѣкоторый соблазнъ могъ нанести. Призванный въ присутствіе конторы Святѣйшаго Синода, іеромонахъ Каллиграфъ объявилъ, что та его неисправность отъ его недоразумѣнія учинилась, безъ умыслу, въ каковой своей погрѣшности онъ, Каллиграфъ, въ конторѣ Святѣйшаго Синода предъ собраніемъ просилъ прощенія, объявляя, что какъ напередъ сего не имѣлъ, такъ и нынѣ не имѣетъ никакой православной церкви противности, и съ клятвою обѣщався впредъ во всѣхъ положенныхъ на него должностяхъ поступать съ крайнимъ осмотрѣніемъ и опасностію. По мнѣнію преосвященнаго Иларіона и архимандрита Гавриила, іеромонаху Каллиграфу, чтобы не привести его въ крайнюю конфузію, означенную его погрѣшность слѣдуетъ простить, и преподавать ему богословіе позволить, обязавъ съ наискрѣпчайшимъ подтвержденіемъ подпискою, чтобы богословіе преподавалъ и случайныя проповѣди говорилъ во всемъ православной церкви согласно и несоблазненно, и надъ нимъ бы во всемъ томъ имѣлъ присмотръ оной академіи ректоръ.—Оба мнѣнія членовъ московской Святѣйшаго Синода конторы, вмѣстѣ съ копіею злоплучной проповѣди, были препровождены въ Святѣйшій Синодъ, который, по разсмотрѣніи всего дѣла, положилъ на немъ такую резолюцію: «хотя бы съ онымъ іеромонахомъ Каллиграфомъ и слѣдовало поступить такъ, какъ преосвященный переяславскій съ новоспасскимъ архимандритомъ разсуждаютъ, но понеже онъ, Каллиграфъ, предъ собраніемъ Святѣйшаго Синода конторы объявилъ, что въ той проповѣди неисправность учинилась по его неразумію, безъ умысла, въ чемъ онъ и просилъ прощенія, объявляя, что какъ напередъ сего, такъ и нынѣ никакой противности святой церкви не имѣетъ, обѣщаясь при томъ съ клятвою впредъ во всѣхъ положенныхъ на него должностяхъ поступать съ крайнимъ осмотрѣніемъ; того ради, согласно съ мнѣніемъ преосвященнаго Иларіона и архимандрита симоновскаго, Святѣйшій Синодъ приказали: оному іеромонаху Владиміру простить и префектомъ и учителемъ богословія оставить, обязавъ его съ наискрѣпчайшимъ подтвержденіемъ подпискою, чтобы впредъ какъ въ проповѣдяхъ, такъ и въ урокахъ богословія страннаго и святой церкви противнаго ученія отнюдь не было бы; а если паче чаянія, хотя мало въ чемъ неосмотрительное и соблазнительное и церкви противное за нимъ усмотрѣно будетъ, то уже безъ всякаго снисхожденія по правиламъ святыхъ отецъ жесточайше сужденъ и истязанъ будетъ непремѣнно». А чтобы изгладить то неблагопріятное впечатлѣніе, какое произвела его проповѣдь въ на-

родѣ, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ, чтобы въ одинъ изъ ближайшихъ богородичныхъ праздниковъ, когда многонародное собраніе въ той владимірской церкви бываетъ, онъ сказалъ проповѣдь о необходимости для насъ грѣшныхъ призывать на помощь святыхъ, а наипаче пресвятую Богородицу, а равно и о почитаніи иконъ,—которую проповѣдь потомъ препроводить въ Святѣйшій Синодъ на апробацію.

Указъ Святѣйшаго Синода съ изложенною резолюціею состоялся 30-го сентября, а 21-го ноября того же года, въ день введенія во храмъ пресвятыя Богородицы, іеромонахъ Владиміръ уже произнесъ требуемую проповѣдь на текстъ: *се отнынѣ ублажатъ Мѧ вси роди*. Бывъ препровождена въ Святѣйшій Синодъ, проповѣдь эта вполне удовлетворила его членовъ. Но за всѣмъ тѣмъ, дѣло о первой его проповѣди не прекратилось. Видно, соблазнъ, произведенный ею въ Москвѣ, не прошелъ: въ слѣдующемъ 1758 году, 29-го апрѣля, Святѣйшій Синодъ, разсуждая о замѣщеніи праздныхъ настоятельскихъ вакансій въ разныхъ монастыряхъ, вспомнилъ о Владимірѣ Баллиграфѣ и рѣшился «по причинѣ происходящаго о немъ отъ сказанной имъ проповѣди въ прошломъ году соблазна отъ Москвы въ другое мѣсто отдалить».

Ректоръ академіи Геннадій назначенъ настоятелемъ въ Іосифовъ волоколамскій монастырь, а на его мѣсто опредѣленъ іеромонахъ троицкой лавры Гедеонъ Слонимскій, яко по довольно употребленномъ имъ при библейномъ исправленіи и нынѣ въ троицкой семинаріи продолжаемомъ довольномъ трудѣ къ ректорской должности и преподаванію богословія достаточный», а Владиміру выпалъ въ удѣль отдаленный и ничтожный монастырь въ Устюгѣ, гдѣ преосвященнымъ Варлаамомъ онъ и былъ произведенъ въ архимандрита. Но на этотъ разъ не суждено было затеряться даровитому проповѣднику. Въ царствованіе Елизаветы Петровны высоко цѣнились «ученыя духовныя персоны», особенно проповѣдники, и видно въ 1758 году не особенно много было такихъ персонъ въ Петербургѣ: Святѣйшій Синодъ вспомнилъ о Баллиграфѣ и двумя указами—отъ 5-го октября и 3-го декабря—настоятельно требовалъ отъ преосвященнаго Варлаама присылки его въ столицу, «для исправленія въ С.-Петербургѣ годовой чреды священнослуженія и проповѣданія слова Божія». Въ Петербургѣ архимандритъ Владиміръ пробылъ всего полгода (прибылъ 5-го января); 25-го іюля Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ его, «яко учительнаго и ректорское послушаніе понести могущаго», перемѣстить въ ростовскую епархію, гдѣ была семинарія, остававшаяся къ этому времени безъ ректора.

Здѣсь выступаетъ на сцену историческая личность преосвященнаго Арсенія Маціевича, тогдашняго митрополита въ Ростовѣ. Назначеніе Владиміра въ семинарію его епархіи состоялось безъ его вѣдома. И вотъ, едва прибылъ Баллиграфъ въ Ростовъ, въ качествѣ настоятеля спасо—ярославскаго монастыря, какъ нашелся вынужденнымъ обратиться въ Святѣйшій Синодъ съ такимъ «доношеніемъ». «Прошедшаго 1759 года іюля послѣднихъ чиселъ, Вашего Святѣйшества указомъ опредѣленъ я, нижайшій, ростовской епархіи въ спасо—ярославскій монастырь архимандритомъ. По которому указу когда я прибылъ въ Ростовъ къ преосвященному Арсенію, то его преосвященство, по причинѣ Вашему Святѣйшеству извѣстной говоренной въ церкви Владимірскія Божіей Матери (яко бы еретической) моей проповѣди, опасаясь, какъ его преосвященство сказывалъ, дабы я въ его преосвященства паствѣ невѣдомо какихъ ересей не всѣялъ, и требуя, чтобы я отъ показанной проповѣди публично отрицался, и оную за еретическую призналъ, сначала не хотѣлъ въ свою епархію допустить; однакожь потомъ разсуждая, что помянутому Вашему Святѣйшеству указу противиться нельзя, принужденъ былъ меня въ спасо—ярославскій монастырь отправить по надлежащему,—въ которомъ монастырѣ я до сихъ поръ живучи думалъ, что его преосвященство прежде свое требованіе совсѣмъ оставилъ. А сего мая 22-го числа, не вѣдаю по какой причинѣ, еще вѣрпчайше прежняго припуждалъ меня къ признанію той проповѣди за еретическую, и хотя я съ почтеніемъ его преосвященству представлялъ, что понеже дѣло объ оной проповѣди въ Святѣйшемъ Синодѣ рѣшено, и отъ меня никакого отрицанія не требовано, то и теперь я того учинить не долженъ; однако его преосвященство, не взирая на то, чрезъ архидіакона своего Игнатія, объявить мнѣ приказалъ, что его преосвященство изъ епархіи своей меня увольняетъ; только я безъ указу Вашего Святѣйшества того сдѣлать не смѣю, а и жить мнѣ въ здѣшнемъ монастырѣ, по причинѣ неблаговоленія его преосвященства (ибо его преосвященства архидіаконъ объявилъ мнѣ, что его преосвященство не велѣлъ мнѣ съ собою служить и не велѣлъ къ себѣ ѣздить) кажется не безопасно. Того ради Ваше Святѣйшество всенижайше прошу меня или съ милостивымъ респектомъ отъ ростовской епархіи уволить, или указнымъ Вашему Святѣйшеству повелѣніемъ въ томъ же монастырѣ утвердить и милостиво защититъ».

Одновременно съ этимъ доношеніемъ въ Святѣйшій Синодъ поступилъ и репортъ преосвященнаго Арсенія, въ которомъ онъ излагаетъ обстоятельства дѣла съ своей точки зрѣнія, и, главное, пред-

лагаеть подробную рецензію злополучной проповѣди, въ которой, по его мнѣнію, проповѣдуется жидовство и кальвинство.

Считаемъ не лишнимъ привести, хотя не въ полномъ составѣ, и этотъ весьма характеристичный документъ. «Прошедшаго сентября 25-го дня 1759 года, пишетъ преосвященный Арсеній, явился ко мнѣ опредѣленный отъ Вашего Святѣйшества въ спасо-ярославскій монастырь архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ. Я спросилъ его о говоренной имъ въ Москвѣ соблазнительной проповѣди, которая у насъ по рукамъ ходитъ и у меня копія имѣется. Архимандритъ Владиміръ не восхотѣлъ признать въ ней никакой погрѣшности, выправляя себя тѣмъ, будто Ваше Святѣйшество ту проповѣдь апробовали. Я ему на то отвѣтствовалъ: ежели бы апробовали, то для чего тебѣ другое поученіе велѣно въ опроверженіе прежняго говорить? Онъ на сіе сказалъ: это-де для простыхъ. И я ему больше не прекословилъ, а по указу Вашего Святѣйшества отправилъ въ спасо-ярославскій монастырь. Будучи въ монастырѣ, оный архимандритъ занемогъ и отпросился для излеченія въ Москву, въ которую его отлучность получилъ я съ указу, присланнаго о немъ въ синодальную контору, копію, изъ которой видно, что не токмо апробаціи Вашего Святѣйшества не имѣется, но еще и обязанъ онъ за ту соблазнительную проповѣдь крѣпкою подпискою, что ежели впредь, паче чаянія, хотя мало въ чемъ соблазнительное за нимъ усмотрѣно будетъ, то безъ всякаго снисхожденія по правиламъ святыхъ отецъ жесточайше истязанъ будетъ. А сего мая 20-го онъ, Каллиграфъ, изъ Москвы въ Ярославль возвратился, и меня тутъ улудилъ; *мнѣ же невозможно было и нестерпимо на совѣсти* о той его проповѣди паки ему не воспомянуть, и когда я ему возобличеніе сказалъ, что апробаціи Вашего Святѣйшества о его прежней проповѣди отнюдь не имѣется, и многое въ той его проповѣди писанію и ученію церкви противное и самое жидовство заключается, то онъ и тутъ сталъ въ крайнемъ упрямствѣ, и погрѣшность свою признавать крайне отказался. Того ради я его съ такою резолюціею отпустилъ: когда ты, говорю, своей погрѣшности не признаешь, то я тебя не признаю за христіанина. И далъ ему на волю: или въ моей епархіи жить, или вспять возвратиться. Однако онъ, архимандритъ, архиіакону моему объявилъ, что какъ по указу сюда присланъ, такъ безъ указу не будетъ возвращаться. И я паки ему объявилъ, что по силѣ указа пусть онъ архимандритомъ настоящимъ въ монастырѣ, до крайняго рѣшенія Вашего Святѣйшества, будетъ, токмо со мною пусть не служить и ко мнѣ впредь не является». За тѣмъ преосвященный излагаетъ свои

замѣчанія на нѣсколько отдѣльных мѣстъ и выражений проповѣди (о которыхъ мы скажемъ ниже), и заключаетъ свое доношеніе такимъ образомъ: «показаннаго въ указѣ Вашего Святѣйшества своего обязательства онъ, архимандритъ, отнюдь не хранить, понеже не токмо предо мною, но и предъ прочими, какъ-то предъ учителями семинаріи моею, оную свою соблазнительную проповѣдь всегда за непорочную признаетъ... Хотя онъ и сочинилъ другое, въ опроверженіе прежняго, поученіе, однако по большей части притворно сіе дѣлалъ; слѣдовательно такова его совѣсть является, какова была у нѣкоего изъ дворянъ Возницына, котораго во время государыни императрицы Анны Іоанновны смертію казнили за то, что, поѣхавши за рубежь, въ Слуцкѣ обрѣзаяся и жидомъ сталъ, и жидомъ паки въ домъ возвратился, и субботствовалъ и прочіи ихъ празднованія и моленія отправлялъ, и тайнамъ святымъ наругался, о чемъ жена его самой Государынѣ доносила, и когда на истязаніе былъ взятъ, и на очной ставкѣ съ жидомъ обличенъ, что подлинно обрѣзанъ, такожъ и лѣкари и перекрестъ нѣкакой объ обрѣзаніи его подлинно утверждали, — однакожь отъ всего того отпирался, и когда въ покаянную былъ посаженъ, и я, сколько могъ, увѣщевалъ его исповѣдать грѣхъ свой и повиниться, то онъ того ниже слышать хотѣлъ, но все утверждалъ, что не былъ жидомъ и не обрѣзывался, — я-де и нынѣ христіанинъ, хочу исповѣдываться и приобщаться. И ведомый на смерть, не покаялся, и въ своемъ упрямствѣ чуждъ христіанства остался и погибъ... По моему усмотрѣнію оный архимандритъ совѣстію своею и состояніемъ совсѣмъ почти сходенъ съ онымъ Возницынымъ: понеже говорить, что точно признаетъ, яко надлежитъ иконы почитать и святыхъ призывать, какъ его второе поученіе гласитъ; а перваго своего поученія, не токмо клеветущаго на призваніе святыхъ, но и жидовство коварнымъ образомъ вводящаго, онъ не порочитъ и не отвергаетъ, но паче выправляетъ и защищаетъ... Прошу убо покорно Вашего Святѣйшества отъ таковаго волка и врага Божія, какъ меня, такъ и епархію мою освободить».

Не дожидаясь, впрочемъ, резолюціи Св. Синода, которой испрашивалъ, преосвященный нашелъ возможнымъ распорядиться по настоящему дѣлу «собственною властію архіерейскою, отъ Бога и отъ Ея Императорскаго Величества ему данною». «Принужденъ я нынѣ, пишетъ снова въ Синодъ архимандритъ Владиміръ, трудить Ваше Святѣйшество новымъ доношеніемъ. Сего іюня 18-го послѣ вечерни, присланъ отъ его преосвященства секретарь Иванъ Волковъ, съ указомъ въ спасо-ярославскій монастырь, келарю іеромонаху Іосифу Ман-

зѣ, да казначею іеромонаху Пимену съ братіей, съ котораго по объявленіи онаго безъ меня всей братіи и служителемъ копію мнѣ дали, каковую при семъ всепочтеннѣйше Вашему Святѣйшеству предлагаю. Ваше Святѣйшество изволите въ оной копіи милостиво усмотрѣть, какія нападки я терпѣть и въ какихъ опасныхъ обстоятельствахъ находится принужденъ, и что какъ прежде въ моемъ доношеніи не безосновательно я объ опасности моей представлялъ, такъ и теперь явно видно, что мнѣ здѣсь жить никакъ нельзя. Того ради повторительно Ваше Святѣйшество всеижайше прошу, или меня отъ здѣшней епархіи милостиво уволить, или утвердить и защитить». Въ указѣ ростовской консисторіи, приложенномъ въ копіи при доношеніи архимандрита Владиміра, содержится слѣдующая резолюція преосвященнаго Арсенія: «наше архіерейство, имѣя разсужденіе о семъ, что отъ насъ архимандриту Владиміру, по усмотрѣнію въ немъ церкви святой противности, служить съ нами запрещено, и являться къ намъ не велѣно, о которой противности его мы писали и въ Св. Синодъ; въ указѣ же Св. Синода въ контору синодальную точное объ ономъ архимандритѣ опредѣленіе имѣется таково, что ежели впредь хотя мало въ чемъ неосмотрительное и соблазнительное и церкви святой противное за нимъ Каллиграфомъ усмотрѣно будетъ, то безъ всякаго снисхожденія по правиламъ св. отецъ жесточайше сужденъ и истязанъ будетъ непремѣнно, — котораго Св. Синода опредѣленіе донележе прійдетъ въ силу, наша совѣтъ архіерейская не терпитъ его содержать настоятелемъ монастыря спасо-ярославскаго. Того ради властію нашею архіерейскою, отъ Бога и отъ Бя Императорскаго Величества намъ данною, отрѣшаемъ онаго архимандрита отъ власти и настоятельства въ ономъ монастырѣ и вручаемъ всю власть монастырскаго правленія тамошнему келарю и казначею, которымъ какъ вся братія, такъ и служители и крестьяне монастырскіе должны повиноваться; а оному архимандриту знать келію да церковь, и ни въ какое дѣло монастырское не мѣшаться, но ожидать рѣшенія отъ Св. Синода, и въ церкви на мѣстѣ не стоять, ниже служить, ниже на молебны и панихиды облачаться. Повелѣваемъ же келарю и казначею давать оному архимандриту надлежащее пропитаніе...»

Пославши этотъ указъ въ спасо-ярославскій монастырь, преосвященный, однако, нашелъ необходимымъ довести о свѣзѣмъ распоряженіи и Св. Синоду. «Минувшаго 24-го мая, писалъ онъ, Святѣйшему Синоду представлено отъ меня о оказавшейся по усмотрѣнію моему въ архимандритѣ Владимірѣ церкви святой противности, а наипаче о жидовствѣ его обстоятельно доношеніемъ съ требованіемъ

резолуціи, которой и ожидаю. А понеже въ указѣ Вашего Святѣйшества въ контору синодальную точное о немъ опредѣленіе прописано такое, что ежели впредь хотя мало въ чемъ соблазнительное и церкви святой противное за нимъ, Каллиграфомъ, усмотрѣно будетъ, то безъ всякаго снисхожденія, по правиламъ св. отецъ, жесточайше сужденъ и истязанъ быть имѣеть непремѣнно. И донслеже оное Вашего Святѣйшества опредѣленіе придетъ въ дѣло, совѣсть моя архіерейская за той самый пунктъ жидовства не стерпѣла его содержать настоятелемъ въ монастырѣ спасо-ярославскомъ. Того ради властію моею архіерейскою отъ Бога и отъ Ея Императорскаго Величества мнѣ данною въ здѣшнюю епархію, сего іюня 18-го отрѣшилъ я онаго архимандрита отъ власти и настоятельства...»

Святѣйшій Синодъ, въ составѣ членовъ: Димитрія, архіепископа новгородскаго, Сильвестра, архіепископа с.-петербургскаго, Веніамина, епископа псковскаго, Порфирія, епископа коломенскаго и Гедеона, Свято-Троицкія лавры архимандрита, разсмотрѣвъ совмѣстно доношенія какъ преосв. Арсенія, такъ и архимандрита Владиміра, прежде окончательнаго рѣшенія постановилъ: 1) поручить преосвященному Дамаскину, епископу ростромскому, архіерею ближайшей къ Ростову епархіи, архимандрита ростовскаго спасскаго, что на Пескахъ, монастыря, Иларіона, въ присутствіи котораго, какъ доносилъ преосв. Арсеній, происходило первое объясненіе архимандрита Владиміра съ преосвященнымъ Арсеніемъ, а также учителей ростовской семинаріи, предъ которыми, по тому же доношенію, архимандритъ Владиміръ настаивалъ на православіи своей проповѣди, — «самоперсонально допросить по самой сущей справедливости и по ихъ монашеской совѣсти: архимандритъ Каллиграфъ свою упомянутую проповѣдь правильно и непорочно предъ его преосвященствомъ признавалъ ли, и будто Святѣйшій Синодъ ту проповѣдь апробовалъ, говорилъ-ли, и все то какимъ образомъ происходило и въ какое время? 2) Допросить и архимандрита Каллиграфа: помянутую свою проповѣдь, что она правильная и непорочная, утверждалъ-ли, и будто Святѣйшій Синодъ оную апробовалъ, говорилъ ли, и ежели все сіе происходило то для каковыхъ резоновъ, а ежели онаго ничего не было, то чѣмъ онъ въ томъ себя очистить можетъ? 3) Хотя преосвященный Арсеній проповѣдь архимандрита Каллиграфа еретичествомъ и жидовствомъ смердящею почитаетъ, а его, Каллиграфа, волкомъ и врагомъ Божиимъ поставляетъ: однако по прописанному въ его преосвященства доношеніи на его, Каллиграфа, проповѣдь, возраженію и по приводимымъ имъ резонамъ, также и по самой той проповѣди (кромѣ

только нѣкотораго, заключающагося въ ней соблазна) такъ его архимандрита почитать, какъ его преосвященство поставляетъ, никакого законоправильнаго винословія Святѣйшій Синодъ нынѣ не усматриваетъ; того ради его преосвященству, ежели что сверхъ вышепреставленнаго въ томъ доношеніи возраженія точное къ еретичеству и жидовству заключающееся въ немъ, Каллиграфѣ, его преосвященство усматриваетъ, о томъ бы представилъ Святѣйшему Синоду, съ такимъ подробнымъ обстоятельствомъ, чтобъ ни въ чемъ сомнѣнія и затрудненія быть не могло; 4) докладъ же всѣ означенныя извѣстія Святѣйшему Синоду присланы будутъ, и по нимъ надлежащее разсмотрѣніе послѣдуетъ, оному Каллиграфу быть въ спасо-ярославскомъ монастырѣ во всемъ какъ настоятелю неотмѣнно; точію до времени отъ священнослуженія ему удержаться».

При такомъ правдивомъ и безпристрастномъ отношеніи со стороны Святѣйшаго Синода къ дѣлу архимандрита Владиміра, можно было надѣяться, что послѣднее возьмѣтъ благопріятное для злополучнаго проповѣдника рѣшеніе. Но совершенно неожиданно, развязка дѣла послѣдовала раньше, чѣмъ окончено было слѣдствіе. Страдая съ давнихъ поръ водянкою, архимандритъ Владиміръ отправился для излеченія болѣзни въ троицкую сергіеву лавру, гдѣ имѣлся хорошо устроенный лазаретъ и особый штатный лаврскій врачъ. Здѣсь онъ, 9 августа 1769 года, въ десятомъ часу утра скоропостижно скончался отъ апоплегического удара. Донося о его смерти въ ростовскую консисторію, лаврское начальство спрашивало: какъ поступить съ оставшимся послѣ покойнаго имуществомъ, состоявшимъ: изъ двухъ черныхъ рясъ, подбитыхъ голубою тафтою, кафтана бѣлаго, подбитаго синею крашениною, кафтана голубаго, подбитаго черною крашениною, шубы лисьей, полушубка, фуфайки и пояса, кlobука, посоха съ костяными зелеными яблоками, мѣднаго таза и двухъ погребцовъ съ пустыми штофами; главнымъ же образомъ изъ бібліотеки въ 80 слишкомъ названій (свыше 100 томовъ) избранныхъ сочиненій по богословію, философіи и словесности, на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и славянскомъ языкахъ, Составъ этой бібліотеки любопытенъ для насъ въ томъ отношеніи, что до нѣкоторой степени объясняетъ происхождение того либерализма, въ которомъ заподозривали проповѣдника, того «жидовства и кальвинства», которое усматривалъ въ словѣ на день Владимірской Божіей Матери преосвященный Арсеній. Между сочиненіями, составлявшими эту бібліотеку, значатся ученые изданія бібліи, католическія и протестантскія, сочиненія *Erasmii Rotterd.*

(*Epistolae et caet.*), *Buddaei* (*Theologia moralis, isag. hist. theologia et caet.*), *Dieterici* (*Analysise evangeliorum dominicalium, institutiones athecheticae*), *Reinchlini* (*Biblia hebraica*), *Adami Echerzeri* (*Colloquium antisocinianum, systema theologica*), *Salomonis Gossii* (*Philologia sacra*), *Baumeysteri* (*Institutiones metaphisicae et caet.*), *Aegidii* (*Thesaurus evangelicus, thesaurus apostolicus*), *Vatteri* (*Harmonia biblica*), *Gernardi* (*Theologia*), *Lactantii* (*Opera omnia*), *Epicteti* (*Enchiridion graecolatinum*), *Cantis* (*Philosophia fundamentalis*), *P. Cunaci* (*Orationes*) *J. Baptistae* (*Opera philosophica*), *Stocci* (*Clavis linguae sacrae*), *Buchneri* (*Epistolae*), *Horatii* (*Поëмата*) и пр. и пр. По составу библиотеки и по содержанию проповѣди архимандрита Владимира, мы можемъ заключать, что это былъ одинъ изъ числа тѣхъ православныхъ, свободно-мыслящихъ богослововъ, рядъ которыхъ открываетъ собою Теофанъ Прокоповичъ. Кромѣ имущества, найденнаго при покойномъ, вскрыты были принадлежавшіе ему сундуки, остававшіеся въ спасо-ярославскомъ монастырѣ, въ которыхъ оказалось всего имущества, по оцѣнкѣ, «на рубль съ небольшимъ». Святѣйшій Синодъ постановилъ: книги продать съ публичнаго торга и изъ вырученной суммы часть отдать въ троицко-сергіеву лавру за медикаменты, израсходованные на больнаго изъ лаврской аптеки, часть-же отдать келейнику покойнаго, Тимоею Иванову, который входилъ въ Святѣйшій Синодъ прошеніемъ о вознагражденіи его за девятилѣтнюю службу при покойномъ архимандритѣ. Находившіеся же въ спасо-ярославскомъ монастырѣ пожитки одни отдать неимущей монастырской братіи, а ларчикъ и погребецъ причислить къ монастырской казнѣ.

Теперь перейдемъ къ рассмотрѣнію двухъ «словъ» архимандрита Владимира, представляющихъ характерные образчики русскихъ проповѣдей половины прошлаго столѣтія: обѣ онѣ заслуживаютъ того, что бы познакомиться съ ними поближе. Мы не будемъ винить проповѣдника за смѣлый аподиктический и ригористическій тонъ проповѣди, за полную, иногда излишнюю непринужденность выраженія,—все это общія тишическія черты проповѣди того времени, которыми щеголяютъ лучшіе проповѣдники елизаветинскаго царствованія, каковы: Съченовъ, Флоринскій и Юшгевичъ,—и въ этомъ отношеніи о. Владимиръ слѣдовалъ лишь обычаю времени. Но затѣмъ—оригинальность и блескъ мыслей, ихъ философски—стройное и послѣдовательное развитіе, сила аргументаціи, черты русскихъ нравовъ того времени, набросанныя яркими красками, или обличеніе общечеловѣческихъ со-

временныхъ пороковъ (таково, напимѣръ, обличеніе натурализма, въ началѣ проповѣди, также нѣкоторыя другія мѣста, которыя ниже мы отмѣчаемъ курсивомъ)—это индивидуальныя свойства нашего проповѣдника, которыя далеко выдвигаютъ его изъ обыкновеннаго уровня. Проповѣдь такъ длинна, что мы утомили бы вниманіе читателя, если бы стали приводить ее въ полномъ составѣ. Но передавая ея содержаніе въ выдержкахъ, мы удержимъ общій ходъ мыслей проповѣдника и сохранимъ непривосновеными болѣе характерныя мѣста самой проповѣди.

Слово въ день срѣтенія чудотворныя Богоматере иконы Владимірскаія.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже во Христа Иисусъ. Фил. II, 5.

«Такъ то Духъ Святыи предвидѣвъ, что многіе по развращеннымъ страстямъ своимъ ходитъ, въ различныя заблужденія впадутъ, а тѣмъ самымъ вѣчнаго блаженства лишены и въ безконечныя мученія ввержены быть имѣютъ,—все сіе, сказую, Духъ Святыи предвидѣвъ, черезъ апостола Павла вся неправдыя мнѣнія отвергая, самое сильнѣйшее къ полученію милосердія Божія средство всѣмъ намъ объявляетъ сими словами: сіе да мудрствуется въ васъ... Видѣлъ Духъ оный, который испытуетъ сердца и утробы, предъ которымъ и помышленія наша утаитися не могутъ, видѣлъ Онъ, что въ послѣднія времена, многіе, скотомъ уподобившеся, или, паче и самыхъ скотовъ, знающихъ ясли господина своего, безумствомъ превозшедши, въ страшная оная и погибельная впадутъ мнѣнія: нѣтъ Бога,—зналъ Онъ, что другіе, будто мало поумнѣе тѣхъ, хотя природнымъ своимъ умомъ и познаютъ и увѣрятъ, что есть непремѣнно Богъ, однако на свой высокоумный или паче безумный разумъ полагаясь, все слово Божіе, все священное писаніе, чрезъ пророки и апостолы данное, волю Отца небеснаго и самоужнѣйшій путь ко спасенію показующее, за басни почитать, книгамъ, въ которыхъ неоцѣненное оное сокровище содержится, то есть ветхому и новому завѣту нечестиво посмѣваться и оныя, какъ непотребныя, безбожно отвергать, а тѣмъ самымъ Христа Спасителя и Испушителя нашего отвергать не устыдятся и никакъ не устроятся, и никакъ не вострелешутъ,—не утаилось предъ Нимъ, что иніи, разумѣюще Бога, не какъ Бога почтутъ, но осуетятся помышленія своими и омрачатся неразумное ихъ сердце, и измѣнятъ славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго человѣка, и птицъ, и четвероногъ, и гадъ, и почтутъ и послужатъ твари паче Творца,—извѣстно Ему было и тое, что другіе, Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную, хотя устами православно исповѣдывать и не

отрекуются, однако различныя суевѣрія помышляя, а наипаче на святыхъ угодниковъ Божіихъ, на иконы ихъ, на Богоматерь всю надежду полагая, о живой и спасительной во Христа вѣрѣ, о добродѣльномъ и богоугодномъ житіи и подумать не похотятъ,—вѣдалъ Духъ оный Святый, что вси такоуи различнымъ образомъ заблудятъ, да равно отъ пути спасительнаго удалятся; различными дорогами, да въ одну и ту же вѣчную погибель устрелятся. Какъ же бы Ему всѣхъ насъ отъ толикаго заблуденія избавить? Самое первѣйшее основаніе нашего спасенія покажетъ помянутыми словами: сіе да мудрствуется въ васъ... Симъ, симъ путемъ токмо кто будетъ ходить, тотъ вѣчнаго мученія убѣжитъ, а кто другимъ станетъ бродить, тому нельзя гнѣва Божія свободну быть. Пускай, кто хочетъ, не боится Бога отрицатись, да надобно ему непременно въ руки Бога жива попасться. Пускай другой природнымъ своимъ умышлемъ хвастаетъ, будто ему во Христвѣ никакой нужды нѣтъ; да придетъ неминуемо время, когда принужденъ онъ будетъ вѣчно горѣть. Пускай иной въ идолахъ и въ ложныхъ своихъ богахъ помощи ищетъ, да въ страшный оный послѣдній день никакой пользы не съищеть. Пускай, наконецъ, кому угодно, различныя суевѣрія вымышляетъ, пускай на однихъ токмо святыхъ, на иконы ихъ или и на Богоматерь всю надежду свою полагаетъ: однако твердо такому скажу, что ежели въ немъ не будетъ мудрствоватися то, что во Христвѣ Исусѣ, то его вѣчная мука ожидается. Все то такъ неложно, какъ не сумнѣнно извѣстно, что Духъ Святый лгать не умѣетъ и не можетъ. А ежели кому о томъ больше доказательствъ слышатъ, захочется: я такому по силѣ моей въ слѣдующей рѣчи послужить не отрекусь. Только бы онъ, во-первыхъ, не для курьозы какой, но для неложнаго истины познанія, того требовалъ; другое: мнѣнія, которыми онъ отъ младыхъ лѣтъ напоенъ былъ, и которія истину сію помрачали, отбросилъ бы. Третье: не съ небреженіемъ, но съ глубокимъ вниманіемъ, не одни только слова, не одни мины и удачи сказующаго проповѣдника, но силу доказательствъ разсуждалъ бы».

...«Не надобно намъ, слышатели, говорить, что безбожники, въ Бога вовсе невѣрующіи, что натуралисты, Христа отвергающіи, и идолопоклонники, многихъ боговъ почитающіи, спастись невозмогутъ. О томъ, надѣюсь, никто отъ насъ не сумнится, да я и думать не могу, чтобъ между нами Бога, въ Троицѣ святой славимаго, почитающими и православно исповѣдающими, и одинъ таковъ безбожникъ, или натуралистъ или идолопоклонникъ, съскался. А понеже довольно знаю, или, паче, явно вижу, что многіе, и далъ бы Богъ, чтобъ не всѣ отъ насъ, такое мнѣніе имютъ, что зотя обманывать, плутовать, воровать не праведно судить, пьянствовать, въ блудодѣніяхъ валяться, другъ друга ненавидѣть, осуждать, и прочія богопротивныя беззаконія безбоязненно дѣлать не престаютъ: однако, ежели только, напримѣръ, церковь на имя Богоматери или иныхъ святыхъ сооружать, ежели иконы ихъ серебромъ, златомъ и дорогими каменьями украсятъ, ежели ризы, стихари,

чашу или что-нибудь другое въ церковь дадутъ, ежели акавистъ или молебень Богородицъ или иному святому какъ нибудь отпоютъ, то твердо о себѣ думаютъ, что они на прямомъ пути спасительномъ находятся; а такое ихъ мнѣнiе, какъ богопротивное, такъ и святымъ, а наипаче Богородицъ, Сына своего и Бога несказанно любящей, весьма досадное. а слѣдовательно и самцмъ тѣмъ, которiя то мнѣнiе имѣютъ, погибельное: затѣмъ, во славу Божию, въ честь Богоматере и всѣхъ святыхъ о томъ только говорить я занотребно разсудилъ, что ни иконы святыхъ, ни святiи, ни самая мати Божiя намъ къ полученiю спасенiя не помогутъ ни мало, ежели въ насъ не будетъ тоже мудрствоватись, что во Христѣ Исусѣ; что, ежели съ помощiю Божiею, какъ несумнѣнно надѣюсь, докажу, то уже и безбожники, и натуралисты, и идолопоклонники, буде паче чаянiя и тутъ между нами находятся, явно познаютъ, что имъ много паче милости Божiей получить никакъ не можно. А дабы намъ предложенiя нашего истину совершеннѣе познать, надлежитъ прежде разсмотрѣть, что то во Христѣ Исусѣ мудрствовалось. Описуетъ намъ то живо апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ на нынѣшней обѣдни читанныхъ словахъ: иже во образѣ Божiи сый... крестныя. Которую апостольскую рѣчь яснѣе такъ сказать можно: хотя Христось, поелику Богочеловѣкъ, силу, могущество, премудрость и всевѣдѣнiе, равное съ Богомъ, имѣлъ, однако онъ тѣмъ равенствомъ не хвасталъ, какъ побѣдители похищенными отъ непрiятелей вещами хвастать обыкли. Да что онъ дѣлалъ? Себе умалилъ, и такъ уничтожилъ, что и рабомъ, и бѣдному смертному человѣку во всемъ, кромѣ грѣха, подобнымъ быть не возгнушался. А наконецъ такъ себе смирилъ, такъ послушливъ Богу и Отцу былъ, что и смерть, да еще не простую, не обыкновенную, но горчайшую и самую безчестнѣйшую крестную смерть, за спасенiе рода человѣческаго претерпѣть не отказался. Се то во Христѣ Исусѣ мудрствовалось...

Въ этомъ мудрованiи Христовомъ проповѣдникъ находитъ три знатныя добродѣтели: 1) неописанную, несказанную и непостижимую Христову къ Богу Отцу и къ человѣку любовь; 2) отуду происходящее глубочайшее смиренiе, 3) отъ сего рождающееся безропательное послушанiе. Три сiи добродѣтели, а наипаче любовь такъ велика, что отъ нея и прочiя добродѣтели неразрывнымъ союзомъ производятся. *Правда, отъ любви часто происходятъ беззаконiя. Напримѣръ: любитъ-ли кто пьяницу, смиряетъ себя ему и послушанiе въ равномъ ему пьянствѣ охотно исполняетъ. Любитъ-ли кто обманщика,—тотъ во угожденiе ему обманываетъ, плутовать и всякимъ образомъ человѣка проведетъ старается. Любитъ-ли деньги—куда какiя тутъ старательства! Иной неправедно судитъ за деньги, другой противъ своей чести, противъ пристойности кланяется, ласкательствуетъ, похлбствуетъ тому высокими похвалами, которыхъ онъ крайне недостоинъ, возноситъ того, у котораго надѣется безчестнымъ обманомъ копейку вытя-*

нута. Любитъ-ли кто блудницу, или политичныя сказать беззаконную полюбвиницу: Боже мой! Какое тутъ смиреніе, какое глубокое подвобострастіе и послушаніе! Любитъ-ли кто, напоследокъ воровъ, грабителей немилосердныхъ и прочихъ беззаконниковъ: такожь дерзновенно воруетъ, грабитъ, жестоко немилосердствуетъ, и прочія богоненавистныя беззаконія съ радостію исполняютъ. А отсюда можетъ кто сказать, что отъ любви добродѣтели не происходятъ. Только я не о такой любви говорю,—не о беззаконной любви здѣсь рѣчь. Не можетъ древо зло плоды творити добры. Отъ совы не рождаются соколы. На вербѣ не растутъ груши. Но о такой любви (говорю), которая отъ несумнѣнныхъ вѣры въ Бога происходитъ и въ сердцахъ тѣхъ зажигается, которыя не постижимую Божию доброту, красоту, премудрость, всемогущество и прочія его безвѣчныя свойства умомъ понимаютъ, и понимая, сердечною вѣрою и крѣпкимъ упованіемъ на благость его полагаются: отъ такой, скажу, любви, вси добродѣтели не могутъ не происходить. Отъ свѣтлосіяющаго солнца не бывають мрачныя лучи. Отъ чистѣйшаго золота не дѣлается олово или подлый свинець. Такова-то любовь оная, отъ которой всё добродѣтели рождаются, и въ которой спасительное Христово мудрованіе состоитъ».

«Теперича, слышатели, когда мы разумѣемъ, что то во Христѣ мудствовалось, не трудно намъ познать будетъ предложенія нашего правдѹ: ничто и ничто намъ не поможетъ милость Божию получить, ежели, сколько по челоувѣчеству можемъ, стараться не будемъ, чтобъ и въ насъ тоже мудствовалось, что во Христѣ Исусѣ, т. е. ежели въ насъ не будетъ нелицемѣрная, отъ вѣры происходящая со всеми своими добродѣтельными плодами къ Богу и ближнему, любовь оная, которая была во Христѣ Исусѣ. Нѣтъ ни одного иного средства, кромѣ сего, которымъ бы намъ милосердіе Божіе получить возможно было. Да праведно-ль все то, разсудимъ. Ежели бы рабъ волю господина своего исполнять никакъ не старался, а за то наказанію подпалъ бы, однако онъ не думалъ бы свои погрѣшенія исправить и повелѣнія господскія наблюдать; но просилъ бы, не говорю другихъ господина своего рабовъ, но самыхъ ближайшихъ его друзей, чтобы они ему у господина милости испросили, ежели бы, скажу, оный родъ въ преступленіи своемъ такъ поступилъ, скажи пожалуй всякъ, получилъ-ли бы онъ какую-нибудь помощь? Не думаю, чтобы и одинъ таковъ дуракъ съискался, который бы то утверждать не усумнился. Ежели бы какой государственный подданный въ измѣнѣ изобличенъ былъ, да такъ, что онъ не только о измѣнѣ своей ни мало не жалѣеть, но и сверхъ того измѣнническое свое намѣреніе совершить и желаетъ и старается, какую пользу онъ имѣлъ бы, буде бы только у главныхъ министровъ и придворныхъ знатнѣйшихъ господъ или у самой матери государевой милости просилъ, я думаю, что суетно было бъ его прошеніе. Для чего? Понеже ежели министры и прочіе господа добросовѣстные люди, то они, а наипаче мати государева, любя нелицемѣрно сына и государя своего, объ ономъ измѣнникѣ не кающемся

любимаго ими государя трудить не похотятъ, но паче о истребленіи такого врага всѣми силами постараются. А хотя бы, паче чаянія, или за взятки, или за дружбу, или за сродство, или по иной какой причинѣ дерзнули просить, однако государь прошеніе ихъ о непримирительномъ врагѣ своемъ представляемое, отбросилъ бы. Да и за подлинно, какъ такому простить, когда оное прощеніе не иное что будетъ, какъ на измѣну его дать позволеніе. Тоже то самое есть, не мудрствовать то, что во Христвъ Иисусѣ мудрствовалося, Бога и ближняго не любить, вси добродѣтели презирать, а тѣмъ самымъ измѣнникомъ предъ Богомъ не преставать быть, а на святыхъ, на Богоматерь и на иконы ихъ уповать, и отъ нихъ помощи просить. Нѣтъ, нѣтъ! Не прельщай себя никто, будто такимъ образомъ помиловану быть можно. Святіи вси, а наипаче Богоматерь и къ Сыну Своему и къ Богу Создателю и Искупителю своему серафимскою любовію пылають; непріятно имъ всякое противу Создателя учиненное преступленіе, досадно имъ и самая малѣйшая противу Искупителя сдѣланная погрѣшность. Да какъ же имъ не будетъ ненавистно не кающагося и мудрованія Христова имѣть не хотящаго грѣшника прошеніе? Принеси, кто хочетъ, и тысячу свѣчъ или сто пудовъ ладону святому Николаю, святому Георгію, или другимъ угодникамъ Божиимъ, а любви къ Богу и ближнему имѣть не хоти: то имъ оное твое приношеніе такъ будетъ пріятно, какъ тебѣ самому отъ явнаго непріятели твоего учиненное въ какомъ-нибудь случаѣ поздравленіе. Украси, какъ хочешь, икону Богоматерню, кричи, сколько у тебя мочи: радуйся, благодатная Маріе, Господь съ тобою; а самъ о той Божіей благодати не старайся, и отъ Господа грѣхами далече отступай; повторяй, хоть тысячу разъ: радуйся, чистоты сокровище, а самъ во всякихъ нечистотахъ грѣховныхъ валяйся, какъ свинья; вопли, сколько силъ имѣешь: радуйся, свѣтъ неизрѣченно родившая, а самъ глубоко различныхъ грѣховъ тьмою и сердце и душу помрачай; кратко сказать: промели на всякъ день по десять или по двадцать кратъ акаѣиствъ Богородицѣ; говори ей сколько тебѣ угодно: радуйся, яко зачала еси плотію Сына Божія; кричи: о всепѣтая Мати, рождшая всѣхъ святыхъ Святѣйшее Слово, и прочее, а самъ Сына Ея грѣхами твоими второе распинай, кровь завѣтную, за спасеніе наше изліянную, ногами попирай,—то столько пользы получишь, сколько будетъ тебѣ помощи матери государевой безпрестанно говорить: радуйся, радуйся, а государя самого, сына ея любезнѣйшаго, по щекамъ бить. Да какъ же такъ, скажетъ кто: развѣ святіи никакъ не милосердни? Развѣ Мати Божія не мати милосердія, чтобы имъ нашего прошенія не услышать? Только вмѣсто отвѣта и я такого вопросителя вопрошу: развѣ Богъ не милосердный? А когда милосердый, то для чего весь міръ вдругъ потопомъ истребилъ? Для чего Содомъ и Гоморру огнемъ сожегъ?... Для чего весь родъ еврейскій и многія инныя государства различнымъ образомъ смущалъ, угѣснялъ и въ конецъ разорилъ? Для чего Іуду предателя и иныхъ ему подобныхъ не помиловалъ?... Нечего тебѣ, какъ хочешь умствуй,

отвѣтствовать, развѣ скажешь: за то они всё погибли, что за грѣхи свои каются, а тѣмъ самымъ то мудрствовать, что во Христвъ Исусѣ, и слѣдовательно къ Богу и ближнему любовь имѣть, и происходящія отъ любви добродѣтели исполнять, не хотѣли. Изрядный твой отвѣтъ, и самый истиннѣйшій, да тотъ же самый отвѣтъ пріими и на твой запросъ. Ежели Богъ, въ которомъ, какъ безконечномъ, безконечное милосердіе, въ которомъ неисчерпаемый всякія благи источникъ, грѣшниковъ не кающихся и не мудрствующихъ то, что во Христвъ Исусѣ, недостойными помилованія судить: то какъ помиловать таковыхъ восхотятъ святіи или Богоматерь, которіи, хотя и много больше имѣють доброты, нежели живущіи на земли, однако, поелику они не боги, но созданныи чловѣки, милосердія безконечнаго, съ Божиимъ равнаго, имѣть никакъ не могутъ. Знаемъ, что Богъ безъ всякой Своей нужды насъ, да еще разумныхъ, и для насъ весь свѣтъ создалъ. Вѣдаемъ, что Онъ о насъ съ такимъ попеченіемъ промышляетъ, что и одному маленькому волоску съ головы нашей безъ воли Его погибнуть не попускаетъ; извѣстно намъ и то, что Богъ насъ, заповѣди Его преступившихъ, и зато вѣчныя муки достойныхъ, враговъ своихъ, помиловалъ, да помиловалъ не простымъ, но страннымъ и не слышаннымъ образомъ, то есть посланіемъ Сына Своего Единороднаго, который страшныя мученія, ужасныя страданія и самую горчайшую крестную смерть за спасеніе и искупленіе наше претерпѣлъ. О, милосердія непостижимаго! Кто отъ чловѣка такую благодать кому либо показалъ или и показать возмогъ? Мати ли Божія насъ создала, святіи ли такъ прилежно и неусыпно о насъ промышляютъ, Богоматерь ли, или святой который кровь свою за насъ проливалъ, мучился и умиралъ? Никакъ. А хотя многіе изъ святыхъ мученія до самой смерти претерпѣли, однако они не за наше, но за свое собственное спасеніе страдали. Одинъ только Сынъ Божій за наше избавленіе то сдѣлалъ, а кромѣ Его—никто. Откуда слѣдуетъ, что одинъ только Богъ есть безконечно милосердъ, а кромѣ Его—никто, одинъ только Онъ, ежели грѣшника, мудрованія Христова не пріемлющаго, простить не хочетъ, то ни вси святіи, ни самая Богоматерь прошенія отъ устъ его скверныхъ происходящаго, принять не восхотятъ, да и противъ воли Божіей, не возмогутъ. Сами святіи не инымъ образомъ сдѣлались святыми, только мудрованіемъ тѣмъ, которое во Христвъ было. Вѣдаемъ, что праведный Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей, Давидъ и прочіи были во время угодниками Божіими, и теперича вѣчно на небеси царствуютъ. Да для чего они святыми? Для того ли, что они все упованіе на святыхъ или на Богоматерь только полагали? Нельзя того сказать: прежде нихъ ни святыхъ, ни Богоматери еще и на свѣтѣ не было; они то сами первіи святіи, во священномъ писаніи намъ объявленніи. Что-жъ ихъ святыми сдѣлало (Евр. XI, 33)? Павелъ апостолъ намъ явно показываетъ, когда говоритъ: святіи вси вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду... Въ кождъ они вѣровали? Во Христа, имѣвшаго за спасеніе наше пострадать, какъ той же апостолъ о Моисей,

что несумнѣнно и о прочихъ разумѣть должно, объявляетъ сказуя: вѣроу Моисей великъ бытъ... Для чего? Большее богатство вмѣнивъ египетскихъ сокровищъ поношенія Христова, или яснѣе, лучше онъ старался обогатиться поношеніемъ Христовымъ, нежели египетскими сокровищи. А понеже поношеніе Христово не иное что есть, какъ только странное его во плоти чело-вѣческой явленіе, несказанное смиреніе, жесточайшія за спасеніе наше му-ченія и горчайшая смерть. А въ сихъ дѣйствіяхъ содержится и мудрованіе Христово: то уже явно, что оніи святіи, когда старались обогатиться поно-шеніями Христовыми, вдругъ прилежнѣйшее имѣли попеченіе о мудрованіи Христовомъ. Сими то поношеніемъ или мудрованіемъ Христовымъ, какъ Моисей, такъ и вси ветхозавѣтніи святіи великими и святыми сдѣлались, а не инымъ какимъ-нибудь образомъ. Да и въ новой благодати другимъ какимъ средствомъ, кромѣ мудрованія Христова, ничто святымъ бытъ не могъ. Богъ, какъ одинъ и тойжде, въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ непремѣн-ный, такъ не иной ветхозаконнымъ, а другой новоблагодатнымъ святымъ, но одинъ и тойжде путь ко спасенію опредѣлялъ. Сами апостоли, первѣй-шіи въ новой благодати святіи, чимъ Богу угодили? Однимъ ли призыва-ніемъ святыхъ, котораго тогда и въ обычаѣ не было? Да чимъ же? Мнѣ, сказуетъ апостолъ Павелъ, да не будетъ хвалиться, точию о крестѣ Господа нашего Исуса Христа... Подобни мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу. Аще умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко оживемъ съ нимъ. Аще сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенію будемъ. Въ которыхъ сло-вахъ апостола ясно видимъ, почему онъ святымъ сдѣлался: то есть, понеже хвалился не о чемъ иномъ, токмо о крестѣ Господа нашего Исуса Христа, подобенъ былъ Христу, умиралъ со Христомъ, сообразовался подобно смерти Христовой, а всѣмъ тѣмъ не иное что дѣлалъ, только мудрствовалъ тое, еже о Христѣ Исусѣ. Подобнымъ образомъ и Петръ: Христосъ, говоритъ, пострада за насъ, намъ оставль образъ... Нѣсть ни единого имени подѣ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися. Времени, воистину не станеть, ежели захочемъ всѣ слова апостольскія приводить, въ которыхъ явно пока-зуется, что буде о мудрованіи Христовомъ старатися не будемъ, ежели въ насъ не будетъ истинная къ Богу и ближнему любовь отъ несумнѣнныхъ во Христа вѣры, то ни святіи, ни Богоматерь ничего намъ помогать не возмогутъ и не похотятъ. Прочти только одно первое посланіе Іоанна Богослова: увидишь, что цѣлое оное посланіе на одной къ Богу и ближнему любви основано, любовію продолжено, любовію и окончено.

«Слышали мы учениковъ Христовыхъ; а ежели услышимъ и самого учителя, Христа Спасителя нашего, то еще яснѣе правду нашего предложе-нія увидимъ. Что иное повелѣваетъ намъ Христосъ сими словами: о семъ познають, яко мои ученицы есте, аще любовь имате другъ къ другу? Чего много насъ научаетъ, когда въ первой своей къ народу проповѣди сказуетъ: блажени нищии духомъ, блажени плачущіи... изгнаии правды ради?... ежели не того, что тотъ только Христовъ ученикъ и царствія небеснаго сонаслѣд-

никъ быть можетъ, кто любить ближняго своего; что тѣ только блаженни, тѣхъ только есть царство небесное, и прочія премилостивыя обѣщанія Божіи получить удостоятся, которіи признають предъ Богомъ свое окаянство, предъ Богомъ и человѣки себе смиряютъ, а тѣмъ-самымъ Бога всѣмъ сердцемъ любятъ, къ тому бываютъ милостивыи, чистиі сердцемъ и прочее, а потому и ближняго, какъ себе, любятъ, и слѣдовательно мудрствуется въ нихъ то, что во Христѣ Иисусѣ. Наконецъ, кромѣ прочихъ премногихъ подобныхъ ученій, что говорить намъ Спаситель нашъ и въ премилостивомъ ономъ призваніи: прійдите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и пр., ежели не то: вси, грѣхами отягощеніи, да какъ бы отъ нихъ свободитися, суетно труждающіися, прійдите ко мнѣ... Да что, сладчайшій Христе, велишь говорить пришедшимъ къ тебѣ? Возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Что ты, премилосердный, намъ общаешь? Азъ упокою вы, и обрячете покой душамъ вашимъ, то есть, вси грѣхи вамъ будутъ прощены... И можетъ ли что намъ яснѣе путь показать къ спасенію, какъ это Христово ученіе? Можетъ ли еще кто сумнитися, что безъ кротости и смиренія, безъ мудрованія Христова, покой душамъ, милосердіе Божіе и вѣчное спасеніе получить никакъ не можно. Да и какъ бы тутъ сумнитися, когда и сама Мати Божія, на которую множайшіи отъ насъ различными грѣхами сквернитися не перестающе, надежду полагать не стыдятся, не инымъ образомъ удостоилась быть матерью Божіею, не однимъ только призваніемъ святыхъ, не одною надеждою на нихъ, или на иконы ихъ, честию выше херувимовъ и серафимовъ превознеслась, ибо призваніе святыхъ и поклоненіе иконамъ тогда еще и въ обычаѣ не было. Да чимъ же она къ толикому достоинству прійти могла? Златоустъ объявляетъ, что она не была бѣ въ мать Сыну Божію избрана, ежелибы словамъ ангела, рожденіе Христово ей благовѣствующаго, не увѣрила; а когдабъ не увѣрила, тобъ и любви и мудрованія Христова не имѣла-бъ. Златословесному сему учителю послѣдуя, св. Теофилактъ, когда пришло ему толковать слова оныя Христовы: мати моя и братія моя сіи суть слышавшіи слово Божіе,—скажутъ, что и самой Матери Божіей никакой пользы не сдѣлало бы одно плотское матерство, ежели бы она не слушала словесъ Божіихъ и не творила ихъ и такъ мудрованія Христова не имѣла бы. И что много говорить? Сама пречистая Дѣва Марія, когда сказала ангелу: се раба Господня...., когда по зачатіи Сына Божія всерадостную оную пѣснь воспѣвши—величить душа моя Господа,—скажутъ: яко прирѣна смиреніе рабы своея, явно намъ показываетъ, что она къ толикому таинству не инымъ образомъ достойна явилась, только глубочайшимъ смиреніемъ, а смиреніе оное не отъ иного источника, только отъ несумнѣнныя въ Сына Божія вѣры, отъ нелицемѣрныя къ Богу и ближнему любви происходило. Такое же смиреніе что иное есть, какъ не мудрованіе Христово? Симъ то мудрованіемъ она къ воспріятію необъятаго Сына Божія себе пріготовила; симъ она все житіе свое благочестно украсила, симъ она царства

небеснаго сподобилась, симъ она честнѣйшею херувимъ во всемъ родѣ христіанскомъ возвеличилась, а слѣдовательно и намъ не инымъ образомъ, не инымъ путемъ милость Божию получить возможно, только мудрованіемъ во Христѣ Иисусѣ, то есть несумнѣнною въ Бога вѣрою, непритворною къ Богу и ближнему любовію и богоугоднѣйшимъ отгуду происходящимъ смиреніемъ, послушаніемъ и прочими добродѣтелями».

«Бажется, слышатели, что я по обѣщанію моему должность свою, сколько краткость времени допустила, исполнилъ. Показано въ нынѣшней рѣчи, какъ то самый природный разумъ намъ знать даетъ, что одно только прошеніе, безъ исполненія воли того, кого просимъ, есть бесполезно: видѣли мы, что Богъ безконечное имѣетъ милосердіе, а святіи, и самая Богоматерь, хотя и очень добры, однако доброта ихъ не безконечна; уразумѣли, что и ветхозаконніи, и новоблагодатніи святіи, не инымъ образомъ сдѣлались святыми, только мудрованіемъ Христовымъ, научились, что и самая пречистая Дѣва Марія не только не была бы избрана въ мать Сыну Божию, не только честнѣйшею херувимъ и серафимъ быть, но и между простыми святыми счислаться не могла бы, ежели-бъ въ ней не тожъ мудрствовалось, что во Христѣ Иисусѣ; слышали, наконецъ, ученіе апостольское, слышали проповѣдь Христову, слышали и сладчайшій гласъ премилосердно зовущаго насъ сладчайшаго Иисуса: придите ко мнѣ... И ктожъ бы сумнѣваться могъ, что преблаженни и преблагополучни всѣ тѣ, въ которыхъ то мудрствуется, что во Христѣ Иисусѣ, которіи несумнѣнно въ Бога и во Христа Спасителя нашего вѣруя, горячую къ Богу и ближнему любовь со всѣми добродѣтельными ея плодами имѣють... И хотя бы кому такому по человѣческой слабости случилось въ какое погрѣшеніе попасть, однако вси святіи единодушно, а наипаче милосердствующая о грѣшникахъ кающихся мати Божія, падуть предъ престоломъ Божиимъ прощенія ему просяще, и доголъ благодать его молятъ не престануть, поколѣ совершеннаго грѣховъ его отпущенія не упросятъ».

«Противнымъ образомъ кто спорить станеть, что пребѣдніи и преоканніи вси оніи, которые о мудрованіи Христовомъ не только ни мало не стараются, не только слышать, но и подумать о томъ не хотятъ, однако надеждою, да и то не истинною, но притворною, на Богоматерь, на святыхъ, на иконы ихъ положенное хвастаютъ, лаская себя, будто они въ царства небеснаго руки попали. Увидятъ они когда, что царство оное отъ нихъ много даѣе отстояло, нежели небо отъ земли, востокъ отъ западъ. Познають, что ихъ упованіе было суетно, когда никакой помощи ни отъ святыхъ, ни отъ Богоматери, а о иконахъ и говорить нечего, получить не возмогутъ, кромѣ оной пользы, которую получили ложніи оніи вааловы пророки отъ святаго пророка Іліи ножемъ закланніи. Закричатъ всѣ оніи святіи ко Богу, какъ о томъ пророчествуетъ святой Іоаннъ: доколѣ Владыка святой, не судиши и не мстиши крове нашея отъ живущихъ на земли? Время мертвымъ судъ пріяти и дати мзду рабомъ твоимъ... Возвеселятся о

паденіи таковыхъ грѣшниковъ небо, и святіи апостолы и пророцы, я косуди Богъ беззаконія ихъ. Наконецъ ежели св. пророкъ Іона даже до смерти оскорбился за то, что Богъ по неизрѣченной своей благодсти ниневитскихъ обывателей покаявшихся помиловалъ, то какого милосердія надѣяться можно отъ святыхъ всѣмъ тѣмъ, которіи Бога создателя беззаконни своими разгнѣвлять не престають, а святыхъ на помощь призываютъ и на нихъ надежду полагать не срамятся? Я, какъ началъ, такъ и не престану говорить, что они не только отъ святыхъ, отъ Богоматере или отъ иконъ ихъ никакой помощи получить не возмогутъ, но паче къ тому святыхъ приведутъ, что они Бога на скорѣйшее и лютейшее отомщеніе противъ таковыхъ беззаконниковъ возбудятъ, отчего ты самъ, Христе, мудрованіе твое намъ въ себѣ имѣть даровавъ, милостиво избави. Аминь».

Выше, излагая доношеніе Св. Синоду преосвященнаго Арсенія, мы замѣтили, что осуждая проповѣдь архимандрита Владиміра, онъ представилъ и анализъ ея съ своей точки зрѣнія, опроверженіе тѣхъ мѣстъ ея, которыя, по выраженію преосвященнаго, «люторствомъ, кальвинствомъ и жидовствомъ смердятъ». Послѣ того, какъ мы познакомились съ самою проповѣдію, находимъ умѣстнымъ передать содержаніе и опроверженій преосвященнаго Арсенія.

«Можетъ быть кто возинитъ обо мнѣ», говоритъ преосвященный Арсеній, «что я на онаго архимандрита по посягательству доношу; но я на его же конклюдію въ другомъ его поученіи ссылаюсь, гдѣ онъ прежде свое поученіе, какъ люторствомъ и кальвинствомъ, такъ и жидовствомъ смердящее, не только ни чимъ не опорочиваетъ, но еще выправляетъ всячески, будто оно въ ту силу говорилось, какую онъ тамъ вытолковалъ, которая сила для вида прикрывательства плевелъ хотя отчасти тамо и изыщется, однако всякому, разумъ имущему, видѣть чувствительно, что въ ономъ поученіи (содержится) съ лютеранами и кальвинами одинаковое отверженіе призванія святыхъ, — будто призваніе святыхъ не отъ мудрствованія и наученія Христова взято, и будто-бы оно къ богоугожденію и спасенію не нужное, того ради-де, яко Ное, Авраамъ и другіе святые были во время свое угодниками Божиими, и теперича вѣчно на небеси царствуютъ — не потому, что они все упованіе на святыхъ или на Богоматерь только полагали, — такъ какъ прежде нихъ ни святыхъ, ни Богоматере на свѣтѣ не было... и тако по многимъ своимъ тамо злоковарнымъ рѣченіямъ не дерзая того явственно сказать, что и намъ не надобно также призывать святыхъ, заключилъ свою злоковарную рѣчь таковымъ образомъ: что-де какъ Богъ одинъ и тотъ

же въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и путь спасенія не иной ветхозаконнымъ, а другой новоблагодатнымъ опредѣлилъ. Которую пропозицію ежели намъ принять, то непременно надлежитъ не токмо призываніе святыхъ отринуть, но и оное православное исповѣданіе, въ церкви всегда поемое: преиде сънь законная, благодати пришедшей, оставить,—все же то, что въ ветхомъ завѣтѣ было, не оставлять, но принимать и исполнять, какъ-то: обрѣзаніе, жертвы и проч. И не токмо призыванія святыхъ, но и самага крещенія, якоже богоугожденію и спасенію не нужнаго, уже будетъ не должно принимать,—о чемъ намъ невозможно и подумать. Того ради таковая пропозиція, что, аще не крайнее жидовства утвержденіе? Исповѣдуемъ бо мы, православніи, твердо, что Богъ единъ въ ветхомъ завѣтѣ и новомъ, однако какъ вѣрѣ, безъ нея же невозможно угодили Богу, такъ и закону, не едино засвидѣтельствовалъ свое откровеніе; понеже въ ветхомъ завѣтѣ не было откровенія вѣровать въ Бога, въ Троицѣ единаго, и въ воплотившагося насъ ради и пострадавшаго Христа, Сына Божія, который въ ту пору еще не воплотился, но былъ ожидаемъ прити, не со всѣмъ обстоятельствомъ извѣстенъ—кто онъ будетъ таковъ. А нынѣ въ новомъ завѣтѣ не въ иномъ чомъ первѣйшее христіанство состоитъ, какъ вѣровать въ Бога, въ Троицѣ славимаго, и въ Христа, Сына Божія вочеловѣчшася и за насъ пострадавшаго. И не надлежитъ о томъ много рѣчи простирать, но справиться съ посланіемъ Павла апостола къ евреямъ, гдѣ, въ главѣ 8-й, утверждаетъ: аще бы первый законъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣста. И въ посланіи къ Галатамъ тоже представляется чрезъ все посланіе, а наипаче въ главѣ 5-й сими словесы: се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ вамъ ничтоже пользуетъ».

«Да онъ-же, архим. Владиміръ, въ томъ своемъ поученіи дерзнулъ и сіе написать, будто и сами апостоли обычая не имѣли призывать святыхъ, аки къ богоугожденію отнюдь не нужнаго. Слѣдовательно преданіе апостольское о призываніи святыхъ, всей Церкви преданное, надлежитъ признавать, что оно не апостольское и не отъ апостоловъ взятое, и что пишется въ псалтиряхъ слѣдованныхъ о возвышеніи панагіи, надлежитъ вмѣнять, аки баснословное,—идже точно пишется, яко въ третій день послѣ успенія своего, апостоламъ по молитвѣ на обѣдѣ возлежащимъ, пресвятая Богородица, мертвая, аки жива, со облакомъ и свѣтотворными ангелы на воздухѣ являється, радуйтеся, глаголющи, яко съ вами есмь во вся дни. Сіе отъ Сына радостотворная Богородица имъ подавши; ученицы же чудеси

удивишася,—вмѣсто: Господи Иисусе,—пресвятая Богородица, помогай намъ, воззваша.... Сказываль-же я оному архимандриту, что въ показанномъ его поученіи такожь сія рѣчь отнюдь не сходна съ писаніемъ, а наипаче съ словами Павла апостола къ Колоссаемъ гл. I. нынѣ радуюся въ страданіяхъ моихъ по васъ, яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей, за тѣло его, еже есть Церковь, ей-же быхъ азъ служитель, по смотрѣнію Божію, данному миѣ, въ васъ исполнити слово Божіе. Понеже онъ, архимандритъ, тако точно написалъ: хотя-де многіе изъ святыхъ мученія претерпѣли, однако они не за наша, но за свое спасеніе страдали,—одинъ только Сынъ Божій за наше избавленіе то сдѣлалъ, а кромѣ Его—никто. Аще и не спорное, и отъ всея Церкви сіе исповѣданіе принятое и утвержденное, что единого Христа плотію и смертію вси спасаемся, однако по разсмотрѣнію показанныхъ словъ апостола, и святіи не за едино свое спасеніе, но какъ за Христа, такъ и за церковь, слѣдовательно и за наше спасеніе страдали, однако по тому съ Христомъ не могутъ верстаться, понеже—кто Христосъ, и кто святіи всѣмъ извѣстно. И какъ земнаго царя смерть и кровь съ рабскою смертію и кровію отнюдь не сверстается, такъ кольми паче кровь и смерть Христа со святыми его угодниками сверстаться не можетъ. Къ сему—все святіи, благодатію укрѣпляеми страдали. Христосъ же самъ собою, сирѣчь силою своею, какъ пострадалъ, такъ и воскресъ. Таковой же разницы между святыми и Христомъ оный архимандритъ отнюдь не показалъ и ниже мало воспоминалъ, но по большей части о Христѣ, Сынѣ Божіемъ, какъ о простомъ человѣкѣ говоритъ, Его страданія за насъ воспоминаая, съ страданіями святыхъ верстааетъ....»

Читатели сами взвѣсятъ и оцѣнятъ силу возраженій преосвященнаго Арсенія. Святѣйшій Синодъ, какъ мы видѣли, не призналъ ихъ достаточно уважительными, и не нашелъ въ проповѣди Каллиграфа ни жидовства, ни кальвинства или люторства.

Вторая проповѣдь Каллиграфа, произнесенная въ день Введенія во храмъ пресв. Богородицы, отличается полною сдержанностію и вполне безупречна какъ по тону, такъ и по содержанію. Догматъ о почитаніи Божіей Матери, святыхъ и иконъ изложенъ въ ней проповѣдникомъ съ такою обстоятельностью и полнотою, что, намъ кажется, не оставляетъ желать большаго и для настоящаго времени.

Слово о призваніи святыхъ и о почитаніи иконъ, въ праздникъ введенія во храмъ пресв. Богородицы *).

Се отнынѣ ублажатъ мя вси роди. Лук. I, 18.

«И кто же, слышатели, пресвятую Дѣву не ублажить, кто пречистую Матерь Божию, блаженнѣйшею, кто ее благополучнѣйшею паче всѣхъ чловѣкъ не наречеть? Когда только подумаемъ о ея рожденіи, то нельзя не ублажать чудное и ангельскимъ благовѣстіемъ случившееся ея зачатіе; когда представляемъ торжественное ея во храмъ Божій введеніе, то не можно преблагополучнымъ не назвать всего свѣта дражайшее ея съ Богомъ соединеніе. Когда воспоминаемъ всего ея житія теченіе, то кто бы высокими похвалами не возвеличилъ непрерывное ея въ добродѣтеляхъ упражненіе? Что-жь скажемъ о томъ Ея состояніи, въ которомъ ангелъ Ей сказалъ: радуйся благодатная, Господь съ Тобою! въ которомъ Она, Духомъ Святымъ исполнена и силою Вышняго осѣнена, превѣчнаго Сына Божія, Спасителя міру, плотію зачала, въ которомъ отъ Елизаветы всерадостнѣйшій гласъ услышала: благословенна Ты въ женахъ... въ которомъ Сына Божія во плоти родивши, отъ волхвовъ Сыну Ея и Богу на поклоненіе пришедшихъ, дражайшіе дары получила, въ которомъ Сына своего, дванадцатилѣтняго, въ церкви сѣдяща по средѣ учителей и послушающа и вопрошающа увидѣла: какое то было ей величіе! Правда, было преблагословенной Дѣвѣ не мало и печалей: напаче когда Сынъ Ея, нашъ Спаситель, началъ путь спасенія показывать, волю Божию отрывать, а за то Его ругали бѣснымъ, ядцею, пійцею, другомъ мытарей и грѣшниковъ называли, а наконецъ различнымъ мученіямъ и на крестѣ безчестнѣйшимъ распятіемъ умертвили, однако когда и прежде смерти непостижимыми чудесами о божествѣ Его увѣрена была, то какое то благополучіе, и когда по трехъ днехъ отъ мертвыхъ воскресша увидѣла, когда по четырехдесятихъ днехъ взыде на небеса Сынъ Ея и Богъ въ воскликновеніи и Господь во гласѣ трубѣй, когда въ день пятидесятный Духа Святаго Сыномъ Ея отъ Отца посланнаго, въ огненныхъ языкахъ приняла; то какое блаженство, какое достоинство, какое величіе Богъ Ей сотворилъ! Да все-ли пренепорочныя Богоматере блаженство мы здѣсь уже описали? Никакъ. Блаженна она въ безсмертномъ своемъ успеніи, блаженна ангеловъ удививше своимъ отъ земли но небо съ плотію восхожденіемъ. Благословенна Она, яко съ Сыномъ своимъ и Богомъ вѣчно царствовать возвеличена, яко Она одна только близъ пресвятыя Троицы сѣсти сподобилась, вознесена, яко честнѣйшая херувимъ... и святою большею всѣхъ святыхъ отъ Бога прославилась, возвышена паче всѣхъ, рожденныхъ женами, когда Ея прошенія прежде того Богу пріятныя, моленія чловѣковъ ходатайственны, преславныя чудеса Ея, бѣднымъ помощны, когда

1) 1757 г. нояб. 21.

Она обидимыхъ заступница, алчущихъ питательница, странныхъ утѣшеніемъ, словомъ—всѣхъ скорбящихъ радость, христіанъ веселіе, быть удостоилась. Таковыми то и толь высокими достоинствы пречистую Дѣву Марію Богъ почтилъ, таковыми честыи прославилъ таковымъ блаженствомъ возвеличилъ, и кто бы отъ насъ пресвятую Богоматерь ублажать, высокими похвалами и похвальными пѣснями возвеличить не восхотѣлъ? Только то опасно, чтобы, хотя ее похвалить, скуднымъ умомъ нашимъ похвалы ея не умалить. Не нашего ума то дѣло; ангельскимъ очамъ глубина та неудобозрима, а человѣческимъ помысламъ высота оная много паче неудобовосходима, такъ потому и я къ толь неудобному дѣлу праниматься не дерзаю, вмѣсто похвалы разсудивъ въ слѣдующей моей рѣчи, прежде о должности призванія на помощь во первыхъ пречистыя Богоматере, а притомъ и прочихъ угодниковъ Божіихъ, потомъ и почитаніи святыхъ иконъ съ вашимъ христіолюбіемъ поговорить».

«И что до перваго касается, то-есть, что святыхъ, а наипаче Богоматерь на помощь призывать должно, то оное намѣренъ я утвердить однимъ только доказательствомъ, да такъ, по мнѣнію моему, сильнымъ, что и тѣи преисподніи силы противу стать не возмогутъ. Доказательство оное въ слѣдующихъ словахъ весьма ясно представить можно. Кто знаетъ наши нужды, хочетъ и можетъ намъ или самъ своею силою, или прошеніемъ своимъ помочествовать, того на помощь призывать должно; а понеже святіи, а выше всѣхъ Богоматерь, знаютъ наши нужды, хотятъ и могутъ намъ молитвами своими помочествовать, то уже явно, что какъ святыхъ, такъ наипаче Богородицу на помощь призывать должно. А что тѣхъ только на помощь призывать надлежитъ, которіи и знаютъ и хотятъ и могутъ помогать, всякому не трудно разсудить. Пускай только въ нищетѣ, въ крайней своей скудости, просить себѣ помощи или отъ того, который убожества его отнюдь не знаетъ, или хотя и знаетъ, да и самъ отъ голоду и холоду умираетъ; пускай впадши въ разбойники или между непріятели призываетъ на помощь или ружьемъ поворотить вовсе не знающаго, или довольныхъ къ тому силъ неимѣющаго, или врага своего, никакого добра, а потому и помощи ему не желающаго; пускай, наконецъ, въ болѣзни какой-нибудь призоветъ лекаря, или неискуснаго, или недобросовѣстнаго; пускай, говорю, кто въ помянутыхъ обстоятельствахъ помощи просить отъ тѣхъ, которіи или не знаютъ его нужды, или не хотятъ, или не могутъ ему помощи подать, какую бы тутъ онъ пользу получилъ? Подлинно никакую. Для чего? Понеже кто нужды его не знаетъ, тотъ никакого объ немъ сожалѣнія не можетъ, а хотя бы и зналъ, да буде не хочетъ помочь, то какая на него надежда? Буде же и знаетъ, и радъ бы помочествовать, да только не можетъ, то также отъ него ничего получить нельзя, а отсюду явно что противнымъ образомъ кто знаетъ нужды наши, хочетъ и можетъ помочествовать того только на помощь призывать должно. Тая то причина, для которой Богъ не велитъ на князи и на сыны человѣческія уповать. Тая то причина, что

царственный пророкъ Давидъ спасеніе человѣческое суетнымъ, а Бога крѣпостію, утвержденіемъ и прибѣжищемъ своимъ называетъ. Позналъ онъ, что между людьми иные не знаютъ, иные по злобѣ своей не хотятъ, а другіе по слабости не могутъ никакой помощи подать, а хотя бы и съискался одинъ или другой таковъ, который бы и зналъ и хотѣлъ и могъ пособить, однако не на долго оное пособіе пребываетъ, изыдетъ бо духъ его и возвратится въ землю свою, въ той день погибнуть всѣ помышленія его. А потому и помощь, отъ него ожидаемая, никакого успѣха не сдѣлаетъ. Видѣлъ онъ, напротивъ того, что тотъ только блаженъ, ему же Богъ Іаковль помощникъ его. Для чего? Понеже Богъ можетъ: велий Господь нашъ и велия крѣпость его. Понеже Богъ знаетъ; и разума его нѣсть числа. Понеже Богъ хочетъ намъ помочествовать: благъ Господь всяческимъ, и щедроты его на всѣхъ дѣлѣхъ его. А тѣмъ самымъ и намъ даетъ знать, что тѣхъ только на помощь призывать должно, которые и нужды наши знаютъ, и хотятъ и могутъ насъ защищать».

«Теперича надобно намъ разсудить: знаютъ-ли святые требованія наша? Могутъ-ли и хотятъ-ли намъ пособлять? Читаемъ какъ въ житіяхъ святыхъ отецъ, такъ и въ священномъ Писаніи, какъ пророки, апостолы, мученики и прочіе вѣрные рабы Божіи не только прошедшая и далеко отъ нихъ собывшаяся знали, но и будущая безъ всякой ошибки по откровенію Божію предвѣщали. Тутъ услышимъ осьмаго ¹⁾ Ноя, правды проповѣдника, о будущемъ всемірномъ потопѣ всѣмъ тогда бывшимъ людямъ, представляющаго; тутъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ,—сѣмъ благословенное Христось предвозвѣщается. Тутъ Моисей, исторію о началѣ міра Духомъ Святымъ открывающій, Тутъ онъ предвидѣлъ пророка того, котораго Богъ въ послѣднія времена отъ братіи его воздвигнути имѣлъ для искушенія рода человѣческаго. Тутъ Давидъ, тутъ Исаія, Іеремія и прочіе, то о будущемъ плѣненіи вавилонскомъ, то объ освобожденіи отъ того плѣненія, то о имѣвшемъ быть Спасителя нашего пришествіи, то о конечномъ разореніи іерусалимскомъ, то о прочихъ весьма не скоро по смерти ихъ собывшихся дѣлахъ, такъ обстоятельно пророчествовали, что лучше никто и настоящихъ вещей описать не можетъ. И се все въ ветхомъ завѣтѣ. А когда посмотримъ въ новую благодать, тутъ увидимъ, какъ та самая первѣйшая тайна о воплощеніи Сына Божія, первѣйшій всѣхъ преблагословенной Дѣвѣ Маріи открывається, какъ святой Іоаннъ еще во чревѣ матернемъ будучи Спасителя своего познавъ, радощами взыграся; какъ Богъ тайну спасенія нашего младенцемъ, т. е. неученымъ святымъ апостоламъ, открыть благоволилъ; какъ иной отъ апостоловъ, восхищенъ бывъ даже до третяго небесе, слыша неизрѣченны глаголы; иной въ Патмосѣ за слово Божіе изгнанъ, въ восторгѣ слышалъ и видѣлъ премногія бывшія и будущія тайны, какъ иной отъ прочихъ святыхъ, что еще не было, ясно предвидѣлъ; другой—что въ очень далекомъ разстояніи дѣлалось, какъ предъ глазами видѣлъ.

¹⁾ Осьмаго—т. е. вѣроятно, въ ряду прастцевъ ветхозавѣтныхъ?

Предъ инымъ и помышленія чловѣческія откровенны были, тысячу или паче безъ числа такихъ примѣровъ съискать всякому возможно, буди только священная ветхаго и новаго завѣта писанія, буди книгу житій святыхъ—почитать не обгѣнимся. Ежели-жъ во временномъ житіи, гдѣ Бога, якоже зеркаломъ въ гаданіи видѣли, гдѣ только отчасти Его разумѣли, ежели, сказую, въ семь житіи святые толь многія тайны видѣли, толь много о будущихъ предвидѣли, такъ ясно и помышленія другихъ познавали, то подумай, сколь много больше теперича знать могутъ, когда Бога, источника всякаго знанія и премудрости, лицемъ къ лицу видятъ, когда познаемъ Его такъ, какъ сами познаны были. Сколь несравненно больше наипаче пречистой Матери Божіей, сподобившейся съести близъ Пресвятой Троицы, а тѣмъ самымъ свѣта Божественнаго паче всѣхъ исполнены, дѣла, обхожденія и нужды наши откровенны, прошенія и требованія наши извѣстны. Тутъ я дерзновенно скажу, что на своей душѣ хулятъ святыхъ, ругаютъ пренепорочную дѣву Марію, а тѣмъ самымъ Бога безчестятъ все тѣ, которые говорить не стыдятся, будто святые ничего не знаютъ, нуждъ нашихъ не вѣдаютъ, прошеній нашихъ не слышатъ; увидягъ они когда свою ложь и горестно воздохнуть, и только безъ пользы».

«И то мы, православные церкви сынове, довольно разумѣвше, высокое святыхъ, а больше всѣхъ Пресвятая Богоматере знаніе и о томъ сумнѣтися не станемъ, что святые, зная наши скудости, хотять и всякимъ образомъ желаютъ намъ помоществовать, да кто бы столь безсовѣстенъ былъ, который бы о томъ сумнѣтися вздумалъ? Знаемъ, что святіи вси, а паче всѣхъ Богоматерь, Бога Создателя и Искупителя одною только вѣрою видя, любили Его всѣмъ сердцемъ, всею душею и всею крѣпостію, а любя Его, любили еще въ смертномъ тѣлѣ будучи, и ближняго своего или лучше сказать всякаго чловѣка,—такъ кто-бы сказалъ, что они теперича къ намъ любви не имѣютъ, когда того-жъ Создателя уже лицомъ къ лицу видя, несравненно больше любятъ, а когда насъ любятъ, то какъ бы намъ добра не желали? Вѣдаемъ, что иной отъ святыхъ, не смотря ни на жаръ, ни на зной солнечный, подъ дубомъ сидя страннымъ, мимоходящихъ въ домъ свой любезно призывалъ, иной бывъ нагохромымъ, окослѣпымъ, отецъ сиротамъ, и дверей своихъ ни передъ кѣмъ не запиралъ, иной всего имѣнія своего для нищихъ не щадилъ, иной молился бы быть анагема отъ Христа по братіи своей, а то все тогда еще было, когда плоть имѣли подобострастную намъ, и какъ бы теперича всѣхъ страстей, любви препятствующей свободитися и надъ любовію много ревностнѣйшее помощи желаніе не имѣли. Какъ бы самая мати Божія, источника милосердія родившая и высочайшрѣхъ щедротъ Божіихъ паче всѣхъ наслаждающаяся, насъ въ различныхъ бѣдахъ и напастяхъ находящихся заступленія своего лишитъ восхотѣла? Никакъ. Но сколько о нуждахъ извѣстны, столько непремѣнно и помощи намъ желаютъ».

«Посмотримъ же еще, могутъ ли намъ оной испросить: и тутъ-то ска-

зуетъ намъ святой Давидъ: волю боящихся его сотворить, и молитву ихъ услышитъ; свидѣтельствуеть приточникъ: далече отстоитъ Богъ отъ нечестивыхъ, молитвы же праведныхъ послушаетъ. Проповѣдуетъ святой апостолъ Іаковъ: много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема. Святой Іоаннъ Богословъ глаголетъ: даде имъ власть чадамъ Божиимъ быти вѣрующимъ во имя Его: и чего-жъ чада у отца испросить не могутъ? Можно было Аврааму прошеніемъ своимъ Содому и Гомору отъ паденія свободити, ежели бы въ нихъ по крайней мѣрѣ десять праведниковъ съискалось. Можно Моисею моленіемъ своимъ многократно народъ еврейскій отъ гнѣва Божія избавить, не трудно было праведному Іонѣ другомъ своимъ прошеніе у Бога испросить, легко было святому пророку Іліи молитвою огонь съ неба свести, небо да не дастъ дождя, сотворить и паки отворить. Въ состояніи были святыя апостолы, мученики и прочіе угодники Божіи молитвами своими мертвыхъ воскрешать, хромыхъ, глухихъ, разслабленныхъ исцѣлять. А все то могли они еще въ смертномъ тѣлѣ будучи, гдѣ еще страстямъ человѣческимъ подвержены были, а потому и согрѣшить и Бога разгнѣвать могли. Что-жъ скажемъ о блаженномъ ихъ нынѣшнемъ состояніи, когда уже день и ночь предъ Богомъ предстоятъ? Когда уже ни согрѣшить, ни Бога раздражить не могутъ? Когда уже несказанно Бога любятъ, а потомъ въ высочайшей его милости находятся. Въ такомъ, говорю, состояніи молитвы не сильны, прошенія недѣйствительны-ли намъ будутъ? А наипаче не услышитъ-ли свою дражайшую мать тотъ, который накрѣпко велитъ почитать отца и мать? Кто то сказать дерзнетъ? А ежели бы паче чаянія, кто и не постыдился то утверждать, то дерзновенно скажу, что такому и Бога не трудно отвергать. Но мы совершенно познавъ, что святыя, а наипаче Богоматерь, и знаютъ нужды наши, и хотятъ сердечно намъ помогать и могутъ намъ помощи у Бога испросить, не станемъ ни мало сумнѣться, что святыхъ угодниковъ Божіихъ, а выше всѣхъ Матерь Божию, на помощь призывать должно. Не станемъ опасаться, чтобы ихъ, какъ нѣкіи безумно говорятъ, не обезпokoить, понеже знаемъ, что они въ такомъ покоѣ находятся, котораго не только никакимъ призываніемъ, но и ни какимъ образомъ помѣшать никакъ не можно. Не станемъ бояться, чтобы тѣмъ призываніемъ не умалить чести заслугамъ Христовымъ, понеже знаемъ, что хотя Павелъ и другіе святыя, во временномъ житіи будучи, просили другъ друга о молитвѣ, однако тѣмъ важности заслугъ Христовыхъ ни мало не отняли, одного только намъ беречься надобно: чтобы святыхъ или Матерь Божию не какъ самого Бога на помощь призывать, не просить у нихъ помощи такъ, будто они сами своею силою, своею волею и могуществомъ безъ воли Божіей намъ пособлять могутъ; нѣтъ, такое призываніе сдѣлаеть святыхъ богами, и такъ сколько святыхъ столько и боговъ у насъ будетъ, а потому богопротивное и соборами св. отецъ отверженное многобожіе введется. Но понеже, хотя святіи знаютъ, да не сами отъ себя, но откровеніемъ Божиимъ, хотя желаютъ и могутъ намъ помоще-

ствовать, да не своею собственною властію, но только прошеніемъ своимъ у Бога, того ради всякъ разсудить можетъ, да и церковь наша научаетъ, что святыхъ угодниковъ должно призывать, да только такъ, чтобъ они съ нами и о насъ Бога всемогущаго молили и моленіемъ своимъ помощи намъ отъ него испросили. Такое призваніе святыхъ есть богоугодное, а когда богоугодное, то и должное, буде же должное, то кто противиться станеть, что иконы ихъ почитать есть дѣло православное? Ежели портретъ государевъ за то почитаемъ, что онъ отъ Бога помазанъ, что о всемъ государствѣ промышляетъ, праведные суды уставляетъ, отъ непріятеля защищаетъ, о всякомъ довольствѣ, мирѣ и благоденствіи нашемъ старается, ежели изображенія друзей нашихъ въ особой чести содержимъ, то кольми паче любить, лобызать, почитать должно образы угодниковъ Божіихъ, Богоматери и самого Христа Спасителя... Ежели славныхъ воиновъ статуи поставляются, для того, чтобы всякъ, видя изображенія, позналъ каковъ и кто тотъ герой былъ, то кольми паче надобны образы Спасителя, Богоматери и святыхъ, дабы всякъ и неграмотный научиться могъ, каковымъ образомъ Христосъ насъ отъ вѣчнаго смерти избавилъ... Намъ надлежитъ не веществу, во иконахъ бываемому, .не древу, не мѣди, не серебру не злату, не камнямъ дорогимъ, ниже рукописному искуству честь воздавать, таковымъ бо образомъ иконы какъ Бога почитали бы, по самому представляемому иконою, т. е. тому, кого икона являетъ, и на икону взирающе, умъ на невидимая и божественная возводить должно. Такое иконъ святыхъ почитанье есть православное, а противное ему есть идолослуженіе».

«И такъ довольно кажется я показалъ, что призваніе на помощь святыхъ, а наипаче Богоматере и святыхъ иконъ почитаніе, есть дѣло должное, а потому и спасительное. Можетъ кто меня спроситъ, для чего-жъ ты прежде въ день праздника Владимірской Богородицы на проповѣди сказывалъ, что ни святые, ни Богоматерь, ни иконы ихъ ничего намъ не помогутъ. Такому я коротко отвѣщаю: правда, говорилъ я, что не помогутъ, и помогать не восхотятъ, да вспомни только, какъ тамъ говорено; тамъ не просто, но съ прологомъ сказано,—ежели не будетъ въ насъ то мудрствоватися, что во Христѣ Исусѣ, т. е. ежели въ насъ не будетъ нелицемѣрная отъ вѣры во Христа происходящая любовь къ Богу и ближнему, ежели о покаяніи за грѣхи наши и думать не станемъ, то непремѣнно и святіи нашего прошенія не примутъ; и подлинно такъ есть, ибо какъ самъ Богъ, такъ и святіи ему во всемъ послѣдующе, грѣшниковъ не послушаютъ, но аще кто богочецъ есть, и волю его творить, того послушаетъ; противнымъ же образомъ, ежели несумнѣнную въ Бога вѣру, ежели непритворную къ Богу и ближнему любовь имѣть стараться будемъ, то какъ тогда я говорилъ, такъ и теперича сказую, что хотя бы по человѣческой слабости и согрѣшить намъ случилось, однако буде только съ истиннымъ покаяніемъ къ Богу обратимся, а притомъ святыхъ, наипаче же пресвятую Богородицу

просить станемъ, чтобы они съ нами и за насъ Бога молили, то они прошенія наши услышатъ, и вси единодушно падуть предъ величествомъ Божиимъ, оставленіе грѣховъ наше просяще, и дотоѣ не престануть, покажь прошеніемъ своимъ совершеннаго намъ прощенія не исходатайствуютъ, покажь оправданія намъ не испросятъ, и насъ съ сынами Божиими и вѣчнаго блаженства наслѣдниками не сотворятъ. Еже буди всѣмъ намъ получити. Аминь».

II) *Игуменъ Патрикій.* ¹⁾

Но не въ однихъ только центрахъ русской образованности, каковы были въ то время Петербургъ, Москва и Кіевъ, а и въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, какова была Казань, слышалось въ это время не только по времени весьма искусное въ гомилетическомъ отношеніи, но и смѣлое-публицистическое слово.

Съ 1738 года по 1752-й въ Казани епископствовалъ преосвященный Лука Канашевичъ. По условіямъ мѣстной жизни, главная потребность церкви состояла здѣсь въ обращеніи инородческаго, языческаго и магометанскаго, населенія епархіи, въ православіе. Рядомъ настойчивыхъ представленій въ Св. Синодъ преосвященному Лукѣ удалось заинтересовать въ пользу этого дѣла высшее церковное и гражданское правительство и исходатайствовать значительныя льготы новокрещеннымъ, также значительную денежную ежегодную ассигновку на устройство церквей и школъ въ инородческихъ приходахъ, на матеріальную поддержку новокрещенныхъ, которые терпѣли утѣсненія отъ некрещенныхъ своихъ односельцевъ и помѣщиковъ—мураѣ. Благодаря этимъ мѣрамъ, а также личной энергіи преосвященнаго Луки и его помощниковъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ извѣстный Дмитрій Сѣченовъ, впоследствии митрополитъ новгородскій, завѣдывавшій въ это время, въ санѣ архимандрита, конторой новокрещенскихъ дѣлъ въ Казани, дѣло христіанскаго просвѣщенія поволжскаго края пошло такъ успѣшно, что цифра крестившихся инородцевъ, около 1725 года не превышавшая въ казанскомъ краѣ 13,322 человекъ, въ 1747 году достигла до 100.000 человекъ. Но конечно успѣхъ христіанской проповѣди въ казанской епархіи былъ бы еще болѣе блестящій, если бы миссіонерская дѣятельность мѣстной епархі-

¹⁾ Архива Св. Синода, дѣло № 223, 1751 года.

альной власти не парализовалась съ одной стороны тѣми колебаніями, кагія происходили во внутренней политикѣ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія, при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго, и кагія, какъ извѣстно, всего больше отражались на церковныхъ дѣлахъ вообще и въ частности въ отношеніи къ вопросу о вѣротерпимости,—а съ другой —тѣми отношеніями, въ кагія, соотвѣтственно этимъ колебаніямъ высшаго правительства, становились къ миссіонерамъ мѣстныя гражданскія власти, находившія нужнымъ, по временамъ, изъ побужденій вѣротерпимости, сдерживать просвѣтительные порывы казанской іерархіи. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, указомъ 11 сентября 1740 года опредѣлено было крестившихся татаръ выселять изъ среды не крестившихся и поселять между православными, — что, во первыхъ неизбѣжно вело къ матеріальному обѣднѣнію новокрещенныхъ и, во вторыхъ, возбуждало въ некрестившихся чувство гордости и киченія, такъ какъ это выселеніе новокрещенныхъ съ отцовскихъ пепелищъ выставлялось магометанами какъ слѣдствіе царской опалы. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, принимавшей, какъ извѣстно, самое живое и сочувственное участіе въ дѣлахъ церкви вообще, и въ частности въ дѣлѣ распространенія христіанства между инородцами въ Россіи, указомъ 28 сентября 1743 года предписано было: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ христіане, въ особенности новообращенные, живутъ вмѣстѣ съ магометанами, сломать мечети, а на мѣсто ихъ построить церкви,—не принуждая, впрочемъ, никого силою принимать христіанскую вѣру. Но татары подняли такую борьбу за свои мечети, что правительство нашлось вынужденнымъ, въ продолженіе двухъ послѣдующихъ годовъ, издать новые указы, съ разными измѣненіями и ограниченіями въ пользу татаръ. Въ 1744 году Св. Синодъ и Правительствующій Сенатъ, совмѣстно обсудивъ положеніе миссіонерскаго дѣла въ поволжскомъ краѣ, постановили: тамъ, гдѣ новокрещенные жили вмѣстѣ съ магометанами, сломать мечети и магометанъ выселить въ другія мѣста, а гдѣ живутъ одни магометане, мечети оставить и даже дозволить построить новыя, если прежде существовавшія были сломаны по силѣ предыдущихъ указовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, чтобы на каждую мечеть приходилось не менѣе 200—300 магометанъ...

Подъ вліяніемъ такихъ измѣненій въ законодательствѣ относительно миссіонерскаго дѣла, какъ мы сказали, весьма часто возникалъ антагонизмъ между властію церковною въ Казани, которая настойчиво преслѣдовала свою цѣль, мало соображаясь съ тѣмъ настрое-

ніемъ, какое господствовало относительно религіознаго вопроса, въ данный моментъ, въ правительственныхъ сферахъ въ Петербургѣ, или — лучше сказать — вовсе не зная о нихъ и не дѣлая никакого различія между временемъ императрицы Анны и императрицы Елизаветы, — и властію гражданскою, которая, какъ увидимъ, изъ побужденій не всегда безкорыстныхъ, приспособляясь къ обстоятельствамъ времени, находила возможнымъ иногда открыто мирволить татарамъ и издавала распоряженія, діаметрально противоположныя усиліямъ власти епархіальной, которая не чужда была наклонности къ мѣрамъ репрессивнымъ. Такой именно характеръ отношеній между двумя властями обнаружился изъ дѣла о проповѣди въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, произнесенной 29 іюня 1750 года въ казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ игуменомъ Седмизерной пустыни, іеромонахомъ Патрикіемъ. Проповѣдь эта представляетъ фактъ весьма любопытный въ исторіи не только мѣстной, епархіальной, но можно сказать въ исторіи русской церкви вообще: церковная власть рѣшается перенести борьбу съ оппозиціей власти гражданской на церковную каюдру, и путемъ церковнаго слова вліять на мѣстное общественное мнѣніе, а чрезъ него и на исходъ самой борьбы.

Генваря 16-го, 1751 года, Правительствующій Сенатъ, вслѣдствіе рапорта казанской губернской канцеляріи, по донесенію оберъ-коммисара казанской адмиралтейской конторы, Баранчева, да статскаго совѣтника Бахметева, вошелъ, въ Святѣйшій Синодъ промеморіей, въ которой излагалъ, что въ Казани 29 іюня, въ праздникъ первоверховныхъ апостоловъ и въ день тезоименитства его императорскаго высочества наслѣдника престола, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, на литургіи, при многихъ знатныхъ персонахъ и при многонародномъ собраніи, седмизерныя пустыни игумень, іеромонахъ Патрикій, сказывалъ казанье, въ которомъ между прочими словами употребилъ нѣкоторыя непристойныя и противныя указамъ слова: якобы христіане не токмо помогаютъ магометанамъ въ законѣ ихъ, но и крестившихся паки стараются развратить въ магометанство, да и мечети ихъ магометанскія, которыя были разорены, паки возобновлены и построены якобы изъ бездѣльной корысти; а понеже помянутыя магометанскія мечети, какъ въ Казани, такъ и въ разныхъ уѣздахъ казанской губерніи, по челобитью ихъ, магометанъ, велѣно построить, по присланнымъ въ 1744 и 1749 годахъ указамъ Правительствующаго Сената, то упомянутыя употребленныя въ томъ казаньи слова непристойныя слѣдуютъ весьма въ противность онимъ Правительствующаго Сената указамъ и духовному регламенту, чего для, по при-

сяжной должности, имъ, доносителямъ, о таковыхъ непростойныхъ словахъ умолчать опасно.

Святѣйшій Синодъ потребовалъ соотвѣтственныхъ свѣдѣній по дѣлу отъ мѣстнаго преосвященнаго. Преосвященный Лука, еще въ бытность свою іеромонахомъ, извѣдавшій нѣкоторыя неудобства близкаго соприкосновенія съ тогдашнею свѣтскою администраціей ¹⁾, счелъ своею обязанностію защитить своего проповѣдника и обнаружилъ по настоящему дѣлу такую горячность, какъ будто бы оно было его личное дѣло ²⁾. По дознанію преосвященнаго оказалось, что Баранчевъ имѣлъ «прилежное съ татары сотрудничество и рачительство о нечестивой ихъ сектѣ, — о чемъ, какъ и о прочихъ противъ должности христіанской чинимыхъ имъ дѣйствахъ и худыхъ намѣреніяхъ, каковыя къ немалому крещаемыхъ народовъ соблазну служатъ», онъ считаетъ долгомъ донести при настоящемъ удобномъ случаѣ Святѣйшему Синоду. Сотникъ татарской слободы Бахметъ Кутлинъ, принявъ святое крещеніе (переименованный при этомъ въ Корнилія), умыслилъ снова перейти въ басурманство, и увлекъ за собою нѣсколько другихъ новокрещенныхъ. Баранчевъ пособствуя его намѣренію, вопреки закону снабдилъ его и его товарищей отъ себя пашпортомъ, съ тѣмъ, чтобы они ѣхали въ Петербургъ и тамъ подали челобитье

¹⁾ Преосвященный Лука, изъ воспитанниковъ кіевской академіи, былъ нѣкоторое время учителемъ въ московской славяно-греко-латинской академіи, а оттуда перемѣненъ въ 1732 году на должность законоучителя шляхетнаго кадетскаго корпуса. Состоя въ этомъ послѣднемъ званіи, іеромонахъ Лука писалъ между прочимъ въ Святѣйшій Синодъ, что онъ «находится при корпусѣ безъ основательнаго опредѣленія, понеже, чтобы кадеты по должности христіанской въ посты исповѣдывались и божественныхъ таинъ приобщались, и во всякомъ духовномъ дѣлѣ были ему послушны, сего имъ ни откуда не приказано, и мнѣ по званію своему катехизацію исправлять и службу въ церкви совершать въ какіе дни и часы — инструкціи не дано». Въ качествѣ учителя въ Москвѣ, живя въ монастырѣ, онъ получалъ жалованья 150 рублей; теперь же «при публичномъ мѣстѣ обрѣтаясь, гдѣ всякій харчъ цѣною противу московскаго вдвое, а по времени и втрое дражайше покупается, — а жалованья положено всего 250 рублей, — что и къ единому пропитанію не довѣдетъ. О семъ Ваше Святѣйшество милостивое прошу учинить обо мнѣ разсмотрѣніе, чтобы мнѣ отъ глада и хлада не погибнути», — заключаетъ свое доношеніе іеромонахъ Лука. (См. Архивъ Св. Синода, дѣло № 736, 1832 года).

²⁾ На близкое отношеніе къ настоящему дѣлу преосвященнаго Луки есть указаніе и въ самой проповѣди: «и у насъ мнози случаются, которые святымъ апостоламъ въ грудахъ ихъ не подражаютъ, да и подражающихъ имъ богоугодныхъ мужей зѣльно ненавидятъ, пречестную ихъ славу, которая благоразумному мужу толь любима и пріятна, что лучше ему умереть, нежели оную погубить, кажется по подобію лютейшихъ звѣрей, пардовъ, не милостивно терзаютъ и съ блатомъ мѣшаютъ». См. ниже.

въ Правительствующій Сенатъ. Другой случай. Въ казанской губернской канцеляріи, вслѣдствіе донесенія преосвященнаго Луки и конторы новокрещенскихъ дѣлъ, производилось дѣло о татаринѣ Сулейманѣ Нуркинѣ, который совратилъ въ магометанство крещеныхъ уже калмыковъ и совершилъ надъ ними обрѣзаніе. Изъ губернской канцеляріи и изъ консисторіи, а равно и изъ конторы новокрещенскихъ дѣлъ, Баранчеву дано было знать промеморіями, чтобы сихъ татаръ, какъ находящихся подъ слѣдствіемъ, никуда не отпускать, и паспортовъ имъ не давать. Не смотря на то, Баранчевъ, самопроизвольно прекратя слѣдствіе, далъ подсудимымъ пашпорты для отъѣзда въ Петербургъ, — чѣмъ явно обнаружилъ себя не только содружникомъ татаръ, но и прилѣжнѣйшимъ несчастія рачителемъ, пренебрегая указы и являя крайнюю противу должности христіанской противность». Былъ и третій подобный случай. Указами Сената въ казанскую губернскую канцелярію и Святѣйшаго Синода къ преосвященному Лукѣ повелѣно было, въ замѣнъ земли, взятой у татаръ, жившихъ въ татарской слободѣ, подъ церковь для принявшихъ изъ нихъ крещеніе, дать имъ соотвѣтствующее количество удобной земли въ другомъ мѣстѣ, что и сдѣлано преосвященнымъ совмѣстно съ губернской канцеляріею и о чемъ рапортовано въ Святѣйшій Синодъ и Сенатъ. «Оный Баранчевъ, по крайней своей злости, не хотя видѣть добра и покоя, изъ тѣхъ татаръ ябедниковъ съ пашпортами въ С.-Петербургъ отправилъ, тщася каковымъ-либо способомъ дѣло Божіе растящее къ созданію вѣры, испровергнуть, — почему оный Баранчевъ не токмо общимъ враждебникомъ, но и въ христіанствѣ сумнительнымъ быть видится». Изъ всѣхъ этихъ фактовъ преосвященный заключаетъ, что «экспликуя ту проповѣдь указамъ противною, Баранчевъ, хотѣлъ тѣмъ озлобить не токмо того проповѣдника, но и всему чину духовному нанести укоризну и воспрепятствовать дѣйству проповѣди слова Божія, вознегодовавъ на нее за то, что она обличала нечистую его совѣсть. Въ самой же проповѣди ни каковыхъ противныхъ указу словъ не находится».

О личности проповѣдника мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ документальныхъ свѣдѣній. Вѣроятно, это былъ одинъ изъ тѣхъ воспитанниковъ кievской или московской академіи, которыхъ выписалъ въ Казань преосвященный Лука въ качествѣ учителей для своей семинаріи, устроенной имъ совершенно на образецъ академіи, съ тѣмъ же почти составомъ классовъ и съ тѣмъ же курсомъ наукъ. Точное выполненіе отцемъ Патрикіемъ въ своей проповѣди всѣхъ предписаній тогдашней риторики, господствовавшей въ кievской и

московской академіяхъ, относительно построения проповѣди, ея раздѣленія на части и пр., чисто латинская, ломоносовски-правильная конструкція рѣчи въ ней — совершенно такая, каковая свойственна была людямъ, проходившимъ весь курсъ наукъ на латинскомъ языкѣ, убѣждаютъ насъ въ этомъ предположеніи. Самое «слово» любопытно съ точки зрѣнія гомилетической—какъ доказательство того, какъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе въ русской проповѣди того времени слабѣетъ схоластическій элементъ: относительно построения проповѣди и языка, оставаясь вѣрнымъ школьной традиціи, провинціальный проповѣдникъ въ содержаніе проповѣди смѣло привноситъ новый, жизненный публицистическій элементъ, — рядъ удачныхъ намековъ на лица, на порядокъ теченія общественныхъ дѣлъ въ мѣстномъ обществѣ, — отнюдь не хуже, чѣмъ какъ это дѣлали современныя ему ораторскія знаменитости Москвы и Петербурга—Съченовъ, Флоринскій, Юшкевичъ.

Обратимся къ самой проповѣди отца Патрірія.

Исходнымъ пунктомъ своей проповѣди проповѣдникъ беретъ слова апостола (1 Кор. гл. 3): *кѣйждо пріемлетъ мзду по своему труду*. Экзордіумъ или вступленіе составляетъ «интерпретація» этихъ словъ, состоящая, согласно предписанію риторики, въ исчисленіи видовъ общихъ понятій *кѣйждо* и *мзда*. «Добрымъ истиннаго и нелицемѣрнаго труда заслугамъ всегда достойное послѣдовать обыче возмездіе, слушатели благочестивые. Трудолюбивый *земледѣлецъ* зѣло великіе полагаетъ труды, егда въ веселое теплога мѣта время на широкое съ острымъ раломъ, своимъ выѣхавши поле, ужемъ жребодаянія себѣ опредѣленную ореть землю и различныя во оную полагаетъ сѣмяна, но послѣжде обильнѣйшіе сѣянія и горанія своего собираетъ плоды, ими же чрезъ годищное паки время бѣдное свое безъ нужды опроваждаетъ житіе. Великою одаренный храбростію *воинъ*, коль довольные съ чела своего изливаетъ слезнаго пота токи, коль неудобосносные подъемлетъ тяжести противу лютаго за сладчайшее отечество непріятели кровавой брани совершая подвигъ, обаче за сіе уреченное себѣ отъ государя своего получаетъ награжденіе, похвальнымъ знаменитыя славы вѣнцемъ вѣнчается и златую на выю свою пріемлетъ гривну. Прилежный *виноградодѣлатель* не въ зельномъ ли пребываетъ трудѣ, виноградъ свой насаждая и напаяя и крѣпкимъ его ограждая оплотомъ, однако и той конечно мзды своей не лишается: убо созрѣвшимъ винограда того плодомъ до сытости онаго насыщается. Кто же на послѣдокъ избрѣстися можетъ, иже бы неусыпное о стадѣ своемъ имѣлъ попеченіе и отъ сладкаго тѣхъ не

вкусалъ бы млека, ниже бы теплою ихъ тѣло свое одѣвалъ волною? Во истину, яко же мрачная сѣнь солнечнаго во слѣдъ ходитъ свѣта, сице добрымъ искреннаго труда заслугамъ достойное всегда послѣдуетъ возмездіе.. *Кійждо свою мзду приметъ по своему труду...* Въ достовѣрнѣйшій сея вещи примѣръ умыслилъ я предложить нынѣ празднественно почитаемыхъ святыхъ апостолъ, которые достойную мзду себѣ пріяти сподобилися, яко искреннія и нелицемѣрныя подняли труды и подвиги».

Согласно выраженной въ послѣднихъ словахъ *ѳемъ*, «наррація» проповѣди и состоитъ въ рѣшеніи двухъ вопросовъ: 1) какіе св. апостоловъ были труды, и 2) кая имъ по трудѣхъ тѣхъ мзда воспослѣдовала. Раскрытіе этихъ предметовъ не лишено, по видимому, заднихъ мыслей и намековъ, предназначавшихся, конечно, не столько «для многонароднаго собранія», сколько для «многихъ знатныхъ персонъ» Казани, присутствовавшихъ при произнесеніи проповѣди. Хотя всѣ апостолы понесли великіе труды въ дѣлѣ проповѣди Христова ученія, но св. Петръ и Павелъ паче всѣхъ потрудились; о нихъ преимущественно можно сказать: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ. Они, преимущественно, отгнали эллинскую прелесть и сокрушили немощныя демоновъ дерзости. «И что всего дивнѣйше есть, продолжаетъ проповѣдникъ, яко сіи простяки немощни и худородни суще, единъ рыболовъ, другій шатродѣлатель, самымъ сильнѣйшимъ царемъ и владыкамъ дерзновенно сопротивилися, и въ Римъ пришедше самого императора римскаго Нерона свободнымъ гласомъ обличить не убоялись, о его же лютоści звѣрообразной Тацитъ историкъ изрядно повѣствуетъ, яко онъ безбожный мучитель, недовольствуясь общею на христіанъ ненавистію, приложилъ еще самую тягчающую клевету: самъ велѣлъ Римъ зажещи, а въ народъ слухъ пустилъ, что христіане то сдѣлали... Онъ же звѣрообразный мучитель велѣлъ христіанъ звѣриными шкурами обшивать и такъ на псы ловчіе выводить. То едина его потѣха была, а съ другими другая: многихъ повелѣлъ сѣрчатою лучиною обвязать и обмазывать воскомъ и гѣ сваямъ привязанныхъ въ саду зажигать для свѣта въ нощныхъ своихъ потѣхахъ. До здѣ Тацитъ. Мы же на прежняя возвратимся. Не сія ли апостоли были всего міра предстатели? Не сія ли богопротивныхъ еретиковъ посрамивше, церковь святую на незыблемомъ камени Христѣ утвердили?»...

Изложивши, затѣмъ, со всею подробностію словами книги Дѣяній апостольскихъ и посланій Павловыхъ всѣ частные факты про-

повѣдическихъ подвиговъ св. Петра и Павла, проповѣдникъ обращается ко второму, поставленному имъ вопросу: «какая имъ по трудамъ мзда воспослѣдовала? Несомнѣнно утверждаю, что трудившіеся имени ради Христова празднуеміи нынѣ святіи апостоли не иную мзду по трудахъ своихъ получили, точію славу присносущную, блаженство безконечное и царствіе небесное». Въ подтвержденіе своей мысли проповѣдникъ рассматриваетъ притчу о дѣлателяхъ въ виноградникѣ, нанятыхъ виноградаремъ въ третій, шестой, девятый и едионадесятый часъ, приводитъ объясненіе ея св. Григоріемъ Двоесловомъ и другими отцами и наконецъ переходитъ къ правоучительной части проповѣди. «И нынѣ трудящіеся имени ради Христова и Господу искренно работающіи неравную о себѣ мзду на небѣ получить имѣють, но за большій трудъ большая мзда будетъ, за меньшій же меньшая, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу... Всякъ бо отъ своихъ дѣлъ или прославится или постыдится... И никто же чрезъ чуждую добродѣтель, то есть чрезъ заслуги предковъ и родителей, сродниковъ и знаемыхъ, можетъ себѣ стяжати благодать у Бога и святъ быти, развѣ точію чрезъ собственные труды. Якоже добродѣтель родительская развѣ добродѣтельнымъ наслѣдникомъ бываетъ полезна, злымъ же никакоже помоществуетъ; такожде и сопротивнѣ — добродѣтель внуковъ и правнуковъ, Богу угодившихъ, не можетъ праотцемъ, во грѣсѣхъ умершимъ, полезна быти. Яко же ни Христосъ таковыхъ праотецъ своихъ восхотѣлъ избавити. Кто святѣйшій Христа, а праотцамъ своимъ, ихъ же праведный судъ Божій за премогаю и безмѣрная беззаконія въ геену осуди, тѣмъ помощи никакоже изволилъ есть».

Затѣмъ слѣдуетъ заключительная часть слова, содержащая въ себѣ тѣ «непристойныя и противныя указанія слова», которыя такъ оскорбили Баранчева и Бахметева «...Слышавше о трудѣхъ нынѣ празднуемыхъ святыхъ апостоловъ, въ обращеніи къ Вѣрѣ Христовой обратимъ убо на себе слово, и рассмотримъ прилежно, какъ то мы, христіане именуемы, въ таковыхъ же трудахъ подражаемъ апостоламъ? Якоже въ прежнія времена многи бывали таковіи, которіи, апостоламъ не согласуя, о скверныхъ кумирахъ поборали, тако и у насъ многи случаются, которіи не только въ такихъ же трудахъ нынѣ празднуемымъ апостоламъ не подражаютъ, но еще противная онымъ по истинѣ содѣвають. Апостоли Христови по всему міру странствовали, слово Божіе проповѣдающе, а у насъ многи случаются, которые столько какъ до татарскія слободы, подлѣ самаго нашего города имѣющіяся, ради добраго увѣщанія, еже бы язычн-

камъ злочестивое суевѣріе оставити, въ вѣру же Христову обратитися, никогда же поити не желаютъ. Апостолы Христовы множайшихъ еллиновъ, отнюдь увѣрить не хотящихъ, премудрымъ ученіемъ своимъ въ познаніе Бога и въ вѣру привлекали Христову; а у насъ многи случаются, которые самоизвольно приходящихъ ино-вѣрцевъ нечестивымъ совѣтомъ своимъ отвращаютъ и отъ вѣры отгоняютъ. Апостолы Христовы, грады и веси проходяще, ложныхъ языческихъ боговъ капища небоязненно разоряли и мервкихъ идоловъ, въ нихъ же нечистиі души бѣсовскіи гнѣздишася, вовсе сокрушали; а у насъ многи случаются, которіи богомерзкая капища или, паче рещи, магометанскія мечети разоренныя уже не только возобновить, но, ежели-бъ христіаномъ не зазорно-бъ было, и вновь руками своими сооружать скверныхъ ради прибытковъ, не отреклися-бъ. А что всего худше есть, яко у насъ многи случаются, которіи святымъ апостоламъ Петру и Павлу въ таковыхъ же трудахъ отнюдь не подражаютъ, да и подражающихъ имъ богоугодныхъ мужей лукавымъ наущеніемъ діаволими зѣльно ненавидятъ, сатанинскою на нихъ злобою безстуднѣ дышуть, пречестную ихъ славу, которая благоразумному мужу толь любима и пріятна есть, что лучше ему умерти, нежели оную погубити, кажется по подобію лютейшихъ звѣрей, пардовъ, немилостиво терзаютъ, и съ блатомъ мѣшаютъ. Оле крайняго сицевыхъ безумія! Оле тяжкаго ослѣпленія! Не вси же, повторяя глаголю, но только нѣкоторіи толь развращеннаго случаются состоянія: убо вопреки множайшии у насъ таковіи обрѣтаются, которые по всему нынѣ празднуемымъ апостоламъ въ трудахъ подражаютъ. Изряднѣе же подражаетъ въ трудахъ нынѣ правдуемымъ апостоламъ Петру и Павлу мать отечества всероссійскаго благочестивѣйшая государыня наша Елизаветъ Петровна, императрица августѣйшая, также нынѣшній имянинникъ, благовѣрный государь и великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, въ чемъ и любезнѣйшая его супруга Екатерина Алексѣевна не несогласна быти видится. Сихъ бо всеусерднымъ стараніемъ столько уже языческаго народу въ вѣру Христову обратилось, сколько въ полуночное наипаче зимы время свѣтло на тверди небесной звѣздъ исчислити возможно есть. Сихъ-то стараніемъ уже православныя тамо съ пречестными иконами созерцаемъ церкви, гдѣ прежде магометанскія съ гнусными идолами были мечети. Сихъ стараніемъ уже имя Божіе тамо отъ христіанъ прославляется, гдѣ прежде магометанскій кумиръ почитался. Сихъ стараніемъ уже христіанское тамо процвѣтаетъ благочестіе, гдѣ прежде магометанское суевѣрное возростало нечестіе, — за которое ихъ всеусердное и апосто-

ревностное стараніе въ обращеніи языческаго народа къ вѣрѣ Христовой уже и изда имъ равноапостольная отъ Христа Господи готовится въ царствіи небесномъ. Еже буди имъ получить, купно же и всѣмъ имени ради Христова труждающимся, молитвами св. апостолъ Петра и Павла. Аминь».

Неизвѣстно, чѣмъ окончилось настоящее дѣло. Изъ Синодальнаго производства впрочемъ, видно, что Св. Синодъ склонился на сторону игумена Патрикія и преосв. Луки: въ концѣ дѣла, на последнемъ листѣ на справку выписано изъ «докладныхъ Святѣйшаго Синода блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти государю императору Петру Великому пунктовъ» слѣдующее: «когда кто за проповѣдь на священника вознегодуетъ, за то, что проповѣдію иногда въ чемъ о совѣсти своей можетъ обличено быть и начнетъ чинить священнику отмщеніе или обиду, — на оной пунктъ собственною его величества рукою написано тако: «противъ прочихъ воровствовавъ по важности вины».

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІИ И ЕГО „ДОНОШЕНІЯ“.

(По поводу XXV-го тома «Исторіи Россіи» г. Соловьева).

«Общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно историческою жизнью народа и передаются отъ одного поколѣнія другому безчисленными нитями живаго преданія».

Ю. Ѡ. Самаринъ.

I. О личности Арсенія Маціевича и его знаменитомъ дѣлѣ у насъ писано довольно. Починъ разработки этого интереснаго эпизода въ нашей церковной исторіи принадлежитъ И. А. Чистовичу, который, на основаніи документовъ государственнаго архива, первый изложилъ въ общихъ чертахъ, какъ біографію Арсенія, такъ и все дѣлопроизводство, возникшее въ св. синодѣ по поводу его «доношеній». Почтенный ученый ограничился впрочемъ лишь документальнымъ изложеніемъ дѣла, съ точки зрѣнія официальныхъ актовъ, бывшихъ у него подъ руками. Поэтому трудъ его вызвалъ дополнительное изложеніе фактовъ и критическія замѣчанія извѣстныхъ нашихъ историковъ: гг. Соловьева, покойнаго М. П. Погодина, графа М. В. Толстаго и другихъ (замѣчанія эти напечатаны въ газетѣ «День», гдѣ помѣщено и изслѣдованіе г. Чистовича). Нѣсколько позже, въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» напечатанъ и самый текстъ знаменитаго перваго «доношенія» преосвященнаго Арсенія св. синоду. Наконецъ, въ прошедшемъ году, въ «Православномъ Собесѣдникѣ» напечатаны «Чтенія изъ русской церковной исторіи за время царствованія Екатерины II» г. Знаменскаго, въ которыхъ почтенный профессоръ, пріобрѣтшій въ нашей духовной литературѣ вполне заслуженную извѣстность своими капитальными трудами по исторіи русской церкви, посвящаетъ нѣсколько главъ разсказу о се-

куляризації церковныхъ и монастырскихъ имуществъ при Екатеринѣ II и о «протестѣ» — какъ называется онъ «доношеніа» Арсенія — противъ этой мѣры со стороны ростовскаго митрополита. Авторъ Чтеній сгруппировалъ массу фактическихъ подробностей, разбросанныхъ въ документальныхъ данныхъ, обнаруженныхъ дотолѣ, и освѣтилъ своей оживленный разсказъ комментаріями съ своей точки зрѣнія.

Но во всѣхъ этихъ статьяхъ сторона біографическая и анекдотическая играетъ болѣе важную роль, чѣмъ самое дѣло Арсенія, и документальное изложеніе въ нихъ имѣетъ мѣста лишь настолько, насколько оно, по понятіямъ авторовъ, необходимо для характеристики Арсенія, которому исключительно одному приписывается, въ качествѣ не то эксцентрика, не то фанатика и челоуѣка безпокойнаго, все дѣло. Мы поэтому съ нетерпѣніемъ ожидали появленія въ свѣтъ XXV-го тома «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» г. Соловьева, въ которомъ почтенному московскому ученому, при изложеніи первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, предстояло подвести итогъ всему, что писано дотолѣ о дѣлѣ Арсенія и произнести свой, если не окончательный, то во всякомъ случаѣ компетентный приговоръ историка, изрекающаго свои вердикты *sine ira et studio*, отрѣшившись отъ всякой тенденціи и предвзятой мысли. Съ появленіемъ въ прошедшемъ году означеннаго тома, наши ожиданія оправдались, но не вполне: мы боимся, что читатель не будетъ удовлетворенъ ни тѣмъ освѣщеніемъ, какое даетъ г. Соловьевъ излагаемымъ имъ фактамъ, ни тѣмъ окончательнымъ заключеніемъ по этому дѣлу, въ какому онъ приходитъ по изложеніи всѣхъ его подробностей. Мы хотимъ предложить здѣсь, съ своей стороны, нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній и свѣдѣній, руководясь, главнымъ образомъ, подлиннымъ архивнымъ дѣломъ объ Арсеніѣ Маціевичѣ, которое, какъ намъ кажется, г. Соловьевъ не исчерпалъ со всею тою полнотою и съ тѣмъ вниманіемъ, какихъ оно заслуживало въ интересѣ изученія замѣчательной личности Арсенія и его еще болѣе замѣчательнаго дѣла.

II. О личности Арсенія почтенный историкъ не нашелся сказать что-либо хорошее. Отзываясь скудостью біографическихъ свѣдѣній о знаменитомъ ростовскомъ митрополитѣ, онъ приводитъ въ своемъ разсказѣ о немъ лишь такіе штрихи и детали, которые рисуютъ Арсенія въ некрасивомъ свѣтѣ. «Арсеній, — такъ начинается г. Соловьевъ свой трактатъ о его дѣлѣ, — не былъ похожъ ни на одного изъ двухъ главныхъ представителей ученой дружины малороссійскихъ монаховъ, которые начали вызываться въ Великую Россію при Петрѣ I-мъ, не имѣлъ ни высокихъ духовныхъ стремленій св. Ди-

митрія Ростовскаго, ни ловкости, уклончивости, умѣнія жить — Теофана Прокоповича. Онъ отличался отсутствіемъ сдержанности, болѣзненною раздражительностію, которая веда его къ очень непріятнымъ столкновеніямъ» (стр. 245 и слѣд.). Арсенія, далѣе, компрометируетъ, въ глазахъ историка, то обстоятельство, что до самаго воцаренія Елисаветы Петровны, «онъ былъ въ постоянной опалѣ, его удаляли изъ столицы, отъ высшихъ степеней іерархіи, посылали въ камчатскую экспедицію».

Намъ кажется не историчною такая постановка сужденія объ исторической личности. По прочтеніи этихъ строкъ, у простодушнаго читателя-профана естественно возникаетъ вопросъ: ужели въ самомъ дѣлѣ таковъ идеалъ историческаго дѣятеля, какимъ рисуется его въ этихъ словахъ г. Соловьевъ? Ужели историческому дѣятелю, для того, чтобы историкъ призналъ его историческое значеніе и заслуги и удостоилъ его болѣе или менѣе благосклоннаго отзыва, нужно непременно подражать кому-либо изъ своихъ предшественниковъ, тѣмъ болѣе — «отличаться уклончивостію, ловкостью, умѣніемъ жить», разумѣя подъ этимъ послѣднимъ терминомъ тѣ способы приобрѣтенія общественнаго положенія, которые обыкновенно практикуются въ эпоху упадка народовъ и ихъ нравственнаго разложенія? Какъ же, послѣ этого, думать о тѣхъ герояхъ исторіи, которымъ обязана своимъ поступательнымъ движеніемъ человѣческая мысль, кѣмъ созидалось грандіозное зданіе общечеловѣческой и христіанской цивилизаціи, — которые не склоняли своей гордой головы ни предъ какими кумирами и, конечно, не почему иному, какъ по этой причинѣ, нерѣдко сходили въ могилу непризнанные въ своихъ заслугахъ для государства и человѣческаго общества? Какъ будетъ судить г. Соловьевъ о тѣхъ благороднѣйшихъ представителяхъ человѣчества, которыхъ, по выраженію апостола, не былъ достоинъ весь міръ, и которые, однако-жъ, скитались въ пустыняхъ и вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ — скорбяще, озлоблени, въ милотяхъ и козихъ кожахъ? «Отсутствіе сдержанности, болѣзненная раздражительность! Уклончивость, ловкость, умѣнія жить!» Выходить, по г. Соловьеву, что

«Притворствоваться предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велить»,

какъ поучаетъ у Пушкина одинъ почтенный pater. Это-ли мораль исторіи, которая, по выраженію незабвеннаго Н. М. Карамзина, «должна быть священною книгою народовъ, скрижалю откровеній и правилъ, завѣтомъ предковъ потомкамъ, дополненіемъ и изъясне-

ніемъ настоящаго, примѣромъ для будущаго?» Наконецъ, вотъ мораль, которую преподаетъ пастырю и служителю церкви слово Божіе: «ты же злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ», пишетъ апостоль Павелъ Тимоѳею. Что, если въ душѣ Арсенія дѣйствительно таились «сѣмена небесной благодати», не той іезуитской благодати, о которой говоритъ вышеупомянутый pater, а благодати дѣйствительной, той, которая, по ученію священнаго писанія, преподается пастырямъ Христова стада въ таинства священства, и Арсеній въ своей дѣятельности не былъ ничѣмъ инымъ, какъ только добросовѣстнымъ исполнителемъ долга своего званія? Вотъ вопросъ, которымъ, по нашему мнѣнію, можно и должно было задаться историку, коль скоро онъ рѣшился произнести свое сужденіе объ Арсеніѣ и его дѣлѣ, и проштудировать съ этой точки зрѣнія біографію Арсенія было бы, по нашему мнѣнію, въ высшей степени поучительно.

«Извѣстія о жизни его (Арсенія), — говоритъ далѣе г. Соловьевъ, — отличаются краткостію и темнотою». Это правда, хотя не до такой степени, какъ кажется почтенному историку. Въ синодальномъ архивѣ сохранилось, между прочимъ, автобіографическое показаніе Арсенія, данное имъ въ 1739 году, очевидно неизвѣстное г. Соловьеву, хотя оно уже напечатано г. Григоровичемъ въ «Ярославскихъ (и перепечатано въ Кіевскихъ) епархіальныхъ вѣдомостяхъ».

Но если біографическія свѣдѣнія объ Арсеніѣ, дошедшія до насъ, и не настолько подробны, насколько это было бы желательно, за то не много можно найти въ нашей исторіи личностей, нравственная фізіономія которыхъ и характеръ ихъ стремленій были бы до такой степени ясны и опредѣленны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія безпристрастной объективной исторіи, столь почтенны, какъ нравственная фізіономія и характеръ стремленій Арсенія Маціевича. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту злополучную и позорную для русскаго государства эпоху его исторіи, когда господствующее въ государствѣ вѣроисповѣданіе русскаго народа было преслѣдуемо и гонимо, Арсеній является энергическимъ и замѣчательно компетентнымъ борцомъ за дѣло православія, объ руку съ приснопамятнымъ исповѣдникомъ православія Теофилактомъ Лопатинскимъ. Литературная дѣятельность его открывается блестящей апологіей „Камня Вѣры“ противъ пaskвилья лютеранскаго на этотъ трудъ Стефана Яворскаго ¹⁾. Далѣе слѣдуетъ весьма тяжеловѣсный, по справедливости столь высоко цѣнимый въ нашей противораскольнической литературѣ, полемическій

¹⁾ Объ этомъ сочиненіи см. «Обзоръ русс. дух. литературы Филарета Черниговскаго», книга 2-я, стр. 85 и слѣд.

трудъ его: «Дополненное обличеніе отвѣтовъ выгорѣцкихъ пустосвятовъ, данныхъ іеромонаху Неофиту» ¹⁾). Затѣмъ заслуживаетъ вниманія рядъ докладовъ, подробно и съ замѣчательною ученостію мотивированныхъ: о лучшемъ устройствѣ синодальнаго управленія церкви (докладъ этотъ составленъ и поданъ императрицѣ Елисаветѣ Арсеніемъ вмѣстѣ съ Амвросіемъ Юшкевичемъ), о формѣ присяги для духовенства и архіереевъ, доклады св. Синоду по поводу проекта отобранія монастырскихъ и церковныхъ имѣній въ казну;—для того времени это цѣлая духовно-юридическая литература. Затѣмъ, въ патріотическое царствованіе императрицы Елисаветы, Арсеній занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ той блестящей плеядѣ проповѣдниковъ-публицистовъ, къ числу которыхъ принадлежатъ Амвросій Юшкевичъ, Кирилль Флоринскій, архимандритъ Владиміръ Каллиграфъ и самъ Дмитрій Сѣченовъ. Наконецъ, по удаленіи въ Ростовъ, онъ занимается неустанно проповѣдываніемъ слова Божія своей паствѣ, организаціей духовнаго образованія въ епархіи, полемикой съ расколомъ. Двѣнадцать толстыхъ рукописныхъ томовъ ²⁾ его проповѣдей и замѣтокъ разнаго содержанія представляютъ весьма краснорѣчивое свидѣтельство о весьма почтенныхъ его трудахъ и на этомъ поприщѣ. Это-ли «недостатокъ высокихъ духовныхъ стремленій св. Дмитрія», въ которомъ обвиняетъ Арсенія г. Соловьевъ?

Въ лицѣ Арсенія, во всякомъ случаѣ, предъ нами является величавый образъ представителя міровоззрѣнія, органически-развившагося изъ общенародныхъ убѣжденій и вѣрованій—міровоззрѣнія, которое, что бы о немъ ни говорили въ настоящее время, по нашему мнѣ-

¹⁾ Объ этомъ сочиненіи см. «Православный Собесѣдникъ» 1861, т. 3-й.

²⁾ Рукописи эти составляютъ собственность библіотеки ярославской духовной семинаріи, куда поступили, вмѣстѣ съ библіотекой Арсенія, послѣ его осужденія и ссылки. Изъ двѣнадцати томовъ сохранилось, впрочемъ, только одиннадцать, такъ какъ первый томъ этого собранія утраченъ (по крайней мѣрѣ намъ не былъ доставленъ). Проповѣди Арсенія всѣ почти не обработаны, не имѣютъ надлежащей гомилетической формы и вполне литературной отдѣлки: это, большею частію, рядъ набросковъ, конспектовъ и выписокъ изъ св. писанія и твореній святоотеческихъ. Но, при всемъ томъ, изъ нихъ вполне видно, что и въ дѣлѣ проповѣди Арсеній сталъ на новую дорогу сравнительно со своими предшественниками: вмѣсто схоластическаго построения, онъ даетъ въ нихъ образцы здоровой катехизаціи, вмѣсто разныхъ анекдотическихъ подробностей изъ исторіи гражданской и апокрифическихъ разсказовъ изъ исторіи церковной и свѣдѣній изъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, которыми думали придавать интересъ своей проповѣди его предшественники, онъ даетъ чистое ученіе церкви, изложенное въ твореніяхъ святоотеческихъ, какъ этого требовалъ и Θεοσαβъ Прокоповичъ въ духовномъ регламентѣ, хотя въ проповѣднической практикѣ этотъ послѣдній далеко не осуществлялъ этихъ требованій.

нію, неизміримо выше, чѣмъ то, которымъ временно увлекалась умная Екатерина въ тотъ періодъ своего царствованія, къ которому относятся послѣдніе годы дѣятельности Арсенія. Предъ нами—вождь и глава почтенной и во многихъ отношеніяхъ весьма симпатичной старо-русской патриотической партіи, человекъ самоотверженно и безкорыстно предавшійся обязанностямъ своего священнаго служенія, замѣчательно умный и ученый, свершающій подвигъ, предъ тяжестью котораго малодушно отступила цѣлая его корпорація, человекъ, ни разу не измѣнившій своему ясно сознанному идеалу, ни разу не поступившійся своими убѣжденіями ни предъ какими соблазнами и страхами. Существуетъ преданіе, что въ ревелльской тюрьмѣ Арсеній начертилъ углемъ на стѣнѣ: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси». Но самъ г. Соловьевъ не признаетъ этого преданія достовернымъ: по его мнѣнію, послѣдними словами Арсенія предъ смертію было: «я и теперь утверждаю, что имущество отъ церкви отнимать не слѣдовало» (стр. 256).

III. «Но пусть, скажутъ, личность Арсенія сама въ себѣ почтенна и даже симпатична; не право было то дѣло, которому послужить счелъ себя призваннымъ Арсеній». Такъ, повидимому, думаетъ и г. Соловьевъ: онъ прямо говоритъ, что при Екатеринѣ «вопросъ (о монастырскихъ имуществахъ) не могъ уже быть рѣшенъ такъ, какъ былъ рѣшенъ въ XV-мъ столѣтіи, и Арсеній палъ потому, что въ XVIII столѣтіи защищалъ мнѣніе Іосифа Волоцкаго». Мы не имѣемъ намѣренія входить здѣсь въ подробное разсужденіе по этому предмету; но не можемъ, однако-жъ, не замѣтить, что едва-ли можно согласиться съ почтеннымъ историкомъ, если судить о дѣлѣ, не говоримъ уже съ точки зрѣнія искони дѣйствовавшего въ православной церкви каноническаго права (см. кн. Дѣяній апост., гл. IV, Правила апост. 38 и 41, 7-го вселен. соб. прав. 13-е и др.), которое было одно и тоже, какъ во времена Іосифа Волоцкаго, такъ и въ царствованіе Екятерины II, но и съ точки зрѣнія права государственнаго, по которому, намъ кажется, государство не могло отчуждать въ свою пользу церковную собственность, не отмѣнивъ нѣкоторыхъ, дѣйствовавшихъ тогда, какъ и въ настоящее время, органическихъ законовъ, а также законовъ гражданскихъ, по которымъ имущества, жертвуемыя частными лицами въ пользу извѣстныхъ общественныхъ учрежденій съ опредѣленнымъ назначеніемъ, считаются неприкосновенными и воля жертвователя ненарушимою. Монастырскія и церковныя имущества образовались изъ добровольныхъ даяній, главнымъ образомъ, частныхъ лицъ, благочестиваго православнаго

люда, который, жертвуя свои трудовыя копѣйки Богу и алтарю, конечно, не имѣлъ въ виду, чтобы ими воспользовался кто-нибудь другой для какихъ-либо другихъ цѣлей. «Вѣрное государственное право,—справедливо замѣчаетъ покойный преосвященный Филаретъ Черниговскій—не отнимаетъ ни у кого правъ собственности» ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія не правъ ли былъ Арсеній, когда говорилъ: «у-никъ и послѣдній богадѣленный—лучшій и счастливѣйшій (чѣмъ духовенство), понеже что кто ему даетъ, свободенъ въ томъ имѣт-ся?» Да это какъ нельзя лучше сознавала и сама императрица Екате-рина. Въ указѣ, изданномъ въ августѣ 1762 года, критикуя постанов-леніе своего предшественника объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну, она ставитъ ему рѣзкую вину именно то, что въ его глазахъ «надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ, какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отече-ства полезномъ управленіи, о томъ и недумано». «Съ большимъ увѣреніемъ сказать можемъ, что мы вовсе удаленныя мысли и серд-це имѣемъ отъ собственной нашей корысти въ строеніи дѣла Божія. Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церков-ныя имѣнія, но только имѣемъ данную намъ отъ Бога власть пред-писывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи Во славу Божию». Такимъ образомъ, по первоначальной мысли императрицы, церковныя имѣнія нуждались въ лучшемъ управленіи и въ болѣе цѣлесообраз-номъ употребленіи, а не въ отчужденіи ихъ отъ церкви въ распоря-женіе государства: они должны были оставаться собственностію цер-кви. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что мысль объ отчужденіи мона-стырскихъ имуществъ въ пользу государства возникла внѣ всякой связи съ дѣйствительными органическими потребностями государства и съ складомъ русской государственной жизни, явилась совершенно случайно, подъ вліяніемъ увлеченія модною въ то время теоріей за-пада, имѣвшаго надобность сокрушать сильный тамъ клерикализмъ, котораго Россія никогда не знала. Въ данномъ случаѣ мѣра эта тѣмъ менѣе имѣла основаній, что со временъ Петра въ Россіи церковь служила уже государству болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, и личнымъ трудомъ духовенства, приходскаго и монашествующаго, выносившаго на своихъ плечахъ, согласно узаконеніямъ и распоря-женіямъ Петра, все дѣло народнаго образованія въ то время, и мате-ріальными своими средствами, содержа при монастыряхъ богадѣльни

¹⁾ «Обзоръ русс. дух. литературы», кн. 2-ая, стр. 90.

для инвалидовъ и больницы. Такъ изъ дѣла объ Арсеніѣ мы, между прочимъ, узнаемъ, что съ Спасскаго Ярославскаго монастыря, находившагося въ его епархіи, имѣвшаго 14,000 душъ крестьянъ, въ экономическую канцелярію ежегодно взымалось 3,000 р., а на содержаніе монастыря съ монахами оставлено было только 900 р. Кромѣ того, монастырь содержалъ на свой счетъ 71 человекъ инвалидовъ, на которыхъ расходывалъ 780 р. деньгами, до 240 четвертей хлѣба. Наконецъ, отнятіе отъ монастырей крестьянъ имѣло бы еще нѣкоторый смыслъ, если бы Екатерина задумала уничтожить крѣпостное право повсемѣстно въ Россіи; но, бывъ уничтожено по отношенію къ духовенству, оно, какъ извѣстно, въ отношеніи дворянства не только осталось неприкосновеннымъ, но и еще большую возымѣло силу со времени отобранія имуществъ отъ монастырей.

IV. Но, можетъ быть, будучи правъ въ своихъ воззрѣніяхъ, Арсеній не былъ легаленъ въ способахъ проведенія этихъ воззрѣній въ сознаніе своихъ сослужителей, засѣдавшихъ въ синодѣ, въ своемъ образѣ дѣйствій? Посмотримъ. Въ то время, когда Арсеній писалъ свое покорнѣйшее доношеніе св. синоду, отобраніе монастырскихъ имѣній въ казну не было еще совершившимся фактомъ, санкціонированнымъ державною волею императрицы въ формѣ законодательнаго акта. Этотъ актъ, въ видѣ утвержденнаго императрицей доклада комисіи о церковныхъ имуществахъ, состоялся лишь 24-го февраля 1764 года, а доношенія Арсенія писаны цѣлымъ годомъ раньше этого событія, именно 6-го и 15-го марта 1763 г. Въ это время вопросъ находился еще въ томъ нерѣшительномъ положеніи, когда со стороны лицъ призванныхъ и компетентныхъ слышались голоса лишь совѣщательные относительно лучшаго благоустройства церковныхъ имуществъ, о введеніи контроля надъ ихъ употребленіемъ духовенствомъ, для чего учреждена была комисія, которая, по смыслу данной ей императрицей инструкціи, не имѣла другой цѣли, какъ только приведеніе въ ясность положенія церковныхъ имуществъ, и съ этою цѣлію выработала формы, по которымъ производилась ихъ опись, и затѣмъ выдала церквамъ и монастырямъ шнуровыя приходо-расходныя книги. Въ заключеніе инструкціи, данной комисіи, императрица, какъ и въ первомъ своемъ указѣ, утверждала, что правительство желаетъ только одного, именно, чтобы имущество церковное обращено было на дѣло Божіе, на утвержденіе благочестія: «Ибо мы собственно своей въ томъ никакой пользы не ищемъ, и не намъ, но имени Божію служить стараемся» ¹⁾. Всѣ пункты инструкціи

¹⁾ Всѣ эти указы напечатаны въ Полномъ собр. законовъ. Подробныя вы-

комисія не должна была считать за обязательный для себя законъ, все рѣшеніе дѣла предавалось на «полное благоизобрѣтеніе» самой комисіи, «съ тѣмъ, что она власть имѣетъ или нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучшее еще для блага народнаго придумаетъ». Сама императрица охотно выслушивала разнообразныя сужденія по дѣлу, между прочимъ, милостиво приняла совершенно однородныя по предмету съ доношеніями Арсенія св. синоду прошенія нѣсколькихъ епархіальныхъ преосвященныхъ, поданныя ей чрезъ синодъ, «о возвращеніи церкви ея достоинства, неправильно отъ нея отнятаго».

Мы не имѣемъ подъ руками этихъ прошеній, но о нихъ ясно упоминается въ указѣ императрицы отъ 12-го августа 1762 г. Такимъ образомъ, намъ кажется, подача Арсеніемъ въ св. синодъ доношенія, въ которомъ старѣйшій по лѣтамъ и по сану іерархъ русской церкви высказывался по дѣлу, въ высшей степени важному для церкви, никоимъ образомъ не можетъ быть признана закононарушеніемъ и противленіемъ державной волѣ, какъ это намелъ Свѣченовъ съ остальными членами синода. Арсеній шелъ по проложенному пути, пути вполне легальному, освященному столь недавно практикой, когда представилъ св. синоду, своему непосредственному начальству, свое покорнѣйшее доношеніе, въ которомъ, по долгу присяги и согласно точному смыслу подлежащихъ параграфовъ духовнаго регламента, доводилъ до его свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ описываніе монастырскихъ и церковныхъ имуществъ офицерами и предлагалъ на его благоусмотрѣніе свои соображенія по всему этому дѣлу. Къ подачѣ своего голоса по этому дѣлу Арсеній былъ побуждаемъ и успѣхомъ своихъ прежнихъ опытовъ въ этомъ родѣ. По словамъ самого г. Соловьева (стр. 255), онъ подавалъ еще императрицѣ Елизаветѣ подобное же доношеніе, и оно имѣло полный успѣхъ: тогда остановились приведеніемъ въ исполненіе мѣры, подобной той, какую предприняла теперь Екатерина. Точно также первый указъ Екатерины по этому дѣлу, отъ 12-го августа 1762 года, отмѣнявшій законъ Петра III, написанъ, можно сказать, почти подъ диктовку Арсенія, вслѣдствіе письма его къ Бестужеву-Рюмину содержаніе котораго было передано этимъ послѣднимъ Екатеринѣ. Когда Екатерина вступила на престолъ, замѣнивъ собою существовавшій дотошъ голштинскій режимъ, все обѣщало, что ея внутренняя политика будетъ національно-патріотическая, въ духѣ Елизаветы. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы отчасти видѣли, императрица съ особенною настойчиво-

держки изъ нихъ см. въ «Чтеніяхъ» г. Знаменскаго—«Православный Собесѣдникъ» 1875 г., февраль.

стію высказывалась въ своихъ первыхъ манифестахъ и указахъ. Какъ могъ угадать Арсеній, сидя въ отдаленномъ Ростовѣ, неискренность этихъ столь категорическихъ заявленій императрицы, какъ ему было предугадать этотъ внезапный поворотъ въ ея образѣ мыслей— если признаемъ заявленія ея манифестовъ искренними—когда ни того, ни другаго не могъ предусмотрѣть мужъ совѣта, искусившійся въ придворныхъ нравахъ, давній приближенный государыни, Бестужевъ-Рюминъ, не усумнившійся довести до ея свѣдѣнія содержаніе доношеній Арсенія и потерпѣвшій такой неожиданный афронть въ заступничествѣ за него? Очевидно, не одинъ Арсеній думалъ, что мысль объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну не есть мысль императрицы, а лишь нѣсколькихъ лицъ изъ ея приближенныхъ.

Наконецъ, что всего важнѣе, въ дѣлѣ Арсенія имѣются положительныя и сомнѣныя документальныя доказательства того, что, выступая съ своими «доношеніями», Арсеній отнюдь не думалъ расходиться съ видами и намѣреніями императрицы и противиться ей волѣ. Документы эти не даромъ обойдены молчаніемъ какъ со стороны обвинительнаго акта противъ Арсенія, редижированнаго тогдашнимъ оберъ-секретаремъ св. синода Остолоповымъ, такъ и со стороны почтеннаго нашего историка г. Соловьева. Дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ отправлять свои доношенія своему начальству, во все время до своего ареста, Арсеній не терялъ надежды и лично объясниться съ императрицей по вопросу, который такъ существенно затрогивалъ интересы церкви. Въ то время, какъ Екатерина, по ея собственному выраженію въ письмѣ къ Олсуфьеву, «умирала-боялась», чтобы ростовскій митрополитъ «новой раки чудотворцу Дмитрію безъ нея не поставилъ», Арсеній съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія ея въ Ростовъ по этому случаю и въ этомъ ожиданіи дѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, надѣясь своимъ образомъ дѣйствій и всѣмъ поведеніемъ въ присутствіи государыни уничтожить существовавшее въ ней убѣжденіе въ его «бѣшенствѣ». Между московскими корреспондентами Арсенія былъ нѣкто Алексѣй Ярославцевъ, директоръ какого-то присутственнаго мѣста, человѣкъ очень либеральнаго образа мыслей: въ письмахъ къ Арсенію онъ выражается, что указъ 8-го января даетъ поводъ дворянамъ своевольничать, что «духовенству нѣкоторые не уповаютъ быть въ покоѣ», что дворянство необузданное забыло, что—умереть, а помнитъ, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, и дворянству». Вотъ что, между прочимъ, писалъ Арсеній этому

Ярославцеву. «Извѣстно намъ о ракъ чудотворца Димитрія: однако понеже по пути въ Москву везется, то ей въ Москвѣ и быть, а послѣ надѣяться—и въ Ростовъ прибудеть». Здѣсь слышно, будто въ походъ готовиться велѣно, а куда—никто не знаетъ, потому, думаю, не изволится (т. е. императрицѣ) въ Ростовъ въ постъ святой». «Что касается о прибытіи въ Ростовъ ея величества, то развѣ весною или лѣтомъ надѣяться, а теперъ въ постъ и неизвѣстно и ненадежно». «Здѣсь уже съ надеждою поговариваютъ, что ея величество въ Москвѣ чудотворцу Димитрію приготовленную раку изволила смотрѣть, и выговорила ѣхать нынѣ въ Ростовъ. А слышалъ отъ берхъ-коллегіи президента, господина Шлатера, подъ его смотрѣніемъ и рака послана, потому онъ и знаетъ». Здѣшній воевода Протасевъ ѣзидилъ въ Мосюву, и, оттуда возвратившись въ Ростовъ сего января 14-го числа, сказывалъ намъ, что сдѣланная, святителю рака серебрянная въ Москву привезена». «Здѣсь поговариваютъ, будто рака чудотворца Димитрія въ Ростовъ съ Москвы отправлена и для установленія на мѣсто ея, гдѣ надлежитъ, посланы двое подмастерьевъ. Правду-ли разглашаютъ?» «Здѣсь народъ поговариваетъ, что лѣтомъ сюда ожидаютъ прибытія (т. е. императрицы), а кому о томъ надлежитъ знать—тѣ персоны не утверждаютъ. Еще и триумфальныхъ воротъ для прибытія не зачинаютъ дѣлать. Впрочемъ, и масляница здѣсь тихо прошла, а народъ гуляющій отъ большихъ морозовъ спокойно масляницу провожали». Столь нетерпѣливыя ожиданія преосвященнаго Арсенія не сбылись. Зная »бѣшенство ростовскаго владыки», какъ выражалась императрица въ упомянутомъ письмѣ къ Олсуфьеву, она посѣтила Ростовъ не прежде, какъ Арсеній былъ уже осужденъ. Очевидно, между Арсеніемъ и императрицей существовали недоразумѣнія, поселенныя противниками Арсенія; императрица была восстановлена противъ ростовскаго владыки и ему не было оставлено никакихъ способовъ выяснить свой образъ мыслей и чувства по отношенію къ державной власти. Самъ Арсеній, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ярославцеву, источникъ этихъ недоразумѣній указываетъ въ недоброжелательствѣ къ нему тогдашняго состава св. синода, который боялся, что, послѣ личныхъ объясненій съ императрицей, Арсеній будетъ допущенъ до присутствія въ св. синодѣ «По какой причинѣ,—пишетъ Арсеній, искали моея присяги ¹⁾, нынѣ отчасти открылося: надѣялись,

¹⁾ Т. е. присяги данной Арсеніемъ при посвященіи въ архіереи. При этой присягѣ, какъ увидимъ ниже, Арсеній позволялъ себѣ нѣкоторую вольность, именно къ обычной ея формулѣ прибавилъ отъ себя нѣсколько словъ. Это,

что я во время коронаціи въ Москвѣ буду и хотѣли до присутствія въ синодѣ не допустить. И такъ-то потому явилось ко мнѣ довольно ихъ доброхотство. Сколько времени злоба торжествуетъ, и мнѣ бы не прилично злобу простирать, а святымъ людямъ и мыслить не довѣять; развѣ кому мѣста жаль, тѣ старались не допустить. Да разумно, что и не поѣхалъ: Богъ съ ними». Только теперь, потерявъ всякую надежду объясниться съ императрицей лично, Арсеній пишетъ свое доношеніе, въ надеждѣ, что «ежели ея величеству обстоятельно о церкви Божіей и о нынѣшнемъ ея озлобленіи его святѣйшество святѣйшій синодъ изволитъ предложить, государыня всемилостивѣйшій не оставитъ церкви, какъ говорится въ доношеніи, — а одновременно съ доношеніемъ и двѣ копіи съ него духовнику императрицы, протоірею Дубянскому, и Бестужеву-Рюмину, при письмахъ, въ которыхъ просилъ ихъ, что когда о оной матеріи отъ св. синода ея императорскому величеству представлено будетъ, то-бъ тогда и оную копію ея величеству представить же». Мы считаемъ излишнимъ излагать здѣсь содержаніе доношенія; замѣтимъ лишь, что, отстаивая право церкви и монастырей на неприкосновенность ихъ имуществъ, Арсеній твердо стоитъ на почвѣ каноническаго права, что нигдѣ въ немъ не видно ни малѣйшаго неуваженія къ державной волѣ и власти императрицы, и все доношеніе имѣетъ характеръ не памфлета, а полемическаго ученаго трактата, направленнаго противъ тѣхъ представленій, по которымъ послѣдовали указы и «въ чаюніи томъ, какъ объяснилъ Арсеній на допросѣ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ и его представленіе отвержено не будетъ».

Моментъ былъ слишкомъ важенъ, дѣло шло о нарушеніи одного изъ основныхъ правъ церкви, и, повторяемъ, мы не видимъ ничего законопреступнаго въ томъ, что одинъ изъ болѣе видныхъ представителей іерархіи, можетъ быть правильно, какъ думало большинство, а можетъ быть не правильно отстраненный отъ непосредственнаго участія въ высшемъ церковномъ управленіи, пишетъ св. синоду доношеніе, въ которомъ напоминаетъ своимъ сослужителямъ, во имя священнѣйшихъ интересовъ церкви и ихъ непремѣннѣйшихъ обязанностей, о долгѣ ихъ знанія.

V. Наконецъ, можетъ быть, будучи правильно по существу и легально по формѣ, доношеніе Арсенія не было законно по изложению и слововыраженію? Правда, рѣчь Арсенія нѣсколько наркотически дѣйствуетъ на слухъ современнаго читателя и ничего подобнаго, по какъ сказано будетъ ниже, было однимъ изъ поводовъ къ давнему св. синодомъ Арсенію выговору.

изложенію и языку, не можетъ явиться въ области современной официальной письменности. Но, намъ кажется, странно было бы судить въ этомъ случаѣ о дѣлѣ по современнымъ понятіямъ и воззрѣніямъ съ точки зрѣнія современныхъ литературно-дѣловыхъ нравовъ и обычаевъ. — Языкъ, которымъ написаны оба донесенія Арсенія — языкъ всѣхъ прочихъ сочиненій Арсенія, не имѣющихъ ничего общаго съ вопросомъ о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ: его двухъ полемическихъ трактатовъ — противъ раскола и противъ протестантизма, языкъ его докладовъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, принятыхъ и одобренныхъ послѣднею, языкъ его доношеній св. синоду по дѣлу объ архимандритѣ Владимірѣ Баллиграфѣ ¹⁾, принятыхъ безъ всякихъ замѣчаній св. синодомъ къ разсмотрѣнію и соотвѣстному распоряженію. Мало того: это языкъ проповѣдей Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича и самаго св. Димитрія Ростовскаго.

Г. Соловьевъ, говоря о раздражительномъ тонѣ доношеній Арсенія, съ особенною силою указываетъ на противоположность, какая, по его мнѣнію, существуетъ въ этомъ отношеніи между нимъ и св. Димитріемъ. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе ошибочное, чѣмъ это сужденіе почтеннаго историка. Приснопамятный ростовскій святитель, предшественникъ Арсенія по кафедрѣ, былъ не только одного духа съ своимъ преемникомъ, но и одного образа мыслей по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ трактуется въ доношеніяхъ Арсенія. Темы этихъ послѣднихъ были любимыми темами св. Димитрія въ его проповѣдяхъ, и выраженія его, когда онъ говоритъ объ отношеніяхъ лицъ свѣтскихъ, особенно военныхъ, къ духовенству и церкви, были не менѣе энергичны, чѣмъ выраженія Арсенія. Противъ нѣкоторыхъ распоряженій самаго Петра Великаго св. Димитрій высказывался съ гораздо большею рѣшительностію и смѣлостію, чѣмъ самъ Арсеній. Петръ, напримѣръ, какъ извѣстно, не разъ издавалъ указы, запрещавшіе подавать нищимъ милостыню, налагалъ даже штрафы за ея подачу. Св. Димитрій, въ одной своей проповѣди, какъ бы отвѣчая на это распоряженіе государя, говоритъ: «Помысли, человѣче, коль краты озлоблялъ еси ближняго своего! Не токмо самъ милостыни не подаеши, но и прочимъ запрещаеши, да не подають. Не токмо самъ не милосердъ, но и прочія на милосердіе возставляеши». «Обычай имуть нынѣшняго вѣка нищіе поминать Христа, пречистую Дѣву, святителя Николая; но ни тѣмъ преклонити возмогутъ къ милосердію. Во истину о таковыхъ довлѣетъ рещи: одобелѣт

¹⁾ Эти доношенія см. выше въ статьѣ: «Малоизвѣстные русскіе проповѣдники XVIII столѣтія».

сердце людей сихъ и ушима своими тяжко слышать» ¹⁾. Петръ учредилъ монастырскій Приказъ, принявшій въ свое завѣдываніе церковныя имущества, — учрежденіе, естественно, не симпатичное духовенству. Въ одной изъ своихъ проповѣдей св. Димитрій говоритъ, имѣя въ виду, очевидно, это новое учрежденіе; «хощеши-ли грабити церковная? Спросися Иліодора, казначея царя Селевва, иже пришелъ бѣ въ Іерусалимъ грабити церковная и биенъ бысть ангельски руками» ²⁾. Не тоже-ли самое говоритъ и Арсеній, когда замѣчаетъ, что первый отыматель церковныхъ имуществъ былъ Юліанъ-отступникъ, а первый составитель штатовъ для духовенства—Иуда-предатель, что дѣятельность Мусина-Пушкина, перваго начальника монастырскаго Приказа, ничѣмъ не лучше турецкихъ постановленій о христіанской церкви? Въ своемъ доношеніи Арсеній рѣзко выражается о правительственныхъ комиссарахъ-офицерахъ, производившихъ опись монастырскихъ и церковныхъ имуществъ. Но, кому неизвѣстно, какъ трактуетъ св. Димитрій не объ отдѣльныхъ фактахъ и лицахъ, а о цѣломъ военномъ сословіи, и не въ доношеніи, непредназначенномъ для опубликованія, а публично, въ проповѣди, произнесенной съ церковной кафедры (Слово на день Обрѣзанія Господна): «Моисей, — говоритъ проповѣдникъ, — въ минуту негодованія на свой народъ, за измѣну истинному Богу, разбилъ, сходя съ горы, скрижалъ закона на двѣ половины, такъ что на одной остались лишь отрицанія: не... не... не..., а на другой—убей, укради, прелюбы сотвори. Вотъ этой-то второй половины скрижали, говоритъ проповѣдникъ, и придерживаются теперь военные: убиваютъ, вьрадутъ, прелюбодѣйствуютъ». По поводу евангельской исторіи о пирѣ Иродовомъ св. Димитрій говоритъ: «смотри, какъ пиръ совершается немилосердыхъ владѣтелей. Но и нынѣ во многихъ господахъ чуть не также поядаютъ и пьютъ кровавыя труды человѣческіе, а бѣдныхъ крестьянъ немилосердо мучать; снѣдаютъ люди вмѣсто хлѣба. Господамъ до пресыщенія всего довольно есть, а крестьянамъ бѣднымъ укруза хлѣба худаго нестаетъ. Сіи объядаются, а тіи развѣ водою жажду свою утоляютъ, сіи веселятся, а тіи плачутъ на правезахъ» ³⁾. Извѣстна также проповѣдь св. Димитрія, въ которой проповѣдникъ ищетъ Христа въ разныхъ

¹⁾ См. сочиненія св. Димитрія, т. II, стр. 235, 446.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 47. Не менѣ сильно выражался св. Димитрій противъ мясоестія солдатъ въ посты, введеннаго Петромъ (—II, 317), противъ стѣсненія монашествующихъ. (—II, 268), противъ ассамблей (—II, 453) и многихъ другихъ вещей, введенныхъ Петромъ, но не гармонировавшихъ съ строемъ тогдашнихъ религиозныхъ понятій русскаго народа.

³⁾ См. соч. св. Димитрія, II, стр. 319.

словіяхъ и нигдѣ его не находятъ: «развѣ въ людяхъ великихъ, въ боярехъ и судіяхъ, на правдѣ посаженныхъ, не нашель-ли бы Христа? Пошли быхомъ къ нимъ Христа искати, но тамо не доступно, рекутъ: не цора, инымъ временемъ придеши. А не по что и ходитъ къ нимъ, ибо глаголетъ писаніе: изыде беззаконіе отъ судей и старецъ. Въ тѣхъ насилу когда и бывалъ Христосъ: понеже нынѣшнихъ временъ злыхъ и они злы сотворилися и правда въ нихъ скудна, а милосердія нимаго. О, человѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ страждущія! Въ васъ Христосъ нынѣ, аки въ членахъ своихъ обитаетъ. Вы есте новыя послѣднихъ сихъ временъ мученицы» ¹⁾).

Вообще въ преданіяхъ и обычаяхъ современной Арсенію духовной и въ частности проповѣднической литературы гораздо больше, чѣмъ въ особенностяхъ его личнаго темперамента, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать объясненія того тона и способа выраженія, какими характеризуются его довшенія. Такой тонъ считался признакомъ духовнаго авторитета, власти, принадлежностію хорошей проповѣднической манеры. Припомнимъ, какъ говорили о мѣропріятіяхъ правительства, непріятныхъ для церкви и о другихъ публицистическихъ вопросахъ того времени, Амвросій Юшкевичъ, Кирилль Флоринскій, Димитрій Сѣчесовъ, Владиміръ Каллиграфъ. Не забудемъ, что это было время страстной жгучей борьбы двухъ направленій общественной мысли, и обѣ стороны вовсе не церемонились при выраженіи своихъ отношеній къ противной сторонѣ. Языкъ русскихъ духовно-публицистическихъ сочиненій того времени можетъ быть сравненъ развѣ съ языкомъ французскихъ проповѣдниковъ временъ лиги ²⁾: «нынѣ совершилось наше спасеніе: низложенъ сатана и его ангелы», восклицаетъ одинъ проповѣдникъ по поводу низверженія Бирона. Одно изъ словъ Юшкевича, въ день рожденія императрицы Елисаветы (1741 г.), раскрываетъ «ухищренну» политику губителей отечественнаго счастья». «Былъ ли кто изъ русскихъ искусный художникъ, архитекторъ, а наипаче ежели былъ ученикъ Петра, тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы ея уловить, къ дѣлу какому-нибудь подвести и, такимъ образомъ, къ голову ему отсѣчь, или послать его въ такое мѣсто, гдѣ необходимо умереть отъ голоду, — за то одно, что инженеръ, что архитекторъ, что ученикъ Петра Великаго. Всѣхъ людей добрыхъ, простосердочныхъ, государству добродетельныхъ и отечеству весьма потребныхъ подъ разными пре-

¹⁾ См. Сочиненія св. Димитрія, т. II, стр. 235, 446

²⁾ См. весьма интересное сочиненіе «De la démocratie chez predicateurs de la ligue, par Charles Labitte 2-de édition, Paris, 186».

текстами губили, разворяли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, бесовѣстныхъ грабителей весьма любили и уважали. Только тѣломъ, только тѣнью здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали. Всѣ свои сокровища, въ Россіи неправдою нажитыя, воиъ изъ Россіи за море высылали, и тамъ иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали». «Архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, растригали,—непрестанныя почты, и водою и сухимъ путемъ, отвозятъ ихъ въ дальніе сибирскіе города—Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ»,—такъ жаловался иногда самъ Димитрій Съченовъ, теперь подобнымъ же образомъ дѣйствовавшій противъ Арсенія. Но не тоже ли самое говорить и Арсеній, когда замѣчаетъ: «горе намъ, бѣднымъ архіереямъ, яко не отъ поганъ, но отъ своихъ мнящихся быти правовѣрныхъ, мучительство претерпѣваемъ» ¹⁾.

Такъ говорили въ то время проповѣдники публично, съ церковныхъ кафедръ, въ присутствіи двора и самой императрицы. Можетъ ли насъ послѣ этого удивлять тонъ рѣчи Арсенія въ его доношеніяхъ, непредназначавшихся ни для публичнаго произнесенія, ни для высочайшихъ особъ, а адресованныхъ къ его собратамъ-архіереямъ, засѣдавшимъ въ синодѣ, въ которомъ и самъ онъ состоялъ равноправнымъ членомъ? Намъ кажется, что Арсеній, по меньшей мѣрѣ, съ полною справедливостію могъ во всякомъ случаѣ сказать о себѣ.

За слова меня пусть гложеть,
За дѣла историкъ—читать.

Вообще мы не понимаемъ, почему Соловьеву хочется непременно представить личность Арсенія антипатичною и его дѣло — рѣшительно неправымъ. Намъ кажется, что изъ величія великой государыни ничего не убивалось бы, если бы современный историкъ призналъ въ осужденіи ея Арсенія одну изъ тѣхъ немногихъ ея ошибокъ, когда она вопреки своему всегдашнему правилу — не увлекаться личными чувствами и отношеніями, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ важности государственной, позволила себѣ именно увлечься чувствами своего философскаго либерализма для того, чтобы нанести ударъ тому, что составляло одну изъ самыхъ законныхъ симпатій ея народа.

VI. Есть еще одна сторона въ дѣлѣ Арсенія, не обратившая на себя всего того вниманія изслѣдователей, какого она, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ. Образъ мыслей Арсенія, по вопросу о цер-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ статьѣ Н. А. Попова: «Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны», въ «Лѣтописяхъ русской литературы». 1859, кн. 3, и въ статьѣ М. И. Семевскаго «Черты царствованія Елисаветы Петровны», «Русское Слово» 1859 г.

ковныхъ имуществахъ, далеко не былъ образомъ мыслей лично Арсенія, и чувства, выраженные имъ по этому предмету въ его доношеніи, отнюдь не были лишь личными его одного чувствами. Въ синодальномъ «дѣлѣ» объ Арсеніѣ сохранилась переписка его съ нѣкоторыми современными ему архіереями, захваченная при его арестѣ, небезъизвѣстная и г. Соловьеву, какъ видно изъ приводимыхъ имъ незначительныхъ выдержекъ изъ нея, но не получившая у него должнаго освѣщенія. Переписка эта по нашему мнѣнію, съ несомнѣнностію доказываетъ, что, за исключеніемъ Димитрія Сѣченова, между всѣми главнѣйшими представителями русской церковной іерархіи той эпохи было единомысліе и полная солидарность по вопросу о церковныхъ имуществахъ, что эти іерархи составляли партію, численностію значительно превышавшую партію, поборниковъ правительственнаго проекта, что для этой патріотической партіи болѣе видный и болѣе энергичный митрополитъ ростовскій явился лишь ораторомъ въ силу своихъ связей, главнымъ же образомъ — своихъ отношеній къ знаменитому фельдмаршалу графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, раздѣлявшему ея воззрѣнія, тому самому Бестужеву, которому императрица писала по этому дѣлу: «батюшка, Алексѣй Петровичъ, пожалуй помогай совѣтами», что, далѣе, если дѣло Арсенія приняло оборотъ, какового для него, повидимому, никто не ожидалъ, то единственно потому, что въ синодѣ, который, выражаясь словами Стурдзы, «двигался», и въ это время, «по колеѣ духовнаго регламента и грозныхъ преданій вѣка Петрова», всему дѣлу давалъ направление Димитрій Сѣченовъ, не даромъ столь щедро награжденный потомъ Екатериной. Г. Соловьевъ совершенно упускаетъ изъ вниманія, что по дѣлу Арсенія привлечены были къ суду епископъ костромской Дамаскинъ и миститый митрополитъ московскій Тимоѣей, и оба они не вышли изъ дѣла правыми: первому опредѣлено было дать выговоръ чрезъ одного изъ членовъ св. синода, хотя онъ и оправдывался тѣмъ, что письмо его (приводимое ниже) «исторично писано»; второй, если и не подвергся выговору, то единственно въ силу очевиднаго послабленія, оказаннаго ему изъ уваженія къ его маститой старости и высокому положенію, — послабленія, весьма недостаточно мотивированнаго тѣмъ, что одно изъ писемъ преосвященнаго Тимоѣея писано было еще до вступленія на престолъ императрицы. Кромѣ этихъ двухъ видныхъ представителей іерархіи, къ дѣлу Арсенія кримируютъ: Сильвестръ, епископъ старгородскій, который доставилъ ему экземпляръ копии съ инструкціи, данной императрицею комиссіи о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ, по поводу которой Арсеній и

написать свое доношение, — по рѣшеніи дѣла Арсенія св. синодомъ, опредѣлено было дать и Сильвестру официальный выговоръ; Амвросій, архіепископъ переяславскій; Аванасій, епископъ тверской; Гедеонъ Кривоскій, епископъ псковскій, и Веніаминъ-Пуцень-Григоровичъ, епископъ петербургскій, — всѣ четверо возставали противъ мнѣнія Сѣченова (къ которому присоедился лишь Палладій, епископъ рязанскій), на конференціи синода съ сенатомъ, на что есть указаніе и у г. Содолева (стр. 148); наконецъ, самъ Гавриилъ, архіепископъ с.-петербургскій, такъ молодужно отказавшійся, подобно Тимоею, при судѣ надъ Арсеніемъ, защитить своего единомышленника: на его сочувствіе идеямъ Арсенія есть указаніе въ письмѣ къ нему Сильвестра старгородскаго: «получилъ я, говорится здѣсь, отъ вашего преосвященства письмо, въ которомъ стужительность мыслей вашихъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ довольно изъясняется». На то, что между всѣми этими лицами существовало если не прямое соглашеніе въ образѣ дѣйствій, то, по меньшей мѣрѣ, полная солидарность въ образѣ мыслей, — мы видимъ указаніе въ этомъ же письмѣ Сильвестра: «то-то оно, про что въ Москвѣ неоднократно говаривано», восклицаетъ Сильвестръ.

Вотъ эти любопытныя письма, о которыхъ мы упомянули.

Въ 1761 году когда Петромъ III изданъ былъ указъ объ отобраніи отъ монастырей недвижимыхъ имуществъ, митрополитъ Тимоей пишетъ въ преосвященному Арсенію Маціевичу въ Ростовъ:

«Преосвященнѣйшій архіерею Божій, милостивый отецъ и искренній благодѣтель мой! Августа 1-го принялъ я писаніе вашего преосвященства всепріятно, въ коемъ объявленныя, въ прошедшемъ времени послѣдовавшія, несчастныя приключенія ¹⁾ читалъ не безъ сожалѣнія. Въ насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено и скотъ по описѣ все взято; а въ Москвѣ сихъ наглостей не видѣли. Лошадѣ хотя всѣ описаны, однакъ и понынѣ не вобраны ²⁾ и остались подъ видѣніемъ нашихъ. Но и намъ сія отрада не велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно, что въ вотчинахъ отъ тѣхъ же нашихъ крестьянъ невозвратныя подѣланы разоренія: дѣсы порублены, сѣно наличное расхищено,

¹⁾ Разумѣется указъ Петра III объ отобраніи въ казну монастырскихъ и церковныхъ имуществъ.

²⁾ Преосвященный Тимоей *Щербатскій* родомъ малороссъ, и, какъ видно изъ письма, до старости сохранилъ въ своей рѣчи и въ способѣ написанія словъ слѣды малороссійскаго нарѣчія. Свѣдѣнія о немъ, равно какъ и о другихъ упоминаемыхъ здѣсь преосвященныхъ, можно читать въ извѣстномъ изданіи Ю. В. Толстаго: «Списки архіереевъ» и проч.

мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще побраны, а индѣ при описѣ искоренены, въ прудахъ рыба выловлена, и какія только вообразить можно подѣлали какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и самые крестьяне опустошенія. Да и при Москвѣ, въ черкизовскомъ моемъ прудѣ, не единожды описатели дерзостно рыбу ловили, однакожь не единожды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою—надежда. *Spes alit, aliquanto aliter agit. Spem mutat discordia fratrum. Diphthongum ex duabus vocalibus in unum coalescentem in varias dividere, dissensu suo, nostrates in unum non habitantes, vocales. Superi clementissimi de nostra in Possidentis ruribus calamitate adjuvent propitius* ¹⁾).

«Впрочемъ съ неотмѣняемымъ моимъ усерднымъ пребываю доброжелательствомъ вашего преосвященства всѣхъ благъ всеусердный доброжелатель, богомолецъ и слуга, смиренный митрополитъ московскій *Тимофей*». 1762 года Августа 2-го дня.

Въ моментъ написанія этого письма, Петра III не было уже въ живыхъ, Императрица Екатерина, вступивъ на престолъ, поспѣшила отмѣнить указъ, возбуждавшій общій ропотъ, о чемъ и объявила въ изданномъ ею манифестѣ. По этому случаю архіепископъ переяславскій и крутицкій *Амеросій* (имѣвшій мѣстопробываніе въ Москвѣ) пишетъ къ тому же преосвященному Арсенію:

«Преосвященнѣйшій владыко, милостивый отецъ, батюшка и крайній мой благодѣтель! За отеческое вашего преосвященства писаніе много благодарствуя, отъ усердія моего поздравляю общею радостію, со вступленіемъ ея императорскаго величества на всероссійскій пре-

¹⁾ Любопытная черта тогдашнихъ духовно-литературныхъ нравовъ: мѣста въ перепискѣ щекотливыя или наиболее интимныя всѣ излагались на латинскомъ языкѣ. Это мы видимъ и въ помѣщаемомъ ниже письмѣ Сильвестра старгородскаго къ митрополиту Гавріилу, и, позже, въ перепискѣ Платона, митрополита московскаго, съ современными ему архіереями. Дѣлалось это, конечно, не съ другою цѣлію, какъ съ тою, чтобы наиболее интимныя мѣста въ перепискѣ, при незнакомствѣ лицъ, не получившихъ высшаго духовнаго образованія, съ латинскимъ языкомъ, не были прочитаны кѣмъ-либо, кромѣ того лица, кому письмо адресовано. Въ настоящемъ письмѣ латинскія фразы приписаны на поля рукою самого преосвященнаго. Въ приложенномъ къ дѣлу переводѣ этихъ фразъ, сдѣланномъ по порученію св. синода, «синодальнымъ переводчикомъ Григоріемъ Подлѣткой», слова эти переданы такъ: «Надежда питаетъ, а иногда инако поступаетъ. Надежду премѣняетъ несогласіе братій. Двоегласную букву, составляемую изъ двухъ гласныхъ, на равныя гласныя буквы раздѣлили несогласіемъ своимъ наши, несогласно живущіе. Всеомгій Богъ да поможетъ намъ въ бѣдствіи нашемъ, превращеніемъ въ наше владѣніе деревень».

стоять. Слава Богу, что мы всё отъ мысленнаго ига избавленіе получили; а теперь, какъ изъ манифеста изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и *намъ въ извѣстномъ дѣлѣ помогать*, а паче въ богоугодныхъ своихъ молитвахъ къ Богу о томъ напоминуть, которымъ и самого себя препоручаю. Вашего преосвященства смиренный слуга и богомолецъ архіепископъ и архимандритъ *Амеросій*.

Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ императрица возвратилась къ мысли своего предшественника и издала повелѣніе о переписи всего церковнаго и монастырскаго имущества, не предрѣшая, впрочемъ, этого вопроса въ той или другой окончателъной формѣ. Митрополитъ *Тимоеей* пишетъ по этому случаю къ Арсенію:

«Преосвященнѣйшій владыко, бодрый и великодушный архіереу Божій, искренній благодѣтель мой! Съ принятія вождѣннаго вашего преосвященства письма, прошедшаго мая 30-го съ Ростова отпущеннаго, въ которомъ ваше преосвященство братскую свою любовь ко мнѣ объявляете, не малую я радости возымѣлъ причину, увѣдомившись изъ онаго и о здравіи вашего преосвященства. Что же касается до *упомянутой въ письмѣ вашего преосвященства печали*, nunc non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorphosis, quae vitam nostram ad hemitus et dolores ducit. In patientia nostram servemus animam: pro omni supremo Regi regum et Domino dominantium devoté ac magnanimo de flamentibus praecordiis agenda sunt gratiae. Sic demerito dignivivendo pervenimus ¹⁾. И за оную вашего святительства братскую доброжелательную любовь, какъ въ воспоминаеніи меня у престола Божія, такъ и въ прочемъ являемую, благодарно поклонъ мой и взаимное вашему преосвященству всѣхъ благосчастливыхъ successовъ искренное мое братское свидѣтельствую усердіе.

«Вашего преосвященства временныхъ и вѣчныхъ благъ искренне-желающій доброхотъ, братъ, богомолецъ и слуга, смиренный митрополитъ московскій *Тимоеей*.

Подобнымъ же образомъ и костромской епископъ *Дамаскинъ*, бывшій съ преосв. Арсеніемъ въ перепискѣ, писалъ ему, по поводу предпринятаго послѣднимъ толкованія псалмовъ, которое преосв.

¹⁾ Въ переводѣ Полятки слова эти переданы такъ: «нынѣ не токмо вашу святню, но и всѣхъ насъ печальная сія тронула пережѣна, которая жизнь нашу ведетъ къ воздыханіямъ и болѣзнямъ. Въ терпѣніи стяжимъ душу нашу; за все вышнему Царю царствующихъ и Господу господствующихъ благоговѣнно и великодушно благодарить должно. Сего дожили мы по заслугамъ нашимъ».

Арсеній, по мѣрѣ изготовленія, посылалъ на рецензію къ Дамаскину: «какъ 30-й (псаломъ) окончили, такъ дай Богъ и начатой, — придите возрадуемся Господеви, — псаломъ окончити. *Богъ милостивъ, не оставитъ уповающихъ на него. Пусть дышутъ, однако столпъ и утверждение истины адскаго ихъ нисколько боится дыханія.* Я слыхалъ, что до привезенія изъ С.-Петербурга сдѣланной чудотворцу (св. Дмитрію Ростовскому) раки, гость (императрица) отложилъ у вашего преосвященства быть. Чтобы оный гость Ростовъ, паче же ростовскую церковь и новоявленнаго святителя посѣтилъ, и у вашего преосвященства, яко усерднѣйшаго своего богомольца, небесныхъ же и земныхъ благъ желателя, отгостилъ, я, какъ себѣ, неличемерно желаю. Мудры наши попы и причетники будутъ ¹⁾). Только опасно чтобы за математикою и астрономією и тѣхъ мудрованіемъ въ собственной невѣждами не остались должности, а паче же иные изъ нихъ не завопили съ голоду. Я вашего преосвященства мнѣнія держусь: довольно того, что и регламентомъ означено; да и того за бѣдностію исправить совершенно неудобно. Кто-то напаче затѣваетъ странное оное ученіе (введеніе въ кругъ духовнаго образованія свѣтскихъ наукъ), и кто съ духовныхъ въ комисіи—не знаю. Однако, какъ воля Божія будетъ. Осмѣливаюсь ваше преосвященство затрудить: не возможно-ль какъ окончаніе тридесятаго, такъ и прочихъ псалмовъ, кромѣ тѣхъ, которые отъ вашего преосвященства получилъ, толкованія трудовъ вашего преосвященства для списанія про нужду мою и церковную прислать и тѣмъ меня одолжить милостивно прошу, владыко святыи, не оставь сего моего нужнаго испрошенія. Полученные мною отъ вашего преосвященства суть слѣдующіе: 21, 22, 26 и 30-й до 22 стиха».

Нераньше, какъ уже послѣ этихъ писемъ, Арсеній отправляетъ свое письмо къ Алексію Петровичу Бестужеву-Рюмину (приведенное у Знаменскаго—«Прав. Соосѣд.» мартъ, 1875 г., стр. 228—229), имѣвшее полное дѣйствіе, потому что, какъ мы видѣли, вслѣдъ за нимъ, по совѣту Бестужева, императрица отмѣнила распоряженіе Петра III и издала, въ августъ 1762 г., свой манифестъ, возвращавшій церковныя вотчины въ руки духовенства (см. «Прав. Соб.» февраль, стр. 122 и слѣд).

Наконецъ вотъ письмо епископа крутицкаго Сильвестра (Старо-городскаго) къ Гавріилу, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому.

¹⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о сдѣланныхъ правительствомъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ составъ тогдашняго семинарскаго курса, противъ которыхъ возставалъ, какъ извѣстно, и Арсеній въ своемъ доношеніи.

Преосвященнѣйшій Владыко; Милосердый Батюшка! Получилъ я отъ вашего преосвященства сего апрѣля 2-го дня письмо, въ которомъ стужительность мыслей Вашихъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ довольно изъясняется: то-то оно, про что въ Москвѣ неоднократно говаривано! Я плодъ почестей епископскихъ искусомъ дозналъ въ бытность мою при комиссиі, такъ что и при двойномъ теперь званіи, однако половиной мнѣ сносите: вы узрите, какъ пояшутъ васъ и ведутъ а може не хочете.. Одно средство, батюшка, къ продолжію напастей, убѣжище къ дающему уста и премудрость, а молитва вѣры дастъ благодать и крѣпость во всякомъ дѣлѣ блазѣ, ut experientiâ edocti tradidère patres. Въ причисленіи къ мѣщанству духовенства, de quo olim obiter et paucis труда много, чтобъ отстоять; однако не будетъ-ли годиться предложеніе такое, что мѣщанамъ дозволены способы многихъ выгодъ и корыстей, какъ-то: торги, откупы и прочее, почему и государственныя тягости имъ сносны. А какъ духовные мѣщанскихъ выгодъ по указамъ не имѣютъ, и имѣть правилами возбраняется, такъ и въ тягостяхъ общества соучастны быть или ex natura status sui не могутъ, какова поставка рекрутъ въ солдатство, складка рекрутская и прочая. Или, что и могутъ vi facultatum suarum, отъ всего того по правиламъ и примѣру всѣхъ вѣковъ церкви, да и самихъ иновѣрческихъ державъ, свободны. А буде смѣшивать духовенство съ мѣщанствомъ, то надо дать ему и корыстей средства, чего однимъ дать не хочется, другимъ имѣть не можно: такъ останутся только тягости мѣщанскія на духовныхъ безвыгодно.

Но ежели то идетъ къ уравнию только, въ разсужденіи чести одной, духовныхъ съ мѣщанами, праесісе отъ тягостей и корыстей: въ такомъ случаѣ мы, не требуя разбору почестей своихъ, готовы остаться въ глухѣ по прежнему, какъ и предки наши и другихъ державъ братья наша, ибо царство Христово нѣсть отъ міра сего, и проч. Господь Богъ, упованіе и прибѣжище и покровъ нашъ, да подастъ вамъ силу и бодрость, а я въ такихъ обстоятельствахъ не меньше о васъ, какъ о себѣ, воздыхая, съ извѣстнымъ и нелицемѣрнымъ моимъ усердіемъ пребываю вашего преосвященства покорный и вѣрный слуга Симъвестръ, епископъ крутицкій. Апрѣля 12 дня 1768 года. Москва. ¹⁾).

¹⁾ Считаемо не лишнимъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе содержанія этого довольно интереснаго, на нашъ взглядъ, письма, писаннаго уже по окончаніи дѣла объ Арсеніи.

Въ знаменитой екатерининской «комиссиі для составленія новаго уложенія»,

УП. Не дожидаясь результата своего первого доношенія въ синодъ и писемъ къ духовнику императрицы и къ Бестужеву-Рюмину, *Арсеній*, вѣроятно подѣ впечатлѣніемъ тѣхъ злоупотребленій при описи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, допущенныхъ правительственными комиссарами-офицерами, о которыхъ говорится въ приведенныхъ выше письмахъ, шлетъ въ св. синодъ второе доношеніе, прямо направленное противъ этихъ описей и приходорасходныхъ книгъ, разосланныхъ по монастырямъ и церквамъ комиссіей. Приводимъ этотъ памятникъ литературной дѣятельности Арсенія, доселѣ въ цѣломъ видѣ, если не ошибаемся, нигдѣ еще не напечатанный:

«Святѣйшему правительствующему синоду отъ синодальнаго члена, преосвященнаго Арсенія, митрополита ростовскаго и ярославнаго, *доношеніе*.

«Изъ полученныхъ мною, при указѣ ея императорскаго величества изъ святѣйшаго синода, присланныхъ къ моему смиренію для досто-
должнаго вѣдома и надлежащаго исполненія, печатныхъ инструкцій
и приложенныхъ при нихъ формъ, каковымъ образомъ отправлен-

въ которой на ряду съ другими вопросами государственнаго значенія, поднять
былъ, какъ извѣстно, и вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи того положенія
какое должно занимать духовенство въ ряду прочихъ сословій государства, его
правъ и преимуществъ, изъ всѣхъ сословій государства одни духовные, да еще
крѣпостные крестьяне, не имѣли за себя выборныхъ представителей. Неудиви-
тельно, повтому, что когда комиссія, при самомъ началѣ своихъ занятій, раз-
дѣлена была на девятнадцать частныхъ секцій, имѣвшихъ своею задачею пред-
варительную специальную разработку частныхъ вопросовъ, подлежащихъ ей
обсужденію, то въ той изъ нихъ, которая между прочимъ разсуждала и о пра-
вахъ духовенства, не нашлось ни одного компетентнаго представителя и защит-
ника интересовъ этого сословія. Н. И. Новиковъ, ведшій записки о засѣданіяхъ
этой секціи, рассказываетъ (см. Пекарскаго—дополненіе къ исторіи ма-
совства въ Россіи, Спб. 1869, стр. 17, 19—20), что когда зашла рѣчь въ ней
о правахъ и преимуществахъ духовенства, то, какъ единственный источникъ
свѣдѣній по этому предмету, какъ руководящая статья, «читано было разсужде-
ніе господина Гума (Юма, извѣстнаго писателя—мистика?), приличное къ сей
матеріи». Результатомъ такого обращенія за матеріалами для опредѣленія правъ
православнаго русскаго духовенства не къ живому голосу лицъ, заинтересован-
ныхъ въ дѣлѣ и компетентныхъ, а къ иноземному сочиненію г. Гума, и было
постановленіе секціи о причисленіи духовенства «къ мѣщанству или среднему
роду людей», редактированное, въ проектѣ, г. членомъ секціи, княземъ Щербато-
вымъ. Въ социальномъ смыслѣ такое постановленіе, конечно, отнюдь не пред-
ставляло въ себѣ чего-либо унижительнаго для духовенства, которое, выходя,
большою частію, изъ народа, искони привыкло жить одною съ нимъ жизнью; но
оно налагало на духовенство «бремена неудобносымыя» въ видѣ не только
денежныхъ податей разныхъ наименованій, но и разнаго рода натуральныхъ
повинностей, которыя должны были въ большей или меньшей мѣрѣ парализо-
вать ту дѣятельность служителей церкви, къ которой они призваны самымъ сво-
имъ званіемъ. Изъ предлагаемаго письма мы, между прочимъ, видимъ, какого

нымъ изъ комиссіи оберъ-офицерамъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ повелѣніи описи сочинять, опредѣлено, — усмотрѣлъ я между прочаго въ тѣхъ формахъ, что тѣмъ офицерамъ обще съ монастырскими настоятелями надлежитъ въ монастыряхъ и пустыняхъ описывать церкви святыхъ, и сколько въ нихъ престоловъ, а въ другомъ указѣ, полученнымъ мною-жъ изъ св. правительствующаго синода, между прочаго-жъ написано въ третьемъ пунктѣ: понеже-де къ сочиненію всѣмъ монастырямъ штатовъ потребно комиссіи знать о имѣющихся въ означенныхъ монастыряхъ ризницахъ и церковной утвари, дабы, по усмотрѣніи въ томъ каковаго гдѣ недостатка надлежащее къ снабженію распоряженіе учинить было можно. Того ради означеннымъ же оберъ-офицерамъ изъ всѣхъ вышеозначенныхъ монастырей за руками настоятельскими означеннымъ ризничнымъ вѣщамъ и прочей церковной утвари описей, гдѣ же таковыхъ описей нѣтъ, или и есть, да съ наличностію оныхъ вещей въ чемъ несходны,

рода мысли и чувства пробудило это постановленіе между людьми интеллигентными въ тогдашнемъ духовенствѣ. Проектъ секціи поступилъ, въ подлежащемъ порядкѣ, на разсмотрѣніе въ центральную, или, какъ она называлась, дирекціонную комиссію, которая большинствомъ голосовъ опредѣлила, что проектъ секціи «достойнъ ея, комиссіи, апробаціи, и трудившіяся въ сочиненіи его г. князь Щербатовъ заслуживаетъ похвалу и всѣхъ гг. членовъ благодарность». Возсталъ противъ проекта одинъ лишь архіепископъ тверской (впослѣдствіи митрополитъ) Гавріилъ, единственный представитель духовенства въ комиссіи, участвовавшій въ ея занятіяхъ въ качествѣ депутата не отъ духовенства, впрочемъ, какъ сословія, а отъ Святѣйшаго Синода, какъ правительственнаго учрежденія. Благодаря энергической защитѣ архіепископа Гавріила, духовенство, какъ извѣстно, сохранило свое самостоятельное значеніе и приобрѣло сверхъ того нѣкоторыя новыя права, дававшія ему возможность больше трудиться на пользу своего служенія.

О личности автора письма, преосв. Сильвестра Старогородскаго, мы къ сожалѣнію, не имѣемъ другихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, какія сообщаются въ «Обзорѣ русской духовной литературы» преосвящ. Филарета черниговскаго (кн. 2-ая, стр. 149). Подлинникъ самаго письма находится въ рукописномъ сборникѣ библиотеки с.-петербургской духовной академіи (№ 415), содержащемъ въ себѣ черновые списки большей части работъ преосвящ. Гавріила, относящихся до депутатства его въ комиссіи для составленія новаго уложенія, между прочимъ черновой списокъ и знаменитой докладной записки его комиссіи. Сборникъ этотъ драгоцененъ для воспроизведенія одного изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ въ исторіи нашего церковнаго законодательства, — исторіи законодательныхъ работъ по церковному вопросу въ царствованіе Императрицы Екатерины II, хотя далеко не содержитъ въ себѣ всѣхъ нужныхъ для этого матеріаловъ (такъ напримѣръ, вопреки увѣренію преосв. Филарета—Обзоръ, т. II, стр. 114—въ немъ вовсе нѣтъ «дневныхъ записокъ о засѣданіяхъ комиссіи»), которые мы, можетъ быть, найдемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ сборника Императорскаго русскаго историческаго общества, въ IV томѣ своего изданія—въ капитальномъ трудѣ г. Полънова—положившаго начало разработкѣ матеріаловъ для исторіи знаменитой комиссіи.

то оныя описи самимъ настоятелемъ, а въ небытность ихъ, кому тѣ монастыри въ правленіе поручены, при тѣхъ же оберъ-офицерахъ описать.

«И такъ, по сему слѣдуетъ непремѣнно показаннымъ офицерамъ въ алтарь входить и иногда священныхъ сосудовъ касаться, чего намъ законъ православный издревле, выключивши царскихъ персонъ, правилами и узаконеніями церковными запрещаетъ, что и во извѣстіи учительномъ, при служебникахъ печатаемомъ, изображается: чести ради, рече, божественныхъ таинъ никто же отъ несвященныхъ во святыи алтарь да входить, жены же никогда, пономари часто исповѣдающіися и божественнымъ тайнамъ причащающіися, трезвенно же и благочестно въ добродѣтели пребывающіи. Сіи пономари должны суть просфоры, вино, воду, еміамъ и огонь въ алтарь внести, свѣщи же вжигати и угашати, кадильницу же и теплоту приуготовляти и іерею подавати, алтарь весь чинно и часто умести, и очищати еще землю отъ всякихъ уметій, яко же стѣны и верхъ кровный отъ праха и паутины. Престоль же и жертвенники іерею точию и діакону или иподіакону очищати и истирати, во еже николиже на нихъ обрѣстися праху или уметію коему, да не коснется со грѣхомъ священныхъ несвященная рука.

«Въ подтвержденіе же таковаго церковнаго узаконенія имѣется быти явственно стихъ великаго канона: кивотъ яко пошашеся на колесниці, Занъ, егда превращшуся тельцу, точию коснуса, Божіимъ искусися гнѣвомъ; но того дерзновенія убѣжавши душе, почитай божественная честнѣ.

«Въ книгахъ вторыхъ царствъ, въ главѣ 6-й, Занъ оный нарицается Оза, который, по признанію толкователей, не будучи священникомъ, но левитомъ, дерзнулъ, аще и въ случаѣ, коснутися кивота Божія; того ради пораженъ былъ и казненъ отъ Бога, такъ же смертію, понеже явствуетъ отъ другихъ мѣстъ писанія, яко не левиты, но священники кивотъ Божій носили и ему прикасалися. Аще же въ ветхомъ завѣтѣ крѣпкое было наблюдательство божественныя вещи почитати, то кольми сіе надлежитъ исполняти въ новомъ завѣтѣ, почитая божественныя честно, а наипаче алтарь божественный, и наблюдая, да не касается несвященная рука вещей, Богу освященныхъ, а наипаче дисковозъ, потировъ и прочихъ подобныхъ: о царѣ бо Львѣ четвертомъ, сынѣ Копронимовомъ, пишется въ церковныхъ исторіяхъ, яко любяше драгіе камни, и дерзнулъ взяти изъ церкви св. Софіи съ каменни зѣло драгій вѣнецъ, Господу Богу отданный, въ немъ же бяху драгоцѣнныи каменіе

карбункулы, которыми онъ уязвися, егда же оный вѣнецъ на главу свою возложи, абіе на челѣ его карбункулы прозябоша, сіесть вреды неисцѣлимыя, яже ему окаянную смерть принесоша.

«Аще же за вѣнецъ, Богу освященный, толикая казнь Божія, то чего надѣяться отъ Бога за сосуды, Богу освященные, къ храненію и совершенію таинъ святыхъ употребляемыи, а не почитаемыи и за простую вещь вмѣняемыи? Каковаго же почитанія надѣяться, егда придуть таковыи божественныи вещи во область таковыхъ людей, о которыхъ издревле въ притчахъ Соломоновыхъ, въ главѣ 4-й, свидѣтельствуется, на немъ же аще мѣстѣ воя собереть, неиди тамо, уклонися же отъ нихъ и измѣни, не уснуть бо, аще зла не сотворять, отъимется сонъ отъ нихъ и не спать, тѣи бо питаются пищею нечестія, виномъ же законопреступнымъ упиваются. Отъ таковыхъ свойствъ, какъ древнихъ воиновъ, такъ и нынѣшнихъ, а наипаче нашихъ, нельзя выключать; аще же и не о всѣхъ таковыи свойства признавать, однако надлежитъ засвидѣтельствовать, что много званыхъ, мало же избранныхъ, або тыло имъ власть, то готовы и Спаса и Богородицу ободратъ, какъ то видѣть (можно) отъ бывой коллегіи экономіи, во время генерала Волкова, которая изъ начала моея бытности въ Ростовѣ опредѣлила было офицеровъ въ Спасоярославскій монастырь, переписывати евангелія, кресты и прочія въ ризницѣ утвари, и на то уже и указъ дала было монастырскимъ властямъ, просителямъ денегъ на починку монастыря: которому дѣлу я тогда оспорилъ, и такъ оно отмѣнилось, а послѣ по особенному разсмотрѣнію и на церковь призрѣнію отъ блаженныи памяти благочестивѣйшіи самодержавнѣйшіи великіи государыни императрицы Елизаветы Петровны оная коллегія совсѣмъ упразднилася, и яко экономическая канцелярія синоду подчинена.

«Надѣяться же, что и ныцѣ благополучно царствующая благочестивѣйшая императрица наша, государыня всемилостивѣйшая, не оставитъ церкви, ежели ея величеству обстоятельно о церкви Божіей и о нынѣшнемъ ея озлобленіи изволите ваше святѣйшество предложить, а наипаче, что еще церковь и отъ прешедшаго недавно бывшаго удара и раззоренія не отдохнула и въ чувство не пришла и ниже мало исправилась, а тутъ упять на нее навѣты и нападенія и таковыи подлоги, дабы ей современемъ въ конецъ истребиться: понеже теперь, напимѣръ, когда нашьются, по силѣ инструкціи, офицеры, то какъ въ прошломъ году, безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна остались, такъ и теперь будемъ съ тѣмъ же, или противу того, съ превосхопствомъ оставаться. офицеры бо присланы

будутъ не малые вкладчики, аще по силѣ, аще въ противность инструкціи поступаа. Крестьяне же, совершенно еще въ послушаніе монастырямъ и архіереямъ не пришедшіи, отъ опыхъ офицеровъ, по силѣ инструкціи, вопросы, по мужичьему своему уму, въ разсужденіе взявши, къ хлѣбной никакой другой работѣ будутъ огурны и не послушны; впредь же, ежели паче чаянія утвердится оброкъ на крестьянъ, чтобы имъ ничего не работать, но деньги давать, то они хотя и примутъ изначала сіе за благо, потому что придуть имъ не токмо поля, но и лѣса и луга въ руки ихъ, однако послѣ, опустошивши лѣса, не будутъ въ состояніи и не похотятъ, хоть душу изъ нихъ возьми, оброковъ платить; и такъ, дома архіерейскіе и монастыри не токмо безъ дровъ, но и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ водовоза, послѣдняго работника, останутся. Аще же бы и такового случая не послѣдовало, то у насъ не Англія, — едиными деньгами жить и пробиваться, а маипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сходная и способная, нежели деньги давать, которыми аще бы онъ изобилывалъ, то лучше ему умирать, нежели съ ними разставаться, и когда надлежащія деньги отдасть, то на едину нужду домашнюю и работу послѣднюю: воспослѣдуетъ домамъ архіерейскимъ и монастырямъ деньги сорить, какъ полову, того-жъ мужика, крестьянина своего прося и моля, дабы принялъ какія хочеть деньги, а не отрицалъ бы послужить дому архіерейскому или монастырю, а онъ на то ниже будетъ смотрѣть, и за малое дѣло будетъ вдвое и втрое денегъ требовать, усмотряя и промышляя, дабы тыишь деньги, которыя отъ нихъ взяты, паки къ нимъ съ превосходствомъ возвратилися. Что же касается до нуждъ церковныхъ, напримѣръ, до починки домовъ и монастырей и храмовъ Божіихъ, такъжъ и нуждамъ священнослуженія и жертвы безкровныя, о томъ нечего и воспоминаеть: не съ чего бо будетъ, хотя бы и самому архіерею, и по одному на крылосѣ пѣвчому содержать, а о ризницѣ и о благолѣпіяхъ и о утваряхъ церкви служенію нужныхъ, нечего и говорить, и тако за малое время можетъ благочестіе все у насъ перевестися и слѣда ему не остаться, развѣ тылко въ памяти многимъ будетъ и въ сожалѣніи, яко въ толь древнемъ и благочестивомъ государствѣ, на весь свѣтъ славномъ и знатномъ, вдругъ не отъ татаръ, и ниже отъ иностранныхъ непріятелей, но отъ своихъ домашнихъ, благочестивыми и сынами церкви нарицающихся, церковь и благочестіе истребидоса.

Сожалѣніе же о томъ, всякому благочестія ревнителю, воспослѣдуетъ плачемъ Іереміиннымъ, таковымъ со усугубленіемъ производимое:

исходища водная изліетъ око мое о сокрушеніи дщере людей моихъ, како потемнѣ злато, измѣнися сребро доброе, разсыпашася камыцы святыни въ началѣ всѣхъ исходовъ.

«Чего не даждь Богъ намъ видѣть и дождаться, предосторожность же надлежитъ имѣть и Бога молить, въ которыхъ молитвахъ и я послѣднѣйшій одоляяся, навсегда пребываю.

«Святѣйшаго правительствующаго синода послушникъ, смиренный *Арсеній*, митрополитъ ростовскій и ярославскій. *Своеручно*».

Марта 15-го дня 1763 года.

Вмѣстѣ съ этимъ «доношеніемъ», того же 15-го марта, преосв. Арсеній представилъ въ свят. синодѣ и «*покорное прошеніе*», слѣдующаго содержанія:

«Въ мимошедшемъ году, а въ которомъ — не помню, токмо при жизни блаженна и вѣчнодостойна памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, просилъ я ваше святѣйшество о увольненіи меня, за болѣзнію мою, отъ ростовскія епархіи, на обѣщаніе въ монастырь Спасской Новгородской-Сѣверской, и объ ономъ моемъ прошеніи никакой резолюціи не получилъ. А нынѣ я не токмо во оной болѣзни, но и въ дряхлости и въ старости обрѣтаюсь. Того ради прошу покорно ваше святѣйшество по желанію моему отъ ростовскія епархіи въ означенный монастырь Спасскій Новгородскій-Сѣверскій меня уволить и опредѣлить по примѣру преосвященнаго Геннадія, епископа костромскаго, и пожаловать какое-нибудь препитаніе, а наипаче на первый случай: о чемъ усугубляя мое прошеніе, пребываю святѣйшаго правительствующаго синода послушникъ, смиренный Арсеній, митрополитъ ростовскій и ярославскій. *Своеручно*».

Но событія совершились быстрѣе, чѣмъ ожидалъ преосв. Арсеній. Недоброжелатели его не дремали. Получивъ доношеніе Арсенія, св. синодъ нашель, что въ немъ «все, что ни есть, слѣдуетъ ко оскорбленію Ея Императорскаго Величества, за что онъ великому подлежитъ сужденію; но безъ вѣдома Ея И. В-ва, св. синодъ къ тому приступить не смѣетъ, а передаетъ въ высочайшее благоразсмотрѣніе и высокомонаршую Ея И. В-ва безприглядную милость», о чемъ и представилъ ея величеству докладъ. Замѣчательная резолюція императрицы на этомъ докладѣ св. синода приведена у г. Соловьева въ цѣломъ составѣ. Согласно этой резолюціи, св. синодъ немедленно распорядился—преосв. Арсенія, «*черезъ нарочито отправленнаго гвардіи оберъ-офицера, привезти въ Москву, а при томъ отъѣздѣ ризницы и*

людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ служителей, его преосвященству съ собой не брать и имѣющіяся въ кельѣ письма собрать, его преосвященства и того офицера печатами запечатать, взять». Отправленъ былъ Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Николай Дурновъ, которому дана инструкція: «1) получа изъ св. синода запечатанный указъ, ѣхать въ Ростовъ на шести подводкахъ съ крайнимъ поспѣшеніемъ, и какъ скоро туда пріѣдете, въ то же самое время, митрополита Арсенія, объяви ему указъ, съ поспѣшеніемъ везти въ Москву, истребовавъ почтовыхъ надлежащее число подводъ; 2) по пріѣздѣ въ Москву, привезть того митрополита прямо въ Симоновъ монастырь, оставить въ казначейскихъ кельяхъ, подъ смотрѣніемъ офицера и пристойнаго числа солдатъ, и самому объявить о томъ св. синоду репортомъ; 3) о дѣлахъ, тайности подлежащихъ, поступать по силѣ имяннаго императора Петра Великаго указа, отъ 1724 г. генваря 13-го». Дурновъ отправился въ Ростовъ 14-го марта, а 17-го числа того же мѣсяца онъ уже возвратился въ Москву, издержавъ на дорогу изъ данныхъ ему 50 р.—25 р. 75 к., привезя съ собою Арсенія, а также секретаря консисторіи Ивана Волкова и протоколиста Семена Жукова, какъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу и подлежащихъ допросу.

По прибытіи преосв. Арсенія въ Москву, св. синодъ имѣлъ нѣсколько экстренныхъ засѣданій, въ которыя собирався по ночамъ, съ 9-ти часовъ вечера и до часа пополудни слѣдующаго дня. Въ первомъ засѣданіи, происходившемъ 1-го апрѣля, определено было: 1) допросить Волкова: кѣмъ сочинены были два доношенія, присланные въ синодъ Арсеніемъ, и почему ни одно изъ нихъ нескрѣплено имъ—секретаремъ; 2) отправить въ Ростовъ и въ Кострому къ епископу Дамаскину нарочитаго за экземпляромъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія, «дополненнаго» Арсеніемъ, а равно вызвать въ Москву для допроса и самаго Дамаскина, что и было поручено прапорщику Преображенскаго полка Льву Толстому, которому и дана на этотъ предметъ соотвѣтственная инструкція; 3) сочинены допросные пункты обвиняемому: съ какого именно предпріятія и умыслу онъ, какъ первое свое, такъ и второе доношеніе сочинить и въ синодъ прислать отважился, и не было-ли у него съ кѣмъ о томъ сношенія и совѣту, и не чинилъ-ли онъ письменно или словесно о томъ какого разглашенія. Вотъ отвѣты Арсенія. «1763 г. апрѣля 1-го дня, въ собраніи св. синода ростовскій митрополитъ Арсеній, по вышеписаннымъ апробованнымъ вопроснымъ пунктамъ допрашиванъ и сказалъ: 1) въ первоупомянутомъ—де отъ него марта 6-го доношеніи, его преосвящен-

ство ничего ко оскорбленію ея императорскаго величества быть неуповаль, а все-де то писалъ по ревности и совѣсти, чтобъ не быть двоедушнымъ, а ежели что ко оскорбленію ея императорскаго величества имѣется, въ томъ просить прощенія и въ волю и милость Ея Императорскаго Величества себя всеподданнѣйше предаетъ; 2) о всемъ, въ томъ доношеніи писанномъ, у его преосвященства ни съ кѣмъ сношенія и совѣта не было, а писано оное собственно отъ его преосвященства; 3) о всемъ, въ означенныхъ доношеніяхъ заключающемся, разглашенія никакого ни съ кѣмъ, какъ письменнаго, такъ и словеснаго, не было; 4) что-де его преосвященство сочинялъ не для возраженія на указы, но на представленія другихъ, по которымъ представленіямъ и тѣ указы послѣдовали, и въ чаяніи томъ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ-де и его представленіе отвержено не будетъ, а по крайней мѣрѣ, что изъ того не воспослѣдуетъ оскорбленія Ея Императорскаго Величества, а понеже оное вошло во оскорбленіе ея императорскаго величества, того ради и паки всемирнѣйше и всеподданнѣйше припадая къ ногамъ ея императорскаго величества, просить прощенія и помилованія». «О учиненномъ въ прошломъ году въ нѣдѣлю православія попоминательномъ чиноположеніи ¹⁾ объявилъ, что въ ономъ ничего къ оскорбленію Ея Императорскаго Величества не имѣется, а сочинялъ его пресвященство изъ древнихъ чиноположеній, которыя собраны и исправлены, и въ ономъ, изъ тѣхъ же древнихъ чиноположеній, грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что многія не только монастырскія, но и церковныя земли отымаютъ, а суда на нихъ сыскать не можно».

Волковъ на допросъ объяснилъ, что «на именныя указы представленій чинить не слѣдуетъ, что-де онъ преосвященному неоднократно объяснялъ, что оныя доношенія съ приказнымъ порядкомъ не сходственны, чего ради оныя имъ, Волковымъ, и не скрѣплены и по консисторіи въ исходящую книгу не записаны и нумеровъ на нихъ

¹⁾ Въ чинъ православія Арсеній внесъ отъ себя слѣдующія двѣ статьи: 1) «Иже возстанетъ на церкви Божіи, на храмы и мѣста святыя, зли крамольницы и совѣтницы ихъ, да будутъ прокляты. 2) Всѣ насильствующіи и обидящіи святіи Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данная имъ отъ древнихъ богомольцевъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія, и чрезъ то воплощенія Христова дѣло и безкровную жертву истребляющіи, аще не останутся (оставить?) отъ сего же таковаго начинанія, но и еще помышляти будутъ таковое злодѣйство, яко Ананія и Сапфира и яко крайніи врази Божіи, да будутъ прокляты». Въ печатномъ чинѣ православія, бывшемъ въ это время въ употребленіи, этихъ статей совсѣмъ не было, но онѣ были, какъ сказано въ дѣлѣ, въ чинѣ «рукописномъ 150-го года» (т. е. 1652 г.), за исключеніемъ словъ, отмѣченныхъ разрядкою, которыя вставлены лично Арсеніемъ.

не поставлено, но прямо собственно отъ его преосвященства изъ веліи отправлены». Жуковъ, съ своей стороны, объяснилъ, что «до сочиненія и посылки въ синодъ тѣхъ доношеніевъ митрополитъ Арсеній ни съ кѣмъ письменныхъ переписокъ не имѣлъ и къ нему, митрополиту, ни отъ кого о томъ писано не было, кромѣ только того, что оный митрополитъ съ полученной отъ Сильвестра, епископа переяславскаго, инструкціи, данной комисіи о церковныхъ вотчинахъ, копію къ костромскому епископу при письмѣ своемъ токмо для одного извѣстія послалъ, а отъ того епископа ничего на то писано не было. А когда-де первое доношеніе отъ 6-го числа въ синодъ отправлено, то того-жъ числа съ онаго двѣ копіи при письмахъ посланы отъ него, митрополита, къ духовнику Ея Императорскаго Величества, протоіерею Ѳеодору Яковлевичу Дубянскому, и къ генераль-фельдмаршалу графу Алексію Петровичу Бестужеву-Рюмину, которыми-де письмами просилъ, что когда о оной матеріи отъ св. синода представлено будетъ Ея Императорскому Величеству, то-бъ тогда и оную копію Ея Императорскому Величеству представить-же; а потомъ и со втораго доношенія къ нимъ же, духовнику и фельдмаршалу, при письмахъ копіи посланы-жъ въ такой силѣ, чтобъ употребили они въ защищеніе церкви святой свое стараніе, а болѣе до сего какъ съ тѣхъ доношеніевъ копій, такъ и писемъ о томъ, отъ онаго митрополита ни къ кому не было. Когда-жъ начаты были оныя доношенія сочиненіемъ и были переписываемы, то-де въ то время усмотря, что оныя противны указамъ, объ ономъ, какъ онъ, Жуковъ, такъ и секретарь Волковъ, да секретарь же Кардовской и архидіаконъ Игнатій тому митрополиту представляли многократно, но токмо оный митрополитъ того ихъ представленія не слушалъ, и объявлялъ, сердясь, такъ, что-де то не ваше дѣло, а надлежитъ оному быть непремѣнно».

Во второмъ засѣданіи, 4-го апрѣля, слушали протоколъ предъидущаго засѣданія и предположительно постановили: сослать Арсенія въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей съ отнятіемъ отъ него бумаги и чернилъ. Въ 3-мъ засѣданіи, 7-го апрѣля, слушанъ былъ вновь протоколъ объ Арсеніѣ и проектъ опредѣленія по его дѣлу съ выписками основаній для него изъ св. писанія (Варух. гл. 1, Мѡ. гл. 22, посл. Петр. гл. 2, Римл. гл. 13, Ефес. гл. 5, Кол. гл. 3, Тит. гл. 3) и церковныхъ правилъ (Апост. прав. 31, 81, 83, 84; Сардик. соб., пр. 21), регламента (л. 6, 25) и указовъ (февр. 9, 1720; апр. 17, 1722; мая 11, 1725 г., о винахъ Ѳеодосія, арх. новгородскаго) и, наконецъ, выписки изъ дѣлъ, бывшихъ о самомъ Арсеніѣ, представляющія интересный біографическій матеріалъ о немъ.

Мая 28-го 1742 г. онъ былъ перемѣненъ на митрополичью кафедру въ Ростовъ, и велѣно ему присутствовать въ св. синодѣ. Марта 1-го 1743 г. св. синодъ имѣлъ разсужденіе, что митрополитъ Арсеній до сихъ поръ «у присяги не былъ». Бывъ сиротенъ, Арсеній отвѣтилъ, что о томъ онъ лично объяснилъ императрицѣ (Елисаветѣ), о каковомъ отвѣтѣ св. синодъ постановилъ доложить государынѣ. 18-го мая того же года Арсеній принялъ присягу, но на присяжномъ листѣ оказалась его собственноручная приписка, именно къ рѣченію: «и послѣдовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда св. правительствующему синоду, яко правильной власти», прибавлены слова: «отъ Христа и апостоловъ происходящей чрезъ хиротонію». Когда св. синодъ указомъ потребовалъ у него «справедливаго по архіерейству по этому дѣлу отвѣтствія», Арсеній отвѣчалъ, что сей его прилогъ въ присягу архіерейскую приписанъ наканунѣ поставленія и оную присягу съ прилогомъ всѣмъ вслухъ тогда читалъ, а оный прилогъ не въ иной силѣ приписанъ, только въ противность и въ крайнее отверженіе раскольниковскаго исповѣданія, что-де церковь—не церковь, архіерей—не архіерей, священницы—не священницы, понеже-де священство, чрезъ хиротонію отъ Христа и апостоловъ происходящее, вовсе потерялось, а кромѣ таковыхъ богохульниковъ, онъ не чаеть, чтобы кому другому, кто церкви святой придержится, могла быть противность: «вашему святѣйшеству какая показала въ томъ противность прошу со всякою покорностію наставленія», — заключаетъ свое объясненіе Арсеній. Получивъ такое объясненіе, св. синодъ предположилъ имѣть о немъ сужденіе въ полномъ собраніи, но, неизвѣстно почему, дальнѣйшаго хода это дѣло не имѣло — «надлежащаго рѣшенія по тому доношенію не учинено».

Вообще тонъ доношеній Арсенія не нравился св. синоду и производилъ такое впечатлѣніе, что 19-го августа того же 1743 года ему былъ посланъ офиціальныи выговоръ.

Документъ этотъ выясняетъ для насъ со всею полнотою тѣ отношенія, какія установились между членами св. синода и Арсеніемъ, и какія, нѣтъ сомнѣнія, повліяли ближайшимъ образомъ и на рѣшеніе его судьбы, когда возникло дѣло по протесту его относительно церковныхъ имуществъ. Считаемо поэтому не лишнимъ привести этотъ документъ въ полномъ составѣ.

«Архіерей ростовскій Арсеній! Всепресвѣтлѣйшая, самодержавнѣйшая великая государыня императрица Елисавета Петровна имяннымъ своимъ указомъ сего августа 12-го дня повелѣтъ соизволила, и, во исполненіе того Ея Императорскаго Величества указа, св. синодъ при-

казали: за ниже изображенныя твои продерзости и противныя Ея Императорскаго Величества указамъ поступки учинить тебѣ выговоръ, а именно: понеже по вѣдѣнію правительствующаго сената въ св. синодѣ апрѣля сего 13-го числа опредѣлено и посланнымъ къ тебѣ Ея Императорскаго Величества указомъ онаго-жъ апрѣля 18-го числа повелѣно, чтобы ты впредь показанныхъ въ томъ сенатскомъ вѣдѣніи происшедшихъ отъ тебя письменныхъ поносительныхъ словъ въ доношеніяхъ и во всякихъ письменныхъ корреспонденціяхъ отнюдь не употреблялъ, подѣ опасеніемъ показаннаго въ 55-й генеральнаго регламента главѣ штрафа; но ты оное высочайшее блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго установленіе послѣдовательно же и дражайшія Ея Императорскаго Величества дщери, наша всемилостивѣйшія государыни о всецѣломъ и нерушимомъ во всѣхъ російскаго государства правительствахъ отъ его, государя императора Петра Великаго, установленныхъ регламентовъ и указовъ храненіи, высочайшіе указы безстрастіемъ своимъ явно презирая, не точію, чтобы тебѣ съ какими другими подобочинными тебѣ лица подлежащія корреспонденціи, не повреждая чести ихъ никакими ругательными и поносительными словами, имѣть, но и въ высшей своей командѣ, а именно на посланный къ тебѣ, по доношенію тайной канцеляріи, о приѣмѣ въ монастырь нѣкоего извѣстнаго тебѣ во изумленіи показаннаго колодника іюня 17-го указъ въ отправленномъ къ лицу св. синода іюля отъ 15-го доношеніи своемъ дерзнулъ между прочаго написать весьма продерзностно и уразительно, какъ бы къ некоему подчиненному лицу, съ крайне надменною злобою, а именно, что св. синодъ объ одномъ въ изумленіи показанномъ колодникѣ опредѣленіе зѣло яко бы неосмотрительное и продерзностное (учинилъ?), и выводилъ ты оныя свои рѣчи доказаніями не только истинѣ, но и твоей самой совѣсти противными, и будто бы отъ ревности Божіей, но весьма не по разуму, и яко бы св. синодъ то опредѣленіе учинилъ въ опроверженіе указу блаженныя и вѣчно-достойныя памяти государя Петра Великаго прошлаго 1723 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и будто-жъ бы въ противность указа нынѣ благополучно государствующія Ея Императорскаго Величества прошлаго 1741 года декабря 12-го, и то ты написалъ весьма ложно и употребляя самъ крайней продерзости и высочайшимъ монаршимъ указамъ противности. А святѣйшій синодъ онымъ своимъ опредѣленіемъ никакого, какъ означенному государя Петра Великаго 1741 г. указу опроверженія, такъ и всемилостивѣйшія наша государыни 1741 г. указу-жъ въ противность ничего не дѣлалъ, но точно отъ высочайшихъ Ея

Императорскаго Величества Петра Великаго сукцессоровъ, о приѣмѣ паки изумленныхъ въ монастыри состоящихся именныхъ указовъ, собою безъ собственнаго Его Императорскаго Величества соизволенія отмѣнять не дерзнулъ и дерзать не могъ, понеже въ состоявшемся Ея Императорскаго Величества именномъ декабря 12-го 1741 г. указѣ изображено, что Ея Императорскаго Величества матери, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, и по ней престоломъ российскимъ владѣющихъ не отрѣшаетъ, а какъ указы съ настоящимъ временемъ не сходны, о тѣхъ велѣно, учиня особый реестръ и объясня, для чего имѣютъ быть отставлены, объявить Ея Императорскому Величеству, а не иному кому собою оныя отмѣнять; а показаннаго изумленнаго отъ св. синода повелѣно было въ монастыри принимать по силѣ помянутыхъ именныхъ указовъ, а не собственно яко-бы новымъ какимъ самовольнымъ опредѣленіемъ. А въ вышепомянутой генеральнаго регламента 55-й главѣ напечатано: объявляется всѣмъ и каждому, чтобы никто ругательными словами коллегіи касатися не дерзалъ, — который противъ рѣшенія и поступковъ коллегіи у Его Императорскаго Величества ревизіи или милости просить намѣренъ, то надлежитъ ему сіе съ надлежащимъ воздержаніемъ просить, а не о особахъ и самомъ сущемъ дѣлѣ доносить. Да и въ 1721 году января 25-го состоявшемся высочайшемъ указѣ напечатано: уставляемъ духовную коллегію... и повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія дѣла духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ удовольствоваться, и указовъ его слушать, и во всемъ, подъ великимъ за ослушаніе наказаніемъ, противъ прочихъ коллегій. Да докладныхъ Его Императорскому Величеству отъ св. синода апрѣля 12-го 1722 года пунктовъ въ 5-мъ представлено: кто гордо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и тако безбожія вою издаетъ, и противъ того собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: понеже синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ сенатъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать ему надлежитъ, и за преступленіе — наказаніе. А о послушаніи сенату въ подлинномъ Его Императорскаго Величества указѣ 1711 г. марта 2-го написано: всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили управительный сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ, такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ

или смертію, по винѣ смотря. А св. синодѣ, какъ выше изображено, учрежденъ въ правленіи духовныхъ дѣлъ въ такой власти, какъ и сенатъ въ свѣтскихъ. И для того тебѣ вышеозначеннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ сего августа 12-го паки св. синодѣ подтверждаетъ: дабы ты отъ вышеписанныхъ продерзости отнынѣ конечно воздержался, и во всякихъ письменныхъ корреспонденціяхъ поступалъ, какъ вышеозначенные высокіе регламенты и Ея Императорскаго Величества высокомонаршіе указы повелѣваютъ непремѣнно. А ежели ты впредь, въ подобное оному паки будешь вступать противленіе и презорство, то яко помѣшатель добрыхъ порядковъ и общаго покоя, и яко противникъ и непріятель Ея Императорскаго Величества воли и онаго высокаго, въ регламентахъ изображеннаго, учрежденія, не точію сана архіерейскаго, но, какъ вышеизложеннымъ указомъ объявлено, и клобука лишишься».

Мы не имѣемъ у себя подъ руками доношеній Арсенія, вызвавшихъ столь грозный, можно сказать, безпримѣрный въ нашей церковной исторіи, указъ св. синода, хотя и не имѣемъ основаній сомнѣваться въ томъ, что негодованіе синода, выраженное въ указѣ, было до нѣкоторой степени справедливо. Одно несомнѣнно: раздраженіе св. синода противъ Арсенія, выразившееся въ этомъ указѣ, отразилось и въ томъ рѣшеніи, какое принято было св. синодомъ по дѣлу двухъ послѣднихъ его доношеній: оно помѣшало св. синоду спокойно взвѣсить силу его доводовъ противъ отобравія монастырскихъ и церковныхъ имѣній въ вазву и остановиться исключительно на существѣ дѣла, а не на одномъ лишь способѣ изложенія этихъ доводовъ, по тону живо напоминавшаго тонъ его прежнихъ доношеній. Въ постановленіи св. синода по дѣлу Арсенія сказано: «по указу Ея И. В-ва св. синодѣ, слушавъ производимаго о ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи дѣла и произведенныхъ ему сего апрѣля 1-го предъ собраніемъ синода по вопроснымъ пунктамъ и вторичнаго 5-го числа допросовъ и учиненной изъ приличествующихъ къ сему дѣлу св. отецъ правилъ и указовъ выписки и по всему тому довольное имѣвъ разсужденіе, что оный митрополитъ Арсеній въ оскорбленіи Ея И. В-ва безъ всякаго извиненія виновнымъ окажется, тѣмъ именно, что въ противность слова Божія и апостольскихъ преданій и презря свою архіерейскую и генеральную присяги и въ противность государственныхъ узаконеній на имяяныя Е. И. В. въ 1762 и 1763 годахъ состоявшіеся о церковныхъ имѣніяхъ указы, присланными въ синодѣ своими доношеніями таковыя учинилъ возраженія, которыя единственно до оскорбленія Е. И. В. слѣдуютъ, приводя въ оныхъ изъ

многихъ словъ св. писанія изъ нѣкоторыхъ книгъ превратныя толкованія, съ самымъ оныхъ словъ разумомъ и силою отнюдь несходственныя, а именно: 1) яко бы разосланныя изъ синода въ силу упомянутыхъ высочайшихъ указовъ въ дома архіерейскіе и монастыри приходныя и расходныя книги не токмо архіереямъ, начальнымъ пастырямъ, но и всему духовному чину тягость несносная и никогда же слыханная, и съ словомъ Божиимъ и закономъ не очень сходная; 2) что-де отъ временъ апостольскихъ всегда были имѣнія церковныя никому не подчинены, токмо единымъ апостоламъ, а послѣ нихъ архіереямъ, на едину волю и разсмотрѣніе ихъ оставлены, приводя къ тому изъ священнаго писанія язвительныя примѣры и прещенія, яко Ананію и Сапфиру и самага Іуду; 3) сверхъ же онаго такое свое мнѣніе полагаетъ, что-де никто же долженъ имѣніе отъ нихъ отбирать и на свое употреблять, отобранное же долженъ непременно возвращать, а нынѣ-де не только возвращать не думаютъ, но и до послѣдняго взять, какъ-де было сдѣлано предъ симъ въ бывшее правленіе, и отниматель-де первыхъ церковныхъ имѣній—царь Юліанъ Отступникъ, а отъ временъ князя Владиміра не только во время царствованія благочестивыхъ царей, но и во времена татарскія имѣлись свободны церковныя имѣнія; 4) хотя-де Мусина-Пушкина бывшее домамъ архіерейскимъ и монастырямъ заопредѣленіе поганскій обычай превосходило, однако-де церковь и бѣдные архіереи за нужду необходимую терпѣть уже было привыкли; понеже-де, что дано, о томъ не истязовано, а нынѣ-де архіерейства бѣднаго узникъ и богадѣленный—счастливѣйшій, а такое-де мучительство не отъ поганъ, но отъ своихъ мнѣщихъ быти овецъ правовѣрныхъ претерпѣваемъ, — каковыя слова и примѣры явнымъ суть доказательствомъ, что оныя совѣмъ развращенно и дерзко имъ къ тому приведены и истолкованы; 5) не оставилъ оный митрополитъ и о семинаріяхъ изъяснить будто имъ и быть не нужно, ибо-де какимъ иждивеніемъ академіи заводить, когда-де послѣднее пропитаніе отъ архіереевъ и монастырей отъемлется, заключая притомъ о проповѣдникахъ, что-де церкви умножать и порядки содержать надлежитъ, а у насъ-де таковой плодъ и въ думку неприходить, егда мнози изволяютъ лучше кормить собакъ, нежели священниковъ и монаховъ, и усматриваютъ, дабы за церквами и монастырями имѣнія лишняго отнюдь не было, а подъ видомъ-де излишества и послѣднее отъемлютъ; 6) приводитъ же еще изъ Баронія исторіи о разореніи Франціи, что будто Богъ на нихъ прогнѣвался за похищеніе церковныхъ имѣній, и что мірстіи духовныя дѣла судили, а о постриженіи въ монашество такъ заключаетъ, что-

де теперь желателей постриженія насилу изыщешь, а послѣ-де негдѣ будетъ и взять, а безъ монашества не откуда быть архіереямъ, — сохрани-де Богъ такового случая, дабы нашему государству быть безъ архіереевъ, — что-де не иное что воспослѣдуетъ, токмо отъ церкви отступление, понеже возьмѣется нужда быть прежде поповщинѣ послѣ-же безповщинѣ, и тако де нашему государству переходить будетъ на раскольническое или лютеранское или папистическое или атеистическое государство; 7) хотя же то доношеніе и окончено тѣмъ, что яко бы все то писать и отъ слова Божія и закона предлагать не иная причина его привела, токмо ревность по Божѣ и законѣ Божиємъ, въ манифестахъ и указахъ довольно изображенная; аще-же-де возьмѣется въ томъ его погрѣшность, просить о прощеніи, но онаго ни за каковой ревопъ почестъ невозможно, ибо не только на имянныя Ея Императорскаго Величества указы, но и на повелѣнія своей команды ни каковыхъ, кольми паче язвительныхъ представленій чинить подъ наитягчайшимъ штрафомъ запрещено, да и таковой причины, чтобы вышеозначенное возраженіе съ такою дерзкою отвагою выдумывать и яко бы подъ образомъ ревности представлять ему, митрополиту, да и никому, отнюдь не было и нѣтъ; 8) что же касается до его вторичнаго доношенія, то и въ ономъ тажъ самая его дерзость заключается, ибо онъ, не удовлетворяясь означеннымъ на состоявшіея о учиненіи оберъ-офицерамъ, архіерейскимъ домамъ и монастырямъ описей указы, такожъ изъ нѣкоторыхъ книгъ развращенныя, по своему разумѣнію, рѣчи привелъ, что будто за малое время можетъ благочестіе у насъ известися и слѣда ему не останется; 9) хотя же онъ на допросѣ показалъ, что яко бы въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ ко оскорбленію Ея Императорскаго Величества ничего быть не уповалъ, а все-де то писалъ по ревности и совѣсти, и того ради всемирнѣйше припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества просить прощенія; но его показаніе не истинное, ибо канцеляристъ Жуковъ на допросѣ объявилъ, что отъ него съ вышеозначенныхъ доношеніевъ посланы въ Москву къ нѣкоторымъ знатымъ двумъ персонамъ копіи, о чемъ онъ, митрополитъ, при вторичномъ допросѣ объявлялъ о томъ свое безпамятство, а потомъ показалъ, что таковыя копіи къ упомянутымъ персонамъ отъ него посланы были съ тѣмъ, чтобы они о тѣхъ доношеніяхъ, если оныя не представятся, представили Ея Императорскому Величеству и хотя точно упомянуть не можетъ, а о употребленіи тѣмъ персонамъ въ защищеніе или въ пользу церкви святой старанія—въ письмахъ къ нимъ было; 10) о чинимомъ имъ, митрополитомъ, въ нынѣшнемъ году, въ недѣлю православія, попол-

нительномъ чиноположеніи показалъ, что въ ономъ ничего къ оскорбленію Ея Императорскаго Величества не заключается, а сочинялъ де изъ древнихъ чиноположеній, изъ коихъ въ ономъ грабители церковнаго имѣнія потому внесены, что многія не токмо монастырскія, но и церковныя земли отънимаютъ, а суда на нихъ съискать не можно. И хотя въ ономъ подлинномъ, взятомъ изъ Ростова пополнительномъ чиноположеніи включенная клятва съ прежнимъ въ 150 году рукописнымъ, а не печатнымъ экземпляромъ и сходственна, однако съ прибавкою нѣкоторыхъ рѣчей. Но понеже оной въ недѣлю православія церемоніи во все свое архіерейство не чинилъ, а только въ семь году, и къ востромскому епископу копию упредительно для того же послалъ, то и та, включенная въ ономъ церемонаіѣ на обидчиковъ св. церкви клятва ни къ чему иному клонится, точію къ тому, какъ и вышеозначенныя доношенія. А сверхъ того и другія перемѣны по своему мудрованію въ томъ чиноположеніи онъ учинилъ безъ вѣдома синода, чего ему, по архіерейской присягѣ, чинить не надлежало». Затѣмъ выводятся на справку вины Арсенія, подробно изложенныя въ приведенномъ выше выговорѣ ему, и затѣмъ заключается этотъ обвинительный актъ такимъ образомъ. «Того ради приговорили: онаго митрополита Арсенія, яко уже и прежде въ немалыхъ противу узаконенныхъ государственныхъ правъ преступленіяхъ, а и наипаче въ тяжкомъ и оскорбительномъ Ея Императорскому Величеству, также архіерейской и генеральной присягѣ и всѣхъ государственныхъ узаконеній преступничествѣ оказавшагося, за тѣ его тяжкія вины и преступничества, въ силу апост. 84 правила, архіерейства, а по его, на въ 743 году учиненномъ ему выговорѣ, подпискѣ, и клобука лишить, и послать въ отдаленный монастырь на крѣпкое смотрѣніе, и бумаги и чернилъ ему не давать, чтобъ и учинить съ нимъ синоду слѣдовало. Но какъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно синоду, назнача по суду сентенцію, представить Ея Императорскому Величеству для конfirmaціи, то синодъ, безъ особливаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, учинить сего не смѣетъ. А яко тотъ митрополитъ Арсеній, по гражданскимъ правамъ, еще и жесточайшему за то свое преступничество осужденію подлежитъ, то, какъ и о просимомъ имъ прошеніи и помилованіи, предать въ высочайшую Ея Императорскаго Величества волю, ибо синодъ по однимъ только духовнымъ правамъ означенный тому митрополиту судъ и по оному свою сентенцію учинилъ, и для того сіе синодальное опредѣленіе въ оригиналѣ къ высочайшему благоусмотрѣнію и конfirmaціи представить Ея Императорскому Величеству при всеподданнѣйшемъ

докладѣ, въ которомъ упомянуть, что и о бывшей у того митрополита съ костромскимъ епископомъ и съ другими о той матеріи корреспонденціи въ синодѣ слѣдуется, и что по слѣдствію окажется, о томъ Ея Императорскому Величеству донесеніе быть имѣеть впредь».

Резолюція Екатерины II-й по дѣлу Арсенія извѣстна. Апрѣля 14-го «въ половинѣ девятаго по полуночи», въ обычное присутствіе св. синода, состоявшее изъ преосвященныхъ: Дмитрія новгородскаго, Тимофея московскаго, Гавріила с.-петербурскаго, Гедеопа псковскаго, Амвросія крутицкаго, Аѳанасія тверскаго и архимандрита новоспасскаго Мисаила, были допущены преосвященные Сильвестръ переяславскій и Тихонъ воронежскій, архимандриты монастырей: Донскаго—Варлаамъ, Симопова—Гавріиль, Высокопетровскаго—Сильвестръ и Заиконоспаскаго — Гавріиль и, по прочтеніи оберъ-секретаремъ Остолоповымъ указа св. синода въ окончательной формѣ, съ Арсенія синодальнымъ ризничимъ, іеромонахомъ Гавріиломъ, сняты были мантия, панагія и бѣлый клобукъ и отобранъ посохъ.

1875.

Къ исторіи законодательныхъ работъ по духовному вѣдомству въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Въ 1767 г. Св. Синодъ, приступая, по волѣ Императрицы Екатерины II, къ составленію наказа назначенному отъ Синода депутату въ учрежденную Императрицей комисію для составленія новаго Уложенія, нашелъ нужнымъ предварительно испросить отъ каждаго изъ своихъ членовъ, какъ бывшихъ на лицо въ Св. Синодѣ (присутствовавшимъ въ то время въ Москвѣ), такъ и отсутствовавшихъ, отдѣльныя соображенія о томъ, какія, по его мнѣнію, желательны были бы, для блага церкви, преобразованія и новыя законоположенія въ области церковнаго и гражданскаго законодательства въ Россіи. Соображенія эти отъ присутствовавшихъ на лицо требовались изустныя, отъ отсутствующихъ — письменныя, изложенныя раздѣльно по пунктамъ; по обсужденіи тѣхъ и другихъ въ общемъ собраніи Св. Синода, они должны были войти въ составъ того наказа, каковой Синодъ имѣлъ въ виду дать своему депутату. На лицо въ Св. Синодѣ въ то время присутствовали преосвященные: Дмитрій (Сѣменовъ), архіепископъ новгородскій и великолукскій, Иннокентій, епископъ псковскій и рижскій, Амвросій, архіепископъ крутицкій и можайскій, Палладій, епископъ рязанскій и шацкій и архимандритъ новоспаскскій Симонъ. Прочіе члены Св. Синода преосвященные: Гавріиль (Бременецкій), архіепископъ с.-петербургскій и ревелскій, Аванасій, епископъ ростовскій и ярославскій, Сильвестръ, епископъ переяславскій и дмитровскій, и Порфирій, епископъ бѣлгородскій и обоянскій—находились въ отсутствіи, въ своихъ епархіяхъ и, соотвѣтственно указу Св. Синода, прислали письменное изложеніе своихъ соображеній.

Въ библиотекѣ рукописей с.-петербургской духовной академіи сохранился обширный рукописный томъ, содержащій въ себѣ черновыя бумаги «митрополита новгородскаго Гавріила, относящіяся до депу-

татства его въ комисіи по составленію новаго Уложенія» (какъ извѣстно, преосв. Гавріилъ послѣ смерти преосв. Димитрія, послѣдовавшей въ концѣ 1767 года, заступилъ его мѣсто въ Екатерининской комисіи, въ званіи синодальнаго депутата). Въ этой рукописи (по каталогу № 415) находятся какъ наказъ и пункты, данные синодальному депутату въ комисіи, преосв. Димитрію, такъ и пункты помянутыхъ четырехъ преосвященныхъ, и кромѣ того разнаго рода свѣдѣнія, неизвѣстно откуда собранныя, о количествѣ епархій и церквей, о размѣрахъ приходовъ по количеству душъ, о количествѣ получаемаго приходскимъ духовенствомъ содержанія — въ католическихъ государствахъ западной Европы и два дополнительныхъ къ наказу и пунктамъ, даннымъ преосв. Димитрію, указа Св. Синода относительно полномочій его въ комисіи. Статистическія данныя, собранныя преосв. Гаврииломъ, относительно матеріальнаго быта духовенства въ иностранныхъ государствахъ, указываютъ на то, что Св. Синодъ или по крайней мѣрѣ депутатъ его, преосв. Гавріилъ, свои планы объ улучшеніи быта духовенства въ Россіи имѣлъ въ виду мотивировать въ комисіи указаніемъ на положеніе духовенства въ другихъ государствахъ Европы, что въ царствованіе Екатерины II, такъ много придававшей значенія во всемъ примѣру запада, должно было имѣть особенное значеніе.

Исторія законодательныхъ работъ по духовному вѣдомству въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ въ русской церковной исторіи и въ исторіи славнаго ея царствованія. Къ сожалѣнію доселѣ она находится у насъ, можно сказать, еще въ зачаточномъ состояніи. Изъ матеріаловъ, относящихся къ этому предмету, доселѣ напечатаны, сколько намъ извѣстно, кромѣ указовъ, содержащихся въ полномъ собраніи Законовъ Россійской Имперіи, лишь наказъ и пункты, данные Синодомъ своему депутату въ комисіи, преосв. Димитрію («Христ. Чтеніе, 1876 г. № 9—10) и весьма либеральный, не принятый, впрочемъ, во вниманіе Св. Синодомъ и не поступившій въ комисію проектъ церковныхъ преобразованій, составленный оберъ-прокуроромъ Св. Синода Мелиссино (Чтенія император. общества исторіи и древностей російскихъ, изд. при москов. университетѣ, 1871 г. кн. 3-я смѣсь, стр. 114—119). Что касается хода работъ, относящихся къ духовному вѣдомству, въ «Комисіи для составленія новаго Уложенія», то о нихъ пока нѣтъ въ наличной нашей литературѣ документальныхъ подробныхъ свѣдѣній, и въ этомъ отношеніи намъ лишь остается ждать появленія въ свѣтъ слѣдующихъ томовъ изда-

ваемого Императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ «Сборника», въ которомъ Д. В. Полѣновъ началъ уже печатаніемъ и собраніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи занятій знаменитой Екатерининской комисіи.

Что касается предлагаемыхъ нами вниманію читателя пунктовъ преосвященныхъ Гавріила, Аванасія, Порфірія и Сильвестра, то, по нашему мнѣнію, они заслуживаютъ полнаго вниманія историка. Они даютъ читателю болѣе подробное, такъ сказать, детальное понятіе о желаніяхъ и мѣстныхъ нуждахъ русской Церкви того времени, не говоря уже о ихъ характеризующемъ значеніи по отношенію къ личнымъ воззрѣніямъ на эти нужды четырехъ изъ главнѣйшихъ представителей церковной іерархіи того времени.

1. Пункты отъ преосвященнаго Гавріила, архіепископа С.-Петербургскаго.

1. Требовать, чтобы протопопамъ, попамъ, діаконамъ, иподіаконамъ и всему церковному причту, въ городахъ живущему, на большихъ улицахъ мостовъ не мостить, а мостить оныя отъ полиціи, и никакихъ полицейскихъ должностей не исправлять, и улицъ не чистить, жить же на мостовыхъ улицахъ не запрещать, и отъ всякихъ постоевъ освободить.

2. Въ городахъ приходы уравнивать сколько возможно, и хотя бѣ гдѣ и не было указаго полнаго числа дворовъ приходскихъ, однако позволять, гдѣ нужда требуетъ, быть двумъ или тремъ священникамъ для исправленія обѣденъ и другихъ требъ церковныхъ.

3. Ученымъ священникамъ и діаконамъ, буде ученія должность исполнять будутъ, предъ неучеными, хотя бы и старшими, предстояніе и преимуществво имѣть.

4. Священному чину для послуженія какъ мужеска, такъ и женска пола людей купить бы было свободно, ибо оному чину въ черной домашней работѣ самому быть не приличествуетъ, и о томъ бы положить законъ и пропорцію людей.

5. Приходскимъ священникамъ со всѣмъ причтомъ при каждой церкви съ двороваго числа на ихъ содержаніе, какъ духовнымъ регламентомъ означено, положить съ каждаго двора по чинамъ и жалованью обывателей извѣстную годовую плату, дабы священники за исполняемыя ими потребности духовныя платежа, развѣ самовольнаго подаенія, не домогались.

6. За безчестье протопопа, попа, протодіакона, діакона, церковнослужителей и ихъ женъ и дѣтей, учинить новое положеніе, какъ и свѣтскимъ, именнно жалованнымъ всѣмъ—противъ жалованья, а неполучающимъ жалованья, приходскимъ городovýmъ—противъ соборовъ, кои при архіерейскихъ

домахъ въ двѣ трети, а сельскимъ противъ тѣхъ-же соборовъ въ полы, а за увѣче, яко неравное быть могущее, особливый положить законъ.

7. По С.-Петербургской епархіи остзейскихъ городовыхъ соборовъ и церквей священно и церковнослужители отъ малаго жалованья съ нуждою себя содержать, ибо за недовольными тамошними обывателями подацій отъ оныхъ почти не получаютъ. Того ради требовать къ жалованью прибавки.

8. Въ селахъ, гдѣ церквей нѣтъ, построить оныя, чтобы не далѣе были, какъ въ десяти верстахъ одна отъ другой.

9. Чтобы по селамъ, гдѣ по указамъ слѣдуетъ быть діакону, вмѣсто онаго другаго попа производить было свободно, гдѣ того нужда будетъ требовать.

10. Церквей на ругу въ селахъ строить не дозволять, но давать земли и прочія угодья противъ положенія въ межевой инструкціи, и чтобы во всѣхъ селахъ и городахъ, гдѣ церкви имѣются, и при нихъ пахатная земля есть, оная пахана и съ сѣнокосомъ огораживана и съ нея все въ гумно убираемо было приходскими жителями, а священно и церковнослужители упражнялись бы исправно въ должностяхъ своихъ.

11. Чтобы вотчинники церковной земли отнюдь не заграбывали, а въ противномъ случаѣ канцеляріямъ губернскимъ и воеводскимъ со штрафомъ съ нихъ взыскивать и священноцерковнослужителямъ возвращать.

12. Чтобы отъ прежнихъ помѣщиковъ данная при строеніи церквей руга не была отъ преемниковъ перемѣняема или отнимаема.

13. Чтобы священноцерковнослужителямъ дома строены были миромъ.

14. При всякой градской и сельской церкви для маленькихъ приходскихъ ребятъ, кои еще работать не могутъ, завести школы, и священникамъ и діаконамъ обучать ихъ катихизиса и грамоты, по мѣрѣ понятія ихъ, въ удобное время, не требуя за то платы, но вмѣсто того вмѣняя вышеозначенную получаемую съ прихода ругу, или пашенную землю съ угодья и управленіемъ оныхъ.

15. При всякой церкви учредить богадѣльни, и на ихъ положить окладъ отъ приходскихъ дворовъ, чтобы нищія по міру не шатались.

16. Церковниковъ, въ духовномъ чинѣ быть негодныхъ, не отдавать помѣщикамъ, но опредѣлять въ военную службу, или въ приказный чинъ, такъ въ кучество, въ цѣхи, или въ крестьянство по дворцовымъ и экономическимъ вотчинамъ.

17. Въ священно и церковнослужители, тако жъ и въ монахи принимать вольно бѣ было изъ всякаго чина уволенныхъ отъ командъ, добросостоятельныхъ.

18. Священниковъ, діаконъ и церковниковъ, неимущихъ отъ своего архіерея свидѣтельства, отнюдь никому не принимать подъ опасеніемъ штрафа пятидесяти рублей, такожъ и дѣтей ихъ безъ вѣдома духовной команды, въ коей вѣдомы, отнюдь не принимать же никому ни къ какому дѣлу.

19. Когда подкомандные на архіерея и другихъ начальныхъ властей станутъ клеветы или брани производить, и ихъ кому бы судить, положить на то вновь законъ, понеже въ епархіи или въ монастырѣ вси подчиненные властелину, и свидѣтели тутюшіе, кои по указамъ, яко домохадцы не пріемлются.

20. Доношеній на архіерея и другихъ духовныхъ лицъ, по силѣ 6-го правила 2-го вселенскаго собора, подаваемыхъ отъ таковыхъ людей, кои были сами когда либо или находятся въ порокахъ и подозрѣніяхъ, въ дѣло не производить, но прежде извѣдывать, не бывали-ли сами они въ какомъ порокѣ и подозрѣніи, и ежели бывали, то отъ таковыхъ подавателей доношеній въ дѣло не ставить, чѣмъ много можетъ прекратиться и дѣло, и напрасныхъ затѣйныхъ злобныхъ клеветъ.

21. Ежели въ которой епархіи какой челобитчикъ будетъ требовать, что онъ хочетъ бить челомъ на архіерея, то ему въ томъ ни архіерею, ни консисторіи отнюдь не запрещать, подъ опасеніемъ штрафа, и о чемъ онъ хочетъ бить челомъ, отнюдь не спрашивать, токмо тогда-жъ давать знать доношеніемъ въ Синодъ, что онъ къ тому уволенъ, и притомъ о его порокахъ или непорочности.

22. Слышанныхъ отъ другихъ рѣчей въ доношеніяхъ не писать и писанныхъ въ дѣло не ставить, и посторонняго ничего въ доношеніяхъ не писать и не принимать.

23. Отъ содѣяннаго какого либо случая время назначить, во сколько дней доносить, а послѣ того времени доношеній не принимать.

24. Не принимать ни въ какихъ свѣтскихъ судахъ ни о чемъ на духовныхъ никакихъ представленій, кромѣ духовныхъ правительствъ, а изъ оныхъ по разсмотрѣніи, ежели будетъ куда подлежательно дѣло, для слѣдствія отсылать, то оное и отослать при депутатѣ.

25. Не разсмотря дѣла, въ свѣтскомъ судѣ производившагося, хотя и при депутатѣ, духовныхъ не лишать священства архіереямъ.

26. Духовнымъ во свидѣтельствѣ по воинскимъ процессамъ не присягать, но спрашивать ихъ только по священству.

27. Если селамъ или приходамъ вси будутъ бить челомъ на допа, и свидѣтелей кромѣ ихъ нѣтъ другихъ, а поплъ будетъ всѣхъ доносителей отводить, яко односемействомъ, въ такомъ случаѣ, что дѣлать, законъ учинить надлежитъ.

28. Въ производствѣ духовныхъ дѣлъ не употреблять формы суда, но слѣдствіемъ производить, тожъ и мужа съ женою, о прелюбодѣйствѣ челобитствующихъ не по формѣ, но слѣдствіемъ судить, и оное слѣдствіе производить въ свѣтскихъ судахъ, а къ архіереямъ присылать бы ихъ уже по изслѣдованіи со всѣмъ производствомъ и выпискою для одного рѣшенія. Равномѣрно поступать и въ другихъ до разсмотрѣнія духовнаго по силѣ указа слѣдующихся блудныхъ дѣлахъ.

29. Изъ разныхъ регламентовъ и сепаратныхъ какой либо колѣнн

или конторы указовъ въ производствѣ духовныхъ дѣлъ не выписывать, если-же и изъ свѣтскихъ законовъ что употреблять будетъ подлежательно, то изъ коихъ именно, предѣлъ положить.

30. Челобитчиковъ первѣе увѣщевать, чтобы помирились безъ производства дѣла, а въ противномъ случаѣ производить дѣло.

31. Съ подлыми и сумнительными челобитчиками во извѣдываніи, правду-ли доносить, поступать по силѣ состоявшагося въ 1762 г. о уничтоженіи тайной канцеляріи указа, сажая подъ караулъ и не давая пищи и питія черезъ два дня.

32. Ни въ какую инославную религію російскаго человѣка, какъ христіанина, такъ и невѣрнаго, тожъ и иностранныхъ во всей російской имперіи не принимать, и въ расколъ впредь не былъ бы никто-же обращаемъ и принимаемъ.

33. Отъ раскольниковъ рождающихся дѣтей крестить православнымъ и представлять оныхъ отъ семи лѣтъ къ церкви и чтобы отъ нихъ дань для священнослужителей приходскихъ была опредѣлена.

34. Раскольниковъ на правовѣрныхъ не вѣнчать, пока они не обратятся въ правовѣріе, ни подъ какимъ видомъ.

35. У многихъ военнослужащихъ на прежнихъ жилищахъ, откуда они въ военную службу взяты, остаются жены, и будучи они въ службѣ, женятся отъ живыхъ женъ на другихъ, а жены ихъ первыя, оставшіяся на прежнихъ жилищахъ, взаимно отъ живыхъ-же мужевей выходятъ за другихъ въ замужество, и тѣмъ какъ мужья, такъ и жены заповѣдь Господню раззоряютъ. Въ пресѣченіе сего учредить слѣдуетъ, чтобы кои взяты будутъ въ службу женатые, о тѣхъ, что жены у нихъ остались на прежнихъ жилищахъ, изъ оныхъ мѣсть, гдѣ они станутъ приниматься, давать знать въ военную коллегію, а изъ коллегіи въ полки, въ коихъ они будутъ находиться. Когда-жъ они, будучи въ полкахъ, гдѣ умрутъ, то изъ полковъ въ военную коллегію, что померли, присылать рапорты, а изъ военной коллегіи давать знать въ Святѣйшій Синодъ, изъ Синода-же посылать при указахъ, для извѣстія, въ епархіи, откуда они въ службу взяты были. А о женахъ, оставшихся на прежнихъ жилищахъ, когда онѣ помрутъ, прислать въ Синодъ изъ епархій вѣдомости, кои изъ Синода за извѣстіе сообщить въ военную коллегію.

36. Торжкамъ и ярмонкамъ по воскреснымъ, высокаторжественнымъ и дванадесютопраздничнымъ днямъ не быть и казенныхъ питейныхъ домовъ и лавокъ не отворять, развѣ послѣ обѣденъ, и работъ въ тѣ дни не работать никому.

37. У опредѣленныхъ по монастырямъ служителей постоевъ никакихъ не ставить, такъ какъ у солдатъ, и въ полицейскія должности никакія не наряжать, тожъ и на подворьяхъ архіерейскихъ и монастырскихъ.

38. Сверхъ консисторій архіерейскихъ для управленія духовныхъ дѣлъ имѣются по городамъ, а индѣ по обширности мѣста и по уѣздамъ духов-

ныя правленія, гдѣ какъ присутствующимъ, такъ и приказнымъ служителямъ безъ жалованья прожить трудно. Того ради, чтобы онимъ всѣмъ, также и на расходъ канцелярскій, чѣмъ довольствоваться, былъ предѣлъ учиненъ.

II. Синодальнаго члена Аванасія, епископа Ростовскаго и Ярославскаго.

1. «Бѣлое священство воспитаніе получаютъ отъ земель, почему необходимо и упражняются въ земледѣліи, пашутъ пашню, косятъ сѣно, напр., сами. Будучи обременены таковыми попеченіями, они не могутъ не только въ чтеніи Св. писанія, и въ обученіи народа упражняться, но и большую часть года отвлекаются отъ должнаго Божьей службы, а часто и самыхъ требъ, исправленія; сверхъ того по земледѣльству они должны обращеніе имѣть всегда между крестьянами, отчего навикаютъ грубости правовъ, такъ что не тцатся сами себя вести въ добромъ порядкѣ, отъ свѣтскихъ приличнаго сану ихъ почтенія имъ нѣтъ, не рѣдко же являются многіе и въ упущеніи должностей своихъ, чему не безъ причины бываютъ земледѣльческія ихъ заботы; а обучавшихся въ семинаріяхъ къ сельскимъ церквамъ въ священный и церковный чинъ и производить не можно, да и сами они къ производству къ таковымъ церквамъ желаніе не имѣютъ, потому что съ самаго малолѣтства до совершеннаго возраста продолжаютъ ученіе въ семинаріяхъ, а къ земледѣльчеству, по незнанію онаго, привычки сдѣлать не могутъ». Преосвященный считаетъ за лучшее вѣсто земли, назначить священникамъ и вообще причтамъ ругу, по усмотрѣнію Синода, «паче же» Высочайшей власти.

2. «Во всей Россійской Имперіи крестьянскія дѣти приходятъ въ возрастъ все безграмотные, а потому не токмо закона христіанскаго, но и повседневныхъ молитвъ многіе знать не могутъ: рѣдкій крестьянинъ и о самомъ Богѣ понятіе имѣеть. Чего для необходимо для крестьянскихъ дѣтей отъ 7 до 13 лѣтъ (въ которыхъ они никакихъ крестьянскихъ работъ исправлять еще не могутъ, а пребываютъ праздно), обучать грамотѣ, букваря и катихизиса, чрезъ что христіанскаго закона познаніе вкореняться, а грубость правовъ ихъ исправляться, будетъ, и разныя незаконныя дѣла (которыхъ многіе изъ нихъ и въ грѣхъ не ставятъ) истребляться могутъ. Къ обученію-же тѣхъ крестьянскихъ дѣтей наилучшій способъ: когда священники съ причтомъ отъ земледѣльческихъ работъ свободны будутъ, въ каждомъ приходѣ каждый крестьянинъ, имѣющій малолѣтняго, непремѣнно долженъ отдать приходскому своему священнику, діакону или дьячку, кому кто пожелаетъ, а оныя должны ихъ обучать со всевозможнымъ раченіемъ; когда же въ тринадцати-лѣтній возрастъ вступитъ, тогда болѣе ко обученію не понуждать, а отдавать отцамъ ихъ съ тѣмъ, кто что выучилъ, дабы въ крестьянскихъ работахъ остановки быть не могло, а для поощренія священ-

никовъ и причетниковъ—за обученіе каждаго мальчика отцамъ ихъ платитъ учителю хлѣбомъ, по колику соблаговолено будетъ, или за то обученіе удовольствоватъ ихъ въ генеральномъ Положеніи руги. Учебники разослатъ на первый разъ отъ казны безденежно или за небольшую плату, которую за немущихъ велѣтъ платитъ помѣщикамъ или старостамъ изъ мірскихъ денегъ. Помѣщикамъ, ихъ управителямъ и старостамъ вмиѣнить въ обязанность наблюдать неопустительно, чтобы всѣ дѣти обучались».

3. Въ 1793 г. указомъ Сената вслѣдствіе сообщенія Синода предписано было всѣмъ дворянамъ обучать своихъ дѣтей церковному чтенію и закону Божію, за невыполненіе чего назначенъ былъ штрафъ. «Но сей указъ едвали гдѣ силу имѣеть... обучаютъ своихъ дѣтей разнымъ языкамъ и свѣтскимъ наукамъ, а катихизиса отнюдь не стараются обучать; многія дворянскія дѣти церковную печать и читать не умѣютъ». Оный указъ подтвердить и внести въ уложеніе.

4. Подтвердить, чтобы во время церковной службы и крестныхъ ходовъ кабаки были заперты и работъ никакихъ не производилось.

5. Питейные дома отъ церквей отгнать,—во избѣжаніе посрамленія храмовъ Божіихъ и грабежей.

6. По указу 1722 г. велѣно опредѣлять на свящ. мѣста семинаристовъ. Многіе помѣщики не хотятъ принимать,—не по ихъ-де выбору. Издать указъ, чтобы принимали безпрекословно.

7. Отъ мошенія мостовъ и отъ другихъ должностей полицейскихъ священно-служителей уволить.

III. Синод. члена Порфирія, епископа Бѣлоградскаго и Обоянскаго.

1. Нѣкоторые помѣщики приказываютъ священникамъ литургіи въ господскіе и праздничные дни не во время начинать, а весьма поздно, и дожидать ихъ прихода въ церковь до полдня, а въ случаѣ непослушанія, причиняютъ имъ разные озлобленія, такъ что «бѣдный священникъ принужденнымъ себя находитъ въ томъ быть послушнымъ, каковыя самовольствія надлежитъ прекратить и учинить крѣпко о томъ запрещеніе».

2. Во многихъ приходоухъ церковныя земли, дуга и угодыя, вслѣдствіе давности и злоупотребленій помѣщичьей власти, отошли къ помѣщикамъ, которые застроили ихъ крестьянскими выселками или инымъ какимъ образомъ захватили въ свою собственность. Преосвященный проситъ произвести новое размежеваніе и возстановить нарушенныя права причтовъ его епархіи.

3. «За непонужденіемъ отъ свѣтскихъ командъ» во многихъ приходоухъ перестройка церквей продолжается лѣтъ десять и болѣе, чрезъ что прихожане лишаются богослуженія и таинствъ, а иные уходятъ въ расколъ.

4. Позволить священникамъ приобрѣтатъ въ личную собственность землю не свыше впрочемъ какъ на сто рублей.

5. Хотя указами причты и освобождены от постоевъ, однако указъ этотъ не выполняется, чрезъ что разоренье и помѣшательство въ службѣ церковной происходитъ.

6. Священниковъ и прочихъ духовныхъ особъ въ канцеляріяхъ свѣтскихимъ лицамъ подъ карауломъ не держать и не изнурять кромѣ криминальныхъ и важныхъ дѣлъ.

7. Указами Синода и Сената не разъ запрещалось вѣнчать малолѣтнихъ жениховъ съ великовозрастными невѣстами, между тѣмъ «разные обыватели» отъ того воздержаться никакъ не могутъ, и хотя священники таковыхъ неузаконправильныхъ лѣтъ вѣнчать не хотятъ, токмо обыватели собрався многочисленно вѣнчать таковыхъ малолѣтнихъ съ великовозрастными и въ свойствѣ состоящихъ въ ночное время разными образы и съ побоями принуждаютъ, что священники, сохраняя здравіе свое, исполнять принуждены, и оттого свекры съ невѣстками впадаютъ въ кровосмѣшеніе. Преосвященный предлагаетъ въ такихъ случаяхъ съ помѣщиковъ брать штрафъ по 100 и 200 р., а простыхъ людей публично жестоко наказывать.

8. Многіе помѣщики и обыватели безвинно нападаютъ на священнослужителей, причиняютъ имъ разныя притѣсненія и побои немилосердные, вѣдая, что священникъ на помѣщикъ или обывателѣ судомъ искать не похочеть, да и отлучиться ему отъ церкви въ судебныя мѣста будучи невозможно, такъ какъ за опущенье службы и требъ, молебновъ и панихидъ въ царскіе и вѣкторіальныя дни ему грозитъ штрафъ, такъ что обыкновенно обиды оставляютъ безъ жалобъ и остаются обиженными безнаказанно, къ униженію своего сана и званія. Между тѣмъ такой образъ дѣйствій прямо воспрещенъ 121-й статьей Уложения. Въ прекращеніе такого озорничества, если кто священника, діакона или причетника напрасно обесчеститъ или обругаетъ всенародно поносительными словами, такового отлучить отъ входа церковнаго, а пока онъ ихъ не удовольствуетъ и предъ собраніемъ народа прощенія у нихъ не испроситъ, до входа церковнаго не допускать, и оно взыскивать словесно, а не судомъ.

9. Не предосудительно-ли и сіе, что священники, оставя церковь Божию, сами ходятъ за сохою, косятъ сѣно, сами навозъ вывозятъ на пашни? Во избѣжаніе сего, если какой помѣщикъ или крестьяне пожелаютъ строить церковь, то должно опредѣлять для такихъ работъ священнику двухъ мужиковъ и двухъ бабъ.

IV. Синод. члена Сильвестра, бывшаго епископа Переяславскаго, нынѣ Крутицкаго.

Узаконить вновь:

1. На прoderзкихъ христьянскаго благочестія критиковъ, дабы чрезъ то не оподлевало и въ упадокъ не приходило.... ибо простые и малонскусные, слыша презорственныя о догматахъ бесѣды, и любопытное св. писанія

превращенье, мнѣть могутъ, что все сказуемое ими истина, и не столь нужно ко спасенію хр. ученіе, какъ о томъ отъ церкви предлагается.

2. На безстудныхъ художниковъ, кои живописью, рѣзбою, гридаровкою (гравированіемъ) и иными способы срамотства плотскія изображаютъ и при общемъ естества человѣческаго тлѣніи, еще художествомъ къ тому руководствуютъ, чужестранный вывозъ таковыхъ вещей воспретя; тожъ на сочинителей въ безстудной матеріи, стихотворца и комедійныхъ дѣйствій.

3. О исправленіи безпутствъ, кои подъ видомъ необходимой потребности въ простолудниствѣ предъ бракосочетаніемъ употребляются, и чрезъ то таинство языческими обрядами предваряемое, оподлеваетъ ко оужденію церкви отъ иновѣрцевъ.

4. О пресѣченіи народнаго бѣшенства въ седмицу сырную...

5. О пресѣченіи вольности въ нарушеніи св. постовъ, извиняемомъ всегда и при крѣпкомъ составѣ тѣла немощію... Позволять ѣсть скоромную пищу не иначе, какъ съ разрѣшенія духовныхъ отцовъ.

6. О истребленіи незаконныхъ игрищъ въ святки.

7. О истребленіи игрищныхъ позорищъ въ дни праздничные на публичныхъ мѣстахъ.

8. О обузданіи безстрамія въ юншествахъ обоого пола, особливо которые имѣя достатокъ и свободу и не имѣя никакой отъинуду къ законному бракосочетанію препоны, окажутся въ порокѣ блудодѣйственнымъ.

9. О пресѣченіи богоненавистнаго прелюбодѣйства не токмо правилами, но и законами градскими. Существующія на этотъ предметъ церковныя правила, по разнымъ виновниковъ уверткамъ и укрывательствамъ слабо дѣйствуютъ, а гражданскія правительства взирая на то, что оноо суду духовному подлежитъ, въ производства дѣлъ не вступаетъ.

10. О штрафованіи четвероженцовъ и вообще незаконно брачавшихся, потому что налагаемые имъ отлученія отъ таинствъ, епитимія ко врачеванію душъ едва служатъ—убѣждать ихъ къ тому денежнымъ штрафомъ нужда требуетъ, въ монастырь отсылать оныхъ неудобно, какъ для государственныхъ податей, такъ для помѣщичьихъ работъ и оброковъ; тѣлесно наказывать ихъ правило апостольское возбраняетъ духовенству.

11. О воспященіи уклоняющихся въ раскольнической развратъ..

12. О умноженіи епархій въ государствѣ, по примѣру не только церкви первенствующей, гдѣ къ созиданію душъ и сельскія епископства учреждаемы были, но и сосѣднихъ державъ христіанскихъ. Во многихъ городахъ монастыри имѣются, и по щедрости Его Императорскаго Величества настоятели оныхъ не скуднымъ жалованьемъ пользуются, а опредѣляемы бывають по усмотрѣнію достоинства Св. Синодомъ, коимъ и быть, гдѣ запотребно разсудится, епископами хотя не въ столь осанистомъ видѣ, какъ доселѣ.

13. О избраніи и возведеніи въ епископство не столь по ученію, сколь по добродѣтели; ибо примѣръ житія отнюдь не меньше, всегда-жъ дѣйствительнѣе изустнаго слова учить, да и въ лѣтахъ уже къ старости на-

влонныхъ, какъ для искусства въ дѣлахъ по долгожительству, такъ и въ предупрежденіе многихъ непредвидимыхъ случайностей, каковымъ молодыхъ лѣтъ пылкость подвержена.

14. О предсѣдательствѣ епископовъ, исключая первоклассныя степени со времени каждаго производства—послѣдую гражданскому и воинскому примѣрамъ, дабы чрезъ то отвратить честолюбивыя мысли и другъ на друга досады, съ важностью сего сана весьма не вмѣстительныя.

15. О учрежденіи по городамъ духовныхъ правленій съ установленіемъ жалованья членамъ оныхъ.

16. Чтобы ассигновано было на содержаніе колодниковъ при консисторіяхъ и на пересылку ихъ въ другія города, также какъ милостыни просить запрещено.

17. О соглашеніи и приведеніи въ однообразный видъ правилъ, нерѣдко противорѣчащихъ одно другому.

18. Съ точностію опредѣлить, коихъ классовъ особамъ дозволять устраивать домашнія церкви и имѣть домовыхъ священниковъ съ содержаніемъ ихъ ругою. При домовыхъ церквахъ должны быть свои особые священники—приходскіе должны быть свободны отъ обязанности совершать въ нихъ богослуженіе. Въмѣсто церковниковъ дворовымъ людямъ въ алтарное служеніе вступать воспрещено.

19. Какъ поступать съ являющимися въ св. чинѣ «самоставахъ»—такъ какъ о нихъ никакъ не опредѣлено—что съ ними дѣлать, ни въ церковныхъ ни въ градскихъ законахъ.

20. Въ священники производить изъ всякаго званія и чина людей, кто пожелаетъ, только бы былъ достаточенъ въ грамотѣ и доброжителствѣ,—а сіе какъ съ дозволенія всѣхъ временъ Христовой церкви, такъ и по примѣру сосѣднихъ державъ; подати-же могутъ возмѣщаться чрезъ исключеніе изъ духовнаго званія малограмотныхъ. Производить и безъ желанія прихожанъ, потому что сильные и богатые часто и достойныхъ не приемятъ, за то, что о нихъ непрощены, а чернь народная удостоятъ въ пріятъ смотря потому, кто болѣе ихъ подпортить не покусится.

21. Священникамъ, обучавшимся въ семинаріи, учинить основательное содержаніе и не оскудное довольство, кромѣ земледѣльчества, какъ для отличія ихъ отъ *дрождія* народнаго по преимуществу наукъ, такъ и потому, что они долговременно пребывая въ семинаріяхъ ни искусства или способности къ хлѣбопашеству, ни силъ къ тому, по изнурительности чрезъ ученіе, ни времени къ пользованію народа чрезъ ученіе, въ какомъ единственно намѣреніи и обучаемы бывають, не имѣють; кромѣ того опредѣлить имъ приходскіе дворы уравнительно, также довольную и неоскудную ругу. Ибо въ земледѣльствѣ упражняющійся священникъ, какъ ничѣмъ отъ рядоваго крестьянина по наружности не разнствуетъ, такъ ни осанки по чину своему не имѣетъ, ни другихъ способностей къ точному своей должности исполненію, кромѣ-жь того вынужденнымъ находится для своего

пропитанія угождать прихожанамъ, а оттого одни закоснѣваютъ въ безстрашіи, не имѣя совѣстей своихъ побудителя, другіе смѣлство берутъ раскольничать, отъ принужденнаго бѣдностію священническаго молчанія.

22. О избавленіи священно и церковнослужителей отъ насильствъ и притѣсненія сильныхъ лицъ особливо помѣщиковъ и богатыхъ прихожанъ, потому что письменные на таковыхъ съ присутственными свѣтской команды мѣстами сношенія по большей части, какъ по дѣламъ оказывается, понаровою виновникамъ самихъ присутствующихъ не дѣйствительны и обидимые правосуднаго удовольствія лишаются.

23. Воспретить вмѣшательство помѣщикамъ въ дѣла церковныя, ибо многіе священники убѣжденными находятся сводить незаконные браки и по доносу претерпѣвать штрафъ за преступство правилъ, въ которое угрозами и побоями своихъ помѣщиковъ по малодушеству винулись....

24. За безчестье и увѣче духовнаго чина людей положить пристойный въ разсужденіи настоящаго времени штрафъ, потому что прежніе «малочисленные» штрафы сильными и богатыми лицами за ничто вмѣняемыя, смѣлость къ нанесенію обидъ подаютъ.

26. Духовныхъ персонъ по всеѣмъ дѣламъ вѣдать въ духовныхъ правительствахъ и о незабираніи оныхъ въ суды гражданскіе до изслѣдованія въ духовныхъ мѣстахъ. Священники, діаконы, дьячки и пономари, и прочіе клирики, рукоположеніе архіерейское имѣющіе, а равно монахи, суть чина и вѣдомства духовнаго, и въ случаѣ криминальныхъ и другихъ дѣлъ для изслѣдованія оныхъ должны быть присылаемы въ духовныя правительства, и доколѣ не явятся въ показуемомъ на нихъ подозрительны, и чиновъ своихъ лишены не будутъ, — отъ истязанія освобождаемы быть должны, ибо по сему пункту у духовныхъ правительствъ съ свѣтскими происходятъ споры, нѣкоторыя свѣтскія лица не только забираютъ и держатъ ихъ со злодѣями, но и къ истязаніямъ простираются по същичиковымъ инструкціямъ.

Кромѣ того преосвященный указываетъ на необходимость вновь подтвердить прежде изданныя узаконенія, слабо дѣйствовавшія въ церковной практикѣ епархій, — узаконенія эти изложены имъ въ 14-ти пунктахъ.

Изъ двухъ указовъ св. синода назначенному имъ депутату отъ духовнаго вѣдомства въ комисіи для составленія уложенія, послѣдовавшихъ послѣ данныхъ ему наказа и пунктовъ, одинъ послѣдовалъ вслѣдствіе доношенія св. синоду кievскаго митрополита Арсенія, слѣдующаго содержания. Малороссійской коллегіи президентъ, графъ Румянцевъ, писалъ митрополиту Арсенію, двумя письмами на имя его, митрополита, «требовалъ»: первымъ отъ 25 мая 1765 года — чтобы настрожайше подтвердить: церкви Божіи оградами обнести, мертвыхъ въ городахъ не погребать, а за городомъ, истребовавъ для

того особья мѣста, которыя также должны быть обнесены оградами. Вторымъ письмомъ, отъ 1 июня 1768 года, объясняя, что изложенное въ предъидущемъ его письмѣ требованіе доселѣ не выполняется, что въ городахъ и деревняхъ «внутри самыхъ жилищъ при церквахъ и на самыхъ общихъ приходахъ погребаютъ умершихъ, снявъ часто лишь одну поверхность земли», что отъ этого, какъ само собою понятно, великій наносится вредъ здоровью живущихъ и «припадки злые», что не рѣдко скотъ разрываетъ могилы и вытаскиваетъ изъ оныхъ погребенныя тѣла, такъ что «растерзанные члены ихъ встрѣчаютъ очи ближнихъ», какъ это случилось и съ нимъ, графомъ въ бытность его въ Глуховѣ. Графъ Румянцовъ потребовалъ, чтобы митрополитъ запретилъ погребать мертвыхъ при церквахъ, внутри городовъ и деревень состоящихъ, но погребать оныхъ велѣлъ бы внѣ города, на отведенныхъ для того особыхъ мѣстахъ, изъявляя притомъ, что въ томъ есть Ея Императорскаго Величества воля. Принимая во вниманіе, что обычай погребать мертвыхъ при церквахъ есть древній и всеобщій обычай кievской епархіи, митрополитъ Арсеній не рѣшился своею властію выполнить требованіе графа Румянцова и испрашивалъ по этому предмету указа св. синода. А до вослѣдствованія такового, митрополитъ предписалъ наистрожайше монастырямъ чрезъ настоятелей, а приходскимъ церквамъ чрезъ духовныхъ правленія, не погребать мертвыхъ на площадяхъ и дорогахъ и въ общихъ проходахъ; могилы выкапывать глубиною не менѣе трехъ аршинъ; настоятелямъ монастырей и протопопамъ — осмотрѣть всѣ монастырскія и приходскія церкви, и если гдѣ не окажется около церкви оградъ, оныя въ самой скорости сдѣлать, къ чему священники удобовозможными способами должны побуждать прихожанъ и отъ свѣтскихъ командъ въ томъ вспомошествованія пристойнымъ образомъ требовать. Получивъ это доношеніе митрополита Арсенія, св. синодъ постановилъ:

«Понеже сіе дѣло слѣдуетъ до генеральнаго во всѣхъ мѣстахъ учрежденія, то сообщить о томъ синодальному депутату, Гавриилу, епископу тверскому, для предложенія комисіи о сочиненіи новаго уложенія, преосвященному же Арсенію послать указъ, о томъ, чтобы впредь до генеральнаго о семъ узаконенія поступаемо было такимъ порядкомъ, какой вышеписаннымъ опредѣленіемъ Его Величества утверждень».

Второй дополнительный указъ синодальному депутату въ комисіи послѣдовалъ вслѣдствіе журнальнаго опредѣленія св. синода отъ 9 марта 1769 года, которымъ постановлено: по дѣлу, начавшемуся

въ 1745 году о учрежденіи для перевода принадлежащихъ церкви и до церковнаго ученія книгъ переводческой конторы, преосв. Гавріилу, въ комисіи, когда будетъ рѣчь о учрежденіи духовныхъ училищъ, предложить и о учрежденіи означенной переводческой конторы, яко для церкви весьма потребной. Не дѣлая съ своей стороны какихъ-либо новыхъ соображеній по этому предмету, св. синодъ нашелъ достаточнымъ дать преосв. Гавріилу лишь копію съ доклада, составленнаго въ 1756 году, слѣдующаго содержанія:

Въ синодальной типографіи, во удовольствіе св. церковей и народное, церковныя книги печатаются только съ апробованныхъ прежде оригиналовъ, а сверхъ того многія суть книги св. отцевъ, кои священное писаніе объясняютъ, и къ душеспасительному пути побуждаютъ, точію оныя на російскій діалектъ не переложены, а которыя и переведены, тѣ еще не освидѣтельствованы, а церкви святѣй зѣло нужны, и оныя непереведенныя перевести, а прежде переведенныя освидѣтельствовать, и печати передать весьма потребно. И хотя переводъ оныхъ книгъ св. Синодомъ искуснымъ мужамъ порученъ быть и могъ бы, но въ свидѣтельствѣ переводовъ можетъ послѣдовать самая трудность, ибо Высочайшимъ Е. И. В. указомъ отъ 7 марта 1743 года повелѣно все печатныя въ Россіи книги, принадлежащія до церкви и до церковнаго ученія печатать съ апробаціи св. Синода, а синодальные члены заняты какъ синодальнымъ, многога труда требующимъ, такъ и собственно епаршескимъ правленіемъ и монастырскимъ, коимъ затѣмъ къ свидѣтельству переводовъ и время конечно не достанетъ, а безъ свидѣтельства синодальнаго печати передавать не можно. А какъ не безызвѣстно есть, что въ прочихъ европейскихъ государствахъ, для свидѣтельства новопереводимыхъ и сочиняемыхъ книгъ имѣются особливые достойные и въ ученіи достаточные цензоры, за свидѣтельствомъ которыхъ переводимыя книги и печатаются, и потому какъ прежде, такъ и нынѣ за необходимо потребно разсуждается, учредить для того при св. Синодѣ переводческую контору и опредѣлить къ оной переводчиковъ, а къ свидѣтельству переводовъ и упомянутыхъ въ регламентѣ писемъ, если отъ кого оныя въ св. Синодѣ объявлены будутъ, искусныхъ и вѣроятія достойныхъ цензоровъ, и печатать за ихъ свидѣтельствомъ. Но понеже онаго св. Синоду собою учинить невозможно, а состоитъ то въ особомъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи, того ради согласно приговорили: о томъ Ея Императорскому Величеству отъ св. Синода поднести докладъ и всенижайше просить, дабы св. Синоду свободно было упомянутую контору учредить, и для вѣдѣнія о томъ народу публиковать, и сколько потребно будетъ переводчиковъ и цензоровъ опредѣлить, и за ихъ свидѣтельствомъ печатать. А оную контору содержать, по разсужденію св. Синода, изъ типографскихъ и другихъ въ синодальномъ вѣдѣніи состоящихъ доходовъ, каковыя въ остаткѣ находятся будутъ, не требуя изъ государственной суммы, и кромѣ съ вѣчныхъ па-

мятей и другихъ, до лазаретовъ подлежащихъ, отсылаемыхъ изъ синодальнаго вѣдомства въ свѣтскую команду. А паче все оное предать въ особливое Е. И. В. благоволеніе, и ожидать Высочайшаго Е. И. В. указа. По оному опредѣленію докладъ подписанъ и для поднесенія Е. И. В. врученъ с.-петербургскому преосвященному 20 мая 1756 года».

Какова была судьба въ комисіи этого чрезвычайно важнаго доклада, которымъ, между прочимъ, полагалось начало и такому важному государственному учрежденію, какъ духовная цензура, намъ неизвѣстно. Что касается учрежденія переводческой конторы, то и въ этомъ отношеніи предначертанія св. синода остались неосуществленными: извѣстно, что до позднѣйшаго времени переводъ святоотеческихъ твореній на русскій языкъ оставался дѣломъ частныхъ лицъ. Не раньше конца первой половины настоящаго столѣтія за это дѣло взялись ученые корпорации, т. е. наставники Московской и С.-Петербургской духовныхъ академій.

1875 г.

Къ характеристикѣ церковно-приходской проповѣди въ С.-Петербургѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Проповѣдническая дѣятельность знаменитыхъ проповѣдниковъ-іерарховъ временъ императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I—у насъ довольно извѣстна. Проповѣди этихъ ораторовъ почти всѣ напечатаны или въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, или въ видѣ полного собранія. Какова была проповѣдь церковно-приходская, рядовая, проповѣдь обращенная не къ избранному кругу просвѣщенныхъ слушателей, а къ массѣ приходскаго народа, та проповѣдь, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ не столько блистать, сколько дѣйствительнымъ образомъ вліять на духовно-нравственное развитіе народной массы? Свѣдѣнія по этому предмету до настоящаго времени крайне скудны, до того скудны, что нѣтъ возможности категорически рѣшить вопросъ: на сколько тутъ имѣла мѣста импровизація и безыскусственное пастырское учительство, и насколько приходская проповѣдь этого времени слѣдовала схоластическимъ традиціямъ тогдашней духовной школы. Однимъ словомъ—нѣтъ достаточныхъ данныхъ для заключеній какъ о количественныхъ размѣрахъ приходской проповѣди за это время, такъ и о качественномъ ея достоинствѣ.

Съ этой точки зрѣнія двѣ предлагаемыя вниманію читателя проповѣди представляютъ, какъ мы думаемъ, нѣкоторый интересъ. Первая изъ нихъ—*слово въ недѣлю о слѣтвомъ* принадлежитъ перу священника церкви Входа Господня въ Іерусалимъ, Гавріила Петрова, и произнесена имъ въ 1794 г. въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что при Невской перспективѣ, по назначенію отъ консисторіи, но произнесена безъ предварительнаго разрѣшенія благочиннымъ—цензоромъ, что и было причиной сохраненія ея до настоящаго времени (въ архивѣ С.-Петербургской духовной консисторіи),

такъ какъ, въ слѣдствіе донесенія благочиннаго о нарушеніи священникомъ Петровымъ установленныхъ правилъ, проповѣдь была истребована въ консисторію въ подлинникѣ. Самая проповѣдь не была найдена предосудительною по содержанию; но, за несоблюденіе установленныхъ правилъ, проповѣднику было объявлено, 16 іюня 1794 г., замѣчаніе консисторіи. Читатель увидитъ, что проповѣдь эта очень не дурна для зауряднаго проповѣдника того времени какъ по мыслямъ, такъ по построенію и изложенію.

Другая проповѣдь—«*слово на день рожденія Великой Княжны Александры Павловны*», произнесенная 21 апрѣля того же 1794 года, въ той же церкви Рождества Богородицы, священникомъ церкви Живоначальныя Троицы въ Измайловскомъ полку *Прохоромъ Игнатьевымъ*. Она сохранилась также лишь благодаря тому обстоятельству, что была предметомъ сужденія консисторіи по причинѣ своей неудовлетворительности: консисторія нашла, (и, какъ читатель увидитъ, вполне основательно), что о. Прехоръ «говорилъ проповѣдь весьма короткую и притомъ безъ всякаго склада, да къ тому же и безъ цензорскаго разсмотрѣнія»,—за что и оштрафовала проповѣдника пятью рублями «въ пользу богадѣльни».

I.

Аще грѣшенъ есть, не стѣмъ.

Еслибъ всякій изъ насъ старался болѣе о прославленіи добродѣтелей другаго, нежели о хулѣ и поношеніи его несовершенствъ; еслибъ всякій въ открытіи чужихъ грѣховъ столько былъ остороженъ и скроменъ, какъ въ нынѣшнемъ евангеліи упоминаемый испѣленный слѣпый, который противу клеветующихъ на Иисуса фарисеевъ ничего не сказалъ, какъ только: *не стѣмъ, аще грѣшенъ есть*, то бы не токмо избавились всякаго обличенія отъ закона и совѣсти, но и не подали бы никакого соблазнительнаго примѣра къ дерзкому сужденію чужихъ пороковъ.

Когда всемогущая рука Спасителя нашего слѣпорожденному человѣку чудесно открыла зрѣніе, то на чьемъ бы сердцѣ она ясно не начертала живыя и восхитительныя чувствованія о Божественной Его силѣ и благодати, тѣмъ паче, что провозгласителемъ и свидѣтелемъ Его всемогущей власти былъ самъ испѣланный слѣпый? Но завистію дышавшіе фарисеи толь торжественнымъ дѣйствіемъ Иисусовымъ, толь дражайшій предметъ, предметъ утѣхи Израилевой, стараются привести въ презрѣніе у народа. Они называютъ Иисуса, источника всякой святости и добродѣтели, грѣшнымъ: *мы стѣмъ,*

яко *человѣкъ сей грѣшенъ есть*. Представьте, слушатели, какими фарисеи чрезъ сей дерзкой поступокъ подвергаютъ себя беззаконіямъ. Они какъ себя, такъ и другихъ лишаютъ сладчайшаго наслажденія плодами истиннаго ученія Христова, слѣдовательно и спасенія. Они дѣлаются причиною всѣхъ тѣхъ бѣдствій, въ какія ослабленные ихъ ложными оклеветаніями Иисуса должны себя ввергнуть. Но отъ сихъ пагубныхъ слѣдствій исплѣвшивъ слѣпой себя дѣлаетъ свободнымъ. Онъ безъ страха и терзанія совѣсти могъ о Иисусѣ сказать: аще грѣшенъ есть, не вѣмъ. Онъ какъ не беспокоится тѣмъ, чтобъ сими словами нанесъ какой-либо уронъ совершенствамъ своего Избавителя, такъ и не чувствуетъ смущенія отъ того, чтобъ подалъ случай Иудеямъ къ оклеветанію Иисуса. Такая справедливость въ словахъ не приличествуетъ-ли и всякому, въ обществѣ живущему человѣку? Уста, удаленныя жи, клеветы и лести, не сохраняютъ-ли душу нашу отъ грѣхонаденія, не прогоняютъ-ли несогласія, вражды и подозрѣнія между друзьями, родственниками и всѣми ближними? *Покрываютъ вражду устъ правды*, вѣщаетъ премудрый Соломонъ, *износящій же укоризну, безумнѣйшимъ суетъ*. Для того всемирно должны мы удаляться отъ осужденія ближнихъ. Слово Божіе обязываетъ насъ къ почитанію не токмо высшихъ, родителей и равныхъ, но и всякаго человѣка, научая насъ: всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь. Почтеніе сіе должно въ насъ рождаться какъ отъ разсужденія преимуществъ, которыя они имѣютъ въ сравненіи другихъ или и насъ самихъ, такъ наипаче любовію къ Богу. Нельзя, чтобъ, кто истинно почитая Бога презрѣлъ предметъ, ему любезный, презрѣлъ того, о которомъ самъ Творецъ великой свой показываетъ Промыслъ: онъ его не оставитъ въ оужденіи, онъ постыдится открыть его недостатки, онъ съ великодушіемъ проститъ его согрѣшенія, съ терпѣніемъ преодолѣетъ озлобленіе, дабы не сдѣлать хулы на его Господа униженіемъ ближняго. Но для любви Божіей все терпитъ, не раздражается, не мыслитъ зла, не превозносится. Вотъ характеръ истиннаго христіанина. Можетъ ли что быть любезнѣе такого человѣка, котораго сердце не заражено подлыми страстями, который, не смотря на низость и бѣдность состоянія, всегда судитъ о другомъ съ хорошей, а не съ худой стороны, входитъ въ его состояніе, какъ въ свое собственное, уважаетъ его нужды, выгоды, удовольствія, нерѣдко предпочитаетъ своимъ. *Ничтоже по рвенію и тщеславію*, какъ говорить св. ап. Павелъ, *по смиренномудріемъ другаго честію больша себе творяще, не своихъ, но и дружнихъ смотряще*. Къ сему искреннему благорасположенію къ ближнимъ можетъ побуждать наше сердце и то воображеніе, что они имѣютъ отношеніе къ Богу, яко Христовы ученики, и тѣмъ болѣе преклоняютъ насъ къ оказанію имъ всякой благосклонности, что за оную не отъ нихъ должны ожидать воздаянія, но отъ самаго Творца. Можетъ ли что быть сего усладительнѣе для благочестиваго христіанина? *Иже бо аще*, говоритъ Господь, *напоятъ вы чашею студеныя воды во имя мое, яко Христовы есте, не погубитъ жды своая*. Сіе ученіе не-

беснаго Мздовоздателя къ тому клонится, дабы мы старались оказывать добро ближнимъ нелицемѣрно, не по однимъ взаимнымъ какимъ выгодамъ, случаю или какой привязанности, но по безпристрастному уваженію Высочайшей Его воли. Самая простота и невѣжество другаго не должны быть презираемы. Непростителенъ тотъ поступокъ, который соблазняетъ малопросвѣщенныхъ, истребляетъ ихъ добродѣтель и подаетъ случай къ порокамъ. Они, не зная закона, взираютъ на примѣры разумнѣйшихъ и по ихъ дѣйствіямъ свои учреждаютъ. Но сколько есть заразительнѣйшая язва для ихъ души порокъ уважаемаго лица, столько дѣйствительнѣйшимъ наставникомъ— добродѣтель. Ибо таковыя судятъ о вещахъ по наружности ихъ. Для того-то Спаситель грозитъ скорѣйшею погибелію тѣмъ, которые соблазняютъ слабыхъ въ вѣрѣ, говоря: *уже еще соблазнитъ единого отъ мамы силъ, впрующихъ въ Мя, доброе есть ему паче, аще облежитъ камень жерновый о выи его и вверженъ будетъ въ море.* Вотъ сколь важнымъ есть предъ лицомъ Бога преступленіемъ презрѣніе спасенія немощнѣйшей братіи нашей. Сколь бы блескъ богатства, высокость чести или какое великолѣпіе, обыкновенно напыщающее сердце наше, ни отвлекали насъ уважать бѣдность и несчастіе страждущихъ: однако, преодолевая въ насъ сія препятствія, должны облегчать жребій ихъ нашимъ снисхожденіемъ. Ибо тягостнѣе для нихъ самаго бѣдствія презрѣніе. Они единого естества съ нами, единого имѣютъ Господа, тѣхъ же причастники суть благодатей, какихъ насъ благоволилъ удостоить спасительный Промыслъ Божій. И сіе не должно-ли насъ соединять неразрывною любовію со всѣми? Властелинъ-ли кто, то не долженъ поступать неправосудно съ подчиненными, помня, что онъ слабостямъ подверженъ и имѣетъ надъ собою судящаго Бога. Господіе, говоритъ св. апостолъ Павелъ, правду и уравненіе работъ подавайте, вѣдаяще, яко и вы имате Господа на небесѣхъ. Но скажетъ кто либо, что нечестивые заслуживаютъ всякое презрѣніе. Не помяну, глаголетъ св. Давыдъ, именъ ихъ устнами моими. Правда, достойны презрѣнія беззаконники, поелику беззаконники, и чтобъ нашимъ къ нимъ почтеніемъ не могло питаться и ободраться ихъ нечестіе. Какъ снѣгъ въ лѣтѣ и дождь въ жатву, такъ нѣсть безумному чести, по словамъ премудраго Сираха. Но если имѣютъ они въ себѣ что-нибудь добраго, въ томъ должно имъ отдавать справедливость, какъ учитъ св. апостолъ Павелъ: елицы суть подъ игомъ раби своихъ господъ, всякія чести да сподобляются, да имя Божіе не хулится и ученіе. Но чѣмъ болѣе прославляется имя Божіе и ученіе, какъ токмо добрыми дѣлами христіанина? И для того дѣлъ его должна быть основаніемъ не привычка, не предразсужденіе или какое пристрастіе, но здравый разумъ и законъ Божій. Свѣтильникъ ногамъ моимъ законъ Твой, Господи, и свѣтъ стезямъ моимъ, говоритъ пророкъ, и можетъ ли что быть сего свѣтильника нужнѣе? Ибо чувства наши погрѣшительны, понятіе недостаточно, разсужденіе не рѣдко бываетъ ошибочно. Хотя бы и порядочное было разума дѣйствіе, но обращеніе свѣта удобно разстроивается. Гдѣ же намъ от-

крывается истина, какъ не въ зеркалѣ закона Божія; на ономъ основывая свои дѣла, христіанинъ не стыдится другимъ открывать ихъ, о нихъ радуется, ищетъ случая употребить ближняго. Никто же вжестъ свѣтильникъ, поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храмѣ суть. Добрыя дѣла суть свѣтъ міру. Они прославляютъ небеснаго отца, проникаютъ мракъ заблужденія души, открываютъ ей путь къ спасенію, да явится въ ней Христосъ и да глаголетъ въ ней всегда, какъ нынѣ упоминаемому слѣпому: я твой избавитель, я твой ходатай, познай мое о тебѣ попеченіе, ощути мои къ тебѣ благодѣянія; въ возмездіе ожидаю отъ тебя нелицемѣрной въ Меня вѣры и упованія.

Изъ всего нашего разсужденія заключить можно, что мы никого не должны охудать, но всякому должно дѣлать уваженіе, поелику нѣтъ никого, который бы не имѣлъ въ себѣ какихъ либо достоинствъ, не имѣлъ отношенія къ Богу, и не былъ участникъ его благодати. И для сѣхъ причинъ оставивъ всякую злобу къ ближнему, обратимъ мысли и желанія на созиданіе счастья подобнаго намъ человѣка, устремимъ наши всевозможныя старанія поставить его на той степени добродѣтели, которая ведетъ въ свѣтѣйшіе чертоги небеснаго Царя. Аминь.

II.

*Да будутъ препосланы чресла ваша...
и свѣтильницы горящія.*

Первоначальная и всеобщая Зажидителю и Благопромыслителю Богу и опредѣленнымъ отъ Его власти начальникамъ быть всѣмъ вообще благодарными, послушными и вѣрными обязанность есть понятіе Высочайшаго Существа, понятіе своего бытія, понятіе закона и вѣры, понятіе своего блаженства и злосчастія, яко добрыхъ и худыхъ дѣяній послѣдствій.

Безъ сего никакое благо, ни собственное, ни общественное, ни настоящее, ни будущее, не токмо снискано и хранимо, но ниже понимаемо быть можетъ. Кто забылъ себя, тотъ вспомнить-ли о другомъ? Кто для себя золъ, ахъ, можно-ли повѣрить, чтобы для кого либо другаго могъ быть добръ?

Да останется сіе въ понятіи и совѣсти каждаго. Торжественно, свято и благоговѣнно празднуя мы толико благодолгоденственное правленіе нами Великой Монархини, любезнѣйшей всего отечества матери, Екатерины вторья, чему научаемся? Не сему-ли, да скажемъ вси единогласно, что благодолгоденственная жизнь есть свидѣтельство жизни добродѣтельной, святой, благочестивой?

Кто сямъ царскимъ шествуетъ путемъ, тотъ ищетъ прежде царствія Божія и правды Его, и затѣмъ вся пріобрѣтаются. Счастливъ онъ въ жизни, блаженъ и въ вѣчности. Аминь.

Биографическихкихъ свѣдѣній о Гавріилѣ Петровѣ и Прохорѣ Игнатьевѣ мы не имѣемъ, кромѣ тѣхъ краткихъ упоминаній о томъ и другомъ, какія находятся въ «историко-статистическихкихъ свѣдѣніяхъ

о С.-Петербургской епархіи», издаваемыхъ С.-Петербургскимъ Епархіальнымъ Историко-Статистическимъ Комитетомъ, гдѣ Прохоръ Игнатьевъ значится священникомъ Троицной церкви съ 1781 года, а Гавриилъ Петровъ значится священникомъ Входинерусалимской церкви по 1800-й годъ (см. т. III, стр. 440 и т. IV, стр. 13).

Естатѣ приведемъ здѣсь и третій, не лишенный нѣкотораго значенія фактъ проповѣдничества, относящійся по кругу дѣятельности уѣзднаго духовенства петербургской епархіи. По вѣзтіи Парижа и заключеніи мира съ Франціей, на возвратномъ пути въ Петербургъ, Императоръ Александръ Павловичъ останавливался на нѣкоторое время въ г. Лугѣ и при этомъ посѣтилъ Лугскій Екатерининскій соборъ. При вступленіи его въ храмъ мѣстнымъ протоіереемъ Галактиономъ Барсовымъ произнесена была слѣдующая привѣтственная рѣчь: «Всеавгустѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій Государь Императоръ. Въ сладчайшемъ восторгѣ радости срѣтая священнѣйшее лице твое, Христе Господень, что тебѣ принесемъ или что возглаголемъ? Принесемъ-ли тебѣ хлѣбъ, яко Мельхиседекъ къ Аврааму? Но благоволенія Твоего Ты исполняеши всю пространную Россію. Возглаголемъ ли силы Твоя? Но величія Твоего исполнены и самыя отдаленнѣйшія страны... Радуйся точію, Богоспасаемый граде: се царь твой грядетъ къ тебѣ кротокъ и спасаая. Радуйся священной храме, се грядетъ къ тебѣ Боговѣнчанный потомокъ и подражатель великія Екатерины, воздвигнувшія алтарь сей! Счастливые обитатели, постилая вѣтви вѣрнопопданничества, благословимъ едиными усты и сердцемъ всеавгустѣйшаго великаго посѣтителя, Отца отечества. Благословенъ грядый во имя Господне! А ко Господу силъ въ духѣ умиленія воскликнемъ: дни на дни Царевѣ приложи, Господи, и лѣта его до дне рода и рода». Рѣчь эта, произнесенная въ малозначительномъ уѣздномъ городѣ, сохранилась въ числѣ нашихъ фамилныхъ бумагъ въ подлинной рукописи проповѣдника съ помяткою: «говорена Лугскимъ протоіереемъ Барсовымъ». Какъ намъ кажется, она не лишена характеризующаго значенія какъ по отношенію къ представителямъ уѣзднаго духовенства эпохи Александра I-го, такъ и по отношенію къ личности Государя, который имѣлъ благосклонность выслушать это скромное привѣтствіе, составленное, очевидно, по практиковавшимся въ то время риторическимъ правиламъ и имѣвшимся готовымъ образцамъ привѣтственныхъ рѣчей архипастырей, но не лишенное въ то же время и собственнаго ораторскаго такта въ приспособленіи содержанія рѣчи къ обстоятельствамъ мѣста и времени.

КЪ ИСТОРИИ МИСТИЦИЗМА ВЪ РОССИИ.

Изъ обнаруженныхъ за послѣдніе годы свѣдѣній ¹⁾ русскіе читатели достаточно знакомы съ подробностями той борьбы, которая происходила, въ первой четверти настоящаго столѣтія, въ русскомъ обществѣ между партіей мистиковъ и масоновъ, группировавшихся около простодушнаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына, съ одной стороны, и защитниками церкви и конфессиональнаго религіознаго ученія — митрополитомъ Серафимомъ, архимандритомъ Фотіемъ, Магницкимъ, Аракчеевымъ — съ другой. Борьба эта, какъ извѣстно, была не столько борьбою идей и теоретическихъ направленій мысли, сколько борьбою личныхъ интересовъ и страстей, по крайней мѣрѣ со стороны Магницкаго и Аракчеева, оскорбленнаго близостію Голицына къ Императору Александру I. Она окончилась, какъ извѣстно, пораженіемъ мистиковъ и паденіемъ князя Голицына, мѣсто котораго занялъ адмиралъ Шишковъ, который съ первыхъ же дней своего управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія сосредоточилъ всю свою дѣятельность на искорененіи мистицизма и всего, что отзывалось близостію къ мистицизму: изчезло библейское общество, такъ широко раскинувшее свою дѣятельность въ Россіи, остановленъ переводъ Священнаго Писанія на русскій языкъ; экземпляры русскаго перевода Библии, изданнаго обществомъ, изъяты изъ продажи и отобраны отъ лицъ, успѣвшихъ ихъ приобрести; подвергся преслѣдованію даже катихизисъ митрополита Филарета, въ которомъ сочинитель, одинъ изъ главныхъ дѣятелей

¹⁾ Записки Панаева («Вѣстникъ Европы» 1867 года); записки Шишкова (изд. свящ. М. Я. Морошкинымъ въ 1863 г.); записки о жизни митрополита Филарета, Сушкова, 1868 г., статьи г. Сухомлинова въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», статьи г. Пыпина въ «Вѣстникъ Европы»; масса матеріаловъ напечатанныхъ въ «Русской старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей» и проч.

библейскаго общества, позволилъ себѣ приводить тексты въ русскомъ переводѣ. Но главнымъ образомъ преслѣдованія Шишкова направлены были противъ мистическихъ и масонскихъ книгъ, въ большомъ количествѣ распространенныхъ въ Россіи въ министерство Голицына. Этотъ не лишонный интереса эпизодъ изъ исторіи мистицизма въ Россіи мы хотимъ рассказать теперь, руководствуясь архивными матеріалами ¹⁾, не бывшими въ распоряженіи ни одного изъ историковъ этой знаменательной эпохи.

Первымъ дѣйствіемъ Шишкова по вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія было изданіе указа отъ 17 ноября 1824 года, содержавшаго въ себѣ подтвержденіе, съ большою силою, прежде изданныхъ указовъ, воспрецавшихъ изданіе въ свѣтъ книгъ безъ разрѣшенія духовной цензуры. Поводомъ къ его изданію, какъ значится въ самомъ указѣ, было допесеніе митрополита Серафима о томъ, что «въ противоположность существующимъ указамъ, многія, къ вѣрѣ относящіяся, книги, часто содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о святомъ Писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго синодскаго разсмотрѣнія». Обнародовавъ этотъ указъ, Шишковъ немедленно въ слѣдъ затѣмъ препроводилъ митроп. Серафиму отношеніе, въ которомъ обращалъ его вниманіе на книгу: «Воззваніе къ чловѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», только что изданную предъ вступленіемъ Шишкова въ управленіе министерствомъ и разосланную по всѣмъ епархіямъ и подвѣдомственнымъ министру народнаго просвѣщенія учебнымъ заведеніямъ съ предписаніемъ князя Голицына о выпискѣ ея въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ. Препроводя экземпляръ этой книги къ митрополиту, Шишковъ пишетъ, что она наполнена лжеученій, противныхъ гражданскому благоустройству, догматамъ и преданіямъ нашей Церкви, и просить его преосвященства о ней отзыва. Получивъ отзывъ митрополита, совершенно тождественный съ своимъ мнѣніемъ, министръ довелъ о томъ до свѣдѣнія Государя и съ его утвержденія предложилъ главному правленію училищъ, чтобы оно, если усмотритъ въ какой либо книгѣ, изданной безъ цензурнаго разрѣшенія, что-либо противное религіи и Церкви, доводило о томъ до свѣдѣнія его, министра.

Сдѣлавъ такое распоряженіе по своему вѣдомству, министръ народнаго просвѣщенія виѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ отношеніе къ митрополиту Серафиму, прося представить на усмотрѣніе св. Синода,

¹⁾ Дѣла Архива конференціи спб. Духовной Академіи и въкоторыя другія бывшія у насъ подъ руками.

«не благоугодно ли будетъ и ему съ своей стороны сдѣлать предварительно такое же о сихъ книгахъ распоряженіе по духовному вѣдомству, а между тѣмъ въ предупрежденіе дальнѣйшаго вреда отъ всеобщаго въ народѣ обращенія подобныхъ сочиненій, приступить нынѣ же безъ всякаго замедленія, къ подробному разсмотрѣнію ихъ и поступленію потомъ по точной силѣ Высочайшаго указа, даннаго въ 28-й день іюля 1787 года, подтвержденнаго въ 9-й день февраля 1802 года и въ 17-й день ноября 1824 года. Еъ нему онъ, г. министръ, присовокупляетъ, что ему, преосвященному митрополиту Серафиму, не безизвѣстно, что подобныя книги, въ немаломъ количествѣ распространенныя, успѣли уже послужить къ пороженію весьма вредныхъ и заразительныхъ умствованій и толковъ, которые, разрушая священнѣйшія связи между Церковію, престоломъ и отечествомъ, вводятъ въ соблазны, развращаютъ нравы и потрясаютъ спокойствіе, законы и благоденствіе народное. Въ отвращеніе сихъ воспрещаемыхъ вѣрою и правительствомъ нововведеній, вышеупомянутый Высочайшій указъ, обязуя отвѣтственностію предъ Богомъ и Государемъ, повелѣваетъ: употребить неусынный за симъ надзоръ, истребляя и обличая всякія разсѣянныя въ книгахъ или иначе внушаемыя лжеученія и не допуская ни въ какомъ видѣ вновь появляться имъ. Соображая всѣ сія, толико важныя обстоятельства, и сиду Высочайшаго повелѣнія, онъ, г. министръ, поставляетъ за непремѣнный долгъ обратиться къ Св. Синоду, яко верховному блюстителю вѣры и благонравія, на коихъ основано блаженство каждаго и всѣхъ, да благословеніемъ его, богобоязненнымъ попеченіемъ и мудрыми содѣйствіями, оградится народная нравственность и воспитаніе отъ всякихъ ересей и лжеученій, помрачающихъ истинное просвѣщеніе, и тако да исполнится священная воля благочестиваго Монарха нашего къ общему спокойствію и счастію всѣхъ его вѣрноподданныхъ».

Намъ неизвѣстно, какими результатами сопровождалось распоряженіе министра по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія; что касается св. синода, то онъ съ своей стороны постановилъ:

1) «Предоставить преосвященному Серафиму по его усмотрѣнію избрать изъ столичнаго петербургскаго духовенства лицъ, ему извѣстныхъ, для подробнаго разсмотрѣнія мистическихъ сочиненій (числомъ десять названій) и потомъ, сдѣлавъ изъ оныхъ выписки и замѣчанія на содержащіяся въ нихъ противныя вѣрѣ и благочестію ученія, представить оныя съ мнѣніемъ своимъ св. синоду; 2) московской и г. вѣнно-умеретинской конторамъ, синодальнымъ членамъ и прочимъ освященнымъ, также ставропигіальнымъ монастырямъ и л

главнаго штаба Его Императорскаго Величества оберъ-священнику и типографской конторѣ, съ прописаніемъ упоминаемаго отношенія г. министра народнаго просвѣщенія, предписать указами: а) чтобы для извѣтія отъ всякаго употребленія означенныхъ книгъ, учинены были изъ дѣлъ справки, какъ и въ конторахъ, консисторіяхъ, такъ и въ училищныхъ правленіяхъ и монастыряхъ, не было-ли когда оныхъ книгъ выписываемо ими или присылаемо къ нимъ прямо отъ кого, но буде было, то сколько какихъ книгъ и отъ кого именно прислано, когда и кому оныя по доставленіи ихъ розданы, или поступили, и потомъ, отобравъ оныя книги неотмѣнно, изъ всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ духовныхъ училищъ, мѣстъ и лицъ, и запечатавъ казенными печатями, хранить впредь до особаго о нихъ предписанія въ надежнѣйшихъ мѣстахъ во всякой цѣлости; сколько же таковыхъ книгъ выписано или прислано было, и сколько оныхъ отобрано будетъ, о томъ доносить св. синоду немедленно; б) равношрно учинить таковыя же справки, не было-ли выписываемо книгъ, кромѣ вышеозначенныхъ, такихъ, кои напечатаны въ частныхъ типографіяхъ безъ дозволенія синода и духовныхъ цензуръ, и буде окажутся, то отобравъ оныя, также разсмотрѣвъ ихъ и потомъ о содержаніи ихъ доносить св. синоду, самыя книги, по запечатаніи хранить, съ прочими; в) на основаніи вышепоименованныхъ указовъ, впредь преосвященнымъ и консисторіямъ, чрезъ духовныя правленія и благочинныхъ, прилежно смотрѣть и наблюдать, дабы подобныхъ вышеозначенныхъ книгъ, напечатанныхъ въ частныхъ типографіяхъ безъ дозволенія св. синода и духовныхъ цензуръ, какъ отъ издателей, такъ и отъ другихъ корреспондентовъ отнюдь выписываемо, принимаемо и разсылаемо по духовнымъ училищамъ и другимъ мѣстамъ не было, и если до свѣдѣнія ихъ, преосвященныхъ, дойдетъ, что подобныя книги производятся въ продажу или имѣются у кого рукописныя, не менѣе печатныхъ вредныя, и посредствомъ коихъ ховяева ихъ рассѣиваютъ лжеученія, то, увѣдомляя мѣстныя гражданскія правительства, для отобранія тѣхъ книгъ, представлять оныя съ замѣчаніями святѣйшему синоду, и о сысканіи или несысканіи по епархіямъ таковыхъ книгъ показывать въ полугодовыхъ донесеніяхъ синоду, о благосостояніи епархій присылаемыхъ, подъ опасеніемъ отвѣтственности въ случаѣ недонесенія о таковыхъ книгахъ, ясно въ народѣ обращающихся. На сей конецъ напечатать копій съ сего указа потребное количество экземпляровъ, по числу духовныхъ правленій и благочинныхъ, и разослать во всѣ епархіи. 3) Комисіи духовныхъ училищъ сообщить о семъ по надлежащему, съ тѣмъ, чтобы учинена была по дѣламъ оной

справка, не было ли когда вышепрписанных книг представляемо отъ кого въ оную, и куда и сколько именно по распоряженію комисіи было отослано. По учиненіи таковой справки представить оную св. синоду, а правительствующему сенату сообщить въдѣніемъ».

Указъ послѣдовалъ мая 14, 1825 года.

Мы будемъ имѣть случай сказать, какіе результаты дало повсѣмѣстное приведеніе въ исполненіе этой второй половины указа,— въ настоящемъ же случаѣ остановимся на томъ, какъ произведено было разсмотрѣніе вредныхъ книгъ, предписанное митр. Серафиму въ первой половинѣ синодальнаго указа. Въ исполненіе этого указа, преосв. Серафимъ немедленно образовалъ особый комитетъ изъ образованнѣйшихъ членовъ столичнаго духовенства подъ предсѣдательствомъ своего викарія, преосв. Григорія, епископа ревельскаго. Конференція с.-петербургской духовной академіи, которой поручилъ преосв. Серафимъ выборъ членовъ для комитета, предполагала образовать ее изъ четырнадцати членовъ, но митрополитъ нашолъ достаточнымъ составить ее изъ двѣнадцати членовъ, въ число которыхъ вошли и члены петербургскаго духовно-цензурнаго комитета, которые сначала, на предложеніе конференціи, отказались было отъ участія въ занятіяхъ комитета, отвываясь неимѣніемъ времени за исполненіемъ своихъ непосредственныхъ обязанностей. Каждому члену поручено было разсмотрѣть одно изъ сочиненій, препровожденныхъ въ комитетъ и составить подробный разборъ и оцѣнку его съ точки зрѣнія православнаго ученія, именно: 1) ректору с.-петербургской семинаріи, архимандриту Іоанну, (въ послѣдствіи епископу донскому, извѣстному автору перваго курса православной герменевтики)—*«Таинство креста»* изд. 1820 г.; 2) инспектору с.-петербургской академіи, архимандриту Гавриилу (въ послѣдствіи епископу тверскому)—*«Путь ко Христу»* Бема, изд. 1815 г.; 3) священнику Герасиму Павскому — *«Божественная философія»* Дюнуа, изд. 1818 и 1812 гг.; 4) священнику Симеону Платонову — *«Письма къ другу объ ордень свободныхъ каменщикозъ»* изд. 1816 г.; 5) священнику Іоакиму Кочетову — *«Воззваніе къ челоуѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова»* изд. 1820 г. и *«Побѣдная повѣсть»* Юнга Штиллинга, изд. 1815 г.; 6) протоіерею Іоанну Данкову — первыя четыре книжки *«Сіонскаго Вѣстника»*; 7) протоіерею Тимоею Вѣщезерову—*«Толкованія на дѣянія и посланія апостольскія»* г-жи Гіонъ, изд. 1820 и 1821 гг.; 8) протоіерею Іоанну Граціанскому — *«Толкованія на Апокалипсисъ»*, г-жи Гіонъ, изд. 1821 г., 9) священнику Тимоею Никольскому — *«Толкованія на*

Евангелія», г-жи Гіонъ, изд. 1822 г.; 10) священнику Іоанну Добронравину—*«Толкованія на книги Экклезіаста, пѣсьмъ пѣсней и премудрости Соломоновой»* изд. 1823 г.; 11) священнику Михаилу Малену—*«Краткій способъ молиться»*, г-жи Гіонъ, изд. 1822 г. и *«Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской»*, изд. 1821 г. и 12) священнику Александру Рождественскому—послѣднія четыре книги *«Сіонскаго Вѣстника»*.

Въ руководство комитету преосвященный Серафимъ самъ составилъ подробную инструкцію, которая наглядно свидѣтельствуетъ какъ о томъ впечатлѣніи, какое производило, на правительство вообще и въ частности на церковную іерархію, непомѣрное распространеніе въ обществѣ мистической литературы, такъ и о пастырской ревности первоіерарха русской Церкви. Вотъ эта замѣчательная *инструкція*:

1) Каждый членъ комитета, получивъ книгу для разсмотрѣнія, долженъ сохранять всякую скромность касательно порученнаго ему дѣла.

2) Впрочемъ не возбраняется членамъ комитета просить совѣтовъ или наставленій какъ взаимно другъ у друга по довѣренности, такъ наипаче у тѣхъ лицъ, которыя указаны будутъ для сего президентомъ.

3) Каждый членъ комитета, получивъ назначенный ему трудъ, долженъ заняться безъ всякаго отлагательства.

4) Долженъ заниматься онымъ не поверхностно, но съ глубокимъ вниманіемъ; призвавъ на помощь Подателя смысла, дабы могъ узнать во всей полнотѣ и представить себѣ во всей ясности разсматриваемое имъ сочиненіе.

5) Онъ долженъ изложить со всею вѣрностію и точностію духъ разсматриваемаго сочиненія, показать т. е. основныя начала онаго, раскрыть связь главныхъ идей, выводимыхъ изъ силъ началъ, и обнаружить цѣль сочиненія.

6) Дабы не было никакого подозрѣнія, что духъ какой либо книги излагается произвольно, для сего должно стараться не только вездѣ показывать страницы, на которыхъ лежатъ взятая разбирателемъ мысли изъ книги, но даже выписывать самыя мѣста изъ оной, дабы собственными словами писателя можно было обличить его въ заблужденіи или злонамѣренности.

7) Если о какой книгѣ извѣстны какія нибудь историческія свѣдѣнія, какъ-то: если она была гдѣ нибудь осуждена или запрещена, или произвела уже вредныя дѣйствія и проч., то таковыя свѣдѣнія помѣщать въ разборѣ оной.

8) Если о какой книгѣ уже прежде кто нибудь изъ благонамѣренныхъ писателей сдѣлалъ справедливый отзывъ или замѣчаніе, показывающіе ея духъ и достоинство: то таковой отзывъ или замѣчаніе должно помѣщать при разборѣ оной, гдѣ будетъ прилично.

9) Если о писателѣ разбираемой книги извѣстно, что онъ принадлежитъ къ какой-либо еретической сектѣ; то сказавъ о семъ, должно вратцѣ изло-

жить учение той секты; и потомъ показать тѣ мѣста въ его книгѣ, въ которыхъ онъ распространяетъ учение своей секты.

10) Не поставляется въ обязанность, на каждую противную мысль разбираемой книги дѣлать опроверженіе; но сіе требуется тамъ, гдѣ окажется необходимымъ; и чтобы таковыя опроверженія были кратки, ясны, сильны.

11) Но болѣе должно стараться дѣлать разборъ книги въ такомъ тонѣ, чтобы выписываемыя изъ оной мѣста, и безъ опроверженій и толкованій, сами собою открывали заблужденіе, или злонамѣренность писателя.

12) Если учение какого нибудь писателя сходно съ учениемъ какого нибудь древняго еретика, то сіе сходство указывать вездѣ при разборѣ его книги, и въ приличномъ мѣстѣ показать, на какомъ соборѣ та древняя ересь была осуждена.

13) Если какая мысль писателя противна Св. Писанію, или учению нашей Церкви, въ такомъ случаѣ должно выставлять тѣ мѣста Св. Писанія или ученія Отцевъ Церкви, которыми противорѣчитъ писатель разбираемой книги,

14) Если въ разбираемой книгѣ представится изреченіе св. Писанія изъясненнымъ превратно и не по духу нашей православной Церкви; то выписавъ такое мѣсто изъ книги, должно показать, какъ оное изреченіе Священнаго Писанія изъясняется Отцами нашей Церкви.

15) Впрочемъ если дѣлая книга состоитъ въ изъясненіи Священнаго Писанія, въ такомъ случаѣ, давъ общія понятія о духѣ толкователя, должно выписать изъ книги тѣ мѣста, въ которыхъ особенно обнаруживается духъ толкователя, и несходство его съ духомъ нашей православной Церкви.

16) При разсматриваніи книгъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ, должно, между прочимъ, повѣрять оныя съ подлинниками, въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ оныя особенно противны учению нашей Церкви, дабы видѣть, не сдѣлалъ ли переводчикъ намѣреннаго отступленія отъ смысла подлинника, ко вреду нашей Церкви.

17) Члены комитета должны обратить вниманіе и на то, не имѣла ли какая нибудь книга двухъ, или нѣсколькихъ изданій за однимъ подписаніемъ цензуры и подъ однимъ годомъ, безъ упоминанія о новомъ изданіи. Если откроются таковыя изданія, то объ оныхъ представлять президенту.

18) Если комитету извѣстны другія книги, столь-же противныя нашей Церкви и вредныя, какъ и тѣ, которыя нынѣ предоставляются ему на разсмотрѣніе, то о таковыхъ книгахъ оный имѣетъ немедленно представлять президенту, на первый разъ съ самою краткою выпискою мѣстъ, показывающихъ вредное учение сихъ книгъ.

19) Каждый членъ комитета, окончивъ порученный ему трудъ, представляетъ оный управляющему дѣлами комитета, который собравъ не менѣе пяти членовъ, съ ними прочитываетъ представленный ему разборъ книги, или отдаетъ имъ оный для разсмотрѣнія порознь съ тѣмъ, чтобы каждый отмѣчалъ тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, нужно поправить или допол-

нить; и съ такими отмѣтками онъ возвращаетъ разборъ трудившемуся, дабы онъ поправилъ или дополнилъ то, что отмѣчено.

20) Разборъ книги, оказавшійся, при предварительномъ разсмотрѣннѣ, достаточнымъ для своей цѣли, представляется президенту, который созываетъ всѣхъ членовъ комитета для окончательнаго разсмотрѣнія онаго.

21) Подлинникъ представленнаго разбора каждой книги остается въ комитетѣ; а копія съ онаго представляется президенту.

22) Хотя разборъ книгъ, поручаемыхъ отъ Святѣйшаго Синода разсмотрѣнію комитета, назначается членамъ онаго, впрочемъ, еслибы кто нибудь посторонній изъ духовнаго званія представилъ свои замѣчанія въ комитетъ на какую нибудь изъ разсматриваемыхъ въ онамъ книгъ, то таковыя замѣчанія, съ дозволенія президента, принимаются для разсмотрѣнія.

23) Если, при предварительномъ разсмотрѣннѣ, сіи замѣчанія окажутся основательными и достаточными, то комитетъ поступаетъ съ оними на основаніи 22-го пункта сей инструкціи.

24) Если-жъ членъ, по назначенію президента разсматривающій ту книгу, на которую поступили замѣчанія со стороны, объявитъ комитету, что онъ предполагаетъ составить, или уже составляетъ замѣчанія на порученную ему книгу основательнѣе и полнѣе присланныхъ отъ посторонняго лица, въ такомъ случаѣ комитетъ отдаетъ ему сіи послѣднія, дабы онъ могъ употребить ихъ, по усмотрѣнію, при составленіи своихъ замѣчаній; и сіе завѣдующій дѣлами комитета доводитъ до свѣдѣнія президента словесно.

25) Еслибы поступили въ комитетъ со стороны замѣчанія на такую книгу, которой разсмотрѣніе отъ Святѣйшаго Синода не поручено комитету, въ такомъ случаѣ онъ представляетъ свои замѣчанія президенту.

26) Если присланныя со стороны замѣчанія будутъ сдѣланы на книгу, одобренную духовною цензурою, и замѣченные въ онай недостатки окажутся неопасными и происшедшими не отъ злонамѣренности сочинителя, или даже умышленно выисканными отъ замѣчателя, въ такомъ случаѣ сдѣланныя на книгу замѣчанія комитетъ, съ дозволенія президента, препроводяетъ въ духовную цензуру, дабы она могла имѣть въ виду замѣченные недостатки книги, на случай новаго изданія онай.

27) Когда разсмотрѣніе книгъ будетъ приведено къ окончанію, то комитетъ, въ видѣ генеральнаго отчета въ дѣлахъ своихъ, имѣетъ составить систематическое изложеніе того, какимъ образомъ вредное ученіе, содержащееся въ разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ, начиналось, постепенно распространялось, раскрывалось, прояснялось въ своемъ изложеніи, и какіе принесло плоды.

Мы не имѣемъ у себя подъ руками результатовъ занятій комитета—тѣхъ отзывовъ и подробныхъ рецензій, какія требовались отъ него вышеприведеннымъ указомъ. Но изъ дѣла видно, что члены комитета не особенно озабочивались скорѣйшимъ исполненіемъ возложеннаго на нихъ порученія. Какъ видно, весь ходъ этой работы ле-

жалъ на дѣлопроизводителѣ комитета. За выбытіемъ изъ Петербурга перваго лица, занимавшаго эту должность, архимандрита Іоанна, преемники его, не получая на свое лицо подобнаго порученія, считали себя не въ правѣ входить въ завѣдываніе оставшимся дѣлопроизводствомъ и наблюдать за скорѣйшимъ и своевременнымъ исполненіемъ каждымъ членомъ данной ему работы. Какъ видно изъ донесенія преосв. митрополиту предсѣдателя комитета, Венедикта, викарія с.-петербургскаго, отъ 4 іюня 1837 года, въ 1833 году, черезъ восемь лѣтъ по учрежденіи комитета, въ его распоряженіи находилось не болѣе четырехъ отзывовъ о мистическихъ сочиненіяхъ; отзывы эти переданы были преосв. Венедикту его предшественникомъ, пресвящ. Смарагдомъ, при отбытіи послѣдняго на Полоцкую епархію, а этимъ послѣднимъ получены отъ его предшественника, преосв. Никанора; это были отзывы священника Симеона Платонова, протоіерея Кочетова, Добронравина и Никольскаго, — «которые хотя не во всѣхъ отношеніяхъ, по замѣчанію преосв. Венедикта, соответствуютъ данной инструкціи, однакожъ для той дѣли, чтобы изъять оныя книги изъ употребленія, весьма достаточны». Согласно представленію преосв. Венедикта, за смертію или выбытіемъ изъ Петербурга пяти членовъ комитета на мѣсто ихъ избраны были новые и состоялась резолюція преосвященнаго митрополита о скорѣйшемъ окончаніи порученнаго комитету дѣла. Но за всѣмъ тѣмъ, кажется, дѣло велось не особенно спѣшно; по крайней мѣрѣ, полный отчетъ о мистическихъ книгахъ, составленный комитетомъ примѣнительно къ 27-му пункту данной ему инструкціи, представленъ былъ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову не ранѣе 1843 года (10 февраля), а этимъ былъ переданъ митрополиту Антонію, который предложилъ Св. Синоду, всѣ исчисленныя въ отчетѣ, разсмотрѣнныя комитетомъ книги (экземпляры которыхъ были уже отобраны повсемѣстно, гдѣ они были найдены и опечатанные хранились подъ строгимъ надзоромъ въ особыхъ назначенныхъ для того хранилищахъ) «истребить посредствомъ сожженія», каковую мѣру оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Н. П. Протасовъ предлагалъ еще въ 1838 году согласно съ заключеніемъ посланнаго отъ Св. Синода на ревизію въ Пензу коллежскаго совѣтника Кудрявцева, о чемъ и представлялъ Св. Синоду докладъ отъ 15 августа того же года. Но Св. Синодъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ, и окончательное рѣшеніе дѣла отложено было сначала до 1844 года, а потомъ до 1845 г. Въ этомъ году состоялось постановленіе Св. Синода, въ силу котораго всѣ собранныя мистическія и масонскія сочиненія раздѣлены были

на двѣ категоріи: 1) вредныя и 2) непротивныя православному учению. Первыя постановлено было подвергнуть истребленію чрезъ сожженіе, для чего передать ихъ графу Протасову, вторыя—хранить при Св. Синодѣ до дальнѣйшаго распоряженія.

Но если члены комитета, учрежденнаго митрополитомъ Серафимомъ, не обнаружили особенной энергіи въ разсмотрѣніи мистическихъ книгъ, и составленіи о нихъ отзывомъ, то со стороны епархіальныхъ преосвященныхъ и подвѣдственнаго имъ духовенства указъ Св. Синода вызвалъ цѣлую литературу разборовъ и опроверженій, изъ которыхъ многіе на столько содержательны и серьезны, что нельзя не пожалѣть о томъ, что они сдѣлались лишь достояніемъ архивовъ. Такъ, епископъ казанскій Владиміръ препроводилъ въ Св. Синодъ обстоятельный разборъ двухъ сочиненій: «*Торжество Евангелія*» и «*Исторія о животныхъ безсловесныхъ*» составленный архимандритами его епархіи Стефаномъ и Гаврииломъ; нижегородскій кафедральный протоіерей Зеленецкій препроводилъ чрезъ консисторію въ Св. Синодъ составленный имъ разборъ книги: «*Блаженство вѣрующаго*» (авторъ не находитъ въ этомъ сочиненіи ничего противнаго ученію Церкви); ректоръ нижегородской семинаріи архимандритъ Гавриилъ составилъ разборъ книгъ: «*Нѣкоторыя черты внутренней Церкви*» и «*О единомъ пути истины*» (оба сочиненія найдены рецензентомъ противными ученію православной Церкви); архимандритъ благовѣщенскаго монастыря Іоакимъ—разборъ сочиненія: «*Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствиіи св. Духа на сердца вѣрующахъ*»; Предтеченскій протоіерей Андрей (?)—разборъ книги «*Прославленная любовь*», въ которомъ находилъ эту книгу назидательною и полезною, требуя лишь исключенія изъ нея нѣкоторыхъ мыслей и исправленія другихъ.

Изъ отзывомъ и донесеній, представленныхъ въ Святѣйшій Синодъ епархіальными преосвященными въ исполненіе втораго пункта указа выяснились какъ способы распространенія мистическихъ изданій въ рускомъ обществѣ, преимущественно въ духовенствѣ, приходскомъ и монашествующемъ, такъ и количество экземпляровъ, въ какомъ разошлись эти изданія по губерніямъ. Въ первомъ отношеніи всѣ преосвященные единогласно свидѣтельствуютъ о непосредственномъ и дѣятельномъ участіи въ дѣлѣ распространенія мистическихъ изданій князя Голицына, подтверждая такимъ образомъ вполне то, что говоритъ по этому предмету Стурдза въ своихъ «запискахъ современника о судьбѣ православной Церкви русской въ цар-

ствование Императора Александра I-го ¹⁾): почти всѣ изданія, подвергшіяся теперь запрещенію, переводились и издавались по его мысли, подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ, лицами, къ нему приближенными, большею частію состоявшими при немъ чиновниками, иногда знакомыми ему дамами изъ высшаго круга; по отпечатаніи книги эти разсылались по губерніямъ на имя епархіальныхъ преосвященныхъ при письмахъ князя, въ которыхъ онъ рекомендовалъ, а иногда предписывалъ выписку этихъ изданій, при чемъ въ письмѣ обозначалась и цѣна ихъ. Такъ сочиненіе, послужившее поводомъ къ изданію приведеннаго выше указа Шишкова—«о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова»—переведено было съ нѣмецкаго секретаремъ князя, Ястребовымъ (извѣстнымъ переводчикомъ «словъ Массильона»); «краткія разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи» Таулера переведены также состоявшимъ при немъ титулярнымъ совѣтникомъ Прянишниковымъ. Смоленскій преосвященный Іосифъ донося объ отобранныхъ имъ по епархіи книгахъ, замѣчаетъ, что «запрещаемыя нынѣ книги рекомендованы отношеніями бывшаго министра, заключавшаго, что онѣ по содержанію своему, истинно-христіанскому и духовно-правственному, а равно по достоинству слога, особенно заслуживаютъ вниманія, и что чрезъ свѣдѣніе во всеобщее употребленіе приносятъ важную пользу къ уразумѣнію и разрѣшенію важныхъ происшествій въ отношеніи къ вещамъ духовнымъ». Циркулярнымъ отношеніемъ къ епархіальнымъ преосвященнымъ отъ 15 августа 1820 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода изъяснялъ, что вышла книжка, особенно заслуживающая вниманіе по содержанію своему истинно-христіанскому. Рѣдкость сего сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ въ первый разъ въ 1727 году, замѣчательна тѣмъ, «что глубокія истины, въ немъ содержащіяся и почерпнутыя изъ св. Писанія, служатъ ключомъ къ уразумѣнію важныхъ происшествій нашего времени въ отношеніи къ вещамъ духовнымъ», при чемъ цѣна книги назначается 6 р. Подобнымъ образомъ говорится въ циркулярѣ министра отъ 13 января 1821 года, о сочиненіи «извѣстнаго христіанскаго писателя Таулера»—«Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ религіи»,—о твореніи «извѣстной духовной писательницы г-жи Гіонъ»—«Легчайшій способъ молиться»: «по простотѣ, съ какою изложено въ ней содержаніе, по духу согласному съ духомъ слова Божія, оно, по выраженію циркуляра, не только принято вообще, какъ превосходное въ этомъ родѣ сочине-

¹⁾ Записки эти напечатаны нами въ февральской книжкѣ «Русской Старины» за 1875 годъ.

ніе, но принесло уже, сколько извѣстно, важную пользу для многихъ душъ и сдѣлалось для нихъ весьма нужнымъ чтеніемъ», «Весьма желательно, говорится въ заключеніи циркуляра, чтобы введеніе во всеобщее употребленіе такихъ назидательныхъ книгъ было болѣе распространяемо, для умноженія въ рукахъ соотечественниковъ такого сочиненія, которое наполняетъ мысли не тщетными и безплодными предметами, но питаетъ и живитъ духъ и даетъ ему направленіе по стезѣ, ведущей неложнымъ образомъ къ цѣлямъ нашего спасенія во Христвъ Исусѣ».

Относительно количества экземпляровъ этихъ сочиненій, разосланныхъ княземъ Голицынымъ по епархіямъ, извлекаемъ изъ документовъ слѣдующія любопытныя цифры. 29-го октября 1825 г. оберъ-прокуроръ св. Синода, князь Мецкерскій (заступившій мѣсто Голицына) доноситъ Синоду, что въ исполненіе синодальнаго указа, отобрано отъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ запрещенныхъ сочиненій всего 587 экземпляровъ. Книга: «Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіи Св. Духа на сердца вѣрующихъ», послана была преосвященнымъ: смоленскому—въ 320 экземплярахъ, казанскому—въ 375 экз., пензенскому—въ 209 экз., курскому—111 экз., нижегородскому—143 экз., вологодскому—144 экз. «Блаженство вѣрующаго», сочиненіе извѣстнаго пастора Госнера (Спб. 1822г.), послана была преосвященнымъ: грузинскому въ 20 экз., пензенскому—въ 350 экз., псковскому—въ 25 экз., курскому—въ 216 экз., вологодскому—въ 113 экз. волынскому въ 154 экз., смоленскому—въ 200 экз. Сочиненіе «О послѣдованіи младенчеству Иисуса Христа» (соч. г-жи Гюнь): въ Грузію—40 экз., Пензу—50 экз., Псковъ—31 экз., Курскъ—46 экз. и т. д. Кроме названныхъ сейчасъ сочиненій и тѣхъ, которыя исчислены въ указѣ св. Синода, разосланы были—но уже въ меньшемъ количествѣ экземпляровъ—еще слѣдующія сочиненія: «Тоска по отчизнѣ», Штилинга; «Приключенія по смерти», его же; «Угрозъ Свѣтовостокѣ», его же; Братнія правила на каждый день года; «Ключъ къ таинствамъ природы», Экартсгаузена; «Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца», его же; «Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чомъ гордая философія и грезитъ не смѣетъ»; «Три разговора священника съ прихожанами» (объ этой книгѣ преосвященный смоленскій Іосифъ отзывался весьма одобрительно); «О внѣшнемъ Богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ человѣка-христіанина» (также заслужившая одобреніе преосв. Іосифа); «Благочестіе въ хижинѣ», «О медлительности», «Обращеніе молодой крестьянки», «Прославленная любовь», «Благоговѣйныя размышленія

о жизни и страданіяхъ Иисуса Христа», «Проповѣди пастора Линдля», «Историческое доказательство», «Повѣствованіе о двухъ пріятеляхъ», «Возрастающая власть грѣха», «Увѣщательный гласъ», «Бордствующій христіанинъ». Больше всего распространены были слѣдующія сочиненія: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», «Краткія разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи» и «Легчайшій способъ молиться». Первое изъ этихъ сочиненій, по нашему исчисленію, сдѣланному на основаніи тридцати-девяти донесеній епархіальныхъ преосвященныхъ и настоятелей монастырей св. Синоду, было разслано въ количествѣ 3,083 экземпляровъ, второе въ числѣ 1.245 экз., третье въ числѣ 2,995 экземпляровъ.

Изъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, которымъ посланъ былъ циркулярный указъ св. Синода объ отобраніи запрещенныхъ книгъ, неимѣніемъ таковыхъ отозвались лишь монастыри: Симоновъ (архим. Мельхиседекъ), Новоспасскій (архим. Поликарпъ), Ростовскій-Яковлевскій (архим. Инноцентій), Трубчевскій-Спасскій (епископъ Досіеѳ), Новый-Іерусалимъ (архим. Аполлосъ, извѣстный авторъ жизнеописанія патріарха Никона) и Александро-Невская Лавра.

Воспользуемся случаемъ, чтобы кстати сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній о мистицизмѣ вообще. Достопочтенный исторіографъ русской литературы, нашъ извѣстный ученый А. Д. Галаховъ, прервалъ свое продолжительное молчаніе, напечатавъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» обширную статью: «обзоръ мистической литературы въ царствованіе Императора Александра I-го». Статья отличается всею тою замѣчательною эрудиціею, съ которою давно знакомы читатели и почитатели сочиненій почтеннаго ученаго. Но на ряду съ этимъ неотъемлемымъ достоинствомъ новаго труда А. Д. Галахова, мы встрѣтили въ немъ нѣчто, по поводу чего хотимъ позволить себѣ сказать нѣсколько словъ. Перечисляя книги и періодическія изданія за указанный періодъ времени, отличавшіяся мистическимъ направленіемъ, авторъ относитъ къ нимъ, на ряду съ извѣстнымъ «Сіонскимъ Вѣстникомъ» Лабзина, нашъ академическій журналъ за первые годы его существованія. Мало того. Къ числу этихъ изданій, на ряду съ сочиненіями Таулера, Эккартсгаузена, Штиллинга, г-жи Гюнь и прочими, онъ относитъ нѣкоторыя творенія св. отцовъ церкви и церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, не только творенія, извѣстныя подъ именемъ Діонисія Ареопагита (говоря объ этихъ твореніяхъ, авторъ напрасно не обратилъ вниманія на

замѣчательное изслѣдованіе о нихъ г. Скворцова, напечатанное въ «Трудахъ Кіевской Академіи» и изданное отдѣльною книгою), но и Исаака Сириянина, Іоанна Лѣствичника, Максима Исповѣдника, Симеона новаго Богослова, Григорія Синаита и нѣкоторыхъ другихъ. Такое странное смѣшеніе предметовъ, далеко не тождественныхъ и не однородныхъ, произошло, очевидно, отъ того, что почтенный авторъ не далъ себѣ труда предварительно установить опредѣленное и точное понятіе относительно предмета, о которомъ съ такою компетентностію трактуетъ въ своемъ новомъ изслѣдованіи, и разграничить мистику, какъ извѣстное антицерковное и антиправославное направленіе религіозной мысли, главнымъ пропаторомъ котораго у насъ былъ извѣстный Лабзинъ, отъ направленія пожалуй однороднаго съ нею по предмету, но существенно отъ нея разнящагося своимъ содержаніемъ и характеромъ. Христіанство, какъ извѣстно, даетъ человѣку не одно теоретическое ученіе, представляющее рядъ догматовъ о Богѣ, единомъ по существу и троичномъ въ Лицахъ, о твореніи, о первородномъ грѣхѣ, о Промыслѣ, объ искупленіи и т. д., но обнимаетъ собою и образъ практической жизни человѣка, его нравственную дѣятельность. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно даетъ не только положительныя нравственныя правила и заповѣди, основанныя на богооткровенномъ ученіи, но и болѣе или менѣе подробно мотивируетъ эти правила, находя основанія для нихъ не только въ богооткровенномъ ученіи; но и въ свойствахъ человѣческой природы. Христіанскіе мыслители, вникая въ свойства этой послѣдней, изучая законы психической жизни, старались указать частныя способы осуществленія нравственныхъ требованій богооткровеннаго закона—въ жизни человѣка-христіанина. Такъ возникла христіанская этика, одна изъ отраслей религіозной науки. Независимо отъ нея, или лучше, на ряду и въ связи съ нею, вникая въ тайники души человѣческой, путемъ самонаблюденія и опыта изучивъ сокровенныя законы и разнообразныя процессы и отправленія духовной жизни, св. отцы церкви выработали цѣлую систему христіанской аскетики, указывающей разнообразныя способы постиженія религіозной истины и приближенія человѣка, созданнаго по образу и подобию Божію, къ своему Первообразу. Изъ святоотескихъ трудовъ этого рода образовалась цѣлая литература, представляющая замѣчательно-подробную разработку вопросовъ нравственной-духовной жизни человѣка-христіанина или такъ называемаго умнаго или духовнаго дѣланія. Не все, что мы находимъ въ этихъ твореніяхъ, санкціонировано авторитетомъ Церкви: многія изъ сужденій св. отцовъ, нашедшихъ мѣсто въ этихъ твореніяхъ, относятся все-

цѣло къ области такъ называемыхъ частныхъ мнѣній св. отцовъ. Но при всемъ разнообразіи сужденій и понятій, о способахъ личнаго нравственнаго усовершенія чловѣка и борьбы со грѣхомъ и т. п. предметахъ, одно неотъемлемое свойство оставалось всегда характеристическою особенностію сужденій св. отцовъ: это полная неприкосновенность съ ихъ стороны богооткровенно-символическаго, догматическаго-положительнаго ученія Церкви, и—еще больше—большая или меньшая степень соответствія или согласія ихъ изслѣдованій въ области нравственной жизни чловѣка-христіанина съ этимъ ученіемъ. Трактующа о предметахъ и вопросахъ, непредусмотрѣнныхъ и непредрѣшенныхъ символическимъ ученіемъ, они никогда не думали становиться въ противорѣчіе съ тѣми положеніями, какія давала догматика. Таковы разсужденія не только указываемыхъ г. Галаховымъ отцовъ церкви и церковныхъ писателей, но также Макарія Египетскаго, Аввы Дороея, Исидора Пелусіота, и множества другихъ. Не таковы отношенія къ авторитету и символическому ученію церкви—мистики, которая, возникнувъ на почвѣ противокатолическихъ движеній въ Германіи задолго до реформации (Эккардтъ и Таулеръ), отрицаніе церковнаго авторитета и отверженіе церковныхъ установленій поставила основнымъ принципомъ и исходнымъ пунктомъ своего ученія. Внутреннее озареніе она не только ставитъ выше св. писанія, но и прямо противопоставляетъ ему. Лабзинъ прямо говоритъ: «Сынъ Божій ко всѣмъ взываетъ: придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я упокою васъ, а о ходатайствѣ (въ смыслѣ посредничества Бога-Искупителя) ничемъ и ни о какомъ не упоминаетъ, ибо ходатайство это чловѣческимъ разумомъ выдуманно». Мы спрашиваемъ: что общаго имѣетъ приводимое на ряду съ этими словами Лабзина слѣдующее мѣсто изъ Симсона, новаго Богослова: «Цѣль воплощенія Бога-Слова та, чтобы Онъ, принявъ на себя наше, сообщилъ намъ Свое, — Сынъ Божій для того сдѣлался сыномъ чловѣческимъ, чтобы насъ сдѣлать сынами Божиими, чтобы возвести родъ нашъ въ то достоинство по благодати, въ которомъ Онъ — по естеству». Или — слова одной статьи Христ. Чтенія: »Христіанство есть единая религія, равняющаяся міру своею древностію, такъ какъ по намѣренію Божию іудейство есть нѣчто посредствующее» и проч. (стр. 99), — слова, почти буквально встрѣчающіяся у отцовъ церкви и церковныхъ писателей, напримѣръ у Климента Александрійскаго? Извѣстное сочиненіе Станевича: «Бесѣда на гробѣ младенца» довольно вѣрно характеризуетъ мистику по отношенію къ церковному ученію. когда говоритъ:

«на землѣ ни церковь безъ вѣры, ни вѣра безъ церкви стоять не могутъ. Отдѣляющій вѣру отъ церкви можетъ имѣть вѣру, но не вѣру Христову. Сказано: и бѣси вѣру имутъ (Іак. II, 19) — только они вѣрують по своему. Хотѣть обрѣсти Спасителя внѣ церкви видимоу есть отвергнуться его безвозвратно».

1875.

О ЗНАЧЕНИИ ХОМЯКОВА ВЪ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БОГОСЛОВІЯ.

Царствованіе Александра Благословеннаго, столѣтнюю годовщину котораго недавно праздновала Россія, ознаменованное столь многочисленными политическими событіями не только русскаго общегосударственнаго, но и общеміроваго значенія, отмѣчено также нѣсколькими крупными фактами въ исторіи развитія русской мысли. Въ эту знаменательную эпоху между прочимъ началась открытая борьба двухъ направленій въ русской наукѣ и въ литературѣ, получившихъ нѣсколько позже названіе западничества и славянофильства: разумѣемъ литературную борьбу двухъ знаменитыхъ дѣятелей эпохи Александра I: А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина. Борьба эта, имѣющая значеніе одного изъ наиболѣе крупныхъ фактовъ въ исторіи русскаго языка и литературы, не имѣла-бы можетъ быть спеціальнаго интереса для нашей духовной школы и науки, если-бы, начавшись въ эпоху Александра I и продолжаясь болѣе пятидесяти лѣтъ, даже до нашихъ дней, она съ почвы исключительно филологической и литературной не перешла на почву вопросовъ общей культуры, гдѣ осложнилась привнесениемъ въ число предметовъ спора между прочимъ новаго элемента, именно элемента религіознаго — вѣроисповѣднаго, причомъ былъ поставленъ вопросъ о значеніи православія, какъ одного изъ культурныхъ отличій славянской расы вообще и русской народности въ частности. Не довольствуясь разсужденіями о значеніи православія въ этомъ отношеніи, нѣкоторые изъ славянофиловъ отъ занятія философіей и соціологіей обратились къ изученію богословія и оставили послѣ себя нѣсколько богословскихъ сочиненій, о значеніи и степени достоинства которыхъ вполне умѣстно разсуждать въ органѣ академической науки, — умѣстно тѣмъ болѣе, что значеніе это до сихъ поръ служить предметомъ разногласія, мало того — предметомъ несправедливыхъ нападеній и нареканій. Читатель догадывается, что мы гово-

римъ о Хомяковѣ и его знаменитыхъ брошюрахъ. Мы думаемъ съ своей стороны заплатить дань эпохѣ Александра I, памяти первоначальнаго славянофильства, поставивъ и по силамъ рѣшивъ въ настоящий разъ вопросъ о томъ, что-же такое наконецъ былъ Хомяковъ по отношенію къ отечественному богословію, и какъ должно вообще смотрѣть на отношенія такъ называемаго славянофильства вообще къ русской духовной наукѣ и школѣ?

Кто такой въ самомъ дѣлѣ былъ Хомяковъ?—«Отставной гусарскій штабъ-ротмистръ, возведенный славянофилами въ отцы церкви», отвѣчаетъ на этотъ вопросъ «Вѣстникъ Европы» (Октябрь 1877 г. стр. 897).

А давно-ли одинъ изъ корифеевъ на Руси того направленія, котораго главнымъ представителемъ у насъ теперь служить «Вѣстникъ Европы», Грановскій, говорилъ о Хомяковѣ и его школѣ: «я отъ всей души уважаю этихъ людей, не смотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій; въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я не видалъ еще ни въ комъ». Самъ Герценъ, если вѣрить г. Пыпину, называлъ Хомякова «удивительнымъ чело-вѣкомъ» (см. жизнь и переписка Бѣлинскаго, т. II, стр. 180), конечно не въ дурномъ смыслѣ этого слова. Такъ говорили западники о славянофилахъ въ то время, когда борьба между двумя направленіями была въ полномъ разгарѣ, когда противники стояло другъ противъ друга лицомъ къ лицу, когда слѣдовательно до нѣкоторой степени извинительно было бы тѣмъ и другимъ обнаружить пристрастіе и предубѣжденіе относительно другъ друга. Теперь когда пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ покойный мыслитель-славянофилъ спитъ «сномъ непробуднымъ» на кладбищѣ Даниловскаго монастыря въ Москвѣ, когда необузданное западничество, устами Добролюбова и Писарева, успѣло достаточно насмѣяться надъ его идеями и ученіемъ (имѣемъ въ виду статьи: «Московское словенство» — въ «Современникѣ» и «русскій Донъ-Кихоть» — кажется въ «Русскомъ Словѣ»), когда, съ другой стороны трудами болѣе беспристрастныхъ изслѣдователей—Вестужева-Рюмина, О. Миллера, Ламанскаго и другихъ выяснены съ достаточною полнотою и признаны почти всѣми громадныя и неоспоримыя заслуги славянофиловъ вообще и въ частности Хомякова для русской науки, равно какъ значеніе ихъ въ исторіи развитія русскаго общественнаго сознанія, теперь, въ тотъ самый моментъ, когда русское общество и русскій народъ съ такимъ энтузіазмомъ устремились, въ слѣдъ за своимъ Государемъ, на служеніе тому самому дѣлу, которое составляетъ въ значительной мѣрѣ

результатъ умственнаго подвига, труда цѣлыхъ жизней, представителей славянофильства и во главѣ ихъ Хомякова, — теперь зачѣмъ понадобилось «Вѣстнику Европы» обозвать Хомякова столь обиднымъ въ глазахъ почтеннаго журнала прозвищемъ: «отставнаго штабъ-ротмистра?»

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ въ виду защищать славянофильство вообще и Хомякова въ частности отъ навѣтовъ и превратныхъ толкованій «Вѣстника Европы». Но мы хотимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній — не для «Вѣстника Европы» («одебелѣ бо сердце людей сихъ и ушима своима тяжко слышать»), а для православныхъ нашихъ читателей о дѣйствительномъ значеніи для православнаго богословія Хомякова, котораго покойный Ю. Ѡ. Самаринъ, гиперболически выражаясь, а отнюдь не въ терминологическомъ значеніи слова, назвалъ *отцемъ церкви*. На этотъ разъ мы будемъ кратки, не будемъ излагать самыхъ возрѣній знаменитаго писателя на тѣ или другіе предметы изъ области богословскаго знанія, что уже сдѣлано нами въ рядѣ статей подъ заглавіемъ: «Новый методъ въ богословіи» (см. «Христіанское чтеніе» 1869—1870 гг.), а скажемъ именно о *значеніи* извѣстныхъ его брошюръ по отношенію къ богословской наукѣ.

Не только въ обществѣ, но и въ печати высказывались иногда сужденія о Хомяковѣ такого рода, что это — писатель не строгоправославнаго направленія, что въ его сужденіяхъ есть не мало ошибочнаго и погрѣшительнаго. Что въ сочиненіяхъ Хомякова не содержится мыслей прямо — неправославныхъ, за это отчасти ручается уже то внѣшнее обстоятельство, что всѣ они напечатаны въ одномъ изъ духовныхъ нашихъ журналовъ съ разрѣшенія духовной цензуры. Но мы думаемъ, что идеи Хомякова не только безупречны съ точки зрѣнія православнаго символическаго ученія, но и прямо соотвѣтствуютъ ему, выражая его истинный смыслъ по отношенію къ современнымъ запросамъ критической и отрицательной мысли рационалистической науки. Въ виду накопившихся новыхъ вопросовъ богословской мысли, непредусмотрѣнныхъ и потому непредрѣшенныхъ нашими символическими вѣроопредѣленіями, Хомяковъ изучилъ православное ученіе по его первоисточникамъ — священному Писанію и святоотеческимъ твореніямъ, изучилъ, по нашему мнѣнію, такъ глубоко, полно и цѣлостно, какъ дай Богъ всякому богослову по профессіи. Всѣ его идеи или вполне тождественны съ символическимъ ученіемъ Церкви и съ идеями, изложенными въ сочиненіяхъ, получившихъ классически-авторитетное значеніе въ нашей литературѣ и школѣ — въ томъ случаѣ,

когда онъ трактуеть о предметахъ, затрогиваемыхъ въ символическихъ книгахъ и классическихъ сочиненіяхъ по богословію, или же— по меньшей мѣрѣ— не содержатъ противорѣчія имъ, когда Хомяковъ касается вопросовъ, дотогѣ не предусмотрѣнныхъ и непредрѣшенныхъ, поставленныхъ на очередь позднѣйшей современной полемикой противъ православія со стороны католичества и протестантства, а также рационалистической отрицательной критики.

Обвинять Хомякова въ протестантскомъ рационализмѣ или мистицизмѣ, какъ это у насъ дѣлають иногда, значитъ, по нашему мнѣнію, не имѣя не только яснаго, но и никакого понятія о богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова, преднамѣренно клеветать на знаменитаго мыслителя, преданность котораго православію всецѣлая и, что конечно гораздо важнѣе, замѣчательно—разумная, должна стоять выше всякаго сомнѣнія, и составлять съ его стороны — въ виду отношеній къ нему тогдашнихъ литературныхъ партій и современныхъ намъ нападеній на него тѣхъ людей, по взгляду которыхъ религіозное вѣрованіе есть міросозерцаніе народовъ младенчествующихъ, переходный моментъ въ исторіи человѣческаго развитія,—замѣчательный подвигъ самоотверженія, оцѣненный по достоинству далеко не всѣми даже изъ его почитателей. Ему принадлежитъ лишь *новый методъ* постановки и рѣшенія вопросовъ¹⁾. Отрицаніе этого метода, по нашему мнѣнію, равносильно съ одной стороны отрицанію научнаго элемента въ области Богословія, съ другой—цѣлесообразной, соотвѣтственной нуждамъ времени, апологетики христіанства вообще и православія противъ католичества и протестантства въ частности. Что особенно дорога для православнаго богослова въ сочиненіяхъ Хомякова—эти тѣ отношенія, въ какихъ находится его богословствованіе къ ученію св.

¹⁾ Говоря такимъ образомъ, мы руководимся тѣмъ соображеніемъ, что брошюры Хомякова явились въ печати гораздо раньше, чѣмъ знаменитыя лекція по Богословію преосвященнаго Иннокентія херсонскаго, въ свое время еще болѣе чѣмъ брошюры Хомякова заподозрѣвавшіяся въ неологизмъ; лекція по умозрительному Богословію Ф. А. Голубинскаго, лекція Ф. Ф. Сидонскаго и преосвященнаго Іоанна Смоленскаго, напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи», и нѣсколько другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудовъ по Богословію догматическому и нравственному, написанныхъ въ томъ же наравленіи въ какомъ писалъ Хомяковъ, появились въ свѣтъ также позже брошюры Хомякова «Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка» («о конечныхъ причинахъ») — сочиненіе, обратившее въ свое время — въ пятидесятыхъ годахъ — на себя общее вниманіе, хотя появилось въ свѣтъ и прежде брошюры Хомякова, но, кажется, не было ему извѣстно; по крайней мѣрѣ мы не находимъ у него цитатъ изъ этого превосходнаго апологетическаго труда, можетъ быть впрочемъ и потому, что оно относится не къ той отрасли Богословія, къ которой принадлежатъ брошюры Хомякова.

отцовъ и учителей Церкви классическихъ вѣковъ христіанства, тѣхъ вѣковъ, когда этими лучшими въ христіанствѣ представителями классической учености и образованности выработана была полная и стройная система христіанскаго міровоззрѣнія, составляющая первоисточникъ православнаго богословія, какъ науки. Изучивъ съ изумительною основательностію и глубиною западную богословскую науку, преимущественно рационалистическую, онъ вопреки обвиненіямъ, которыя слышатся противъ него, не захотѣлъ стать къ ней въ рабскія отношенія, и съ замѣчательнымъ для человѣка свѣтскаго образованія чутьемъ съумѣлъ угадать въ литературѣ святоотеческихъ твореній свѣточъ на пути къ религіозной истинѣ, и изъ непосредственнаго изученія этихъ твореній извлечь такой громадный запасъ оружія для своей, сколько оригинальной, столько же блестящей апологіи православія. Непосредственное, глубокое и цѣлостное изученіе твореній святоотеческихъ дало отставному штабъ-ротмистру знаніе богословія, поистинѣ изумительное въ человѣкѣ свѣтскаго образованія: оно дало ему возможность проникнуть въ самый процессъ созиданія христіанскаго міровоззрѣнія, сроднило духъ его съ міромъ идей, надъ разработкою которыхъ съ такимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ трудились отцы Церкви; изучая эти творенія, онъ, можетъ быть безотчетно, тѣмъ не менѣе неотразимо и всецѣло проникся этимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ, этою свѣжестію и непосредственностію христіанской мысли и христіанскаго чувства; путемъ непосредственнаго приникновенія въ этотъ родникъ христіанскаго творчества христіанскія идеи такъ сказать ассимилировались въ отправленіяхъ его мысли и сдѣлались неотъемлемымъ ея достояніемъ: результатъ всего этого и представляютъ его богословскія сочиненія. Кто сколько-нибудь внимательно изучалъ сочиненія Хомякова въ параллель съ твореніями св. Афанасія, Василія Великаго, двухъ Григоріевъ, Назіанзена и Нисскаго, тотъ не могъ не убѣдиться въ справедливости сейчасъ сказаннаго, не могъ не поражаться изумительнымъ сходствомъ между тѣми и другими въ духѣ и тонѣ рѣчи, въ складѣ мысли, въ постановкѣ вопросовъ и способахъ ихъ рѣшенія. Самая эта смѣлость въ постановкѣ проблемъ христіанской догматики и въ своеобразномъ ихъ рѣшеніи—это черта поистинѣ святоотеческая (припомните богословствованіе св. Григорія Назіанзена). Но на ряду съ этой смѣлостію, ему, какъ и Григорію Богослову, присуще трогательное благочестіе, то смиренномудренное благоговѣніе къ предмету мышленія, которое показываетъ, что этотъ «свободный мыслитель» всѣмъ существомъ своимъ вѣруеть въ Откровеніе Божественное, всецѣло преданъ дѣлу православія, что, слу-

жа этому дѣлу, онъ хочетъ и надѣется доказать свою преданность ему не одною дѣтски-безотчетною покорностію, но и своею могучею мыслию, сильною доказать самостоятельность своего исповѣданія не только для себя лично, но и въ виду самыхъ скептическихъ запросовъ отрицанія, являющагося во всеоружіи науки. Здѣсь беретъ свое начало та апостольская, непрестающая болѣзнь сердца, какую возбуждаетъ въ нашемъ богословѣ видъ религіозной розни, а также его изумительная изобрѣтательность и находчивость, цѣпкость мысли и рѣдкое чутье истины въ рѣшеніи сложныхъ хитросплетеній рационалистической полемики папистовъ и протестантовъ.

Всего менѣе справедливо обвинять Хомякова въ мистицизмъ, въ смыслѣ извѣстнаго односторонняго направленія западной религіозной мысли. Читая разсужденія Хомякова о значеніи нравственной чистоты и вообще нравственнаго элемента въ ряду способовъ постиженія и усвоенія богооткровенной истины, о христіанской любви, какъ руководящемъ и заправляющемъ началѣ лично-религіозной и церковно-общественной жизни христіанина, о внутреннихъ психическихъ процессахъ, переживаемыхъ имъ на пути личнаго духовнаго усовершенствованія, или — эту превосходную интерпретацію богослужебнаго возгласа: «возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы Отца и Сына и Св. Духа», легко убѣждаешься, что это не мистицизмъ квакеровъ или методистовъ, не мистицизмъ даже Таулера или Шпенера, а истинно православное пониманіе дѣйствительныхъ основъ внутренней нравственной жизни христіанина, достигнутое чрезъ глубокое и тщательное изученіе богомудрыхъ отцовъ церкви вселенской: св. Макарія Египетскаго, аввы Дороея, Исаака сиріанина, Исидора Пелусіота, Іоанна, писателя лѣтвицы, и другихъ, разъяснявшихъ въ своихъ твореніяхъ такъ называемое въ христіанской аскетикѣ (напримѣръ въ твореніяхъ преподобнаго Нила Сорскаго) ученіе объ «умномъ» или «духовномъ» дѣланіи». Для того, кто дастъ себѣ трудъ изучить сочиненія Хомякова въ параллель съ твореніями этихъ отцовъ церкви, по нашему мнѣнію, не останется въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что, говоря такимъ образомъ, указывая на изложенное выше отношеніе Хомякова къ твореніямъ святоотеческимъ, мы отнюдь не думаемъ приравнивать нашего богослов-диллетанта къ отцамъ церкви (этого высокаго и священнаго званія церковь не удостоила пока даже такихъ свѣтилъ своихъ, какъ Платонъ и Филаретъ московскіе, Иннокентій херсонскій и другіе) ни по степени заслуги для церкви, ни по степени авторитета, — мы хотѣли лишь чрезъ сравненіе выяснитъ характеръ богословствованія Хомякова.

Все вышеизложенное мы нашли нужнымъ сказать для того, чтобы показать, почему насъ, какъ, надѣмся, и всякаго православнаго читателя, оскорбляетъ презорливый отзывъ о Хомяковѣ людей, по собственному ихъ признанію, ничего не понимающихъ въ этой области знаній, а также почему мы, съ своей стороны, не можемъ относиться къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова иначе, какъ съ полнымъ и глубокимъ уваженіемъ.

Многихъ смущаетъ, относительно богословскихъ воззрѣній Хомякова, еще то обстоятельство, что содержаніе его сочиненій какъ-то не совпадаетъ съ обычнымъ содержаніемъ нашихъ курсовъ богословія (напримѣръ его полемика противъ католиковъ и протестантовъ—съ содержаніемъ обличительнаго богословія архим. Иннокентія). Но Хомяковъ не былъ богословъ по профессіи, не имѣлъ въ виду цѣлей учебной школьной систематики; онъ вовсе не имѣлъ въ виду проводить параллель по всемъ частнымъ пунктамъ между догматами православія и догматами западныхъ вѣроисповѣданій; его задачей было показать *сущность* православія и его отношеніе къ западнымъ вѣроисповѣданіямъ. То есть—его задача не догматическая, и даже не полемическая въ школьномъ смыслѣ этого слова, а главнымъ образомъ историко-философская. Поэтому ему не было надобности перебирать одинъ за другимъ, въ систематическомъ порядкѣ, пункты ученія трехъ исповѣданій, а нужно было выяснять существенные и отличительные признаки каждаго исповѣданія въ его, такъ сказать, конкретной формѣ, чтобы затѣмъ составить полное и правильное *логическое опредѣленіе* каждаго вѣроисповѣданія. По нашему мнѣнію, помимо и внѣ метода Хомякова рѣшеніе такой задачи, при помощи однихъ наличныхъ средствъ нашей богословской литературы, при всѣхъ ихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, рѣшительно не возможно. Ни символическія наши вѣроизложенія, ни существующая у насъ догматическая литература не предусматриваютъ, а потому и не предрѣшаютъ подобнаго вопроса. Тѣ и другія, насколько касаются полемики, трактуютъ о разностяхъ между исповѣданіями по отношенію лишь къ тѣмъ или другимъ частнымъ пунктамъ догматическаго ученія. Вопросъ о *сущности* вѣроисповѣданія въ первые, если не ошибаемся, поставленъ позднѣйшимъ протестантскимъ богословіемъ, и явился въ немъ какъ результатъ обобщающаго синтетическаго склада и направленія нѣмецкаго ума вообще и, въ частности, какъ результатъ научнаго антисхоластическаго движенія протестантскаго богословія, стремящагося къ сближенію міросозерцанія религіознаго съ міросозерцаціемъ научнымъ, именно съ философіей супранатуралистиче-

ской и идеалистической, если не въ содержаніи, то въ методѣ изслѣдованія. На нашу почву это новое въ богословіи слово—«сущность вѣроисповѣданія» —перенесено Хомяковымъ, отчасти по связи съ общимъ строемъ его міросозерцанія, выработавшагося путемъ философскаго образованія, отчасти въ виду спеціальной задачи его полемическихъ трактатовъ, направленныхъ противъ современнаго протестантскаго и католическаго богословія и требовавшихъ именно такой, а не иной постановки вопроса. Такимъ образомъ только у Хомякова мы находимъ настоящее логическое опредѣленіе православія, равно какъ католичества и протестантства, то есть такое опредѣленіе, которое даетъ намъ не только существенные и положительные признаки предмета, но и его отличительныя черты, дающія читателю понятіе о немъ не только правильное и точное, но вмѣстѣ съ тѣмъ—ясное и подробное.

Особенно оригиналенъ и цѣлесообразенъ въ этомъ смыслѣ тотъ способъ, какого держится Хомяковъ при характеристикѣ католичества и протестантства. Какъ извѣстно, католичество, насколько оно не согласуется съ православіемъ, все основано на неправильномъ пониманіи мѣстъ св. писанія и твореній св. отцовъ церкви, взятыхъ внѣ контекста рѣчи. Въ этомъ смыслѣ полемику съ нимъ можно считать давно оконченною—со временъ Адама Зерникава. Всѣ послѣдующія сочиненія этого рода, составляющія громадную по объему литературу, были ни чѣмъ инымъ, какъ повтореніями стараго. Задача современной полемики противъ католичества, равно какъ и протестантства—не противопоставленіе однихъ мѣстъ св. писанія и святоотеческихъ твореній другимъ, а выясненіе нашимъ заблуждающимся западнымъ братьямъ того пути, какимъ они дошли, помимо личнаго произвола тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ историческихъ личностей, до своего заблужденія, въ силу неотразимыхъ законовъ исторіи. Это и дѣлаетъ Хомяковъ при помощи историко-сравнительнаго метода, имѣющаго нынѣ въ наукѣ всерѣшающее значеніе, и еще—такъ называемаго ученія о культурно историческихъ типахъ. При такой постановкѣ вопроса, католичество и протестантство, какъ заблужденія, являются не какъ дѣло отдѣльныхъ историческихъ личностей, а какъ историческія явленія, составляющія продуктъ цѣлаго строя историческихъ условий и — особаго склада духовныхъ силъ народовъ латинской и нѣмецкой расы. Вмѣстѣ съ тѣмъ вниманію изслѣдователя самое ученіе того или другаго вѣроисповѣданія представляется не въ отрывочныхъ пунктахъ, а въ цѣльномъ конкретномъ образѣ исторически развившагося факта, о которомъ можно составить одно цѣльное

и полное представлѣніе, легко поддающееся логическому опредѣленію. Ведя дѣло такимъ порядкомъ, Хомяковъ вводитъ читателя его сочиненій въ пониманіе внутреннихъ и существенныхъ особенностей каждаго вѣрсповѣданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ съ духомъ и сущностію православія.

Наконецъ указываютъ на нѣкоторыя отдѣльныя выраженія и мѣста въ сочиненіяхъ Хомякова, будто бы не православныя, напримѣръ на его мысли о значеніи обряда, на его мысль о томъ, что богооткровенное ученіе не можетъ быть предметомъ одного логическаго изслѣдованія, что при изученіи божественнаго откровенія потребно участіе другихъ силъ души, напримѣръ благонастроеннаго чувства нравственнаго, — мысль о томъ, что значеніе богословскаго изслѣдованія для церкви опредѣляется не научными его достоинствами, а вѣрностію духу церкви и пр. Съ своей стороны признать эти и многія подобныя сужденія Хомякова неправославными мы рѣшительно затрудняемся. Такихъ своеобразныхъ сужденій, имѣющихъ значеніе единственно личныхъ мнѣній, не санкціонированныхъ авторитетомъ церкви, но и не отвергнутыхъ ею въ христіанской литературѣ появлялось множество всякій разъ, когда болѣе или менѣе подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ возбуждалась съ особенною силою религіозная мысль въ христіанскомъ обществѣ. Таковы многочисленныя такъ называемыя частныя мнѣнія въ твореніяхъ св. отцевъ церкви, высказанныя ими по поводу разныхъ ересей; таковы въ нашей русской духовной литературѣ многія сужденія преп. Іосифа Волоцкаго (въ «Просвѣтителѣ»), мысли «Апокрисиса» Христофора Филарета и другихъ противопапистическихъ и* противоуніатскихъ сочиненій, мысли въ духовной русской литературѣ временъ братьевъ Лихудовъ (по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ Евхаристіи), таковы, наконецъ, многія догматическія сужденія въ проповѣдяхъ митрополитовъ Платона и Филарета. Подобныя мысли, по нашему мнѣнію, и составляютъ область богословія, какъ науки. Отрицать возможность и законность появленія подобныхъ своеобразныхъ сужденій о предметахъ, не предусмотрѣнныхъ и не предрѣшенныхъ ни символическими вѣроизложеніями, ни наличною литературою авторитетныхъ сочиненій частныхъ богослововъ по профессіи — значитъ въ самомъ принципѣ отрицать возможность поступательнаго движенія религіозной мысли или—что тоже—богословской науки.

Мы считаемъ себя въ правѣ въ настоящемъ случаѣ войти въ разсмотрѣніе, или по крайней мѣрѣ отчасти коснуться и тѣхъ пунктовъ славянофильскаго ученія, которые не имѣютъ непосредственнаго

отношенія къ ученію религіозному. Намъ кажется совершенно непонятнымъ, почему почтенный «Вѣстникъ Европы» такъ постоянно и такъ упорно нападаетъ на литературную школу¹⁾, столь намъ симпатичную, столь родственную духовной школѣ. Вѣдь славянофильство, какъ уже не разъ было сказано и доказано, плоть отъ плоти и кость отъ костей западничества. Какъ теоретическая доктрина, окончательно формулированная у насъ во второй четверти настоящаго столѣтія, она—такое же дѣтище западной философіи первой четверти настоящаго столѣтія, какъ и само западничество.

Гегелизмъ—общій источникъ какъ славянофильства, такъ и западничества. Западники, слѣдуя Гегелю, говорятъ, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго, форма, въ которую влагается общая идея человѣчества. Форма эта вырабатывается исторією, природою, дается намъ помимо нашего сознанія и какихъ-либо стремленій, подобно тому, какъ и личная наша фізіономія; поэтому мы не только не имѣемъ надобности стремиться къ народности, напротивъ, намъ трудно отрѣшиться отъ нея, если бы мы и захотѣли. Стремиться къ народности значитъ стремиться къ формѣ, не заботясь о содержаніи ея, тогда какъ главное наше стремленіе

¹⁾ Въ настоящее время, впрочемъ, школа эта сократилась до послѣдняго минимума и не имѣетъ ни одного самостоятельнаго журнальнаго органа. Въ самое послѣднее время славянофильство понесло двѣ тяжкихъ утраты. Въ то самое время, какъ мы пишемъ эти строки, въ Москвѣ хоронятъ Ѳ. В. Чижова, а въ Петербургѣ—А. Н. Попова. Первый извѣстенъ своимъ горячимъ и дѣятельнымъ участіемъ въ изданіи московскихъ славянофильскихъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ имъ не мало напечатано статей по финансовымъ вопросамъ, составлявшимъ его спеціальность. Второй былъ ближайшимъ ученикомъ А. С. Хомякова, выросъ и воспитывался подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ, отчасти въ его домѣ. Мы знали покойнаго лично, и то время, какое мы провели въ его обществѣ, останется для насъ навсегда памятнымъ. Мы можемъ сказать, что духъ его наставника опочилъ на ученикѣ—духъ любви къ научнымъ изысканіямъ, къ интеллектуальной работѣ и къ отвлеченнымъ, иногда философскимъ разсужденіямъ. Каждый разъ, какъ намъ случалось посѣщать его, мы заставляли его за научной работой (хотя это было большею частію во дни, имъ самимъ назначенные), обложеннаго книгами и рукописями. Огрываясь отъ этой работы, радушный хозяинъ весьма охотно, даже съ горячностью, предавался разсужденіямъ о вопросахъ не столько современной жизни, сколько—теоретическихъ, научныхъ, между прочимъ—богословскихъ. И это не было лишь дѣломъ простой любезности со стороны хозяина къ чуждѣму духовнаго образованія, но, какъ мы убѣждены, было дѣломъ внутренней потребности ученика Хомякова, унаслѣдовавшаго отъ своего наставника любовь къ ученымъ диспутамъ вообще, и въ частности въ области богословія.—Что касается ученыхъ трудовъ А. Н. Попова, то они почти всѣ историческаго содержанія и отличаются строго-объективнымъ направленіемъ. Изъ нихъ намъ извѣстны: «Дѣло Н. И. Новикова и его товарищей», «Послѣдняя судьба папской полтавы»

должно заключаться въ томъ, чтобы вливать въ эту форму общечеловѣческое содержаніе; въ концѣ же концовъ отрѣшаваясь все болѣе и болѣе отъ временныхъ и узкихъ формъ народностей, человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы слиться въ одну общечеловѣческую форму, которая бы носила въ себѣ общечеловѣческое содержаніе. Славянофильство въ своемъ ученіи оперлось на то положеніе Гегелевой философіи, что каждая историческая народность есть носительница своей новой идеи, которую она влагаетъ въ общую сокровищницу развитія человѣчества; изъ этого оно прямо вывело то заключеніе, что увлеченіе идеями и формами жизни другихъ національностей и не цѣлесообразно и бесполезно, даже вредно, такъ какъ оно отвлекаетъ народъ отъ развитія тѣхъ началъ и той идеи, которыя онъ обязанъ внести самъ въ развитіе человѣчества, чтобы имѣть право на то или другое мѣсто въ исторіи культурныхъ народовъ; поэтому мы должны, говорили славянофилы, не то, чтобы безусловно отречься отъ всякой солидарности съ западной цивилизаціей или игнорировать ее, но относиться къ ней критически, пользуясь ею лишь настолько, насколько она отвѣчаетъ характеру и органическимъ потребностямъ нашей народности, и во всякомъ случаѣ не увлекаться западными идеями до того, чтобы забыть о собственной спеціальной

въ Россіи», «Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина», разборъ сочиненія священника М. Я. Морочкина «іезуиты въ Россіи», составленный по порученію императорской Академіи Наукъ и напечатанный въ ея «запискахъ». Первые два изслѣдованія были напечатаны, если не ошибаемся, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», о Стенькѣ Разинѣ — въ «Русской Бесѣдѣ». Въ перечнѣ сочиненій А. Н. Попова, напечатанномъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, между прочимъ — въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», ему приписываются, кромѣ исчисленныхъ, нѣкоторыя сочиненія, ему не принадлежащія, именно: «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» (М. 1869) сочиненіе г. *Андрея* Попова, московскаго писателя; «Придворные проповѣдники въ царствованіе Елизаветы Петровны» — сочиненіе *Нила* Попова (профессора московскаго университета, извѣстнаго слависта), напечатанное въ «Лѣтописяхъ русской литературы», издававшихся нѣкогда Н. С. Тихонравовымъ. Последній обширный трудъ его, оставшійся неоконченнымъ, «Отечественная война 1812 года», печатался по частямъ въ «Русской Старинѣ» и «Русскомъ Архивѣ»: въ немъ авторъ собралъ много новыхъ фактовъ и далъ новое освѣщеніе извѣстнымъ прежде, по сочиненіямъ Данилевскаго и Богдановича. Этотъ послѣдній трудъ, какъ намъ положительно извѣстно, явился такъ сказать эпизодически, какъ результатъ занятій автора біографіей знаменитаго московскаго главнокомандующаго въ эпоху 1812 года, *Θ. В. Ростоичина*. Еще въ 1875 году покойный показывалъ намъ обширный рукописный томъ этой біографіи, совершенно приготовленный къ печати. Онъ показывалъ намъ и отчасти прочитывалъ цѣлую массу писемъ къ нему *Хомякова*, о необходимости изданія въ свѣтъ которыхъ говорилъ А. Н.—чу еще покойный *Гильфердингъ*, когда издавалъ «Записки Хомякова по всеобщей исторіи». Нужно желать, чтобы какъ біографія *Ростоичина*, такъ и письма *Хомякова* не остались не напечатанными.

исторической миссии, которая состоитъ въ выработкѣ собственныхъ народныхъ началъ, которыя мы готовимся, какъ народъ историческій, внести въ общую сокровищницу общечеловѣческой цивилизаціи ¹⁾).

Такова первоначальная, чисто-трансцендентальная, апіорическая схема славянофильской теоріи въ ея такъ сказать зародышномъ состояніи. За нею слѣдовали спеціальныя разсужденія о необходимости національнаго самосознанія, не рабскаго, а сознательнаго критическаго отношенія къ западу, о томъ, въ какой мѣрѣ славянское племя составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, о томъ, что при смѣнѣ историческихъ генерацій въ челоуѣчествѣ славянству предстоитъ видная историческая будущность, что въ суммѣ культурныхъ отличій славянскаго племени самый существенный ингредиентъ составляетъ Православіе, что славянское племя призвано быть носителемъ православной христіанской идеи, что православіе лежитъ въ основѣ славянской цивилизаціи, какъ латинство—въ основѣ западной цивилизаціи, германо—романской, и проч. и проч. Первоначальная трансцендентальная теорія нашла себѣ фактическое подтвержденіе и оправданіе въ дальнѣйшемъ развитіи славянофильства, когда оно отъ апіорическихъ построеній обратилось къ фактическому изученію славянскаго міра вообще и въ частности древне-русской исторіи и современной жизни русскаго народа, его бытовыхъ памятниковъ, произведеній народной русской словесности. Результаты этихъ работъ для русской науки слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Не только писатели, примыкающіе если не всецѣло, то нѣкоторыми сторонами своихъ доктринъ, къ славянофильству, каковы вообще наши слависты, но и самъ г. Пыпинъ недавно, въ цѣломъ рядѣ статей, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», признали эти результаты въ той или другой степени, прямо или косвенно. Изъ-за чего же доселѣ продолжается столь ожесточенная полемика противъ славянофильства?

«Московской теоріи не нравится западная цивилизація», утверждаетъ «Вѣстникъ Европы» (октябрь стр. 898). Эта фраза весьма знаменательна въ устахъ «Вѣстника Европы»: въ ней прекрасно резюмировано все пониманіе современными нашими западниками

¹⁾ Болѣе подробное, хотя нѣсколько одностороннее и не совсѣмъ правильное по отношенію къ славянофильству, раскрытіе этихъ понятій объ отношеніи западничества и славянофильства къ теоріи Гегеля, см. въ весьма дѣльной статьѣ г. Скабичевскаго «Живая струя» въ Отечеств. Запискахъ за 1868 г., апрѣль.

славянофильства и источникъ именно такихъ, а не иныхъ ихъ отношеній къ нему. «Московской теоріи *не нравится* западная цивилизація», т. е. по мнѣнію «Вѣстника Европы» славянофильство — не научная теорія, а *инстинктъ*, безотчетное чувство отвращенія ко всему чужеземному. Такого несправедливаго и, можно сказать, невѣжественнаго отношенія къ славянофильству мы, признаемся, никакъ не ожидали отъ просвѣщеннаго «Вѣстника Европы».

Почтенному журналу, претендующему быть по преимуществу журналомъ историческимъ, должно быть извѣстно, что всегда и вездѣ, у всѣхъ народовъ историческая жизнь развивается чрезъ борьбу двухъ направленій — консервативнаго и прогрессивнаго, до тѣхъ поръ, пока народъ не разовьется до полной зрѣлости своихъ духовныхъ силъ и до полного самосознанія. Въ самую начальную эпоху своей исторической жизни каждый народъ, имѣющій стремленіе занять то или другое мѣсто въ семьѣ народовъ культурныхъ, обнаруживаетъ сознаніе своей интеллектуальной несостоятельности, наклонность къ заимствованіямъ у своихъ сосѣдей, къ подражательности. Это — первый шагъ народа на пути прогресса. Но одновременно съ этими прогрессивными стремленіями, принадлежащими обыкновенно лучшимъ, передовымъ людямъ страны, ея интеллигенціи, живетъ въ народѣ элементъ консервативный; это та часть народа и общества, которая упорно стоитъ за старину, настойчиво отрицаетъ всякую новизну, всякую подражательность. Эта борьба тянется чрезъ весь подражательный періодъ исторіи, который большею частію бываетъ весьма продолжителенъ. Такимъ образомъ и въ русской исторіи, за долго до появленія западничества и славянофильства въ ихъ современномъ смыслѣ, западничества Чаадаева, Грановскаго и другихъ, славянофильства Кирѣевскаго, Хомякова, Валуева, Аксаковыхъ и пр. искони существовали своего рода западники и славянофилы, если разумѣть подъ западничествомъ стремленіе къ заимствованіямъ, къ подражанію Западу, а подъ славянофильствомъ — упорное отстаиваніе родной старины въ ея *status quo*, и отчужденіе отъ всего чужеземнаго. Въ этомъ смыслѣ западниками были Владиміръ Святой, Ярославъ Мудрый, Іоаннъ III, Годуновъ, Лжедимитрій, Котошихинъ и Матвѣевъ, Петръ Великій съ его «птенцами», Кантемиръ и Ломоносовъ, Карамзинъ. Славянофильствовала въ этомъ смыслѣ вся масса русскаго народа (особенно старообрядство), выставявшая изъ среды общества иногда интеллигентныхъ и сознательныхъ бойцовъ за свое направленіе, каковы напримѣръ были фонъ-Визинъ и Шишковъ, а еще

раньше—патріархъ Адріанъ, Стефанъ Яворскій и другіе члены партіи царевича Алексѣя Петровича.

Нужно ли доказывать «Вѣстнику Европы», что не эти направленія слѣдуетъ разумѣть подъ западничествомъ и славянофильствомъ, когда въ настоящее время рѣчь заходитъ о западникахъ и славянофилахъ, не тѣ отношенія къ Западу, какія возникаютъ изъ безотчетнаго чувства и инстинкта, а тѣ, которыя обоснованы на теоретическомъ изученіи науки, на принципахъ соціологіи? Если съ этой точки зрѣнія—соціологической—мы станемъ судить о предметѣ, не переменяются ли роли? Не правильнѣе ли въ этомъ случаѣ будетъ назвать консерватизмомъ и рутиной именно эту слѣбую вѣру въ принципы и традиціи П-тровской эпохи, въ безусловную необходимость пересаживания и въ настоящее время на русскую почву безъ разбора всего, что производитъ Западъ, чѣмъ—прежніе и теперешніе славянофильскіе толки о національной культурѣ, о національномъ самосознаніи и о прочемъ, — которые, какъ намъ кажется, найдутъ для себя, если поискать, большее или меньшее подтвержденіе и у самихъ западныхъ соціологовъ послѣдняго времени, на примѣръ у Герберта Спенсера?

Что касается упрека, дѣлаемаго «Вѣстникомъ Европы» московской теоріи, въ томъ, будто этой послѣдней «не нравится западная цивилизація», то стоитъ взглянуть на первыя страницы перваго тома сочиненій Хомякова (стр. 1 — 90), гдѣ помѣщены его двѣ статьи, писанныя еще въ 1845 году — «мнѣнія иностранцевъ о Россіи» и «мнѣнія русскихъ объ иностранцахъ», чтобы видѣть до какой степени такое обвиненіе несправедливо. Славянофилы говорили лишь противъ того, что «Россія (тогдашняя Россія—1845 — 50 годовъ) принимаетъ отъ Запада все безъ разбора, «добродушно признавая за просвѣщеніе всякое явленіе западнаго міра, всякую новую систему и новый оттѣнокъ системы, всякую новую моду и оттѣнокъ моды, всякій плодъ досуга нѣмецкихъ философовъ и французскихъ портныхъ, всякое измѣненіе въ мысли или бытѣ, — что при этомъ мы не осмѣлились ни разу хоть вѣжливо, хоть робко, спросить у Запада: все ли то правда, что онъ говорить, все ли то прекрасно, что онъ дѣлаетъ» (См. соч. Хомякова, т. I, стр. 12—14). Но они не отрицали пользы для Россіи дѣйствительныхъ пріобрѣтеній западной культуры—въ области философіи и вообще науки, права, литературы и т. д., т. е. всего того, что составляетъ цивилизацію въ дѣйствительномъ и точномъ смыслѣ слова. Отъ протеста противъ увлеченія

эфемерными явлениями западной жизни до отрицанія западной цивилизаціи цѣлая бездна разстоянія.

Авторъ статьи «наша печать и болгарскія дѣла» заговорилъ о Хомяковѣ по поводу современныхъ отношеній русской печати къ славянскому вопросу. Онъ трактуетъ о желательныхъ, по его воззрѣніямъ, отношеніяхъ русскаго общества и народа, въ особенности русской церкви къ славянамъ, въ сферѣ интеллектуальной вообще и въ частности въ области жизни религіозной и приэтомъ поражаетъ «московскую теорію» этихъ отношеній, которая будто бы понимаетъ солидарность славянъ не иначе, какъ въ видѣ «передѣлки всѣхъ славянъ на московскій образецъ», отношенія Россіи къ славянамъ — не иначе, какъ въ видѣ гегемоніи первой надъ послѣдними; московская «славянская идея» узка и притязательно-эгоистична, не по праву самолюбива; она дѣло лишь досужаго мечтательства. Московская теорія проектируетъ, будто бы, какъ необходимое условіе нашихъ дружественныхъ отношеній къ славянамъ, пропаганду между ними православія, въ чемъ-де высказывается не истинно-христіанская любовь, а лишь «схоластическое или бюрократическое зилотство», и т. д. Авторъ статьи не говоритъ, гдѣ онъ вычиталъ всѣ эти ужасы: пропаганду, зилотство, которыя, будто бы, грозятъ со стороны Россіи славянству, освобождаемому ею въ настоящее время, и кого онъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ въ виду. Сколько намъ извѣстно, не говоря уже о православной церкви въ ея официальномъ представительствѣ и конфессіональныхъ органахъ, даже извѣстные славянофильскіе писатели всего менѣе повинны въ преступленіи, которое „Вѣстникъ Европы“ усиливается звать на ихъ голову. А. С. Хомяковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ такъ много и такъ часто говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ о свободѣ совѣсти и говорятъ съ такою компетентностію, что вся эта реплика «Вѣстника Европы» представляется намъ не чѣмъ инымъ, какъ борьбою съ вѣтранными мельницами.

Заключимъ настоящую нашу замѣтку по поводу сужденій «Вѣстника Европы» о славянофильствѣ, періодически повторяющихся, ниже слѣдующими прекрасными словами Хомякова, сказанными яѣкогда по поводу современныхъ ему отношеній Запада къ Россіи, — словами, которыя какъ нельзя болѣе идутъ къ отношеніямъ современнаго западнячества къ бывшимъ и теперешнимъ славянофиламъ. «По неволѣ спрашиваешь, говоритъ Хомяковъ, на чемъ основана такая злость Запада противъ насъ? Чѣмъ мы ее заслужили? Вспомнимъ, какъ одного мы спасли отъ неизбѣжной гибели, какъ другаго, поработеннаго, подняли, укрѣпили, какъ третьяго, побѣдивъ, спасли отъ

мщеня и т. п. Досада намъ позволительна: но досада скоро смѣняется другимъ, лучшимъ чувствомъ—грустію истинной и сердечной. Въ насъ живетъ желаніе человѣческаго сочувствія, *оъ насъ безпрестанно говоритъ теплое участіе къ судьбѣ нашей иноземной братіи, къ ея страдамыамъ, также какъ и къ ея устыхамъ, къ ея надеждамъ, также какъ и къ ея слави.* И на это сочувствіе, на это дружеское стремленіе мы никогда не находимъ отвѣта: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и безпристрастія. Всегда одинъ отзывъ—насмѣшка и ругательство; всегда одно чувство—смѣшеніе страха съ презрѣніемъ. Не того желалъ бы человекъ отъ человека!» Соч. Хом. т. I, стр. 1—2).

1877. Январь.

НАПРАСНОЕ ОПАСЕНІЕ.

Наша свѣтская печать, въ лицѣ одного изъ наиболѣе солидныхъ своихъ представителей—«Вѣстника Европы», еще разъ возвращается къ обсужденію тѣхъ вопросовъ церковно-религіознаго характера, которые уже неоднократно были затрогиваемы въ ней въ послѣднее время. Обращая вниманіе на то обстоятельство, что въ наши дни такъ называемый церковно-политическій вопросъ—вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви — «пріобрѣлъ во всемъ образованномъ мірѣ такое значеніе, котораго никто не могъ даже и предугадывать въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ», что не только въ Европѣ—въ Пруссіи, Австріи, Испаніи, Франціи, Англіи, Бельгіи, но и въ Америкѣ, на сѣверѣ—въ Соединенныхъ Штатахъ, на югѣ—въ нѣсколькихъ изъ тамошнихъ государствъ, имъ повсемѣстно и почти исключительно въ теченіи послѣднихъ лѣтъ съ необычайною энергіею занимаются и государственныя учрежденія, и печать, почтенный журналъ (см. Вѣстникъ Евр.), апрѣль, 1878 г. внутреннее обозрѣніе, стр. 795—799) приходитъ къ тому заключенію, что и у насъ въ Россіи «чѣмъ болѣе государственною останется наша церковь, тѣмъ неизбежнѣе въ будущемъ Россіи появленіе церковно-политическаго вопроса» въ смыслѣ «разногласія и разъединенія между массами различныхъ религіозныхъ вѣрованій, со стремленіемъ однихъ къ пріобрѣтенію равныхъ правъ, а другихъ — къ удержанію прежняго господства». Мало того, по мнѣнію хроникера, «у насъ есть условія, которыя могутъ придать этому вопросу въ будущности даже болѣе рѣзкости и страстности, чѣмъ онъ имѣетъ на западѣ».

Въ виду такого заявленія, довольно обстоятельно мотивированнаго хроникеромъ «Вѣстника Европы» въ его статьѣ, мы съ своей стороны считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ относительно этого предмета съ точки зрѣнія православнаго богословія, а также съ точки зрѣнія интересовъ православной церкви и православнаго русскаго общества, насколько эти интересы доступны нашему пониманію.

Мы уважаемъ послѣдовательность и вѣрность избранному девизу: она, эта послѣдовательность, съ родни искренности убѣжденій, столь рѣдкой въ настоящее время и слѣдовательно тѣмъ болѣе цѣнной добродѣтели. Признаемся, мы даже были бы не мало изумлены — приятно впрочемъ изумлены — еслибы «Вѣстникъ Европы», при его извѣстномъ направленіи, сталъ разсуждать иначе, нежели какъ онъ разсуждаетъ. Если, какъ думаетъ почтенный журналъ, даже въ вопросахъ религіи не съ востока свѣтъ западу, а съ запада востоку; если не только въ области государственныхъ и общественныхъ учреждений на западѣ—въ его исторіи и въ современномъ строѣ жизни— намъ исключительно нужно искать идеаловъ; если законы историческаго развитія запада и для насъ безусловно неизбѣжные законы, то, само собою понятно, логика требуетъ допустить, что историческое явленіе, съ роковою неизбѣжностію повторявшееся во всѣхъ странахъ запада, столь же неизбѣжно должно постигнуть и наше отечество, и ревностному публицисту «Вѣстника Европы» не остается ничего больше, какъ лишь озаботиться характеристикой тѣхъ формъ, въ какихъ это явленіе должно обнаружиться въ русской жизни. Для послѣдовательнаго доктринаризма въ этомъ случаѣ вполне простительно и «Руси полное незнаніе», не только игнорированіе культурныхъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа или характера его религіозности и устройства его церковнаго быта. На западѣ религія давно уже чѣмъ дальше, тѣмъ все больше утрачиваетъ свой, такъ сказать, прирожденный характеръ—характеръ духовнаго міровозрѣнія, дающаго удовлетвореніе лишь внутреннимъ, нравственнымъ потребностямъ человѣческой природы, и стала одною изъ ординарныхъ функций общественной и политической жизни. Церковь тамъ давно уже перестала быть царствомъ не отъ міра сего и сдѣлалась государствомъ въ государствѣ. Ergo—и на Руси можетъ ли быть иначе, коль скоро она разъ вступила на путь европейскаго прогресса?

Но почтенный журналъ, конечно, позволить намъ смѣть свое сужденіе имѣть относительно обсуживаемаго имъ предмета. Мы съ своей стороны думаемъ, что такъ называемый церковно-политическій вопросъ, по крайней мѣрѣ насколько дѣло касается православной церкви и ея ученія, едва ли когда нибудь можетъ у насъ возникнуть, что ни въ характерѣ православія, какъ теоретическаго религіознаго ученія и вѣроисповѣдной доктрины, ни въ характерѣ нашей церкви и ея учреждений, ни вообще въ строѣ религіозной жизни русскаго народа нѣтъ ни малѣйшихъ задатковъ для возникновенія у насъ этого вопроса, т. е. для какой бы то ни было политической оппозиціи и антагониз-

ма, которые возникли бы на почвѣ ученія церкви и ея учреждений. Мы здѣсь не пишемъ полемическаго трактата и не считаемъ ни своимъ правомъ, ни своею обязанностію входить въ подробную аргументацію нашего положенія: ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

«Церковно-политическій вопросъ» въ томъ видѣ, въ какомъ понимаетъ его почтенный хроникеръ «Вѣстника Европы», до того неожиданъ съ точки зрѣнія православія, что въ нашей богословской конфессіональной литературѣ мы напрасно стали бы искать какихъ либо категорическихъ заявленій относительно этого предмета. Все, что мы находимъ о немъ въ нашей литературѣ — это «Нѣсколько словъ православнаго христіанина» Хомякова, изъ которыхъ мы и позволимъ себѣ привести выдержку, содержащую въ себѣ какъ разъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный хроникеромъ «Вѣстника Европы».

«На западѣ, говоритъ Хомяковъ, религіозныя партіи стараются найти себѣ опору въ союзѣ съ политическими мнѣніями и стремленіями, ища поддержки, болѣе или менѣе надежной, то въ сочувствіи народныхъ массъ, то въ интересахъ престоловъ и привилегированныхъ сословій. Мы видѣли не разъ, какъ та и другая сторона заискиваетъ попеременно благорасположенія міра, выставляя то любовь свою къ порядку, то готовность свою обезпечить свободу, смотря потому, какое начало беретъ верхъ надъ другимъ, и что выгоднѣе: союзъ съ правительствами или союзъ съ народами. Мы видимъ также, какъ онѣ одна подъ другую подкапываются взаимными обвиненіями въ болѣе или менѣе враждебномъ расположеніи къ господствующимъ началамъ, въ надеждѣ воспользоваться минутными увлеченіями или благосклонностью властей. Такъ подстрекательства къ мятежамъ и готовность освящать незаконныя посягательства, вѣнчаемыя успѣхами, ставились въ укоръ романтизму — думаю, впрочемъ, что напрасно. Такъ, съ другой стороны, противники реформы обвиняли ее попеременно то въ аристократизмъ ея стремленій (хотя она господствуетъ въ государствѣ наиболѣе демократическомъ въ мірѣ), то въ революціонномъ радикализмѣ (хотя, какъ замѣтилъ Гизо, протестантскіе народы менѣе другихъ подвергались революціонной заразѣ), то въ трусости предъ государственною властію». «Повторяю: напрашиваясь на союзы съ политическими доктринами и подпираясь страстями, хотя бы самыми законными, религіозныя партіи запада только сами себя роняютъ». «Есть какая-то глубокая фальшь въ союзѣ религіи съ социальными тревоженіями. Стыдно становится за церковь, до того низко упавшую, что уже не совѣстится рекомендовать себя правительствамъ или народамъ, словно наемная дружина, выторговывающая себѣ за усердную службу денежную плату, почтительство, или почетъ».

«Я очень знаю, что церковь любитъ порядокъ и молитъ Бога о дарованіи мира всему міру; знаю, что такъ какъ каждый христіанинъ обязанъ предъ Богомъ дѣятельно заботиться о томъ, чтобы всѣ его братья достигли

возможно высокой степени благосостоянія, то отсюда само собою вытекает и общее стремленіе цѣлыхъ народовъ, озаренныхъ христіанствомъ, доставить всѣмъ сполна ту долю свободы, просвѣщенія и благоденствія, какая доступна обществу и можетъ быть достигнута правдою и любовію; но знаю также, что по отношенію къ церкви это результатъ не прямой, а косвенный, къ которому она должна относиться безразлично, не принимая въ немъ непосредственнаго участія, ибо ея цѣль, та, къ которой она стремится, безконечно выше всякаго земнаго благополучія». «Что богачъ требуетъ себѣ обезпеченій для своихъ устрицъ и трюфелей; что бѣдняку хотѣлось бы, вмѣсто черстватаго хлѣба, нѣскольکو лучшей пищи—все это естественно и даже можетъ быть вполне справедливо въ обоихъ случаяхъ, особенно въ послѣднемъ; но разрѣшеніе этого рода задачъ дѣло разума, а не вѣры. Когда церковь вмѣшивается въ толки о булкахъ и устрицахъ и начинаетъ выставять на показъ большую или меньшую свою способность разрѣшать этого рода вопросы, она теряетъ всякое право на довѣріе людей» (Богосл. сочин. Хомякова, стр. 73—75).

Читатель извинитъ намъ длинноту сдѣланной выписки изъ знаменитаго нашего мыслителя: она такъ мѣтко и вѣрно характеризуетъ православіе и западныя вѣроисповѣданія въ ихъ отношеніяхъ къ жизни политической и соціальной, отрицая правильность самаго термина, избраннаго хроникеромъ для обозначенія трактуемаго имъ предмета; съ точки зрѣнія православія, по Хомякову, «Церковно-политическій» вопросъ не мыслимъ. Къ этому готовому и на нашъ взглядъ вполне компетентному отвѣту на поставленный хроникеромъ вопросъ нѣтъ надобности прибавлять многое. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ первоисточникамъ христіанства и тамъ поищемъ характеризующихъ указаній по этому вопросу, то найдемъ, что разсужденія Хомякова, вызванныя наблюдавшимися имъ явленіями въ западномъ религіозномъ мірѣ, какъ нельзя болѣе соответствуютъ и буквѣ, и духу евангельскаго ученія.

Иисусъ Христосъ не только воспрещалъ своимъ послѣдователямъ всякій открытый насильственный образъ дѣйствій по отношенію къ разномыслящимъ, когда напимѣръ не допустилъ учениковъ своихъ низвести огонь съ неба на нечестивыхъ самарянъ, отказавшихся принять у себя Божественнаго Учителя, или когда, въ минуты предсмертныхъ страданій въ саду Геосиманскомъ, сказалъ Петру, извлекшему ножъ на его защиту: вложи мечъ твой въ ножны; когда Онъ говорилъ, что царство Его не отъ міра сего, не ясно-ли Онъ этими словами показалъ, что церковь — общество вѣрующихъ—по самой природѣ своей не можетъ входить въ союзы съ политическими доктринами и съ соціальными тревоженіями, что она не можетъ благо-

словлять никакого рода общественной и политической агитаціи, даже во имя ея интересовъ? Господь Іисусъ Христосъ не проповѣдывалъ никакой политической доктрины или теоріи общественнаго устройства, Его дѣятельность имѣла своимъ предметомъ лишь духовно-нравственное возрожденіе людей путемъ перевоспитанія понятій и нравственныхъ настроеній человѣка, конечная цѣль котораго—радость и *миръ о Дусъ святъ*, а не измѣненіе внѣшнихъ формъ политическаго быта и гражданскихъ учреждений, не борьба политическихъ и общественныхъ партій. Когда Онъ говорилъ далѣе, что, воздавая Божія Богови, должно въ тоже время воздавать и кесарева кесареви, Онъ не бралъ на себя ручательства за вѣчность римскаго владычества надъ народомъ Божиимъ; точно также, сострадая бѣднымъ и немощнымъ, отнюдь не узаконялъ ни социализма, ни коммунизма, напротивъ былъ въ тоже самое время, какъ говорили о Немъ, другъ мытарямъ, величайшимъ политическимъ грѣшникамъ тогдашняго общества, не потому конечно, чтобы сочувствовалъ угнетенію своего земнаго отечества чужеземцами, а просто потому, что скорбѣлъ о всѣхъ грѣшныхъ и всѣмъ хотѣлъ въ разумъ истины пріити, что вообще сфера его дѣятельности находилась внѣ круга политическихъ и общественныхъ отношеній. Апостоль Павелъ пишетъ Тимоею: молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ. *Молитвы, моленія, прошенія, благодаренія*—таковъ весь итогъ общественной дѣятельности, на которую, въ предѣлахъ своей исключительно духовной юрисдикціи, уполномочиваетъ христіанина церковь.

Такимъ образомъ, если бы возникла у насъ когда нибудь «церковно-политическая борьба», которую предвидитъ почтенный публицистъ «Вѣстника Европы», она возникла бы не на почвѣ церковнаго ученія православія, и напрасно стала бы кто-либо изъ дѣятелей этой борьбы мотивировать свой образъ дѣйствій ученіемъ православной церкви: на этотъ предметъ церковь никому не даетъ никакихъ полномочій.

«Правда», говоритъ еще въ одномъ мѣстѣ своей статьи хроникеръ «Вѣстника Европы», «православная іерархія не заражена тѣмъ стремленіемъ къ властолюбію и не имѣетъ той безпокойной, неутомимой дѣятельности, которая свойственна іерархіи католической; сама подчинена государству, а не стремится, подобно той, подчинить себѣ государство. Но за то у насъ нѣтъ и повода для такихъ стремленій духовенства уже потому, что государство въ дѣйствительности у насъ подчинено церковнымъ воззрѣніямъ и значи-

тельно болѣе, чѣмъ заходятъ на этомъ пути самыя крайнія требованія западнаго католицизма, по крайней мѣрѣ въ настоящее время». «Совершенная правда, что у насъ церковь, находясь въ полномъ и добровольномъ подчиненіи государству, не можетъ стремиться къ подчиненію его себѣ. Но, собственно говоря, къ чему же тутъ и возможно было бы стремиться, при такомъ полномъ подчиненіи государства церковнымъ возрѣніямъ?»

Признаемся, намъ не совсѣмъ понятны эти разсужденія автора о взаимныхъ отношеніяхъ у насъ церкви и государства. По логикѣ, когда между двумя личностями, индивидуальными-ли то или коллективными, мыслится отношеніе подчиненія, то подчиненною можетъ быть лишь одна изъ нихъ, другая же должна быть непремѣнно господствующею: у автора въ одно и тоже время и церковь наша подчинена государству, и государство наше подчинено церкви. Очевидно, своеобразная солидарность и взаимодѣйствіе церкви и государства, исторически развившіяся у насъ изъ особыхъ условій русской исторической жизни, солидарность и взаимодѣйствіе, хотя и допускающія возможность частныхъ измѣненій и улучшеній въ отношеніяхъ церкви и государства, тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ составляющія одну изъ существенныхъ гаранцій дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія русскаго народа на пути образованія, совершенно непонятны почтенному публицисту, знакомому лишь съ тѣми формами отношеній церкви къ государству, какія существуютъ на западѣ. Публицисту желательно, чтобы православная церковь перестала быть государственною, чтобы между церковію и государствомъ возникло разединеніе и обособленіе. Мы рѣшительно не понимаемъ, да и изъ самыхъ разсужденій публициста не ясно, для чего такое обособленіе нужно и къ какимъ добрымъ результатамъ можетъ оно повести. Намъ кажется, что съ точки зрѣнія самого публициста «Вѣстника Европы», если когда-нибудь возможно у насъ возникновеніе «церковно-политическаго вопроса», повидимому и ему не совсѣмъ желательное, то именно послѣ и вслѣдствіе такого обособленія, подобно тому какъ изъ подобнаго же обособленія церкви отъ государства на западѣ и возникла та церковно-политическая борьба, которая занимаетъ теперь весь западный міръ.

Послѣ православныхъ въ населеніи Россіи по численности первое мѣсто занимаютъ раскольники. Въ расколѣ съ давнихъ поръ наши изслѣдователи, и мѣстные (П. И. Мельниковъ, г. Липранди и др.), и заграничные (Шедо-Ферроти, Жеребцовъ, Герценъ и др.), издавна привыкли видѣть элементъ населенія Россіи, наиболѣе склонный къ возбужденію церковно-политическаго вопроса»; мы знаемъ даже одно весьма недурное учное разсужденіе «о противогосударственномъ эле-

ментъ въ расколѣ» (г. Формановскаго — въ «Отечественныхъ Запискахъ», кажется, за 1865 годъ), написанное (въ предѣлахъ впрочемъ чисто историческаго изслѣдованія) въ томъ же смыслѣ. Публицистъ «Вѣстника Европы» вполне раздѣляетъ этотъ взглядъ на расколъ. Съ своей стороны мы удержимся отъ всякихъ разсужденій по этому предмету и сошлемся на свидѣтельство писателя, за которымъ, полагаемъ, «нельзя не признать нѣкоторой компетентности въ настоящемъ случаѣ», извѣстнаго Кельсиева. Мы рекомендуемъ читателю прочесть въ его послѣднемъ изданіи, озаглавленномъ: «пережитое и передуманное» (стр. 39 и слѣдующія), разсказъ о старообрядцѣ въ Добруджѣ, который провозглашалъ тостъ за благоденствіе Святѣйшаго Синода и за здравіе Государя Императора.

«Таперича отчего будемъ пить за здравіе Синода, говорилъ старообрядецъ: оттого, что покуда существуетъ Синодъ (Святѣйшимъ оупь его никогда не называлъ), до тѣхъ поръ ни католикамъ, ни лютеранамъ, ни кальвинамъ, ни молоканамъ, ни скопцамъ богопротивнымъ, воли нѣтъ. Синодъ— грѣхъ великій, не освященный онъ, а пача оскверненный, это точно; да онъ такую-сякую, а все будто православную вѣру блюдетъ. Покуда онъ существуетъ, до тѣхъ поръ еще не въ конецъ пропала вѣра правая, такъ значить надо за Синодъ стоять». «Таперича за здравіе и благоденствіе Его Императорскаго Величества, продолжалъ ораторъ, чтобы онъ одолѣлъ всѣхъ своихъ враговъ и супостатовъ, паче же бунтовщиковъ и безбожниковъ, и чтобы земли русской, въ которой наша вѣра православная, хоть и слабо, а все-таки соблюдается, не растерялъ». «Не разъ, не два, замѣчаетъ авторъ книги, а десятки разъ со мною бывали подобныя столкновения. Молоканы, которыхъ у насъ почему-то считаютъ республиканцами; скопцы, у которыхъ есть не только свой царь, но и цѣлая царская фамилія, свои генералы, адмиралы и архіереи; хлыстовская богородица, которая, предлагая мнѣ сдѣлаться Христомъ, говорила, что я буду царемъ небеснымъ и земнымъ и владыкой всего міра, видимаго и невидимаго, такъ что всѣ цари земные будутъ въ моей власти ходить,—всѣ они были такіе вѣрнопопанные Государя, и такіе русскіе патріоты, какихъ поискать надо. Дѣло вѣры у нихъ само по себѣ; дѣло практической жизни—опять само по себѣ. Кажется, что послѣ «Окружнаго посланія», предавшаго анаемѣ лондонскихъ дѣятелей, ни одинъ честный «окружникъ» не сталъ бы сидѣть въ одной комнатѣ со мной; а между тѣмъ я преспокойно роспивалъ чай съ бѣлокриницкими архіереями и гашивалъ у самыхъ искреннихъ старообрядцевъ».

Эти замѣчанія пресловутаго правдоискателя и агитатора, намъ кажется, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что со стороны раскольниковъ всего меньше можно опасаться возбужденія «Церковно-политическаго вопроса».

1875 г.

„Вѣстникъ Европы“—о значеніи релігіознаго преподаванія.

«Вѣстникъ Европы» въ ноябрьской книгѣ за настоящей годъ трактуетъ о значеніи богословія и закона Божія въ нашемъ университетскомъ и школьномъ преподаваніи и о тѣхъ мѣрахъ для усиленія вліянія духовенства на народную нравственность, какія, по слухамъ, проектируются правительствомъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ противодѣйствія распространенію разрушительныхъ идей, и въ школѣ и въ народной массѣ, издавна считалось у насъ, говоритъ почтенный журналъ, усиленіе вліянія духовенства на школы всѣхъ степеней и усугубленіе дѣятельности сельскаго духовенства по духовному просвѣщенію народа. И въ настоящее время это убѣжденіе составляетъ «одно изъ общихъ мѣстъ ходячаго консерватизма». По мнѣнію автора статьи, въ интересахъ самой церкви не только не слѣдуетъ усиливать какими-либо мѣропріятіями правительственными способамъ релігіознаго воздѣйствія духовенства на учащуюся—университетскую и школьную—молодежь, но и слѣдуетъ ослабить до нѣкоторой степени это воздѣйствіе, сокративши курсъ закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не такъ давно для противодѣйствія вреднымъ началамъ въ средѣ академическаго юношества студентамъ всѣхъ разрядовъ читалось богословіе догматическое и нравственное, читались психологія и логика—священниками. Далѣе этого искусственныя средства въ умственномъ обузданіи путемъ воспитанія уже не могутъ идти». «Въ основѣ богословія и релігіознаго знанія вообще лежитъ релігіозное чувство. Богословіе не создаетъ релігіознаго чувства, напротивъ само утверждается на немъ. А воспитаніе релігіознаго чувства—дѣло семьи, а не богословскаго преподаванія..

Мы съ своей стороны совершенно согласны съ тѣмъ, что нельзя создать какой-бы то нибыло живой силы, тѣмъ болѣе—релігіознаго вѣрованія, искусственными средствами, будетъ-ли то революціонный терроръ, въ родѣ извѣстнаго французскаго, свистъ-ли и грубая сила печатнаго слова «разбойниковъ пера, мошенниковъ печати и прелюбодѣевъ мы-

сли», пошлыя-ли угрозы подспудной крамолы и бѣглыхъ революціонеровъ, репрессивныя-ли мѣропріятія или наконецъ германскія инсинуаціи тупоумныхъ Менцелей. Нельзя не согласиться также съ тѣмъ, что въ основѣ религіознаго знанія лежитъ религіозное чувство и что первоначальной и главной охранительницей религіознаго чувства есть и должна быть семья, которую поэтому больше, чѣмъ что-либо другое, слѣдуетъ оберегать въ настоящее время. Но «Вѣстнику *Европы*», конечно, хорошо извѣстно, что во всемъ образованномъ мірѣ религіозное *обученіе*, высшее—академическое и элементарное—гимназическое, регламентировано, какъ учебный предметъ, по меньшей мѣрѣ равноправный со всеми другими предметами школьнаго класснаго преподаванія. Не только признавая религіозное чувство основой нравственной жизни человѣка, но будучи убѣждены въ полной научной состоятельности для всякаго серьезнаго и непредубѣжденнаго человѣка религіознаго міровоззрѣнія или богословской науки, мы думаемъ, что богословіе правильно поставленное и представляемое лицами, убѣжденными и компетентными, можетъ имѣть полную цѣну для всѣхъ неодносторонне-настроенныхъ «учениковъ, стоящихъ на уровнѣ университетскаго преподаванія». «Было время, говоритъ авторъ статьи, когда для противодѣйствія вреднымъ началамъ въ университетахъ, студентамъ всѣхъ разрядовъ читалось въ теченіе всѣхъ курсовъ богословіе—догматическое и нравственное; а между тѣмъ, эти средства оказались положительно бесполезными». Намъ кажется, это могло происходить отъ другихъ причинъ, помимо несостоятельности самаго богословскаго преподаванія, подобно тому, какъ «оказывались бесполезными» лекціи и многихъ другихъ почтенныхъ преподавателей, аудиторіи которыхъ оставались пустыми, не смотря на полную ихъ компетентность въ своей сферѣ и на всѣми признаваемое научное значеніе ихъ предметовъ. По дурному представительству извѣстнаго дѣла, намъ кажется, никакъ нельзя заключать о несостоятельности самаго дѣла. Вѣдь были-же и такіе примѣры, что самая обширная аудиторія университета не могла вмѣстить всѣхъ студентовъ, желавшихъ слушать лекціи по богословію.

„Совокупность вѣроисповѣднаго преподаванія, говоритъ еще авторъ, представляетъ у насъ курсъ весьма сложный и трудный. Если взять одинъ пространный катихизисъ Филарета, съ многочисленными его текстами, изъ которыхъ иные занимаютъ значительную часть страницы, которые должны быть изучиваемы наизусть буквально, безъ малѣйшаго измѣненія, то уже одинъ этотъ предметъ оказывается непосильнымъ для ученика, обремененнаго множествомъ дру-

гихъ предметовъ“. Мы не претендуемъ на спеціальное знакомство съ порядками преподаванія закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; но, сколько намъ извѣстно, катихизисъ Филарета давно уже пересталъ быть у насъ обязательнымъ руководствомъ по закону Божію: такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключать изъ того, что учебники по тому же предмету, съ измѣненіемъ заглавія, давно уже издаются оо. законоучителями; таковы уроки по закону Божію протоіерея Іоакима Романова, о. Дмитрія Соколова, о. Свирѣлина и др. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда катихизисъ Филарета остается класснымъ руководствомъ, нигдѣ кажется не обходится дѣло безъ выписокъ и сокращеній, безъ перевода малопонятныхъ славянскихъ текстовъ на русскій азыкъ. Даже въ духовныхъ училищахъ, во времена давнопрошедшія, во времена старой бурсы, не только тексты изъ твореній св. отцовъ (каковы напримѣръ извѣстные слова св. Кирилла Іерусалимскаго: «вѣрою водятся мореплаватели, когда, ввѣривъ судьбу свою малому древу, непостоянное стремленіе волнъ предпочитаютъ твердѣйшей стихіи—землѣ» и пр.), но и весьма многіе тексты св. писанія оставались безъ заучиванія наизусть. И это вполне понятно: руководство существуетъ не для того, чтобы все, что въ немъ есть, до послѣдней строки, заучивалось наизусть. Вообще мы не можемъ представить себѣ что-нибудь болѣе странное, чѣмъ эти жалобы на обременительность для учениковъ преподаванія закона Божія въ нашихъ школахъ въ то время, когда, сколько намъ извѣстно, всѣ родители, серьезно озабоченные религіознымъ обученіемъ своихъ дѣтей, чаще жалуются на непомерное послабленіе со стороны оо. законоучителей,—на то, что въ большинствѣ случаевъ законъ Божій считается дѣтьми за самый легкій изъ учебныхъ предметовъ. *Timeo Danaos et dona ferentes*. Это классическое изрѣченіе припомнилось намъ при чтеніи тѣхъ мѣстъ «обозрѣнія» гдѣ авторъ объясняется въ своей нѣжной заботливости о благѣ духовенства. Онъ горько сѣтуетъ на то, что до сихъ поръ государство для цѣлей благоустройства въ сферѣ народнаго быта призываетъ къ содѣйствію духовенство, и желаетъ русскому духовенству—чего бы вы думали?... пріобрѣсть значеніе папства! Дальше этого обожаніе Запада едва-ли можетъ идти даже со стороны «Вѣстника Европы». Католицизмъ, видите-ли, вступалъ въ союзъ съ государствомъ не иначе, какъ подъ условіемъ своего преобладанія надъ нимъ, подчиненія его себѣ, а не себя ему. Вслѣдствіе этого католическая церковь всегда оставалась независимою отъ государства, даже будучи въ союзѣ съ нимъ, и имѣла дѣйствительное вліяніе на общество. У

насъ же «призывается для административныхъ цѣлей сила, которая никогда не была силою, потому что положеніе церкви въ государствѣ—совершенно подчиненное». «Когда церкви предоставлена была бы независимость отъ государства, когда въ ней возникла бы дѣятельная жизнь и самостоятельная сила, она могла бы исполнять свою священную миссію путемъ нравственнаго вліянія на юношество, образованное общество и массу народа, съ гораздо болѣе вѣрнымъ успѣхомъ, чѣмъ тотъ, какой могутъ обусловливать для нея искусственныя свѣтскія мѣры къ употребленію ея вліянія съ цѣлями благоустройства». Въ этихъ словахъ, что касается преимуществъ нравственнаго вліянія, есть, конечно, своя доля правды. Но во-первыхъ, что можетъ препятствовать духовному лицу имѣть нравственное вліяніе на паству, когда оно, кромѣ своего духовнаго авторитета имѣетъ еще авторитетъ дѣятеля уполномоченнаго и солидарнаго съ властью гражданской? Благодаря Бога, нашъ народъ не такъ настроенъ, чтобы одинъ видъ лица, солидарнаго съ правительствомъ, компрометировалъ это лицо въ глазахъ народа. Во-вторыхъ развѣ на излюбленномъ «Вѣстникѣ Европы» Западъ есть гдѣ-нибудь духовенство,—за исключеніемъ, конечно, «пастырей» мелкихъ сектъ, непризнаваемыхъ правительствами,—которое не пользовалось бы покровительствомъ и содѣйствіемъ государственныхъ законовъ и государственной власти? И съ чего авторъ взялъ это парализующее дѣятельность духовенства вліяніе на него государственной власти? Если бы еще онъ говорилъ о невниманіи у насъ къ скудости матеріальныхъ средствъ духовенства, это заступничество за одного изъ главныхъ дѣятелей народной культуры—таково у насъ духовенство—со стороны «Вѣстника Европы» было бы понятно для насъ, въ виду того, что на Западѣ духовенство, даже при анти-государственномъ характерѣ его дѣятельности, въ матеріальномъ отношеніи поставлено, не безъ содѣйствія правительствъ, въ гораздо лучшія условія, чѣмъ у насъ. Не говоримъ уже о томъ, что солидарность церкви съ государствомъ сложилась у насъ исторически, что она гармонируетъ съ общимъ строемъ русской жизни, что обособленіе церкви отъ государства, рекомендуемое ея непризванными доброжелателями, ничѣмъ рѣшительно не вызывается, какъ только досужею прихотью людей, рабствующихъ культурѣ Запада и не желающихъ ничего знать о природномъ характерѣ русскаго народа и основныхъ условіяхъ русской жизни. *Timeo Danaos et dona ferentes.*

„Вѣстникъ Европы“ О значеніи церковной исторіи.

Слѣдя за современною нашею свѣтскою литературою и журналистикой, мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на статьяхъ, посвященныхъ вопросамъ, относящимся къ кругу предметовъ духовной науки и вѣроученія, отъ времени до времени, но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, появляющихся въ нашихъ журналахъ. Не всегда можно соглашаться съ тѣмъ, что говорится въ этихъ статьяхъ о церкви и духовенствѣ; но уже самый тотъ фактъ, что наша свѣтская литература, въ лицѣ главнѣйшихъ своихъ органовъ, не игнорируетъ болѣе явленій и вопросовъ современной нашей церковной жизни, не относится болѣе къ нимъ съ тою презорливостію, какая замѣчалась еще такъ недавно, явленіе въ высшей степени отрадное, свидѣтельствующее о томъ, что для сближенія церкви съ обществомъ, духовной науки съ свѣтскою, есть у насъ будущность, что мало по малу, можетъ быть, разсѣется то невѣжество въ отношеніи къ православію, какое имѣетъ доселѣ мѣсто между нашими свѣтскими учеными.

Бъ числу такихъ отрадныхъ знаменій времени мы съ удовольствіемъ относимъ появленіе на страницахъ «Вѣстника Европы» (октябрь 1876 года), статьи профессора церковной исторіи въ Харьковскомъ университетѣ Амф. С. Лебедева, подъ заглавіемъ: «Исторія церкви, какъ предметъ университетскаго преподаванія». Извѣстно, что съ 1863 года, со времени изданія новаго университетскаго устава, для церковной исторіи въ русскихъ университетахъ учреждена особая кафедра. Авторъ въ своей статьѣ подробно мотивируетъ рациональность и цѣлесообразность этой правительственной мѣры рядомъ разсужденій о значеніи религіи вообще и христіанства въ частности въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Считаемъ своимъ долгомъ познакомить читателей съ этими прекрасными разсужденіями, которыя имѣли бы полное право занять мѣсто въ любомъ изъ ду-

ховныхъ нашихъ изданій (за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ не совсѣмъ удачныхъ замѣчаній) и которыя дѣлаютъ честь такту свѣтскаго изданія, помѣстившаго ихъ на своихъ страницахъ.

Важность указанной правительственной мѣры, по словамъ автора, опредѣляется вообще значеніемъ церковно-общественнаго элемента въ жизни народовъ. Это значеніе таково, что религія всегда составляла существенный элементъ человѣческой жизни, такъ глубоко въ нее вѣдренный, что онъ не только никогда не оставался отъ нея изолированнымъ, но всегда вліялъ на другія стороны жизни, и, въ свою очередь, принималъ на себя ихъ вліяніе. Что касается въ частности христіанства, то оно болѣе, чѣмъ всякая другая форма религіи, удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ человѣческой природы. Древніе учителя церкви любили говорить, что душа человѣческая по природѣ христіанка. Въ этомъ изрѣченіи содержится глубокой смыслъ: принципы христіанства какъ нельзя больше отвѣтили нуждамъ человѣчества,—не даромъ съ такою охотою шли къ Іисусу Христу всѣ труждающіеся и обремененные. Христіанство своими принципами произвело коренной и глубокой переворотъ въ судьбахъ человѣчества и въ теченіи всей исторической жизни европейскіхъ народовъ связано со всѣми важнѣйшими ея эпохами. Есть эпохи, которыя рѣшительно не могутъ быть поняты безъ близкаго знакомства съ религіозными движеніями тѣхъ временъ, каковы: средніе вѣка, возвышеніе королевской власти, возникновеніе городского сословія. Во времена реформации, политическія и соціальныя движенія имѣютъ генетическую связь съ движеніями религіозными. Авторъ приводитъ за тѣмъ нѣсколько типическихъ и весьма характеристичныхъ фактовъ изъ исторіи церкви вселенской (до отдѣленія запада отъ востока), какъ нельзя болѣе убѣдительно доказывающихъ, что само государственное начало, уже окрѣпшее въ теченіе долгаго своего существованія, оказывалось безсильнымъ предъ движеніемъ религіознымъ. Такъ самый актъ принятія Императоромъ Константиномъ христіанской вѣры есть доказательство побѣды новаго религіознаго ученія надъ государствомъ, истощившимся въ бесплодной борьбѣ съ нимъ и пришедшимъ къ сознанію необходимости покориться ему. Когда возбужденная религіозная мысль на христіанскомъ востокѣ вызвала появленіе религіозныхъ заблужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ опроверженіе и обстоятельную разработку христіанской догматики, императоръ Константинъ и его преемники напрасно стараются сдержать свою властію религіозный потокъ, взволновавшій все населеніе имперіи, прибѣгая для этого и къ репрессивнымъ мѣрамъ, и къ разнымъ формуламъ со-

глашенія. Случалось, что императоры склоняли (въ послѣдующія времена бѣдственнаго состоянія имперіи)—для устроенія уніи съ западомъ, съ цѣлію устранить грозившую со стороны турокъ опасность—на свою сторону знаменитыхъ епископовъ и самихъ патріарховъ, оставляли дѣтей своихъ заложниками у папъ. А все-таки дѣло уніи не устраивалось; политическая затѣя разлеталась въ прахъ, лишь только являлась на судъ религіознаго сознанія народа. Послѣдующая судьба греческаго народа—лучшее и самое сильное доказательство вліянія религіи на политическую судьбу народовъ. Вѣра была лучшею охраною народной самостоятельности грековъ среди политическихъ невзгодъ во все послѣдующее время ихъ исторіи, сохранила имъ ихъ народный языкъ, національный характеръ, не дала погибнуть ихъ нравамъ и наконецъ привела ихъ къ желанной независимости.

Но, въ силу общаго закона взаимодѣйствія религіи со всѣми сторонами жизни, необходимо, по мнѣнію автора, допустить и обратное вліяніе общаго хода жизни на состояніе христіанства. Нравственные идеалы въ сознаніи христіанъ измѣнялись подъ вліяніемъ историческихъ условій. Древніе христіане—временъ Лагтанція—отвергали войну, какъ дѣло, противное христіанскому чувству. Даже въ IV вѣкѣ св. Василій Великій находить нужнымъ совѣтовать воинамъ, имѣющимъ не чистыя руки, три года не причащаться. Но съ теченіемъ времени сами христіане ученіе о несовмѣстности власти меча съ христіанствомъ стали считать еретическимъ. Особенно же осязательное доказательство вліянія историческихъ условій на религію авторъ справедливо видитъ въ томъ, что образованіе вѣроисповѣдныхъ разновидностей существенно условливалось племенными особенностями народностей и характеромъ ихъ исторіи: мысль эта неоднократно и подробно развивалась въ нашей духовной, а также и свѣтской (напримѣръ, въ сочиненіи Новикова «Гусь и Лютеръ») литературѣ и мы не будемъ излагать здѣсь того, что говоритъ авторъ, характеризуя греческую политію, какъ прототипъ организациі церкви восточной (см. объ этомъ статью преосвященнаго Григорія Хіоскаго въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1869 г., подъ заглавіемъ: «эллинизмъ и православіе»), или указывая на значеніе въ образованіи доктринъ романизма—политическихъ и культурныхъ особенностей запада, равно какъ и на различіе въ направленіи богословія восточнаго и западнаго и на происхожденіе догматическихъ погрѣшностей папства (о чомъ подробно сказано въ сочиненіи: «Новый методъ въ богословіи», въ «Христіанскомъ Читеніи», 1869—1870 гг.).

Изъ всего вышеизложеннаго авторъ справедливо заключаетъ, что такое соприкосновеніе религіознаго элемента съ другими сторонами народной жизни дѣлаетъ безспорно важнымъ изученіе его для историка. Въ самомъ дѣлѣ, если въ настоящее время съ такимъ вниманіемъ изучаютъ самыя вымыслы фантазіи, сказки, пѣсни и т. п., чтобы наблюдать въ нихъ проявленія народнаго духовнаго творчества, то нужно ли еще доказывать, что научное изученіе развитія религіознаго сознанія еще болѣе можетъ вести къ уясненію основъ народной жизни? Не даромъ Мишле, когда его упрекали, что онъ въ своихъ историческихъ трудахъ вторгается въ область исторіи церковной, отвѣчалъ: «что-жъ дѣлать, если, куда бы я ни пошолъ, вездѣ встрѣчается христіанство; оно повсюду предо мною, заслоняетъ мнѣ дорогу и мѣшаетъ идти».

Спеціальное изученіе такого существеннаго элемента въ жизни человѣчества, заключаетъ авторъ, представляется весьма важнымъ для тѣхъ, кто избираетъ свою спеціальностію вообще науки историческія. Прибавимъ съ своей стороны: не только для спеціалистовъ наукъ историческихъ, но и для цѣлей религіознаго богословскаго образованія вообще. То правда, что университетскій уставъ приурочиваетъ исторію церкви къ историческому факультету; но изъ всей приведенной выше аргументаціи ^{Церковной} не слѣдуетъ ли само собою, что интересъ церковной исторіи шире и выше одной исторической спеціальности, что исторія церкви даетъ одну изъ лучшихъ аргументацій истинности христіанства, какъ религіи, что серьезное научное изученіе догматовъ христіанства немыслимо внѣ церковной исторіи?

На Западѣ церковная исторія, продолжаетъ авторъ, давно уже разрабатывается съ тѣмъ усердіемъ, какого требуетъ ея значеніе. Но—замѣчательное обстоятельство—при всемъ богатствѣ западной церковно-исторической литературы, исторія церкви восточной почти совсѣмъ игнорировалась до послѣдняго времени. Переходя въ средніе вѣка, западные историки обыкновенно предпосылали замѣчанія, что со времени раздѣленія церковью «образовательныя силы греко-римскаго міра истощились; степень развитія, до которой онѣ способны были довести церковь, была достигнута», и что если съ этого времени церковь греческая и заслуживаетъ вниманія, то развѣ своими бѣдствіями, которыя она такъ героически выносить. И лишь только въ самое послѣднее время нѣкоторые церковные историки, Гегенрёттеръ, Пихлеръ и особенно англиканскіе—Ниль, Стэнли, сочувственно относятся къ церковной исторіи Востока, признавая за нею глубокой интересъ и серьезное научное достоинство. Авторъ приводитъ нѣсколько

(къ сожалѣнію, не много) фактовъ, которые, доказывая вліяніе восточной церкви не только на церковныя дѣла, но и на культурную исторію Запада, оправдываютъ такой взглядъ на дѣло. Эти факты — дѣятельность Теодора Тарсійскаго и Іоанна Эригены, генетическая связь восточныхъ евхитовъ съ западными бичующимися и пляшущими, сношенія съ Востокомъ Вальденсовъ, одинаковое на Востокѣ и Западѣ преслѣдованіе еретиковъ, суды Божіи, борьба свѣтской власти съ духовною и т. д.

Что касается современнаго состоянія церковно-исторической науки у насъ, въ Россіи, то мы не совсѣмъ согласны съ тѣмъ, что говоритъ почтенный авторъ объ отвлеченно-догматическомъ направленіи, преобладающемъ, будто бы, и доселѣ у насъ въ духовныхъ школахъ и подавляющемъ, будто бы, церковную исторію. Автору, который, какъ мы знаемъ, не чуждъ по образованію «духовнымъ школамъ», должно быть извѣстно, что въ нашихъ академіяхъ, со времени ихъ преобразованія, одно изъ трехъ отдѣленій (или факультетовъ) — церковно-историческое, имѣющее не менѣе пяти церковно-историческихъ кафедръ, не считая кафедръ исторіи христіанской цивилизаціи, исторіи раскола и т. д. А если бы онъ далъ себѣ трудъ ближе ознакомиться съ академическими курсами, хоть по литографированнымъ программамъ преподавателей, онъ замѣтилъ бы, что историческій методъ имѣетъ самое широкое примѣненіе въ преподаваніи наукъ даже теоретическихъ, какова, на примѣръ, догматика, отъ преподавателя которой самый академическій уставъ требуетъ исторіи догматовъ, что вообще безъ историко-сравнительнаго метода, имѣющаго столь широкое примѣненіе въ современной наукѣ вообще, не обходится ни одна изъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ академіяхъ. Впрочемъ, не разборъ сужденій почтеннаго учонаго объ академіяхъ былъ цѣлью настоящей замѣтки: намъ хотѣлось лишь заявить отрядный фактъ и показать, какъ начинаютъ относиться къ духовной наукѣ, къ области богословія, въ нашей свѣтской журналистикѣ. Полагаемъ, что изъ изложеннаго нами содержанія статьи «Вѣстника Европы», читатель убѣдился въ справедливости того, что мы сказали въ началѣ.

RIA DESIDERIA „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Изъ нашихъ большихъ журналовъ одинъ, кажется, «Вѣстникъ Европы» имѣетъ обыкновеніе ежегодно по поводу появленія въ печати отчета г. оберъ-прокурора св. синода, посвящать одно изъ своихъ внутреннихъ обзорѣній обсужденію нашихъ церковныхъ дѣлъ. Предположивъ, отъ времени до времени, знакомить нашихъ читателей съ тѣмъ, что говорится въ нашей печати относительно духовенства и церкви, мы хотимъ въ настоящій разъ остановить ихъ вниманіе на двухъ замѣчательныхъ внутреннихъ обзорѣніяхъ названнаго журнала, разсуждающихъ о состояніи нашихъ церковныхъ дѣлъ — прошлагоднемъ. перепечатанномъ въ недавно вышедшемъ сборникѣ «Годъ», и въ нынѣшнемъ, помѣщенномъ въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы». Обзорѣнія эти имѣютъ ту особенность, что представляютъ не простой поверхностный перечень главнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи отечественной церкви за истекшіе годы, какъ это большею частію дѣлается въ другихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, но кромѣ того, избилуютъ сужденіями, въ которыхъ излагаются *ria desideria* почтеннаго журнала относительно нашихъ церковныхъ дѣлъ, — серьезности и, такъ сказать, вѣскости которыхъ нельзя не признать во всякомъ случаѣ. Оба настоящія обзорѣнія главнымъ образомъ посвящены оцѣнкѣ новаго законопроекта относительно раскольниковъ, выработаннаго высочайше учрежденною въ 1864 году комиссіею по дѣламъ раскола и внесеннаго уже въ окончательной формѣ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Этимъ проектомъ, какъ извѣстно, предполагается существующія у раскольниковъ брачныя сопряженія, доселѣ лишенные, въ глазахъ закона, всякаго легальнаго значенія, легитимировать записью ихъ въ особыя реестры, выдаваемые отъ правитель-

ства, въ городахъ—полиціи, а въ деревняхъ — волостнымъ правленіямъ,—то есть, въ виду предоставленія дѣтямъ раскольниковъ имущественныхъ, по наслѣдству, и вообще — гражданскихъ правъ, у насъ предполагается ввести нѣчто въ родѣ гражданского брака, существующаго во всѣхъ государствахъ Европы; при чемъ записъ предполагается дѣлать не иначе, какъ по заявленію самихъ брачащихся, и при томъ такихъ раскольниковъ, которые родились въ расколѣ, а не совратились въ него изъ православія. Авторъ обзорѣнія, не удовлетворяясь этою, какъ онъ выражается, полумѣрою, дѣлаетъ обстоятельную критику существующаго у насъ законодательства относительно раскольниковъ и предлагаетъ нѣсколько своихъ соображеній, относительно тѣхъ болѣе или менѣе капитальныхъ измѣненій, какія могли бы быть сдѣланы въ этой отрасли нашего законодательства соотвѣтственно нуждамъ и духу времени, а также примѣнительно къ общимъ требованіямъ теоріи государственнаго законодательства.

Авторъ останавливается на словахъ отчета г. оберъ прокурора св. синода, что «раскольники начинаютъ цѣнить по достоинству тотъ духъ терпѣнія, вротости и миролюбія, въ какомъ относятся къ нимъ служители церкви», — и эти слова служатъ въ его глазахъ свидѣтельствомъ просвѣщеннаго взгляда русской церкви, изъ которой, стало быть, не могутъ истекать какія либо стремленія къ удержанію гражданской безправности раскольниковъ или къ ограниченію ихъ полноправности, какая наконецъ могла бы быть имъ предоставлена въ наше время. «При пропагандѣ среди раскольниковъ», продолжаетъ онъ, «казалось бы возможнымъ обрядовыя различія оставлять совершенно въ сторонѣ, такъ какъ высшія духовныя власти считаютъ возможнымъ признать членами православной церкви даже такихъ западныхъ христіанъ, которые ставятъ условіемъ своего воссоединенія съ нею сохраненіе совершенно иной внѣшности богослуженія и нѣкоторыхъ обрядовъ, въ православной церкви не принятыхъ». Затѣмъ, опредѣляя цифру раскольниковъ приблизительно въ 10—15 милліоновъ, что составляетъ пятую и даже четвертую часть всего великорусскаго населенія, авторъ справедливо полагаетъ, что всякое измѣненіе въ законодательствѣ относительно раскола должно имѣть огромную важность въ общемъ строѣ нашей государственной и общественной жизни. «Существующіе на этотъ предметъ наши законы», говоритъ онъ далѣе, «въ каждомъ иновѣрцѣ русскаго происхожденія прямо усматриваютъ правонарушителя. Нашъ законъ стоитъ на точкѣ зрѣнія исключительно церковной и не признаетъ права отпадать отъ православія, видя въ такомъ отпаденіи преступленіе. На таковой чисто

клерикальной точкѣ зрѣнія въ настоящее время не стоитъ ни одно изъ законодательствъ Европы. Согласно съ тѣми рациональными основами, какія уже осуществлены во всѣхъ странахъ Европы, необходимо устранить эту клерикальную точку зрѣнія, никого не преслѣдовать за вѣру, предоставить каждому гражданину свободно принимать и исповѣдывать ту или другую вѣру, если она не соединена съ дѣйствіями, которыя подлежатъ суду, а расколъ невинный получить тогда полную терпимость. Теперь же нашъ законъ выказываетъ болѣе терпимости къ иностраннымъ исповѣданіямъ, чѣмъ къ тѣмъ, которыя возникли на русской почвѣ: онъ не видитъ правонарушителя ни въ католикѣ, ни въ протестантѣ, ни въ еврей, ни въ язычникѣ, если только они не были прежде православными. Законъ поступаетъ, конечно, логично; но онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія клерикальной, которая не должна болѣе имѣть мѣста въ нашемъ законодательствѣ, которое должно допустить полную вѣротерпимость. Вообще всѣ тѣ изъ нашихъ законовъ, которые имѣютъ основу чисто клерикальную, то есть признаютъ особый родъ преступленій—преступленія противъ вѣры, какъ-то: отпаденіе отъ православія и богохульство, должны быть отмѣнены, какъ нераціональные, подающіе только поводъ къ произволу и притѣсненію, какъ устарѣвшіе, нигдѣ въ Европѣ не существующіе». «Принципъ человѣчности, справедливости, примѣръ всего образованнаго міра, говоритъ авторъ обзорѣнія, убѣжденіе, заявленное правительствомъ (авторъ имѣетъ въ виду слова нашего государственнаго канцлера, сказанныя въ Фридригсгафенѣ нѣмецкой депутаціи), наконецъ, живые, вопіющіе примѣры, продолжающіе являться предъ нашими глазами,—все убѣждаетъ насъ, что наши обветшалые клерикальные законы должны быть безотлагательно и безусловно исключены изъ нашего уголовного кодекса. Въ настоящее время вопросъ о правахъ раскольниковъ возбужденъ въ законодательномъ порядкѣ, и этимъ случаемъ необходимо воспользоваться для того, чтобы исправить наше законодательство въ этомъ отношеніи существеннымъ образомъ, а не призрачными, маловажными измѣненіями. Если внесенный проектъ по содержанию своему недостаточенъ, если онъ ограничивается однимъ предоставленіемъ раскольниковъ права заявлять о своихъ бракахъ полиціи, для приданія этимъ бракамъ законности, и еще какиминибудь мелкими облегченіями въ бытѣ сектъ терпимыхъ, то надо желать, чтобы проектъ былъ передѣланъ. Рѣшеніе отсрочится на время, но это все таки будетъ лучше, чѣмъ упустить нынѣшній случай проведеніемъ полумѣры или четверти мѣры, потому что тогда существенное освобожденіе законодательства отъ устарѣвшихъ клерикаль-

ныхъ притязаній было бы отложено на долгое время и на столько же отсрочило бы время нашего полного сближенія съ Европою, потому что эти обветшалые законы составляютъ въ настоящее время существенную, бросающуюся въ глаза черту, грань, отдѣляющую Россію отъ всего образованнаго міра. Настоящимъ случаемъ слѣдуетъ воспользоваться, чтобы устранить ее. Для того въ новомъ законѣ должны быть проведены слѣдующія начала: отмѣна преступленій противъ вѣры вообще, какъ отдѣльнаго криминальнаго факта; наказуемость иновѣрцевъ, сектантовъ и всѣхъ гражданъ единственно за дѣйствія противъ государства, личности, собственности, нравственности и общественнаго порядка; установленіе брака юридическаго—заявленіемъ у нотаріусовъ, мировыхъ судей и волостныхъ старшинъ, сверхъ вѣчанія въ церкви и независимо отъ вѣчанія. Подъ это общее опредѣленіе сами собой подойдутъ: устраненіе каръ за отпаденіе отъ христіанства и православія, за расколъ или иное иновѣріе, и узаконеніе дѣтей раскольниковъ. Только при соблюденіи такихъ началъ законъ нашъ перестанетъ быть клерикальнымъ и получитъ общеевропейскій характеръ» (Годъ, историко-политич. обзорѣніе, 1872—3, стр. 189—194).

Таковы благія пожеланія почтеннаго журнала, аргументированныя, въ дальнѣйшемъ изложеніи, — съ тою компетентностію въ области политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, какою несомнѣнно обладаетъ Вѣстникъ Европы, — теоретическими соображеніями и анализомъ относящихся къ рассматриваемому предмету фактовъ изъ нашей юридической практики послѣдняго времени. Судя о дѣлѣ съ точки зрѣнія отвлеченныхъ принциповъ, дѣйствительно нельзя не признать высокаго нравственнаго достоинства этихъ благихъ пожеланій. «Законодательство гражданскихъ правъ, говоритъ авторъ обзорѣнія, должно истекать изъ принциповъ общихъ, а не изъ отдѣльныхъ случаевъ—въ виду спеціальныхъ соображеній». И въ самомъ дѣлѣ, что, по видимому, могло бы быть лучше, какъ еслибы можно было, взявши самоновѣйшую теорію государственнаго и общественнаго устройства, сразу передѣлать примѣнительно къ ней весь строй нашей политической и соціальной жизни! Но въ томъ-то и бѣда, что такъ легко, какъ хочется автору, рѣшаются лишь теоремы математическія, да и то на бумагѣ, а не теоремы жизненныя,—что правительства и законодатели съ давнихъ поръ усвоили себѣ привычку производить тѣ или другія основныя реформы руководясь не одними отвлеченными принципами науки, а примѣняясь къ этнографическимъ и культурнымъ особенностямъ въ складѣ быта и жизни того или

другаго народа, и не прежде, какъ справившись съ указаніями историческаго опыта, съ дѣйствительными народными нуждами и съ практическими условіями осуществленія той или другой научной теоремы; и, сдается намъ, въ подобныхъ случаяхъ законодатели и правители едва ли не имѣютъ на своей сторонѣ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе достаточныхъ основаній. Да и самъ просвѣщенный западъ, примѣру котораго авторъ обзорѣнія совершенно основательно совѣтуетъ слѣдовать, совершилъ свой историческій ростъ едва-ли не по этому-же масштабу,—то есть, вводилъ у себя ту или другую коренную реформу по мѣрѣ и въ силу требованій жизни, а не по одному лишь отвлеченному убѣжденію въ ея теоретическомъ достоинствѣ... И вотъ здѣсь-то, въ дѣйствительныхъ требованіяхъ народной жизни, да въ практическихъ условіяхъ осуществленія предлагаемой авторомъ теоремы, и содержится Гордіевъ узелъ настоящаго дѣла. Вопросъ въ томъ, нуждается ли русскій народъ, или, пожалуй, даже русское общество въ этой реформѣ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе проектируетъ авторъ? Народъ нашъ на такой ли степени умственнаго развитія находится, чтобы вовсе не нуждаться, относительно отпавленій своей духовной жизни, въ опеку и руководство со стороны закона, правительства, церкви и образованныхъ-передовыхъ классовъ страны? Имѣютъ ли право, не говоримъ—съ точки зрѣнія морали христіанской, но — съ точки зрѣнія политической морали, съ точки зрѣнія государственнаго и общественнаго блага — эти указанныя всегдашніе и повсюдные факторы государственной жизни и народнаго прогресса сдѣлать такой внезапный и крутой поворотъ: послѣ опеки надъ народомъ самой патріархальной, опеки безусловной и безконтрольной, совершенно бросить народъ на произволъ судьбы въ дѣлѣ его духовной жизни?.. Припоминается намъ случай, свидѣтелемъ котораго, дѣтъ пятнадцать тому назадъ, намъ довелось быть въ одномъ изъ провинціальныхъ центровъ раскола. Появилось въ печати извѣстное сочиненіе: «описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій, А. Б.». Раскольники, искренно или притворно, вообразили, что псевдонимныя буквы, подъ которыми авторъ сочиненія скрылъ свое имя, означаютъ: «Александръ Благословенный», или «Александръ II-й», и съ торжествомъ провозгласили, что самъ Батюшка-Царь одобряетъ-де старую вѣру, издалъ-де въ печати отъ своего имени сочиненія Андрея Діонисіевича, сказанія о подвигахъ отцевъ и страдальцевъ соловецкихъ! Раскольническая пропаганда сдѣлала въ мѣстечкѣ быстрые и необычайные успѣхи, несмотря на то, что репрессивные законы противъ раскола были въ то время, кажется, во всей своей силѣ, и несмотря

на замѣчательную энергію почтеннаго приходскаго священника, который вмѣстѣ съ епархіальнымъ противораскольническимъ миссіонеромъ, нарочито по этому случаю прибывшимъ въ мѣстечко, напрасно ходилъ по домамъ своихъ взволнованныхъ и поколебавшихся прихожанъ, стараясь удержать ихъ отъ перекрещиванія и побѣговъ на раскольничьи заводы. И сколько подобныхъ фактовъ можно набрать изъ наблюденій надъ жизнію нашего простодушнаго народа! Издайте законъ о полной вѣротерпимости, о правѣ свободного перехода изъ православія въ расколъ или въ другую какую угодно секту, и, думается намъ, сколько найдется такихъ простаковъ, изъ среды нашего народа, которые поймутъ этотъ законъ не какъ фактъ безразличнаго отношенія правительства къ дѣламъ вѣры, а какъ прямое одобреніе имъ раскола и другихъ сектъ, какъ фактъ признанія превосходства раскола надъ православіемъ, и сколько будетъ совращеній изъ православія въ расколъ не по убѣжденію (хотя и вообще — какое тутъ можетъ быть убѣжденіе!) въ превосходствѣ раскола надъ православіемъ, а просто изъ дурно—направленнаго повиновенія неправильно понятой державной волѣ! И такъ дайте сперва освобожденному народу опомниться отъ радости новой жизни, ориентироваться въ новомъ его положеніи и твердо стать на ноги: дайте ему скольконибудь справиться съ весьма многочисленными и сложными затрудненіями его новаго быта, — дайте ему затѣмъ какіе-нибудь ресурсы для само-бытной духовной жизни, — какое-нибудь образованіе, чтобы онъ могъ не вляяться всякимъ вѣтромъ ученія, а хоть сколько-нибудь сознательно избирать то или другое направленіе для своего религіознаго чувства, — и тогда издавайте законъ о правѣ перехода изъ православія въ расколъ или въ какое угодно исповѣданіе... Школь, школь — вотъ чего нужно прежде всего нашему народу! Если бы «Вѣстникъ Европы», прежде, чѣмъ проектировать безусловную, американскую свободу вѣроисповѣданія для темныхъ людей, которые нерѣдко не умѣютъ отличить правую руку отъ лѣвой, какъ истый европеецъ, по образцу многихъ странъ западной Европы, предложилъ обязательное обученіе для народа, еслибы можно — бесплатное, указалъ способы привлечь къ этому по истинѣ великому и неотложно-нужному дѣлу возможно большія силы, указалъ способы осуществить его безъ особеннаго обремененія государственнаго, тѣмъ болѣе земскаго бюджета, къ такому проекту мы присоединились бы охотно и отъ всей души. Недавній высочайшій рескриптъ на имя г. министра народнаго просвѣщенія и всеподданнѣйшіе адреса дворянства почти всѣхъ губерній по поводу этого рескрипта, даютъ намъ понять, что такой

проектъ, если-бы онъ былъ предложенъ, былъ-бы гораздо болѣе своевремененъ, чѣмъ проектъ ни для кого не нужной безусловной свободы вѣроисповѣданія.

Скажемъ нѣсколько словъ относительно другихъ аргументовъ почтеннаго автора. Между прочимъ онъ мотивируетъ свой проектъ требованіями государственнаго интереса. На сколько предлагаемая имъ реформа дѣйствительно требуется государственными интересами, мы судить не беремся. Но намъ припоминается отвѣтъ нашего государственнаго канцлера, данный имъ въ Фридрихсгафенѣ нѣмецкой депутаціи, жаловавшейся на отсутствіе вѣротерпимости въ Россіи, на мнимое притѣсненіе лютеранъ въ прибалтійскомъ краѣ, о которомъ повѣдали Западу гг. Ширренъ и Боккъ. Сколько помнимъ, смыслъ этого отвѣта таковъ, что безусловная свобода вѣроисповѣданія не признается для Россіи дѣломъ неотложной государственной необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ на практикѣ не существуетъ у насъ вѣротерпимость давнымъ давно? Развѣ не существуютъ у насъ съ незапамятныхъ временъ такъ называемыя секретныя инструкции губернскимъ гражданскимъ и духовнымъ властямъ, касательно обращенія съ раскольниками, связывающія руки не только какимъ-либо неумѣреннымъ фанатическимъ порывамъ нашихъ священниковъ, но перѣдко и простому исполненію ими обязанностей своего званія? «На такой точкѣ зрѣнія относительно вѣроисповѣднаго вопроса, на какой находится наше законодательство, не стоитъ ни одно изъ государствъ Европы», продолжаетъ авторъ обзорѣнія. Конечно, мы, какъ извѣстно, ничего въ настоящее время столь пламенно не ждаемъ, какъ возможно скорѣе сдѣлаться во всемъ образованными европейцами, и для насъ вопросъ о томъ, что говорить и думать о насъ образованная Европа — роковой вопросъ, который какъ Дамокловъ мечъ тяготѣетъ надъ нами. Но, съ другой стороны, думается, что дѣлать что-либо для того только, чтобы уподобиться во всемъ образованной Европѣ, чтобы не сказали и не подумали о насъ дурно гг. Ширренъ и Боккъ—мотивъ до того избитый и устарѣвшій, что ссылка на него въ настоящемъ случаѣ со стороны «Вѣстника Европы» только и можетъ быть, намъ кажется, объяснена желаніемъ почтеннаго журнала быть вѣрнымъ своему заглавію въ каждой строкѣ своихъ обзорѣній. Думается, что не однимъ рабскимъ копированіемъ чужаго движется впередъ историческая жизнь народовъ, а и развитіемъ самобытныхъ культурныхъ началъ извѣстной національности, примѣнительно къ духу народнаго генія и основному строю

его понятій, и многое другое подобное думается, что уже много разъ твердили міру не одни славянофилы.

Еще одинъ аргументъ автора — обвиненіе нашихъ законовъ въ клерикализмъ. Страшное обвиненіе! Клерикализмъ — вѣдь это нѣчто такое, за что образованный Западъ сажаетъ въ тюрьмы не только простыхъ священниковъ, но епископовъ и архіепископовъ: намъ-ли оставаться къ нему равнодушными? Но опять, съ другой стороны, намъ хочется спросить дѣйствительно ли та° особенность нашего законодательства, которую имѣетъ въ виду авторъ обзорѣнія, вполне тождественна съ тѣмъ, что на Западѣ называютъ клерикализмомъ, а не есть нѣчто своеобразное русское, плодъ исторически сложившейся всегдашней солидарности церкви съ государствомъ далеко не столь злокачественный, какъ извѣстныя тенденціи Ледоховскаго съ компаніей? Гдѣ у насъ не только оппозиція духовенства гражданскому правительству, но и простое участіе его въ общественныхъ дѣлахъ?

Впрочемъ, да не подумаетъ почтенный авторъ «обзорѣнія», чтобы въ принципахъ православной церкви было воставать противъ свободы вѣроисповѣданія. Изложеніе нашихъ понятій объ этомъ предметѣ завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и мы ограничимся на этотъ разъ лишь ссылкой на капитальный трудъ по этому вопросу одного изъ ученѣйшихъ нашихъ богослововъ, покойнаго преосвященнаго Іоанна, епископа смоленскаго, подъ заглавіемъ «о свободѣ совѣсти» (рядъ статей въ «Христ. Чтеніи» за 1864—65 г.). Изъ этого трактата, равно какъ и изъ подобныхъ сочиненій другихъ нашихъ богослововъ (см. напримѣръ «богословскія» сочиненія Хомякова, стр. 73 — 75) авторъ обзорѣнія съ достаточностію убѣдится въ томъ, что не въ принципахъ православія требовать отъ правительства репрессивныхъ мѣръ для насильственнаго удержанія сыновъ церкви въ ея нѣдрахъ, что церковь требуетъ отъ нихъ вѣры свободной и смыслящей, а не вынужденнаго признанія ея ученія, что она даже, какъ не разъ было доказано въ нашей церковно-исторической литературѣ, допускаетъ принципъ участія паствы въ дѣлахъ церковныхъ и даже въ рѣшеніи вопросовъ догматическихъ, и въ тоже время отнюдь не уполномочиваетъ іерархію и священно-служителей на какой бы то ни было видъ неприваннаго вмѣшательства въ гражданскія дѣла. Если и было у насъ время, когда правительство гражданское, говоря языкомъ старинныхъ актовъ, «ревнуя по Господѣ Бозѣ и оберегаючи мать свою, святую церковь», издавало репрессивные законы противъ раскольниковъ; то это время миновало, думаемъ, навсегда и безвозвратно. Да

и въ то время, когда дѣйствительно существовали у насъ полная солидарность и взаимодѣйствіе двухъ властей, самый клерикальный, по мнѣнію историковъ, изъ нашихъ патріарховъ — Адрианъ давалъ такое опредѣленіе взаимнаго ихъ отношенія. «Два великія начальства устроилъ Богъ... ово человѣческими *владущо*, ово же божественнымъ *служаще*». Если позже, со времени Петра, являлись у насъ узаконенія въ родѣ извѣстныхъ статей нашего уголовного кодекса противъ богохульства, святотатства и т. п., то это дѣлалось изъ побужденій чисто государственныхъ, потому что богохульство, святотатство и тому подобныя пороки считались признаками гражданской неблагонадежности, а отнюдь не изъ заботливости объ интересахъ церкви. И если въ настоящее время стали бы думать иначе и, согласно проекту автора «обозрѣнія», отмѣнили означенныя статьи и узаконили свободу открытаго перехода изъ православія въ расколъ, — церковь, съ точки зрѣнія принциповъ православія, едва ли бы сочла себя въ правѣ на то сѣтовать. Самое большее, чего она въ этомъ случаѣ могла бы себѣ пожелать, это — развѣ то, чтобы при такомъ крутомъ поворотѣ дѣла ей дана была возможность должнымъ образомъ подготовиться къ тому новому порядку дѣлъ, какой возникъ бы изъ этой реформы: чтобы, въ виду того, что ей въ такомъ случаѣ пришлось бы одной, своими собственными силами, бороться съ тѣми затрудненіями, какія могутъ для нея возникнуть и, несомнѣнно, возникнуть изъ новаго порядка вещей, она снабжена была должнымъ запасомъ нравственныхъ и матеріальныхъ ресурсовъ для обособленной отъ государства жизни, тѣмъ запасомъ какимъ она обладала и какимъ доселѣ съ избыткомъ дѣлится съ государствомъ при существующей между ними солидарности.

Реформа, проектируемая авторомъ «обозрѣнія», до того колоссальна, что всѣ послѣдствія ея, если бы она осуществилась, трудно теперь взвѣсить. Можетъ быть, когда нибудь она и будетъ осуществлена; и вотъ здѣсь-то открывается предъ нами вся громадность труда, подлежащаго въ настоящее время церкви и духовенству для того, чтобы не быть застигнутыми въ расплохъ, чтобы въ моментъ кризиса быть въ состояніи силою убѣжденія и нравственнаго вліянія удержать въ нѣдрахъ церкви людей малосмыслящихъ въ вѣрѣ и легкомысленныхъ, падкихъ на всякую новизну; здѣсь-то открывается вся важность вопроса объ улучшеніи быта духовенства, о поднятіи въ немъ умственнаго и нравственнаго уровня, о заготовкѣ наибольшаго количества свѣжихъ силъ, вполне достаточныхъ и снабженныхъ всѣми способами для успѣшнаго пастырскаго дѣйствованія, такъ какъ

церковь Христова, будучи учрежденіемъ божественнымъ на землѣ, тѣмъ не менѣе, требуетъ на служеніе себѣ силы человѣческія, и по самой идеѣ о церкви, какъ высшемъ изъ учрежденій, существующихъ въ мірѣ, должна привлекать на служеніе себѣ лучшія силы, какія имѣются въ человѣчествѣ. Между тѣмъ лучшія и свѣжія силы, поступившія было въ распоряженіе церкви, нерѣдко уходятъ отъ служенія ей, или совсѣмъ не направляются къ такому служенію.

Установленіе опредѣленныхъ штатовъ для духовныхъ училищъ и семинарій и болѣе строгая требовательность при приемѣ въ нихъ и при переходахъ изъ класса въ классъ вызвали, какъ извѣстно, весьма грустное явленіе въ жизни духовенства; множество дѣтей лицъ духовнаго званія, не принятыхъ въ училища и семинарію или исключенныхъ изъ нихъ, должны оставаться при родителяхъ безъ образованія. Въ виду такого положенія, духовенство нѣкоторыхъ епархій придумало устраивать для своихъ дѣтей, не принятыхъ въ духовныя училища и семинаріи или уволенныхъ изъ нихъ, ремесленныя школы: въ этомъ смыслѣ составлены были постановленія на сѣздахъ духовенства епархій вятской, саратовской, вологодской, московской и владимірской. По мнѣнію автора «обозрѣнія» это явленіе показываетъ, что духовное сословіе тяготеетъ существующимъ въ средѣ его пролетариатомъ и ищетъ для него исхода на пути производительнаго труда. При этомъ авторъ справедливо удивляется, что духовенство московской и владимірской епархій предположило обучать дѣтей не обыкновеннымъ ремесламъ, а только тѣмъ, которыя болѣе *приличны* для дѣтей священнослужителей: иконописанію, чеканному, рѣзному, малярному и переплетному. Почему, въ самомъ дѣлѣ, малярное ремесло болѣе «прилично» для дѣтей духовенства, чѣмъ столярное или и всякое иное, дающее возможность жить трудомъ и въ достаткѣ, вмѣсто странствованія по монастырямъ въ ожиданіи причетническихъ мѣстъ? Какъ бы то ни было, для устраненія этого рода пролетариата въ духовномъ вѣдомствѣ придуманы средства.

Приведя, изъ отчета г. оберъ-прокурора св. Синода цифру бракоразводныхъ дѣлъ, авторъ находитъ, что дѣла эти не должны быть подвѣдомственны духовнымъ консисторіямъ, равно какъ и веденіе метрикъ — актовъ гражданскаго состоянія — должно быть изъято изъ вѣдомства духовнаго. «Священники, производящіе регистрацію рожденій, говоритъ онъ, не имѣютъ ни юридическаго навыка, ни, быть можетъ, той дѣловитой сухости, какая требуется для совершенія юридическихъ актовъ. Притомъ священники большею частію производятъ запись не сами, а чрезъ причетника, который записываетъ фактъ со

словъ того лица, которое ему этотъ фактъ сообщаетъ, хотя бы то былъ посторонній, распоряжающійся домашними приготовлениями къ совершенію обряда,—во всякомъ случаѣ при записи не требуютъ акта о бракѣ, тѣмъ болѣе—не спросить, рожденъ ли ребенокъ въ законномъ бракѣ. Такимъ образомъ были примѣры, что незаконныя дѣти записывались законными и пользовались всеми наслѣдственными правами». Сколько намъ извѣстно, мысль эта не впервые высказывается въ нашей литературѣ. Авторъ предлагаетъ завести, для веденія метрическихъ книгъ, особыхъ нотаріусовъ. Будетъ ли это надежнѣе, обычнѣе, *суше*, а кстати и дешевле?

Нѣсколько словъ въ разсматриваемомъ «обозрѣніи» посвящено полемикѣ съ «Московскими Вѣдомостями» по вопросу о народныхъ школахъ. «Московскія Вѣдомости», по словамъ автора «обозрѣнія», высказали убѣжденіе въ бесполезности особыхъ учительскихъ институтовъ для приготовленія народныхъ учителей, и въ необходимости передать дѣло народнаго обученія въ руки духовенства. Одинъ изъ мотивовъ, приводимыхъ къ статьѣ, состоитъ въ указаніи на примѣръ Франціи, гдѣ будто бы развитіе социалистическихъ ученій и самая революція были прямымъ слѣдствіемъ учрежденія особыхъ учительскихъ институтовъ. Авторъ обозрѣнія стоитъ за учительскія семинаріи и — противъ замѣщенія учительскихъ должностей въ сельскихъ школахъ семинаристами. Съ своей стороны отнюдь не заходя такъ далеко, какъ «Московскія Вѣдомости», и отнюдь не раздѣляя опасенія, которое приписываетъ этой газетѣ нашъ авторъ, мы однакожъ считаемъ своимъ долгомъ сказать слово — не противъ учительскихъ семинарій, учреждаемыхъ у насъ земствами и министерствомъ народнаго просвѣщенія, а въ пользу народныхъ учителей изъ семинаристовъ. Болѣе или менѣе высокій уровень умственнаго развитія ни въ какомъ случаѣ и ни для кого, тѣмъ болѣе для народнаго учителя, не составляетъ дѣла излишняго. Каково бы ни было общее образованіе, сообщаемое въ учительскихъ институтахъ, оно, конечно, всегда будетъ ниже того, какимъ обладаетъ окончившій курсъ воспитанникъ семинаріи. Нечего бояться того, что это образованіе — специально — богословское и «схоластическое»: автору «обозрѣнія» должно быть извѣстно, что въ кругу учебныхъ предметовъ семинарскаго преподаванія находится педагогика съ дидактикой, и кромѣ того въ воскресныхъ школахъ, учрежденныхъ при болѣе части духовныхъ семинарій, ученики практически знакомятся съ методикой обученія. Мы имѣли случай не разъ лично убѣдиться въ томъ, съ какимъ рвеніемъ и любовью и съ какимъ знаніемъ дѣла они занимаются педагогикой, а

также практическими упражненіями въ преподаваніи въ воскресныхъ школахъ при семинаріяхъ. Мы знаемъ также не одинъ примѣръ того, какъ само министерство народнаго просвѣщенія открывало даровитыхъ и компетентныхъ знатоковъ педагогическаго дѣла между молодыми преподавателями семинарій и изъ провинціальныхъ семинарій извлекало ихъ на болѣе видныя посты педагогической дѣятельности... Нечего также бояться и того, что «должность сельскаго учителя сдѣлается для семинариста передней, въ которой будутъ временно толкаться чающіе другихъ мѣстъ». Что можетъ помѣшать министерству или губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ опредѣлять семинаристовъ въ сельскихъ учителя не иначе, какъ съ обязательствомъ болѣе или менѣе продолжительной службы въ сельскихъ школахъ?..

Въ заключеніе своего «обозрѣнія» авторъ сообщаетъ интересное открытіе, имъ сдѣланное. На Руси существуетъ, по его словамъ, не только клерикальное законодательство, но и клерикальная партія, или нѣтъ, поправляется авторъ, не клерикальная партія, а клерикальные кружки. «Массѣ русскаго народа свойственно чувство религіозной терпимости; образованное общество въ Россіи, за ничтожными по числу исключеніями, не только не заражено фанатизмомъ, но даже относится слишкомъ равнодушно къ религіознымъ вопросамъ (честь какая!); правительство прямо заинтересовано въ томъ, чтобы не возбуждать религіозныхъ преслѣдованій, оставлять раскольниковъ въ покоѣ и дать имъ гражданскую равноправность. При такомъ общемъ направленіи, какъ объяснить, спрашиваетъ авторъ, тѣ задержки, какія прямо противопологаются признанію принципа полной религіозной терпимости въ государствѣ?»

«Къ чести православнаго духовенства въ Россіи, комплиментируетъ далѣе составитель «обозрѣнія», можно сказать, что оно никогда не пыталось сплотиться въ партію для подчиненія себѣ хода мірскихъ дѣлъ, подобно духовенству католическому. Конечно, это отчасти зависитъ отъ самой организациі православнаго духовенства. Ближайшее отношеніе къ обществу имѣетъ у насъ духовенство семейное, котораго члены слишкомъ заняты собственными семейными дѣлами, и которое, сверхъ того, не имѣя въ виду чрезъ усиленное рвеніе достигнуть высшихъ іерархическихъ степеней, для него закрытыхъ, не можетъ быть одержимо духомъ честолюбія. Да и самый духъ православія, охотно уступающій кесарево кесареви, имѣетъ несомнѣнное значеніе въ воздержаніи іерарховъ отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла. Но клерикальные кружки въ обществѣ у насъ тѣмъ не менѣе существуютъ и, какъ по составу своему, такъ и по направленію своей

дѣятельности, вполне похожи на клерикальные кружки, существующіе во Франціи. Разница между тѣми и другими зависитъ именно отъ настроенія духовенства въ той и другой странѣ. Въ то время, какъ во Франціи свѣтскіе клерикальные кружки являются только органами, которымъ движеніе сообщается честолюбивымъ и страстнымъ духовенствомъ, у насъ, на оборотъ, скорѣе можно признать, что свѣтскіе клерикальные кружки стараются подвигнуть и увлечь умѣренное духовенство. Кружки эти имѣютъ адептовъ во всѣхъ слояхъ общества; напрасно думаютъ, что всѣ ихъ члены принадлежатъ къ такъ называемому «свѣту». Но и у насъ, какъ во Франціи, свѣтъ имѣетъ для этихъ кружковъ значіе притягательной силы. Многіе изъ самыхъ усердныхъ мірскихъ клерикаловъ, по своему происхожденію и достатку, находятся внѣ свѣта, но видятъ въ своемъ усердіи именно средство проникнуть въ свѣтъ, завести связи и сдѣлать карьеру. Что касается до женщинъ, работающихъ въ этихъ кружкахъ, то онѣ не приходятъ извнѣ, но остаются въ своей свѣтской сферѣ и являются главными пружинами всей говорящей, ходатайствующей и собирающей лепты дѣятельности кружковъ. Увлекаетъ ихъ въ эту дѣятельность пустота жизни, отсутствіе прямыхъ обязанностей, одиночество или неимѣніе дѣтей. Само собою разумѣется, что никакой серьезной работы этими кружками не производится уже потому, что они на нее неспособны. Они не имѣютъ такихъ свѣдущихъ и практическихъ руководителей, каковы отцы іезуиты. Чисто внѣшняя легкомысленная бесѣда объ обрядахъ, о цвѣтѣ ризъ, о красотѣ голосовъ пѣвчихъ, вотъ все религиозное созерцаіе, къ какому они способны. Поверхностность религиознаго образованія свѣтскихъ женщинъ вообще у насъ такова, что главныя дѣятельницы кружковъ, можно сказать, даже катехизиса порядочно не знаютъ, не знаютъ твердо, въ чемъ состоятъ догматическія особенности того исповѣданія, за мнимые интересы котораго онѣ ратуютъ, и тѣхъ исповѣданій, противъ которыхъ вооружаются. Тѣмъ не менѣе дѣятельность этихъ кружковъ, сама по себѣ неплодная, не остается безъ вліянія въ томъ смыслѣ, что она искусственно поддерживаетъ вокругъ людей вліятельныхъ такой говоръ, которому вове не соответствуетъ ни настроеніе русскаго народа, ни интересы правительства. Не смотря на всѣ свои колебанія и пустоту, клерикальные кружки, благодаря немно имѣ неотвязчивымъ усердницамъ, не могутъ не достигать такого результата, что создается нѣчто въ родѣ фальшиваго общественнаго мнѣнія. Легко представить себѣ, что такое мнимое общественное мнѣніе можетъ оказывать вліяніе даже на людей до-

стойныхъ полнаго уваженія за искренность и глубину своихъ религиозныхъ чувствъ, но стоящихъ почему-либо внѣ теченія мыслей всего нашего общества. Тартюфы вредны не столько сами по себѣ, сколько именно потому, что своею пронырливостію и неотвязчивостію они способны сбивать порядочныхъ людей, окружая ихъ миражами опасностей и несуществующихъ необходимостей».

Противъ кого направлена эта филиппика и есть ли въ ней сколько нибудь правды, мы не знаемъ и судить не беремся, предоставляя это самимъ читателямъ. Дозволимъ себѣ только замѣтить, что, прочитавъ обзорѣніе «Вѣстника Европы», мы поняли, что слѣдуетъ раззорить существующія ограды православной церкви въ Россіи, какъ уже обвѣтшавшія, устранить духовенство отъ тѣхъ или другихъ, доселѣ лежащихъ на немъ, обязанностей, какъ не свойственныхъ ему, и подвергнуть осмѣянію дѣятельность какихъ-то неизвѣстныхъ намъ кружковъ, потому что она направлена къ пользамъ церкви неосмысленно. Но для чего все это необходимо сдѣлать и какихъ благъ достигнетъ тогда Европа, или хотя бы та часть ея, которая до сихъ поръ, къ стыду, конечно, нашему, называется еще Россіей, этого мы постигнуть не могли.

1875.

Къ характеристикѣ религіознаго состоянія современнаго русскаго общества.

Въ прошедшемъ великомъ посту въ петербургскомъ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ происходило интересное движеніе религіознаго свойства, возбуждившее въ нашихъ газетахъ оживленные толки и споры. Въ Петербургъ прибылъ нѣкто, англичанинъ, лордъ Рэдстокъ, — съ цѣлю, какъ оповѣстили, не безъ ироніи, газеты, «пробуждать и укрѣплять въ нашемъ великосвѣтскомъ обществѣ вѣру въ Иисуса Христа». На другой же день послѣ его прибытія, рассказываетъ «Гражданинъ», весь петербургскій большой свѣтъ встрепенулся. По десяти и по двадцати приглашеній на день получалъ лордъ Рэдстокъ отъ дамъ большаго свѣта — пріѣхать побесѣдовать съ ними о Христѣ. Не ограничиваясь «конференціями» въ частныхъ великосвѣтскихъ салонахъ, лордъ затѣмъ сталъ проповѣдывать въ американской кирхѣ, и русскія великосвѣтскія дамы съ своими семействами спѣшили съѣзжаться въ эту кирху послушать достопочтеннаго лорда. Залы и кирха наполнялись дамами — все графини да княгини; лордъ-апостоль становился на колѣни, и, возведя глаза къ небу, просилъ вдохновенія свыше; затѣмъ обращаясь къ собравшимся, говорилъ: «теперь помолимся», и произносилъ въ слухъ импровизованную молитву. Затѣмъ бралъ библію и проповѣдывалъ на первый попавшійся текстъ. «Говоритъ онъ хорошо; дамы слушаютъ въ восторженномъ благоговѣніи: видъ ихъ напоминаетъ язычницъ временъ апостола Павла — съ горящими глазами, прикованными къ лицу проповѣдника» — «Ахъ, милордъ, если бы вы знали, какъ благотворно на меня дѣйствуете, говоритъ по окончаніи проповѣди, одна княгиня; только теперь я понимаю, что любить Христа можно лишь въ вашей церкви». «Теперь я понимаю, говоритъ другая изъ слушательницъ — аристократокъ, что значить протестантизмъ — это настоящая религія Христова». «Вотъ такую религію я понимаю, восклицаетъ третья: любовь, только любовь, а не то, что наши обѣдни да всенощныя, на которыхъ ничего не понимаешь»...

Свѣдѣнія о личности, а равно содержаніи, внѣшнемъ и внутреннемъ достоинствѣ проповѣдей лорда Рэдстока оказываются разнорѣчными. «Гражданинъ» рассказываетъ, что по окончаніи курса въ оксфордскомъ университетѣ лордъ поступилъ въ военную службу. Въ чинѣ полковника онъ вышелъ въ отставку и сталъ вести кочевую жизнь по Англіи, проповѣдуя евангеліе во всѣхъ слояхъ населенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сталъ пріѣзжать на континентъ; въ Парижѣ, Женевѣ, и другихъ городахъ давалъ митинги въ капеллахъ и частныхъ домахъ, куда собирались лица всѣхъ исповѣданій и національностей. Многие, не одни русскіе, не однѣ дамы обязаны ему своимъ духовнымъ пробужденіемъ, продолжаетъ «Гражданинъ». Лордъ Рэдстокъ предпочтенный и весьма привлекательный своею искренностію человекъ. Онъ увѣровалъ въ христіанство по своему, и вѣра эта въ немъ такъ горяча, что говорить о ней съ другими составляетъ для него потребность души. Ученіе его не представляетъ ничего новаго. Достаточно его разъ послушать, чтобы убѣдиться, что онъ ни мало не старается пріобрѣсть прозелитовъ для какой-либо церкви. Тема его проповѣдей одна и та же. Онъ доказываетъ цитатами изъ священнаго писанія, что «спасеніе души уже даровано намъ смертію Іисуса Христа, и что только одна вѣра можетъ намъ внушить истинно богоугодныя дѣла, какъ выраженіе нашей любви и благодарности». «Это одинъ изъ тѣхъ людей, которыѣ, какъ часто бываетъ на Западѣ, вслѣдствіе мистическаго настроенія духа воображаютъ, что они свыше призваны къ тому, чтобы служить такъ называемой внутренней миссіи, то есть пробуждать и оживлять начатки вѣры и спасенія въ сердцахъ христіанъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія и отъ церкви, къ которой они принадлежатъ».

Такъ рассказываютъ о Рэдстока и такъ смотрятъ на него одни изъ заинтересовавшихся этой личностью. Другіе судятъ о немъ совершенно иначе. Корреспондентъ Церковно-общественнаго Вѣстника, напримѣръ, который, «получивъ приглашеніе присутствовать на одной изъ конференцій лорда Рэдстока, съ удовольствіемъ успѣшилъ воспользоваться имъ», дѣлаетъ крайне неблагоприятный отзывъ о видѣнномъ и слышанномъ. Въ этомъ собраніи лордъ-проповѣдникъ объяснялъ 53-ю главу книги пророка Исаіи. «Естественно было ожидать, говоритъ корреспондентъ, что ораторъ воспользуется возвышенными образами этого текста для изображенія искупительной смерти Христовой; но къ крайнему нашему удивленію ничего подобнаго не послѣдовало». Ораторъ по прочтеніи этой главы сталъ импровизировать «крайне-нескладную по изложенію и весьма непослѣдовательную по

мыслямъ рѣчь почти безъ всякаго опредѣленнаго содержанія». «Лицамъ, мало мальски знакомымъ съ догматическими воззрѣнiями нашей церкви, не могло не броситься въ глаза, что ораторъ, какъ истый приверженецъ протестантскихъ идей, отрицалъ необходимость и спасительную силу добрыхъ дѣлъ, какъ условiя нашего оправданiя предъ Богомъ, строго держась ученiя о спасенiи человѣка одною вѣрою». Затѣмъ на страницахъ той же газеты явилась другая корреспонденция о лордѣ Рэдстокѣ, которая отнеслась къ злопозучному проповѣднику еще неблагоклоннѣе, чѣмъ предыдущая. И мать-то у него такая-то, и сестра-то его, вмѣстѣ съ матерью сопутствовавшая лорду въ его миссионерскихъ поѣздкахъ по Европѣ, то же женщина совсѣмъ не хорошая. Корреспондентъ присутствовалъ на одной изъ конференцiй лорда въ Вевѣ, въ Швейцарiи. На ней присутствовало всего восемь человѣкъ, да и тѣ, по мнѣнiю корреспондента, очутились въ салонѣ лорда Рэдстока лишь потому, что мать и сестра его, расхаживая по улицамъ и гостинницамъ городка, съ встрѣчными и поперечными иностранцами, ни съ того, ни съ сего, заводили рѣчь о конференцiяхъ лорда и кончали ее лишь добившись обѣщанiя со стороны собесѣдника непременно придти послушать. Конференция началась тѣмъ, что мать и сестра лорда «перенархивали» отъ одного кресла къ другому, раздавая каждому изъ присутствующихъ библiю. Затѣмъ завѣтная дверь отворилась, и глазамъ присутствующихъ предсталъ «рыжiй англичанинъ». Поклонившись обществу, онъ «какъ автоматъ, шлепается» въ стоящее по срединѣ комнаты кресло, кладетъ одну ногу на другую, и сидитъ неподвижно «вытаращивъ глаза», какъ будто смотря на все, и въ тоже время какъ будто не глядя ни на что, и только изрѣдка устремляя ихъ вверхъ, какъ бы для того, чтобы разглядѣть и воспринять что-то опускающееся свыше... и такъ далѣе, въ томъ же юмористически-саркастическомъ тонѣ. Проповѣдь лорда, и на этотъ разъ, какъ и въ описанный выше, была (конечно) безсодержательна и представляла не что иное, какъ наборъ мистическихъ фразъ. Вообще все дѣло лорда есть не что иное, какъ болѣзненно-фальшивое игранье въ вѣкъ апостольскiй, профанация святыни христіанскаго ученiя.

«Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ» во взглядѣ на личность Рэдстока, «судить о томъ не намъ, а только возъ и нынѣ тамъ», — то есть, мы хотимъ сказать, что положенiе церкви относительно общества доселѣ, очевидно, остается то же самое, какое было въ первой четверти нынѣшняго столѣтiя, когда слово графа де-Местра, пастора Госнера, Фесслера, Паккингтона и Пиквертона, раздававшее-

ся въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, одерживало верхъ надъ всѣми силами не только рядовыхъ приходскихъ священниковъ, но и самой русскоѣ іерархіи. Лордъ только повторилъ исторію, бывшую на нашей памяти (въ 50-хъ годахъ) извѣстнаго іезуита Сойяра, на проповѣди котораго объ immacулатной концепціи и тому подобныхъ сюжетахъ, еще менѣе содержательныя, чѣмъ рѣчи лорда Рэдстока, но обставленныя гораздо болѣе уродливыми аксессуарами и манипуліціями, стекался весь beau monde Петербурга, не смотря на то, что vis-à-vis съ церковію, въ которой онъ проповѣдывалъ, достопочтенный о. протоіерей В. П. Полисадовъ въ тѣ же часы произносилъ свои ученія, ни въ какомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, неуступавшія проповѣдямъ заѣзжаго оратора. Такимъ образомъ ни что не ново подъ луною, ни даже — вновь прибывшіе изъ-за границы проповѣдники! По видимому лордъ Рэдстокъ представляетъ изъ себя обыкновенный типъ англійскаго проповѣдника методиста, первообразъ котораго — извѣстный лондонскій ораторъ — методистъ Карлъ Спуржонъ, собиравшій на свои религіозные митинги въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ десятки тысячъ народа, фанатизировавшій толпу, не смотря на то, что ни одна изъ его проповѣдей, кажется, не могла быть напечатана по невозможности передать въ литературной формѣ импровизаціи эзальтированнаго оратора.

Другое дѣло — самый фактъ увлеченія нашихъ великосвѣтскихъ православныхъ дамъ проповѣдію лорда Рэдстока: здѣсь всѣ газеты сходятся въ единогласномъ осужденіи легкомыслія нашего beau mond'a. «Въ этомъ явленіи, замѣчаетъ «Гражданинъ», впервые оповѣстившій русскій міръ объ интересномъ проповѣдникѣ, столько уродливаго, столько смѣшнаго, столько неспостижимаго, столько соблазнительнаго и вреднаго для дѣтей этихъ великосвѣтскихъ матерей и столько оскорбительнаго для нашей церкви, что, право, радоваться успѣху проповѣди Рэдстока не хватаетъ духу. Чтобы идти на проповѣдь о Христѣ на англійскомъ и французскомъ языкахъ, упиваться и просвѣщаться ею — нужно быть въ томъ состояніи души, въ какомъ находятся жители алеутскихъ острововъ, быть язычниками, быть внѣ церкви». Поведеніе нашихъ великосвѣтскихъ дамъ относительно лорда Рэдстока представляется «Гражданину» тѣмъ болѣе предосудительнымъ, что они не ограничились однимъ выслушиваніемъ его проповѣдей, а въ слѣдъ за нимъ совершали колѣнопреклоненіе въ киркѣ и распѣвали псалмы, то есть совершали дѣйствія, которыя принято называть обрядами извѣстнаго исповѣданія.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что увлеченіе Рэд-

стокомъ, далеко не было всеобщимъ, какъ это показалось съ перваго раза газетнымъ корреспондентамъ. Въ томъ же «Гражданинѣ», главномъ органѣ полемики, возникшей по поводу лорда Рэдстока, не одинъ разъ появлялись изъ подъ пера лицъ изъ большого свѣта отреченія отъ этой великосвѣтской безпоповщины — такъ придумали назвать слушателей и слушательницъ лорда Рэдстока. Въ одномъ изъ такихъ отреченій не можемъ не остановить вниманія читателей на слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ. Авторъ статьи, княгиня Д—я, пишетъ: «если бы авторы статей (по поводу проповѣдей Рэдстока) лучше знали большой свѣтъ, они не могли бы не замѣтить большой перемѣны къ лучшему въ отношеніяхъ матерей семействъ къ познанию своего роднаго языка, своей исторіи и своей церкви, — не могли бы не знать, что есть нѣсколько семействъ, гдѣ матери и ихъ дочери, проводя цѣлое лѣто и половину осени въ деревнѣ, начали съ того, что учились тамъ быть русскими, а потомъ до того выучились этой наукѣ, что теперь съ особенною любовію учатъ крестьянскихъ дѣтей, ввели священника въ свой домашній міръ... и, главное, всею душою сроднились съ живымъ міромъ нашей церкви. Отчего, спрашиваетъ княгиня Д—я, не привѣтствовать добрымъ словомъ тѣхъ изъ нашихъ дамъ большого свѣта, которыя проснулись отъ долгаго сна невѣжества и космополитизма, проснулись, встали и ожили новой жизнью? Войдите въ ихъ домъ и посмотрите, какъ изгнаны оттуда всѣ глупые предрасудки, всѣ фальшивые порывы къ искусственнымъ идеаламъ, всѣ натянутыя, пустыя и чванныя отношенія къ людямъ; какъ отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ — просты и естественны; какъ каждое воскресенье эти семьи во время приходятъ къ обѣднѣ, а въ субботу—ко всенощной; какъ онѣ стоятъ въ церкви благочестиво и просто, какъ слушаютъ они проповѣди иныхъ священниковъ, не становясь въ театральныя позы, какъ возвратясь домой мать бесѣдуетъ съ дѣтьми о слышанномъ евангеліи»...

Да и сами слушательницы лорда Рэдстока далеко не признаютъ себя настолько преступными, какъ это кажется ихъ обвинителямъ. Онѣ стараются осмыслить и оправдать свое вниманіе къ проповѣдямъ заѣзжаго проповѣдника, доказывая, что слушать слово о Христѣ отъ христіанина, хотя бы онъ и принадлежалъ къ другому вѣроисповѣданію, слово, благотворно вліяющее на религіозное чувство и не затрогивающее вѣроисповѣдныхъ разностей, не значитъ еще отрекаться отъ своей церкви, и, во всякомъ случаѣ, вниманіе къ такому слову не исключаетъ должнаго уваженія къ священнослужителямъ своей

церкви, и въ посѣщеніи конференцій лорда Рэдстока, такимъ образомъ, нѣтъ ничего безпоповщинскаго. Въ отвѣтныхъ статьяхъ, написанныхъ по поводу этихъ объясненій, въ особенности въ статьяхъ кн. В. Мещерскаго, насъ пріятно изумила компетентность этихъ свѣтскихъ писателей въ вопросахъ догматическихъ и каноническихъ, въ опредѣленіи правилъ поведенія и отношеній христіанъ къ церкви, по ученію православія, въ чемъ, какъ намъ кажется, сказалось изученіе богословскихъ сочиненій Хомякова.

Что касается насъ, то въ увлеченіи дамъ нашего большаго свѣта конференціями лорда Рэдстока мы видимъ не больше, какъ одно изъ проявленій всегдашней характеристической особенности женскаго темперамента — избытокъ религіознаго чувства и религіознаго порыва при недостаточной ясности религіознаго пониманія. Обнаруживъ эту слабую сторону въ жизни нашего великосвѣтскаго общества, исторія лорда-проповѣдника въ тоже время даетъ намъ понять о присущей этому обществу религіозной потребности, слабо, должно быть, удовлетворяемой нашими наличными ресурсами пастырской практики. А это ясно указываетъ на одну существенную задачу церкви въ настоящее время: намъ слѣдуетъ подумать о болѣе тѣсномъ сближеніи нашего духовенства съ обществомъ, объ усиленіи способовъ религіознаго воздѣйствія пастырей на пасомыхъ. Въ этомъ смыслѣ мы охотно присоединяемся къ проекту, предлагаемому газетами: устраивать ежегодно, въ великомъ посту, публичныя чтенія по предметамъ изъ области наукъ церковныхъ. Усиѣхъ прошлогоднихъ публичныхъ лекцій протоіерея Н. А. Сергіевскаго въ Москвѣ, И. Т. Осипина и протоіерея Заркевича въ Петербургѣ можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что и новыя лекціи найдутъ себѣ достаточный кругъ слушателей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшало бы, намъ кажется, позаботиться и объ усиленіи нашей обыкновенной церковной проповѣди. О томъ, что дѣло проповѣдничества въ Петербургѣ находится не въ блестящемъ положеніи, намъ кажется, не нужно много распространяться. «Гражданинъ» упоминаетъ, правда, о проповѣдяхъ, произносимыхъ въ Исаіевскомъ соборѣ, въ Знаменской церкви и въ церкви гимназіи челоувѣколюбиваго Общества: но эти проповѣди, имѣющія, положимъ, несомнѣнныя достоинства, составляютъ такой незначительный итогъ въ общемъ ходѣ нашей церковной жизни, что, намъ кажется, далеко не удовлетворяютъ существующей въ этомъ отношеніи потребности и даже не обращаютъ на себя того вниманія, какого можетъ быть заслуживали бы. Наши священники слишкомъ заняты своими приходскими священнослужительскими и

школьными—законоучительскими обязанностями, чтобы удѣлять этому важному дѣлу столько времени, сколько оно требуетъ для того, чтобы быть, чѣмъ слѣдуетъ... Отчего бы, намъ кажется, не специализировать дѣло проповѣди, выдѣливъ ее изъ общаго круга занятій приходскаго священника въ специальную обязанность нѣкоторыхъ изъ священнослужителей (примѣрно—по одному священнику на каждый изъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ ихъ имѣется болѣе двухъ) различныхъ церквей, — обнаруживающихъ особенную склонность къ этому дѣлу и признанныхъ епархіальнымъ начальствомъ наиболѣе къ тому способными. Большихъ измѣненій въ порядкѣ церковно-приходской жизни въ этомъ случаѣ не потребовалось бы: стоитъ лишь освободить этихъ священниковъ—въ возмѣщеніе ихъ особыхъ трудовъ по проповѣдничеству—отъ очереднаго священнослуженія (но не отъ исправленія требъ по приходу, отъ которыхъ приходскіе священники получаютъ средства содержанія).

Исторія лорда Рэдстока вызвала появленіе многихъ весьма дѣльных замѣчаній относительно религіознаго состоянія нашего общества, въ нашихъ газетахъ. Но, намъ кажется, никто такъ вѣрно и мѣтко не охарактеризовалъ этой стороны нашей общественной жизни, какъ Ю. Ө. Самаринъ въ своемъ предисловіи къ изданнымъ имъ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова. Не смотря на то, что эта характеристика написана имъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она, конечно, не утратила нисколько своего значенія и по настоящее время. Въ этой характеристикѣ одинаково хорошо очерчены отношенія къ религіи и церкви какъ представителей науки, и ея различныхъ фракцій въ нашей ученой литературѣ, такъ и представителей такъ называемаго великосвѣтскаго общества.

«Подъ вліяніемъ направленія, даннаго наукѣ (во времена гегелизма) на западѣ, говоритъ почтенный авторъ предисловія, у насъ наука смотритъ на вѣру съ высока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человечество должно выбиваться на просторъ. Временная необходимость вѣры, какъ одного изъ моментовъ безначальнаго и безконечнаго развитія чего-то саморазвивающагося, не оспаривается; но этимъ признаніемъ за нею *нѣкотораго* значенія очевидно заявляется и ея ограниченность, какъ переходящей формы, которую это нѣчто не могло удовлетвориться навсегда. Несостоятельность притязаній вѣры на непреложность и неизмѣнность кажется нашимъ ученымъ окончателью выяснею; остается отрѣшиться отъ нея и искать лучшаго. Затѣмъ, окончательно-ли должна исчезнуть вѣра съ лица земли, какъ думали одни, мыслители рѣшительные и послѣдовательные, или отвести ей въ новомъ мірѣ, въ сторонѣ отъ царскаго пути, которымъ пой-

детъ развитіе, скромный пріютъ (предоставить ей удовлетворять не развившееся сознаніе народовъ младенчествующихъ, какъ напримѣръ нашего простаго народа), какъ говорили другіе, этотъ вопросъ на взглядъ нашихъ гегельянцевъ не представлялъ особенной важности».

«Понятно, продолжаетъ авторъ, что, при такомъ воззрѣніи на вѣру, наше православіе не можетъ имѣть большаго значенія даже въ смыслѣ историческомъ. Для всякаго очевидно, что результаты, до которыхъ доработалась наука, связывались непосредственно съ латинствомъ и протестантствомъ, а не съ православіемъ. Латинству, разсуждаютъ обыкновенно, принадлежала неотъемлемая заслуга проявленія религиозной идеи во всей ея величавой исключительности и суровой односторонности; оно же, тѣмъ самымъ, вызвало протестантство, которое, въ свою очередь, провозгласивъ самодержавіе личнаго разума, подготовило царство науки, въ нашихъ глазахъ вступившей во владѣніе человѣческою совѣстію и судьбами человѣчества. Православіе оставалось въ сторонѣ отъ этого діалектическаго развитія религиозной мысли и потому не могло даже претендовать ни на какую долю исторической заслуги, признанной за западными вѣроисповѣданіями. Православіе не участвовало въ «саморазложеніи христіанства»,—это былъ главный порокъ его».

Въ этихъ словахъ почтенный авторъ предисловія, намъ кажется, вполне удачно охарактеризовалъ то воззрѣніе на вѣру, представителями котораго можно, кажется, считать въ нашей литературѣ Грановскаго и его школу, въ особенности Герцена, который, въ своихъ извѣстныхъ заграничныхъ изданіяхъ, болѣе чѣмъ кто либо иной изъ школы Грановскаго, философствовалъ о религиозныхъ вопросахъ и высказывался съ большою опредѣленностію и полнотою о такихъ, щекотливыхъ въ то время, предметахъ. Странно было бы въ настоящее время говорить, подобно нѣкоторымъ нашимъ духовнымъ «публицистамъ» прошлаго времени, съ злобою и раздраженіемъ объ этихъ, конечно, вполне ошибочныхъ воззрѣніяхъ. Это были люди убѣжденія, и этого одного достаточно для того, чтобы отнестись къ нимъ съ уваженіемъ. По крайней мѣрѣ о такихъ личностяхъ, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Бѣлинскій, мы съ спокойною совѣстію можемъ повторить почти тоже самое, что сказалъ одинъ изъ нихъ (Грановскій) о людяхъ діаметрально противоположныхъ ему убѣжденій—славянофилахъ: «я отъ всей души уважаю этихъ людей, не смотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій». Тѣмъ не менѣе, нельзя не допустить, что многочисленные слушатели знаменитаго московскаго профессора и не менѣе обширное, а пожалуй даже гораздо большее число читателей и почитателей Бѣлинскаго, до настоящей поры исповѣдуютъ эти или родственныя имъ убѣжденія,—

и здѣсь источникъ индифферентныхъ или и отрицательныхъ отношеній къ вѣрѣ и церкви значительной части нашего общества.

«Вслѣдъ за идеализмомъ (т. е. въ настоящемъ случаѣ—невѣріемъ философскимъ), который поканчивалъ съ вѣрою по своему, находя ее слишкомъ грубою и вещественною, у насъ возникло другое ученіе, повидимому совершенно противоположное первому, но въ сущности родственное ему, которому вѣра не нравилась какъ сила, тянущая человѣка куда-то въ верхъ и отвлекавшая его отъ міра вещественнаго. Это—материализмъ. Материализмъ выросъ подъ крыломъ идеализма,—потомъ, оперившись, заклевалъ своего родителя, и оставшись безъ роду и племени, присосѣдился почти насильно къ естественнымъ наукамъ, въ сущности вовсе ему непричастнымъ. Материализмъ не оказываетъ вѣрѣ даже той снисходительной терпимости, къ какой склонялись представители невѣрія философскаго. Онъ добивается прямого, немедленнаго примѣненія требованій своихъ къ практикѣ; для материализма послѣдовательнаго насиліе, какъ орудіе прогресса, вовсе не страшно,—по крайней мѣрѣ, для материализма русскаго. Онъ смотритъ поэтому и на вѣру даже не какъ на необходимый моментъ въ самовоспитаніи человѣчества, а какъ на простую помѣху, съ которою онъ не можетъ ужиться и не имѣетъ причины перемониться. Отсюда ожесточенность его нападеній на вѣру и грубость глумленія, столь рѣзко противоположная рыцарскимъ приемамъ невѣрія философскаго, которое также выпроваживало вѣру, но—выпроваживало учтиво». Вспомните, въ самомъ дѣлѣ, послѣдніе годы «Современника» и «Русскаго Слова» и отношеніе этихъ журналовъ къ религіозному міросозерцанію, напримѣръ при раборѣ, въ 1861 году, сочиненій Хомякова и Кирѣевскаго—писателей, пытавшихся путемъ литературнаго слова провести религіозные принципы въ сознаніе и жизнь общества (взгляните на статьи—Добролюбова: «Московское словенство» и Писарева: «Русскій донъ-вихоть»), и вы поймете, почему многіе вовсе не глупые люди смотрѣли когда-то довольно снисходительно даже на «Домашнюю Бесѣду» г. Аскоченскаго, который въ то время, какъ всѣ наши духовные журналы, присяжные защитники религіозныхъ и церковныхъ интересовъ, игнорировали модное направленіе свѣтской литературы, не признавая его вліянія на народъ, или относились къ нему слишкомъ серьезно и философски, одинъ выступилъ противъ представителей его съ ихъ же оружіемъ—сарказмомъ и бранью! Мы говоримъ, впрочемъ, собственно о тогдашней полемикѣ «Домашней Бесѣды» съ свѣтскими журналами, а отнюдь не о томъ пониманіи православія, которое обнаружилъ этотъ

журналъ, когда полемизировалъ съ «Православнымъ Обзорѣніемъ» по поводу книги архимандрита Феодора: «О православіи въ отношеніи къ современности». Умѣть бойко браниться и понимать православную Церковь—двѣ вещи совершенно разнаго рода! Какъ бы то ни было, до позднѣйшаго времени въ сферѣ научныхъ понятій преобладающимъ направленіемъ являются матеріализмъ, а въ послѣднее время утилитаризмъ, позитивизмъ и подобныя доктрины, не только не имѣющія ничего общаго съ религіей, но иногда и открыто ставящія себя во враждебныя отношенія къ ней. Этимъ направленіемъ принадлежитъ главнымъ образомъ вліяніе и на ту среду, которую обыкновенно называютъ обществомъ; почти весь читающій русскій міръ находится болѣе или менѣе подъ вліяніемъ отрицательной литературы, изъ нея почерпая если не начала, и даже не выводы, то по меньшей мѣрѣ—общее настроеніе, господствующій тонъ, и вотъ—причина, почему среди нашей научной и литературной интеллигенціи религіозныя начала имѣютъ такъ мало представителей.

Минуя, затѣмъ, то, что говоритъ почтенный авторъ разбираемаго нами предисловія о невѣріи, такъ называемомъ—казенномъ, остановимся на мастерской, въ высшей степени вѣрной и меткой характеристикѣ невѣрія или точнѣе—безвѣрія бытоваго, или какъ онъ называетъ житейскаго. Это—невѣріе или безвѣріе, являющееся не какъ слѣдствіе заблужденія мысли, сознательно отвергающаго вѣру, или расчета, старающаго подчинить ее своимъ практическимъ видамъ, а какъ свойство общественнаго темперамента, какъ результатъ безмыслія, безволія, недостатка серьезности. Подъ серьезностію авторъ разумѣетъ всѣ свойства ума и воли, предполагающія, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣломъ обществѣ, присутствіе какихъ бы то ни было ясно сознанныхъ идеаловъ, служащихъ въ одно время и побужденіями къ дѣятельности, и общепризнанными мѣрилами всякой дѣятельности. Общественные идеалы, говоритъ онъ, не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно историческою жизнію цѣлаго народа, и передаются отъ одного поколѣнія къ другому безчисленными незримыми нитями живаго преданія. Гдѣ историческое преданіе порвано, тамъ идеалы теряютъ свою жизненность, тускнѣютъ въ сознаніи и совѣсти; гдѣ каждое поколѣніе обзаводится для своего обихода новыми всякаго рода идеалами, тамъ они остаются на степени мнѣній или увлеченій, но не переходятъ въ убѣжденія и не приобрѣтаютъ разумной силы надъ волею. Такая почва неблагоприятна для вѣры не потому, конечно, чтобы она отвергала ее систематически, а просто потому, что въ ней нѣтъ на нее запроса.

«Если вы всмотритесь въ обыкновенный типъ человѣка набожнаго, встрѣчающійся у насъ въ среднемъ сословіи, и даже въ кругу людей образованныхъ, вы непременно замѣтите вотъ какую черту: набожный человѣкъ дорожитъ своею вѣрою не столько какъ несомнѣнною истиною, сколько ради того личнаго успокоенія, которое онъ въ ней находитъ. Не даромъ кто въ этомъ смыслѣ давно уже сказалъ, что еслибы не было Бога, то слѣдовало бы Его выдумать. Онъ бережетъ и цѣнитъ вѣру, какъ вещь цѣнную, но въ тоже время хрупкую и не совсѣмъ надежную».

Прибавимъ: случается, что онъ ее прячетъ, онъ ея стыдится, какъ чего-то дѣтскаго, наивнаго, отсталого. Онъ боится за состоятельность своихъ вѣрованій, не рѣшится сопоставить свою вѣру съ міровоззрѣніемъ научнымъ, наивно ощущая предъ послѣднимъ какую-то инстинктивную робость и какъ бы чувствуя его превосходство.

«Наконецъ, продолжаетъ авторъ, всѣ мы не столько живемъ въ церкви, сколько числимся въ ней: живемъ мы въ семьѣ, въ обществѣ, даже до извѣстной степени—въ челоѣчествѣ; живемъ также, хотя еще въ меньшей мѣрѣ, въ своемъ народѣ: въ церкви же мы только числимся. Жить въ церкви значить всецѣло и совершенно свободно подчинять свою волю тому закону, который правитъ церковію,—значить чувствовать себя частицею живаго цѣлага, называющаго себя церковію, и ставить свое духовное общеніе съ этимъ цѣлымъ превыше всего въ мѣрѣ.. А мы? Мы иногда заглядываемъ въ церковь, иногда справляемся съ нею, потому что «такъ принято», что это иногда бываетъ нужно; напримѣръ, подъ влияніемъ какой нибудь заботы о какой нибудь нашей выгодѣ, положимъ о сбереженіи полей отъ погравы, мы вспомнимъ, что церковь учить нуждающихся терпѣнію и запрещаетъ посягать на чужую собственность. Учить, дѣйствительно; но вѣдь не одному этому, а еще и другому многому. Или, узнавъ, въ одно прекрасное утро, что на Руси появились нигилисты, мы начинаемъ грозить имъ и сводомъ законовъ, и политическою экономіею, и общественнымъ мнѣніемъ Европы, да ужъ заразъ и—религіею. И здѣсь опять несомнѣнно, что нигилизмъ осуждается вѣрою; жаль только, что вспомнили-то о ней поздно, съ перепугу. Вообще мы относимся къ церкви больше по обязанности, по рутинѣ, а не по сознанію живой потребности въ ней,—какъ къ тѣмъ престарѣлымъ родственникамъ, отъ которыхъ ждемъ себѣ наслѣдства и къ которымъ, поэтому, заѣзжаемъ раза два-три въ годъ, или какъ къ добрымъ пріятелямъ, съ которыми не имѣемъ ничего общаго и у которыхъ по временамъ занимаемъ деньги».

Такова характеристика религіознаго состоянія нашего общества, предлагаемая почт. чиннымъ издателемъ сочиненій Хомякова. Съ своей стороны мы можемъ прибавить, что чѣмъ ниже спускаемся мы по общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше находимъ вѣры, но тѣмъ меньше разумности въ этой вѣрѣ. Для громаднаго большинства вся вѣ-

ра—въ обрядѣ. А сколько есть такихъ вѣрующихъ, которые называютъ себя православными лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово Самсонъ Силычъ Большовъ, въ известной комедіи Островскаго!.. Остается сказать о простомъ нашемъ народѣ, этомъ бѣдномъ народѣ, который, по весьма удачному выраженію одного нашего проповѣдника, доселѣ еще сознательно не подымалъ головы своей къ небу. Въ немъ одною прочно и глубоко живетъ религиозное чувство; но какую иногда недостойною пищею питается это чувство, благодаря недостатку религиознаго разумѣнія! Эти милліоны раскольниковъ, эти десятки тысячъ безобразной хлыстовщины и иныхъ сектантовъ—какое обширное поприще для самоотверженной апостольской дѣятельности пастырей Церкви! Жатва многа, дѣлателей же мало!

Да, пора перестать убаюкивать себя стереотипною фразой о неизмѣнномъ процвѣтаніи православной вѣры на святой Руси! Людей вѣрующихъ, искренно преданныхъ церкви и вѣрѣ, далеко не такъ много, какъ это привыкли говорить и думать; а людей, вѣрующихъ разумно, и совѣмъ немного... Оживить религиозные интересы въ обществѣ, возбудить и укрѣпить въ народѣ сознательную и разумную преданность отечественной Церкви, провести христіанскіе принципы въ жизнь и въ нравы вѣрующихъ, ассимилировать ихъ во всѣхъ отправленіяхъ этой жизни—такова не только современная, но всегдашняя задача пастырей церкви. И не смотря на все, что мы только что сказали, мы отнюдь не думаемъ, чтобы уже вовсе не было точки опоры для религиознаго воздѣйствія на наше общество, чтобы нашимъ пастырямъ церкви ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ опустить или сложить руки, положившись на волю Божию, и продолжать идти по избитой колеѣ, ограничиваясь ролью требоисправителей и заботами о личномъ благосостояніи. Были и болѣе трудныя времена для церкви, когда она, однакожъ, съ торжествомъ выходила изъ своихъ затрудненій. Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда нибудь, положеніемъ вещей церковь вызывается на то, чтобы показать свою общественную зиждительную силу. Совершающееся на нашихъ глазахъ великое дѣло обновленія нашей общественной и гражданской жизни настойчиво вызываетъ наше духовенство на то, чтобы опредѣлить свое положеніе въ обществѣ болѣе правильно, стать къ обществу и къ народу въ тѣ отношенія, какія указываются высокою ролью религіи въ судьбахъ человѣчества и прежнимъ могучимъ значеніемъ церкви православной въ судьбахъ народа и государства русскаго. А явленія, совершающіяся въ сферѣ нашей церковной жизни, указываютъ и на возможность такого дѣла. Рядъ реформъ въ быту духовенства, —нѣ-

который видъ самоуправленія, введеніе выборнаго начала, развитіе церковно-общинной жизни, въ видѣ братствъ и церковныхъ попечительствъ, реформа духовно-учебныхъ заведеній, ожидаемая реформа церковнаго суда—все это знаменія новаго порядка вещей, предвѣстія близкаго обновленія нашей церковной жизни.

Изъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, послѣ силы божественной, благодатной, самая могучая сила—сила человѣческаго убѣжденія. Если берется за дѣло человѣкъ, къ нему приготовленный, съ безкорыстною любовію къ нему, съ яснымъ сознаніемъ его великости и благоплодности, а не ради иныхъ какихъ либо цѣлей,—дѣло такого человѣка не можетъ не быть успѣшно. Если дѣятельности человѣка присуща высокая идея, эта идея вдохновляетъ его и даетъ ему могучую энергію къ труду; гдѣ идеаль, тамъ вдохновеніе и энтузіазмъ,—двѣ силы, которыя все могутъ сдѣлать, что только можетъ сдѣлать человѣкъ. Значить, и успѣхъ пастырскаго служенія прежде всего зависитъ отъ того, на сколько наши пастыри могутъ воспитать и развить въ себѣ такое душевное настроеніе, при которомъ трудный подвигъ этого служенія, возвышеннѣйшаго и благороднѣйшаго изъ всѣхъ служеній въ человѣчествѣ, сдѣлался бы игомъ благимъ и бременемъ удобоносимымъ, сдѣлался бы главною, дѣйствительно главною, а не по оффиціи только, задачею жизни,—такую задачей, для которой явилась бы вся бодрая энергія, могучая полнотою ясно сознаннаго убѣжденія... И ужели въ то время, какъ ложь папства и протестантства находятъ для себя столькихъ энтузіастическихъ поборниковъ, дѣйствующихъ съ неотразимымъ обаяніемъ на общественныя массы,—ужели истинѣ православія имѣть въ своихъ служителяхъ лишь апатичныхъ требоисправителей?

Типы духовенства въ русской беллетристикѣ.

I. Двадцать семь лѣтъ тому назадъ Гоголь издалъ въ свѣтъ свои извѣстныя избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Находясь въ апогеѣ своей славы, незадолго передъ тѣмъ обнаруживъ самое полное развитіе своего великаго таланта, поэтъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, пришелъ къ убѣжденію, что все, дотолѣ имъ написанное, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ предлагалъ соотечественникамъ въ своихъ письмахъ. Переживъ тяжкія душевныя страданія, въ прекрасномъ «далекѣ» отъ родины, много прочувствовавъ и передумавъ, поэтъ ощутилъ себя на той высотѣ созерцанія, близко къ яснovidѣнію, когда человѣкъ особенно бываетъ способенъ оцѣнивать вещи безошибочно, по ихъ дѣйствительной стоимости, особенно чуткоъ бываетъ къ нуждамъ и потребностямъ ближняго. «Сердце мое говоритъ мнѣ, пишетъ онъ, что книга моя нужна, что она будетъ полезна. Стоитъ только хорошенько выстрадаться, и всѣ страданія становятся тебѣ понятны. Самый умъ послѣ этого проясняется; дотолѣ сокрытыя положенія людей становятся тебѣ извѣстными, и дѣлается видно, что кому нужно. Великъ Богъ, насъ умудряющій! Страданіями и горемъ суждено намъ добывать крупицы мудрости, не обрѣтаемой въ книгахъ».

И вотъ одна изъ такихъ «крупицъ мудрости» умудреннаго жизненнымъ опытомъ и глубокими размышленіями нашего поэта. «Напрасно смущаетесь вы нападеніями, которыя теперь слышатся (на Западѣ) на нашу церковь, пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. Обвинять духовенство наше въ равнодушію—несправедливо. Зачѣмъ хотите вы, чтобы наше духовенство, доселѣ отличавшееся величавымъ спокойствіемъ, столь ему пристойнымъ, стало въ ряды европейскихъ крикуновъ? Церковь наша дѣйствовала мудро. Духовенство наше не бездѣйствуетъ. Но дѣла свои оно лучше дѣлаетъ, нежели мы: они не торопятся и зная, чего требуетъ такой предметъ, со-

вершаютъ свой трудъ въ глубокомъ спокойствіи, молясь, воспитывая самихъ себя, изгоняя изъ своей души все страстное, похожее на неуѣстную, безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту безстрастія небснаго, на которой ей слѣдуетъ пребывать, дабы быть въ силахъ заговорить о такомъ предметѣ... Говорятъ, что церковь наша безжизненна... Они говорятъ ложь... Пусть миссіонеръ католичества западнаго, бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобы отъ одного его смиреннаго вида и потухнувшихъ очей, и тихаго, потрясающаго гласа, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло, и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: не произноси словъ! Слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей церкви!... Нѣтъ, храни насъ Богъ защищать нашу церковь: это значить уронить ее!»¹⁾

Читатель знаетъ, какая судьба постигла переписку Гоголя и эти, только-что изложенныя, наивныя убѣжденія поэта. Вся тогдашняя такъ называемая интеллигенція русская увидѣла въ «перепискѣ съ друзьями» крайній симптомъ болѣзни, которую придумали назвать *malia religiosa*, и чуть не съ отвращеніемъ отвернулась отъ того, кого дотошъ боготворила, въ комъ видѣла красу и гордость родной страны. Всѣ оплакивали «паденіе» великаго генія; съ безпощадною жестокостію тогдашняя критика, устами Бѣлинскаго, осудила книгу Гоголя чуть не на сожженіе, а самого поэта выставила на всеобщій позоръ и посмѣяніе... Не довольствуясь злою статьей въ «Современникѣ», Бѣлинскій адресовалъ своему бывшему другу извѣстное письмо изъ Зальцбруна, исполненное ненависти и злобы, на какую можетъ быть способенъ только человѣкъ, жестоко обманувшійся въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ и надеждахъ... Не болѣзнь и чрезмѣрный аскетизмъ убили Гоголя, какъ говорили тогда; а это безбожное письмо доканало и безъ того нравственно-изнемогшаго человѣка. Каковы бы ни были заслуги знаменитаго критика для русской литературы, для развитія русскаго общественнаго самосознанія, это убійственное письмо ляжетъ тяжелымъ укоромъ на его память въ глазахъ всѣхъ, любящихъ правду, людей. Не слѣдовало-ли падить умирающаго, хотя бы онъ и ошибался, хоть потому одному, что въ своей идеализаціи поэтъ былъ также искривленъ и чистенъ, какъ и его антагонистъ въ своемъ отрицаніи?... Впрочемъ не въ этомъ дѣло.

¹⁾ См. Сочиненія Гоголя, изд. 1862 г., т. III, стр. 358—359.

Въ письмѣ Бѣлинскаго къ Гоголю, о которомъ мы говоримъ, есть нѣсколько словъ въ отвѣтъ на только-что приведенную нами характеристику духовенства, сдѣланную поэтомъ. Хотя прошло уже то время, когда всякое рѣзкое, запальчивое слово о существующемъ порядкѣ вещей дѣйствовало такъ обаятельно на нѣкоторыя головы, что не оставляло мѣста спокойному здравомыслію и трезвому сужденію о дѣлѣ, тѣмъ не менѣе мы не рѣшаемся передать нашимъ читателямъ характеристику русскаго духовенства, сдѣланную Бѣлинскимъ, въ ея полномъ составѣ. Заговоривъ о духовенствѣ, знаменитый критикъ, отбросивъ въ сторону всякую эстетику, начинаетъ сквернословить и браниться такъ, какъ не бранился самый знаменитый ругатель XIX вѣка, Генрихъ Гейне, когда говорилъ о современномъ ему порядкѣ вещей въ Европѣ. «Уже-ли вы, авторъ «Ревизора» и Мертвыхъ Душъ», говоритъ онъ, обращаясь къ Гоголю,—отъ души, искренно проѣли гимнъ гнусному русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше католическаго? Положимъ, что вы не знали, что послѣднее было когда-то чѣмъ то, тогда какъ первое никогда ничѣмъ не было, какъ только рабомъ и льстецомъ свѣтской власти? Но неужели вы не знали, что ваше духовенство находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и народа? Про кого русскій народъ плететъ худую сказку? Про попа, попову дочь, попова работника. Кого русскій народъ называетъ... самыми некрасивыми именами (слѣдуетъ исчисленіе этихъ прозвищъ, которыя, будто бы, народъ усваиваетъ духовенству)? Поповъ. Не есть-ли попъ на Руси для всѣхъ представитель глупости, низкопоклонства, безстыдства—и всѣхъ другихъ пороковъ? Вадоръ, будто русскій народъ самый религіозный въ мірѣ. Религіозность не привилась у насъ даже въ духовенству; нѣсколько исключительныхъ личностей, отличавшихся тихою аскетическою созерцательностію, ничего не доказываютъ. Большинство же русскаго духовенства всегда отличалось... толстыми брюхами, схоластическимъ педантизмомъ, дикимъ невѣжествомъ, вартежничествомъ и другими пороками. Его грѣхъ обвинять въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ: его скорѣе можно принять за образецъ индеферентизма въ дѣлѣ вѣры».

Таковы два взгляда на наше духовенство, высказанные двумя знаменитыми русскими людьми недавняго прошлаго. Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ въ виду входить въ разсмотрѣніе вопроса: кто изъ двухъ правъ—поэтъ или критикъ? Очевидно, впрочемъ, что ни тотъ ни другой не правъ безусловно. Поэтъ не пересталъ быть поэтомъ и въ то время, когда думалъ быть мыслителемъ: неумѣренная

поэтическая идеализация сильно сказывается в восторженном гимне его русскому духовенству. Наши священники—тѣ же люди, и ничто человеческое имъ не чуждо,—слѣдовательно, не чужды слабости и пороки, хотя, какъ намъ кажется, отнюдь не въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякому иному классу нашего общества, и хотя, въ то же время, нѣтъ сомнѣнія, въ средѣ его дѣйствительно можно насчитать не мало достойнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣятелей. Еще меньше, намъ кажется, правъ критикъ: вѣчно увлекающійся, вѣчно болѣзненно-раздражительный, часто фанатикъ своихъ предвзятыхъ идей, знаменитый публицистъ всего меньше способенъ былъ судить безпристрастно о дѣлѣ (которое, къ тому же, едва ли могъ знать близко) въ то время, когда писалъ свое безпощадное письмо. Литературное паденіе Гоголя, его неожиданное отреченіе отъ своихъ лучшихъ созданий, раздражило и ожесточило критика и лишило его возможности трезво и безпристрастно судить о дѣлѣ. Сказать, что русское духовенство никогда ничѣмъ не было, значить зачеркнуть не только всю нашу церковную исторію, но исторію нашего образованія и литературы до Петра и цѣлую половину нашей гражданской исторіи, на страницахъ которой доселѣ читаются славныя имена Петра, Алексія, Филиппа—митрополитовъ, Сильвестра, Гермогена, Авраамія Палицына, Теофана Прокоповича и Стефана Яворскаго, Теофилакта Лопатинскаго и многихъ другихъ. Дѣло народнаго образованія, каково бы оно ни было, наше духовенство до позднѣйшаго времени выносило на своихъ плечахъ, не смотря на самыя неблагоприятныя условія своего матеріальнаго и социальнаго положенія, и можно сказать не нарушая справедливости, что на сколько есть просвѣщенія въ нашемъ народѣ, оно если не всецѣло, то главнымъ образомъ есть результатъ дѣятельности духовенства. Напрасно, въ подтвержденіе своего взгляда, знаменитый публицистъ ссылается на народныя пословицы и сказки; онъ не знаетъ нашей народной словесности, иначе не назвалъ бы вздорною мыслию о томъ, будто русскій народъ—самый религіозный въ мірѣ, потому что въ народномъ мировоззрѣніи, на сколько оно выразилось въ народной словесности, религіозный элементъ, конечно въ формѣ не всегда конфессіональной (иначе она не была бы произведеніемъ народнаго творчества), если и не играетъ главной роли, то занимаетъ весьма видное мѣсто. Легенды и духовныя стихи едва ли у какого другаго народа составляютъ столь значительный процентъ въ общемъ итогѣ народной словесности, какъ у народа русскаго. Затѣмъ, не говоря уже о пословицахъ, самыя сказки, былины, а отчасти и пѣсни бытовья, весьма нерѣдко носятъ на себѣ религіозный

колорить. Есть, правда, у нашего народа такія присловія, какъ «Господи прости, да и въ кльть впусти, помоги нагрести, да и вынести», — за то, съ другой стороны, въ его поэзіи есть и такія мѣста, какъ извѣстное благословеньице великое, которое даетъ Ильѣ Муромцу его родной батюшка: не только не убивать въ чистомъ полѣ христіанина, но даже не мыслить зла на самаго татарина. Въ позднѣйшей, современной намъ бытовой поэзіи нашего народа даже такое лицо, какъ мировой посредникъ, подвергается порицанію со стороны народа, за то, что

Какъ заглянетъ въ избу да онъ во зѣмскую,—
Не творить да тутъ Исусовой молятовки,
Не кладеть да онъ креста-то по писавому.

И вообще много можно было бы сказать на этотъ предметъ, если бы то входило въ нашу задачу. Ограничимся замѣчаніемъ, что изъ различныхъ изданныхъ по настоящее время памятниковъ народной русской словесности мы рѣшительно не знаемъ ни одного, гдѣ бы говорилось до такой степени неуважительно о «попѣ, отцѣ духовномъ», какъ показываетъ Бѣлинскій.

II. Ужъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ препирались Гоголь съ Бѣлинскимъ, и многое пережилось въ жизни русскаго общества и народа, церкви и духовенства. Явилась мѣткая и беспощадная, правдивая сатира на духовное воспитаніе — въ «очеркахъ бурсы» покойнаго Помяловскаго; явились изданныя за границей извѣстное «описаніе сельскаго духовенства» и другое подобное же сочиненіе, изображавшее не только печальный бытъ сельскаго духовенства, но и весь строй нашей прежней церковной жизни. Явилась и отповѣдь на эти изданія въ видѣ особыхъ книгъ, а также журнальныхъ статей, изъ которыхъ уважемъ на извѣстную статью покойнаго пресвященнаго смоленскаго Іоанна въ «Православномъ Собѣсѣдникѣ» — «общество и духовенство», рядъ статей въ «Христіанскомъ Чтеніи» подъ заглавіемъ: «въ защиту православнаго русскаго духовенства отъ современныхъ обвиненій и нареканій». Подъ вліяніемъ ли этихъ изданій и этой полемики, или въ связи съ общимъ возбужденіемъ общественнаго сознанія на Руси, духовенство сдѣлалось предметомъ вниманія со стороны общества и нарочитой заботливости правительства. Начинается рядъ реформъ въ духовенствѣ, имѣющихъ цѣлю улучшить нравственный и матеріальный бытъ его. Въ жизни и быту самаго духовенства произошло не мало измѣненій къ лучшему. Возникаетъ для насъ вопросъ: какъ отнеслась къ духовенству въ это время наша интеллигенція, наша публицистика, современные намъ

представители и передовые дѣятели общественной мысли? Измѣнились ли воззрѣнія, выраженные Бѣлинскимъ, на лучшія, или — они остались по прежнему жить въ русскомъ обществѣ?

Читатель знаетъ, чѣмъ былъ Бѣлинскій для современнаго ему русскаго общества и чѣмъ онъ отчасти не перестаетъ быть для него доселѣ. Бѣлинскій былъ главный двигатель общественной мысли въ современномъ ему обществѣ; Бѣлинскій доселѣ высоко уважается всѣми мыслящими людьми на Руси. На немъ воспиталось и развилось не одно поколѣніе русскихъ людей. Все, что живетъ у насъ внѣ круга вѣрующихъ въ простотѣ сердца благочестивыхъ посѣтителей храмовъ Божіихъ, мыслить и чувствуетъ по духу Бѣлинскаго и его продолжателей. Поэтому мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ то время, какъ одна часть нашего общества и нашъ народъ — люди, вѣрующіе въ простотѣ сердца, подобно Гоголю относятся къ духовенству съ полнымъ благодушіемъ, не заявляютъ никакихъ претензій по отношенію къ нему, ничего отъ него не требуютъ, какъ только требоисправленій и благочестивыхъ нравоученій, выслушиваемыхъ и принимаемыхъ очень часто чисто платонически, и устрояютъ свою жизнь духовную болѣе или менѣе самобытно, какъ кому Богъ на душу положить, — другая, болѣе развитая часть нашего общества, мыслящая и чувствующая по духу современной намъ науки и литературы, — общество, въ условномъ смыслѣ этого слова, относится къ духовенству съ тѣми же чувствами, какія такъ безцеремонно и такъ презорливо изобразилъ Бѣлинскій въ приведенномъ выше письмѣ... Такое отношеніе къ духовенству, если оно дѣйствительно существуетъ, намъ кажется по меньшей мѣрѣ несправедливымъ, и что касается до насъ, то, каемся въ своей слабости, не смотря на все, что говорится о немъ и пишется, мы съ почтеніемъ, любовію и надеждою смотримъ на нашихъ сельскихъ пастырей. Изъ образованныхъ классовъ на Руси сельское духовенство — единственное сословіе, поставленное непосредственно, лицомъ къ лицу, съ народомъ; оно — естественный, призванный его вождь на пути духовнаго развитія и печальникъ о всѣхъ его нуждахъ. Въ его рукахъ больше, чѣмъ въ чьихъ-либо иныхъ, духовное будущее нашего народа. Потому-то намъ дороги сочувственныя и заботливыя отношенія къ нему, какія отъ времени до времени проявляются въ нашемъ обществѣ и печати; потому-то съ другой стороны, насъ печалитъ и заботитъ отношенія къ нему презорливыя и несправедливыя.

Вопросъ о духовенствѣ обсуживался и обсуживается иногда и въ настоящее время въ нашей свѣтской литературѣ; но и здѣсь придаетъ

ся ему далеко не столько значенія, сколько бы онъ заслуживалъ; можно сказать даже, что доселѣ онъ не приобрѣлъ здѣсь себѣ полнаго права гражданства. Беллетристика изображаетъ нерѣдко типы духовенства, — но какіе типы! Это не образы живыхъ дѣйствительныхъ людей, а каррикатуры чудовищно-уродливыя, слишкомъ мало имѣющія общаго съ дѣйствительностію. Всѣ почти очерки и повѣсти, изображающія лицъ духовнаго званія, — начиная съ давнишняго знаменитаго «Бурсава» Нарѣжнаго и оканчивая недавно напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы (1872 г.) очеркомъ: «Отецъ Варооломей» — неизвѣстнаго автора — имѣютъ характеръ смѣхотворный, уродливо — каррикатурный...

Послѣ покойнаго Помяловскаго, никто, кажется, изъ нашихъ писателей не былъ такъ близко знакомъ съ бытомъ духовенства, какъ Рѣшетниковъ. Въ повѣсти «Ставленникъ», которая продолжаетъ дальнѣйшую исторію бурсака за стѣнами бурсы и воспроизводитъ слишкомъ хорошо, къ сожалѣнію, извѣстныя всѣмъ нашимъ читателямъ горемычныя скитанія по бѣлу свѣту провинціального искателя священства, заканчивающіяся довольно благополучно импровизированною женитьбою на совершенно ему до-тогда незнакомой, чванной и необразованной протопопской дочкѣ; ради которой онъ и получаетъ іерейское мѣсто въ уѣздномъ городкѣ, — въ повѣсти этой авторъ до того фотографически вѣрно изображаетъ этотъ бытъ, каждый шагъ своего героя обставляетъ такими правдивыми аксессуарами и деталями, что невольно убѣждаешься въ принадлежности этого писателя, по происхожденію, къ тому кругу людей, который онъ такъ мастерски изображаетъ... Герой разсказа, Егоръ Ивановичъ Поповъ, личность смиренная и кроткая; по смыслу разсказа, это, впрочемъ, не столько свойство его природы, сколько слѣдствіе бурсацкаго воспитанія, которое имѣетъ особенную способность: личности, не отличающіяся силою характера, окончательно надламывать и принижать, — характеры же сильные и энергичскіе — доводить до крайняго отрицанія и ожесточеннаго протеста. Егоръ Ивановичъ потому единственно избираетъ для себя карьеру священника, что будучи кротокъ и смиренъ сердцемъ, забитый и загнанный, онъ чуждъ свойственной молодости благородной увѣренности въ себѣ, не находитъ въ себѣ достаточно смѣлости и присутствія духа, чтобы послѣдовать примѣру своихъ товарищей болѣе энергичныхъ, которые съ пренебреженіемъ покидаютъ бурсу для того, чтобы идти въ университетъ или медицинско-хирургическую академію, и съ юношескимъ увлеченіемъ и энтузіазмомъ говорить о той пользѣ, которую они будутъ приносить обще-

ству со временемъ. Мы не будемъ останавливаться на томъ, что есть въ повѣсти каррикатурнаго, натянутого и преувеличеннаго; утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что чрезъ всю повѣсть проходить струя горячаго сочувствія къ описываемой авторомъ средѣ.

Но слѣдующій за тѣмъ рассказъ того же автора: «Попъ Никола Знаменскій» — читаешь и недоумѣваешь: что это такое? Вѣрность автора традиционному мотиву нашей литературы при изображеніи лицъ изъ духовенства—доведена здѣсь до послѣдней крайности. Батяна Никола, который съ грѣхомъ пополамъ разбираетъ церковную грамату, не знаетъ когда бывають въ году Рождество и Пасха, и справляетъ церковную службу этихъ праздниковъ, когда ему вздумается и хуже, чѣмъ кое-какъ, который, наконецъ, всю жизнь проводитъ въ лѣсу на охотѣ за медвѣдями, и постоянно то дерется, то цѣлуется съ своимъ, такимъ же добродушнымъ идиотомъ, какъ и онъ самъ, и сверхъ того пьяницей, дьякономъ, и при всемъ томъ, при всемъ неправдоподобіи фабулы разсказа, непосредственностію своей дикой природы и нѣкоторыми патріархальными добродѣтелями живо напоминающій куперовскихъ героевъ—какого нибудь «послѣдняго изъ магиканъ» или «путеводителя въ пустынь»: скажите, ради Бога, гдѣ авторъ нашелъ такого русскаго священника?

Еще менѣе правдоподобенъ и болѣе, такъ сказать, ядовитъ рассказъ г. Н. Преображенскаго—«Казанскій приходъ» (Отеч. Зап. 1868 года), составляющій отрывокъ изъ большаго романа—«Изъ кущь въ рогожку». О дѣятельности главнаго героя этого разсказа, отца Матвѣя, какъ священника, о его отношеніяхъ къ прихожанамъ, авторъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Зато въ романѣ приводятся разговоры его съ неразлучнымъ другомъ и собесѣдникомъ его, нѣкимъ дѣдомъ, въ родѣ слѣдующихъ.

— Да что, отецъ Матвѣй, который тебѣ годъ, спрашиваетъ дѣдъ.

— А вотъ, видишь ли, отвѣчаетъ попъ Матвѣй: на Михайла десять лѣтъ, какъ я внучку выдалъ, да двадцать лѣтъ Мартынъ дьячкомъ. Коли помнишь пономаря Автона, такъ выйдетъ лѣтъ тридцать съ хвостикомъ на Демьяна. Дьяконъ Степанъ былъ. Доводился онъ Прохору Абрамову, цѣловальнику, свать. Прохоръ, надо тебѣ сказать, померъ лѣтъ сорокъ назадъ, въ сочельникъ. Стало теперича Грунька, дочь Прохора, вышла замужъ за Микиту Ерзакова въ мясоѣдъ. Вотъ и считай съизнова: Грунькѣ на Миколу былобъ пятьдесятъ, стало—накинъ десять, да Сидора Переемкина изъ Семипалова, коли помнишь, то и выйдетъ на Ивана Богослова двадцать, да на Сергія по осени десять, а тамъ на Прасковью мученицу пять да на Сидора положи три, что-ль... Ну вотъ и сочти, сколько выходитъ?

Дѣдъ, разумѣется, въ недоумѣніи.—Да ты на Михайлу-то сколько считаешь, спрашиваетъ онъ.

— Ты съ Покрова считай, а не съ Михайлы, говоритъ попъ.

— Да счѣту все нѣту.

— Какъ нѣту? Прохора клалъ?

— Сколько?

— Десять.

— Ну, десять. Дѣдъ взялъ счѣты и положилъ десять.

— На Михайлу, да подъ Мартына двадцать. Теперь Грунька выходила въ мясоѣдъ. Акакія война клалъ?

— Сколько?

— Десять. Да на Кирика-Улиту пять. На Сидора, примѣрно, восемь, да на Бориса-Глѣба три. Какъ разъ и пригнали къ Спасу. Теперь выходить, прибавь пять, да три скости. Скостилъ?

— Скостилъ.

— Сколько же мнѣ, примѣрно, на Егорья?

— Сто тридцать семь лѣтъ, прочиталъ дѣдъ по счѣтамъ и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на попа. Цифра оказалась несообразная. Стали класть снова. Дѣдъ, видя, что хвосты и хвостики опять хватаютъ за сто, все спрашивалъ, не нужно ли чего скостить. «Клади, клади, упорствовалъ попъ. Нечего сокщать! Гони прямо къ муриносицѣ!»

— Ну, старъ же ты, отецъ Матвѣй, не безъ пропіи сказалъ дѣдъ, и не рѣшился класть еще разъ, хотя попъ предлагалъ снова высчитать, утверждая, что дѣдъ на муриносицѣ просчитался.

Изъ приведеннаго отрывка читатель усмотритъ, въ какомъ видѣ представляетъ авторъ состояніе умственныхъ способностей престарѣлаго священника. Но чтобы читатель не подумалъ, что отецъ Матвѣй не всегда такъ разсуждалъ, а иногда и здраво мыслилъ, въ дальнѣйшемъ содержаніи разсказа авторъ представляетъ факты изъ прошлой жизни его. Въ теченіе долгой жизни отца Матвѣя у него образовалась толстая тетрадь, въ которую онъ вписывалъ всѣ наблюденія свои и замѣтки. Но мы затрудняемся привести образцы этихъ замѣтокъ, ради ихъ цинизма и крайняго невѣжества, рѣшительно невозможнаго въ священникѣ.

III. Мы охотно допускаемъ, что не только пародія и сатира, но и карриатура имѣютъ свои несомнѣнныя и неотъемлемыя права,— что быть и правы нашего духовенства представляютъ для той и другой весьма не мало матеріала. Но мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ было бы болѣе умѣстнымъ не сатирическое, тѣмъ болѣе не карриатурное, изображеніе духовенства, а изображеніе юмористическое, гдѣ имѣлъ бы мѣсто не одинъ сардоническій смѣхъ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ былъ бы слышенъ и голосъ безпристрастнаго и всесторонняго пониманія дѣла, а пожалуй, и «незримыя для міра слезы» теплаго участія и сочувствія къ людямъ, которые, большею частію, не сами виноваты въ своихъ недостаткахъ,—о которыхъ болѣе, чѣмъ о комъ-либо, можно сказать, что ихъ «среда заѣдаетъ». Такъ поступаютъ лучшіе романисты другихъ литературъ, описывая лица духовнаго сословія своей страны. Припомните, напримѣръ «Векфильдскаго священника», Гольдсмита, или еще ближе въ современной намъ англійской литературѣ романы Джоржа Эллиота: «Адамъ Бидъ», «Амосъ Бартонъ», «любовь мистера Гильфиля». Преподобный Амосъ Бартонъ, ректоръ Шеппертонскій, строго говоря, ничѣмъ не лучше любаго, самаго зауряднаго нашего сельскаго священника. Между тѣмъ сколько теплоты разлито въ рассказѣ автора о немъ, сколько тонкаго пониманія и благороднаго снисхожденія къ неизбѣжнымъ во всякомъ человѣкѣ, а слѣдовательно и въ священникѣ, слабостямъ и немощамъ слышится въ этомъ добродушно-юмористическомъ рассказѣ о его образѣ жизни и мелкахъ приключеніяхъ его однообразно-скучнаго сельскаго быта! Еще меньше можетъ похвалиться какими-либо крупными добродѣтелями его предшественникъ по приходу, викарій Гильфиль, о которомъ авторъ рассказываетъ, напримѣръ, слѣдующее:

«Викарій не слишкомъ блисталъ исполненіемъ духовныхъ своихъ обязанностей,—въ этомъ отношеніи я могу сказать о немъ только то, что обязанности эти онъ исправлялъ всегда не мѣшкатно. У него была цѣлая кипа коротенькихъ проповѣдей, съ оборванными и пожелтѣвшими краями, и каждое воскресеніе онъ, безъ разбора и не обращая вниманія на содержаніе, бралъ двѣ изъ нихъ и, прочитавъ утромъ одну въ Шеппертонѣ, садился на лошадь и спѣшилъ въ Неблей, гдѣ онъ исправлялъ службу въ крошечной живописной церкви, устланной разноцвѣтными камнями, по которымъ нѣкогда раздавались мѣрные шаги воинственныхъ монаховъ. Здѣсь, въ припадкѣ свойственной ему разсѣянности, мистеръ Гильфиль забывалъ иногда снять шпоры прежде, чѣмъ надѣть столу, и только тогда замѣчалъ это, когда, входя на амвонъ, начиналъ чувствовать, какъ что-то странно цѣплялось за подолъ его одежды. Неблейскимъ фермерамъ и въ голову не приходило критиковать своего пастора. Онъ сталъ для нихъ какимъ-то необходимымъ условіемъ жизни, какъ рынки, шоссейныя заставы и грязные банковые билеты... Проповѣди мистера Гильфиля не имѣли никакого особеннаго направленія; я долженъ сознаться, что онъ даже не очень сильно затрогивали совѣсть; мистрисъ Паттекъ, тридцать лѣтъ слушавшая ихъ внимательно, была несказанно оскорблена, когда проповѣдникъ намекнулъ ей, что она грѣшница и нуждается въ милосердіи Божіемъ».

«Мистрисъ Паттекъ понимала, что если сыры ея будутъ водянисты, то

она поплатится за это на томъ свѣтѣ; но, кажется, проповѣдь о злословіи вовсе не такъ была для нея ясна. Мистрисъ Гакитъ осталась очень довольна проповѣдью о честности, гдѣ говорилось о невѣрныхъ вѣсахъ и лживомъ мѣрилѣ, что стало для нея особенно ясно вслѣдствіе недавней ссоры съ лавочникомъ; но незамѣтно было, чтобы на нее очень сильно подействовала проповѣдь о гнѣвѣ. «Природа одарила мистера Гильфиля очень ѣдкимъ языкомъ и насмѣшки его отличались тою живостью и оригинальностью, которой совершенно были лишены его проповѣди».

«Въ одинъ теплый воскресный вечеръ возвращаясь послѣ службы изъ Невлея, мистеръ Гильфиль засталъ мистрисъ Фрипъ сидѣвшею въ сухой канавѣ, рядомъ съ огромною свиней, которая съ довѣріемъ истинной дружбы, положила ей голову на колѣни и соннымъ хрюканьемъ выражала ей свое удовольствіе.

— Какъ, мистрисъ Фрипъ, сказалъ пасторъ, я не зналъ, что у васъ есть такая чудная свинья! У васъ къ рождеству будутъ отличные окорока!

— Что вы, Богъ съ вами! Мнѣ ее два года тому назадъ далъ сынъ мой, и мы съ тѣхъ поръ не расстаемся съ нею. Да у меня на нее никогда рука не подымется, хотя бы мнѣ свиного сала всю жизнь не пришлось отвѣдать!

— Что вы, да она совсѣмъ объѣстъ васъ. Слыханное ли дѣло держать свиньку, и прока отъ нея не ждуть!

— О, мы съ ней питаемся—чѣмъ Богъ послалъ. Куда я, туда и она; она хрюкаетъ когда я говорю съ нею: ни дать ни взять — разумный человекъ.

Мистеръ Гильфиль расхохотался и простился съ мистрисъ Фрипъ, не спросивъ, надо признаться, отчего она не была въ церкви, и не сдѣлавъ ни малѣйшаго усилія разсѣять мракъ, царствовавшій въ ея душѣ»...

Томми былъ мальчикъ независимаго духа, не признававшій ни какихъ властей, и горячо любившій волчки и колесики, которыми имѣлъ привычку набивать карманы своихъ кожаныхъ понталонъ. Однажды, забавляясь на дорожкѣ сада своимъ волчкомъ, онъ увидалъ что пасторъ идетъ прямо на него, въ то самое мгновеніе, когда волчокъ начиналъ великолѣпно гудѣть. Томми не задумавшись, вовсе горло закричалъ: посторонитесь! Не видите что ли, волчокъ? Съ того дня «плисовая куртка» стала любимцемъ мистера Гильфиля, который ничего такъ не любилъ, какъ дразнить его и приводить въ недоумѣніе вопросами, дававшими Томми самое жалкое понятіе о его умственныхъ способностяхъ.

— А что, плисовая куртка, доили сегодня гусей?

— Доили гусей! Эки пустяки говорите! Развѣ доять гусей?

— Неужто же ихъ не доять? А чѣмъ же питаются гусенята?

Томми никогда не размышлялъ объ этомъ предметѣ, потому и не удостоилъ своего собесѣдника отвѣтомъ, принималъ презрительно равнодушный видъ и тщательно начиналъ заводить свой волчокъ.

— А, я вижу ты не знаешь, чѣмъ питаются гусенята! А видѣлъ ли ты, какъ вчера съ неба падали леденцы? (Томми наострилъ уши). Попали они и въ мой карманъ. Посмотри-ка, правду-ли я говорю, или нѣтъ?

И Томми, не затрудняясь невѣроятностію источника, спѣшилъ освидѣтельствовать его пріятные плоды. Мистеръ Гильфиль называлъ свой карманъ чудотворнымъ оттого, что—любилъ онъ говорить дѣтямъ—всѣ пенсы, которые онъ опускалъ въ него, немедленно обращались въ пряники и леденцы. Вслѣдствіе этого маленькая Бесси Парротъ, бѣлокурая толстуха, всегда имѣла похвальную откровенность встрѣчать его вопросомъ: «а сто у васъ сегодня въ карманѣ?».

У насъ не умѣютъ и не могутъ говорить о духовенствѣ въ такомъ добродушно-юмористическомъ тонѣ. Подобно тому, какъ недавно еще наши оффиціальныя и неоффиціальныя цѣнители дѣятельности духовенства не могли иначе судить о немъ, какъ съ высоты идеала, требуя отъ священника безусловной святости и апостольскихъ подвиговъ, забывая, что священники—тѣ же люди, и ничто человеческое имъ не чуждо, ни человѣческія слабости, ни тѣмъ болѣе человѣческія нужды, наши писатели никакъ не могутъ простить сельскому священнику того, что охотно прощаютъ людямъ другихъ классовъ общества и самимъ себѣ, и въ ихъ описаніяхъ является не священникъ, а попъ, въ презрительномъ смыслѣ этого слова, — представитель обжорства, низкопоклонничества, картежничества, и проч. и проч., т. е. точъ въ точъ какъ понималъ нашего священника Бѣлинскій. Повторяемъ, мы охотно допускаемъ, что сатира и карриатура имѣютъ свои неотъемлемыя права и въ отношеніи духовенства не менѣе, чѣмъ и въ отношеніи другихъ классовъ общества, и ничего не могло бы быть лучше, если бы наши сельскіе священники имѣли возможность читать все, что о нихъ пишутъ, читать, назидаться и исправляться. Но въ томъ-то и дѣло, что едва тысячная часть нашихъ сельскихъ священниковъ имѣетъ возможность изрѣдка заглянуть въ свѣтскій журналъ, и весь результатъ, котораго достигаетъ наша литература карриатурныхъ и сатирическихъ разсказовъ о духовенствѣ, пока тѣмъ лишь и ограничивается, что обыкновенные читатели нашихъ свѣтскихъ журналовъ, и безъ того имѣющіе болѣе или менѣе неблагоприятное мнѣніе объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ нашего священника, окончательно утверждается въ пренебрежительныхъ отношеніяхъ къ нему.

IV. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что какъ прежде были въ нашей беллетристикѣ попытки изображать свѣтлыя стороны духовенства (для примѣра укажемъ на повѣсть В. Крестовскаго,

псевдонима, «Баритонъ»), такъ и въ послѣднее время мы можемъ указать двѣ-три повѣсти съ такимъ же характеромъ. Такова напримѣръ, «Старогородская хроника—Соборяне», одного изъ наиболѣе даровитыхъ современныхъ нашихъ рассказчиковъ-беллетристовъ — Стебницкаго, подробно разобранная многими нашими газетами и журналами, между прочимъ и духовными (см. напримѣръ «Руководство для сельскихъ пастырей» за 1873 годъ, а также «Прав. Обзорѣніе» за 1876 г.),—о которой, поэтому, мы не будемъ распространяться. Такова же повѣсть Ближнева («Вѣстникъ Европы» 1872 года) «Семейство Снѣжиныхъ». Одно изъ эпизодическихъ лицъ этой повѣсти — отецъ Филиппъ,—представляетъ собою типъ новаго молодого поколѣнія нашихъ сельскихъ священниковъ, какихъ въ настоящее время насчитывается вѣроятно очень немного, но какихъ автору повѣсти, а вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, и намъ, желалось бы видѣть возможно большее число.

Авторъ ничего не говоритъ о воспитаніи отца Филиппа, и между тѣмъ, воспитанникъ семинаріи, продуктъ бursы, въ лицѣ отца Филиппа является человѣкомъ не только съ возвышенными, благородными чувствами, съ сознаниемъ своего священнаго призванія, осуществляющимъ въ неширокомъ кругу своей дѣятельности задачи пастырскаго служенія, но и человѣкомъ въ нѣкоторой степени благовоспитаннымъ, съ манерами, настолько безупречными, что производить самое благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ свѣтскихъ людей, съ которыми ему приходилось соприкасаться. Свѣтлая сторона его личности, по изображенію автора, состоитъ въ томъ, что хотя онъ и *привыкъ* въ теченіе года исполнять различныя обязанности своего званія и быть свидѣтелемъ печальныхъ сценъ и картинъ въ кругу своихъ необразованныхъ прихожанъ-крестьянъ, но еще не успѣлъ сдѣлаться простымъ апатичнымъ требоисправителемъ, холоднымъ и безучастнымъ исполнителемъ церковныхъ обрядовъ. Человѣческая нужда, горе и страданія, зрѣлище одинокой безвременной и безпомощной смерти — производятъ на него свое обычное тяжелое и потрясающее впечатлѣніе... Вообще о. Филиппъ, очутившись въ качествѣ сельскаго священника, въ средѣ, низшей его по понятіямъ и по образованію, и не нашедши себѣ нигдѣ и ни въ комъ точки опоры, часто ощущалъ недовольство жизнью, мучился различными обстоятельствами и условіями этой жизни, складывавшимися не совсѣмъ такъ, какъ бы ему хотѣлось. Его, какъ новичка и молодого человѣка, занимала дѣятельность по приходу; онъ искренно желалъ сойтись съ прихожанами, дѣйствовать на ихъ нравы, искоренять суевѣрія и предраз-

судки, и вообще имѣть на людей благотворное вліяніе. Онъ старался подмѣтить главные недостатки въ народѣ и усердно обдумывалъ свои проповѣди. Но такой порядокъ дѣла и такое настроеніе продолжалось въ немъ недолго: мало по малу юношескій пылъ молодого священника остылъ и идеальныя его стремленія, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ условій жизни, уступили мѣсто обычной рутинѣ и апатіи...

Довольно сочувственно, хотя и безъ обычнаго юмора, отнесся къ сельскому священнику нашъ присяжный печальникъ народныхъ нуждъ и народнаго горя, Н. А. Некрасовъ, въ своей новой поэмѣ: «кому на Руси жить хорошо», посвятившій особую главу «попу». Одинъ изъ семи странниковъ, крестьянъ подтянутой губерніи, уѣзда Терпигорева, пустопорожней волости, задавшихся изслѣдованіемъ вопроса, выставленнаго въ заглавіи поэмы и съ этою цѣлью скитающихся по Руси,—по имени Лука, высказалъ своимъ товарищамъ убѣжденіе, что

Дворяне колокольные—
 Попы живутъ по княжески:
 Идутъ подъ небо самое
 Поповы терема;
 Гудить попова вотчина—
 Колокола горластые—
 На цѣлый Божій міръ.
 Попова каша—съ маслицомъ,
 Поповъ пирогъ—съ начинкою,
 Поповы щи съ сѣткомъ!
 Жена попова—толстая,
 Попова дочка—бѣлая,
 Попова лошадь—жирная,
 Пчела попова—сытая...

Но вотъ странники встрѣчаютъ попа: сняли шапочки, низенько поклонились, повыстроились въ рядъ и спрашиваютъ: скажи ты намъ побожески: сладка-ли жизнь поповская? Отвѣтъ попа, сообразно, надо полагать, его схоластическому — семинарскому образованію, имѣеть строго систематическій видъ и дѣлится на три части. Въ чемъ счастье—по вашему? Покой, богатство, честь? спрашиваетъ онъ. И за тѣмъ рассказываетъ, каковъ попу покой, какова ему честь и каково его богатство.

Дороги наши трудныя,
 Приходь у насъ большой.
 Болящій, умирающій,
 Раждающійся въ міръ,
 Не разбирають времени:
 Въ жнитво и сѣнокосъ,
 Въ глухую ночь осеннюю,

Зимой въ морозы лютые
 И въ половодье вешнее
 Иди—куда зовуть.
 Идешь безотговорочно.
 И пусть бы только косточки
 Ломались одиѣ,—
 Нѣтъ, всякій разъ намаешься,
 Переболить душа.
 Не вѣрете, православные,
 Привычѣсть есть предѣлъ:
 Нѣтъ сердца выносящаго
 Безъ нѣкоего трепета
 Предсмертное хрипѣніе,
 Надгробное рыданіе,
 Сиротскую печаль...

Таковъ покой сельскаго священника. Теперь посмотримъ, братіе, продолжаетъ свою рѣчь почтенный пастырь, каковъ попу почетъ. Кого вы называете породой жеребачью, съ кѣмъ встрѣчи вы боитесь? О комъ слагаете вы сказки балагурныя и пѣсни непристойныя? Мать попадю степенную, попову дочь безвинную, семинариста — какъ чувствуете вы? Кому въ догонъ, злорадствуя, кричите: го-го-го ¹⁾? Богачество священника, по его разсказу, не лучше, чѣмъ его почетъ и покой. Въ прежнее время, когда помѣщики почти всѣ жили въ своихъ деревняхъ, здѣсь они справляли и родины, и крестины, и всѣ требы; — «у насъ они вѣнчались, у насъ крестили дѣтушекъ, къ намъ приходили каяться, мы отпѣвали ихъ». Если помѣщикъ жилъ и въ городѣ, то умирать пріѣзжалъ навѣрно въ деревню. Коли умереть и въ городѣ, нечаянно, и тутъ накажетъ наврѣпко въ приходѣ схоронить — «попу поправка добрая». А нынѣ ужъ не то. Какъ племя іудейское разсѣялись помѣщики по дальней чужеземщинѣ и по Руси родной. «Ой холеныя косточки, російскія, дворянскія! Гдѣ вы не позакопаны; въ какой землѣ васъ нѣтъ»? Перевелись помѣщики, въ усадьбахъ не живутъ они, и умирать не ѣдутъ къ намъ. Богатыя помѣщицы, старушки богомольныя, — одиѣ повымерли, — другія пристроились вблизи монастырей. Никто теперь не подаритъ попу подрясника, никто не вышьетъ воздуха! — Другая стамя доходовъ сельскаго священника въ прежнее время — раскольники. Не грѣшенъ я, говоритъ раскольникъ, не живилъ я съ раскольниковъ ничѣмъ. А есть такія волости, которыя въ сплошную населены раскольниками: какъ тутъ быть попу? Да теперь и этотъ источникъ доходовъ изсягъ, такъ какъ за-

¹⁾ Интересно сопоставить это мѣсто поэмы съ приведеннымъ выше отрывкомъ изъ письма Бѣлинскаго. «Попъ» поэмы буквально повторяетъ тѣ прозвища, какія, по словамъ критика, усвоилъ священнику народъ.

коны, прежде строгіе къ раскольникамъ, теперь смягчились, пришелъ конецъ и поповскимъ доходамъ съ нихъ.

Живи съ однихъ крестьянъ,
Сбирай мірскія гривенья,
Да пироги по праздникамъ,
Да яйца о святой.
Крестьянинъ самъ нуждается,
И радъ бы дать, да нечего...
А то еще не всякому
И малъ крестьянскій грошь...
Деревни наши бѣдныя,—
А въ нихъ крестьяне хворые,
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилцы...
Господь прибавь имъ силъ!
Съ такихъ трудовъ копѣйками
Живиться тяжело.
Случается, къ недужному
Придешь: не умирающій,
Страшна семья крестьянская,
Въ тотъ часъ, какъ ей приходится
Кормильца потерять.
Наутствуешь усопшаго
И поддержать въ оставшихся
По мѣрѣ силъ стараешься
Духъ бодръ. А тутъ къ тебѣ
Старуха, мать покойника,
Глядь, тается съ костливою
Мозолистой рукой...
Душа переверотится,
Какъ звякнуть въ этой рученькѣ
Два мѣдныхъ пятака...
Конечно, дѣло чистое—
За требу воздаяніе;
Не брать, такъ не чѣмъ жить.
Да слово утѣшенія
Замретъ на языкѣ,
И словно, какъ обиженный
Уйдешь домой...

Какъ видить, читатель, авторъ изображаетъ сельскаго священника довольно симпатичными чертами. Душа его не зачерствѣла и не огрубѣла среди деревенской чернорабочей, исполненной нуждъ и лишений, жизни; для смиреннаго пастыря его обязанности трудны не въѣшнюю только и матеріальною стороною, а главнымъ образомъ — внутреннюю, нравственную тяготой, тою тугой душевною, съ какою сопряжено отправленіе его обязанностей. Его трогаетъ и сокрушаетъ сиротская печаль; у него болитъ душа и ноетъ сердце при видѣ крестьянской семьи, теряющей своего кормильца... Но, вѣрный дѣй-

ствительности, поэтъ не хочетъ оставить священника съ этими одними—идеальными—чертами, не можетъ утерпѣть, чтобы не бросить нѣсколько штриховъ юмористическаго и сатирическаго свойства. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о похожденияхъ своихъ героевъ онъ выводитъ на сцену одного дьякона, который затѣялъ здороваться съ своимъ сосѣдомъ—священникомъ, жившимъ отъ него за три версты, такимъ оригинальнымъ образомъ. По утренней зарѣ —

На башню какъ подымется,
Да рявкнетъ нашъ: «здорово ли
Живешь, отецъ Иванъ?»—
Такъ стекла затрещать,
А тотъ ему оттуда-то:
«Здорово, нашъ соловушка!
Жду водку пить!»—«Иду!»
«Иду»-то это въ воздухѣ
Чась пѣлыи отливается.
Такіе жеребцы! ¹⁾

Матрена Тимофеевна Борчагина, героиня третьей части поэмы, въ одномъ мѣстѣ рассказываетъ, какъ умеръ сыночекъ ея Д-мушка. Покойника анатомировали. «Заглядѣлась я, рассказываетъ Матрена,

Какъ лекарь руки мыль,
Какъ водку пилъ. Священнику
Сказалъ: прошу покорнѣйше.
А польъ ему: «что просите!
Безъ прутика, безъ кнутаика
Всѣ ходимъ, люди грѣшныи,
На этотъ водопой!» ²⁾

Въ заключеніе настоящихъ замѣтокъ упомянемъ о небольшомъ эпизодѣ въ романѣ г. Данилевскаго «Девятый валъ» ³⁾, гдѣ также выводится на сцену священникъ и изображается не съ дурной стороны, за исключеніемъ, развѣ, варварскаго — книжнаго языка, какимъ онъ выражается. Молодая дѣвушка, дочь богатаго отца, личность, въ нѣкоторомъ отношеніи живо напоминающая собою героиню тургеневскаго «Дворянскаго гнѣзда», подобно этой послѣдней, задумала поступить въ монастырь. Несчастный отецъ и другія лица, ее окружающія, въ томъ числѣ — герой романа, всѣми средствами стараются отклонить ее отъ этого намѣренія. Герой романа отправляется за совѣтомъ и справками по этому дѣлу къ мѣстному священнику, отцу Адриану: это даетъ поводъ автору изобразить предъ нами въ небольшомъ очеркѣ сельскаго іерея. Ростомъ въ сажень, словно Минотавръ, коренастый, бѣлотѣлый, и широкобородый, отецъ Адрианъ,

¹⁾ Отеч. Зап. 1874, январь, стр. 11—12.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

³⁾ Вѣстн. Европы, 1874, январь, стр. 214 и слѣд.

вопервыхъ не чуждъ нѣкотораго знакомства съ цивилизаціей: носить опойковые сапоги, на шеѣ фуляровый платокъ, часы на металлической цѣпочкѣ и постоянно курить небольшую, на длинномъ чубукѣ, трубку. Затѣмъ онъ оказывается человѣкомъ замѣчательно компетентнымъ въ вопросѣ, по которому адресуется къ нему герой романа. Тономъ схоластически-безстрастнымъ, онъ читаетъ ему цѣлую лекцію о церковныхъ и гражданскихъ законахъ относительно монашества и совершенно обезкураживаетъ несчастнаго молодаго человѣка, доказывая ему полную невозможность воспренятствовать Аглаѣ поступить въ монастырь, если она этого сама жаждаетъ. О. Адрианъ строгій консерваторъ и твердо стоитъ на почвѣ церковныхъ канонѣвъ. «Вселенское правило, говоритъ онъ, гласить, что обѣты для монашеской жизни должны даваться твердо и въ полномъ раскрытіи разума: а развѣ Аглая Кириловна не тверда въ рѣшеніяхъ и лишена разума?.. Потомъ, милостивый государь мой, для ради поступленія въ монастырь уставами и закономъ требуется что-съ? Собственное непринужденное желаніе, свобода отъ прочихъ обязанностей, сему роду жизни препятствующихъ, и дозволеніе начальства... Возрастъ, говорите вы... Законы требуютъ великовозрастія лишь для полнаго такъ сказать постриженія, — а есть и полупостригъ, въ рясофоръ. Да-съ, государь мой, постриженіе власовъ совершается и при облеченіи въ новоначальнаго монаха. Пострижаемому въ эту степень вручается крестъ и возженная свѣча, хотя изъ одеждъ монашескихъ такому дается лишь иноческа яса, да клубуецъ безъ мантии».

Наконецъ, разсуждая о монашествѣ съ такимъ эпическимъ безстрастіемъ и такимъ хладнокровнымъ догматизмомъ, почтенный священникъ, тѣмъ не менѣе, находитъ, что пойти дѣвушкѣ въ монастырь—«все едино, что во гробъ живой лечь»,—а въ заключеніе своей бесѣды съ молодымъ реалистомъ высказывается положительно враждебно въ отношеніи къ монашеству и монахамъ. «Вы меня извините, говоритъ онъ, вы посторонній человѣкъ, и моему сану не подобало бы такъ суесловить. Ну, да ужъ я таковъ: чту и храню догматы вѣры и имъ николиже ни въ чемъ не измѣняю; а ужъ пустосвятства иныхъ, хоть бы черноризцевъ, — каюсъ предъ Тобою, Господи, каюсъ, — выносить не могу и не умѣю, особливо же коли они надъ нами, рабочимъ бѣлымъ поповствомъ, такъ высоко и, сказать бы, не по заслугамъ песуть свою гордую главу. Вотъ хоть бы и наше положеніе... И отецъ Адрианъ заговорилъ о дѣлахъ своего прихода».

БЪЛИНСКИЙ, КАКЪ РЕЛИГИОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ.

(Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Сочиненіе А. Н. Пыпина. Два тома. С.-Петербургъ. 1876 г.)

Мы заинтересовались прочесть біографію знаменитаго критика, составленную съ тою тщательностію и отчетливостію, какихъ заслуживаетъ столь интересная личность и какими характеризуется вообще научно-литературная дѣятельность г. Пыпина, въ надеждѣ, на ряду съ біографическими подробностями о Бѣлинскомъ, ознакомиться съ исторіей его духовнаго развитія и внутренней нравственной жизни, столь обильной всякаго рода потрясеніями и переворотами, въ частности ознакомиться болѣе подробно съ характеромъ его отношеній къ религіозному міровоззрѣнію и къ ученію православной церкви. Наша надежда оправдалась, хотя и не вполнѣ. Составитель біографіи собралъ громадную массу новыхъ матеріаловъ, преимущественно писемъ Бѣлинскаго къ друзьямъ, едва умѣтившуюся въ двухъ весьма объемистыхъ томахъ. Авторъ въ предисловіи объясняетъ, что это далеко не весь матеріалъ, бывшій въ его распоряженіи, многое не могло войти въ его изданіе по обстоятельствамъ, отъ него независявшимъ. Но и въ томъ, что напечатано, личность Бѣлинскаго обрисовывается съ полною рельефностію. Что особенно для насъ интересно, оказывается, что знаменитый критикъ вовсе не былъ такимъ крайнимъ отрицателемъ, какъ привыкли думать, что ему присуща была, впрочемъ повидимому лишь по временамъ, религіозная потребность и религіозное стремленіе...

Въ письмахъ къ друзьямъ Бѣлинскій чаще всего говоритъ о мучительномъ состояніи своего духа—слѣдствіи разныхъ жизненныхъ невзгодъ, его постигавшихъ, и тяжелога въ матеріальномъ отношеніи положенія журнальнаго чернорабочаго, о тяжелой внутренней борьбѣ, имъ переживаемой, о недовольствѣ самимъ собою и окружающими его людьми, о происходившей въ немъ ломкѣ убѣжденій, объ утратѣ идеальныхъ вѣрованій въ добро, человечество, наконецъ о

тѣхъ чистыхъ восторгахъ и радостяхъ, какіе онъ переживалъ при чтеніи лучшихъ произведеній художественнаго слова, при появленіи новыхъ талантовъ въ отечественной литературѣ и т. п. Эта часть писемъ, по нашему мнѣнію, должна производить на читателя то довольно тяжелое впечатлѣніе, какое вообще свойственно испытывать при видѣ нравственно-больнаго человѣка, который никакъ не можетъ совладать съ собою и упорядочить свой внутренній міръ. Въ этомъ отношеніи личность Бѣлинскаго, намъ кажется, нисколько не пригляднѣе, чѣмъ личность его сначала друга, а потомъ противника, поэта-Гоголя, насколько она отражается въ письмахъ этого послѣдняго вообще и въ частности въ тѣхъ, какія въ прошломъ году были напечатаны въ «Русской Старинѣ» съ комментаріями г. О. Θ. Миллера. Впечатлѣніе это лишь отчасти сглаживается видомъ неподдѣльной искренности убѣжденія и чувства и несомнѣнной честности и правдолюбія, которыя чувствуются въ каждой строкѣ этой переписки.

Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ, которыя ближе ознакомятъ насъ съ этимъ общимъ душевнымъ состояніемъ Бѣлинскаго (относящимся ко второму, петербургскому, періоду его жизни), изъ писемъ его, въ первый разъ появившихся въ изданіи г. Пыпина. «Бываютъ минуты, пишетъ онъ въ 1839 году, когда человѣку бываетъ не до другихъ, а только до себя. Мнѣ теперь ни до кого нѣтъ дѣла, я никого не люблю, ни въ комъ не принимаю участія, потому что для меня настало такое время, когда я увидѣлъ ясно, что или мнѣ надо стать тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть, или отказаться отъ претензіи на всякую жизнь, на всякое счастье. Для меня нѣтъ выхода въ мистицизмъ (здѣсь конечно разумѣется религіозность вообще, а не мистицизмъ въ собственномъ смыслѣ этого слова) и во всемъ томъ, что составляетъ выходъ для полубогатыхъ натуръ и полупавшихъ душъ. Я теперь понимаю, отчего у насъ спиваются съ кругу все умные, по общественному мнѣнію, люди; но я не могу и спиться» (стр. 7, т. II). «Не смотря на всю неохоту говорить о себѣ, не могу не повторить, что нахожусь въ странномъ состояніи духа: и чувствую, и мыслю, и страдаю, даже тяжело страдаю. Пишу много, и пишу съ жаромъ, съ интересомъ, но не могу писать друзьямъ, ни заниматься ими даже въ мысляхъ. Со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ терплю крайнюю нужду—весь обносился, денегъ ни копѣйки, даже на извошниковъ» (II, стр. 10). «Отчего я никогда не могъ предаться весь и вполне никакому чувству? Подъ этимъ скрывается нѣчто, похожее на судорожное сжатіе сердца, на глубоко-болѣзнен-

ное стѣсненіе въ груди, въ которыхъ простая, глубокая потребность любви и сочувствія. Нѣтъ, никогда не страдалъ я такъ глубоко— силъ недостаетъ. Внутри меня что-то глубоко оскорблено. Я уже не мучусь апатією, но страдаю цѣлые дни какою-то тяжелою болѣзнію» (стр. 15). «Тяжело давить въ себѣ все, и не имѣть никого, кто-бы дружески откликнулся на наши стоны. Ахъ, мой добрый Василій (Бѣлинскій пишетъ къ Боткину), такъ тяжело, какъ еще никогда не бывало. Моя одинокость въ мірѣ терзаетъ меня: никогда такъ мучительно не жаждала душа груди, которая отвѣтила бы вздохомъ на вздохъ, которая съ любовью приняла бы на себя усталую отъ горя голову» (II, стр. 13). «Много причинъ для моихъ страданій. Недостатокъ воли, лѣнь, беспорядочный образъ жизни, разные огорченія, и внутреннія и внѣшнія, все это дѣлаетъ жизнь не слишкомъ-то веселою» (стр. 26). «Плохо, братъ, плохо, такъ плохо, что незачѣмъ бы и жить. Въ душѣ холодъ, апатія, лѣнь непобѣдимая. И не люблю, и не страдаю. Однако внутри что-то дѣется само собою...» (стр. 39).

Читателю извѣстно, гдѣ нашолъ для себя исходъ при подобномъ же мучительномъ состояніи духа другой такой же «страдаецъ» — Гоголь: нашолъ въ религіи, въ чувствѣ вѣры, въ нѣдрахъ церкви. Трудно предположить, чтобы въ натурѣ столь идеально настроенной, какова была натура Бѣлинскаго, не было религіозной потребности, религіознаго стремленія. И дѣйствительно, г. Пыпинъ даетъ намъ настоящее открытіе, приводя нѣсколько выдержекъ изъ другихъ писемъ критика-мыслителя, несомнѣнно доказывающихъ, что такое стремленіе пробуждалось въ душѣ его, что онъ не разъ дѣлалъ попытку найти исходъ изъ своего томительнаго душевнаго состоянія въ нѣдрахъ религіи. «Что, другъ (пишетъ однажды Бѣлинскій Боткину), ты уже говоришь, что лучше пѣтизмъ, чѣмъ папестическія построенія о безсмертіи? Я самъ также думаю. *Для меня евангеліе— абсолютная истина*, а безсмертіе индивидуальнаго духа есть основной ея камень. *Временемъ тепло впритя:* съ души какъ бремя скатится, *сомнѣнья далеко*, и вѣрится, и плачется, и такъ легко—легко. Да, надо читать евангеліе: *только отъ него и можно искать утѣшенія*. Но объ этомъ или все, или ничего» (т. II, стр. 29). Въ этомъ смыслѣ критикъ тяжко вздыхаетъ о покинутой имъ Москвѣ, которая гораздо богаче проявленіями религіозности и религіозными впечатлѣніями, чѣмъ Петербургъ. «Боткинъ, Боткинъ! Съ какою радостію я побылъ бы хоть на минутку въ милой Москвѣ, послушалъ бы царственнаго гула ея колоколовъ, взглянулъ бы на свя-

той Кремль и на бодрыхъ московскихъ людей съ бородами... А если бы посидѣть часокъ въ твоей комнатѣ — святители! Но увы, мнѣ долго не видать Москвы!» (стр. 21). «И въ Питерѣ есть люди, но все это — москвичи, хотя бы они и въ глаза не видали Бѣлокаменной. Въ Питерѣ только поймешь, что религія (составитель біографіи въ выноскѣ замѣчаетъ, что будто бы здѣсь, какъ и въ другіихъ случаяхъ, это слово «религія» нужно понимать не въ теологическомъ, а въ философскомъ значеніи) есть основа всего, и что безъ нея человѣкъ ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выдти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя — человѣкъ онъ или получеловѣкъ или скотина» (II, стр. 9). «Какъ глубоко страдалъ я, и какъ *религіозно* было мое страданіе, когда умерла она» (дѣвушка, которую любилъ Бѣлинскій) (стр. 53) «Да, какъ попристальѣе всмотришься въ жизнь, то поймешь и монашество, и схиму, и желаніе смерти» (стр. 130). «Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ стать. Съ нѣкотораго времени во мнѣ произошелъ сильный переворотъ: я давно уже отрѣшился отъ романтизма, мистицизма, и всѣхъ *измовъ*; но это было только отричаніе и ничто новое не замѣняло разрушеннаго стараго, а я *не могу жить безъ вѣрованій*, жаркихъ и фанатическихъ, какъ рыба не можетъ жить безъ воды, дерево расти безъ дождя. Вотъ причина, почему вы видѣли меня прошлаго года такимъ неопредѣленнымъ. Теперь я опять иной... Для меня теперь человѣкъ — ничто, убѣжденіе человѣка — все. Убѣжденіе одно можетъ теперь и раздѣлять и соединять меня съ людьми. Мнѣ стало легче жить. Если я страдаю, мое страданіе стало возвышеннѣе и благороднѣе, ибо причины его уже внѣ меня, а не во мнѣ. *Въ душу* моей есть то, безъ чего я не могу жить, *есть впра, дающая мнѣ отвѣты на всѣ вопросы*. Но это уже не вѣра и не знаніе, а *религіозное знаніе и сознательная религія*. Но объ этомъ послѣ, когда увидимся» (стр. 162). «*Есть понятія религіозныя; отсутствіе ихъ въ человѣкѣ можетъ сдѣлать человека и презрѣннымъ и ненавистнымъ*.. Есть понятія, которыя смущаютъ покой почной, отравляютъ пищу, которыя по волѣ и прохладждаютъ и кипятятъ кровь. Читали-ли вы когда ветхій завѣтъ? *Знаете-ли вы, что такое ревность по Господу, снѣдающая человека? Что человекъ безъ Бога? Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ*» (стр. 163).

Отъ такихъ прекрасныхъ разсужденій о религіи и религіозномъ

чувствѣ оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы дойти до полного признанія религіи богооткровенной въ томъ видѣ, какъ понимаетъ ее православная церковь, и путемъ болѣе или менѣе тщательнаго изученія св. писанія, твореній святоотеческихъ, произведеній христіанскихъ мыслителей позднѣйшаго времени и новѣйшихъ богослововъ, выработать полную и стройную систему религіознаго міровоззрѣнія себѣ, подобно тому, какъ это было со многими русскими мыслителями, напримѣръ съ Хомяковымъ. Но, увы, умственный и нравственный процессъ, какой пережилъ знаменитый корифей славянофильства, не повторился въ Бѣлинскомъ. Критикъ шолъ другимъ путемъ и по отношенію къ религіозному міровоззрѣнію остановился на подорогѣ, ограничившись чисто эстетическимъ отношеніемъ къ этому міровоззрѣнію, да социальнo-философскимъ пониманіемъ христіанства. Критическій геній и эстетическое чутье оказались безсильными предъ предразсудками воспитанія и среды; «воспитаніе лишило насъ религіи», сознается самъ Бѣлинскій (т. II, стр. 47), и для него осталась недоступною въ возможной полнотѣ та необъятная область нравственно-прекраснаго и возвышеннаго, какую представляетъ православное символическое ученіе церкви во всѣхъ его отрасляхъ, — та область, въ которой находитъ для себя полное удовлетвореніе и успокоеніе мятущейся духъ человѣка-христіанина. Мало того. На ряду съ приведенными выше разсужденіями мы находимъ у Бѣлинскаго такого рода сужденія. «Натура моя не чужда акта отрицанія и я прошолъ чрезъ нѣсколько моментовъ его» (стр. 188). «Я во всемъ разочаровался, *ничему не вѣрю*, ничего не люблю» (стр. 117). «Въ душѣ моей сухость, досада, злость, жолчь, апатія, бѣшенство (пишетъ критикъ къ Боткину отъ 3-го февраля 1840 года). *Вѣра* въ жизнь, *въ Духа*, въ дѣйствительность отложена на неопредѣленный срокъ, до лучшаго времени, а *пока въ ней безвѣріе и отчаяніе*. Не могу завидовать блаженству пошляковъ, ненавижу и презираю его всѣми силами моей дико-страстной натуры; но, право, часто жалѣю, отчего я не рожденъ однимъ изъ этихъ господъ» (стр. 16). «Духа нѣтъ во мнѣ ни на грошъ» (стр. 18), «я ожесточонъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ, *въ качества впрованія*, волю человѣка» (стр. 126). «И скучно, и грустно, и некому руку подать въ минуту душевной невзгоды... Эту «молитву» твержу я теперь... Повѣришь-ли, другъ, всѣ желанія уснули, ничто не манитъ, даже чувственность молчить и ничего не просить. А дия черезъ два надо приниматься за статью о дѣтскихъ книжкахъ, гдѣ я буду говорить о любви, о благодати, о блаженствѣ жизни, какъ пол-

нотѣ ея ощущенія, — словомъ, обо всемъ, *чего ѿ тѣни нѣтъ въ моей душѣ*» (стр. 19). Этимъ полудиническимъ, полумистическимъ признаніемъ критика мы заканчиваемъ рядъ выписокъ изъ его писемъ, которыми хотѣли указать на обратный ходъ его мыслей, въ сторону отъ начинавшагося было въ его душѣ религіознаго процесса. Причину такого колебательнаго состоянія духа знаменитаго критика-мыслителя понять не трудно: религія даетъ полное духовное удовлетвореніе и нравственное успокоеніе человѣку тогда, когда руководимый ея внушеніями, человѣкъ становится живымъ членомъ тѣла церкви, пребываетъ въ живомъ общеніи со всѣми отпращиваніями ея благодатной жизни, живетъ въ подчиненіи ея уставамъ и учрежденіямъ, пользуется общеніемъ ея благодатныхъ даровъ, богоучрежденныхъ таинствъ, вся немощная врачующихъ и оскудѣвающая восполняющихъ, однимъ словомъ когда онъ живетъ всею полнотою жизни церковной.

Мы сказали выше, что, обращаясь къ содержанію христіанскаго ученія, критикъ интересовался имъ лишь со стороны эстетической и философско-соціальной и во всякомъ случаѣ разсматривалъ его отнюдь не съ церковной точки зрѣнія. Вотъ для образца нѣсколько сужденій его въ этомъ родѣ. «Міръ древній жилъ въ искусствѣ и въ исторіи и пускалъ въ трагедію только царей, героевъ и боговъ; а *новый міръ начался словами: «приидите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные», и Тотъ, Кто сказалъ ихъ, возлежалъ съ мытарями и грѣшниками, Бога называлъ отцомъ людей, а людей—братьями другъ другу.* Отъ того въ новую трагедію вошли и плебеи и шуты, ибо героемъ ея сталъ человѣкъ, какъ субъективная личность (стр. 13).» Еще. «Идея либерализма въ высшей степени разумная и христіанская, ибо его задача—возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства, и самъ *Спаситель сходилъ на землю и страдалъ на крестѣ за личнаго человека.* Конечно французы не понимаютъ абсолютнаго ни въ искусствѣ, ни въ религіи, ни въ знаніи, да не это ихъ назначеніе» (стр. 78). «Соціальность—девизъ мой. Что мнѣ въ томъ, что гений на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открыть міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, *моими ближними по Христу,* но кто мнѣ враги и чужіе по своему невѣжеству?» (стр. 125). «Смерть Кольцова тебя поразила. Что дѣлать! На меня такія вещи дѣйствуютъ иначе... Чѣмъ виноватъ этотъ отецъ, что онъ—мужикъ? И что онъ сдѣлалъ особеннаго? Воля твоя, а я не

могу питать враждебности противъ волка, медвѣдя или бѣшенной собаки, хотя бы кто изъ нихъ растерзалъ чудо генія, также, какъ не могу питать враждебности къ паровозу, раздавившему на пути своего челоувѣка. *Поэтому-то Христосъ, видно, и молился за палачей своихъ, говоря: не вѣдятъ бо, что творятъ.* Я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшенныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но и не могу питать къ тому или другому изъ нихъ личной ненависти» (стр. 157). Таковы образчики религіознаго философствованія нашего критика-мыслителя. Какъ видитъ читатель, въ нихъ можно находить какія угодно достоинства, только не церковную точку отправленія при этихъ разсужденіяхъ, не катихизическое пониманіе евангелія.

Мы не имѣемъ претензіи въ настоящей замѣткѣ исчерпать все богатство историко-литературнаго матеріала, содержащагося въ двухтомномъ трудѣ г. Пыпина, но не можемъ удержаться отъ нѣсколькихъ замѣчаній касательно отношеній Бѣлинскаго къ Хомякову и вообще къ славянофиламъ, очеркъ которыхъ даетъ между прочимъ, авторъ въ своемъ изданіи. Отношенія эти, какъ извѣстно, были враждебны и пренебрежительны до послѣдней степени, не смотря на то, что одинъ изъ корифеевъ той партіи, къ которой принадлежалъ Бѣлинскій, Т. Н. Грановскій, лично не мало потерпѣвшій отъ «Москвитянина», отзывался о славянофилахъ какъ нельзя болѣе уважительно. «Я отъ всей души уважаю этихъ людей, говорилъ онъ, не смотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій: въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ». И всякій конечно согласится, что въ этомъ отзывѣ, насколько по крайней мѣрѣ дѣло касается Хомякова, Аксаковыхъ и Кирѣевскихъ, нѣтъ ни одной іоты преувеличенія. Не такъ судить объ этихъ людяхъ Бѣлинскій. «Г. толкуеть (пишетъ онъ отъ 6-го февраля 1842 года), что Хомяковъ удивительный челоувѣкъ, что онъ, правда, лежитъ по уши въ грязи, но—видишь ты—и страдаетъ отъ этого. А въ чомъ выражается это страданіе? Въ болтовнѣ, въ семинарскихъ диспутахъ про и contra. Я знаю, что Хомяковъ — челоувѣкъ не глупый, много читалъ и вообще образованъ, но онъ не надугъ бы меня своею діалектикою... Хомяковъ—это изящный, образованный, умный И. А. Хлестаковъ, челоувѣкъ безъ убѣжденія» (стр. 180). «Какую дрянъ написалъ Лермонтовъ о Наполеонѣ и французахъ (разумѣется стихотвореніе: «Послѣднее новоселье»), жаль думать, что это Лермонтовъ, а не Хомяковъ» (стр. 121). При чтеніи та-

кихъ отзывовъ о знаменитомъ славянофилѣ невольно просится на сопоставленіе съ ними сужденія того же Бѣлинскаго, помѣщающагося чрезъ нѣсколько страницъ, о нѣмецкомъ поэтѣ-сатирикѣ, главѣ молодой Германіи, Генрихѣ Гейне. «На счетъ Гейне, говоритъ критикъ, я остаюсь при своемъ мнѣніи. То, что, ты называешь въ немъ отсутствіемъ всякихъ убѣжденій, въ немъ есть только отсутствіе системы мнѣній, которой онъ, какъ поэтъ, создать не можетъ, и не будучи въ состояніи примирить противорѣчій, не хочетъ, по нѣмецкому обычаю, втягиваться въ систему. Кто оставилъ родину и живетъ въ чужой землѣ по мысли (извѣстно, что Гейне жилъ нѣкоторое время во Франціи, чувствуя себя «не въ состояніи выносить тогдашнія условія умственной и политической жизни въ Германіи»), того нельзя подозрѣвать въ отсутствіи убѣжденій. Гейне понимаетъ ничтожность французовъ въ мышленіи и въ искусствѣ, но онъ весь отдался идеѣ достоинства личности, и неудивительно, что видитъ во Франціи цвѣтъ человѣчества. Онъ ругаетъ Германію, но любитъ ее истиннѣе и сильнѣе всѣхъ гофратовъ и мыслителей. Гейне—это нѣмецкій французъ, именно то, что для Германіи всего нужнѣе» (II, стр. 89). Сколько благодушія и снисхожденія, сколько апологетической находчивости въ этихъ немногихъ словахъ о нѣмецкомъ поэтѣ-сатирикѣ, къ которому такъ неблагоклоненъ былъ московскій корреспондентъ Бѣлинскаго—Боткинъ! Писатель, о которомъ всякій безпристрастный и понимающій дѣло читатель скажетъ, что это былъ больше, чѣмъ кто-либо—человѣкъ убѣжденія, съ замѣчательною послѣдовательностію проведеннаго имъ чрезъ всю свою литературную дѣятельность до послѣдней строки — человѣкъ безъ убѣжденія, Хлестаковъ, а непомѣрно-даровитый, но до цинизма бранчивый отрицатель, все осмѣявшій и ничего не создавшій — человѣкъ убѣжденія! Какъ характеризуютъ горячую, запальчивую и страстную натуру Бѣлинскаго эти два сопоставленные нами его отзывы!

Не менѣе кстати будетъ здѣсь привести слѣдующій отрывокъ изъ писемъ Бѣлинскаго къ Панаеву. «Любовь есть таинство: благо тому, кто постигъ его; и не найдя его осуществленія для себя, онъ все-таки владѣетъ таинствомъ. Для меня свѣтлою минутою жизни будетъ та минута, когда я вполне удостовѣрюсь, что вы наконецъ уже владѣете въ своей душѣ этимъ таинствомъ, а не предчувствуете его только. Мы счастливы: очи наши узрѣли спасеніе наше и мы отпущены съ миромъ владыкою; мы дождались нашихъ пророковъ и узнали ихъ, дождались знаменій и уразумѣли ихъ» (II, стр. 167). Какъ странно звучать въ устахъ нашего критика-мыслителя эти

чисто Хомяковскія сужденія о любви послѣ приведенныхъ выше словъ его о самомъ Хомяковѣ! Не авторъ ли «нѣсколькихъ словъ объ инославныхъ вѣроисповѣданіяхъ» первый понялъ и съ неизмѣримо большею, чѣмъ Бѣлинскій, компетентностію истолковывалъ значеніе любви—въ ея высшемъ, христіански-церковномъ смыслѣ, какъ одной изъ основныхъ стихій челоѣческаго духа — въ жизни челоѣка не только личной, но и общественной, соціальной и обще-міровой, церковной? Въ приведенныхъ словахъ Бѣлинскаго о любви не одно-ли смутное предчувствіе содержится того, что сказалъ о ней въ своихъ брошюрахъ Хомяковъ, этотъ мыслитель въ поэзи и поэтъ въ мышленіи?

Подъ конецъ своей жизни, въ знаменитомъ замѣцбрунскомъ письмѣ къ Гоголю, Бѣлинскій окончательнo склоняется къ мнѣнію русскаго родовачальника своей школы (въ ея послѣдней формациі), Чаадаева, считавшаго русскихъ народомъ почти нехристіанскимъ, менѣе христіанскимъ, чѣмъ народы католическіе и протестантскіе, повторяетъ пресловутыя изрѣченія этого мыслителя-эксцентрика «о неправдѣ и растлѣніи греческаго православія». «Ужели вы, авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», искренно пропѣли гимнъ русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше католическаго? спрашиваетъ онъ Гоголя. Ужели вы не знали, что послѣднее когда-то было чѣмъ-то, тогда какъ ваше духовенство никогда ничѣмъ небыло?» Слабость историческаго образованія и незнакомство съ дѣйствительными основами русской жизни были причиной, что Бѣлинскій, какъ и вся его школа, не сумѣли сдѣлать должную оцѣнку православія, ни какъ вѣроисповѣдной формы, сравнительно съ западными формами религіозной жизни, ни его истинности и правоты, ни его историческаго значенія и заслугъ. Впрочемъ въ глазахъ религіозныхъ отрицателей ничего не значать какъ заслуги духовенства на поприщѣ христіанскаго просвѣщенія народа, такъ и исполненіе имъ непосредственныхъ обязанностей своего званія: имъ нужно лишь политиканство духовенства на западный манеръ, то политиканство, которое, по воззрѣніямъ православія, составляетъ прямое противорѣчіе его основнымъ принципамъ (см. богословскія сочиненія Хомякова, стр. 72 и слѣд.).

1875.

По поводу разсужденій „Отечественныхъ Записокъ“ о духовенствѣ.

Толки о духовенствѣ, особенно сочувственные толки о его нуждахъ, въ нашей свѣтской печати такъ не часты, что мы считаемъ не бесполезнымъ еще разъ обратиться къ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ», (1875 г. декабря) о которой говорено было въ «письмѣ въ редакцію» помѣщенномъ въ № 4 «Церковнаго Вѣстн.» — (за 1876 г.) чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ разсужденій автора статьи, которыхъ коснуться не позволилъ нашему корреспонденту размѣръ его статьи.

Наше вниманіе прежде всего останавливаетъ на себѣ реплика, которою хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ» начинаетъ свои разсужденія о духовенствѣ.

«Одну изъ важныхъ задачъ нашего времени составляетъ, говоритъ онъ, вопросъ о православномъ духовенствѣ. Что оно не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго общества, что оно ни своимъ умственнымъ развитіемъ, ни своими нравственными качествами не только не возвышается надъ свѣтскимъ обществомъ, а стоитъ гораздо ниже даже средняго уровня послѣдняго, что потому оно большею частію вовсе не имѣетъ никакого вліянія въ своей паствѣ—все это въ настоящее время ни для кого не тайна. Надѣялись было обновить духовное сословіе превращеніемъ его изъ кастоваго замкнутаго сословія, каковымъ оно было до послѣдняго времени, въ открытое для всѣхъ, такъ что даже не учившимся въ семинаріяхъ, а кончающимъ курсъ въ гимназіяхъ дано было право наравнѣ съ семинаристами поступать въ высшія духовно-учебныя заведенія—академіи. Но эти мѣры не привели ни къ какому результату. Никто изъ другихъ сословій не хотеть идти въ духовное званіе и не хотеть отдавать дѣтей своихъ въ духовно-учебныя заведенія. Этого мало: всѣ лучшіе воспитанники семинарій, принадлежащіе по своему происхожденію къ духовному званію, въ настоящее время бѣгутъ оттуда въ высшія свѣтскія заведенія—университеты, лицей и т. д.

Мы, какъ легко пойметъ читатель, затрудняемся согласиться съ такимъ взглядомъ почтеннаго хроникера «Отечественныхъ Записокъ» на православное духовенство, хотя считаемъ излишнимъ входить въ

опроверженіе этого голословнаго и огульнаго оужденія всего духовенства и въ оцѣнку этихъ фразъ, повторяемыхъ въ нашей свѣтской литературѣ ужъ много лѣтъ — всякій разъ, когда заходитъ въ ней рѣчь о духовенствѣ. Отнюдь не думая отрицать обоихъ грустныхъ фактовъ, указываемыхъ почтеннымъ журналомъ — побѣга семинаристовъ въ свѣтскія учебныя заведенія и нежеланія лицъ свѣтскихъ отдавать своихъ дѣтей въ духовноучебныя заведенія, не смотря на всѣ льготы, предоставляемыя имъ при экзаменахъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что въ общемъ своемъ приговорѣ о духовенствѣ почтенный хроникеръ повторяетъ зады, отставъ въ своихъ свѣдѣніяхъ о дѣлѣ лѣтъ по крайней мѣрѣ на двадцать. То правда, что наше *сельское* духовенство далеко еще не достигло желаемой идеальной высоты умственнаго и нравственнаго совершенства; но всякій безпристрастный наблюдатель, непосредственно знакомый съ дѣломъ, надѣемся, согласится, что теперь не смотря на то, что внѣшнія условія быта духовенства мало измѣнились къ лучшему, въ сравненіи съ тѣмъ, что было двадцать лѣтъ назадъ, когда появилось знаменитое «Описаніе сельскаго духовенства», въ немъ замѣчается значительный прогрессъ какъ въ характерѣ его внутренняго частнаго быта, такъ и въ отношеніяхъ его къ обязанностямъ своего служенія. Въ теченіи этого времени возникла и развилась до значительной степени зрѣлости его дѣятельность церковно-учительная, возбуждаемая и руководимая указаніями епархіальныхъ преосвященныхъ (съ которыми — указаніями — достаточно имѣла возможности ознакомиться и наша свѣтская печать); доказательствомъ этого служить между прочимъ относительное обиліе появившихся въ послѣдніе годы произведеній духовно-учительной литературы, принадлежащихъ перу не однихъ только столичныхъ академически-образованныхъ священниковъ, но также — въ весьма значительной мѣрѣ — сельскихъ пастырей, а еще больше — возникновеніе за это время мѣстныхъ епархіальныхъ духовно-литературныхъ органовъ, число которыхъ за это время возрасло больше чѣмъ до половины числа епархій въ Россіи, — органы эти наполняются главнымъ образомъ трудами духовенства и опять между прочимъ — нашихъ сельскихъ пастырей. Результаты дѣятельности сельскаго духовенства по народному образованію, по обращенію въ православіе расколнниковъ и иновѣрцевъ, о которыхъ наглядно, довольно краснорѣчивыми цифрами, говорятъ всеподданнѣйшіе отчеты г. Оберъ-Прокурора Св. Синода и періодическія сообщенія въ духовныхъ и свѣтскихъ газетахъ — также должны быть не безъизвѣстны хроникеру «Отечеств. Записокъ». О нравственныхъ настроеніяхъ въ

быту духовенства, о количествѣ проступковъ въ его средѣ, не смотря на то, что при той гласности какая имѣеть мѣсто въ настоящее время ничто почти въ этомъ родѣ не остается безъ опубликованія, слышится также довольно рѣдко. Но, повторяемъ, мы не имѣемъ намѣренія входить въ препирательство по этому предмету съ почтеннымъ хроникеромъ въ виду устарѣлости и бездоказательности его заявленій и переходимъ къ любопытнымъ соображеніямъ автора о томъ, какимъ образомъ можетъ быть устроенъ бытъ духовенства и возвышено его общественное положеніе.

Сдѣлавши приведенное выше вступленіе, авторъ статьи останавливаетъ затѣмъ свое вниманіе на томъ фактѣ, заявленномъ одною изъ нашихъ духовныхъ газетъ, что семинаристы, и притомъ лучшіе, цѣлыми толпами покидаютъ семинаріи прежде окончанія курса и поступаютъ въ свѣтскія высшія учебныя заведенія, рѣшаясь при этомъ лучше переносить здѣсь голодъ и всякія лишенія, чѣмъ окончивая курсъ въ семинаріяхъ, дѣлаться потомъ сельскими священниками. Отвергая всѣ тѣ причины, какія приводятся въ объясненіе этого явленія упомянутою газетою, авторъ отнюдь не хочетъ, и совершенно справедливо, думать, чтобъ, эти побѣги семинаристовъ происходили изъ несочувствія молодыхъ людей дѣлу церкви и религіи и изъ отсутствія въ нихъ религіозныхъ убѣжденій, и приходитъ къ тому заключенію, что если не единственная, то главная причина этого явленія—безотрадное будущее, какое имъ предстоитъ по поступленіи въ сельскіе священники и тѣ тяжолыя условія, которыми обставлено у насъ самое принятіе духовнаго сана. Авторъ подробно излагаетъ эти тяжолыя условія и предлагаетъ съ своей стороны рядъ мѣропріятій, которыя по его мнѣнію могли бы поправить дѣло: не только удержать семинаристовъ въ семинаріяхъ и въ духовномъ званіи, но и привлечь ко вступленію въ это званіе лицъ свѣтскаго происхожденія, а затѣмъ и вообще поднять значеніе духовенства въ обществѣ. Причины, отталкивающія молодыхъ людей отъ духовнаго званія, по мнѣнію хроникера, суть слѣдующія: 1) поступаая въ священники, «юноша долженъ отказаться навсегда, навѣчно, отъ свободы располагать собою, вещь, по мнѣнію хроникера «ужасная»; 2) онъ долженъ непремѣнно жениться, а жена для священника, который рѣшился бы всецѣло предаться своему священному долгу, лишь тяжолое бремя и помѣха: «у насъ и въ самыхъ развитыхъ кругахъ трудно отыскать жену, которая была бы способна увлечься какою-либо идеей»; въ тѣхъ же кругахъ, гдѣ воспитываются жены нашихъ пастырей, о такихъ требованіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Жена, а

затѣмъ и семейство, являются настоящею помѣхою для священника въ дѣлѣ его служенія еще и потому, что на тѣ средства, какія онъ получаетъ, едва и одному можно существовать кое-какъ. 3) Вступающій въ духовное званіе долженъ отдѣлить себя отъ всего міра одеждой. «Платье священника производитъ на всѣхъ какое-то особенное впечатлѣніе». Всѣ чувствуютъ себя стѣсненными въ присутствіи чело-вѣка въ рясѣ,—простая непринужденная рѣчь обыкновенно прекращается, разговоръ дѣлается натянутымъ. Платье же преграждаетъ священнику входъ въ театры и другія мѣста свѣтскихъ удовольствій. Это искусственное отчужденіе отъ себя другихъ людей покроемъ платья «несомнѣнно стоитъ въ противорѣчій съ миссіею священника: быть близкимъ къ міру и знать его, жить и дѣйствовать среди него». — Чѣмъ внимательнѣе будетъ всматриваться въ дальнѣйшую перспективу своей дѣятельности будущій священникъ, тѣмъ болѣе и болѣе будетъ расти его разочарованіе. Въ идеѣ—призваніе священника—призваніе просвѣтителя; въ дѣйствительности-же священнику почти никогда не приходится являться въ этой роли. Большая часть его времени занята исполненіемъ требъ, канцелярскою отчетностію по должности; остальное время онъ долженъ употреблять на устройство своего маленькаго ховяйства, вообще на приобрѣтеніе средствъ къ жизни. Чтобы духовнаго званія искали лучшіе люди въ обществѣ, по мнѣнію автора, необходимо уничтожить тѣ безразличныя для существа духовнаго званія отличія, которыя теперь многихъ отклоняютъ отъ него: вѣчное безысходное пребываніе въ духовномъ санѣ, брачное состояніе и особую одежду.

Что сказать по поводу всѣхъ этихъ разсужденій почтеннаго хроникера «Отеч. Записокъ?» По нашему мнѣнію, всѣ они или недостаточно основательны или не практичны. Такъ, что касается безвыходности священника изъ духовнаго званія, то она уже въ настоящее время—болѣе фиктивная, чѣмъ дѣйствительная. Въ настоящее время снятіе духовнаго сана болѣею частію не влечетъ уже за собою всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, какія узаконены были въ прошлое царствованіе, какъ временная мѣра. По представленіямъ Св. Синода, Державною властію снявшимъ съ себя духовный санъ болѣею частію возвращаются общественныя и служебныя права, принадлежащія имъ по образованію. И есть основаніе надѣяться на пересмотръ дѣйствующихъ въ этомъ отношеніи правилъ въ законодательномъ порядкѣ, на основаніи каноновъ церкви. Съ своей стороны мы полагаемъ, что тѣ или другія ограниченія относительно сложения съ себя сана священникомъ, всегда будутъ имѣть доста-

точные основанія въ особенностяхъ священнаго сана, такъ какъ священство не есть просто званіе или должность, но и таинство, сообщающее посвящаемому чрезвычайныя благодатныя дары, потому что оно ни коимъ образомъ, съ догматико-канонической, единственной законной въ настоящемъ случаѣ, точки зрѣнія, не можетъ быть приравнено къ существующимъ гражданскимъ званіямъ и должностямъ, гдѣ переходъ изъ одной въ другую не обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ только личнымъ желаніемъ и начальственнымъ усмотрѣніемъ. Потому то, при вступленіи въ священство, требуется болѣе чѣмъ гдѣ-либо рѣшимость вполне сознательная и свободная; потому-то, какъ вообще церковныя каноны, такъ въ частности и позднѣйшая наша церковная практика принимаютъ за нормальный возрастъ для принятія священства не юность, а мужество, — возрастъ старшій не только такъ называемаго церковнаго, но и гражданского совершеннолѣтія.

Тѣмъ менѣе представляется намъ основательнымъ второе возраженіе хроникера «Отеч. Записокъ» — относительно обязательности брака для священниковъ. Тысячелѣтній опытъ церкви римской съ неотразимою убѣдительною доказываетъ, что безбрачіе священниковъ всего меньше представляетъ ручательствъ за нравственныя достоинства священника и за большія удобства къ достойному прохожденію имъ своего служенія. Бракъ честенъ и ложе нескверно съ другой стороны никоимъ образомъ не могутъ служить препятствіемъ къ достойному служенію алтарю: нормальная семейная жизнь, съ ея освѣжающими духовныя силы человѣка радостями и благами, гораздо лучше обезпечиваетъ и трезвеніе ума, и чистоту душевную, и нравственную благонастроенность, столь необходимыя для служителя Божія. Весь вопросъ здѣсь сводится къ достаточности матеріальныхъ средствъ священника для семейной жизни. Но и въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется, у насъ дѣло не до такой степени безнадежно, какъ это думаетъ почтенный хроникеръ. Во всякомъ случаѣ, въ виду словъ Христа Спасителя—могій вмѣстити да вмѣститъ, церковь православная, какъ должно быть извѣстно и автору разсматриваемой статьи, отнюдь не узаконяетъ безусловно брака для священниковъ: одинъ изъ первокласныхъ авторитетовъ нашей церкви, покойный митрополитъ московскій Филаретъ, съ разрѣшенія Св. Синода, не усумнился посвятить въ священники безсемеянаго покойнаго ректора московской академіи, и это не единственный примѣръ въ нашей церковной исторіи.

Что касается рекомендуемой хроникеромъ отиѣны рясы, то ко-

нечно можно лишь пожалѣть о томъ, что, какъ заявляетъ хроникеръ, въ нашемъ развитомъ обществѣ находятся люди, которые по одеждѣ не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ. Масса православнаго народа, духовнымъ нуждамъ котораго главнымъ образомъ призывается служить сельскій священникъ, къ рясу напротивъ относятся съ особою почитательностію и уваженіемъ, и мы думаемъ, что надѣтъ на себя православному священнику скюртугъ или фракъ значитъ окончательно оттолкнуть отъ себя нашего простолюдина и повергнуть его въ объятія раскола и сектанства. Примѣръ заграничныхъ русскихъ священниковъ, которымъ дозволено носить свѣтскую одежду внѣ Богослуженія, вызванъ исключительными обстоятельствами и общаго примѣненія имѣть не можетъ.

Намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ отвѣтъ на разсужденія хроникера «Отеч. Записокъ» относительно улучшенія матеріальнаго быта духовенства, — предметъ, на которомъ обыкновенно настаиваютъ всѣ искренніе и компетентные ревнители его дѣйствительныхъ нуждъ. Какіе бы широкіе идеалы для дѣятельности священника ни предначертывалъ публицистъ, но среди крайней матеріальной нужды неудобно кому бы то ни было задаваться служеніемъ идеалу, и священникъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не разнится отъ прочихъ людей.

«Вопросъ о присканіи мѣръ, при помощи которыхъ можно было бы поднять духовенство и усилить его просвѣтительную дѣятельность, давно занимаетъ всѣхъ (говоритъ хроникеръ), думали, что это само собою можетъ сдѣлаться съ обезпеченіемъ духовенства матеріальнымъ. Съ этою цѣлю еще въ прошедшее царствованіе назначено было духовенству жалованье (духовенству, замѣтимъ, далеко не всѣхъ епархій и не въ равномъ размѣрѣ). Съ этою же, надобно думать, цѣлю въ нынѣшнее царствованіе послѣдовало сокращеніе штатныхъ приходовъ, что чрезъ увеличеніе числа прихожанъ въ каждомъ приходѣ должно было увеличить средства духовенства. Но очевидно всѣ эти средства не могли привести къ желанной цѣли. Штатное жалованье духовенства слишкомъ незначительно для того, чтобы могло хотя сколько-нибудь его обезпечить. Увеличеніе количественнаго размѣра приходовъ возможно было не вездѣ и притомъ въ лучшихъ случаяхъ могло сдѣлать только незначительную надбавку къ средствамъ духовенства, а между тѣмъ рядомъ съ этимъ оно необходимо увеличивало занятія его по требованію, слѣдовательно никакъ не могло дать ему болѣе времени для его просвѣтительной дѣятельности. Вообще мы думаемъ (заключаетъ хроникеръ), что невозможно присканать никакихъ мѣръ, которыми можно было бы поднять духовенство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ».

Далѣ авторъ обзорѣнія мотивируетъ это послѣднее свое положеніе слѣдующимъ любопытнымъ расчетомъ.

«У насъ теперь, говоритъ онъ, считается болѣе 40,000 однихъ священниковъ, а съ дьяконами и причетниками всего духовенства насчитывается до 120,000 душъ. По нынѣшнимъ цѣнамъ на жизненные припасы вы не можете положить среднимъ числомъ менѣе, чѣмъ по 1,000 руб. на человека, и это будетъ обезпеченіе не Богъ знаетъ какое: нѣтъ мирового судьи или члена земской управы, который не получалъ бы 1,500 — 2,000 руб. въ годъ. Нельзя же священнику, если вы хотите дать ему общественное положеніе, назначить меньше этого».

Намъ, признаемся, не совсѣмъ нравится такая щедродательность публициста: положеніе современнаго сельскаго священника у насъ таково, что для него что-нибудь — лучше, чѣмъ ничего, а назначая такое относительно большое *жалованье* сельскому священнику *отъ государства*, публицистъ можетъ лишь устрашить неуиѣренностію притязаній духовенства лицъ компетентныхъ, озабочивающихся улучшеніемъ матеріальнаго быта нашихъ почтенныхъ сельскихъ пастырей, и такимъ образомъ дѣло это, неотложно нужное, можетъ замедлиться. Но пойдемъ далѣе за авторомъ статьи:

«Если, говоритъ онъ, 120,000 помножить на 1,000, то выйдетъ, что на содержаніе сельскаго духовенства у насъ потребна выдача ему отъ правительства жалованья въ размѣрѣ 120.000,000 руб. въ годъ, что составитъ четверть всего нашего государственнаго бюджета».

Расчетъ удивительно наивный: во первыхъ, въ настоящее время у насъ—въ печати и въ сферахъ правительственныхъ — рѣчь пока идетъ объ улучшеніи быта лишь сельскихъ священниковъ; дьяконскія мѣста въ селахъ понемногу предполагается закрывать, а причетниковъ имѣется въ виду продовольствовать изъ другихъ источниковъ, кромѣ церковнаго жалованья. Такимъ образомъ не 120,000 нужно помножить на 1.000, а 40,000 (число священниковъ по исчисленію хроникера), что дастъ сумму втрое меньшую, нежели какую исчислилъ хроникеръ. Но кромѣ того нашъ публицистъ забываетъ, что если священнику и потребно въ годъ не менѣе 1,000 р. на содержаніе себя съ семействомъ, то эта тысяча далеко не вся потребуется изъ государственнаго казначейства въ видѣ жалованья; сюда входятъ, во первыхъ, существующіе въ настоящее время поручные и кружечные доходы, которые могутъ быть замѣнены определеннымъ, помѣсячно выдаваемымъ, жалованьемъ въ равныхъ имъ размѣрахъ—отъ прихода; далѣе—у духовенства имѣются земельные надѣлы, которые, въ случаѣ надобности, могутъ быть обращаемы въ денежную ренту и составлять часть той же необходимой для священ-

ника ежегодной тысячи; сюда же могут войти и назначенія отъ земствъ и другіе мѣстные источники доходовъ. Такимъ образомъ, если духовенству позволительно разсчитывать на воспособленіе ему въ средствахъ жизни со стороны государственнаго казначейства въ видѣ надбавки жалованья, то въ количествѣ — самое большее — 300—400 рублей, и то не повсемѣстно, что составитъ уже на 40,000 священниковъ (удерживаемъ цифру хроникера, хотя она несомнѣнно окажется меньше) не страшную сумму—120 милліоновъ рублей, а самое большее 12 — 15 милліоновъ, что въ виду того общегосударственнаго и общенароднаго значенія, въ какомъ хроникеръ не отказываетъ русскому сельскому духовенству, не представляетъ ничего ужасающаго. Но, сколько намъ извѣстно по печатнымъ заявленіямъ, духовенство настаиваетъ не столько на жалованьѣ отъ казначейства, сколько на опредѣленной, выдаваемой независимо отъ времени совершенія требъ, цифрѣ содержанія отъ прихода, въ замѣнъ унижительныхъ подачекъ и поборовъ за требоисправленія по мѣрѣ ихъ совершенія. Не исчерпывая впрочемъ этого вопроса, мы нашли нужнымъ сдѣлать эти замѣчанія лишь въ опроверженіе тѣхъ устрашающихъ цифръ, какія выставляетъ почтенный журналъ, и тѣхъ ошибочныхъ опасеній, которыя могли бы пробудиться, подъ влияніемъ его разсужденій, относительно ожиданій и нуждъ духовенства—въ читателѣ, который не далъ бы труда провѣрить умноженія простыхъ чиселъ, наскоро сдѣланнаго хроникеромъ.

Наконецъ нельзя, по нашему мнѣнію, признать цѣлесообразнымъ и основательнымъ и то мнѣніе публициста, будто единственное средство возвысить духовенство—вести въ немъ раздѣленіе труда, предназначивъ одну часть его для исправленія требъ, другую—исключительно для просвѣтительной дѣятельности. По мнѣнію автора, слѣдуетъ увеличить объемъ приходовъ такъ, чтобы каждый, при одномъ священникѣ, вмѣщалъ не менѣе 2,000 душъ; тогда, говорить онъ, вмѣсто 38,000 священниковъ, потребуется лишь 25,000 на всю Россію. Эти священники должны заняться исключительно требо-исправленіями; но къ нимъ на каждые три прихода слѣдуетъ прибавить по одному священнику—проповѣднику, который занимался бы исключительно ученіемъ народа, поочередно въ каждомъ изъ трехъ приходовъ. Такихъ священниковъ на 50 мил. православнаго населенія Россіи потребовалось бы 8,400. Эти два разряда священниковъ могли бы получать совершенно различное образованіе: священники—требоисправители должны обучаться въ разныхъ техническихъ и сельско-хозяйственныхъ школахъ, такъ чтобы знали

какое либо полезное ремесло, которое могли бы утилизировать въ жизни (что, замѣтимъ мимоходомъ, воспрещается священнику церковными правилами), выслушивая затѣмъ не болѣе какъ двухгодичный богословскій курсъ въ сформированномъ на новый образецъ духовно-учебномъ заведеніи, которое могло бы быть одно на три епархіи. Эти проектируемыя хроникеромъ духовно учебныя заведенія новаго образца должны состоять лишь изъ специально богословскихъ классовъ. Другіе классы семинарій—общеобразовательные—должны быть слиты съ гимназіями. Приготовляющіеся въ священники-провѣдники должны получать образованіе въ классическихъ гимназіяхъ, потомъ въ университетахъ—на юридическомъ факультетѣ, и наконецъ уже—въ духовныхъ академіяхъ. Юридическій факультетъ, по мнѣнію автора нуженъ здѣсь потому, что это дало бы возможность этого рода священникамъ быть полезными сельскимъ прихожанамъ при возникновеніи въ ихъ средѣ тяжёбныхъ и вообще судебныхъ дѣлъ, подлежащихъ разбирательству въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. Объ этихъ затѣйливыхъ и непрактичныхъ комбинаціяхъ почтеннаго публициста довольно сказать, что по нимъ на священника снова возлагаются обязанности, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ его специальному служенію, которыя могутъ только парализовать его специальную дѣятельность. Основаніемъ для этихъ немислимыхъ въ настоящее время комбинацій автору служить, между прочимъ, его понятіе о достоинствѣ современнаго семинарскаго образованія. По мнѣнію автора, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что уровень научнаго образованія въ семинаріяхъ, послѣ ихъ преобразованія, значительно понизился противъ прежняго. Прежде семинаріи, говоритъ онъ, имѣли характеръ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній съ краткимъ двухгодичнымъ богословскимъ курсомъ. Въ такомъ видѣ онѣ достаточно подготовляли воспитанниковъ какъ для богословскаго курса, такъ и для высшихъ свѣтскихъ заведеній. Потомъ стали расширять курсъ богословскихъ наукъ, перенеся нѣкоторыя изъ нихъ изъ богословскаго курса въ подготовительные классы, въ явный ущербъ наукамъ свѣтскимъ. По прежнему уставу предполагалось образовывать изъ воспитанниковъ семинарій богослововъ, которые при основательномъ знаніи классической филологіи, а также филозофіи съ ея исторіей, забывавая при этомъ и церковнаго преданія, могли сами доискиваться истинъ христіанства и сравнивать съ нимъ самостоятельное развитіе человѣческой мысли. Въ послѣдствіи на первомъ планѣ стало вмѣсто самостоятельнаго—традиціонное изученіе христіанства. Видно, что почтен-

ный авторъ статьи не имѣетъ даже приблизительнаго понятія о сущности произведенной реформы духовно-учебныхъ заведеній. Иначе ему было бы извѣстно, что общеобразовательный научный курсъ поставленъ новымъ уставомъ семинарій болѣе серьезно, чѣмъ прежде, что на изученіе классическихъ языковъ теперь въ семинаріяхъ посвящается вдвое большее число уроковъ, чѣмъ прежде, что далѣе къ двумъ философскимъ наукамъ присоединенъ новый учебный предметъ—обзоръ философскихъ ученій. Мысль о слитіи семинарій съ гимназіями и академіи съ университетами, на которой настаиваетъ авторъ разсматриваемаго проекта, сколько намъ извѣстно, высказываема была еще въ то время, когда Высочайше утвержденный комитетъ для преобразованія семинарій только выработывалъ дѣйствующій нынѣ уставъ семинарій и, какъ намъ кажется, вполне основательно признана непрактичною и несоотвѣтствующею существующимъ потребностямъ. Въ настоящее же время возвратиться къ ней значило бы произвести новую ломку въ только-что отстроеномъ зданіи,—ломку, которая надолго привела бы въ разстройство только что пущенный въ ходъ механизмъ духовнаго образованія. Хотя вообще пріятно видѣть, что такой почтенный органъ печати, какъ «Отеч. Записки», обращаетъ сочувственное вниманіе на положеніе русскаго духовенства и на состояніе у насъ духовно-учебнаго дѣла; но желательно въ тоже время, чтобы, рѣшаясь трактовать объ этомъ предметѣ, хроникеръ почтеннаго журнала сколько нибудь заручился подобающею солидному слову компетентностію въ дѣлѣ, и обладалъ по крайней мѣрѣ общезвѣстными свѣдѣніями о немъ.

ЗАПОЗДАЛЫЯ СЪТОВАНІЯ.

Не такъ давно въ Петербургѣ издана интересная во многихъ отношеніяхъ книга съ заглавіемъ: «Русскіе общественные вопросы». Наше вниманіе въ этой книгѣ останавливаютъ на себѣ двѣ статьи отца Беллюстина, сдѣлавшаго себѣ извѣстность въ нашей литературѣ и обществѣ не столько весьма хорошими «бесѣдами о православномъ богослуженіи», вышедшими уже нѣсколькими изданіями, сколько своею давнею церковно-публицистическою дѣятельностію. Одна изъ новыхъ двухъ статей его трактуетъ «о духовной администраціи», другая — имѣетъ своимъ предметомъ «вопросъ о выходѣ изъ духовнаго званія». Въ первой статьѣ авторъ прежде всего непривлекательными чертами рисуетъ нравственную фізіономію православнаго русскаго духовенства. Оно, по словамъ статьи, никогда не отличалось «особенно крѣпкими стремленіями къ жизненной правдѣ и законности дѣйствій». На тотъ случай, если бы кто сталъ сомнѣваться въ справедливости такого заявленія, авторъ находитъ достаточнымъ указать на то, что архивы консисторій, переполненные «дѣлами» о духовенствѣ, не остаются безъ новыхъ пополненій «ни на одинъ годъ, ни на одинъ мѣсяць», что эти «дѣла» шли и идутъ нескончаемой вереницей. А извѣстно, что еще большая часть того, что составляетъ содержаніе архивныхъ «дѣлъ», улаживается, проходитъ безъ слѣдственныхъ процедуръ и не восходитъ до консисторій. Затѣмъ авторъ ставитъ вопросъ: чему же обязано духовенство такими своими ненормальными стремленіями, и отвѣчаетъ: администраціи и ея вліяніямъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на заявленіи автора о деморализаціи нашего духовенства, служащемъ точкой отправленія для его дальнѣйшихъ разсужденій: наши священники тѣ же люди, и ничто человѣческое имъ не чуждо, не чужды и слабости и пороки, и, пожалуй, слабое чувство законности, хотя, думается намъ, отнюдь не въ большей мѣрѣ, чѣмъ другимъ классамъ общества. Тотъ фактъ,

что консисторіи доселѣ «наполняются» дѣлами о духовенствѣ, ровно ничего не доказываетъ; другое дѣло — если бы авторъ, представивъ подробную статистику судебныхъ дѣлъ о духовенствѣ, производящихся въ консисторіяхъ, и опредѣливъ процентное отношеніе этихъ дѣлъ къ числу лицъ духовнаго званія въ Россіи, въ параллель съ подобною же статистикою судебныхъ дѣлъ о лицахъ другихъ образованныхъ классовъ общества, доказалъ, что проступковъ и преступленій духовенство совершаетъ больше, чѣмъ лица другихъ общественныхъ классовъ. Между тѣмъ, если вѣрить нашей обличительной литературѣ, «особенно крѣпкими стремленіями къ жизненной правдѣ и законности дѣйствій» у насъ не отличается рѣшительно ни одинъ классъ общества... Но обратимся къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ автора о церковной администраціи.

Весь источникъ зла въ духовенствѣ, по мнѣнію автора, въ главныхъ дѣятеляхъ его администраціи. И странное дѣло, удивляется авторъ, всѣ эти «главные дѣятели церковной администраціи» по рожденію и воспитанію принадлежать къ духовной средѣ; ей слѣдовательно должны бы принадлежать и всѣ ихъ симпатіи. Всѣ они по даннымъ обѣтамъ, не принадлежать міру съ его эгоистическими стремленіями; слѣд. ихъ цѣлью не можетъ быть ни что другое кромѣ искренняго служенія добру во всѣхъ его видахъ. И жизнь представляетъ дѣйствительно нѣсколько такихъ исключительныхъ личностей между церковными администраторами, которые вносятъ свѣтъ и жизнь въ данную мѣстность и оставляютъ послѣ себя долго неизгладимые слѣды правды и любви. Но вообще говоря, по мнѣнію автора, духовнымъ администраторамъ духовная среда обязана наибольшею частію своихъ нравственныхъ недуговъ... На ней, духовной администраціи, лежитъ обязанность нравственно и матеріально поднять духовную среду, пониженную, придавленную и безвліятельную, дать ей свободу духа, тотъ разумный смыслъ жизни, съ которыми она могла бы занять свое давно потерянное мѣсто въ обществѣ. Между церковнымъ администраторомъ и духовенствомъ, по идеѣ, должна быть самая тѣсная связь; безъ пособія разумно-дѣйствующихъ священниковъ церковный администраторъ также бесполезенъ въ каждой данной мѣстности, какъ бесполезенъ въ своемъ приходѣ всякій нерадивый о своемъ дѣлѣ священникъ. «Между тѣмъ иные администраторы, говоритъ авторъ, ставятъ себя на такую высоту по отношенію къ управляемымъ, что эти послѣдніе имѣютъ все право говорить: между ними и нами утверждена великая пропасть.. Даже крѣпостничество съ спихожденіемъ относилось къ уму, къ заслугѣ, по крайней мѣрѣ къ

сѣдинѣ; а тутъ нерѣдко умъ и заслуги всего болѣе и придавливаются, отъ чего и самая сѣдина не спасаетъ... По самымъ серьезнымъ вопросамъ о православіи церковные администраторы довольствуются предписаніями и донесеніями на бумагѣ и *никогда* (!) не снисходятъ до искренней откровенной бесѣды съ тѣми, которые стоятъ лицомъ къ лицу съ жизнью, и считаютъ (!) величайшей дерзостью, если кто нибудь изъ таковыхъ осмѣлится сдѣлать полезнѣйшее для дѣла указаніе. Церковные администраторы отъ времени до времени «обозрѣваютъ», правда, ввѣренные ихъ управленію мѣстности; но что эти обозрѣнія: желаніе ли лично узнать духовныхъ дѣятелей каждаго мѣста, дать имъ нужныя указанія, чтобы при посредствѣ ихъ вліять на народъ; желаніе ли ближе и точнѣе ознакомиться съ религіознымъ и нравственнымъ уровнемъ православныхъ, чтобы давать имъ то или другое направленіе? Ничуть. Эти обозрѣнія—не что иное, какъ «помпы» встрѣчъ и проводовъ, причомъ подвѣдомое пастырство играетъ жалкую и нелѣпо—смѣшную роль вспокоенныхъ и трясущихся отъ страха школьничковъ, надъ чѣмъ всегда съ такою наглостью потѣшается почтенное гражданство въ провинціи». Но и этимъ знаменитый авторъ не довольствуется. Онъ усматриваетъ въ современныхъ отношеніяхъ администраціи церковной къ священникамъ «гнетъ, систематическое давленіе—вѣрнѣйшій способъ убить все, что есть лучшаго въ ихъ природѣ,—безправное и беспощадное давленіе, которое личности неразвитыя огрубляетъ и оскотиниваетъ, а личности развитыя—толкаетъ на путь лжи, продѣлокъ, всяческихъ уклоненій отъ закона»...

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Страшно, «за человѣка страшно» становится, читая всѣ ужасы, о коихъ повѣтствуетъ достопочтенный о. Беллюстинъ, трагую объ отношеніяхъ церковной администраціи къ духовенству. И гдѣ усмотрѣлъ всѣ эти ужасы изъ своего прекраснаго далека колязинскій корреспондентъ газеты «Недѣля»? Очень просто. Читатель видитъ, что всѣ эти, повидимому, прекрасныя и благородныя, но въ сущности совершенно бездоказательныя и ни на чемъ не обоснованныя, голословныя разсужденія—старыя погудки на новый ладъ, или, вѣрнѣе, отголосокъ недалекаго, правда, но уже навсегда, можно надѣяться, минувшаго прошлаго. И эти произвольныя перемѣщенія священниковъ съ одного мѣста на другое, и лишенія мѣстъ безъ вины, безъ суда, въ силу одного личнаго усмотрѣнія, давнымъ давно уже не имѣютъ мѣста, по крайней мѣрѣ ничего подобнаго нигдѣ не заявляется, что непременно случилось бы при современномъ близкомъ и частомъ общеніи провинціи со столицами, при

обилии газетъ, получающихъ корреспонденціи о самыхъ мелочныхъ вещахъ изъ самыхъ отдаленныхъ захолустій. А послѣ известнаго «положенія отъ 16 апрѣля 1864 года», явленія подобныя описываемымъ авторомъ, по нашему мнѣнію, положительно невозможны. Наконецъ автору небезызвѣстно, конечно, что уже болѣе чѣмъ въ половинѣ епархій имѣются мѣстныя епархіальныя вѣдомости, въ которыхъ печатаются во всеобщее свѣдѣніе и слѣдовательно на всеобщее обсужденіе всѣ распоряженія епархіальной администраціи и вообще ни одинъ, сколько нибудь выдающійся фактъ изъ жизни епархій, не пользуется отъ общественнаго вниманія и печатнаго обсужденія. Мы, съ своей стороны, охотно допускаемъ, что матеріальное положеніе духовенства доселѣ крайне скудно, а его отношенія къ такъ называемому обществу оставляютъ желать еще очень многого, и отъ души скорбимъ о томъ; знаемъ, что умственный и нравственный уровень нашего сельскаго духовенства повышается можетъ быть нѣсколько медленно; что доселѣ наше бѣдное духовенство не мало терпитъ всякаго рода злополучій на всѣхъ путяхъ своей жизни и дѣятельности. Но мы думаемъ также, что что — нибудь да значать и современныя мѣры, предпринятыя для уничтоженія этихъ его злополучій правительствомъ гражданскимъ и духовнымъ; знаемъ что выборное начало въ духовенствѣ стало довольно прочно, хотя примѣненіе его отличается по мѣстамъ большою неумѣlostью; знаемъ, что состоящая подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго митрополита Исидора Высочайше учрежденная коммиссія по вопросу объ улучшеніи быта духовенства дѣлаетъ свое дѣло, и новое распределеніе причтовъ, хоть и медленно, но все таки производится въ епархіяхъ; — что съ назначеніемъ новыхъ окладовъ для консисторскихъ секретарей, тѣ страшныя поборы, какимъ прежде подлежало духовенство въ консисторіяхъ, не имѣютъ тамъ болѣе мѣста. Во всякомъ же случаѣ въ настоящее, переходное въ жизни духовенства, время іереміады въ родѣ вышеприведенной, въ которой вина всѣхъ злополучій духовенства слагается на церковную администрацію, уже запоздалы и прочтутся, не возбуждая недовѣрія къ себѣ, только лицами не знакомыми съ дѣломъ.

Подъ сильнымъ влияніемъ минувшаго прошлаго, хотя нѣсколько умѣреннѣе, написана другая статья того же автора — «о выходѣ изъ духовнаго званія». Со многимъ изъ того, что въ ней говорится, нельзя не согласиться, хотя далеко не исполнѣ. Два главныхъ мотива, въ силу которыхъ духовныя лица поставляются нерѣдко въ необходимость оставлять свое служеніе, это: вдовство и убѣжденіе

въ неспособности быть истиннымъ пастыремъ. Оба мотива, съ точки зрѣнія евангельской, настолько важны и законны, что, казалось бы, духовнымъ лицамъ должна быть предоставлена полная свобода поступать въ томъ и другомъ случаѣ какъ требуетъ ихъ собственная совѣсть. Между тѣмъ для этого выхода, увѣряетъ авторъ, поставлены такія условія, что онъ почти невозможенъ (?!). «Вотъ молодой пастырь церкви, — говоритъ о. Бедлюстинъ, — прожилъ годъ—два съ своею женою и овдовѣлъ. Въ состояніи-ли кто-либо, самъ не испытавшій, составить себѣ понятіе о его положеніи? Говорятъ: должно бороться съ вождельніями плоти (и, замѣчательно, что больше всѣхъ настаиваютъ на этой борьбѣ свѣтскіе люди, которые при самой безобразной нравственной распущенности, по тѣмъ или другимъ житейскимъ соображеніямъ, маскируются въ фантастическую ревность о благочестіи). На это авторъ отвѣчаетъ, что *«не вси вмощаютъ словесе сего*, что священнику для того, чтобы стать аскетомъ, живя среди обыкновенныхъ условій мірской жизни, необходимо обладать особыми органическими условіями. При отсутствіи этихъ условій необходимо вступить въ новый бракъ, иначе—неизбѣжна та или другая форма внѣ-брачнаго сожитія, предосудительная для священника и невыносимая съ точки зрѣнія канонѳвъ и истинныхъ интересовъ церкви... И такъ, заключаетъ авторъ, нужно разрѣшить вдовымъ священникамъ или вторично вступать въ бракъ или—слагать съ себя духовный санъ безъ тѣхъ тяжелыхъ ограниченій, какія въ настоящее время подобную мѣру дѣлаютъ для вдоваго священника почти невозможною». Какъ увидимъ, это хотя и соединено съ длинными проволочками, но далеко не невозможно.

Другой мотивъ къ снятію съ себя духовнаго сана авторъ статьи видитъ въ возникающемъ иногда въ молодомъ священникѣ сознаніи своей непригодности для священнаго сана, избраннаго имъ въ порывѣ идеалистическаго увлеченія, прямо со школьной скамьи, при отсутствіи всякаго знакомства съ практическими условіями прохожденія избираемаго имъ званія. Авторъ мастерски рисуетъ справедливую картину всѣхъ тѣхъ уродливыхъ отношеній, вѣками закрѣпленныхъ, въ какихъ нерѣдко оказывается молодой священникъ-идеалистъ: грязь и пошлость поборовъ и выжиманій съ прихожанъ, поборовъ, изъ за которыхъ возникаютъ непрестанныя столкновенія «съ самой лютой язвой пастырства—съ пономарствомъ»; такъ называемое сельское хозяйство, безъ всякихъ средствъ вести его сколько-нибудь правильно, при необходимости или самому продѣлывать всѣ работы отъ вывоза навоза на поле до овиносушенія, или же прибрѣ-

гать къ «помочи», причо́мъ требуются цѣлые потоки водки. Далѣе эти праздничныя хожденія по приходу, свадьбы, похороны, гдѣ пьянственныя безобразія—самый существенный элементъ. По началу молодой священникъ горячо борется съ обступившею его со всѣхъ сторонъ грязью и пошлостью, но скоро убѣждается, что борьба его слишкомъ непосильна; онъ оданъ, а противъ него—весь «причетъ церковный» съ невообразимой мерзостью каждоминутныхъ козней, клеузъ, заглазной ругани и личныхъ дерзостей; противъ него горланы прихода, всегда горячо стоящіе за праздничныя безобразія; противъ него—его непосредственное начальство, для котораго подобные пастыри—несносное бѣдло на глазу; противъ него почти все, иногда и жена его, никакихъ идеальныхъ стремленій не понимающая, а знающая, что съ такими порядками натерпишься и голоду и холоду. Мы не будемъ продолжать дальнѣйшихъ правдивыхъ подробностей, которыя приводитъ почтенный авторъ въ своей статьѣ и посоветуемъ читателямъ дополнить эту картину чтеніемъ «записокъ сельскаго священника», въ «Гражданинѣ», гдѣ таже тема развита въ живомъ конкретномъ образѣ. И вотъ, у такого бѣднаго юноши—идеалиста естественно рождается желаніе выхода изъ тяжелаго положенія чрезъ снятіе съ себя духовнаго сана. Но существуетъ законъ, по которому священники, уволенные изъ духовнаго званія по собственному желанію, «возвращаются въ первобытное состояніе», съ лишеніемъ права вступать въ государственную службу ранѣе десяти лѣтъ по увольненіи,—т. е. священникъ, по собственному желанію выходящій изъ духовнаго званія, осуждается (!) на голодную смерть! Авторъ статьи энергически настаиваетъ на необходимости отміны этого закона. Съ своей стороны замѣтимъ, что этотъ второй случай необходимости выхода священника изъ духовнаго званія—съ одной стороны отчасти предупреждается недавнимъ постановленіемъ, въ силу котораго епархіальные преосвященные освобождаются отъ необходимости поставлять въ священники молодыхъ семинаристовъ, немедленно по окончаніи ими курса, такъ что каждому кандидату на священство предоставляется полная возможность, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ псаломщичества или сельскаго учительства хорошо звѣснить свои силы и обдумать свое положеніе прежде, чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, какъ поступленіе въ сельскіе священники при существующихъ доселѣ узаконеніяхъ относительно сложенія съ себя священникомъ духовнаго сана,—съ другой стороны на практикѣ въ обоихъ случаяхъ при сложеніи священниками съ себя сана, держав-

ною милостію Государя Императора по представленіямъ Св. Синода (см. «Церковный Вѣстникъ» №№ 1, 7, 11), дѣлается столько исключеній изъ существующаго на этотъ предметъ закона, что этотъ послѣдній чѣмъ дальше, тѣмъ больше утрачиваетъ свою силу. Такимъ образомъ и второе сѣтованіе автора на строгость закона относительно «невозможности» выхода священника изъ духовнаго званія въ сущности является запоздалымъ.

1876.

PROFESSION DE FOI И PIA DESIDERIA CO- ВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЮДАИЗМА.

«Рѣчи, во русски произнесенныя по субботнымъ, праздничнымъ и высоко-торжественнымъ днямъ въ еврейскомъ молитвенномъ домѣ, что на Солянкѣ, въ Москвѣ, московскимъ общественнымъ раввиномъ З. Миноромъ. Выпускъ 1-й. Москва, 1875 г. Вып. 2-й. М. 1877 г.»

Проповѣди еврейскаго раввина на русскомъ языкѣ! Явленіе, сколько мы знаемъ, въ первый разъ встрѣчающееся въ русской литературѣ. Такимъ образомъ уже одно заглавіе книги г. Минора возбуждаетъ въ читателѣ интересъ. Мы прочли ее отъ начала до конца и считаемъ своею обязанностію подѣлиться съ читателями тѣмъ впечатлѣніемъ, какое вынесли изъ этого чтенія.

Читатель, можетъ быть, помнитъ ту горячую полемику, каковую возбудило въ нашей періодической печати обнаруженіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Брафманомъ «книги Кагала», представлявшей въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ рядъ подлинныхъ документовъ еврейскихъ кагаловъ сѣверо-западной Руси, — документовъ изумительнаго свойства. Оказывалось, что еврейская община въ Россіи составляетъ нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, что помѣстные управления этой общины, разсѣянные по всемъ городамъ и мѣстечкамъ сѣверо-западной Руси, извѣстныя подъ именемъ «кагала», обладаютъ властію издавать постановленія, имѣющія своимъ предметомъ не однѣ богослужебныя и религіозныя обязанности послѣдователей Моисеева закона, но и ихъ общественныя и граждански-правовыя отношенія, — постановленія, о которыхъ, по видимому, ничего не знали ни правительство вообще, ни въ частности помѣстные административныя власти... Въ полемикѣ принялъ участіе г. Кремье, предсѣдатель еврейскаго всемірнаго союза, бывший французскій министръ, а нынѣ членъ французскаго національнаго собранія, который счелъ своею обязанностію горячо вступиться за

своихъ русскихъ единовѣрцевъ, рядомъ выписокъ и цитатъ изъ талмуда и другихъ символическихъ книгъ евреевъ, доказывая несправедливость обвиненій и нареканій на послѣдователей Моисеева закона, которыя-де обвиненія суть не что иное, какъ остатокъ средневѣковыхъ предубѣжденій противъ нихъ, давнымъ давно опровергнутыхъ (между прочимъ, въ извѣстномъ сочиненіи нашего почтеннаго ориенталиста Д. А. Хвольсона, напечатанномъ вѣкогда въ «Библиотекѣ для Чтенія»). Мы не будемъ передавать всѣхъ подробностей этой полемики, возгорѣвшейся съ новою силою въ послѣднее время—послѣ изданія новаго закона о воинской повинности въ Россіи, такъ какъ при этомъ обнаружались различные способы уклоненія евреевъ отъ военной службы, о которыхъ дотолѣ ничего не было извѣстно.

Книга г. Брафмана возбудила и подвинула впередъ такъ называемый у насъ «еврейскій вопросъ» въ смыслѣ возможнаго обрусѣнія евреевъ путемъ отмины нѣкоторыхъ еврейскихъ учреждений, способствовавшихъ ихъ обособленію, а между прочимъ — введеніемъ, по мѣрѣ удобствъ и по желанію самихъ евреевъ, русскаго языка въ ихъ богослуженіе, для чего, между прочимъ, изданъ былъ русскій переводъ ветхаго завета, сдѣланный ученымъ евреемъ, г. Мандельштамомъ. Такимъ образомъ въ Москвѣ въ 1870 году была открыта еврейская синагога, къ которой на должность раввина былъ избранъ г. Миноръ, издавшій теперь произнесенныя имъ въ этой синагогѣ на русскомъ языкѣ поученія. Понятенъ послѣ этого тотъ интересъ, какой возбуждаетъ къ себѣ книга г. Минора, въ которой авторъ, какъ самъ онъ объясняетъ въ предисловіи, поставилъ для себя цѣлю «будить да будить спящую, заснувшую мысль своихъ единовѣрцевъ, заставить ихъ серьезно призадуматься надъ многими сторонами общественной и религіозно-нравственной жизни еврейскаго народа». «Распространять здравыя понятія о религіи предковъ, въ виду молодого поколѣнія русскихъ евреевъ, которое (къ сожалѣнію автора) нерѣдко оказывается до того отчужденнымъ отъ всего еврейски-религіознаго, что разсуждаетъ о своемъ національномъ палладіумѣ не лучше любаго нееврея»,—такова вторая задача поученій г. Минора. Къ этому объясненію цѣлей, какія предположилъ себѣ проповѣдникъ, мы можемъ прибавить, что, можетъ быть, противъ намѣренія самаго проповѣдника, книга его является также отвѣдью книгѣ г. Брафмана: апологія современнаго юдаизма вообще и въ частности русскаго, отъ тѣхъ обвиненій, какія издавна слышатся противъ евреевъ, занимаетъ въ проповѣдяхъ г. Минора одно изъ главныхъ, если не самое главное мѣсто. вмѣстѣ съ тѣмъ почтенный

равнинъ московской синагоги является въ своихъ рѣчахъ проповѣдникомъ правъ и обязанностей своихъ единовѣрцевъ въ отношеніи къ ихъ «милой родинѣ—Россіи», къ ея правительству и народу, такъ что мы имѣемъ полное право въ книгѣ г. Минора видѣть и profession de foi современнаго русскаго юдаизма, какъ религіи и какъ національности, и его pia desideria. Какъ естественно, впрочемъ, ожидать, социальныя интересы и пожеланія современнаго юдаизма въ ней представлены гораздо полнѣе, чѣмъ собственно конфессіональная сторона его ученія. Почти всѣ проповѣди перваго выпуска — публицистическія, имѣющія своимъ предметомъ гражданскія и общественно-правовыя отношенія евреевъ вообще и въ частности евреевъ русскіхъ. Стоя на уровнѣ современныхъ государственныхъ и политическихъ воззрѣній, проповѣдникъ является провозвѣстникомъ ихъ предъ своими слушателями, на сколько, разумѣется, они имѣютъ отношеніе и примѣненіе къ условіямъ гражданской жизни современныхъ евреевъ. Авторъ старается осмыслить, съ рационально-научной точки зрѣнія, какъ прошедшую исторію еврейскаго народа, такъ и настоящее его социальное положеніе. Не имѣя возможности входить въ подробное изложеніе всего содержанія этихъ въ высшей степени любопытныхъ и въ литературно-гомилетическомъ отношеніи мастерски-своеобразно составленныхъ проповѣдей, мы считаемъ своею обязанностію указать на нихъ какъ на одно изъ лучшихъ средствъ къ ознакомленію съ мировоззрѣніемъ современной еврейской интеллигенціи, и, для образца, изложить содержаніе двухъ — трехъ проповѣдей.

Сборникъ открывается рѣчью, сказанною г. Миноромъ при закладкѣ московской синагоги. Проповѣдникъ радуется, что теперь въ еврейской синагогѣ слово Божіе будетъ проповѣдываться не на языкѣ, недоступномъ для иновѣрцевъ и допускающемъ сомнѣваться въ чистотѣ религіознаго ученія евреевъ, подозрѣвать въ немъ антисоціальныя и другимъ національностямъ враждебныя начала, но «на языкѣ милой родины». Въ судьбѣ еврейскаго народа, говоритъ между прочимъ ораторъ, замѣчательна именно эта грустная сторона, что всѣ недостатки, проступки и заблужденія народа приписывались, а иногда и теперь приписываются, не внѣшнему гнету, не врожденной вообще человѣческой природѣ слабости, а единственно религіозному ученію. «Заблужденія, проступки и преступленія мы встрѣчаемъ всюду; послѣдователи каждой религіи доставляютъ извѣстный контингентъ умышенно и неумышенно совратившихся съ прямаго пути добродѣтели; но нигдѣ и никогда никому въ голову не приходило припи-

сывать заблужденія данной національности ея религіи; единственное въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ народъ израильскій». И вотъ теперь, съ устройствомъ синагоги, въ которой богослуженіе будетъ совершаться на языкѣ общепонятномъ, всѣ будутъ видѣть, какъ евреи молятся за благо своего отечества — Россіи, за благоденствіе Монарха и престола, -- какъ они не проклинають, а благословляютъ всѣ народы міра. Проповѣдникъ радуется этому разрѣшенію со стороны правительства устроить синагогу въ самомъ сердцѣ Россіи, въ центрѣ національной русской жизни, какъ побѣдѣ Россіи надъ самой собою, побѣдѣ лучшихъ убѣжденных ея сыновъ надъ вѣковыми предубѣжденіями, побѣдѣ свѣта вѣротерпимости надъ тьмою фанатизма и суевѣрія. По выраженію одного поэта, говоритъ проповѣдникъ, народъ израильскій составляетъ стрѣлку на политическомъ циферблатѣ Европы: по политическому и гражданскому положенію евреевъ въ странѣ можно судить о высшей или низшей ступени политическаго и гражданскаго развитія страны... Если улучшеніе гражданскаго положенія евреевъ въ Россіи уподобляется не восходу солнца на безграничной безхолмной равнинѣ, гдѣ Божій свѣтъ широкимъ моремъ обливаетъ равомъ все необозримое пространство, а только лишь занимающейся денницѣ въ тѣхъ странахъ гористыхъ, гдѣ въ то время, какъ вершины уже золотятся въ лучистомъ морѣ свѣта и тепла, — горныя подошвы, долины и ущелья погружены еще въ ночномъ мракѣ и мгlistой темнотѣ: тѣмъ не менѣе и за то, что уже имѣютъ русскіе евреи отъ русскаго правительства, они могутъ возблагодарить Бога... Отъ самихъ евреевъ зависитъ дальнѣйшее расширеніе ихъ гражданскихъ правъ. Вѣка страданій и гоненій, говоритъ ораторъ, вѣка исключительныхъ законоположеній относительно евреевъ не были способны развить въ нихъ высочія духовныя и нравственныя качества, которыя облегчаютъ человѣку борьбу съ порокомъ и преступленіемъ, и современнымъ русскимъ евреямъ, по мнѣнію проповѣдника, нечего стыдиться сознаться, что настоящему ихъ поколѣнію предстоитъ много труда въ дѣлѣ собственнаго умственнаго и нравственнаго усовершенствованія. «Мы не должны забывать, — говоритъ ораторъ, — что въ здоровой доброкачественности бросаемаго нами сѣмени въ почву настоящаго зависитъ мощь и красота жатвы будущаго и, горе будетъ нашей памяти, если наши потомки будутъ имѣть причины воскликнуть: жили люди въ царствованіе Александра II, которые должны были быть гигантами, а сдѣлались пигмеями». Положеніе евреевъ въ Россіи незавидно, особенно вѣ постоянной ихъ осѣдлости; но отъ того направленія, ка-

кое ихъ гражданская дѣятельность дастъ общественному мнѣнію о нихъ великаго русскаго народа, зависитъ скорѣйшее или болѣе медленное рѣшеніе вопроса: быть или не быть имъ настоящими сынами своего любезнаго отечества—Россіи. «О, братья, вамъ всѣмъ извѣстно несчастное положеніе нашихъ единовѣрцевъ въ западномъ краѣ; извѣстно, что единственнымъ средствомъ къ облегченію ихъ горестнаго положенія явится свободное передвиженіе ихъ по лицу той земли, сынами которой именуютъ насъ (а почему же,—замѣтимъ мимоходомъ,—не осѣдность и пемирныя земледѣльческія занятія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреи обитаютъ въ настоящее время?) и неужели мы ничего не можемъ предпринять для скорѣйшаго приближенія той счастливой поры, когда намъ безъ всякой боязни можно будетъ жить и дѣйствовать въ любезномъ нашемъ отечествѣ повсюду? Благое наше правительство сдѣлало въ этомъ направленіи значительные шаги: людямъ науки, людямъ капитала и труда дозволено уже въ извѣстной степени проявлять свою мирную гражданскую дѣятельность не только въ изнеможенномъ западномъ краѣ, но и во внутреннихъ областяхъ любезнаго нашего отечества. Но вамъ всѣмъ не должно упускать изъ виду, что Господь Богъ послалъ васъ внутрь нашего любезнаго отечества какъ бы предтечами вашихъ прочихъ бѣдствующихъ въ западномъ краѣ собратьевъ, и вамъ предстоитъ поэтому великая задача—доказать своею полезною дѣятельностію великому русскому народу, что мы никогда не составляли язвы для края, куда насъ Богъ переселялъ, что мы, напротивъ, всегда приносили съ собою—жизнь и благословеніе. Пророкъ Іеремія писалъ отъ имени Божія къ своимъ находившимся въ изгнаніи единовѣрцамъ: споспѣшествуйте благу града, куда я васъ переселилъ, и молитесь за него: ибо въ его благѣ заключается ваше собственное благо. Мы же можемъ и должны сказать: споспѣшествуйте благу града, куда васъ Богъ переселилъ, ибо въ его благѣ заключается не только ваше собственное, но и благо всѣхъ вашихъ единовѣрцевъ».

Читателю не нужно разъяснять, какъ прекрасны эти мысли. Мы позволимъ себѣ развѣ лишь усумниться въ томъ, чтобы гражданское положеніе евреевъ въ странѣ можно было во всѣхъ случаяхъ признать стрѣлкой на политическомъ циферблатѣ; равнымъ образомъ увѣренность почтеннаго проповѣдника въ томъ, что современному поколѣнію его соплеменниковъ суждено сдѣлаться исполинами, намъ также кажется нѣсколько самонадѣянною. Мы нѣсколько сомнѣваемся относительно того, чтобы положеніе евреевъ въ сѣверо-западномъ краѣ было такъ безнадежно дурно, какъ кажется автору, и боимся,

не болѣе ли правы тѣ корреспонденты нашихъ газетъ, которые увѣряютъ, что не евреи страдаютъ «въ изнеможеномъ» западномъ краѣ, а край страдаетъ отъ эксплуатаціи его евреями. Впрочемъ, рѣшеніе подобнаго рода вопросовъ не входитъ въ настоящемъ случаѣ въ нашу задачу. Продолжимъ изложеніе дальнѣйшихъ разсужденій достопочтеннаго еврейскаго проповѣдника.

Настоящую программу современной еврейской политики въ Россіи авторъ-проповѣдникъ излагаетъ въ рѣчи, произнесенной въ субботу отдѣла Эйкевъ 5630 г. при вступленіи своемъ въ должность московскаго общественнаго раввина. Приведемъ еще нѣсколько мѣстъ изъ этой проповѣди и изъ другихъ. «Политически мы давно перестали уже существовать, а по наставленіямъ нашихъ пророковъ и мудрецовъ мы обязаны вездѣ образовать мирную частицу тѣхъ государствъ, куда насъ Богъ переселилъ; но въ отношеніи религіозно-нравственномъ мы всегда образовали и будемъ образовывать отдѣльное цѣлое. Существованіе еврейскаго народа, какъ религіозной единицы, находится въ совершенной независимости отъ политическаго существованія. Народы наконецъ постигли, что высочайшая цѣль, къ которой стремится человѣчество, есть отдѣленіе интересовъ чисто государственныхъ отъ интересовъ религіозныхъ, и положили грань страданіямъ Израиля, который переродясь умственно и нравственно, охотно примыкаетъ къ тѣмъ народамъ, которые его усыновили, охотно трудится въ пользу тѣхъ земель, въ которыхъ нашелъ недвусмысленный пріютъ». «Было время, и жили мы народной жизнью, и мощь и слава нашего народа облетала птицей весь Востокъ, и, утопая въ богатствѣ, возгордился Израиль. И забытый имъ, забылъ его Богъ... Просвѣти, о Господи, умъ народовъ и совѣсть нашихъ согражданъ, и всели примиренія духъ въ сердце русскаго народа. Что за польза въ нашемъ уничиженіи? Что за слава, когда мы, сыны одной земли, дѣти одного Монарха, низведены во многихъ отношеніяхъ на степень крѣпостныхъ (Стр. 29—33)? Еврею Бухары, Туркестана и Кавказа, иностранному еврею, предоставляется свободное передвиженіе по всему нашему отечеству, а еврею западной Россіи нужны извѣстныя условія, безъ коихъ невозможно зарабатывать свой хлѣбъ, гдѣ ему заблагоразсудится. Бого же винить? Неужели правительство? Нѣтъ. Принимая евреевъ на службу государственную и дозволяя имъ повсемѣстное жительство, хоть подъ извѣстными условіями, оно довольно высказалось, что въ принципѣ оно признаетъ нашихъ единовѣрцевъ гражданами всей нашей родины; мы должны винить тягучесть тѣхъ предрасудковъ, которые продолжаютъ суще-

ствовать въ умѣ и сердцахъ извѣстной части русскаго общества, благодаря коимъ привыкли смотрѣть на еврея, какъ на чужеродное растение на плодоносной почвѣ. Правительство въ принципѣ давно насъ эмансипировало; въ области отвлеченнаго русскаго закона мы уже имѣемъ полное гражданство; насъ не эмансипировало только сердце русскаго народа, въ сознаниіи коего мы еще не пользуемся правами настоящихъ гражданъ» (стр. 72). Но авторъ не сомнѣвается что наступитъ время, когда «русскіе убѣдятся въ неправильности гражданскаго положенія евреевъ, и русское общественное мнѣніе само произнесетъ свой приговоръ надъ положеніемъ двухъ милліоновъ своихъ согражданъ, составляющимъ единственное пятно на свѣтломъ фонѣ гражданской жизни нашего отечества». Какимъ же образомъ это совершится? Отвѣтъ на этотъ вопросъ проповѣдникъ даетъ въ интересной проповѣди, сказанной «въ субботу отдѣла Хаіе Сарра, въ виду призыва въ воинской повинности». Проповѣдникъ разбираетъ здѣсь рассказъ книги Бытія о томъ, какимъ образомъ Авраамъ сдѣлался гражданиномъ страны Ханаанской. Прибывъ въ эту землю, патриархъ имѣлъ надобность приобрести небольшой участокъ земли для того, чтобы устроить на немъ могилу женѣ своей Саррѣ. Онъ обратился съ просьбою объ этомъ не къ собственнику нужнаго ему участка земли, а ко всему народу страны: «я гость, но и гражданинъ среди васъ: дайте мнѣ владѣніе гробницы!» Еврейскій народъ, продолжаетъ проповѣдникъ, рассказавши эту исторію, также считается въ глазахъ многихъ и многими только гостемъ на русской землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что объявленіе евреевъ полноправными гражданами земли зависитъ единственно отъ хозяина земли, отъ мудраго правительства; но если они желаютъ скорѣе выдти изъ своего плачевнаго положенія; они должны подражая Аврааму, снискать уваженіе, любовь народа, оказать ему всевозможныя услуги, чтобы онъ самъ, сознавая право евреевъ на имя гражданъ, высказался открыто и прямо о ихъ правѣ. «Да, мы гости, но мы и граждане, — говоритъ проповѣдникъ, — смотря по тому, какъ смотритъ на насъ народъ. Къ народу мы должны обратиться съ своимъ ходатайствомъ, какъ къ народу же обращались евреи за границей, когда искали своихъ правъ. Чѣмъ честнѣе мы будемъ поступать въ своихъ отношеніяхъ съ ино-вѣрцами, чѣмъ ревностнѣе будемъ распространять среди насъ образованіе и родную намъ русскую рѣчь, тѣмъ скорѣе приобретемъ любовь и благосклонность русскаго народа, который окажется самымъ лучшимъ ходатаемъ въ снятіи съ насъ ярма средне-вѣковыхъ ограниченій. Аврааму не вредило въ дѣлахъ религіи

его сочувствіе благу земли, гдѣ онъ жилъ, благу прочихъ согражданъ. Кто былъ болѣе его преданъ своей вѣрѣ? Но, въ то же время, кто скорѣе его жертвовалъ на благо земли, которая стала для него отечествомъ? Онъ никогда не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ ея интересовъ, защищалъ ее своею кровью, молился о спасеніи даже содомлянъ, амореевъ. И современные евреи въ дѣлахъ вѣры должны быть вѣрны единому Богу, подобно Аврааму; но подобно же Аврааму, будемъ заботиться и о благѣ той земли, въ которой живемъ. Скоро наступитъ время, когда земля родная призоветъ и насъ къ своей защитѣ: новый уставъ о воинской повинности вступить скоро въ дѣйствіе. Пора и намъ подумать о томъ, какъ бы поскорѣе замѣнить для себя названіе гостей названіемъ гражданъ. Патріархъ нашъ Авраамъ учитъ насъ, какъ должны мы поступать въ настоящемъ случаѣ. Съ одной стороны онъ говоритъ намъ: не щадите своей крови для защиты своей родины, какъ и я въ свое время боролся для спасенія своихъ согражданъ и молился за ихъ благо; съ другой стороны, онъ прибавляетъ: обращайтесь къ народу не гордыми, но скромными словами, говорите и вы ему: мы гости, но вѣдь мы и граждане; когда дѣло идетъ о защитѣ родины нашею кровью—мы граждане; когда же рѣчь заходитъ о нашихъ правахъ—мы гости! Когда же уничтожится это противорѣчіе, это двусмысленное положеніе, въ которомъ мы въ одно время—гости и граждане? Вотъ какого рода рѣчь вести учитъ насъ патріархъ Авраамъ. И если наши дѣйствія не опровергнутъ нашихъ словъ, народъ русскій пойметъ справедливость нашихъ словъ и самъ появится ходатаемъ за насъ».

Таковъ господствующій тонъ и таково, говоря вообще, содержаніе всѣхъ двадцати семи проповѣдей г. Минора, являющагося въ этихъ проповѣдяхъ такимъ образомъ выразителемъ міровоззрѣнія лучшей части—того, что называется интеллигенціей—современнаго еврейскаго населенія Россіи. Мы не можемъ не выразить желанія съ своей стороны, чтобы возможно скорѣе и возможно полнѣе осуществились всѣ справедливыя ожиданія почтеннаго раввина, чтобы побольше являлось у евреевъ такихъ просвѣщенныхъ и здравомыслящихъ апологетовъ и почаще слышались въ ихъ синагогахъ такіа умныя рѣчи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣе и лучше всѣхъ другихъ способовъ смягчатъ то тяжелое впечатлѣніе, какое произвели на наше общество неожиданныя разоблаченія г. Брафмана.

Что касается вѣроисповѣдной или догматической стороны міровоззрѣнія современнаго юдаизма, то, какъ мы имѣли случай замѣтить выше,

она представлена въ проповѣдяхъ г. Минора весьма слабо, что, впрочемъ, зависѣло, очевидно, не отъ него лично, а отъ обстоятельствъ, требовавшихъ проповѣди преимущественно публицистической. Въ первомъ выпускѣ проповѣдей г. Минора нѣтъ ни одной, специально посвященной разъясненію того или иного пункта теоретическаго или обрядоваго ученія евреевъ; есть лишь экзегезисъ нѣсколькихъ текстовъ священнаго писанія ветхаго завета (напримѣръ прекрасное объясненіе словъ книги Исходъ—«и ожесточи Богъ сердце фараона» въ одной изъ проповѣдей, стр. 145 и слѣд.), изреченій Талмуда и «еврейскихъ мудрецовъ»,—которые проповѣдникъ ставитъ или исходною точкою своихъ публицистическихъ разсужденій, или приводитъ ихъ въ видѣ доказательствъ. Что касается правоучительнаго элемента въ проповѣдяхъ г. Минора, то, по связи съ разными социальными и публицистическими вопросами, имъ затрогиваемыми, этотъ элементъ занимаетъ въ нихъ весьма видное мѣсто и многія изъ этихъ правоучительныхъ разсужденій по своему достоинству таковы, что могли бы быть произнесены съ христіанской православной кафедрѣ устами лучшаго нашего проповѣдника. Таковы его разсужденія о значеніи и достоинствѣ истиннаго просвѣщенія (стр. 87 и слѣд. слово на день коронованія Государя Императора), о взаимномъ отношеніи между наукою и религіею (стр. 63 и др.), о духовности человѣка и о безсмертіи души (стр. 114 и сл. рѣчь въ 8-й день праздника кущей), о значеніи женщины въ семьѣ (стр. 56), о всеобщемъ мирѣ, какъ конечной цѣли человѣческихъ обществъ (стр. 83) и многія другія, съ которыми мы совѣтуемъ познакомиться читателю непосредственно.

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести небольшой отрывокъ изъ превосходной во всѣхъ отношеніяхъ проповѣди, произнесенной въ субботу 17 апрѣля 1871 г., который наглядно познакомитъ насъ съ однимъ достоподражаемымъ достоинствомъ проповѣдей г. Минора—котораго мы до сихъ поръ еще не коснулись—достоинствомъ мастера, художественнаго изложенія, не совсѣмъ обычнаго въ церковной проповѣди съ точки зрѣнія нашей гомилетики, но, очевидно, вполне умѣстнаго въ рѣчи, произносимой въ молитвенномъ домѣ. Проповѣдникъ проводитъ параллель между устройствомъ природы съ одной стороны и устройствомъ человѣческаго общества съ другой, и вотъ какую картину рисуетъ онъ намъ.—«Въ природѣ постоянно происходитъ борьба за существованіе. Позывъ къ жизни, любовь къ бытію—присущи каждому созданію, которое съ ожесточеніемъ защищаетъ себя отъ уничтоженія своей личности. Виды поглощаются видами, роды—родами и среди самыхъ видовъ и родовъ происходитъ

нерѣдко борьба. Съ самой высшей до самой низшей ступени на лѣстницѣ природы открывается простому глазу, невооруженному микроскопомъ разума, непрерывная эксплуатація слабѣйшихъ сильнѣйшими: левъ эксплуатируетъ овцу, овца эксплуатируетъ траву; трава эксплуатируетъ землю, земля же эксплуатируетъ всѣ стихіи природы: и свѣтъ, и воздухъ, и теплоту, и воду. Пчела ли тамъ подкрадывается къ милому цвѣтку? Ахъ, нѣтъ, это страшнымъ жаломъ вооруженное чудовище, которое эксплуатируетъ его медъ. А эта роза? Откуда у нея явилось это чудное, дивно—прекрасное облаченіе? Она обокрала солнце и семицвѣтную радугу! А радуга-то? Неужели она честнѣе, трудолюбивѣе всѣхъ прочихъ? Никакъ нѣтъ. Составныя ея части—капли—принадлежать дождю, а дивная лента изъ семи цвѣтовъ стянута ею самымъ хитрымъ образомъ съ плечъ небеснаго свѣтила. А самыя небесныя свѣтила? Правственнѣе ли они, производительнѣе ли? Тамъ—луна, самое застѣнчивое, самое стыдливое, кажется, созданіе,—плыветъ она себѣ по широкому синему океану—небу и съ самымъ довольнымъ видомъ красуется на своемъ серебряномъ покровѣ свѣта; но кто-жъ не знаетъ, господа, что весь этотъ свѣтъ она, не спросясь, заняла у солнца, которому, ручаюсь вамъ, она не отдастъ ни процентовъ, ни капитала! А у солнца-то откуда набралось столько свѣту? Богъ вѣсть откуда! Но все-таки говорятъ—ахъ, злые языки!—что это вовсе не его заслуга, а только слѣдствіе того замѣшательства, той революціи, которую оно производитъ въ эфирѣ своимъ вѣчнымъ треніемъ, вѣчно-неугомоннымъ своимъ характеромъ. Кто же не содрогнется, братья, при подобномъ страшномъ зрѣлищѣ эксплуатированія слабѣйшихъ сильнѣйшими? Вся природа есть только лѣнивая компанія эксплуататоровъ, которые все берутъ и ничего не даютъ. Кто же, что же охраняетъ природу отъ окончателнаго самоистребленія? Превѣчный Богъ, царь вселенной! Предъ Его окомъ нѣтъ ничего лишняго, ничего лѣниваго... И вотъ, вооруженные микроскопомъ разума, мы видимъ въ природѣ уже не безсовѣстную компанію лѣнивыхъ эксплуататоровъ, но узами братства и любви соединенную трудолюбивую семью. Каждый, думая трудиться для себя, трудится собственно для другихъ. Цвѣтокъ присасывается, высасываетъ, правда, землю, но это только для выработки меду, который переносится мелкою торговкою,—вѣчною разнощицей, шумливою пчелою въ уста человѣка. Земля, бездушная для простаго глаза, вѣчно неподвижная земля, пользуется, правда, всѣми элементами, всѣми стихіями природы; но за то она съ равною любовію литаетъ всѣхъ своихъ дѣтей: и высокій кедръ Ливана, и ничтож-

ный мохъ сухой скалы, и исполинскаго слона, и микроскопическаго червяка. Что намъ за дѣло, что солнце, какъ нѣкій агитаторъ, бросаетъ только суматоху въ атмосферу и производитъ въ ней базпрывную конкуренцію между ея атомами, когда это сотрясеніе, эта конкуренція даетъ намъ свѣтъ? И луна-то, господа, не даромъ коптитъ: безъ ея свѣта, хотя занятаго у другаго, мы бы остались безъ послѣдняго руководителя въ темную ночь. Такъ-то въ природѣ все, думая трудиться для себя, трудится собственно для другихъ, и, вмѣсто компаніи эксплуататоровъ, мы уже видимъ въ ней узами любви и братства скрѣпленную трудолюбивую семью. Въ обществѣ человѣческомъ мы видимъ ту же самую борьбу за существованіе».

Мѣсть, подобныхъ приведенному, равно какъ и такихъ, которыя въ цѣломъ составѣ могли бы быть произнесены въ христіанскомъ храмѣ, мы могли бы привести еще нѣсколько. Но и сказаннаго, полагаемъ, вполне достаточно для того, чтобы дать понятіе объ оригинальной и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной книгѣ г. Минора, чѣмъ ограничивалась наша задача въ настоящемъ случаѣ. Считаемъ излишнимъ добавлять, что нѣсколько, встрѣчающихся по мѣстамъ, стилистическихъ, а иногда и грамматическихъ неправильностей въ языкѣ очень мало вредятъ общему вполне благопріятному впечатлѣнію книги.

Новыя отношенія къ старой бурсѣ въ нашей свѣтской литературѣ.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что доселѣ еще не улеглось въ нашемъ читающемъ обществѣ впечатлѣніе, произведенное талантливыми «очерками бурсы» покойнаго Помяловскаго, — этимъ правдивымъ въ своемъ источникѣ, но безпощаднымъ и непомятно каррикатурнымъ обличеніемъ недостатковъ нашей духовной школы недавняго прошлаго. Тѣмъ менѣе конечно забыты подвиги самозаушенія нашихъ позднѣйшихъ литераторовъ семинарскаго образованія — Рѣшетникова и другихъ, съ неменьшею безпощадностію бросившихся на бичеваніе своей alma mater — бурсы. Но хотите ли, читатель, видѣть, какъ судить и говорить о тѣхъ же, не безупречныхъ конечно во многихъ отношеніяхъ, явленіяхъ нашего прежняго духовно-учебнаго міра трезвая, спокойная, умудренная жизненнымъ опытомъ, но не утратившая ни горячности чувства, ни ясности пониманія старость, смотрящая на вещи безъ страсти и запальчивости? Прочтите прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ письмо достопочтеннаго нашего педагога-ветерана М. Б. Чистякова въ редакцію иллюстрированной газеты «Пчела» (№№ 7-й и 9-й), напечатавшую на своихъ страницахъ и его портретъ. Вы невольно согласитесь, что для старой бурсы наступило время правдивой и безпристрастной исторіи. Время отдать должную дань учрежденію, которое при всѣхъ своихъ недостаткахъ въ теченіе столѣтій сослужило не малую службу, давши отечеству и церкви столько полезныхъ и энергическихъ тружениковъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ не только церковной, но и государственной и общественной дѣятельности, отъ государственнаго сановника, каковъ былъ Сперанскій, и знаменитаго основателя юридической науки въ Россіи, каковъ былъ Невolinъ, до знаменитаго педагога, каковъ М. Б. Чистяковъ и до безчисленнаго сонма скромныхъ дѣятелей народнаго образованія прошлаго и настоящаго времени, ихъ же имена единъ ты, Господи, вси! Бурса стараго

времени не давала дитяти семи нянекъ, у которыхъ оно оставалось бы безъ глаза; въ замѣнъ ихъ являлись самообразование и самопомощь, о которыхъ мы узнали въ первые не изъ прекрасныхъ сочиненій Самюэля Смайльза. Въ замѣнъ многосторонности и обширности познаній духовная школа стараго времени вырабатывала въ своихъ воспитанникахъ зрѣлую логику, твердую энергію мысли и упорную силу характера,—эти самые прочные задатки неустанной и плодотворной дѣятельности на пользу общую на всякомъ жизненномъ поприщѣ, гдѣ бы ни поставила человека судьба... Таково впечатлѣніе, производимое автобіографіей г. Чистякова,—скромно названной имъ «письмомъ»,—какъ нельзя лучше знакомящей съ этою свѣтлою стороною неприглядной съ перваго взгляда бурсы. Мы не находимъ нужнымъ указывать читателю собственно на литературныя достоинства «письма». Читаешь его словно страницы изъ Диккенсова «Давида Копперфильда» или изъ «дѣтства и отрочества» графа Л. Н. Толстаго, и незнаешь, чему отдать предпочтеніе, художественному ли изяществу и прелести изложенія, этому ли благородному лиризму и добродушному юмору, съ какими авторъ изображаетъ школьные порядки бурсы,—этому ли тонкому и изящному чувству природы, или наконецъ этой любви къ дѣтямъ и тому пониманію дѣтской природы, въ которой, по выраженію поэта, «столько поэзіи слито и столько святой простоты»,—какія отличаютъ однихъ лишь педагоговъ по призванію, всю жизнь свою и всѣ силы своей души съ самоотверженною любовію посвящающихъ великому и прекрасному, но многотрудному и нерѣдко неблагоприятному дѣлу воспитанія.

«У колыбели моей,—такъ начинается почтенный авторъ свой рассказъ,—стояли два ангела: моя мать и няня; не фребелевскіе мячики, а ласки, молитвы и слезы были первыми дарами, которые они давали мнѣ. Должно быть таинственное вліяніе неизмѣримой любви ко мнѣ породило и во мнѣ къ нимъ чувство, въ которомъ было что-то религиозное. Оно было для меня источникомъ лучшихъ наслажденій и охранительной силой въ тяжкія минуты жизни... Первоначальной школой были для меня природа и деревенская церковь. Я инстинктивно чувствовалъ, что въ этихъ двухъ храмахъ, только въ различныхъ символахъ, на различныхъ языкахъ, сообщается одно и тоже божественное ученіе—духъ міровой любви... То, что съ малолѣтства я видѣлъ кругомъ себя въ быту духовенства, крестьянъ и помѣщиковъ, пораждало во мнѣ глубокое страданіе. Я искалъ отрады въ тишинѣ полей и лѣсовъ; но и тамъ часто слышалъ плачь и пѣсни, похожія на плачь. Это развило во мнѣ чувство жалости до болѣзненности, и я вполнѣ понимаю Роберта Бернса, который поднималъ повалившійся кустъ боярышника, чтобы его не растоптали, обходилъ дерево, чтобы не спугнуть съ него воробьевъ,

и грустилъ надъ маргариткой, которую срѣзалъ сохою, распахивая поле... Я рано вступилъ на педагогическое поприще: первыми питомцами моими были маленькіе цыплята, утенята и гусенята, и я до сихъ поръ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю, съ какою заботливостью оберегалъ ихъ отъ вѣтра, дожда, воронъ и ястребовъ... Н. А. Полевой когда-то съ гордымъ самосознаніемъ говорилъ: «Я знаю Русь и меня знаетъ Русь!» Я имѣлъ право воскликнуть: я знаю цыплятъ и меня знаютъ цыплята».

Какія прекрасныя мысли и чувства, и какіе чудные образы! Это ли не поэзія, поэзія Гетевская? И мы надѣемся, что всякій, кто знакомъ не съ одною преподавательски-учебною дѣятельностью почтеннаго педагога, но и съ педагогическою литературой, которую г. Чистяковъ у насъ если не создалъ, то обогатилъ, кто изучалъ его очерки и рассказы для дѣтей изъ исторіи всеобщей и русской, изъ области естествознанія и словесности народной и искусственной, которые давались ему такъ же легко, какъ и учоныя отчеты о его педагогическихъ экскурсіяхъ за границу, и трактаты по методикѣ и педагогикѣ,—тотъ согласится съ нами, что объ авторѣ настоящихъ воспоминаній до нѣкоторой степени можно сказать тоже, что сказалъ Баратынскій о Гете:

«Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья....

.....
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Какъ чужды эти воспоминанія о себѣ самомъ и своемъ прошломъ узкаго и мелочнаго субъективизма, столь нерѣдкаго въ автобіографіяхъ! На сколько выше и прекраснѣе эти вдохновенныя прозаическія страницы рифмованныхъ дидактическихъ и иныхъ поэмъ нашей современной литературы! Пусть обвинять насъ въ преувеличеніи; но мы смѣло утверждаемъ, что мѣсто этихъ воспоминаній не между эфемерными произведеніями газетной прессы, а наряду съ такими произведеніями искусства, какъ первый томъ Диккенсова «Давида Копперфильда» или «дѣтство и отрочество» графа Л. Н. Токстаго. Но обратимся къ воспоминаніямъ г. Чистякова о его жизни въ школѣ, которой авторъ не называетъ по имени, но въ которой читатель легко узнаетъ бурсу стараго времени.

«Школа наша была основана на чреввычайно либеральныхъ началахъ; мы были коммунистами: двое или трое ѣли одною ложкой, десятеро учились по одной книгѣ, человѣкъ пятьдесятъ прискивали слова по одному лекс-

кону, который переходилъ поочередно по городу отъ одной артели къ другой. Насъ связывало братство дѣтской безопасности и равенство дѣтской нужды; иногда за недостаткомъ книгъ одинъ училъ урокъ со словъ другаго. Бывали поразительные примѣры товарищеской нѣжности и заботливости: иной, одаренный особенно счастливой памятью, какъ рапсо́дъ переходилъ съ квартиры на квартиру, т. е. съ чердака на чердакъ, съ огорода на огородъ, и по цѣлымъ часамъ твердилъ какому-нибудь безталанному бѣдняку греческія или латинскія спряженія, фразы и правила; часто случалось, что у него и заначевывалъ, чтобы повторить ему еллинскую или латинскую мудрость по утру... Преподаваніе у насъ было все теоретическое; исторіи учились безъ хронологіи, географіи безъ картъ, ариметикѣ безъ смысла. Хорошо шелъ только латинскій языкъ; наскоро ознакомившись съ правилами, мы выучивали огромное количество примѣровъ изъ Цицерона, Салюстія, Титаливія, Тацита; біографіи Корнелія Непота знали всѣ наизусть; многія молитвы—Царю небесный, Отче нашъ, Христосъ воскресе—читались въ классѣ на латинскомъ языкѣ... Намъ чувствовалось что-то крѣпкое, величавое и гордое въ мысляхъ и даже въ звукахъ этого языка. Это впечатлѣніе поддерживалось въ насъ могучими образами стоическаго безстрашія, героизма, гордаго презрѣнія опасностей. Сцевола, Брутъ, Цезарь и другіе «великаны сумрака» сильно волновали наши дѣтскіе умы. Многіе изъ насъ рѣшительно съ энтузіазмомъ предавались мечтамъ объ этихъ временахъ; мы жили въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ, и не одинъ изъ насъ почти съ полнымъ убѣжденіемъ говорилъ: «*Romanus civis sum, — Mucium vocant*» или: «*quid times — Caesarem vehis*». Иной воображалъ себя идиллическимъ пастухомъ и, лежа въ бурьянѣ и посвистывая въ явовую дудочку, говорилъ самъ себѣ:

*Titire, tu patulae recubans sub tegmine fagi,
Silvestrem tenui musam meditoris avena.*

Сочиненія Цицерона вызывали на размышленіе и порождали нескончаемые споры о честномъ и безчестномъ, объ обязанностяхъ гражданина, и смерти и безсмертіи, величайшемъ благѣ и злѣ и т. п., и замѣчательно, что объясненія и доказательства тѣхъ или другихъ мыслей всегда заимствовались нами не изъ книгъ св. Писанія, а изъ языческихъ авторовъ. Мы жили какою-то странною жизнію, составляли свой особый міръ, чуждый всего современнаго и дѣйствительнаго, и изобрѣли даже свой—тарабарскій языкъ, замѣняя одиѣ русскія буквы другими, и говорили на немъ такъ легко, какъ будто онъ былъ намъ природнымъ. Потребность знанія была возбуждена въ высшей степени, а естественнаго удовлетворенія ей не было, и вотъ она проявлялась такими уродливостями».

Въ этомъ тонѣ изображается вся дальнѣйшая процедура школьной науки и бурсацкой жизни. Позволимъ себѣ привести еще одинъ небольшой отрывокъ—описаніе отправленія бурсаковъ на каникулы.

Пусть читатель сличит это и приведенныя выше мѣста съ аналогическими мѣстами изъ сочиненій Помяловскаго и Рѣшетникова и скажетъ, гдѣ больше исторической правды и соотвѣтствія дѣйствительности.

«Ваникулы! Я не знаю слова, которое бы выражало всю сладость, весь опяняющій, все существо живительнымъ огнемъ охватывающій, все существо преображающій восторгъ, какой испытывали мы при мысли, что наступаютъ, уже близко они, эти свѣтлые радостные дни, что до нихъ только нѣсколько недѣль, нѣсколько сутокъ; а тамъ Богъ съ тобой, городъ, Богъ съ тобой, школа! Въ сердцахъ нашихъ нѣтъ къ вамъ ни вражды, ни злобы; мы не помянемъ васъ лихою; мы такъ счастливы; всѣ силы наши настроены, какъ гармоническія струны; всѣ чувства полны любви и кротости и нѣги, и намъ кажется, нѣтъ, мы это чувствуемъ, мы этимъ наслаждаемся, что кругомъ насъ все дышетъ любовью, гармоніей, житьемъ такимъ же, какъ наше счастье, небесно-необъятнымъ, небесно-чистымъ. Прощай, добрый городъ, прощай добрая школа! Порадуйся съ нами; насъ ждетъ воля, просторъ полей, сладостно-меланхолическая тишь сосновыхъ боровъ, знакомыхъ съ колыбели, братскимъ языкомъ лепечущіе потоки, родное небо, и ласковѣе и святѣе звѣздъ и солнца—лучи материнскихъ глазъ и голубиный говоръ маленькихъ сестеръ». — «Вотъ великій постъ приходитъ къ концу; солнце начинаетъ пригрѣвать; у опушекъ лѣса зачернѣлись проталинки... Наконецъ насталъ день выпуска птичекъ на волю изъ кѣтки. И вотъ, точно какъ войско по командѣ, почти въ одинъ и тотъ же часъ, по разнымъ дорогамъ изъ города потянулись шумныя хохочущія толпы счастливецевъ. Вотъ одна толпа человекъ во сто входитъ въ огромный вѣковой лѣсъ; солнце печетъ, почки кустарниковъ лопаются; на скатахъ канавъ большой дороги сквозь пожелтѣвшую прошлогоднюю траву пробивается зелень; молодая жизнь идетъ на смѣну и въ замѣну увядшей; весенняя вода бушуетъ по оврагамъ; зяблики, синири, синички—звенять. Молодой груди дышется свободно, свѣжо, сладко. Мальчиковъ охватываетъ одно, общее радостное чувство. У кого-то, какъ по внезапному внушенію, вырвался сердечный кликъ: Христось воскресъ! Подхватили другой, третій, и въ мигъ десятки чистыхъ дѣтскихъ голосовъ поютъ вдохновенно вдохновенную пѣсню, и поютъ безъ умысла на трехъ языкахъ—русскомъ, греческомъ и латинскомъ, и въ лѣсной тишинѣ чудными отголосками далеко отдается эта святая пѣснь!

— «Ахъ, пострѣлята, что затѣяли! *Страшная* недѣля, а они горланять «Христось воскресе», говоритъ проѣзжающій цѣловальникъ. Молчать, вотъ васъ!» Дѣти на минуту примолкли. Но вотъ кто-то крикнулъ: «братцы, чтожь онъ? За что ругается? Въ смѣжки его. Въ палки его! въ оврагъ его! Держи, лови его!» Зашумѣли буйные пилигримы, сплошною ватагой кинулись на возмутителя своего мирнаго счастья. Цѣловальникъ во всю прыть помчался отъ бѣды. Мужикъ, рубившій лѣсъ, остановился, и добродушно улыбаясь,

крикнулъ: «ай, да молодцы! По дѣломъ ему разбойнику!» Черезъ нѣсколько минутъ въ лѣсу все, попрежнему, тихо; слышался только дружескій говоръ бодрыхъ, цвѣтущихъ здоровьемъ и радостью путниковъ, ручьевъ въ оврагахъ, и разноперыхъ пташекъ на теплыхъ вѣтвяхъ деревъ, обливаемыхъ солнцемъ».

Но мы не имѣемъ права перепечатывать на свои страницы всѣ воспоминанія г. Чустягова, — которыя, впрочемъ, только начаты печатаніемъ въ вышедшихъ нумерахъ «Пчелы», — не имѣемъ возможности достаточно-полно охарактеризовать всю прелесть этого мастерскаго разсказа и все богатство его содержанія — въ своей замѣткѣ, цѣль которой дать лишь понятіе о немъ и обратить на него все то вниманіе, каково онъ заслуживаетъ.

1875.

Первый опыт гомилетической христоматии на русском языкѣ.

(Святоотеческая Христоматія, съ біографическими свѣдѣніями о св. отцахъ-проповѣдникахъ вселенской Церкви и съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ. Составилъ М. А. Поторжицкій. Кіевъ. 1877).

Объ обученіи проповѣдничеству въ семинаріяхъ, объ объемѣ, составѣ и методѣ изложенія того, что извѣстно тамъ подъ именемъ гомилетики и исторіи проповѣдничества, мы имѣемъ понятія, не совсѣмъ, можетъ быть, согласныя съ установившимися на этотъ предметъ воззрѣніями. Считаемъ, поэтому, не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по этому предмету, прежде, чѣмъ войти въ сужденіе о достоинствѣ христоматіи г. Поторжицкаго.

Мы держимся того убѣжденія, что въ семинаріяхъ, какъ и вообще въ среднихъ и общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, немислимо преподаваніе какой бы то ни было науки въ обычномъ и точномъ значеніи этого слова. Требованія здравой дидактики и методики, обязывающихъ сообразоваться въ преподаваніи съ возрастомъ и степенью умственного развитія учащихся, съ количествомъ времени, которое можетъ быть удѣлено на тотъ или другой предметъ въ отдѣльности въ общемъ составѣ учебнаго курса, требующихъ, затѣмъ, не только и не столько сообщенія знаній въ возможно-большемъ количествѣ, но также, и притомъ, главнымъ образомъ, формальнаго развитія умственныхъ силъ учащихся, не оставляютъ, по нашему мнѣнію, ни малѣйшей гъ тому возможности. Въ самомъ дѣлѣ: задача общеобразовательнаго курса гораздо сложнѣе, чѣмъ сообщеніе знаній въ возможно-большемъ количествѣ; этимъ послѣднимъ можно ограничиться лишь послѣ того, какъ формальное развитіе духовныхъ силъ учащихся если не окончательно завершилось, то по крайней мѣрѣ достигло уже большей или меньшей степени зрѣлости, что можетъ имѣть мѣсто лишь при преподаваніи академическомъ или факультетскомъ. Прежде наступленія этого фа-

зиса въ образованіи юношества на преподаваніи лежитъ обязанность озаботиться какъ этимъ формальнымъ развитіемъ учащихся, что достигается главнымъ образомъ путемъ возбужденія въ нихъ мыслительной самодѣятельности, такъ вмѣстѣ и тѣмъ, чтобы составъ учебнаго курса предметовъ и распорядокъ занятій морализующимъ—образовательнымъ образомъ вліяли на весь строй духовныхъ силъ учащихся, на выработку строго-нравственнаго характера и серьезной дѣловитости, на образованіе въ нихъ правильнаго, цѣльнаго міровоззрѣнія. Въ виду такихъ задачъ общеобразовательнаго курса, требованія здоровой дидактики устраняютъ всякую возможность монологическаго изложенія, если не всѣхъ безъ исключенія, то по крайней мѣрѣ большинства учебныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ семинарскаго курса, въ формѣ лекцій, единственно законной и возможной лишь при томъ объемѣ преподаванія, который приличествуетъ наукѣ въ ея надлежащемъ значеніи. Въ семинаріяхъ, какъ и вообще въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, преподаются, такимъ образомъ, не науки, а учебные предметы, содержащіе въ себѣ лишь элементарныя свѣдѣнія изъ наукъ.

Кромѣ изложенныхъ требованій дидактики къ такой же, а не иной постановкѣ предметовъ семинарскаго учебнаго курса побуждаютъ и требованія здоровой методики. Если академическій уставъ нашель, и, какъ мы полагаемъ, вполне основательно, необходимымъ даже въ академическомъ преподаваніи прерывать отъ времени до времени лекціи репетиціями, въ видахъ контроля надъ усвоеніемъ слушателями преподаннаго имъ, не тѣмъ ли необходимымъ уже совершенно устранить лекціонный методъ изложенія предмета при преподаваніи семинарскомъ, гдѣ преподаватель имѣетъ дѣло если не съ дѣтскимъ, то съ отроческимъ уровнемъ развитія, гдѣ, какъ мы свазали, на первомъ планѣ должно стоять чисто формальное развитіе силъ учащихся, гдѣ по самому простому, можно сказать аксіоматическому пониманію дѣла, нужно питать не твердою пищею науки въ ея полномъ объемѣ и точномъ смыслѣ, а млекомъ элементарныхъ свѣдѣній, а если предлагать и твердую пищу научныхъ знаній, то не иначе, какъ, по вульгарному выраженію, разжевавъ предварительно, власть въ ротъ учащимся, а затѣмъ руководить самымъ процессомъ воспріятія этой пищи и усвоенія ея въ духовномъ организмѣ учащагося, ежеминутно такъ сказать заботясь о томъ, чтобы достигалось не одно пассивное воспріятіе знаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершался цѣлый нормальный процессъ ассимиляціи ихъ, процессъ, содѣйствуемый возбужденіемъ мыслительной самодѣятельности уча-

щихся. При такой постановкѣ семинарскаго преподаванія если не половина, то по крайней мѣрѣ третья часть всего класснаго времени должна быть употреблена на то, что извѣстно подѣ именемъ репетицій, будетъ ли то традиціонное выслушиваніе уроковъ или живая бесѣда преподавателя о преподанномъ, сопровождаемая дополненіями и разъясненіями. Спрашивается, есть ли какая нибудь возможность, при такомъ положеніи дѣла, излагать «науку» въ какомъ бы то ни было смыслѣ и объемѣ? Что удивительнаго, если систематическое изложеніе учебнаго предмета, въ слѣдствіе малаго числа уроковъ, являющееся нерѣдко въ видѣ голой номенклатуры, замѣняется весьма часто (и вполне основательно) эпизодическимъ изложеніемъ главнѣйшихъ моментовъ науки, какъ, напримѣръ, это дѣлается въ семинаріяхъ при изложеніи такъ называемаго обзора философскихъ ученій?

Разсуждая такимъ образомъ, мы, конечно, не высказываемъ чего-либо новаго: все это относится къ области общеизвѣстнаго и общепризнаннаго. Но есть вещи, которыя необходимо повторять возможно чаще для того, чтобы онѣ могли быть должнымъ образомъ поняты и усвоены. Лекціонный способъ изложенія предмета такъ заманчивъ и относительно легокъ (имѣемъ въ виду примѣненіе его въ семинарскомъ курсѣ), въ сравненіи съ методомъ, напримѣръ, эротематическимъ, рассчитаннымъ на формальное развитіе учащихся, на возбужденіе въ нихъ самостоятельности мысли, — методомъ, при которомъ ученикамъ приходится не пассивно лишь воспринимать свѣдѣнія, а дѣятельно работать самими, а на долю преподавателя остается лишь руководить и заправлять этой работой, — что для преподавателя семинаріи, особенно молодаго, слишкомъ велики соблазнъ предпочесть первый послѣднему, и вмѣсто «уроковъ», которые велись бы по выработаннымъ новѣйшей дидактикой методамъ (напримѣръ по методѣ Любена и Экардта: первый изложенъ въ статьяхъ г. Скопина, напечатанныхъ нѣкогда въ журналѣ «Учитель»; книга Экардта не такъ давно въ цѣломъ составѣ переведена на русскій языкъ гг. Максимовымъ и Острогорскимъ; въ нашей русской педагогической литературѣ примѣненіемъ этого метода извѣстны гг. Стоюнинъ, Водовозовъ и Весинъ), читать «лекціи». Для лекцій достаточно знанія предмета, для уроковъ по указаннымъ методамъ нуженъ кромѣ того нѣкоторый талантъ или, по крайней мѣрѣ, особый педагогическій тактъ и кромѣ того трудъ, и трудъ значительно большій, чѣмъ какой потребенъ при составленіи семинарскихъ «лекцій», особенно если эти лекціи составляются вскорѣ послѣ выслушанія полного академическаго курса.

Намъ могутъ замѣтить, что все сказанное справедливо относительно четырехъ первыхъ классовъ семинаріи, гдѣ курсъ преподаванія соотвѣтствуетъ обыкновенному общеобразовательному курсу среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, напримѣръ гимназій; что же касается двухъ послѣднихъ классовъ семинарій, пятого и шестаго, въ которыхъ проходитъ гомилетика съ исторіей проповѣдничества, то они составляютъ нѣчто въ родѣ специально-богословскихъ классовъ и имѣютъ своимъ предметомъ специально-богословское образованіе, слѣдовательно цѣли преподаванія здѣсь уже не дидактическія и воспитательно-образовательныя, а специально-учебныя, слѣдовательно и предметы, преподаваемые въ этихъ классахъ, могутъ быть излагаемы въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ какомъ излагаются предметы общеобразовательныя, проходимыя въ четырехъ первыхъ классахъ, и методъ можетъ быть допущенъ лекціонный, при которомъ можно было бы сообщить наибольшее количество знаній. Отвѣчаемъ: по нашему мнѣнію, съ переходомъ учениковъ семинаріи въ пятый классъ, формальное развитіе ихъ нельзя считать законченнымъ, а что касается дѣла воспитательно-образовательнаго, то оно теперь только начинается въ надлежащемъ видѣ: это время выработки убѣжденій въ будущихъ пастыряхъ Церкви, время, когда слагается окончательно характеръ человѣка, формируются его взгляды на жизнь, на міръ Божій, на свои будущія общечеловѣческія и специально-пастырскія обязанности. Относительно лекціоннаго метода изложенія предметовъ въ пятомъ и шестомъ классахъ семинаріи можно сказать, что, конечно, онъ можетъ быть допущенъ по отношенію къ нѣкоторымъ предметамъ, но только отнюдь не къ тому, о которомъ мы говоримъ, не по отношенію къ гомилетикѣ, и еще — прибавимъ — практическому руководству для пастырей. Это два предмета, которые, по самому существу своей задачи, могутъ быть ведены не иначе, какъ методомъ практическимъ. Если какое знаніе дается не иначе, какъ путемъ практическихъ занятій, путемъ упражненія и навыка, то это именно проповѣдничество. И если въ какой части семинарскаго курса особенно ощущается неотложная потребность новой постановки преподаванія и радикальнаго реформированія учебнаго плана, то, намъ кажется, именно въ гомилетикѣ. Здѣсь ужь, по нашему мнѣнію, должна имѣть мѣсто отнюдь не *наука* о проповѣдничествѣ, гомилетика-ли то или исторія проповѣдничества, а главнѣйшимъ образомъ и болѣе всего *обученіе* проповѣдничеству, конечно на основаніи теоретическихъ началъ и не безъ историческихъ данныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько уже времени преподается гомилетика

въ семинаріяхъ, и какъ теорія и какъ исторія, а практическіе результаты этого преподаванія, если мы безпристрастно взглянемъ на состояніе проповѣди у насъ въ сельскихъ приходяхъ, нельзя сказать, чтобы были особенно обильны. Съ какими отличными баллами по гомилетикѣ иногда оканчиваютъ курсъ семинаріи ея воспитанники, между тѣмъ какъ мало бываютъ подготовлены иногда къ дѣлу проповѣди—эти, изучившіе учебники Фаворова и даже Амфитеатрова молодые люди! Какого труда, большею частію, стоитъ составленіе проповѣди тѣмъ изъ нихъ, которые, сдѣлавшись сельскими священниками, начинаютъ заниматься этимъ дѣломъ! Какъ нерѣдко приходится имъ списывать свои поученія изъ готовыхъ печатныхъ сборниковъ проповѣдей, имѣющихся уже въ нашей литературѣ въ достаточномъ количествѣ! Ясно, что не «чтенія о церковной словесности», вполне умѣстныя лишь въ академическомъ преподаваніи, должны быть предлагаемы воспитанникамъ семинарій, пятого и шестаго классовъ, а нѣчто другое, что сообщило бы будущему сельскому проповѣднику и готовый запасъ проповѣдническихъ мыслей, возможно болѣе обширный, и дало бы болѣе или менѣе полный навыкъ къ проповѣдническому изложенію. Этихъ двухъ цѣлей, по нашему мнѣнію, можно достигнуть двумя способами, которыми преподаватель гомилетики долженъ пользоваться по возможности совмѣстно: во первыхъ критическимъ изученіемъ образцовъ, тщательно подобранныхъ примѣнительно къ предварительно составленному и строго-обдуманному плану учебныхъ занятій въ порядкѣ систематическаго курса теоріи гомилетики или въ порядкѣ историческаго развитія родовъ и видовъ пастырскаго церковнаго собесѣдованія; во вторыхъ—возможно болѣе частыми упражненіями учениковъ въ составленіи собственныхъ поученій, при чемъ почтенный капитальный трудъ о. протоіерея І. В. Толмачева — «Православное собесѣдовательное Богословіе» можетъ служить прекраснымъ на долго незамѣнимымъ руководствомъ. Учебникомъ по гомилетикѣ въ семинаріяхъ должно быть хорошо составленная хрестоматія, а не гомилетики архим. Аеоанасія, о. прот. Фаворова или Амфитеатрова, которыя, представляя синтетическое изложеніе гомилетическихъ правилъ, могутъ быть пригодны уже послѣ того, какъ преподаватель аналитическимъ путемъ, путемъ разбора образцовъ, выяснитъ каждую форму и каждое свойство проповѣди въ отдѣльности, — то есть въ концѣ курса, и могутъ быть изучены учениками въ относительно-незначительное количество времени. Предметомъ предклассныхъ занятій учениковъ, или уроковъ, должны быть всякаго рода работы надъ образцами по указаніямъ

главнымъ образомъ метода Любена и Эккардта, съ нѣкоторыми, разумѣется, ограниченіями и спеціальными приспособленіями, обусловливаемыми отличительными свойствами предмета, а также возрастомъ и степенью умственного развитія изучающихъ гомилетику въ семинаріяхъ, относительно большими, чѣмъ возрастъ и степень развитія учениковъ тѣхъ классовъ, въ которыхъ проходитъ словесность, для которой назначаютъ свои пособія Любенъ и Эккардтъ—начиная отъ простаго заучиванья наизусть образцовыхъ проповѣдей и упражненій въ осмысленномъ произношеніи заученнаго съ кафедръ, продолжая логическимъ разборомъ или извлеченіемъ изъ проповѣди ея схемы, по заранѣ составленному преподавателемъ и общему для подобныхъ работъ плану, и оканчивая указаніемъ, съ точки зрѣнія гомилетической теоріи, отличительныхъ свойствъ разсматриваемой проповѣди. Намъ кажется, что отрицать законность и основательность такого измѣненія въ постановкѣ занятій по гомилетикѣ въ семинаріяхъ едва ли справедливо. Необходимость замѣны или по крайней мѣрѣ дополненія науки о проповѣдничествѣ *обученіемъ* проповѣдничеству, практическими занятіями по проповѣдничеству, доказывается не только долговременнымъ опытомъ нашихъ семинарій, но и примѣромъ тѣхъ странъ, гдѣ на проповѣдничество обращается больше, чѣмъ у насъ вниманія, гдѣ оно составляетъ болѣе существенную, чѣмъ у насъ составную часть Богослуженія, гдѣ по этому оно служитъ главнымъ предметомъ заботливости при образованіи пастырей церковныхъ — у протестантовъ, а также и въ католичествѣ. На богословскихъ факультетахъ, а также въ спеціальныхъ проповѣдническихъ семинаріяхъ (напримѣръ въ лейпцигской и тюбингенской, о которыхъ см. въ «Путевыхъ замѣткахъ» И. Т. Осинина, Христ. Чтеніе за 1864 и 1865 годы) практическимъ упражненіямъ въ проповѣдничествѣ, изученію образцовъ проповѣди придается едва ли не больше значенія, чѣмъ теоретическому и историческому изученію предмета.

Изложеніе всей техники этого дѣла, всѣхъ подробностей плана занятій по проповѣдничеству въ нашихъ семинаріяхъ, распредѣленіе какъ учебнаго матеріала, такъ и учебнаго времени между занятіями *внѣклассными*, подлежащими лишь общему руководству и надзору преподавателя (таково наприимѣръ ознакомленіе учениковъ съ литературой проповѣдничества чрезъ чтеніе въ свободное время относящихся къ этому предмету сочиненій, которыя должны быть собраны въ особой ученической библіотекѣ и быть у учениковъ всегда подъ руками), занятіями *предклассными* или уроками, подлежащими ближайшему руководству преподавателя и отмѣткамъ баблами, и нако-

нецъ занятіями *въ классъ* — не входитъ въ настоящемъ случаѣ въ нашу задачу и завлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета, по поводу котораго мы начали свою рѣчь. Впрочемъ регламентація здѣсь и несовсѣмъ умѣстна, — больше всего здѣсь можетъ сдѣлать личный тактъ и талантъ преподавателя. Сдѣлаемъ лишь одно общее замѣчаніе. По нашему мнѣнію, отнюдь не слѣдуетъ дѣлать занятій по гомилетикѣ въ семинаріяхъ на два отдѣльныхъ курса — теоріи гомилетики и исторіи проповѣдничества (между прочимъ и потому, что при отдѣльномъ преподаваніи теоріи и исторіи проповѣди неизбѣжны повторенія, а слѣдовательно напрасная трата времени, которое слишкомъ дорого въ этомъ случаѣ), а въ продолженіе обоихъ учебныхъ годовъ (V и VI классы) во все время, которое назначено на прохожденіе этого предмета, долженъ быть одинъ цѣльный методическій курсъ изученія образцовъ, избранныхъ и расположенныхъ примѣнительно къ порядку теоретическаго или историческаго курса, котораго-нибудь одного. Мы лично склоняемся въ пользу историческаго распорядка занятій по гомилетикѣ, разумѣя въ этомъ случаѣ подъ исторію проповѣдничества изложеніе генетическаго развитія родовъ и видовъ проповѣди, при чемъ преподаватель будетъ имѣть полную возможность ознакомить учениковъ съ постепеннымъ нарастаніемъ содержанія проповѣди, расширеніемъ круга предметовъ, входившихъ въ нее, начиная отъ элементарной проповѣди огласительной или миссіонерской и гомилійнаго экзегезиса св. текста до позднѣйшей проповѣди тематической, съ ея видоизмѣненіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомить и со всѣми разновидностями и осложненіями формъ проповѣди — ея построенія и изложенія. Къ историческому изученію проповѣди легко могутъ быть приурочены всѣ тѣ правила, какія составляютъ содержаніе обычной гомилетической теоріи, въ порядкѣ систематическаго изложенія родовъ и видовъ пастырскаго церковнаго собесѣдованія: взаимное отношеніе общаго и частнаго содержанія проповѣди, виды и степени проповѣдническаго субъективизма, методы изясненія св. текста въ проповѣди, внутреннія свойства проповѣди въ сравненіи съ общими требованіями ораторскаго искусства, — въ последнемъ случаѣ преподавателю необходимо пользоваться извѣстными руководствами Маугу, *Ленца* и *Лютца*, а не довольствоваться одной гомилетикой Амфитеатрова, и проч. и проч.

Изъ сказаннаго читатель видитъ, какое важное значеніе придаемъ мы, при обученіи проповѣдничеству въ семинаріяхъ, хорошо составленной гомилетической хрестоматіи, и до какой степени мы рады были бы привѣтствовать появленіе всякой серьезной попытки въ этомъ

родѣ. Къ сожалѣнію, что касается сборника, изданнаго г. Поторжицкимъ, то, мы должны сказать откровенно, онъ, по нашему мнѣнію, далеко не удовлетворяетъ тѣмъ дидактическимъ требованіямъ, какія составителю его слѣдовало имѣть въ виду. Мало того: если бы намъ нужно было привести примѣръ въ доказательство того, до какой степени въ младенческомъ состояніи находится иногда у насъ методика семинарскаго преподаванія, мы, не обинуясь, могли бы указать, какъ на такой примѣръ, на книгу г. Поторжицкаго.

Начнемъ съ предисловія его къ своей книгѣ. Изъ него мы узнаемъ, что для г. Поторжицкаго гомилетика существуетъ въ семинаріяхъ не какъ учебный предметъ, а именно какъ «наука»; точно также—«исторія проповѣдничества» есть «одна изъ наукъ, вошедшихъ въ составъ семинарскаго курса вмѣстѣ съ введеніемъ новаго устава». Задачей своихъ занятій по классу гомилетики составитель христоматіи поставляетъ не обученіе семинаристовъ проповѣдничеству путемъ разбора образцовъ или инымъ какимъ способомъ, а «сообщеніе свѣдѣній изъ исторіи проповѣдничества»,—у него ученики изучаютъ не образцы проповѣди, а именно «исторію проповѣдничества». Христоматія составлена имъ лишь потому, что въ классѣ читать и разбирать проповѣди нельзя,—слишкомъ много потребовалось бы на то времени,—пусть же ученики прочитываютъ ихъ на дому, чѣмъ и можетъ, по мнѣнію г. Поторжицкаго, ограничиться отношеніе учениковъ къ образцовымъ проповѣдямъ, и въ этомъ состоитъ вся методика христоматіи. Правда, есть у него въ предисловіи упоминаніе о «разборѣ», но только упоминаніе, доказывающее, что у него есть нѣкоторое предчувствіе того, что еще что-то другое должно дѣлать съ образцовыми проповѣдями, и именно самому преподавателю въ классѣ, послѣ предварительнаго изученія ихъ учениками, а не ученикамъ только прочитывать ихъ на дому; но что именно, этого г. Поторжицкій очевидно не знаетъ, какъ не знаетъ ничего о разборѣ образцовыхъ произведеній литературы вообще по методамъ Любена и Экардта.

За предисловіемъ слѣдуетъ самый сборникъ святоотеческихъ проповѣдей. Изъ осьмнадцати отцовъ церкви, восточной и западной (отъ Климента Римскаго до Прокла Константинопольскаго включительно), извлечено всего пятьдесятъ семь образцовъ—цифра весьма почтенная; но изъ нихъ лишь тридцать два—въ цѣломъ видѣ, остальные состоятъ изъ небольшихъ отрывковъ. И цѣлыя проповѣди составитель христоматіи повидимому старался выбирать такія, которыя не велики по объему. Затѣмъ каждому отцу—проповѣднику предшествуетъ его

біографія, съ краткимъ указаніемъ на отличительныя свойства его проповѣди. Все это легко умѣстилось менѣе чѣмъ на трехъ стахъ страницахъ книги, менѣе, чѣмъ средняго формата, крупнаго шрифта. Такова христоматія по своему внѣшнему составу.

Нѣтъ ничего легче, какъ составлять сборники святоотеческихъ твореній такъ, какъ составленъ сборникъ г. Поторжицкаго. Человѣкъ, «даже не учившійся въ семинаріи», а просто грамотный, какъ напримѣръ который-либо изъ московскихъ книгопродавцевъ-издателей, легко могъ бы выполнить этотъ трудъ по слѣдующему рецепту: 1) возьми «историческое ученіе объ отцахъ церкви» преосв. Филарета Черниговскаго и, не ходя далеко, изъ оглавленія его выпиши перечень именъ тѣхъ изъ св. отцовъ, отъ которыхъ дошли до насъ проповѣдническіе труды; 2) возьми указатели къ тѣмъ духовнымъ журналамъ, въ которыхъ печатались въ разное время въ русскомъ переводѣ творенія святоотеческія, преимущественно къ «христіанскому» и «воскресному» чтеніямъ, а также каталогъ книжнаго магазина Базунова, составленный г. Межовымъ, и при ихъ руководствѣ собери тѣ книги и нумера журналовъ, въ которыхъ напечатаны святоотеческія проповѣди; 3) перепечатавай въ составляемый сборникъ какія угодно изъ этихъ проповѣдей: все написанное св. отцами назидательно, а особенно назидательно и хорошо изъ ихъ твореній то, что переведено на русскій языкъ: переводчики были люди свѣдущіе и знали, что выбрать для перевода. Если у кого-либо изъ отцовъ, особенно знаменитыхъ, проповѣдей не окажется, можно взять у него «посланіе» или «трактатъ» и, перепечатавъ, озаглавить «бесѣда» или «слово». Разница небольшая—что посланіе, что слово, оба одинаково назидательны, и читатель можетъ не обратить вниманія на подобную поэтическую вольность издателя. За тѣмъ при этомъ нужно соблюдать еще два условія: во первыхъ—чтобы святоотеческихъ именъ и проповѣдей значилось въ сборникѣ «числомъ по болѣе»; во вторыхъ—чтобы при этомъ по объему сборникъ не былъ слишкомъ великъ, такъ какъ соотвѣтственно увеличенію объема книги увеличивается и ея цѣна, а это можетъ помѣшать сборнику розойтись въ большемъ количествѣ экземпляровъ и слѣд. лишить издателя доли выгоды. Чтобы при возможно-большемъ количествѣ статей сборникъ не былъ слишкомъ великъ по объему, можно вмѣсто цѣлыхъ проповѣдей помѣщать отрывки, напримѣръ начало безъ середины и конца, конецъ безъ начала и середины, средину безъ начала и конца.—По такому рецепту, говоримъ, можетъ составить сборникъ любой мастеръ книжнаго дѣла, безъ чьей бы то ни было помощи; что касается такихъ

многосвѣдущихъ и просвѣщенныхъ сочинителей, какъ г. Ливановъ, издатель «Золотой грамоты» и не малаго числа другихъ не менѣе полезныхъ изданій, то онъ можетъ въ подобномъ случаѣ обойтись даже безъ помощи пресов. Филарета и указателей къ духовнымъ журналамъ.

Изданіе, г. Поторжицкаго есть, по нашему мнѣнію, именно нѣчто въ этомъ же родѣ: сборникъ для назидательнаго чтенія, сшитый на живую нитку, но отнюдь не христоматія, не пособіе для изученія исторіи проповѣдничества, какъ авторъ его заглавливаетъ. Каждая хорошая дидактическая книга, особенно если она представляетъ первый опытъ въ своемъ родѣ, должна быть снабжена введеніемъ, содержащимъ въ себѣ методику предмета, указанія, какъ должно вести занятія по книгѣ, по меньшей же мѣрѣ указаніе тѣхъ соображеній, какими руководился авторъ при выборѣ тѣхъ, а не другихъ образцовъ въ свое изданіе. Не приводя г. Поторжицкому въ настоящемъ случаѣ въ примѣръ такихъ дидактическихъ изданій, какъ «Дѣтскій Міръ» и «Родное Слово» покойнаго Ушинскаго, или «Отечественвѣдѣніе» Семенова, какъ не относящихся къ гомилетикѣ, мы укажемъ на превосходный гомилетическій сборникъ *Hesselmanna: Buch der Predigten, oder 100 Predigten und Reden, Elbing, 1858 г.* Сборникъ назначается собственно не для классныхъ занятій при преподаваніи гомилетики, а для практической цѣли—быть настольною книгою пастыря-проповѣдника. Поэтому проповѣди расположены въ немъ по порядку годичнаго круга дней воскресныхъ и праздничныхъ. Но собраны здѣсь проповѣди изъ всѣхъ вѣковъ и даже всѣхъ христіанскихъ народовъ, такъ что даже русское проповѣдничество, которымъ такъ мало интересуются и которое такъ мало знаютъ на западѣ, представлено одною проповѣдью—Феофана Прокоповича (№ 8, стр. 37 и слѣд.). Каждый отдѣльный моментъ въ исторіи проповѣдничества представленъ здѣсь нѣсколькими лучшими проповѣдниками, изъ каждаго проповѣдника приведена не болѣе, какъ одна, но дѣйствительно лучшая и наиболѣе характеристичная проповѣдь, и почти всегда въ полномъ составѣ. Такимъ образомъ по руководству сборника можно составить себѣ наглядное и отчетливое представленіе какъ объ индивидуальныхъ чертахъ, характеризующихъ проповѣдническую манеру каждаго церковнаго оратора въ отдѣльности, такъ объ общихъ свойствахъ проповѣди въ тотъ или другой историческій періодъ, а въ цѣломъ сборникъ представляетъ наглядную картину генетическаго развитія родовъ и видовъ пастырскаго собесѣдованія,— съ одной стороны постепеннаго нарастанія ея содержанія, расширенія

круга предметовъ, которые входили въ ея составъ, съ другой—постепеннаго осложненія и видоизмѣненія ея формы, построенія и изложенія, начиная отъ примитивной гомиліи съ ея развѣтвленіями (гомилія экзегетическая, ограничивающаяся исключительно интерпретаціей библейскаго текста съ цѣлю выясненія его смысла; гомилія правоучительная, гомилія правообличительная, гомилія смѣшанная) до тематическаго искусственнаго слова съ его видоизмѣненіями (тематизмъ въ смыслѣ единства предмета, единства главной мысли безъ дѣленія проповѣди на части, и проч.). Чтобы изучающій по книгѣ Нессельмана генезисъ проповѣди могъ ориентироваться въ этой громадной массѣ проповѣдей (всего 100 №; книга представляетъ большой томъ въ 785 страницъ) составитель сборника самымъ проповѣдямъ предпосылаетъ, кромѣ введенія, въ которомъ объясняетъ планъ своей работы и тѣ соображенія, которыми руководился при выборѣ тѣхъ, а не другихъ образцовъ, обширный очеркъ (XCVI страницъ) исторіи развитія формъ проповѣди, въ которомъ выясняетъ свой взглядъ на исторію проповѣди и на значеніе въ ней каждой эпохи и каждой отдѣльной исторической личности. Мы не согласны съ авторомъ этого очерка во многомъ, напримѣръ, въ томъ, будто исторію проповѣди слѣдуетъ понимать лишь какъ исторію развитія ея формъ, такъ какъ думаемъ, что исторія проповѣдничества, въ ея настоящемъ, научномъ смыслѣ, есть исторія содержанія проповѣди, именно—исторія развитія христіанскаго ученія и христіанизации человѣческаго міровоззрѣнія и нравовъ (на-сколько то и другое совершалось путемъ проповѣди, общественнаго и частнаго пастырскаго учительства), не менѣе, чѣмъ изложеніе генетическаго развитія родовъ и видовъ церковнаго собесѣдованія; мы несогласны съ Нессельманомъ, будто проповѣдь Христа Спасителя не можетъ служить предметомъ историческаго изученія, такъ какъ въ слѣдѣ за Лютцемъ, Ленцемъ и Павилемъ и, прибавимъ, г. Пѣвницкимъ, помѣстившимъ въ Трудахъ кіевской академіи прекрасную статью: «Господь Іисусъ Христосъ, какъ образецъ церковнаго Учителя», думаемъ, что, будучи словомъ Божественнымъ, она тѣмъ не менѣе, и по тому самому, имѣетъ опредѣляющее, законоположительное значеніе для чисто человѣческой дѣятельности въ области учительства церковнаго, представляя не мало указаній и для чисто технической стороны учительства, въ слѣдствіе чего проповѣдь церковныхъ учителей всѣхъ временъ имѣетъ тѣсную генетическую связь съ проповѣдями Христа Спасителя и апостоловъ, какъ своимъ первоисточникомъ, подобно тому, какъ и проповѣдь самого Господа Іисуса Христа и св. апосто-

ловъ, по своей внѣшней сторонѣ, имѣеть генетическую связь съ обычаями іудейской синагоги (прототипъ первоначальной святоотеческой гомиліи—бесѣда Иисуса Христа въ Назаретской синагогѣ, представляющая, по обычаю синагоги, прочтеніе и объясненіе отрывка изъ книги пророка Исаи; таковъ же характеръ нагорной бесѣды, а равно бесѣды апостольскихъ, напримѣръ рѣчи ап. Петра въ день Пятидесятницы и проч.). Несогласны мы съ Нессельманомъ и во многомъ другомъ, изложеніе чего завлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета настоящей замѣтки. Но что касается характеристики формальной стороны проповѣди того или другаго проповѣдника и его значенія въ общемъ ходѣ развитія проповѣди, какую дѣлаеть Нессельманъ въ своемъ очеркѣ, то въ этомъ отношеніи онъ могъ бы служить прекраснымъ руководствомъ для г. Поторжицкаго, если бы этотъ послѣдній захотѣлъ руководствоваться какими бы то ни было примѣрами или соображеніями при выборѣ матеріала для своего сборника. Еще ближе былъ бы для г. Поторжицкаго примѣръ *Весте*, который, предположивъ въ своей книгѣ *Die bedeutendsten Kanzelredner der lutherischen Kirche des Reformationszeitalters, Leipzig 1856 г.*) ознакомить съ лютеранскими проповѣдниками эпохи Лютера, и предлагая въ своемъ сборникѣ изъ каждаго изъ нихъ по двѣ и даже по три проповѣди (изъ осьмнадцати проповѣдниковъ лишь на долю шести пришло по одной проповѣди), самымъ проповѣдямъ предпосылаетъ обстоятельную біографію ихъ автора (по нашему мнѣнію только такая біографія—сообщающая или новыя фактическія данныя о проповѣдникѣ, или оригинальную оцѣнку его личности и значенія въ исторіи проповѣди — и имѣеть право на помѣщеніе въ христоматію; иначе можно ограничиться обозначеніемъ года рожденія и кончины проповѣдника, его званія и мѣста служенія, при его имени, выставляемомъ предъ его проповѣдями въ христоматію, какъ это дѣлаеть Нессельманъ), въ которой даетъ и характеристику каждаго проповѣдника, очерчиваетъ кругъ предметовъ, которыхъ онъ касался въ своихъ проповѣдяхъ, значеніе его по отношенію къ другимъ и т. д.; а всему сборнику, подобно Нессельману, предпосылаетъ общее введеніе, въ которомъ выясняетъ свой взглядъ на общій характеръ протестантской проповѣди времени Лютера и мѣсто, которое каждый проповѣдникъ его эпохи занималъ въ ряду прочихъ.

Ничего подобнаго не даетъ намъ въ своей христоматіи г. Поторжицкій. Выборъ проповѣдей въ ней представляется, такимъ образомъ, случайнымъ и произвольнымъ, ничѣмъ не мотивирован-

нымъ, и мы, признаемся, напрасно старались уловить мысль, которая руководила въ этомъ случаѣ составителемъ сборника: по видимому онъ бралъ для него все, что попадалось подъ руку, главнымъ же образомъ — проповѣди, отличающіяся наименьшимъ объемомъ. Читатель остается въ полномъ невѣдѣніи даже относительно того, что разумѣтъ составитель сборника подъ исторіей проповѣдничества вообще и какъ онъ понимаетъ исторію проповѣдничества въ смыслѣ одного изъ учебныхъ предметовъ семинарскаго курса, о чемъ можно лишь отчасти догадываться, такъ какъ самымъ проповѣдямъ составитель сборника всегда предпосылаетъ біографіи св. отцовъ проповѣдниковъ, «съ указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ», какъ значится въ заглавіи книги, изъ чего мы и заключаемъ, что г. Поторжицкій подъ громкимъ именемъ исторіи проповѣдничества разумѣтъ собственно рядъ очерковъ или этюдовъ о св. отцахъ—проповѣдникахъ, къ каковымъ очеркамъ приводимые имъ образцы и должны служить иллюстраціями. Но что касается этихъ «біографическихъ свѣдѣній» и «указаній отличительныхъ чертъ», то они такого рода, что лучше было бы, если бы въ книгѣ ихъ вовсе не было и занятое ими мѣсто передано было двумъ-тремъ лишнимъ проповѣдямъ того или другаго св. отца, приведеннымъ въ цѣломъ составѣ. Въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ» (всѣхъ біографій осьмнадцать — по числу св. отцовъ, вошедшихъ въ хрестоматію) содержится меньше, чѣмъ сколько говорится о св. отцахъ въ любомъ изъ элементарныхъ курсовъ Закона Божія, составленныхъ по новой программѣ для свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и нѣтъ рѣшительно ничего, чего бы ученикъ пятаго класса семинаріи не зналъ раньше. Родился такой-то св. отецъ въ такомъ-то году, въ такомъ-то городѣ, отъ такихъ-то родителей (богатыхъ или бѣдныхъ), получилъ такое-то образованіе (конечно блестящее или хорошее, иначе, какъ на примѣръ въ разсказѣ о св. Ефремѣ Сирицѣ, объ образованіи св. отца вовсе умалчивается) и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія, и даже большія, въ самомъ крайнемъ случаѣ могутъ быть сообщены ученикамъ изустно при удобномъ случаѣ или извлечены самими ими изъ сочиненій, которыя могутъ быть указаны преподавателемъ, что могло бы составлять предметъ предклассныхъ работъ учениковъ. Что касается «отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго» изъ св. отцовъ, то между этими чертами мы почти совсѣмъ не находимъ отличительныхъ: это все общія свойства всякой хорошей проповѣди — ясность и простота, обиліе чувства и т. п.,—какихъ требуетъ современная гомилетическая те-

орія, которыя авторъ довольно произвольно распредѣляетъ по своему усмотрѣнію между осмнадцатью избранными имъ св. отцами—проповѣдниками. Образецъ этихъ «отличительныхъ чертъ» беремъ на удачу съ первой же страницы книги: св. Клименту Римскому приписывается какъ «главное достоинство» «безыскусственность и теплота чувства». Во-первыхъ, почему составитель сборника, взявшись указать «отличительныя свойства», указываетъ лишь одно «главное», а не всѣ? Во-вторыхъ, безыскусственность, въ смыслѣ отсутствія искусственности въ построеніи и изложеніи проповѣди, игнорированія правилъ тогдашней языческой риторики, есть общее свойство всѣхъ почти отцовъ церкви, за исключеніемъ развѣ св. Григорія Богослова, который въ своей проповѣди является единственнымъ изъ св. отцовъ сознательнымъ поборникомъ художественности рѣчи и правилъ ораторскаго искусства: пусть лучше укоряютъ насъ стилисты и риторы, чѣмъ не понимаетъ народъ—таковъ принципъ святоотеческой проповѣди, выраженный устами блаж. Иеронима. Въ третьихъ, если безыскусственность есть достоинство, то что же будетъ такое искусственность, въ смыслѣ соблюденія общепризнанныхъ законовъ и требованій ораторскаго изложенія, вмѣняемаго проповѣднику въ обязанность современною гомилетическою теоріею? Такимъ стереотипнымъ характеромъ отличаются и прочія почти всѣ характеристики св. отцовъ, какъ проповѣдниковъ. Отмѣчать подобныя свойства въ проповѣдяхъ святоотеческихъ конечно можно и должно, особенно при систематическомъ изложеніи гомилетики, гдѣ прямо узаконяются святоотеческія свойства проповѣди, составляющія особую группу качествъ ея внутренняго характера. Но ошибка составителя христоматіи состоитъ здѣсь въ томъ, что онъ судитъ о святоотеческихъ проповѣдяхъ съ точки зрѣнія современной намъ гомилетической теоріи, а не съ точки зрѣнія исторической (хотя авторъ взялся составлять христоматію, какъ пособіе именно для исторіи проповѣдничества), примѣнительно къ которой ему слѣдовало обозначить мѣсто каждаго отца въ общемъ ходѣ генетическаго развитія родовъ и видовъ церковнаго собесѣдованія. Судить о проповѣдяхъ св. отцовъ церкви съ точки зрѣнія современной намъ гомилетической теоріи нельзя уже потому одному, что этихъ свойствъ нельзя найти въ нихъ всѣхъ безъ натяжекъ, что предъ современной намъ теоріею онѣ нерѣдко оказываются несостоятельными тамъ, гдѣ, если судить съ точки зрѣнія исторической, онѣ были особенно хороши. Подъ какой, напримѣръ, типъ современной проповѣди подведетъ г. Поторжицкій проповѣдь св. Златоуста? Задача исторіи

проповѣдничества по отношенію къ св. отцамъ состоитъ не въ критикѣ ихъ съ точки зрѣнія какой бы то ни было теоріи, которой они большею частію знать не хотѣли, а, повторяемъ, въ указаніи ихъ мѣста и значенія въ общемъ ходѣ развитія проповѣди, въ выработкѣ ими тѣхъ или другихъ типовъ проповѣди, изъ которыхъ ни одинъ не удержался неприкосновенно въ своемъ видѣ до настоящаго времени. Непосредственная задача исторіи проповѣдничества—характеризовать эти типы проповѣди, особенности которыхъ обуславливались отчасти примитивнымъ, зародышнымъ состояніемъ церковнаго собесѣдованія на первой порѣ, а еще больше нуждами Церкви и характеромъ церковной жизни того или другаго времени. Изложеніе того, что мы понимаемъ подъ исторіей проповѣдничества завлекло насъ слишкомъ далеко. Мы позволимъ себѣ однако, въ видѣ небольшого поясненія къ сказанному, небольшой примѣръ. Господь І. Христосъ сказалъ апостоламъ: *шедше научите вся языки... учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ.* Этими словами намѣчены два главныхъ рода проповѣди по содержанію: *научите*—проповѣдь миссіонерская, огласительная, внѣшняя; лучшіе образцы ея, дошедшіе до насъ — огласительныя слова св. Кирилла Іерусалимскаго. *Учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ*—второй родъ проповѣди, внутренней, церковной, обращенной къ вѣрующимъ, имѣющей цѣлію наученіе ихъ тому, что преподалъ Господь, начинающійся проповѣдью экзегетическою, прототипъ которой въ проповѣди Христа Спасителя въ Назаретской синагогѣ и въ Его нагорной бесѣдѣ. Первоначальная гомилія строго держалась евангельскаго или апостольскаго дневнаго чтенія и объясняла весь отрывокъ стихъ за стихомъ, слово за словомъ. Но скоро эта форма проповѣди осложнилась привнесеніемъ нравоученія, которое иногда довольно искусственно приурочивается къ тексту, будучи иногда выводимо изъ текста чрезъ натянутое аллегорическое, изысканное его толкованіе (Оригенъ), а затѣмъ и нравообличеніе, которое нерѣдко представляетъ уже настоящую амплификацію, если судить съ точки зрѣнія гомилетической теоріи (Златоустъ). Развитіе гомиліи заканчивается превращеніемъ ея въ аналитическую бесѣду, гдѣ все содержаніе проповѣди обуславливается уже не цѣлымъ отрывкомъ изъ святаго писанія прочитаннымъ на богослуженіи, и однимъ взятымъ изъ него стихомъ, отъ котораго, однакожъ, проповѣдь не отступаетъ въ своемъ содержаніи; затѣмъ идетъ бесѣда синтетическая, которая пользуется текстомъ нерѣдко лишь какъ поводомъ къ изложенію проповѣдникомъ своихъ собственныхъ мыслей строго-богословскаго, впро-

чемъ, догматическаго или правоучительнаго характера. Въ періодъ борьбы съ ересями, главнымъ образомъ съ арианствомъ, возникло слово съ первичными признаками тематизма, въ смыслѣ единства предмета, но еще не единства мысли и безъ строгаго соблюденія правилъ логическаго распорядка мыслей въ проповѣди, съ преобладаніемъ діалектическаго элемента въ аргументаціи. Къ этому же роду проповѣдей примыкають и похвальные слова святымъ (у Григорія Бого-слова), гдѣ тематизмъ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ, состоящій въ томъ, что проповѣдническій субъективизмъ развивается до степени непосредственнаго соприкосновенія съ подобными произведеніями языческаго классическаго ораторства—паегириками. Дальнѣйшее поступательное движеніе проповѣди состоитъ въ привнесеніи въ нее правильнаго распорядка частныхъ содержанія, строго-логическаго дѣленія, правильнаго соотношенія частей (отчасти Златоустъ, Астерій Амасійскій). На ряду съ гомиліей, развившейся въ синтетическую бесѣду, возникъ и развился особый типъ пастырскаго поученія, которому западные гомилеты не совсѣмъ точно усвояють названіе проповѣди амвросіанской, въ которомъ, внѣ всякаго непосредственнаго отношенія къ какому-либо тексту, проповѣдникъ излагаетъ, по тому или другому случаю, свои религіозныя мысли и чувства въ порядкѣ естественнаго хода ассоціаціи идей въ живой рѣчи, не предусмотрѣнномъ и не предрѣшенномъ заранѣе, безъ заранѣе обдуманной, логически-правильно построенной аргументаціи, гдѣ главнымъ образомъ блистають въ проповѣдникѣ вдохновеніе непосредственнаго чувства и прирожденныя свойства гениа, а не ораторское образованіе и не ораторское искусство. Къ концу золотаго вѣка патристическаго періода проповѣди содержаніе ея нарастаетъ и форма изложенія водоизмѣняется до того, что проповѣдническій субъективизмъ беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ библейскимъ, объективнымъ, предустановленнымъ содержаніемъ ея, извлекавшимся дотогѣ изъ дневнаго евангельскаго чтенія. Изъ библейской проповѣди обращается въ правообличительную до того, что по проповѣдямъ св. отцовъ (Василій, два Григорія, Златоустъ) становится возможнымъ воспроизвести полную картину нравовъ эпохи. Изъ этаго, сознаемъ — слишкомъ краткаго очерка генетическаго развитія формъ проповѣди святоотеческой (большаго мы не считали себя въ правѣ дѣлать въ настоящемъ случаѣ) можно, однако, видѣть, въ какомъ направленіи желательно, по нашему мнѣнію, историческое изученіе проповѣдничества въ семинаріяхъ.

Но возвратимся къ христоматіи г. Поторжицкаго. Выше мы сказали, что, назначая свое изданіе для пособія при изученіи исторіи

проповѣдничества, издатель ничѣмъ не обнаруживаетъ правильнаго пониманія того, что, по его мнѣнію слѣдуетъ разумѣть подѣ исторію проповѣди. Но этого мало. Не видно даже того, что онъ разумѣетъ подѣ проповѣдью: пастырское-ли *собесѣдованіе* въ храмѣ, съ церковной кафедрой, или, кромя того, и другіе виды пастырскаго *учительства*, какъ-то: пастырскія посланія и трактаты, которые не только во времена апостоловъ и въ вѣкъ мужей апостольскихъ, но и гораздо позже, часто замѣняли, по обстоятельствамъ времени, живое устное собесѣдованіе пастырей съ пасомыми (когда св. Аванасій вынужденъ былъ гоненіями аріанъ скрываться въ камышахъ нильскаго побережья для въ высохшихъ цистернахъ—ему поневолѣ приходилось не *усты ко устамъ* бесѣдовать, а *тростію и черниломъ*; то же можно сказать о Кипріанѣ карфагенскомъ) и имѣли однородное съ нимъ дидактическое содержаніе, — какъ это допускаетъ большинство гомилетовъ, которые подвергаютъ въ этомъ случаѣ изслѣдованію съ точки зрѣнія гомилетической, историко-литературной и стилистической не только посланія апостольскія, но и евангелія и книгу дѣяній апостольскихъ (какъ это дѣлаетъ напримѣръ Лютцъ)? По видимому авторъ держится послѣдняго мнѣнія, такъ помѣщаетъ въ своемъ сборникѣ второе *посланіе* Климента Римскаго къ коринѳянамъ и *трактатъ* Кипріана карфагенскаго о молитвѣ Господней. Но въ такомъ случаѣ представляется совершенно непонятнымъ, почему составитель христоматіи обошелъ посланія другихъ мужей апостольскихъ—Игнатія Богоносца и Поликарпа Смирнскаго, а также творенія церковныхъ учителей Запада, корифеевъ западной религіозной мысли—Тертуллиана, Лактанція и особенно блаж. Иеронима, — творенія, безъ изученія которыхъ не обходится ни одна изъ западныхъ гомилетикъ и исторій проповѣдничества, авторизованныхъ, въ качествѣ пособій, и для нашего семинарскаго преподаванія. Остается предположить что составитель христоматіи держится перваго понятія о проповѣди, какъ о пастырскомъ устномъ собесѣдованіи, почему, между прочимъ, и старается мимоходомъ приурочить какъ посланіе Климента такъ и трактатъ Кипріана къ бесѣдамъ (на сколько справедливо — увидимъ ниже). Въ такомъ случаѣ читатель остается въ недоумѣніи, почему въ христоматіи нѣтъ ни одной бесѣды, ни одного отрывка изъ бесѣдъ Оригена, который, какъ извѣстно, имѣлъ наиболѣе опредѣляющее, можно сказать законодательное, значеніе въ исторіи развитія проповѣди — Оригена, творца экзегетической и нравоучительной гомиліи, отъ котораго заимствовали и содержаніе и методъ для своихъ бесѣдъ такіе корифеи

христіанской проповѣди, какъ Василій Великій, Златоустъ, а изъ западныхъ большинство проповѣдниковъ—экзегетовъ, даже самъ Григорій Двоесловъ? Отчего у него нѣтъ многихъ другихъ св. отцовъ церкви, значеніе которыхъ въ исторіи проповѣди далеко немаловажно—Меодія Патарсаго, одного изъ древнѣйшихъ проповѣдниковъ, немногія проповѣди котораго, дошедшія до насъ, отличаются замѣчательнымъ своеобразиемъ изложенія, Астерія Амасійскаго, которому Нессельманъ (см. его очерка § 13, стр. XXVII) придаетъ такое важное значеніе въ исторіи тематизма въ проповѣди, Зенона Веронскаго, Фульгенція, Иларія Пиктавійскаго и многихъ другихъ. Дѣло, впрочемъ, объясняется очень просто: изъ Оригена, равно какъ и изъ другихъ упомянутыхъ выше проповѣдниковъ ничего нѣтъ въ русскомъ переводѣ въ тѣхъ книжкахъ Христіанскаго (здѣсь, впрочемъ, есть нѣчто изъ Зенона) и Воскреснаго Чтеній, которыми нашелъ достаточнымъ ограничиться, при составленіи своего «труда», г. Поторжицкій. Читатель скажетъ: отчего бы составителю христоматіи не потрудиться самому перевести хоть что-нибудь изъ оставленнаго имъ безъ вниманія, на примѣръ по крайней мѣрѣ изъ Оригена? Въ чемъ же состоялъ его «трудъ», о которомъ онъ распространяется въ предисловіи, прося о снисхожденіи читателя? Мы съ своей стороны къ этимъ нескромнымъ вопросамъ прибавимъ: что касается Оригена, то составитель сборника могъ бы найти подходящія хоть и небольшіе отрывки изъ него, какъ разъ отвѣчающіе цѣли исторической христоматіи, у Фрепеля, посвятившаго цѣлый томъ своихъ сорбонскихъ чтеній знаменитому писателю Церкви. Если же это было для него затруднительно или упомянутые отрывки недостаточны для цѣлей христоматіи, онъ не сдѣлалъ бы дурнаго дѣла, если бы перепечаталъ подлинный текстъ по крайней мѣрѣ одной цѣльной бесѣды Оригена, на примѣръ столь характерной первой бесѣды на первую книгу Царствъ. Ученики семинаріи для чего-же нибудь изучаютъ греческій языкъ, и переводъ бесѣды Оригена (а пожалуй и другихъ св. отцовъ, твореній которыхъ нѣтъ въ русскомъ переводѣ) могъ бы быть для нихъ одною изъ предклассныхъ работъ или уроковъ по классу Гомилетики. Здѣсь находимъ умѣстнымъ замѣтить: какъ хорошо было бы, съ точки зрѣнія единства идеи семинарскаго обученія, если бы, при занятіяхъ по классу греческаго языка въ семинаріяхъ, ученики упражнялись больше въ переводахъ святоотеческихъ твореній, чѣмъ произведеній древнихъ латинскихъ и греческихъ авторовъ до-христіанскаго періода! Цѣль формальнаго развитія, которая имѣется въ виду при усиленномъ изученіи древнихъ языковъ, достигалась бы при за-

нятіяхъ первыми не менѣе, чѣмъ при упражненіи въ переводахъ послѣднихъ. Но зато вмѣстѣ съ тѣмъ ученики знакомились бы съ такими произведеніями, знаніе которыхъ необходимо богослову, которыя обыкновенно оставляются безъ вниманія по недостатку времени или по другимъ причинамъ, при изученіи Гомилетики. Кста-ти: г. Поторжицкій думаетъ какъ видно изъ его предисловія, послѣ настоящаго сборника перейти прямо къ составленію христоматіи для исторіи проповѣди русской. По нашему мнѣнію игнорировать все западное проповѣдничество при изученіи исторіи проповѣдничества даже въ объемъ семинарскаго курса невозможно, если преподаватель гомилетики дѣйствительно задается цѣлію ознакомить своихъ слушателей съ историческимъ развитіемъ проповѣди. Не говоря уже объ интересѣ исторіи проповѣдничества среднихъ вѣковъ и новаго времени—отъ Григорія Двоеслова до Лютера и отъ Лютера до послѣдняго времени (оканчивая, примѣрно, Шлейермахеромъ), со стороны содержанія, исторія выработки гомилетическихъ формъ и приемовъ построенія и изложенія не будетъ, во многомъ, понятна безъ исторіи западнаго проповѣдничества, католическаго, протестантскаго и даже реформатскаго. Въ непосредственной зависимости отъ католической гомилетики—до Лютеровской, средневѣковой, находилась русская проповѣдь XVI, XVII и первой половины XVIII вѣковъ, до времени Гедеопа Бриновскаго, который первый сталъ слѣдовать въ своихъ проповѣдяхъ не латинскимъ образцамъ, а новогреческимъ (Илія Миніатъ, или, какъ переводятъ чаще это имя, Минятій), и св. Тихона Задонскаго, который въ своей проповѣди или былъ совершенно самобытенъ или слѣдовалъ образцамъ древнимъ святоотеческимъ. Современная гомилетика всѣхъ христіанскихъ исповѣданій есть результатъ той ожесточенной борьбы германскихъ протестантскихъ и католическихъ богословскихъ факультетовъ, изъ за содержанія и формы проповѣди, обезображенныхъ во времена господства схоластики и въ непосредственно предшествовавшую Лютеру эпоху, какая велась со временъ Лютера болѣе, чѣмъ въ продолженіе столѣтія, а затѣмъ, отъ времени до времени, повторялась и позже. Безъ Беды достопочтеннаго (или Элигія Нойонскаго), Бернарда Клервосскаго, Таулера, Бертольда Францисканца, Цельбарта (или Гейлера), Лютера съ его постижкой, Меланхтона съ его проповѣдью тематическою, Арндта, Шпенера, Мосгейма, Шлейермахера, по нашему мнѣнію, немислима самая элементарная исторія проповѣди (другое дѣло, если бы преподаватель имѣлъ въ виду систематическій методъ преподаванія, а не историческій). А такія имена, какъ Боссюэтъ, Массильонъ, Флешье,

Бурдалу, Соренъ, изъ которыхъ еще въ прошедшемъ столѣтїи, въ царствованіе Еватерины II, ученый митрополитъ с.-петербургскій Гавриилъ, составлявшій, по мысли Императрицы и по порученію св. Синода, первый въ Россіи сборникъ проповѣдей, изданный св. Синодомъ въ руководство русскому духовенству (Спб. 1775 г.), черпаль, какъ говорится, обѣими руками еще прежде, чѣмъ который-либо изъ названныхъ проповѣдниковъ появился на русскомъ языкѣ въ отдѣльномъ изданіи (см. Сухомлинова, исторія рос. академіи, вып. 1-й, стр. 111—117, и 395—399),—какъ ихъ обойти въ исторіи проповѣдничества? Мы не можемъ объяснить этотъ пробѣлъ, который хочетъ допустить г. Поторжицкій въ своемъ предполагаемомъ трудѣ, иначе, какъ только неизбѣимъ твореній большинства этихъ проповѣдниковъ въ русскомъ переводѣ. Выходя изъ своего взгляда на занятія учениковъ семинарій по языкамъ и на ихъ предклассныя и внѣклассныя работы по классу Гомилетики, мы рѣшительно советуемъ ему помѣстить въ своей христоматіи что нибудь изъ этихъ проповѣдниковъ хоть въ подлинникѣ. Изданія сочиненій этихъ проповѣдниковъ, даже переведенныхъ, такъ рѣдки въ настоящее время въ русскихъ, въ особенности семинарскихъ библіотекахъ, что за простую перепечатку ихъ не только ученики, но и сами преподаватели будутъ г. Поторжицкому безконечно благодарны. Что касается проповѣдей латинскихъ, напечатанныхъ въ *Partologiae Cursus Completus* Миня, каковы проповѣди Беды, Элигія, Бернарда и др., то помѣщеніе ихъ въ христоматіи въ подлинникѣ имѣетъ тѣмъ болѣе основаній, что, какъ мы сказали, упражненія въ ихъ переводѣ должны быть предметомъ обязательныхъ предклассныхъ работъ учениковъ.

Намъ скажутъ, что при такомъ планѣ христоматіи объемъ ея слишкомъ увеличится. Отвѣчаемъ: курсъ словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ преподается не въ большемъ объемѣ, чѣмъ какой имѣетъ гомилетика въ семинаріяхъ (имѣемъ въ виду количество учебнаго времени, посвящаемого на тотъ и другой предметъ), и однако одна изъ двухъ, имѣющихся въ русской литературѣ христоматій для преподаванія словесности — Галахова, состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ большаго формата, компактной печати въ два столбца, другая, Филонова, состоитъ изъ четырехъ еще болѣе объемистыхъ томовъ, да кромѣ того для преподаванія исторіи литературы существуютъ двѣ историческихъ христоматіи, древняго до петровскаго періода—Буслаева, и новаго—Галахова, послѣдняя—въ двухъ большихъ томахъ.. И того *minimum* пять, а то и семь большихъ томовъ для изученія литературы. Ужели для гомилетики не стоитъ дать

хоть половинное число томовъ? Само собою разумѣется, что цѣна этихъ книгъ не должна быть дорога, — вѣдь это перепечатки, а не оригинальный трудъ, — не такъ какъ христоматія г. Поторжицкаго, который за шестнадцать печатныхъ листовъ малаго формата хочетъ брать 1 р. 50 коп. за экземпляръ, тогда какъ онъ могъ бы довольствоваться — самое бѣльшее 50 копѣйками.

Но возвратимся къ содержанию христоматіи.

Самое меньшее, чего можно безусловно требовать отъ гомилетической христоматіи, это то, чтобы она по крайней мѣрѣ содержала въ себѣ во 1-хъ матеріалъ для характеристики каждаго проповѣдника въ частности, для указанія ему одному присущихъ свойствъ проповѣди, и во 2-хъ, чтобы образцы такъ были подобраны, чтобы каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, служилъ бы для выясненія одного или нѣсколькихъ общихъ гомилетическихъ правилъ, а всѣ образцы въ совокупности — для вывода по крайней мѣрѣ основныхъ положеній гомилетики, — тѣхъ положеній, которыя узаконены проповѣдью святоотеческою, на примѣръ хоть требованія относительно толкованія священнаго текста въ проповѣдяхъ. Но и въ этомъ отношеніи христоматія г. Поторжицкаго оказывается несостоятельною. Изъ пятидесяти семи образцовъ въ ней около половины (двадцать пять) — отрывки, изъ которыхъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ не только для исторіи, но и для теоріи проповѣди, которые годятся лишь какъ сборникъ для назидательнаго чтенія.

Начинается сборникъ вторымъ посланіемъ къ Коринтянамъ св. Климента Римскаго. Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о подлинности этого памятника, несомнѣнно древняго (II вѣка) церковнаго учительства, хотя г. Поторжицкій могъ бы знать, что принадлежность его Клименту римскому давно уже оспаривалась, а въ новѣйшее время почти единогласно отрицается учеными исследователями (см. объ этомъ въ предисловіи къ II посл. къ Коринт. Клим. Рим. по изданію памятниковъ древней христ. письменности въ Православномъ Обзор. т. II, стр. 163 — 168). Замѣтимъ вкратцѣ, что этотъ недосмотръ г. Поторжицкаго не единственная его историческая ошибка, допущенная въ христоматіи. Св. Ипполита онъ называетъ «епископомъ пристани близъ Рима» (стр. 17) тогда какъ еще *Бунзенъ* доказывалъ, что Ипполитъ былъ епископъ римскій, избранный одною частью христіанскаго населенія Рима, но непризнанный другою, или, говоря терминологіей позднѣйшаго времени, былъ антипапа въ Римѣ. Эта гипотеза Бунзена, послѣ доводовъ и соображеній въ ея пользу прот. Иванцова-Платонова (въ сочиненіи:

«ереси и расколы трехъ первыхъ вѣковъ» получаетъ значеніе несомнѣнной истины. Что касается посланія Климента, то мы во всякомъ случаѣ считаемъ долгомъ замѣтить, что если это—«посланіе», какъ называетъ его самъ составитель христоматіи, а не проповѣдь, то онъ не имѣлъ права помѣщать его въ сборникъ проповѣдей. Правда, г. Поторжицкій въ біографіи Климента, которую предпосылаетъ посланію, замѣчаетъ, что «оно имѣетъ форму бесѣды, и потому изслѣдователями христіанской литературы относится къ числу проповѣдей» но это мнѣніе (раздѣляемое такими авторитетами, какъ изъ историковъ Неандеръ, а изъ гомилетовъ—Нессельманъ), не имѣетъ достаточныхъ основаній. Слово «братіе», встрѣчающееся въ посланіи, не есть отличительный признакъ бесѣды въ древнихъ памятникахъ церковнаго учительства, такъ какъ встрѣчается постоянно и въ посланіяхъ, напримѣръ въ посланіяхъ самихъ св. апостоловъ, которыя несомнѣнно не были бесѣдами, а лишь посланіями. Внѣшняя структура Климентова посланія, теченіе въ немъ мыслей таковы, что рѣшительно ничѣмъ не разнятся отъ структуры и хода мыслей въ посланіяхъ Игнатія Богоносца и Поликарпа, которыхъ, однакожъ, никому не приходило въ голову называть бесѣдами. А раздѣленіе памятника на главы, и объемъ его—двѣнадцать, хотя и небольшихъ, главъ, составляющихъ лишь отрывокъ посланія, прямо говорятъ противъ того, чтобы это была бесѣда. Но положимъ—авторитетъ Нандера и Нессельмана до нѣкоторой степени импонируетъ въ настоящемъ случаѣ, и съ этой точки зрѣнія ошибка составителя сборника понятна. Но вотъ чего мы не можемъ понять: послѣ заглавія посланія стоитъ въ скобкахъ слово: «сокращено». Зачѣмъ составителю христоматіи понадобилось сократить посланіе и какое онъ на то имѣлъ право? Чѣмъ сокращенное изложеніе лучше, и насколько этотъ приемъ цѣлесообразенъ при ознакомленіи съ памятниками древняго церковнаго учительства, особенно проповѣдей? И что за странный способъ сокращенія! Пусть бы издатель привелъ первую половину посланія безъ второй или вторую безъ первой; а то—четныя главы (2, 4, 6, 8, 10, 12) выпустилъ, а нечетныя (1, 3, 5, 7, 9, 11) оставилъ,—выпустилъ всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ содержится толкованіе священнаго текста, т. е. фундаментальную часть памятника, и оставилъ увѣщанія св. Климента, т. е. часть прикладную. Право, если бы г. Поторжицкій не сдѣлалъ болѣе никакихъ ошибокъ въ своей христоматіи кромѣ этой, ей одной достаточно было бы для того, чтобы обнаружить не совсѣмъ правильное пониманіе имъ своего дѣла-

составителя христоматіи, потому что такъ безбожно изувѣчить памятникъ никакъ не значить ознакомить съ нимъ читателей.

Затѣмъ слѣдуетъ Климентъ Александрійскій. Изъ единственной, дошедшей до насъ его бесѣды «о томъ, какой богачъ спасется», замѣчательной не столько въ смыслѣ образца экзегетической гомиліи (образцы этого рода проповѣди встрѣчаются во множествѣ у другихъ Отцовъ Церкви и приведены составителемъ сборника), сколько какъ образецъ превосходной риторически-правильной структуры проповѣди, весьма рѣдкой въ проповѣдяхъ св. Отцовъ, особенно ближайшихъ къ Клименту, приведенъ лишь отрывокъ, и притомъ отрывокъ именно экзегезиса, а не мастерское художественное право-обличительное вступленіе, которымъ опредѣляется весь дальнѣйшій ходъ мыслей въ проповѣди и которое составляетъ ея наиболѣе характерную часть. — Изъ Кипріана составитель христоматіи приводитъ отрывокъ трактата о молитвѣ Господней, замѣчая, что трактатъ этотъ образовался изъ бесѣды Кипріана (это же мнѣніе высказываетъ и Нессельманъ въ своемъ очеркѣ развитія формъ проповѣди, см. § 19, стр. XXXVII). Но если бы даже было и такъ, еслибы дѣйствительно трактатъ этотъ образовался изъ бесѣды — въ чемъ весьма позволительно усомниться — дѣло не въ томъ, изъ чего онъ образовался, а что онъ такое самъ въ себѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ, въ какомъ печатаетъ его составитель сборника. Правда, бесѣдой названъ этотъ трактатъ и въ «Христіанскомъ Чтеніи», но г. Поторжицкому не слѣдовало повторять ошибку, исправленную позднѣйшими, кіевскими переводчиками твореній Кипріана и еще раньше ихъ — преосв. Филаретомъ Черниговскимъ (см. «историч. ученіе объ отцахъ Церкви»). Но главное: трактатъ о молитвѣ — не лучшій, не наиболѣе характеристическій памятникъ пастырскаго учительства св. Кипріана. Всѣми гомилетами гораздо выше цѣнятся другіе трактаты его, отличающіеся болѣе жизненнымъ содержаніемъ и болѣе одушевленнымъ, дѣйствительно если не чисто ораторскимъ, то близкимъ къ ораторскому изложеніемъ, каковы: о благѣ терпѣнія, о благотвореніи, къ Деметріану.

Что намъ всего болѣе не нравится въ христоматіи г. Поторжицкаго, это то, что одни же отрывки приведены и изъ такихъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ, какъ св. Аѳанасій Александрійскій (два отрывка), Василиій Великій (шесть отрывковъ), св. Григорій Нисскій (три отрывка). Что толку въ этихъ отрывкахъ для научнаго изученія проповѣди? Изъ нихъ читатель узнаетъ, какъ мыслить тотъ или другой св. отецъ о томъ или другомъ предметѣ, о той

или иной добродѣтели или порока — о нищелюбіи, благотворительности и т. д. Но какого типа проповѣди былъ представителемъ тотъ или другой изъ нихъ, въ чемъ состоитъ его значеніе въ исторіи генетическаго развитія проповѣди — этого узнать изъ христоматіи г. Поторжицкаго никакъ нельзя. Не лучше ли было бы во всѣхъ отношеніяхъ вмѣсто нѣсколькихъ отрывковъ изъ того или другаго отца-проповѣдника дать по одной цѣлой проповѣди, по которой бы можно было составить понятіе о манерѣ построенія и изложенія, о родѣ аргументаціи и проч. каждаго изъ нихъ? Какъ бы хорошо сдѣлалъ авторъ, если бы привелъ три цѣлыхъ проповѣди изъ Василія Великаго, соотвѣтственно тремъ родамъ ея, которыхъ онъ между другими служить лучшимъ представителемъ: одну изъ бесѣдъ на шестодневъ—совершеннѣйшій образецъ гомилии экзегетической, бесѣду на слова псалма: *сребра своего не даде въ миху*—образецъ бесѣды аналитической, и слова на упивающихся, какъ образецъ проповѣди нраво-обличительной съ зачатками тематизма въ построеніи! — Изъ Златоуста приведено шесть отрывковъ изъ бесѣдъ и два слова. Опять слѣдовало привести по меньшей мѣрѣ три цѣльныхъ проповѣди: одну изъ бесѣдъ на цѣлыя книги Св. Писанія (гомилия строго-экзегетическая), одну изъ бесѣдъ на отдѣльныя мѣста Св. Писанія (гдѣ въ экзегету текста присоединяется нравоченіе, какъ новая составная часть) и одну (а пожалуй и больше) изъ бесѣдъ на разные случаи (съ зачатками тематизма и съ преобладаніемъ нравообличенія предъ другими элементами проповѣди).

Мы никогда не кончили бы, если бы стали останавливаться на каждомъ отрывкѣ или и цѣлыхъ проповѣдяхъ, приведенныхъ въ христоматіи г. Поторжицкаго. Скажемъ коротко: сборникъ составленъ безъ всякаго приспособленія къ учебнымъ цѣлямъ, которымъ должна служить христоматія. Последовательная выработка родовъ и видовъ пастырскаго церковнаго собесѣдованія въ патристическій періодъ, постепеннаго нарастанія его содержанія и осложненія формы, видоизмѣненія гомилии вообще и въ частности экзегезиса, выработка тематизма и тому подобныя гомилетическіе вопросы — въ совершенномъ пренебреженіи. Книга годится какъ хорошій сборникъ для назидательнаго чтенія, будучи изданіемъ совершенно однороднымъ съ «духовно-нравственною христоматіею» г. Невскаго, а въ преподаваніи не болѣе какъ безхарактерная, безцвѣтная иллюстрація къ ряду поверхностныхъ біографическихъ очерковъ св. отцовъ — проповѣдниковъ, составленныхъ авторомъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Если составителю настоящей христоматіи угодно держаться своего, по нашему мнѣнію неправильнаго понятія объ исторіи проповѣдничества вообще и въ частности какъ объ одномъ изъ учебныхъ предметовъ семинарскаго курса, если ему угодно было не дать себѣ труда справиться какъ составляются гомилетическія христоматіи, — ему можно и должно было по меньшей мѣрѣ знать, какъ составляются христоматіи вообще, такъ какъ христоматій, напримѣръ по русскому языку и литературѣ, у насъ не мало. Въ нихъ онъ увидѣлъ бы, что за каждымъ образцомъ обыкновенно слѣдуетъ рядъ темъ или вопросовъ, служащихъ руководствомъ при ихъ разборѣ въ предклассныхъ работахъ учениковъ (иногда эти вопросы помѣщаются въ особыхъ приложеніяхъ въ концѣ книги, — въ третьей части первыхъ изданій «Русской Христоматіи» г. Галахова г. Поторжицкій могъ найти даже цѣлые разборы образцовыхъ русскихъ проповѣдей, а въ христоматіи Филонова и проповѣди святоотеческія съ вопросами для ихъ разбора); предъ каждымъ авторомъ или цѣлымъ отдѣломъ статей известнаго рода — обыкновенно печатается перечень сочиненій и статей историческихъ и теоретическихъ, которыя могли бы быть также предметомъ ученическихъ работъ въклассныхъ и предклассныхъ. Подобные списки темъ и вопросовъ и библиографическія указанія были бы не лишни и въ изданіи г. Поторжицкаго. Тогда она была бы если не исторической христоматіей, то по крайней мѣрѣ дѣйствительнымъ учебнымъ пособіемъ при изученіи гомилетики семинаристами.

Преосвященный Іоаннъ, епископъ Смоленскій, какъ проповѣдникъ.

«Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа Смоленскаго, сказанныя Смоленской паствѣ». Смоленскъ. 1871 г.

Одинъ изъ усердныхъ почитателей памяти и таланта преосвященнаго Іоанна, нѣкто г. Н. Б., пользуясь позволеніемъ его наследниковъ, собралъ и издалъ плоды его проповѣднической дѣятельности въ Смоленскѣ—«бесѣды, поученія и рѣчи», помѣщенные въ разное время, по мѣрѣ произнесенія, въ мало кому извѣстныхъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Нельзя не пожалѣть, конечно, что почтенный издатель не внесъ въ свой сборникъ проповѣдей предшествовавшего, болѣе блестящаго періода проповѣднической дѣятельности преосвящ. Іоанна,—нельзя не пожалѣть тѣмъ болѣе, что перепечатка ихъ изъ «Христіанскаго Чтенія» и «Православнаго Собесѣдника» не представила бы большаго труда; тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что любители духовно-назидательнаго чтенія будутъ благодарны ему и за то, что онъ сдѣлалъ. Изданныя г. Н. Б. проповѣди преосв. Іоанна нѣсколько слабѣе или, говоря точнѣе, проще, низменнѣе, ординарнѣе, чѣмъ проповѣди, сказанныя въ Петербургѣ и особенно въ Кавани, создавшія его проповѣдническую знаменитость, и перепечатанныя въ свое время въ свѣтскія газеты и даже, въ качествѣ образцовъ церковнаго краснорѣчія, въ учебныя христоматіи (гг. Галахова и Филонова). Прежде всего, конечно, это зависѣло отъ характера паствы, предъ которою проповѣдывалъ преосв. Іоаннъ въ Смоленскѣ. Епископскій санъ проповѣдника, съ другой стороны, какъ извѣстно, дѣлаетъ авторитетнымъ его слово и независимо отъ блестящихъ ораторскихъ красотъ и до нѣкоторой степени уполномочиваетъ его меньше заботиться о внѣшнемъ изяществѣ слова. Наконецъ, изъ напечатанныхъ въ настоящемъ сборникѣ проповѣдей многія говорились одна за другою каждый день (напримѣръ проповѣди на дни страстной седмицы), такъ, что проповѣднику не было, можетъ быть, и вре-

мени на болѣе тщательную обработку ихъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на все вышесказанное, оригинальная даровитость нашего знаменитаго оратора бьетъ и въ нихъ роскошною и обильною струею, и прекрасныя качества ораторскаго таланта преосв. Іоанна, въ большей или меньшей мѣрѣ, сказываются въ каждомъ изъ настоящихъ его поученій.

Преосв. Іоаннъ уже на самой первой порѣ своей проповѣднической дѣятельности, какъ извѣстно, является новаторомъ въ области церковнаго слова. Онъ привнесъ въ современную проповѣдь и сдѣлалъ въ ней господствующимъ такъ называемый публицистическій элементъ. Начиная съ самыхъ первыхъ его проповѣдей, появившихся въ печати съ именемъ проповѣдника, — каковы: «слово въ недѣлю православія и на день торжественнаго вступленія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича» ¹⁾ и слово «о христіанскомъ просвѣ-

¹⁾ Произнесено въ казанскомъ соборѣ 24 февраля 1856 года. Это былъ первый опытъ проповѣди преосв. Іоанна въ томъ родѣ, какой впоследствии составилъ его славу. (Проповѣди, говоренныя до этого времени, въ бытность проповѣдника бакалавромъ, потомъ профессоромъ и инспекторомъ с.-петербургской академіи, при всемъ своемъ достоинствѣ, имѣли предметомъ болѣе или менѣе общіе вопросы догматики и морали). Послѣ небольшого вступленія, выразивши мысль, что «народное просвѣщеніе, развитіе жизни общественной, жизнь по современнымъ идеямъ гражданственности, промышленности, разнообразной изобретательности» суть тѣ предметы, на которые «направлены общія мысли и стремленія въ нашемъ отечествѣ», — проповѣдникъ задаетъ себѣ вопросъ: какъ мыслить объ этихъ предметахъ, объ этихъ стремленіяхъ церкви? и, отвѣчая на него, развиваетъ тотъ свой взглядъ на взаимныя отношенія ученія церкви и идей гражданственности, какой подробнѣе, во всѣхъ частностяхъ, развиваетъ въ послѣдующихъ своихъ проповѣдяхъ. Здѣсь же впервые высказана его любимая мысль, основной старо-славянофильскій принципъ, который такъ часто повторяетъ онъ потомъ: «для Россіи есть своя самобытная школа и ограда истиннаго просвѣщенія — церковь, которая изъ начала воспитала и возростила отечество наше въ своихъ вѣдрахъ: доколѣ отечество сохранитъ свой духовный союзъ и единеніе съ церковію, дотолѣ пребудетъ въ немъ истинный свѣтъ, и тьма его не обмытъ»... Мы живо помнимъ громадное впечатлѣніе, произведенное этою проповѣдію на слушателей. По окончаніи обѣдни и молебна, толпа лицъ, стоявшихъ на клиросѣ, съ лентами черезъ плечо и въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, окружила проповѣдника, испрашивая благословенія или просто пожимая ему руки. Была ли то простая, случайная, безпричинная и безцѣльная великосвѣтская любезность, или проповѣднику удалось серьезно затронуть мысль и чувство «благородныхъ» слушателей» (обычное обращеніе преосв. Іоанна въ проповѣдяхъ, сказанныхъ при дворянскихъ выборахъ), какъ бы то ни было, проповѣдникъ, согласно просьбамъ этихъ лицъ, въ тотъ же, кажется, день отослалъ свою проповѣдь въ типографію для напечатанія, сдѣлавъ, согласно замѣчаніямъ покойнаго высокопреосв. митрополита Григорія, строгаго пуриста въ словоупотребленіи, замѣну нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ русскими. Такъ, мы помнимъ, въ заключительной фразѣ проповѣди: *«пусть же такія мысли и правила, именно такія, а не чинья, отъ края до края движутся по желѣзнымъ дорогамъ, передаются по телеграфамъ»* и проч., слова: *по телеграфамъ*, замѣнены фразой:

щеніи народа» (съ знаменитымъ «народъ, помни Бога!»), всѣ проповѣди его, сказанныя до посвященія его въ санъ епископа, имѣютъ своимъ предметомъ обсужденіе, съ религіозной точки зрѣнія, того или другаго капитальнаго современнаго вопроса и представляютъ всегда своеобразное, остроумное и глубоко-основательное его рѣшеніе. Таковъ же характеръ и настоящихъ его «бесѣдъ, поученій и рѣчей». Содержаніе почти всѣхъ ихъ составляетъ опять рѣшеніе, съ религіозной точки зрѣнія, современныхъ общественныхъ вопросовъ, занимающихъ образованный русскій міръ. Въ послѣднее время, правда, и всѣ наши проповѣдники болѣе или менѣе живо сознаютъ необходимость привести въ свою проповѣдь элементъ современности; рѣдко въ настоящее время услышите «слово», въ которомъ бы не упоминалось «настоящее время, когда...» и проч. Но большею частію это затрогиваніе современности оказывается риторической фигурой, прикрасой, невинной военной хитростію, для того, чтобы привлечь вниманіе слушателей къ своей проповѣди. Трактовать въ цѣломъ словѣ одинъ какой-нибудь современный общественный вопросъ оказывается большею частію не по силамъ нашимъ зауряднымъ проповѣдникамъ, и, кое-какъ прицѣпивъ въ своему «слову» въ приступѣ, или заключеніи, современность, «настоящее время, когда...», они затѣмъ безъ особеннаго труда обращаются исключительно къ какой-либо общей мысли нравоученія или догматики, или же даютъ такое незатѣйливое, избитое рѣшеніе поставленнаго въ началѣ проповѣди вопроса, что оно не удовлетворяетъ самыхъ непритязательныхъ слушателей... Преосв. Іоаннъ не занимается въ своихъ проповѣдяхъ изложеніемъ и раскрытіемъ общихъ истинъ христіанскаго ученія или повтореніемъ, лишь въ видоизмѣненной формѣ, общеизвѣстныхъ правилъ христіанской морали; у него, такъ называемое въ гомилетикахъ, частное содержаніе проповѣди беретъ перевѣсъ надъ общимъ, которое у него болѣе предполагается, нежели высказывается. А современные общественные вопросы у него служатъ не поводомъ только или ритори-

«по желѣзнымъ скороговорнымъ нитямъ». Отдавая проповѣдь въ печать, проповѣдникъ (въ то время ректоръ сиб. семинаріи), въ качествѣ члена духовно-цензурнаго комитета, не счелъ нужнымъ испрашивать на то особаго разрѣшенія цензуры. Между тѣмъ, по недоразумѣнію въ типографіи, по отпечатаніи, на оборотчномъ листѣ брошюры, оказалась обычная надпись цензурнаго комитета, за подписью «цензора профессора Карпова». Это обстоятельство стоило преосв. Іоанну не малыхъ хлопотъ и непріятностей... Рукопись была отпечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и, не бывъ пущена въ продажу, быстро разошлась, такъ что проповѣдь стала распространяться въ спискахъ; о ней говорили «въ обществѣ», «въ свѣтѣ», и въ продолженіе нѣкотораго времени проповѣдникъ былъ «героемъ дня».

ческой прикрасой проповѣди, но темой, предметомъ цѣлой проповѣди; рѣшая въ ней, съ свойственною ему глубиною мысли, тотъ или иной общественный или социальный вопросъ, онъ исчерпываетъ его вполне и аподиктически, не оставляя ничего недосказаннаго и невыясненнаго, не порождая въ умѣ слушателя никакихъ недоумѣній и сомнѣній... Способности формулировать современные религіозные вопросы и освѣщать учениемъ евангелія обсуживаемыя ораторомъ явленія современной мысли и жизни—по истинѣ можно поучиться нашимъ современнымъ проповѣдникамъ у преосв. Іоанна. Близко и, по видимому, непосредственно знакомый съ современными интеллектуальными и социальными интересами нашего общества, онъ какъ-бы чутьемъ отгадываетъ потребность раскрытія слушателямъ въ данную минуту именно тѣхъ мыслей, которыя только еще напрашиваются на уясненіе, находятся въ умахъ слушателей лишь въ видѣ смутныхъ и неопредѣленныхъ понятій, не имѣющихъ формы, но ожидающихъ уже, что-бы кто-нибудь нашелъ приличное слово для ихъ выраженія и уяснилъ ихъ сознанию слушателей. Преосв. Іоаннъ не только даетъ этимъ неопредѣленнымъ понятіямъ опредѣленную форму, облакаетъ ихъ въ точное слово, но объясняетъ ихъ смыслъ и значеніе, при помощи тонкаго психологическаго анализа выясняетъ слушателямъ ихъ собственное душевное состояніе, и затѣмъ указываетъ исходъ и направленіе ихъ дальнѣйшаго пути — по руководству церкви и по началамъ христіанскаго ученія.

Оригинальный, какъ всегда, въ выборѣ и постановкѣ предмета въ своей проповѣди, преосв. Іоаннъ въ настоящихъ поученіяхъ не менѣе оригиналенъ въ его раскрытіи и изложеніи. Отбросивъ рутинныя, традиціонныя приемы изложенія, какъ напримѣръ искусственное методическое расположеніе мыслей по отдѣламъ, уснащиваніе проповѣди текстами—такъ называемый библейскій (но не церковно-библейскій) обликъ проповѣди, нашъ проповѣдникъ вездѣ слѣдуетъ непосредственному и естественному теченію мыслей и излагаетъ ихъ общеупотребительною литературною рѣчью, по степени изящества и художественности не уступающею образцовымъ нашимъ духовнымъ и свѣтскимъ писателямъ.

Вообще мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что проповѣдническая дѣятельность преосв. Іоанна составляетъ не просто рѣзко выдающееся явленіе въ новѣйшей исторіи нашего проповѣдничества, но и характеризуетъ собою начало новаго ея періода, отмѣчаетъ новую эпоху въ ея развитіи. Послѣ его словъ, намъ кажется, настоящая церковная проповѣдь, обращенная къ образованному обществу, не

можетъ быть иною, какъ только такою, какою она является въ устахъ преосв. Іоанна, то есть, проповѣдію публицистическою, разъясняющею принципы христіанскаго міровоззрѣнія въ ихъ сопригосновеніи съ вопросами современной общественной и соціальной жизни.

Есть еще одна сторона въ изданныхъ г. Н. Б. поученіяхъ преосвящ. Іоанна, составляющая, какъ намъ кажется, характеристическую ихъ особенность въ сравненіи съ проповѣдями предыдущаго періода его проповѣднической дѣятельности: это—субъективный, лирическій элементъ въ нихъ. Въ этихъ автобіографическихъ отступленіяхъ проповѣдника, въ этихъ обращеніяхъ его къ своей личности, а также и къ слушателямъ отъ своего лица, въ этомъ отечески-фамилярномъ тонѣ поученія—какъ нельзя болѣе умѣстныхъ въ властномъ отеческомъ тонѣ проповѣдника-архипастыря—есть что-то напоминающее лиризмъ бесѣдъ и словъ св. Григорія Богослова. Видно, что проповѣдникъ на этотъ разъ проповѣдуетъ не по оффиціи только, не по назначенію отъ начальства, а и въ слѣдствіе внутренней потребности высказаться, передать внимающей ему паствѣ свои задушевныя, продуманныя и прочувствованныя идеи,—что онъ относится къ этого рода обязанностямъ своего пастырскаго служенія съ особенною охотою, съ любовію,—влагаетъ въ него свою душу... Человѣкъ, по установившемуся о немъ понятію, черствый и сухой, строгій отвѣченный мыслитель, преосвящ. Іоаннъ въ настоящихъ своихъ проповѣдяхъ неожиданно является человѣкомъ теплой души, съ широко-развитыми симпатіями, съ нѣжностію и задушевностію чувства... Обыкновенно ничего нѣтъ труднѣе, какъ охарактеризовать большую часть нашихъ проповѣдей: до того онѣ безличны, безхарактерны, удивительно какъ похожи одна на другую, какъ солдаты, выстроенные въ шеренгу и одѣтые въ однообразный мундиръ;—словно въ старинной ложно-классической одѣ, въ каждой изъ нихъ «сперва прочтешь вступленіе, тутъ предложеніе... а тамъ и заключеніе». Не таково впечатлѣніе, производимое проповѣдями преосвящ. Іоанна. Это тѣ изъ немногихъ нашихъ проповѣдей, въ которыхъ сказывается личность оратора, по которымъ можно воспроизвести черты его индивидуальности, открыть его задушевныя симпатіи и антипатіи, опредѣлить содержаніе и характеръ его міровоззрѣнія.

Читатель легко убѣдится въ справедливости нашихъ замѣчаній, если прочтетъ рассматриваемую нами книгу съ тѣмъ вниманіемъ, какому она заслуживаетъ. Здѣсь мы можемъ привести лишь нѣсколько выдержекъ для нѣкотораго знакомства читателей съ проповѣдями преосв. Іоанна.

«Не правда ли, что васъ занимаетъ теперь мысль, съ чѣмъ пришелъ къ вамъ новый пастырь», говоритъ проповѣдникъ въ заключеніе первой своей вступительной бесѣды, сказанной при первомъ священно-служеніи въ кафедральномъ соборѣ. «И вотъ я хочу сказать, что пришелъ съ древнимъ духомъ Руси православной. Не подумайте, что одинъ видъ здѣшной стороны напоминаетъ мнѣ этотъ духъ и обращаетъ къ нему мои мысли и чувства; не думайте, что древняго духа ищу я въ однѣхъ внѣшнихъ своеобразныхъ формахъ народной жизни, уже отжившихъ своей вѣгъ. Нѣтъ, я имѣю въ виду существенный, чистый духъ, самородный духъ древней Руси, независимый отъ преходящихъ условій времени и формъ, и называю его древнимъ потому, что онъ изначала жилъ на Руси и самобытно въ ней развивался преимущественно въ старинныя времена...» (стран. 7—8). «Онъ, этотъ духъ, всегда вѣрный самому себѣ, неизмѣнный въ своихъ коренныхъ началахъ вѣры и народности, невозмутимый въ своемъ національномъ сознаніи, непоколебимый въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ и совѣсти, которая изначала воспитана, утверждена и ограждена православною церковію, духъ этотъ и здѣсь, какъ повсюду въ Россіи, далъ всю нравственную и гражданскую силу небольшому сначала народу и направлялъ событія его исторіи къ его росту и единству... Что же нынѣ? Много ли еще жизни въ этомъ духѣ? Много ли его въ насъ осталось?.. Да, онъ еще не умеръ; онъ еще живетъ въ народѣ, но наибольшую частію—въ корнѣ народнаго организма, въ неиспорченной простотѣ народнаго быта, куда не доходило новѣйшее образованіе Россіи по чужимъ образцамъ, въ особенности куда не проникло еще недавнее у насъ направленіе образованныхъ умовъ и нравовъ. Вы знаете это направленіе: русское ли оно? Много ли въ немъ русскаго духа?..» (стр. 9).

Съ такою ясностію и опредѣленностію выразилъ преосвященный проповѣдникъ основной принципъ своего міровоззрѣнія при первомъ же своемъ вступленіи на епархіальную епископскую кафедру. Читатель видитъ, что этотъ его принципъ есть не что иное, какъ коренной догматъ такъ называемаго славянофильства, въ его первичной, архаической формации. Москвичъ родомъ, выросшій и воспитавшійся въ древней столицѣ въ то самое время, когда около С. Т. Аксакова и А. С. Хомякова группировалось тамъ все, что было въ ней интеллигентнаго, преосвящ. Іоаннъ не могъ не увлечься столь симпатичнымъ для челоуѣка духовной школы религіознымъ направленіемъ тогдашняго славянофильства со всеѣмъ жаромъ даровитой юности... Этотъ славянофильскій принципъ, въ болѣе или

менѣе ощутительныхъ проявленіяхъ, можно прослѣдить и во всей предшествовавшей епископству преосв. Іоанна его проповѣднической и литературной дѣятельности; а сдѣлавшись самостоятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ, въ качествѣ епархіального архіерея, преосвященный не обинуясь полагаетъ его въ основу своей проповѣднической дѣятельности и остается ему вѣренъ во все дальнѣйшее ея продолженіе. Въ послѣдующихъ своихъ проповѣдахъ, вездѣ, гдѣ представлялся ему случай, проповѣдникъ высказываетъ глубокую симпатію къ народу, и теплымъ, задушевнымъ словомъ старается передать ее своимъ слушателямъ. Дума о народѣ, народномъ благѣ, народномъ образованіи, всякаго рода народномъ преслѣбаніи, сопутствуетъ ему неразлучно, о чемъ бы онъ ни разсуждалъ въ своей проповѣди. Говоритъ ли онъ о любви и единеніи духа между пастыремъ и пасомыми, онъ не забываетъ замѣтить, что «это—сила, сила нравственная, которая много можетъ сдѣлать и въ духовной и въ общественной жизни и... *въ нравахъ народныхъ*». «Ничто не можетъ одолѣть этой силы, когда, твердая въ своихъ основаніяхъ, она идетъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли *духовнаго развитія народа*» (стр. 2). Превосходную рѣчь, произнесенную въ училищѣ дѣвиць духовнаго званія, онъ начинаетъ такъ: «...Пойдемъ за словомъ туда, откуда пришли и куда возвратятся эти воспитанницы: тамъ, въ темныхъ и тѣсныхъ избахъ, гдѣ виды людей не простираются далѣе насущнаго хлѣба, гдѣ наилучшее наслаженіе имъ доставляетъ видъ покрытаго хорошо уродившимся хлѣбомъ поля, гдѣ и пастырь духовный, какъ и овцы его, питаются отъ земли и отъ тѣхъ мелкихъ долей, какія изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ удѣляютъ ему пасомые,—тамъ найдемъ, что думать и сказать относительно училищъ, подобныхъ здѣшнему» (стр. 35).

«День, который мы нынѣ празднуемъ», говоритъ проповѣдникъ въ одномъ изъ словъ на день восшествія на престолъ Государя Императора, «который съ началомъ настоящаго царствованія положилъ начало новому движенію жизни народной, стоитъ въ нашей исторіи какъ грань между прошедшимъ и настоящимъ Россіи, рѣзко раздѣляющая то и другое. Это движеніе, это начало новой жизни вызываетъ на размышленіе о судьбахъ русскаго народа. Широко поле историческихъ судебъ его, и когда обзрѣваемъ это поле, оно представляется намъ какъ поле пахатное, покрытое полосами,—которыя каждое царствованіе проводило въ жизни народа и засѣвало своими мыслями и дѣлами, а народъ пожиналъ ихъ. Теперь, на новой полосѣ, идетъ новая работа, уже не государственная только, а и на-

родная, уже не съ тяжелымъ плугомъ прежнихъ временъ и не съ унылою пѣснью неволи, а съ бойкими звуками развивающейся жизни, и вырабатываетъ теперь русскій народъ дальнѣйшія судьбы для своихъ грядущихъ поколѣній. Какъ должна измѣниться жизнь Россіи, когда царствованіе, вѣрное своимъ началамъ и неизмѣнное въ своихъ идеяхъ, раскроетъ ихъ вполне, а народъ, подь его водительствомъ, разовьетъ всѣ свои силы!»* (стр. 73—74).

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать хотя нѣкоторыя мѣста изъ слова въ день явленія смоленской иконы Божіей Матери,—хотя это слово заслуживало бы быть выписаннымъ все до послѣдней буквы. «Пройдите по всѣмъ концамъ Россіи: въ рѣдкомъ городѣ не найдете вы исторической, или чудотворной святыни, особенно чтимой мѣстнымъ населеніемъ. Вы увидите, какъ въ дни празднованія этой святыни поднимается все населеніе, мѣстное и окрестное, и даже отдаленное, и толпами, какъ волнами, приливаетъ къ ней,—какъ сельскіе жители несутъ свои послѣдніе трудовые гроши или скудныя домашнія издѣлія своихъ рукъ; чтобы положить ихъ къ подножію святыни. Какая сила такъ привязываетъ народъ къ его святынѣ? Какое стремленіе движетъ тутъ духомъ народнымъ? Тотъ ошибется, кто припишетъ это только силѣ преданія, обычая; еще болѣе ошибется тотъ, кто все это отнесетъ къ одному народному суевѣрію. Мало ли въ народѣ преданій, обычаевъ? Да нѣтъ въ нихъ той души, какая видна въ усердіи народа къ святынѣ. Мало ли въ народѣ суевѣрій? Да нѣтъ въ нихъ той, душу успокоивающей, силы, которая здѣсь открывается... Посмотрите на душу простую, необразованную, когда она спѣшитъ къ своей родной святынѣ и предъ ней изливаетъ свои чувства и желанія; вы увидите тутъ ясность мысли, спокойствіе преданнаго Богу сердца, твердость убѣжденія, безбоязненное упованіе. И выходитъ изъ-подъ сѣни святыни душа, ободренная въ мысляхъ, освѣженная въ силахъ. Нѣтъ, это не суевѣріе! Это глубокая сила духа, сила нравственная, сила столько же религіозная, сколько и народная, народная не потому только, что принадлежитъ массѣ народа, но и потому, что основана на народной совѣсти, на убѣжденіяхъ народнаго духа... Уважите мнѣ силу, которая бы, безъ особенныхъ побужденій, безъ начальственныхъ распоряженій, безъ всякаго насилія, однимъ мановеніемъ могла двинуть народныя массы къ самымъ важнымъ и тяжкимъ подвигамъ, къ неодолимой борьбѣ со всякою противною силою, къ самымъ великимъ жертвованіямъ... У другихъ народовъ такими силами нынѣ служатъ идеи прогресса, цивилизаціи, свободы; тамъ,

подъ этими знаменами народныя массы движутся, волнуются, борются между собою. Покажите эти знамена нашему народу; онъ посмотритъ и спроситъ: есть ли на нихъ знаменіе креста? Нѣтъ?... Значить, скажетъ онъ, они не христіанскія. А вотъ мы воззовемъ къ народу во имя родной вѣры и святыни, и тогда нѣтъ силы, которая одолѣла бы нашъ народъ, нѣтъ жертвы, которой онъ не принесъ бы этимъ завѣтнымъ сокровищамъ и силамъ своей души и жизни... Люди, далеко стоящіе отъ народнаго быта, обыкновенно думаютъ, что въ религіи народа мало мысли и внутренней жизни, что его религія не болѣе, какъ обрядъ, внѣшность... Вотъ въ тѣхъ неразвитыхъ топкахъ, которыя особенно въ нѣкоторые дни стекаются въ нашъ городъ, вникните вы въ побужденія, заставляющія ихъ оставлять свои дома, хозяйства и семейства и съ черствымъ кускомъ хлѣба, подъ зноемъ или дождемъ, идти сюда; вступите съ ними въ серьезные бесѣды, вслушайтесь въ ихъ вздохи, жалобы и мольбы: сколько живаго сознанія, сколько серьезной мысли и жизни, внутренней, душевной жизни найдете у нихъ! Здѣсь смиренный, недовѣрчивый къ себѣ, разумъ повергаетъ предъ Богомъ тяготящій душу его вопросъ жизни, и темная мысль ищетъ свѣта; здѣсь растерзанное скорбями сердце проситъ отрады; здѣсь совѣсть, смущенная грѣхомъ, молитъ о благодатномъ прощеніи и мирѣ; здѣсь душа, не знающая въ мирѣ другой опоры для себя кромѣ Бога, въ чаяніи помощи Его, даетъ Ему свои простодушные обѣты, здѣсь рабочая рука, сама себѣ выработывающая дневной кусокъ хлѣба, поднимается къ небу, призывая благословеніе Божіе на свои тяжелые труды; словомъ, тутъ является и сказывается жизнь, сама жизнь, какъ она есть, во всей, ничѣмъ не прикрытой, дѣйствительности, жизнь не лживая, не искусственная, не праздная, со всѣми ея нуждами и задачами»...

Симпатіи нашего проповѣдника, впрочемъ, не ограничиваются народомъ, не изчерпываются его матеріальными и духовными нуждами. Съ такимъ же чувствомъ высокой христіанской любви, съ тѣмъ же глубокимъ пониманіемъ дѣла, обращается онъ и къ другимъ низменнымъ сферамъ человѣческаго существованія, умѣетъ понять и живописать матеріальную нужду бѣдняка—пролетарія, и изнемогшую больную душу измученнаго внутреннею душевною борьбою страдальца, и всякое человѣческое горе и нужду.

«Самая жалкая жизнь,—говоритъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ проповѣдникъ,—при всемъ ея внѣшнемъ ничтожествѣ, имѣетъ свое значеніе нравственное: и бѣднякъ имѣетъ духъ, слѣдовательно имѣетъ

свою нравственную силу и свою долю участія въ общей жизни людей; его мысли, чувства, намѣренія, дѣйствія — все это отъ него такъ же, какъ и отъ другихъ, идетъ въ общую массу дѣлъ человѣческихъ, и онъ, какъ и всѣ, имѣетъ свои нравственныя отношенія къ другимъ, къ обществу, человѣчеству. Этого уже довольно, чтобы не считать его жизнь ничего незначащею. А что, если внутренняя жизнь бѣднаго еще богаче богатыхъ? Что, если подъ отрепьями и безъ куска хлѣба таится сила души, болѣе другихъ способная дѣйствовать въ мірѣ? И знаемъ мы, что изъ среды бѣдняговъ, почти умиравшихъ съ голода, выходили, и не слишкомъ рѣдко, великіе дѣятели въ умственной, нравственной, религіозной, общественной жизни народовъ. Тутъ внутренняя жизнь, ея сила духовная вступала въ открытую борьбу со внѣшнею жизнью, ея горькою долею, и—или торжествовала надъ нею и измѣняла ее къ лучшему, или падала жертвою борьбы, но и въ самой борьбѣ выказывала все богатство и величіе своихъ внутреннихъ силъ... Но есть сила въ мірѣ, которая и самую бессильную жизнь можетъ сдѣлать не напрасною и не бесплодною: то — нравственная сила христіанства»... (стр. 26—27).

«Жизнь cadaго изъ насъ есть капля въ морѣ жизни цѣлаго человѣчества. Наука открыла въ каждой каплѣ воды цѣлый міръ жизни: тутъ незримо для нашихъ глазъ вмѣщаются особые роды существъ, которыя рождаются, движутся, плодятся, совершаютъ свой кругъ бытія со всѣми естественными дѣйствіями и проявленіями жизни. То, что эта микроскопическая жизнь незамѣтна для нашего глаза, отнимаетъ ли у ней всякое значеніе въ мірѣ? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Такъ, внутри cadaго человѣка, кто бы онъ ни былъ, не всегда явно по наружности, тѣмъ не менѣе дѣйствительно, движется цѣлый міръ,—міръ мысли и чувства, желаній и страстей, добра и зла, радостей и скорбей... И тотъ, котораго жизнь ограничивается только насущными потребностями, и тотъ, котораго внутренней жизни никто другой не знаетъ и знать не хочетъ, и тотъ, котораго внутренняя жизнь представляется намъ слишкомъ мало развитою, чтобы придавать ей какое нибудь значеніе, и онъ все тоже, что и всѣ другіе, носить въ душѣ своей. Чего онъ не испытываетъ въ самомъ себѣ, какихъ мыслей и чувствъ, какой борьбы, какихъ бурь и страданій не перерабатываетъ въ душѣ своей! И если все это не имѣетъ значенія для другихъ, то очень важно для него самого: тутъ развивается его внутренній міръ, вырабатывается его личная судьба, его нравственное значеніе. А бессмертная душа, съ ея неумирающими

потребностями? А образъ Божій въ человѣкѣ...? А благодать искупленія...?»

«Бываютъ тяжелыя минуты въ жизни человѣка — минуты душевнаго разлада. Душа болитъ разочарованіемъ въ жизни, сомнѣніями, тоскою, высказывается ропотомъ. Тогда жизнь теряетъ для человѣка всякое значеніе: онъ самъ себя спрашиваетъ: зачѣмъ дана ему жизнь? Умъ, терзаемый всеотрицаніемъ, душа, волнуемая раздраженіемъ противъ жизни, сердце, опустѣвшее въ самомъ себѣ и охладѣвшее ко всему доброму, воля, ослабѣвшая въ своихъ нравственныхъ силахъ; какое ужасное состояніе? Тогда ядъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу и угрожаетъ человѣку ужаснѣйшею смертію вдвойнѣ — нравственною и физическою. Что можетъ спасти тогда человѣка?... Вспомни онъ тогда, что онъ христіанинъ; сквозь жравъ своихъ думъ сойди съ поверхности жизни въ глубь своей души: тамъ скрытъ благодатный свѣтъ христіанства, тамъ примиришься съ жизнью и поймешь ея высокій смыслъ...»

Относясь съ глубокою любовію къ своему народу, обнаруживая такъ много пониманія его духовныхъ нуждъ, его національнаго темперамента и характера, свойствъ его внутренней жизни, нашъ проповѣдникъ чуждъ, однакожъ, духа національной исключительности и замкнутости; и едва-ли будетъ справедливъ тотъ, кто вздумалъ бы упрекнуть преосв. Іоанна въ такъ называемомъ квасномъ патріотизмѣ. «Какія судьбы вдали ожидаютъ Россію?» спрашиваетъ онъ въ одной изъ проповѣдей. «Не дано намъ видѣть будущее. Но *каждый народъ, кромѣ мѣстной своей судьбы, имѣетъ участіе въ судьбахъ другихъ народовъ, и еще далѣе — въ судьбахъ всего человечества. Не здѣсь-ли, въ этихъ судьбахъ общечеловѣческихъ, надобно искать разрѣшенія народныхъ судьбъ?*... Русскому народу болѣе, чѣмъ всякому другому, открытъ путь во всю высоту и широту міровыхъ судьбъ, потому что ни у одного народа святыня вѣры не соединяется съ такимъ народнымъ могуществомъ и съ такою историческою силою, какъ у русскаго. Великія судьбы ожидаютъ Россію и въ собственной ея жизни, и въ цѣломъ мірѣ, если она пойметъ свое призваніе, не забудетъ его, и не дастъ сбить себя съ этого пути». И затѣмъ проповѣдникъ, съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ и пониманіемъ дѣла, въ большей части настоящихъ поученій, философствуетъ, съ точки зрѣнія вѣрующаго христіанина, о разныхъ вопросахъ общеевропейской публицистики и общечеловѣческаго міросозерцанія: объ основныхъ общихъ законахъ жизни народовъ (стр. 74—83), о свободѣ политической и гражданской, о сво-

бодѣ совѣсти и мысли, о женской эмансипаціи, о принципахъ суда, объ условіяхъ истиннаго человѣческаго счастья, о законахъ нравственной жизни человѣка, о характерѣ современныхъ лжеученій и проч.

Здѣсь мы должны замѣтить, что, дѣлая современность главнымъ предметомъ своей бесѣды, проповѣдникъ большею частію является ея обличителемъ, — въ особенности обличителемъ невѣрія и отрицанія, почерпаемыхъ изъ фельетонныхъ глумленій и нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ легкаго содержанія. Но обличеніе его такъ элегически-мягко, въ немъ столько научной компетентности, такое богатство знаній по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія, столько искренности, правдивости, безпристрастія и серьезнаго достоинства, что едва ли самый притязательный свободный мыслитель рѣшится упрекнуть его въ чемъ либо похожемъ на обскурантизмъ. Нашъ проповѣдникъ — не столько обличитель, въ строгомъ смыслѣ этого слова, современныхъ аномалій въ области мысли и уклоненій отъ нравственнаго христіанскаго идеала. расточающій іереміады и укоризны, сколько апологетъ *христіанскихъ основъ жизни*, выясняющій истинный духъ церкви въ ея отношеніяхъ къ современной жизни, — глубокоученый богословъ, близко и непосредственно знакомый съ современными научными доктринами и проникающій въ ихъ суть. Проповѣдника печалитъ не прогрессивный характеръ современности, за который, въ принципѣ, онъ самъ твердо стоитъ, и которому, говоря вообще, глубоко сочувствуетъ, а то, что, «страшная быстрота и шумъ движеній современнаго міра, на всѣхъ порахъ несущагося по новопроложеннымъ путямъ своихъ стремленій къ саморазвитію умственному, нравственному и общественному, независимому ни отъ какаго, хотя бы и высшаго, авторитета истины и нравственности, не даетъ ему ни слышать голоса церкви, ни остановиться въ ея предѣлахъ. Въ быстротѣ и шумѣ его стремленій церковь кажется ему слишкомъ неподвижною, слишкомъ безжизненною, наполненною образами древнихъ временъ, уже потерявшими для новаго времени свое значеніе и силу плодотворную» (стр. 65) ¹⁾, — между тѣмъ какъ «среди хаоса мнѣній, ни въ чемъ еще

¹⁾ При чтеніи этого мѣста въ проповѣди преосв. Іоанна намъ невольно напоминаетъ характеристика отношеній современной науки къ вѣрѣ и церкви, какую находимъ въ предисловіи Ю. Ѡ. Самарина къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова (стр. III и слѣд.). «Подъ вліяніемъ направленія, даннаго на западѣ, наука смотритъ на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человѣчество должно выбиваться на просторъ. Временная необходимость вѣры, ея условная законность, какъ одного изъ моментовъ безначальнаго и безконечнаго развитія чего-то саморазвивающагося, не оспаривается; но эти»

не утвердившихся, неясныхъ и неопредѣленныхъ, среди вольномыслия, лжемыслия въ самыхъ важнѣйшихъ вопросахъ человѣческаго духа, среди общаго броженія умовъ, все колеблющаго, но еще ничего не создавшаго, гдѣ умъ благомыслящій найдетъ утвержденіе и огражденіе, умъ колеблющійся—опору, умъ заблуждающійся—путь истины, гдѣ самая истина можетъ имѣть убѣжище и надежную охрану, какъ не въ церкви,—тѣсною союзъ вѣрующихъ, для того и основанномъ, чтобы быть хранилищемъ чистой христіанской истины?»

Но мы никогда бы не кончили, если бы вздумали выписывать все, что есть прекраснаго въ проповѣдяхъ преосвящ. Іоанна. Наша цѣль въ настоящемъ случаѣ будетъ вполне достигнута, если читатель возьметъ въ руки книгу, изданную г. Н. Б.: онъ прочтетъ ее, увѣрены, отъ первой страницы до послѣдней и испытаетъ все то наслажденіе, какое свойственно человѣку испытывать при изученіи художественныхъ произведеній человѣческаго слова, составляющихъ плодъ зрѣлой и глубокой мысли. Въ области церковной проповѣди намъ давно—давно, можетъ быть со временъ Иннокентія, не доводилось читать что либо подобное бесѣдамъ преосв. Іоанна.

Въ предисловіи, которое предпосылаетъ самымъ проповѣдямъ издатель настоящаго сборника, онъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о проповѣднической дѣятельности преосв. Іоанна въ Смоленскѣ. Прибытію новаго архипастыря въ Смоленскъ предшествовала громкая слава о его многостороннемъ образованіи и высокому проповѣдническому таланту. «Но нужно признаться, замѣчаетъ почтенный издатель, мы не могли представить себѣ, на какую высоту созерцанія можетъ восходить умъ, просвѣщенный наукою..., съ какою легкостію онъ въ состояніи бываетъ овладѣть вопросами вѣры и жизни и съ какою силою мысли и изяществомъ слова можетъ отвѣчать на нихъ». Проповѣдь преосв. Іоанна превзошла самыя смѣлыя ожиданія его слушателей, и чѣмъ болѣе они слушали ее, тѣмъ болѣе возбуждала она ихъ вниманіе, тѣмъ болѣе поражала ихъ глубиною мысли оратора, свѣтлостію и широтою его взглядовъ, ясностію пониманія современныхъ вопросовъ и потребностей общества и неподражаемымъ искусствомъ удовлетворять этимъ потребностямъ.

Владѣя даромъ слова какъ немногіе, преосвящ. Іоаннъ тѣмъ не

же признаніемъ за нею нѣкотораго значенія заявлялась и ея ограниченность, какъ переходящей формы, которою это *ничто* не могло удовлетворяться навсегда», и пр. Какъ удивительно могутъ совпадать частныя мысли, самыя выраженія у двухъ писателей, вовсе незнакомыхъ между собою; какъ скоро въ своемъ мировоззрѣніи они выходятъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ!

менѣ всегда готовился къ произнесенію проповѣди заблаговременно, всегда напередъ тщательно обрабатывалъ ее: примѣръ достойнаго подражаемаго для нашихъ проповѣдниковъ! Готовясь къ выходу на кафедру, преосвященный обыкновенно надѣвалъ одну и ту же митру—бѣлую съ золотою сѣткою, которую его слушатели поэтому прозвали: «шапка—говорунъ». Никакихъ другихъ приготовленій предъ выходомъ его на кафедру не дѣлалось, аналогія не ставилась: когда настаивало время говорить поученіе, преосвященный выходилъ изъ алтаря, бралъ въ лѣвую руку архіерейскій посохъ, становился на амвонъ и говорилъ не громко, но ясно, плавно, спокойно безъ особенныхъ интонацій, такъ что проповѣдь его, по способу произношенія, походила на безыскусственную домашнюю бесѣду; но она лилась безостановочно, пока ораторъ не прерывалъ ея какимъ-нибудь вопросомъ, который какъ бы задавалъ слушателямъ для размышленія на будущее время.

Наши современные проповѣдники публицисты.

(«Нѣсколько проповѣдей протоіерея А. Ключарева». Москва 1873.—Рѣчи произнесенныя при выпускахъ воспитанниковъ перваго десятилѣтія Александровскаго военнаго училища священникомъ А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ. Москва. 1873 г.)

Мы не zapomнимъ времени въ нашей духовной литературѣ, когда бы проповѣдническіе сборники, и при томъ болѣе или менѣе цѣнныя, являлись въ такомъ изобиліи, какъ два-три послѣдніе года. Г. Вольфъ продолжаетъ, хотя въ сожалѣнію слишкомъ медленно, выпускать томъ за томомъ, свое двойное эльзевировское изданіе—«Полнаго собранія сочиненій» и «Избранныхъ сочиненій»—покойнаго преосвященнаго Иннокентія Херсонскаго. Ко дню годовщины смерти покойнаго преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, въ прошломъ году, въ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга появился въ продажѣ первый томъ новаго изданія «Сочиненій покойнаго преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго», предпринятаго въ Москвѣ, по порученію родственниковъ почившаго святителя, протоіереемъ Павломъ Казанскимъ и священникомъ Константиномъ Богоявленскимъ. Издатели держатся не систематическаго, а хронологическаго порядка изданія, и первый томъ содержитъ въ себѣ проповѣди отъ 1803 года по 1821 г. Изданы весьма объемистые томы проповѣдей покойныхъ преосвященныхъ: Николая, епископа тамбовскаго и шацкаго (Тамбовъ, 1872 г.), и Тимофея, архіепископа смоленскаго и дорогобужскаго (Смоленскъ 1873 г.), и здравствующихъ понинѣ преосвященныхъ: Арсенія, митрополита кіевскаго («Толкованіе на первые двадцать шесть псалмовъ—изъ бесѣдъ, говоренныхъ въ Варшавѣ», Кіевъ, 1873 г. и «Собраніе словъ, бесѣдъ и рѣчей», часть первая, С.-Петербургъ. 1873 г.), Антонія, архіепископа казанскаго (Казань, 1872 г.), Іоанна, епископа полтавскаго (Полтава, 1873 г.), новый томъ бесѣдъ, словъ и рѣчей преосвященнаго Макарія, еписко-

па орловскаго и сѣвскаго (Орель, 1873 г.), слова и рѣчи Сергія, епископа курскаго и бѣлгородскаго (Курскъ, 1871 г.), преосвященнаго Алексія, епископа екатеринославскаго («Слова сказанныя въ Томскѣ и Екатеринославѣ», Екатеринославль, 1873 г.), Софоніи, епископа новомиргородскаго (Херсонъ, 1872 г.), преосвященнаго Теофана, бывшаго епископа тамбовскаго («Бесѣдовательное толкованіе втораго посланія къ Солунянамъ», Тамбовъ, 1873 г.). Не говоря уже о такихъ капитальныхъ изданіяхъ, какъ проповѣди преосвященнаго Филарета и Иннокентія, которыя должны быть, по нашему мнѣнію, настоятельными книгами каждаго проповѣдника и каждаго благочестиваго христіанина, и всѣ другіе исчисленные сборники составляютъ болѣе или менѣе цѣнныя приобрѣтенія нашей небогатаго церковно-учительной литературы, отличаясь, большею частію, всѣми тѣми достоинствами, какія свойственны проповѣдямъ, раскрывающимъ по вызову тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, тѣ или иные догматическіе и правоучительные вопросы, и могутъ дать обильный матеріалъ для нашихъ проповѣдниковъ, имѣющихъ надобность въ пособіи и руководствѣ. Особеннаго вниманія на нашъ взглядъ заслуживаютъ «Бесѣды» преосвященнаго Арсенія, представляющія послѣдовательное экзегетическое и правоучительное толкованіе текста псалмовъ,—явленіе рѣдкое въ нашей проповѣднической литературѣ, состоящей, главнымъ образомъ, изъ проповѣдей тематическихъ, на разные праздники и случаи: въ литературѣ «бесѣды», онѣ должны занять мѣсто непосредственно послѣ бесѣдъ покойнаго преосвященнаго Филарета кіевскаго на евангеліе отъ Маттея.

Изъ проповѣдей съ спеціальнымъ содержаніемъ, на случай, заслуживаютъ особеннаго вниманія «Слова, бесѣды и рѣчи, произнесенныя къ воспитанникамъ императорскаго училища Правовѣдѣнія, протоіереемъ М. И. Богословскимъ» (С.-Петербургъ, 1872 г.). Небольшой томъ, изданный редакціей «Духовной бесѣды», содержитъ въ себѣ доселѣ ненапечатанныя проповѣди почтеннаго о. протоіерея, отличающіяся всѣми тѣми достоинствами, какія доставили справедливую и вполне заслуженную почетную извѣстность сборнику его проповѣдей подъ заглавіемъ «О приготовленіи къ исповѣди и св. причащенію», изданному еще въ бытность проповѣдника законоучителемъ императорскаго училища Правовѣдѣнія.

Изъ поученій для простаго народа, послѣ новаго восемнадцатаго изданія «Почуеній протоіерея Радіона Путятина», заслуживаютъ вниманія: прекрасный опытъ «Почуеній къ простому народу о молитвѣ Господней» священника Алексѣя Васильева,—своеобразный по методу

и болѣе чѣмъ удачный по исполненію, къ сожалѣнію непродолженный авторомъ; — «Простонародныя поученія» священника Михаила Скрябина (Воронежъ 1870 г.); «Простонародныя поученія, изъясняющія волю Божию о вѣчномъ спасеніи нашемъ», архимандрита Іосифа (Балуга 1873 г.), составленныя по особенной программѣ, напечатанной авторомъ въ газетѣ «Современность» (№№ 22-й и 82-й 1872 года), и «Почуенія сельскаго пастыря, между которыми есть направленные противъ Молоканъ» священника М. Боброва (Москва 1873 г.).

Въ самое послѣднее время Москва подарила намъ двумя проповѣдническими сборниками, которые по своимъ выдающимся достоинствамъ по всей справедливости заслуживаютъ того, чтобы на нихъ обращено было особенное вниманіе всѣхъ ревнителей успѣховъ нашего церковнаго проповѣдничества и любителей хорошаго духовно-назидательнаго чтенія, соотвѣтствующаго религиознымъ потребностямъ настоящаго времени. Мы разумѣемъ «Нѣсколько проповѣдей протоіерея А. О. Блючарева» и «Рѣчи къ воспитанникамъ Александровскаго военнаго училища» священника А. М. Иванцова-Платонова. Эти проповѣди мы, не обинуясь, ставимъ непосредственно послѣ проповѣдей покойнаго преосвященнаго Іоанна смоленскаго, котораго мы считаемъ основателемъ новѣйшей школы нашего проповѣдничества (см. о его проповѣдяхъ статью въ «Христ. Чтеніи» за 1872 г.). Подобно преосвященному Іоанну это — проповѣдники-публицисты. Въ самомъ содержаніи словъ и рѣчей обоихъ проповѣдниковъ есть много родственнаго и даже тождественнаго съ проповѣдями преосвященнаго Іоанна. Затѣмъ въ томъ и другомъ сборникѣ нѣтъ ни одной проповѣди, которая не имѣла бы своимъ предметомъ тотъ или другой современный вопросъ изъ области жизни соціальной и общественной, или изъ области теоретическаго міровоззрѣнія, — вопросъ, компетентное рѣшеніе котораго съ церковной каеедры не составляло бы насущной потребности нашего времени. Оба проповѣдника являются въ своихъ проповѣдяхъ именно такими компетентными судьями — однимъ главнымъ образомъ въ области современнаго научнаго міровоззрѣнія («Рѣчи»), другой — преимущественно въ области публицистики («Нѣсколько проповѣдей»). Оба они стоятъ на уровнѣ современности, одинаково знакомы — и не только изъ книгъ, но, какъ видно, и изъ жизни, изъ опыта и наблюденія — со всею обширною областью современныхъ вопросовъ, волнующихъ наше общество. Свѣжесть и оригинальность мыслей, ни одного «общаго мѣста» въ содержаніи, ни одного рутиннаго пріема въ доказательствахъ, даровитое своеобразие

въ пріемахъ изложенія, наконецъ—благородная смѣлость, съ какою оба проповѣдника не вторятъ, не льстятъ установившимся ходячимъ теоріямъ и полемизируютъ одинъ—мягко и сдержанно («Рѣчи»), другой—нѣсколько запальчиво и ригористически («Нѣсколько проповѣдей») съ направленіями, несогласными съ вѣроученіемъ и религіозными основами жизни,—таковы свойства, принадлежащія въ одинаковой мѣрѣ обоимъ проповѣдникамъ.

Каждый изъ сборниковъ обладаетъ драгоценнымъ и рѣдкимъ въ нашихъ проповѣдяхъ свойствомъ—отпечатлѣваетъ на себѣ индивидуальность своего автора, представляя опредѣленную, болѣе или менѣе полно очерченную, цѣльную и стройную систему личнаго міровоззрѣнія. Различіе между обоими проповѣдниками состоитъ въ томъ, что одинъ—главнымъ образомъ проповѣдникъ апологетъ, другой—преимущественно проповѣдникъ обличитель. Апологетъ христіанскихъ началъ въ жизни и міросозерцаніи—о. А. М. Иванцовъ-Платоновъ; обличитель увлеченій отъ принциповъ христіанскаго міровоззрѣнія—о. Ключаревъ. Проповѣди А. М. Иванцова-Платонова по богатству эрудиціи, по широтѣ и глубинѣ взглядовъ—не столько проповѣди, сколько академическія рѣчи или популярныя лекціи, что, конечно, объясняется мѣстомъ и поводомъ ихъ произнесенія и однохарактернымъ составомъ слушателей; проповѣди о. Ключарева, не отличаясь такою академическою полнотою содержанія и обстоятельностью раскрытія предмета, мѣтко и вѣрно схватываютъ сущность вопроса и даютъ вполне достаточное его рѣшеніе въ предѣлахъ строго-церковнаго слова, выполняющаго гомилетическій законъ объ общенатяности проповѣди для разнообразнаго состава посѣтителей приходскаго храма.

Не можемъ не выразить при этомъ сожалѣнія, что слова и рѣчи третьяго, пользующагося наибольшою извѣстностію въ Москвѣ, проповѣдника—профессора богословія въ московскомъ университетѣ—Н. А. Сергіевскаго доселѣ не собраны въ одну книгу и остаются разбросанными на страницахъ «Православнаго Обзорнія».

Рѣчи о. А. М. Иванцова-Платонова нашли уже себѣ довольно обстоятельную оцѣнку въ нашей литературѣ; и мы теперь хотимъ поговорить лишь о проповѣдяхъ о. Ключарева, о которыхъ, въ удивленію, мы доселѣ не встрѣтили ни одного отзыва въ нашей духовной журналистикѣ.

Мы сказали, что о. Ключаревъ главнымъ образомъ проповѣдникъ—обличитель. Представляется прежде всего вопросъ: на сколько вѣрно и правильно понимаетъ проповѣдникъ-обличитель свою задачу, равно какъ и обличаемыя имъ теоріи и направленія,—на сколько

обличенія въ его проповѣдяхъ не общія мѣста, вызванныя лишь простою традиціонною и рутинною тенденціей обличать и обличать, — на сколько онѣ не плодъ того ошибочнаго предзанятаго понятія, что проповѣдникъ, говоря съ церковной кафедрѣ о современныхъ направленіяхъ, разногласящихъ съ вѣроученіемъ и понятіями религіозными, можетъ и долженъ только обличать, — а плодъ дѣйствительнаго сердечнаго убѣжденія и вполне достаточнаго пониманія тѣхъ вопросовъ, о которыхъ берется трактовать. Проповѣднику-обличителю предстоитъ опасность — съ одной стороны увлечься потокомъ собственнаго краснорѣчія и вмѣсто того, чтобы бороться съ дѣйствительными врагами — бить по воздуху, сражаться съ призраками собственнаго воображенія, или же съ другой — расплываться въ общихъ мѣстахъ и своими іереміадами вмѣстѣ съ плевелами исторгать и чистую пшелицу, подвергнуть осужденію такое движеніе общественныхъ идей и реформъ, которое вполне согласно не только съ духомъ вѣка, но и съ духомъ церкви, съ началами христіанства, — по недостатку полной научной компетентности выражать сужденія узнія, роняющія достоинство православной церковной кафедрѣ.

Изучивъ книгу о. Влючарева, читатель выноситъ убѣжденіе, что почтенный авторъ ея счастливо избѣгалъ этихъ подводныхъ камней. Почти каждая его проповѣдь распадается на двѣ половины. Сначала проповѣдникъ рисуетъ свѣтлую сторону того или другаго общественнаго явленія, выражая съ своей стороны къ ней задушевное искреннее сочувствіе. Вторая половина проповѣди почти всегда начинается словомъ *но*, за которымъ слѣдуетъ нещадное бичеваніе того, что проповѣднику представляется несообразнымъ съ духомъ церкви и ученіемъ вѣры. Эта половина проповѣдей о. Влючарева близко граничитъ съ ригоризмомъ и многіе изъ читателей не будутъ ею довольны, найдутъ, что начиная за здравіе, проповѣдникъ сводитъ на упокой. Съ своей стороны мы должны замѣтить, что всѣ обличенія проповѣдника достаточно мотивированы, находятъ свой *raison d'être* въ дѣйствительныхъ аномаліяхъ духовной и социальной жизни нашего общества и обоснованы проповѣдникомъ на здравомъ пониманіи церковнаго ученія съ одной стороны и вѣрно подмѣченныхъ фактахъ социальной и интеллектуальной жизни русскаго общества — съ другой. Между проповѣдями о. Влючарева есть даже одно слово — на день благодарственнаго воспоминанія избавленія Государя Императора отъ угрожавшей ему опасности, — въ которомъ онъ спеціально выясняетъ свои понятія о задачахъ современной церковной проповѣ-

ди и доказываетъ право проповѣдника вести дѣло проповѣди такъ, какъ понимаетъ его самъ о. Ключаревъ (стр. 93 и слѣд.)

Распространеніе въ средѣ христіанскихъ народовъ новыхъ ученій, говоритъ проповѣдникъ, вызываетъ церковную проповѣдь къ усиленной дѣятельности. Враги христіанства вызываютъ ее на борьбу, съ тѣмъ, чтобы доказать ея мнимое безсиліе и обнаружить воображаемую ими скудость ея внутренняго содержанія. Добрые христіане ждутъ отъ церковной проповѣди помощи и руководства для охраненія цѣлости своей вѣры. Христіане, обольщаемые въ ущербъ вѣрѣ знаніемъ, хотятъ, чтобы она примирила вѣру съ наукою. Все это требуетъ отъ церковной проповѣди такъ называемой современности. И проповѣдникъ соглашается, что проповѣдь дѣйствительно должна имѣть дѣло съ живыми людьми: отвѣчать на ихъ вопросы, удовлетворять ихъ потребностямъ, сочувствовать ихъ радостямъ и печалямъ. Но онъ не соглашается съ мнѣніемъ большинства нашихъ просвѣщенныхъ людей, которые думаютъ, что проповѣдь должна не руководствовать людей извѣстнаго времени, а идти за временемъ, не только примѣняться къ нему во внѣшнихъ приемахъ, но и соглашаться съ нимъ въ самомъ рѣшеніи вопросовъ современной жизни.

«Пророки ветхаго завѣта,—говоритъ онъ въ оправданіе своего взгляда на проповѣдь,— служеніе которыхъ состояло не только въ предсказаніи будущаго, но и въ учительствѣ, бывали въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ находятся нынѣшніе проповѣдники. Современники укоряли ихъ въ томъ, что они все обличаютъ, все плачутъ, все грозятъ гнѣвомъ Божиимъ, что они слишкомъ строги и суровы. Въ противоположность имъ являлись учителя, которые были мягче и снисходительнѣе, которые говорили по-сердцу современниковъ и также отъ имени вѣры. Они цорицали суровыхъ пророковъ, говорили, что сами видѣли сны и что эти сны не предвѣщаютъ ничего страшнаго, что все идетъ прекрасно и обѣщаетъ благоденствіе въ будущемъ. Но вотъ что Господь сказалъ чрезъ пророка Іеремію: пророкъ, у котораго есть сонъ, пусть и рассказываетъ его за сонъ, а у котораго есть Мое слово, тотъ пусть говоритъ Мое слово вѣрно» (Іер. 23, 28). Основываясь на этомъ указаніи св. писанія, о. Ключаревъ находитъ, что проповѣдникъ долженъ различать въ себѣ человѣка, который можетъ имѣть свое сновидѣніе—личное мнѣніе, сочувствіе и т. п., и человѣка, который имѣетъ въ своихъ рукахъ слово Божіе. Въ первомъ случаѣ онъ воленъ сочувствовать всему, что ему нравится, но пусть онъ будетъ честенъ, и

выдаетъ свое за свое, а не за Божіе, пусть говорить отъ себя, а не отъ имени возвѣщаемой имъ вѣры. Во второмъ случаѣ пусть возвѣщаетъ слово Господне вѣрно, безъ искаженій, ограниченій и послабленій. Даже самъ апостоль (1 Кор. 7, 12), предложивъ извѣстное ученіе, нашелъ нужнымъ оговориться: «это я говорю, а не Господь».

Самая трудная, по мнѣнію проповѣдника, задача—оцѣнивать въ проповѣдяхъ современную науку или наше просвѣщеніе,—не потому, чтобы просвѣщеніе у насъ стояло на высотѣ, недостигаемой для христіанскаго мыслителя: христіанство не замерло и не заключено въ книгахъ, такъ чтобы имъ можно было пользоваться только какъ суммою данныхъ свѣдѣній и понятій;—христіанство есть свѣтъ и сила, которая вселяется въ живыхъ людей, ходитъ съ ними, дѣйствуетъ въ нихъ, не только сопутствуетъ имъ при восхожденіи, но и сама возноситъ ихъ на всякую высоту знанія и совершенства. До чего достигаютъ ученые всякаго времени, до того можетъ достигнуть и честный христіанскій мыслитель. Трудность для современнаго проповѣдника—въ разрозненности, неопредѣленности, безхарактерности тѣхъ идей, которыя бродятъ въ нашемъ обществѣ подъ именемъ послѣднихъ выводовъ науки. Эти идеи дробятся въ такія мелкія, неточныя, несвязныя, и въ тоже время досадныя и вредныя для общества мысли, что ихъ ни привести къ единству, ни оцѣнить, ни съ силою опровергнуть невозможно. Онѣ похожи на тѣхъ, недавно замѣченныхъ естествознаніемъ незримыхъ животныхъ, которыя мириадами плодятся и кружатся въ воздухѣ, проникаютъ во всѣ органы тѣла и всюду производятъ гніеніе и разложеніе (93—97). Такова основная точка зрѣнія нашего проповѣдника на свои задачи и отношенія религіознаго ученія къ научнымъ теоріямъ настоящаго времени. За всѣмъ тѣмъ проповѣди о. Ключарева, вошедшія въ составъ настоящаго сборника, имѣютъ своимъ предметомъ не столько вопросы отвлеченнаго міросозерцанія,—въ этомъ отношеніи мы находимъ у него лишь одно-два мѣста въ проповѣдяхъ, гдѣ онъ говоритъ о дарвинизмѣ (слово въ день празднованія седьмой годовщины братства св. Николая—стр. 122 и слѣд.) и матеріализмѣ (во многихъ проповѣдяхъ),—сколько вопросы общественной жизни, вопросы публицистическіе, какъ это видно уже изъ самыхъ заглавій его проповѣдей, помѣщенныхъ въ оглавленіи: о гражданской доблести, о любви къ отечеству, о вѣротерпимости, о просвѣтительномъ значеніи доброй жизни, о тайной и общественной благотворительности, о средствахъ предохраненія отъ духа невѣрія, о богоустановленныхъ на-

чалахъ для обезпеченія вѣшняго быта духовенства, объ обязанностяхъ каждаго христіанина участвовать въ дѣлѣ распространенія вѣры Христовой, объ убѣжденіяхъ, о средствахъ къ уменьшенію преступленій, о взаимныхъ отношеніяхъ Государя и подданныхъ и проч. Но, естественно, заглавія эти слишкомъ мало опредѣляютъ дѣйствительное содержаніе проповѣдей, и мы хотимъ позволить себѣ сдѣлать синтезъ основныхъ публицистическихъ воззрѣній нашего проповѣдника, чтобы, съ одной стороны, подтвердить то, что мы сказали о немъ выше, а съ другой—ближе познакомить нашихъ читателей съ мировоззрѣніемъ и манерой проповѣдника, произведеніямъ котораго мы придаемъ такую высокую цѣну.

Исходною точкою такого синтеза можетъ послужить прекрасная проповѣдь «объ убѣжденіяхъ.»

Вотъ какъ почтенный проповѣдникъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ. Убѣжденіе, говоритъ онъ, великое слово. Состояніе духа человѣческаго, которое имъ обозначается, есть чрезвычайно важное состояніе. Убѣжденіями опредѣляется складъ мыслей, направленіе и характеръ человѣка. Убѣжденія служатъ источникомъ побужденій для человѣческой дѣятельности. Они сплотняютъ человѣческія общества и разлагаютъ ихъ. Они направляютъ къ одной цѣли громадныя силы и производятъ великіе перевороты. Убѣжденіямъ посвящаются труды цѣлой жизни; за убѣжденія приносятъ жертвы, терпятъ страданія и умираютъ. Такъ было всегда и вездѣ; только у насъ, по мнѣнію проповѣдника, съ недавняго времени слово «убѣжденіе» стали употреблять безъ разбора, не понимая его истиннаго смысла и значенія. Дитя, не обращая вниманія на выговоръ здравомыслящей матери за непослушаніе, говоритъ: «это мое убѣжденіе». Незрѣлые школьники, принося домой въ простыя христіанскія семейства ложныя мысли о религіи, съ важностію говорятъ: «это наши убѣжденія». Разборъ такой умственной запутанности принадлежитъ собственно философскимъ наукамъ; но, во первыхъ, ничто такъ много не терпитъ отъ этого страннаго направленія умовъ, какъ наша вѣра и церковь; во вторыхъ, мы имѣемъ въ твореніяхъ великихъ отцовъ церкви высочайшіе образцы сближенія науки о природѣ и жизни духа человѣческаго съ религіей. На этомъ основаніи проповѣдникъ находитъ возможнымъ заняться разсмотрѣніемъ этого вопроса. «Что такое убѣжденіе?—спрашиваетъ онъ. Убѣжденіе есть твердая увѣренность въ полномъ и ясномъ познаніи истины, соединенная съ сочувствіемъ къ ней сердца. Чѣмъ полнѣе познаніе, тѣмъ глубже убѣжденіе; чѣмъ познаніе яснѣе, тѣмъ живѣе сочувствіе сердца къ его предмету;

чѣмъ живѣе сочувствіе сердца, тѣмъ убѣжденіе тверже и непоколебимѣе. Горе учоному, который собралъ чужія мысли въ свою голову, какъ въ мертвый сундукъ! Людямъ незрѣлымъ или посвятившимъ себя изученію какой либо крайней спеціальности, при рѣшеніи вопросовъ изъ области философіи и религіи вмѣсто словъ: «это мои убѣжденія», справедливѣе было бы говорить: «это новѣйшія мысли ученыхъ самаго послѣдняго времени, которыя мнѣ нравятся». — Человѣкъ воленъ имѣть мысли, какія ему угодно, но его выборъ, его вкусъ, его личныя воззрѣнія или пристрастія ни для кого не обязательны. Трудно изслѣдованіе и добросовѣстное усвоеніе истины; еще труднѣе переучиваться и переубѣждать себя, оставляя съ трудомъ добытыя убѣжденія ради новыхъ, требуемыхъ новыми изслѣдованіями, новыми основаніями. Поэтому истинно ученые и истинно убѣжденные люди большею частію кротки, терпѣливы, снисходительны. Они не порицаютъ невѣдущихъ или несогласныхъ съ ними, а жалѣютъ о нихъ; они не требуютъ съ раздраженіемъ отъ другихъ, чтобы тѣ сбросили съ себя старыя убѣжденія, какъ старую одежду, и надѣли на себя новыя убѣжденія, какъ нарядъ, только что полученный изъ заграницы, потому что переубѣжденіе есть болѣзненное внутреннее перерожденіе; оно происходитъ постепенно, и его нужно ждать въ другихъ съ терпѣніемъ и снисходительностію. Не таковы наши юные проповѣдники новыхъ воззрѣній: у нихъ все невѣжды, все любители мрака; они не терпятъ противорѣчія, имъ все должно подчиниться. Они готовы бы въ нѣсколько дней передѣлать весь свѣтъ; для нихъ лучше бы стереть съ лица земли старыя упрямые поколѣнія, только бы восторжествовали новыя начала». — «Какъ наши познанія никогда не могутъ быть совершенно полными и законченными, такъ и наши убѣжденія не могутъ оставаться неподвижными и неизмѣнными. Они могутъ быть вѣрны въ общихъ основаніяхъ и въ главныхъ чертахъ; они могутъ быть совершенно достаточны для нашей жизни въ данную минуту; но, по мѣрѣ расширенія знанія, они могутъ быть расширяемы, провѣряемы и углубляемы». «По ограниченности и слабости человѣческой, убѣжденія могутъ быть и ложныя, но пусть они будутъ дѣйствительными убѣжденіями: съ основательными познаніями, строгимъ мышленіемъ, съ любовію къ истинѣ. Такое убѣжденіе можетъ быть враждебно христіанству; но съ врагомъ, который его имѣетъ, пріятно бороться; съ нимъ изслѣдованія могутъ вести къ соглашенію»... «Что могли бы мы сдѣлать, если бы большинство русскихъ людей, идущихъ на поприщѣ просвѣщенія нашего простаго народа, не было разбито, разрознено, запутано въ своихъ воззрѣ-

ніяхъ на предметы вѣры и на религіозные интересы нашего отечества! Одинъ доказываетъ, что для народовъ никакой вѣры не нужно, что все благо ихъ въ цивилизаціи, то есть во внѣшнемъ гражданскомъ благоустройствѣ; другой говоритъ, что всѣ вѣры хороши, и что проповѣдывать одну въ ущербъ другой—несправедливо; третій—что вѣра даже дикихъ племенъ, состоящая изъ сплетенія суевѣрій, есть также убѣжденіе, котораго даже увѣщаніями касаться не должно, а нужно предоставить эти племена движенію исторіи и самостоятельному свободному развитію; четвертый—что христіанство слишкомъ высоко для нашихъ полудикихъ инородцевъ, что надобно для нихъ изобрѣсть особую, переходную религію; пятый—что прежде надобно идти къ нимъ съ книгою науки, а потомъ уже съ благовѣстіемъ вѣры; шестой—что всѣ иновѣрцы, какъ подданные одного государя, имѣютъ право на покровительство во всемъ, не исключая религіи, что правительство обязано строить и буддистамъ монастыри, и магометанамъ мечети. Но можно ли перечестъ всѣ софизмы, которыми возмущается и задерживается ясное, простое, святое, исторіей всего міра и нашего отечества оправданное дѣло евангельской проповѣди» (стр. 147—153)?

Изъ этого краткаго очерка содержанія проповѣди объ убѣжденіяхъ читатель видитъ, какимъ тонкимъ психологическимъ анализомъ владѣетъ проповѣдникъ, какой широкой и свѣтлымъ взглядъ имѣетъ онъ на предметъ: мысли, здѣсь изложенныя, таковы, что подъ ними, полагаемъ, не отказался бы подписать свое имя любой публицистъ по профессіи.

Свободное, живое стремленіе послужить отечеству мыслию, словомъ и дѣломъ, говорить проповѣдникъ на ту же тему въ другой проповѣди—«о гражданской доблести», обреченіе себя на всякій подвигъ для его блага, готовность на всѣ жертвы для его счастья и славы—таковы черты гражданской доблести, залогъ доблестныхъ дѣлъ. Проблески этой добродѣтели замѣтны по всюду на всемъ обширномъ пространствѣ нашего необъятнаго отечества, замѣчаетъ авторъ. Остается желать одного, — чтобы добрые порывы, горячія стремленія были направлены въ одной, ясно сознанной цѣли, возведены на степень правильной и твердой дѣятельности, утвержденной на одномъ началѣ, проникнутой однимъ духомъ... Когда одинъ поставляетъ благо отечества въ одномъ, а другой—въ другомъ, одинъ предлагаетъ такія средства для достиженія этого блага, другой — другія, тогда чѣмъ горячѣе будетъ наша дѣятельность, тѣмъ хуже будетъ нашему отечеству. Противорѣчивыя стремленія, планы и предпріятія гражданъ

для отечества это — внутренняя война при вѣншемъ мирѣ, это — гражданское междоусобіе. При немъ нѣтъ пролитія крови, не пожираются пламенемъ города и селенія, но—что несравненно хуже—разрушаются твердыя убѣжденія умовъ, подрываются коренныя основанія дѣятельности, убивается внутренняя жизнь. Тяжело видѣть, когда разность въ воззрѣніяхъ производитъ то, что граждане, исходя на общественное дѣло, предпринимаемое по одному святому побужденію, не узнаютъ другъ друга, и одни разрушаютъ то, чтò созидаютъ другіе... «Но возможно-ли, спрашиваетъ проповѣдникъ, одно начало для дѣятельности миллионновъ? Кто можетъ влить въ нихъ одинъ духъ? Кто можетъ дать имъ единство убѣжденій и связать ихъ разнообразную дѣятельность въ одно цѣлое? Это начало, отвѣчаетъ онъ, въ христіанствѣ, это единство — въ единеніи умовъ, сердце и всѣхъ внутреннихъ и вѣншихъ силъ человѣческихъ подъ руководствомъ божественнаго ученія. Мы поставлены на этомъ началѣ исторію нашего отечества, или лучше—самимъ Промысломъ Божиимъ. Мы знаемъ одно великое имя, предъ которымъ безпрекословно преклоняется все человѣчество—имя Божіе. Только одного учителя оно слушаетъ безъ возраженій, говорящаго отъ имени Божія. Ни истины, ни власти, ни закона оно не признаетъ обязательными для себя, если не найдеть въ нихъ связи съ истинною, властію и закономъ Божиимъ. Итакъ, если хотите вести къ совершенству миллионы людей, входите съ ними въ связь прежде всего вѣрою въ Бога, благоговѣніемъ къ его истинѣ и правдѣ: иначе вы встрѣтите недовѣріе, противорѣчіе, непослушаніе, явныя или затаенныя, но всегда вредныя для успѣховъ общаго дѣла. Отъ того-то и возросло наше отечество въ государство, какового прежде не видалъ міръ, что его граждане, наши предки, были единомысленны —мыслили и дѣйствовали какъ одинъ человѣкъ». «Нынѣ думаютъ, что жизнь религіозная можетъ идти своимъ чередомъ, а общественная—своимъ: великая ошибка! Нѣтъ такой тонкой нити въ общественной жизни, которая бы не была прикрѣплена къ началамъ духовнымъ и нравственнымъ. Многіе сѣтуютъ, что трудно прививается у насъ наука. Не спѣшите обвинять въ этомъ народъ, а посмотрите, не отъ того-ли онъ не довѣряетъ наукѣ, что не видитъ отъ нея возвышенія ума къ богопознанію, просвѣтленія совѣсти, очищенія сердца, улучшенія нравовъ? Что для него въ этомъ просвѣщеніи, съ которымъ оскудѣваетъ вѣра, почтеніе дѣтей къ родителямъ, супружеская вѣрность и чистота жизни? У земной власти нѣтъ средствъ дѣлать людей честными и правдивыми. Только христіанское настроеніе духа ручается за честность и правдивость гражданина. Оно состоитъ

въ томъ, что истина, честь и правда обращаются у человѣка въ любимыя склонности, въ господствующія свойства. Онъ ими счастливъ, и утрата или нарушеніе ихъ сопровождается страданіемъ сердца». — «Едва ли не самое тяжкое страданіе честнаго труженника для блага отечества состоитъ въ томъ, когда сами его сограждане не отдають ему справедливости. А какъ часто это бываетъ! Прямота въ словѣ и правдивость въ дѣлѣ часто и друзей обращаютъ въ враговъ. Раздраженныя страсти покрываютъ самыя чистыя и великія дѣла тьмою клеветъ. И легче быть забытымъ, жить въ неизвѣстности и бѣдности, чѣмъ видѣть, какъ тѣ, кого мы любимъ, не вѣрятъ безгорыстію и чистотѣ нашей любви; какъ тѣ, для которыхъ мы живемъ и всемъ жертвуемъ, искажаютъ самыя чистыя наши намѣренія, наши честныя дѣла обращаютъ въ преступленія и предають на посрамленіе наше имя. Этотъ подвигъ подобенъ подвигу Христа Спасителя, и вынести его можетъ только тотъ, кто, одушевляясь Его любовію, можетъ вмѣстѣ съ Нимъ молиться о своихъ заблуждающихся соотечественникахъ: Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творять» (20—28 стр.).

Не менѣе интересна по своему направленію и идеямъ проповѣдь, озаглавливаемая: «о воспитаніи характеровъ». Взявши за исходный пунктъ проповѣди слова апостола: *тщаніемъ не лъниви, духомъ юряще, Господеви работающе* (Римл. 12, 11), проповѣдникъ находитъ, что въ этихъ словахъ указываются тѣ свойства, изъ которыхъ слагаются такъ называемые сильные характеры, столь высоко цѣнимыя на всякомъ поприщѣ дѣятельности. Какъ не пожелать, — продолжаетъ онъ, — чтобы съ умноженіемъ людей просвѣщенныхъ, умножались въ нашемъ обществѣ тѣ честные неутомимые труженники, для которыхъ все равно, гдѣ бы ни трудиться, только бы трудиться во славу Божию и съ пользою для общества? Какъ не пожелать, чтобы умножались тѣ сильные энергическіе дѣтели, которые увлекаютъ за собою другихъ не громкими словами, а достоинствомъ дѣлъ, славою подвиговъ, — чтобы чаще являлись въ нашемъ отечествѣ мужи съ духомъ и силою Иліиною, которые, исходя на поприще общественной дѣятельности, во имя истины и правды, какъ буря, сокрушаютъ препятствія, которыхъ ни порицанія и насмѣшки, ни происки тайныхъ и явныхъ враговъ не только не охлаждають и не утомляютъ, а напротивъ возбуждаютъ и воспаляютъ къ дѣятельности? Въ обилии людей, сильныхъ духомъ и крѣпкихъ характеромъ — свидѣтельство силы народовъ, залогъ ихъ долговѣчности, могущества и славы; оскуднѣніе ихъ всегда было предвѣстіемъ паденія царствъ»...

Но люди съ сильными характерами, какъ и съ великими умами не только рождаются, но и воспитываются. Въ нашемъ отечествѣ школой такого воспитанія—ученіе евангельское. «Никогда человѣческая наука не изображала такого первообраза совершенства для духа человѣческаго, какое изобразило намъ Евангеліе, и никогда она не осмѣлится ни одной черты этого совершенства назвать нечистою или излишнею». «Современная наука, забывшая Евангеліе, назвала многія изъ этихъ чертъ, подъ именемъ гуманныхъ, своимъ собственнымъ приобрѣтеніемъ, недавнею находкою; но мы знаемъ, что они тысячу лѣтъ уже извѣстны нашимъ предкамъ, а еще раньше — всему христіанскому міру». Современное настроеніе общества представляется нашему проповѣднику въ крайне безотрадномъ положеніи. Все, относящееся къ человѣческому совершенству, нынѣ обращено въ предметъ преній. «Всѣ основы нравственной дѣятельности,—говоритъ онъ,—разшатались. Понятія о добрѣ и злѣ, о законномъ и незаконномъ, о честномъ и безчестномъ, о человѣколюбіи и правдѣ, о власти и отношеніяхъ къ ней, о правахъ и уваженіи къ нимъ—обратились въ истины еще искомыя, подлежащія изслѣдованію и провѣркѣ, какъ будто мы живемъ во времена до-христіанскія. А между тѣмъ—свѣтъ во тѣмѣ свѣтитъ и тьма его не объятъ. Воля Божія, благая и совершенная, давно намъ извѣстна. Говорятъ: изъ преній возникаетъ истина, изъ разрушенія жизнь, изъ борьбы побѣда. Такъ, но не тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ основаніяхъ нравственнаго совершенства, и не тогда, когда они давно уже извѣстны. Въ нерѣшительности и недомѣшлѣніяхъ проходитъ напрасно дорогое время, нужное для дѣйствованія; оставляется безъ развитія воля, которая требуетъ движенія по ясно сознанному пути; убиваются характеры, которые развиваются дѣятельностію, а не словопреніями. Борьба мнѣній нужна въ приложеніи началъ къ частнымъ случаямъ дѣятельности; но споръ о началахъ нравственности въ народѣ христіанскомъ разрушителенъ для дѣлности и силы его духа. Эта запутанность въ убѣжденіяхъ, эти споры могутъ сбить народъ русскій съ пути, по которому онъ шелъ тысячу лѣтъ съ такою честью и славой». Въ божественномъ училищѣ церкви воспитанъ великій духъ нашего народа — и не слѣдуетъ, по мнѣнію проповѣдника, переосновывать этого зданія на рыхломъ пескѣ новозобрѣтенныхъ ученій. Отсюда читатель видитъ, куда склоняется образъ мыслей самаго проповѣдника, какая основная тенденція его публицистическихъ воззрѣній. Эту тенденцію мы можемъ назвать славянофильско-патріотическою. Въ приведенныхъ сужденіяхъ его живо чувствуется отголосокъ мыслей, которыя съ такою энергіею раскры-

вались въ «Москвитянинѣ», въ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова и пр.

Въ связи съ принципомъ, выраженнымъ въ послѣднихъ словахъ предыдущей проповѣди, находится цѣлый рядъ проповѣдей о. Ключарева, въ которыхъ развиваются тѣже славянофильско патриотическія темы: о воспитаніи характеровъ, объ обязанности каждаго гражданина содѣйствовать исполненію благихъ предначертаній царя; о гражданской доблести, о любви къ отечеству, о вѣротерпимости, о средствахъ предохраненія отъ духа невѣрія и пр.

Нашъ вѣкъ отличается напряженною дѣятельностію во всѣхъ отрасляхъ человѣческой жизни, говоритъ проповѣдникъ. Всѣ честные современные дѣятели, каждый по своему разумнію, имѣютъ цѣлію своей дѣятельности благо собственное, благо ближнихъ и въ послѣднемъ концѣ — чѣмъ они особенно и справедливо воодушевляются — благо цѣлаго человѣчества. Но «многое нынѣ называется нравственнымъ и добрымъ, чему этого имени прежде въ христіанскомъ обществѣ не давали. Каждому изъ насъ дана одна только жизнь; только въ короткій срокъ этой жизни мы можемъ потрудиться для достиженія царствія Божія. Какъ бы намъ не поработать нашъ день на чужомъ полѣ, какъ бы не набрать плодовъ, которые не будутъ приняты въ небесную житницу... Когда въ добрыя минуты свободы отъ заботъ житейскихъ и чистоты помысловъ вознесешь мыслію къ свѣтлому сонму равноангельныхъ людей, идущихъ къ царствію Божію, душа просится въ ихъ святое сообщество, и противны становятся всѣ скороспѣлыя выводы современной науки, которая старается низвести насъ въ грубое, немыслящее, неспособное къ самоусовершенствованію и незнающее нравственнаго приличія общество безсловесныхъ животныхъ... Были своеобразныя цивилизаціи: ассирійская, вавилонская, египетская, греко-римская, и всѣ онѣ лежатъ подъ разными слоями земли, — древнѣйшія — глубже, позднѣйшія — выше. Надъ ихъ великолѣпными сооруженіями уже многіе вѣка ходитъ плугъ, и только новѣйшіе учоныя съ большими трудами стали вызывать на свѣтъ ихъ разбитыя и обезображенныя остатки. Только духъ переживаетъ вѣка, и учрежденія, служащія его потребностямъ, благоговѣнно хранятся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Одухотворите ваши улучшенія христіанскими идеями, и сдѣлайте орудіями христіанскихъ добродѣтелей: тогда онѣ будутъ обновляемы изъ вѣка въ вѣкъ» (123—130).

Обличая практической матеріализмъ нашего вѣка, проповѣдникъ не шадитъ и нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ обычаевъ, отзывающихся тѣмъ же духомъ. «Въ послѣднее время вошло въ обычай вы-

могательство денегъ у богатыхъ людей на благотворительныя учрежденія, на украшеніе храмовъ, на ихъ поддержаніе,—лестью, угодицествомъ, обѣщаніями безъ надежды исполненія и безъ разбора людей и общественныхъ отношеній. Православная церковь, вѣрная слову Божію и примѣру Христа Спасителя, не терпитъ такихъ способовъ и пріемовъ въ совершеніи добрыхъ дѣлъ. Въ дѣлѣ, совершаемомъ во имя Христово, все должно быть прямо, честно, чисто и свято. Зачѣмъ лишать богатаго мзды небесной, воздавая ему за пожертвованіе земную мзду удовлетворенной гордости и тщеславія? Зачѣмъ прибѣгать къ мирскимъ проискамъ вмѣсто уединеннаго труда добродѣтели, привлекающей вниманіе людей своимъ свѣтомъ и благоуханіемъ» (стр. 132—133)?

Въ цѣломъ рядѣ проповѣдей на день восшествія на престолъ и тезоименитства Государя Императора проповѣдникъ трактуетъ о реформахъ настоящаго царствованія и о тѣхъ измѣненіяхъ въ настроеніи характера и быта русскаго общества, какіе произошли за это время. И здѣсь не мало остроумныхъ замѣчаній, сближеній, мѣткихъ указаній и совѣтовъ. Въ словѣ, произнесенномъ въ 1863 году (стр. 11 и слѣд.), замѣтивъ въ началѣ, что «Государь милостиво позволяетъ намъ размышлять о Его царственныхъ дѣяніяхъ, хочетъ, чтобы мы присматривались, привыкали къ нимъ и приготовлялись вмѣстѣ съ Нимъ трудиться, вмѣстѣ созидать великое дѣло общественнаго благосостоянія», проповѣдникъ приглашаетъ слушателей испытать свою совѣсть въ отношеніи царя земнаго предъ лицомъ Царя небеснаго,—на сколько мы приняли участія въ великихъ дѣлахъ царя, какую дань благодарности принесли ему за его благодѣянія. «Первое великое дѣло, совершенное Государемъ, есть освобожденіе двадцати милліоновъ подданныхъ. Оно было сопряжено съ величайшими затрудненіями, встрѣтило множество недоразумѣній и опасеній; но—благодареніе Господу—это дѣло благополучно уже приводится къ окончанію. Это—вѣчно живой памятникъ Александру II-му! Но тамъ, гдѣ оканчивается власть свои распоряженія, открывается поприще для нашей дѣятельности. Въ этихъ освобожденныхъ милліонахъ вѣками укоренились разные недостатки, ихъ облегаетъ глубокая тьма умственнаго и нравственнаго невѣжества. На всѣхъ насъ лежитъ обязанность освобождать ихъ отъ этого внутренняго духовнаго рабства. Кто не сдѣлаетъ этого, тотъ не приметъ участія въ великомъ дѣлѣ Царя. Кто будетъ спѣшить, прежде здраваго умственнаго и нравственнаго развитія этихъ поселянъ, знакомить ихъ съ прихотями современной роскоши,—кто будетъ расслаблять ихъ твердыя души лишними привычками, которыя насъ расслабили,—кто будетъ пользоваться ихъ

неопытностію и слабостями и развивать их пороки— тотъ поступить противъ мысли Царя-Освободителя. Государь въ справедливомъ убѣжденіи, что только просвѣщеніе можетъ пробудить дремлющія силы народа, озаботился дѣломъ народнаго образованія. Съ восторгомъ была встрѣчена эта забота Царя просвѣщенными классами нашего общества. Но вотъ нѣкоторымъ показалось, что вѣра и наука непримиримы, что успѣвать въ наукахъ можно не иначе, какъ съ ущербомъ для вѣры, и вѣровать можно только съ ущербомъ для знанія. Явилось печальное раздѣленіе силъ, которыхъ согласное дѣйствованіе столь нужно для народнаго образованія. Одни требуютъ просвѣщенной вѣры въ Бога и Его откровеніе, другіе—безусловной вѣры въ разумъ человѣческій; одни огражденіе нравственности находятъ въ законѣ Божиемъ и уставахъ церкви, другіе — въ благородныхъ влеченіяхъ природы человѣческой; одни внушаютъ благоговѣніе къ священной власти родительской; другіе видятъ въ ней стѣсненіе для свободнаго развитія юныхъ силъ; одни проповѣдуютъ святость брачныхъ узъ и цѣломудріе, другіе—свободу чувства и сердечныхъ влеченій, оправдывающую преступленія; одни внушаютъ уваженіе къ законной власти, другіе требуютъ права суда надъ всякимъ движеніемъ власти; одни хотятъ проповѣдывать христіанство, другіе—новѣйшее язычество. Въ несчастной срединѣ между ними стоитъ та часть нашего образованнаго общества, которая, безъ яснаго сознанія непримиримости этихъ двухъ враждебныхъ началъ, по временамъ подчиняется вліянію то той, то — другой, и то жалѣетъ разстаться съ вѣрою, которая еще живетъ въ сердцѣ, то боится прямо возстать противъ духа невѣрія, прикрываемаго почтеннымъ именемъ науки».

Прекрасны мысли проповѣдника о любви къ отечеству. «Главный врагъ всякой истинной любви къ земнымъ предметамъ, достойнымъ ея,—разсуждаетъ онъ,—есть увлеченіе или пристрастіе. Оно бываетъ тогда, когда избытокъ чувства и сила привязанности вредятъ спокойной и ясной дѣятельности ума. Есть патріоты, для которыхъ родная страна—рай земной, всѣ соотечественники—лучшіе люди въ мірѣ, всѣ національныя учрежденія—верхъ совершенства. А есть и такіе—путешественники, у которыхъ по возвращеніи на родину, не сходитъ съ языка превозношеніе всего чужаго и порицаніе всего отечественнаго. Если внимательно разсудить, говоритъ проповѣдникъ, какой изъ этихъ двухъ родовъ пристрастія вреднѣе для блага отечества, то окажется, что пристрастіе къ отечественному, хотя само по себѣ достойно порицанія, но менѣе вредно для народовъ, чѣмъ пристрастіе къ чужому. Первое вредитъ развитію народа, препятствуя ему заимствовать то,

что есть лучшаго у другихъ, но не измѣняетъ личнаго характера народа, съ ревностію бережетъ основныя начала народной силы, и хотя преувеличиваетъ, но сохраняетъ цѣльною, чуткою, бдительною и мужественною любовью къ отечеству. Пристрастіе къ иноземному, напротивъ, вредитъ чувству любви къ отечеству въ самомъ корнѣ, потому именно, что переноситъ наше сочувствіе за предѣлы отечества и такъ сказать похищаетъ у него наше сердце. Пристрастіе къ своему бываетъ источникомъ одностороннихъ сужденій о благахъ чужихъ странъ; пристрастіе къ иноземному порождаетъ ложный взглядъ на блага, которыя уже имѣемъ, и не рѣдко на то, что составляетъ истинную силу народа и основаніе его благосостоянія. Пристрастіе къ своему препятствуетъ принимать чужое добро; пристрастіе къ чужому заставляеть пренебрегать своимъ добромъ, не рѣдко приносить его въ жертву для чужихъ видовъ и цѣлей, а иногда и прямо безъ борьбы отдавать чужимъ то, что приобретено трудами и кровью предковъ. Когда пристрастіе къ своему умѣряется, постепенно равняется: тогда народъ начинаетъ ясно и спокойно смотрѣть на чужое добро и усвоить его себѣ, сохраняя къ отечеству всю теплоту и силу любви. Но когда человѣкъ начинаетъ излѣчиваться отъ пристрастія къ чужому, тогда для его сердца предстоитъ еще задача полюбить свое родное, забытое и пренебреженное; а это иногда бываетъ такъ трудно, какъ переродиться, особенно, когда человѣкъ съ дѣтства воспитанъ въ иностранномъ духѣ... «Трудно даже мыслію обойти предѣлы страны, которую Господь далъ намъ въ обладаніе. Ни одинъ народъ никогда не имѣлъ подобной. Сосѣди смотрять на нее съ завистію, находятъ, что она слишкомъ для насъ обширна, исчисляють ея богатства и осуждаютъ насъ за неумѣніе ею пользоваться. Не обличаютъ ли они этимъ въ неблагодарности и въ непониманіи высокаго призванія народа русскаго тѣхъ изъ насъ, которые, засмотрѣвшись на красоты чужихъ странъ, охладѣли къ своей? Отчего люди выселяются изъ своей родины на чужбину? Или имъ здѣсь тѣсно? Или земля наша скудна? Или жить съ роднымъ народомъ упизительно? Нѣтъ. Это жертвы развившагося въ послѣднее время до крайности пристрастія къ чужому. Имъ легче жить съ тѣми, кому они усвоены воспитаніемъ, чѣмъ съ тѣми, кому принадлежать по рожденію. И они живутъ тамъ многіе годы, лишая свое отечество силъ нравственныхъ и вещественныхъ, которыя ему такъ нужны. Они, однакожъ, оправдываютъ себя. Тамъ въ благословенныхъ странахъ—небо яснѣе, воздухъ мягче, растительность роскошнѣе; тамъ учрежденія лучше, удобствъ жизни больше, тамъ воспитаніе дѣтей дешевле! Но если бы

эти добровольные изгнанники меньше привыкали къ нѣгѣ, они не боялись бы воздуха родины. Еслибъ они больше любили отечество, не предпочитали бы его благу красотъ природы и личныхъ наслажденій! Узнавъ доброе у другихъ народовъ, они спѣшили бы домой, какъ пчелы въ улей съ медомъ, чтобы водворить это добро на родинѣ. Еслибъ они лучше понимали глубокое значеніе для блага народа воспитанія дѣтей въ его средѣ, они знали бы, что граждане, воспитанные среди чужихъ народовъ въ ихъ духѣ, никогда не будутъ имѣть дорогой цѣны для отечества. Имъ справедливо можетъ сказать земля русская: сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергошася мене» (Стр. 30—37).

Наконецъ, въ проповѣдяхъ о. Ключарева есть откликъ и на такіе современные вопросы, какъ вопросъ о классицизмѣ. Въ словѣ, сказанномъ при погребеніи Евгенія, бывшаго архіепископа ярославскаго, проповѣдникъ говоритъ, что мы испытали на пути образованія повороты и перемены, которые заставляютъ жалѣть о времени Евгенія. Евгеній высоко цѣнилъ крѣпкое классическое образованіе, «которое впоследствии безъ жалости стерли съ лица земли, вмѣсто того, чтобы пополнить его тѣмъ, чего ему недоставало и что теперь съ большими усилиями опять отыскиваютъ и устанавливаютъ, затрудняясь даже убѣдить большинство образованныхъ людей въ его важности и достоинствѣ» (стр. 187). Долговѣчность покойнаго, умершаго на 93 году, рассматривается проповѣдникомъ какъ доказательство пользы безбрачія и аскетизма, необычайнаго воздержанія въ пищѣ, и какъ прямой укоръ тому мнѣнію «новыхъ» учоныхъ, выдаваемому ими за законъ, что лишеніе мяса и брачнаго сожитія есть намѣренное сокращеніе жизни. «Вотъ почти столѣтняя жизнь, — говоритъ проповѣдникъ, — и не единственная въ иночествѣ, проведенная въ продолженіе 70 лѣтъ безъ мяса и всегда въ строгомъ соблюденіи постовъ и цѣломудрія. Мясо питательнѣе всѣхъ веществъ, но есть состоянія тѣла и духа, въ которыхъ вредны именно особенно питательныя вещества. Страсть плотская можетъ сокращать жизнь, но не тогда, когда смиряется силой воли и благодати, и наконецъ совершенно погасаетъ отъ перевѣса дѣятельности другихъ высшихъ органовъ нашихъ, сохраняя намъ цѣлость неразстраченныхъ и неразстроенныхъ силъ ума, сердца и тѣла» (стр. 193).

Послѣ такихъ разсужденій проповѣдника читатель не долженъ удивляться, если въ сборникѣ о. Ключарева онъ находитъ цѣлую проповѣдь «объ аскетизмѣ», посвященную защитѣ принциповъ монашеской жизни противъ современныхъ обвиненій и нареканій; раздающихся по временамъ въ нашей печати и въ обществѣ «Аскетизмъ, — говоритъ проповѣдникъ, — есть добровольное ограниченіе себя въ удов-

детвореніи естественныхъ потребностей. Это начало нравственности, противоположное современному, которое говоритъ: «природа твоя одна можетъ предписывать тебѣ законы, — дѣлай все, чего она требуетъ, къ чему влечетъ тебя». За чѣмъ подвижники идутъ противъ природы? Они идутъ не противъ природы, а противъ разстройства въ своей собственной природѣ, противъ развращенной воли человѣка. Все въ природѣ имѣетъ нужду въ пищѣ, но одинъ человѣкъ способенъ обращать питаніе въ наслажденіе, доходящее до страсти, и утучнять себя пищею до потери здоровья. Все въ природѣ имѣетъ нужду въ питіи, но одинъ человѣкъ находитъ наслажденіе въ такомъ количествѣ питія, которое лишаетъ его самосознанія и самообладанія. Все въ природѣ имѣетъ инстинктъ продолженія рода, но одинъ человѣкъ обращаетъ этотъ инстинктъ въ источникъ отвратительныхъ пороковъ и ужасающихъ болѣзней. Все живое любитъ свободу жизни и движеній, но одинъ человѣкъ доводитъ свободу до своевоія и буйства, которыя плодятъ множество преступленій. Всякое созданіе Божіе въ часы свободы и благоденствія радуется отъ играющаго въ немъ чувства жизни, но одинъ человѣкъ стремится всю жизнь свою обратить въ непрерывный праздникъ. Современные ученые попечители о страждущемъ человѣчествѣ—чего не предлагаютъ для облегченія его нуждъ! И насильственное отобраніе имѣній у богатыхъ—для равномѣрнаго раздѣла между бѣдными, и приостановленіе законныхъ брачныхъ союзовъ между недостаточными людьми, и умерщвленіе новорожденныхъ дѣтей у многосемейныхъ родителей, и убіеніе медицинскими средствами страждущихъ больныхъ, когда наука признаетъ ихъ неизлѣчимыми. Только любезной имъ роскоши коснуться не хотятъ; между тѣмъ какъ въ отреченіи отъ роскоши, самоограниченіи—панацея для уврачеванія большей части матеріальныхъ золъ, удручающихъ человѣчество. Такимъ образомъ, аскетизмъ не есть лишь монашескій обѣтъ, а въ извѣстномъ смыслѣ—обязанность всякаго человѣка-христіанина».

Намъ хотѣлось бы еще резюмировать содержаніе нѣкоторыхъ другихъ проповѣдей достопочтеннаго о. Ключарева, напримѣръ, прекрасной проповѣди при погребеніи П. А. Тучкова, бывшаго московскаго генералъ-губернатора; но все, что есть прекраснаго въ разсмотрѣнной книгѣ не передать въ журнальной рецензіи. Заклучимъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы побольше появлялось въ нашей духовной литературѣ, сборниковъ, подобныхъ сборникамъ оо. А. М. Иванцова-Платонова и А. О. Ключарева, чтобы почаще слышалось съ нашей церковной кафедръ такое зрѣлое и умное публицистическое слово.

О вѣдѣрковныхъ обязанностяхъ Духовенства.

Политико-экономическій принципъ раздѣленія труда искони имѣлъ примѣненіе не въ одной только сферѣ промышленнаго производства. Специализація служебныхъ профессій въ разнообразныхъ отправленияхъ общественнаго и государственнаго организма также древня, какъ и самое древнее изъ человѣческихъ обществъ. Всегда и вездѣ не только «пирого печеть пирожникъ, а сапоги изготовляетъ сапожникъ», но въ тоже время одни охраняютъ вѣдѣшнюю независимость, другіе внутренней порядокъ и спокойствіе, судья чинитъ внутренней судъ и расправу, служитель алтаря отправляетъ священнодѣйствія богослуженія и поучаетъ народъ истинамъ религіи.

Такъ было вездѣ и всегда за немногими и рѣдкими исключеніями; и чѣмъ больше живетъ общество, чѣмъ дальше движется оно по пути развитія, тѣмъ больше специализируются общественно-служебныя профессии его членовъ. И не трудно понять причину такого явленія: чѣмъ больше сосредоточено вниманіе общественнаго дѣятеля на занятіяхъ его специальной профессіи, тѣмъ больше ручательствъ за успѣшное и цѣлесообразное выполненіе имъ обязанностей своего служенія и за достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя имѣлись въ виду при учрежденіи профессіи.

Намъ припомнилась эти старыя и общеизвѣстныя истины по поводу недавнихъ «отношеній» двухъ гражданскихъ административныхъ инстанцій къ епархіальнымъ преосвященнымъ о неудовлетворительномъ выполненіи нѣкоторыми сельскими священниками лежащихъ на нихъ обязанностей—доставлять своевременно статистическія таблицы для губернскихъ статистическихъ комитетовъ и выписки изъ метрическихъ книгъ о лицахъ призывнаго возраста. *Цѣлесообразно ли и согласно ли, въ самомъ дѣлѣ, съ принципами современной нашей государственной жизни возлагать на духовенство обязанности, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ обязанностямъ его служенія, и не лучше-ли было бы освободить его отъ этихъ обязанностей?

Если мы, при рѣшеніи этого вопроса, обратимся къ прошлому, то найдемъ, что долго, до самаго послѣдняго времени, то что въ этомъ отношеніи давнымъ давно практиковалось во всѣхъ образованныхъ странахъ, отнюдь не имѣло примѣненія у насъ. Даже больше-обремененіе духовенства обязанностями, не имѣющими ничего общаго

съ его спеціальнымъ служеніемъ, получило мѣсто у насъ какъ разъ въ то время, когда Россія примкнула къ семьѣ европейскихъ государствъ. Трудно сказать, была-ли какая нибудь изъ общественныхъ профессій, за исключеніемъ развѣ должностей граждански-административныхъ, которая не была бы такъ или иначе, въ цѣломъ составѣ или отчасти, приурочиваема къ кругу занятій лицъ, предназначавшихся образованіемъ и спеціальною подготовкой исключительно для служенія Церкви? Духовныя школы въ теченіе трехъ столѣтій своего существованія всегда поставляли громаднй контингентъ изъ своихъ воспитанниковъ для разнообразныхъ профессій государственной и общественной службы. Привезли изъ Америки въ Европу картофель, узнали объ этомъ полезномъ суррогатѣ хлѣбныхъ злаковъ на Руси—на приходскихъ сельскихъ священниковъ возлагается обязанность пропагаторовъ въ народѣ пользы разведенія картофеля, имъ же поручается содѣйствовать, словомъ пастырскаго увѣщанія, укрошенію такъ называемыхъ картофельныхъ бунтовъ. Появилось въ Европѣ, а за тѣмъ при великой Екатеринѣ и въ Россіи оспопрививаніе—на священниковъ же возлагается обязанность неупустительно наблюдать, чтобы всѣ ихъ прихожане прививали себѣ коровью предохранительную оспу,—черезъ нихъ же иногда разсылаются по волостямъ оспенная матерія. Задумалъ графъ Аракчеевъ устроить военныя посевенія—священникамъ подлежащихъ уѣздовъ новгородской губерніи вмѣняется въ обязанность проповѣдывать народу о пользѣ этой непопулярной мѣры. Понадобилось пропагандировать въ народѣ національные западно-европейскіе способы полеводства и сельскаго хозяйства, искоренять знахарство и современное простонародное кудесничество и распространять здоровыя медицинскія понятія въ народѣ: и вотъ въ курсъ семинарскаго обученія, на ряду съ богословскими и философскими науками, вводятся медицина, сельское хозяйство, минералогія, ботаника и зоологія, и кромѣ того отъ времени до времени лучшихъ воспитанниковъ опредѣляютъ стипендіатами духовнаго вѣдомства въ горыгорѣцкій земледѣльческій институтъ и въ с.-петербургское земледѣльческое училище. Возникла наконецъ въ правительственныхъ сферахъ заботливость объ образованіи народа, и опять, кому же поручить осуществленіе этого дѣла, какъ не духовенству? На духовенство возложена была обязанность и устраивать народныя школы, и наблюдать за ними и быть въ нихъ преподавателями.

Все это было прекрасно, какъ доказательство нравственной силы духовенства и довѣрія къ нему со стороны общества и государства и несомнѣнно полезно для успѣха того или другаго дѣла. Намъ не

такъ давно довелось знать одного почтеннаго сельскаго пастыря, который, отправляя безъ упущенія священнодѣйствія и требы въ приходѣ, состоявшемъ болѣе чѣмъ изъ тысячи душъ, произнося, если не каждое воскресенье, то каждый праздникъ поученія въ церкви, хоть и не всегда имъ самимъ составленныя, въ тоже время самъ велъ свое небольшое хозяйство по новѣйшимъ системамъ полеводства по предписаніямъ агрономической науки, пользуясь позднѣйшими приспособленіями сельскохозяйственной техники и сельскохозяйственными машинами, подаренными ему при окончаніи курса въ земледѣльческомъ училищѣ, получая вдвое болѣе обильный урожай, чѣмъ какой имѣли съ своихъ полей крестьяне, занимался рационально пчеловодствомъ, былъ единственнымъ учителемъ въ сельской школѣ, устроенной отъ министерства государственныхъ имуществъ, наконецъ, выслушавъ въ семинаріи курсъ медицины, и запасшись извѣстнымъ стариннымъ «наставленіемъ» Степана Хотовицкаго (выдававшимся прежде семинаристамъ при окончаніи курса вмѣстѣ съ царскою и патріаршею грамотами объ учрежденіи Св. Синода), а также извѣстнымъ лечебникомъ князя Паренія Энгальчева, объявилъ нещадную войну звахарству и современному простонародному кудесничеству, такъ что во всемъ приходѣ никто не могъ заболѣть безъ того, чтобы не сдѣлалось о томъ извѣстнымъ почтенному пастырю, въ скромной «залѣ» котораго въ ряду мебели одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ огромный шкафъ съ медикаментами и аппаратами.

Но, какъ легко понять, подобные случаи были слишкомъ исключительны. Оказалось, что нельзя въ одно время двумъ господамъ работать: всѣ эти сельско-хозяйственныя и медицинскія свѣдѣнія или оставались безъ приложенія или отвлекали духовенство отъ прямыхъ обязанностей его служенія и парализовали успѣхъ его специальныхъ занятій. Послѣдовала реформа духовно-учебныхъ заведеній, устранившая изъ семинарскаго курса и медицину, и сельское хозяйство, и естественную исторію. Такъ сказался впервые въ жизни нашего духовенства политико-экономическій законъ раздѣленія труда и спеціализаціи общественно-служебныхъ профессій! Дальнѣйшій шагъ въ примѣненіи этого закона состоялъ въ томъ, что новый уставъ о народныхъ училищахъ, который, не устраняя духовенство отъ народныхъ школъ и отъ преподаванія въ нихъ по мѣрѣ желанія и возможности, что было бы крайне невыгодно для дѣла народнаго образованія, отмѣняетъ обязательныя отношенія духовенства къ школѣ.

Но вотъ оказывается, что спеціализація священническаго служенія остановилась такъ сказать на полдорогѣ: почти одновременно со

снятіємъ съ духовенства обязанностей, не имѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ пастырскому служенію, состоялись распоряженія, налагающія на священниковъ другія, уже вовсе не имѣющія къ этому служенію непосредственнаго отношенія: такъ въ 1866 году возложено на священниковъ, независимо отъ метричь, представляемыхъ въ консисторіи, составленіе статистическихъ таблицъ о родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся, для губернскихъ статистическихъ комитетовъ, затѣмъ новый уставъ о воинской повинности вмѣнилъ въ обязанность священникамъ составленіе списковъ лицъ призывнаго возраста. Обѣ эти обязанности, которыя духовенство должно отправлять безмездно, не такъ легки, какъ это можетъ показаться съ перваго раза и мы позволяемъ себѣ думать, что отъ нихъ духовенство легко могло бы быть освобождено безъ ущерба дѣлу, въ виду многосложности и трудности специальныхъ обязанностей священнослужителей, и безъ малѣйшаго ущерба тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣлись въ виду при возложеніи на сельское духовенство обязанностей относительно губернскихъ статистическихъ комитетовъ и губернскихъ воинскихъ присутствій.

Духовенство, какъ извѣстно, извлекаетъ свѣдѣнія для составленія какъ статистическихъ таблицъ, такъ и списковъ лицъ призывнаго возраста—изъ имѣющихся при церквахъ метрическихъ книгъ, Подлинники этихъ книгъ отсылаются въ спеціальныя бюрократическія учрежденія епархіальныхъ вѣдомствъ—духовныя консисторіи. Почему бы, думается намъ, губернскимъ статистическимъ комитетамъ не добывать нужныя статистическія таблицы у себя на мѣстѣ, въ губернскомъ городѣ, непосредственно изъ консисторій, командируя въ нихъ для того своихъ членовъ, или же исходатайствовавъ въ законодательномъ порядкѣ распоряженіе о томъ, чтобы эти работы были для него изготовляемы спеціальными бюрократическими учрежденіями духовнаго вѣдомства-канцеляріями консисторій, гдѣ всякія бюрократическія работы дѣло спеціальной профессіи, слѣд. дѣло легкое и удобоисполнимое? Намъ скажутъ, что у консисторій много своего дѣла. Мы отвѣтимъ: у священниковъ своего дѣла еще больше. Во всякомъ случаѣ проектируемый нами порядокъ составленія метрическихъ таблицъ и выписей гораздо былъ бы удобнѣе, чѣмъ собираніе требуемыхъ свѣдѣній въ отдѣльности отъ каждаго сельскаго причта, для котораго всякая бюрократическая работа составляетъ излишекъ, посторонній трудъ, отвлекающій священника отъ болѣе производительнаго и болѣе соотвѣтственнаго обязанностямъ его служенія употребленія времени, и кромѣ того дѣло хлопотливое, въ виду недо-

статна навька и подготовки сельскихъ священниковъ къ бюрократическимъ работамъ. Тогда, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могли бы имѣть мѣста тѣ упущенія и неисправности, на которыя вполне основательно жалуется преосв. Макарію г. предсѣдатель орловскаго губернскаго статистическаго комитета.

Тоже самое можно сказать и относительно возложенной на духовенство обязанности относительно доставленія метрическихъ выписей о лицахъ призывнаго возраста въ призывные участки, относительно чего уже существуютъ заявленія о неисправности духовенства (см. въ «Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за 1875 годъ отношеніе исправляющаго должность одесскаго губернатора, г. Эрдели къ мѣстному преосвященному). Въ новомъ уставѣ о воинской повинности нигдѣ не говорится, что выписи эти должны составляться на мѣстѣ приходскими священниками. Между тѣмъ не нужно и доказывать, что сдѣлать выписку изъ всѣхъ метрическихъ книгъ гораздо легче, когда онѣ собраны въ одно мѣсто, въ архивы консисторій, нежели въ томъ случаѣ, когда они разбросаны по приходамъ, — и центральнымъ губернскимъ учреждениямъ, губернскимъ по воинской повинности присутствіямъ и духовнымъ консисторіямъ гораздо легче сноситься между собою, чѣмъ отдѣльнымъ призывнымъ участкамъ съ отдѣльными причтами.

Но и независимо отъ этихъ соображеній духовенство должно быть освобождено, по нашему мнѣнію, отъ этихъ не имѣющихъ никакого отношенія къ его прямымъ обязанностямъ порученій, въ виду того соображенія, что кругъ его собственныхъ обязанностей годъ отъ года все болѣе расширяется и усложняется, что каждый свободный часъ современный сельскій священникъ можетъ употребить болѣе производительного и цѣлесообразно, чѣмъ на составленіе выписей изъ метрикъ для статистическихъ комитетовъ и призывныхъ участковъ. Повсемѣстно все болѣе и болѣе усиливается запросъ на проповѣдничество въ селахъ, на устройство приходскихъ братствъ и попечительствъ, въ которыхъ священникамъ естественно должна принадлежать главная, руководящая роль. Во всѣхъ почти епархіяхъ существуютъ епархіальные историко-статистическіе комитеты, для которыхъ священники обязаны составлять историко-статистическіе описанія своихъ приходовъ и церквей. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ по распоряженіямъ мѣстныхъ преосвященныхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ установлено веденіе приходскихъ лѣтописей — прекрасное дѣло, которое если бы привилось повсемѣстно, какой обильный матеріалъ могло бы доставить для изученія религіознаго быта нашего народа и вообще для этногра-

фія! Въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ начали было уже печататься подобные приходскіе дневники, — но въ послѣднее время, ихъ, къ сожалѣнію, появляется все меньше и меньше, какъ все меньше и меньше находили мы въ этихъ вѣдомостяхъ свѣдѣній о воскресныхъ школахъ при семинаріяхъ. Какъ на образецъ такихъ дневниковъ, укажемъ на напечатанный въ «Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1875 годъ (№ 2). А сколько отнимаетъ времени у духовенства—его домашнее дѣло—распредѣленіе приходовъ и причтовъ, идущее, впрочемъ, такъ медленно, что за прошедшій годъ оно приведено къ концу кажется въ одной Тамбовской епархіи! Наконецъ, какъ извѣстно готовится новый законъ, которымъ, если вѣрить «Московскимъ Вѣдомостямъ», даны будутъ раскольникамъ полныя гражданскія права и полная свобода вѣроисповѣданія. Для духовенства законъ этотъ будетъ имѣть ту хорошую сторону, что для него не будетъ больше имѣть мѣста то двусмысленное положеніе, въ которое оно было поставлено въ отношеніи къ расколу двойственностію, существовавшею доселѣ въ отношеніяхъ нашего законодательства къ расколу—одновременнымъ существованіемъ законовъ обнародованныхъ, воспрещавшихъ расколь, и —секретныхъ предписаній, узаконявшихъ извѣстнаго рода терпимость въ отношеніи къ нему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для духовенства, очевидно, возникаетъ необходимость больше, чѣмъ когда либо запастись нравственными ресурсами для борьбы съ расколомъ: спеціальнымъ изученіемъ нашего сектантства, раскольничьей и противораскольничьей литературы, для чего псковская «Истина», московское «Братское Слово» и казанскій «Православный Собесѣдникъ» обѣщаютъ дать сельскимъ священникамъ обильный матеріалъ. Затѣмъ проектируемое предоставленіе расколу права открывать свои школы грамотности получаетъ особенно важное значеніе и снова обращаетъ вниманіе духовенства на устройство школъ православныхъ, на положеніе въ нихъ закона Божія и вообще религіознаго элемента. Солидарность и взаимодѣйствіе между учителемъ православной сельской школы и приходскихъ священникомъ являются дѣломъ крайней необходимости, въ виду недовѣрія нашихъ крестьянъ къ учителямъ — «сюртучникамъ» и къ новымъ методамъ преподаванія, недовѣрія, которое если не позаботятся его своевременно преодолѣть и устранить, можетъ послужить поводомъ къ переходу учениковъ изъ школъ казенныхъ и церковныхъ въ школы раскольничьи и старообрядческія.

Мартъ 1875 г.

Нѣсколько словъ о преподаваніи словесности въ семинаріяхъ, примѣнительно къ новому уставу ¹⁾).

I. Словесность въ настоящее время не въ семинаріяхъ только признается однимъ изъ наиболѣе трудныхъ предметовъ преподаванія. Въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, повидимому, должно быть болѣе шансовъ на успѣхъ преподаванія, чѣмъ въ семинаріяхъ, такъ какъ тамъ преподаватели дѣлаютъ сѣзды ²⁾, педагогическія собранія ³⁾, съ цѣлію совокупнаго обсужденія методовъ преподаванія и пр., такъ какъ, далѣе, тамъ существуютъ педагогическіе курсы ⁴⁾, дающіе возможность готовящемуся къ преподаванію предварительно ознакомиться съ своимъ дѣломъ, подъ руководствомъ болѣе опытныхъ и искусныхъ преподавателей,—въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, дѣло это, на сколько можно судить о немъ по официальнымъ заявленіямъ и по отзывамъ литературы, представляется далеко не въ блестящемъ видѣ. Повсюду слышатся жалобы на упадокъ преподаванія словесности. «Старыя методы рушились, а новыя не созданы», говорятъ сами преподаватели. «Мы не только не дерзаемъ требовать отъ нашихъ учениковъ основательнаго знакомства съ произведеніями знаменитыхъ русскихъ авторовъ, говорится въ одной изъ статей лучшаго нашего педагогическаго журнала «Учитель», но даже смотримъ съвозъ пальцы, на то, что въ продолженіе семигодичнаго курса ученики наши не въ состояніи прочно усвоить правилъ орѳографіи... Историко-литературныя свѣдѣнія нашихъ учениковъ ограничиваются голословными фразами, схоластическими опредѣленіями и публицистическими выходками...» ⁵⁾. Еще болѣе мрачными красками изображается преподаваніе словесности въ гимназіяхъ, въ

¹⁾ Изъ записки, представленной въ учебный комитетъ при Св. Синодѣ.

²⁾ Напр. недавній сѣздъ преподавателей рус. языка и словесности въ казанскомъ учебн. округѣ, напечатавшій отчеты о своихъ засѣданіяхъ.

³⁾ Напр. педагогич. собраніе при 2-й с.-петербургской гимназіи.

⁴⁾ Напр. педагогич. курсы при 2-й военной гимназіи въ С.-Петербургѣ.

⁵⁾ Учт. 1864. «О методѣ чтенія поэзич. произведеній».

официальных документахъ, напримѣръ въ отчетѣ комисіи, ревизовавшей с.-петербургскій учебный округъ, въ особой обширной запискѣ одного изъ ревизоровъ, Шафранова, съ эпиграфомъ: «не въ осудъ будь сказано», въ циркулярахъ по управленію этого округа, помѣщаемыхъ въ официальномъ отдѣлѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Смутное или превратное пониманіе цѣлей преподаванія, преслѣдованіе цѣлей побочныхъ, второстепенныхъ, въ ущербъ цѣлямъ главнымъ и существеннымъ; неопредѣленность и неустойчивость программы или даже совершенное ея отсутствіе, совершенный произволъ въ выборѣ предметовъ преподаванія, лишеннаго всякой системы, и вслѣдствіе этого—неполнота курсовъ; наконецъ, почти повальная безграмотность учащихся: таковы слабыя стороны преподаванія словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, указываемыя въ упомянутыхъ официальныхъ документахъ.

Сознавая неудовлетворительное положеніе дѣла, преподаватели свѣтскихъ учебныхъ заведеній на съѣздахъ и собраніяхъ много разсуждаютъ, горячо спорятъ, но рѣдко приходятъ къ окончательному соглашенію ¹⁾. Желанное единообразіе въ преподаваніи словесности доселѣ еще составляетъ для нихъ *pium desiderium*. Все это указываетъ на тѣ трудности, съ какими неизбѣжно встрѣчается преподаватель словесности въ настоящее время. Среди этихъ противорѣчій и разногласій, при недостаткѣ окончательно установившейся программы, каждому преподавателю приходится самому выработать себѣ программу, сообразно съ своими личными воззрѣніями и тѣми условіями, которыми обставленъ въ извѣстномъ учебномъ заведеніи преподаваемый предметъ. Въ виду этихъ трудностей начальствами учебныхъ заведеній программы большею частію составляются самыя краткія, чтобы излишнею регламентаціей не стѣснять личныхъ воззрѣній преподавателя. Особенно поражаетъ своею непритязательностію программа для желающихъ поступить въ московскій университетъ: она ничего болѣе не требуетъ, какъ простаго умѣнья отчетливо и складно передать, устно и письменно, содержаніе болѣе замѣчательныхъ произведеній отечественной литературы и нѣсколькихъ произведеній литературъ иностранныхъ. Нормальная табель женскихъ гимназій (курсъ которыхъ почти ничѣмъ не разнится отъ курса гимназій мужскихъ) всю программу словесности сокращаетъ въ слѣдующіе три параграфа: 1) чтеніе образцовъ, съ цѣлію вывода основныхъ логическихъ и психологическихъ понятій; 2) чтеніе и разборъ

¹⁾ См. протоколы засѣданій с.-петербургскаго педагогическаго собранія при 2-й гимназій въ «Учитель».

образцовъ съ цѣлю вывода элементарныхъ понятій теоріи прозы и поэзіи; 3) ознакомленіе съ исторіей русской литературы въ ея главнѣйшихъ представителяхъ, преимущественно со временъ Петра Великаго.

II. Болѣе общій, почти общепринятый, взглядъ на преподаваніе словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ состоитъ въ слѣдующемъ. Отвергнувши систематическое изложеніе теоріи словесности—стилистику, риторикѣ общую и частную, пѣитику, на томъ основаніи, что теоретическія отвлеченности, которыми пришлось бы заниматься при такомъ веденіи дѣла, слишкомъ трудны для дѣтей, что онѣ, при всѣхъ толкованіяхъ учителя, могутъ быть усвоены учениками лишь механически, одною памятью, слѣдовательно не только безъ пользы, но и съ вредомъ для дѣтей; отбросивши затѣмъ и исторію литературы, на томъ основаніи, что «каждое среднее учебное заведеніе, которое дерзаетъ обѣщать познакомить учениковъ съ исторіею литературы, обманываетъ себя, учениковъ и ихъ родителей», и что систематическое изложеніе исторіи литературы можетъ дать только голую номенклатуру, голословные приговоры, а все это только расслабляетъ мышленіе ребенка, заставляя его повторять слова учителя безъ всякой возможности провѣрить ихъ,—большинство свѣтскихъ преподавателей предпочитаетъ *изучать съ учениками въ классѣ самыя сочиненія писателей*, а не фразы, сказанныя о нихъ тѣмъ или другимъ ученымъ, заниматься «чтеніемъ этихъ сочиненій, рассчитанныхъ на возбужденіе мыслительной самодѣятельности въ учащихся», на логическое, эстетическое, нравственное и всякое другое развитіе ихъ.

Согласные въ необходимости изгнать изъ гимназическаго курса теорію и исторію литературы, преподаватели разногласятъ въ томъ, какъ должно производить чтеніе и на что при этомъ преимущественно должно быть обращено вниманіе. Одни, имѣя въ виду главнымъ образомъ эстетическое и нравственное развитіе дѣтей, выдвигаютъ на первый планъ значеніе *непосредственнаго дѣйствія читаемаго произведенія* на душу ребенка и устраняютъ всякій анализъ, такъ какъ этотъ анализъ можетъ уничтожить благотворное дѣйствіе самаго произведенія и такъ какъ въ этомъ случаѣ преподавателю грозитъ опасность «уподобиться ребенку, который, желая разсмотрѣть крылья бабочки, мнетъ ее въ своихъ рукахъ и тѣмъ уничтожаетъ то самое, чѣмъ интересовался». Другіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ пробужденіе сознанія и самодѣятельности и считая недостаточнымъ для развитія ребенка одно наслажденіе, впечатлѣніе, хотя

бы и глубокое, требуютъ возведенія темнаго чувства на степень яснаго сознанія, и съ этою цѣлю каждую читаемую пьесу под-
вергаютъ всестороннему анализу, такъ что она служитъ лишь матеріаломъ для всякаго рода работъ въ классѣ и внѣ класса.

Болѣе подробное изложеніе различныхъ взглядовъ нашихъ свѣтскихихъ педагоговъ на преподаваніе словесности завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Довольно сказать, что въ настоящее время существуетъ уже цѣлая литература по вопросу о преподаваніи словесности, въ которой съ достаточною обстоятельностью раскрывается этотъ новый методъ преподаванія. Укажемъ болѣе замѣчательныя изъ относящихся сюда сочиненій: 1) «О преподаваніи литературы» *Стоюнина*. Не соглашаясь съ воззрѣніями автора на древнюю русскую литературу въ особенности на проповѣдническую, и на произведенія народной нашей словесности, нельзя не признать достоинства метода, въ первый разъ въ его книгѣ объясненнаго; не лишены значенія и его образцы разбора стихотвореній. 2) Рядъ статей *Скопина* въ «Учитель» за 1863—1866 годы, въ особенности статьи «о методѣ чтенія поэтическихъ произведеній», въ которыхъ взгляды, высказанные въ книгѣ Стоюнина, раскрыты съ болшею обстоятельностью по нѣмецкимъ источникамъ (по Любену и др.). 3) *Филологическія записки*, изд. въ Воронежѣ, журналъ превосходный, хотя весьма мало распространенный, спеціально посвященный преподаванію русскаго языка; редакторъ Филологическихъ записокъ тщетно взываетъ о поддержкѣ между прочимъ и къ правленіямъ семинарій. 4) Въ журналъ *Министерства народнаго просвѣщенія* за послѣднія десять лѣтъ—подъ редакцію Ушинскаго, Рехневскаго, Георгіевскаго—нѣсколько статей различныхъ авторовъ о преподаваніи словесности. 5) Въ «*Педагогическомъ сборникѣ*», издаваемомъ при главномъ управленіи военно учебныхъ заведеній, рядъ уроковъ Словесности Водовозова. 6) Книга того же автора: словесность въ разборахъ и примѣрахъ 1868 г. 7) Въ «*Сѣверной Почтѣ*» за 1865 г. статьи Галахова. 8) Записка *Шафранова* о преподаваніи русскаго языка и словесности въ с.-петербургскомъ учебномъ округѣ — почтенный трудъ, исполненный практическихъ указаній и совѣтовъ, драгоценныхъ въ особенности для преподавателя начинающаго. 9) Распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ с.-петербургскаго учебнаго округа, составленное въ 1866 г. учебнымъ совѣтомъ при попечителѣ учебнаго с.-петербургскаго округа. 10) Сочиненія *Буслова и Срезневскаго* о преподаваніи отечествен-

наго языка. 11) Образцы разбора стихотвореній въ «Учителѣ» и въ «Журналѣ для дѣтей» Чистякова.

III. Какъ долженъ отнестись къ толкамъ свѣтскихъ преподавателей преподаватель словесности въ семинаріи? Честь и слава ему, если онъ собственными усиліями сѹмѣетъ стать на должную дорогу, самъ выработаетъ себѣ и хорошую программу и правильный методъ: Но намъ кажется, что преподаванію словесности, какъ и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, входящихъ въ семинарскій курсъ, какъ и вообще педагогическому дѣлу, мы должны учиться у свѣтскихъ учебныхъ заведеній, которыя, что бы про нихъ ни говорили, далеко оставили за собою семинаріи даже въ томъ, что еще такъ недавно составляло неоспоримое преимущество семинарій предъ гимназіями—въ знаніи классическихъ языковъ. Самообоольщеніе, обособленіе, замкнутость здѣсь менѣе умѣстны, чѣмъ гдѣ-либо. Въ этомъ случаѣ насъ не должно смущать то предубѣжденіе, съ какимъ еще доселѣ само свѣтское общество смотритъ на свѣтскихъ преподавателей словесности, считая ихъ пропагандистами нигилизма. Вся искушающе, добрая держите. Можно оставить безъ вниманія программы тѣхъ преподавателей, которые задаются социальнымъ развитіемъ учениковъ, подготовленіемъ «будущихъ гражданъ», насажденіемъ «честныхъ и твердыхъ убѣжденій» посредствомъ изученія Беранже, Гейне, Некрасова и пр. (1); но игнорировать изъ за-нихъ все свѣтское преподаваніе было бы большимъ грѣхомъ. Не смотря на всѣ недостатки этого преподаванія, указываемые и официально и въ литературѣ, много въ немъ есть такого, чему стоитъ поучиться преподавателю семинаріи, приступающему къ дѣлу обыкновенно безъ всякой предварительной специальной подготовки, и во все продолженіе своей дѣятельности изолированному, предоставленному самому себѣ. Вотъ почему желательно было бы, чтобы преподавателямъ словесности въ семинаріяхъ, особенно начинающимъ, рекомендованъ и облегченъ былъ доступъ въ свѣтскія учебныя заведенія, гдѣ бы они могли посмотрѣть, какъ дѣлается дѣло у другихъ. Для всѣхъ стало очевидно, что уже нельзя довольствоваться стариннымъ домашнимъ нашимъ методомъ преподаванія по сокращеннымъ академическимъ запискамъ или по книгамъ Данскаго, и пр., при чемъ чтеніе въ классѣ представлялось излишнею роскошью, напрасною тратой времени, а все вниманіе сосредоточивалось на заучиваніи тетрадокъ. Съ другой стороны, практическій методъ преподаванія словесности, принятый въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, требуетъ

(1) См. о такихъ программахъ въ упомянутой запискѣ Шаеранова.

большаго педагогическаго такта, навыка и умѣнья. При недостаткѣ этихъ качествъ, приобретаемыхъ главнымъ образомъ чрезъ опытъ, практическія занятія легко могутъ обратиться въ простое чтеніе, въ праздную забаву, умственно—разслабляющую учениковъ, между тѣмъ какъ они должны быть работой, трудомъ. При такомъ положеніи дѣла ближайшимъ образомъ ознакомиться съ приемами лучшихъ преподавателей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ—Рашевскаго, Стоюнина и др., дѣло далеко не излишнее. Въ чемъ именно можно слѣдовать примѣру свѣтскихъ преподавателей—мы скажемъ ниже.

IV. Принимая къ свѣдѣнію и руководству отъ свѣтскихъ преподавателей то, что у нихъ есть пригоднаго для семинарій, семинарская программа во многомъ должна существенно разниться отъ программы гимназической, соотвѣтственно тѣмъ особымъ условіямъ, въ какихъ находится преподаваніе словесности въ семинаріяхъ. Такъ:

а) Вопреки свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, поставляющимъ, въ преподаваніи словесности, на первомъ планѣ чтеніе и разборъ образцовъ, *главный предметъ занятій по классу словесности въ семинаріи должно составлять систематическое изложеніе элементарныхъ понятій теоріи и исторіи литературы*, какъ предметъ, узаконенный новымъ семинарскимъ уставомъ. Программа теоріи и исторіи литературы должна служить масштабомъ, съ которымъ соразмѣряются и къ которому приурочиваются всѣ прочія занятія — чтеніе и разборъ въ классѣ, письменныя работы учениковъ на дому.

б) Примѣнительно къ строго—классическому характеру новаго устройства преподаванія въ семинаріяхъ, преподаваніе въ нихъ словесности должно имѣть видъ *строю-систематическій*. Въ этомъ случаѣ опять нельзя слѣдовать примѣру свѣтскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ отсутствіе системы въ урокахъ словесности болшему частію—обыкновенное явленіе, — гдѣ теоретическія свѣдѣнія, если и сообщаются, то—отрывочно, по частямъ, при удобномъ случаѣ, въ видѣ случайныхъ замѣтокъ. Только систематическое усвоеніе знаній какаго бы то ни было предмета приучаетъ дѣтей къ строгому мышленію; отрывочное же и случайное ихъ сообщеніе водворяетъ въ головахъ ихъ неурядицу. Только тѣ свѣдѣнія составляютъ дѣйствительное знаніе, которыя поставлены въ соотношеніе и связь между собою. Такъ, напримѣръ, при изложеніи теоріи словесности хорошо было бы выяснитъ, на сколько возможно, генетическую связь родовъ

и видовъ словесности и, при изложеніи каждаго рода произведеній, въ отдѣльности, дѣлать краткій историческій обзоръ его развитія у разныхъ народовъ.

в) Въ семинаріяхъ словесность преподается въ низшихъ классахъ, тогда какъ въ свѣтскихъ заведеніяхъ—въ старшихъ. Нельзя не видѣть преимущества, которое въ этомъ случаѣ выпадаетъ на долю словесности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Теорія словесности—наука философская, исполненная отвлеченностей, для усвоенія которыхъ требуется нѣкоторая умственная развитость, большая той, какою обыкновенно обладаютъ ученики, только что поступившіе въ семинарію. Кромѣ того въ гимназіяхъ урокамъ словесности предшествуютъ уроки элементарной логики и психологіи; по крайней мѣрѣ такъ дѣлаютъ нѣкоторые, лучшіе, преподаватели словесности, при урокахъ которыхъ намъ случилось присутствовать. Опять ходъ дѣла вполне естественный: слово—продуктъ мысли, законы слова—выраженіе законовъ мысли; предложеніе—выраженіе сужденія; періодъ—выраженіе умозаключенія, и т. д. Когда ученикъ гимназіи слышитъ въ классѣ, что «сказка является у народа въ младенческую эпоху его жизни, когда у него надъ всѣми силами души господствуетъ фантазія», то онъ уже знаетъ, что такое фантазія, и ему не трудно объяснить, почему сказка является именно въ этотъ періодъ народнаго развитія, а не въ другой, и въ чемъ состоитъ отличіе сказки отъ другихъ видовъ эпоса. У насъ логика и психологія слѣдуютъ за словесностію, а не предшествуютъ ей. Правда, за то у насъ изъ логики и психологіи преподаются не элементарныя понятія, а цѣлая наука съ обстоятельнымъ изложеніемъ философскихъ системъ,—а это составляетъ не малое преимущество семинарій предъ гимназіями. Далѣе: число уроковъ словесности въ семинаріи меньше, чѣмъ въ гимназіи: у насъ—по три часа въ недѣлю въ продолженіе двухъ лѣтъ, а тамъ—по три урока въ теченіе трехъ или четырехъ годовъ.. Все это мы говоримъ не потому, чтобы мы думали указывать недостатки устройства преподаванія въ семинаріи; въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ все должно быть направлено къ спеціально-богословскому образованію будущихъ священниковъ, все должно быть приурочено и соразмѣрено съ главною задачею семинарскаго образованія, для уроковъ словесности едва ли могло быть отведено иное мѣсто, какъ въ младшихъ классахъ. Изъ всего, сказаннаго нами, слѣдуетъ только то, что *объемъ семинарскаго курса теоріи и исторіи словесности долженъ быть значительно короче гимназическаго*. Главное, на что должно быть у насъ обращено вниманіе,

это то, чтобы преподаватель не задавался слишком широкоми цѣлями, чтобы онъ отнюдь не выходилъ изъ круга *элементарныхъ свѣдѣній*. Нѣтъ сомнѣнiя, что словесность—наука, но наука для академической аудиторiи, а не для низшихъ классовъ семинарiи, гдѣ сидятъ дѣти отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ. Между тѣмъ это обстоятельство доселѣ у насъ, повидимому, оставлялось совершенно безъ вниманiя. Большой нашъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что мы все—профессоры, а не просто—учители, что мы любимъ читать «лекцiи», а не уроки учебного предмета, любимъ больше говорить сами, нежели заставлять работать учениковъ. Вообще нельзя не сознаться, что наши доморощенные метоты преподаванiя требуютъ радикальнаго измѣненiя, какъ и вообще наши понятiя о приемахъ обученiя, объ обращенiи съ учениками въ классѣ, о средствахъ поддержанiя дисциплины и пр. Мы любимъ трагтовать своихъ слушателей—дѣтей, точно также, какъ насъ недавно трагтовали въ академiи—взрослыми людьми, «господами;» насъ фраппируетъ, и обезкураживаетъ живость и непосѣдливость мальчика въ классѣ, которой мы иначе не умѣемъ предотвратить, какъ карой, жалобой начальству, за которую слѣдуетъ дисциплинарное взысканiе. У насъ не шалости, а преступленiя; наши наказанiя не педагогическiя мѣры, имѣющiя цѣлю должнымъ образомъ направить живость ребенка, а грозная кара закона надъ преступникомъ. Не здѣсь ли, въ такомъ пониманiи нашими преподавателями своихъ отношенiй къ ученикамъ, нужно искать источника той распушенности, на которую такъ настойчиво жалуются въ послѣднее время повсемѣстно въ семинарiяхъ и которая влечетъ за собою изгнанiе бѣдныхъ семинаристовъ цѣлыми десятками. Не достаточно знатомые съ педагогическимъ дѣломъ, мы не умѣемъ стать въ должныя отношенiя къ дѣтямъ, и за наше невѣжество дорого расплачиваются несчастныя дѣти и еще болѣе несчастны ихъ родители.

Прежде, когда времени на преподаванiе словесности въ семинарiяхъ было такъ много (шесть уроковъ въ недѣлю), и когда все преподаванiе состояло исключительно въ изложенiи теорiи словесности, объемъ курса словесности бывалъ иногда у насъ непомерно обширенъ. Излагалась *наука*, въ которой, во введенiи, опредѣлялась словесность какъ наука и какъ искусство, показывалось, на сколько частей и главъ эта наука дѣлилась и подраздѣлялась, и почему такъ, а не иначе; затѣмъ слѣдуетъ общая риторика, въ которой говорится о слогѣ сжатомъ и обильномъ, высокомъ, среднемъ и низкомъ, объ источникахъ изобрѣтенiя, о хрiяхъ, и пр. Затѣмъ слѣ-

довали изъ Давыдова правила о родахъ и видахъ прозы и поэзіи, между прочимъ подробно трактовалось о рѣчахъ военныхъ и академическихъ и пр. Все это преподаватель излагалъ въ обширныхъ запискахъ, исполненныхъ мудреныхъ опредѣленій. Записки эти большею частію компилируются преподавателемъ изъ академическихъ лекцій, изъ Давыдова, Зеленецаго и пр. и представляютъ самую разнохарактерную мозаику. Чѣмъ усерднѣе преподаватель, тѣмъ обширнѣе записки и тѣмъ пестрѣе въ нихъ мозаика. Записки должны быть на столько подробны, чтобы преподавателю ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ наблюдать за ихъ заучиваніемъ, — чтобы ихъ достало на весь курсъ, и чтобы на экзаменѣ, (который, въ подобныхъ случаяхъ, и есть главный стимулъ всѣхъ усилій преподавателя) на каждаго ученика достало по трактату. Нельзя, впрочемъ, строго винить наставниковъ семинарій за такую постановку дѣла. Цѣль и смыслъ критическаго чтенія образцовыхъ произведеній не ими только поняты еще такъ не давно. При прежнихъ понятіяхъ о преподаваніи словесности чтеніе въ классѣ считалось дѣломъ излишнимъ, вмѣнялось наставнику въ вину. Читали преподаватели въ классѣ лишь тогда, когда не успѣвали приготовить «лекцію» или когда хотѣли побаловать учениковъ... Намъ кажется, что весь курсъ элементарныхъ понятій изъ теоріи прозы и поэзіи, понятій, аналитически выведенныхъ изъ разбора образцовъ, если ужъ необходимо излагать ихъ въ запискахъ, легко можетъ уместиться въ десяти листахъ въ тетрадь, никакъ не большей, а даже и меньшей книжечъ Минина и Петрова, которыя, впрочемъ, назначены для учениковъ старшихъ классовъ, а не для дѣтей отъ 14 до 15 лѣтъ, нисколько не подготовленныхъ къ теоретическимъ отвлеченностямъ. Предлагать болѣе подробное изложеніе теоріи словесности не значило ли бы насиловать дѣтскую натуру? Не поведетъ ли это неизбѣжно къ долбленію, къ которому такъ склонны наши ученики?

г) Обзорніе видовъ поэзіи, вопреки общепринятому у насъ обычаю, должно предшествовать обзорнію видовъ прозы: во первыхъ потому, что первые легче, доступнѣе пониманію учениковъ (сочиненія философскія или ученныя должны заканчивать курсъ теоріи словесности, такъ какъ отъ нихъ прямой переходъ къ слѣдующей за тѣмъ логикѣ); во вторыхъ — потому, что таковъ естественный ходъ развитія литературы у каждаго народа: сперва является поэзія — плодъ фантазіи и чувства, потомъ проза — продуктъ дальнѣйшаго умственнаго развитія народа, образованности, свойственной болѣе поздней эпохѣ развитія жизни народа (см. подробное развитіе этой

мысли во введеніи къ опыту историческаго обзорѣнія русской словесности О. Миллера).

д) При изложеніи теоріи словесности на преподавателѣ лежитъ обязанность знакомить учениковъ съ главнѣйшими, болѣе замѣчательными произведеніями литературъ иностранныхъ, хотя и не въ такомъ объемѣ, въ какомъ это дѣлается въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это, впрочемъ, и неизбѣжно, потому что желая подтвердить свои опредѣленія того или другаго рода словесности образцомъ, преподаватель въ большинствѣ случаевъ не можетъ не отдать предпочтенія этимъ иностраннымъ произведеніямъ предъ отечественными. Говоря объ эпосѣ, можно и должно такимъ образомъ познакомить учениковъ съ Илиадою, Одиссеею, Энеидою; говоря о народномъ эпосѣ новѣйшихъ народовъ весьма прилично прочесть изъ Жуковскаго романа о Сидѣ или пѣснь о Роландѣ; преимущественно же слѣдуетъ остановиться на народномъ эпосѣ южныхъ и западныхъ славянъ, на примѣръ на пѣсняхъ о Маркѣ Краевичѣ, судѣ Любуши, Краледворской рукописи (въ хрестоматіи Галахова). Говоря о древней трагедіи, слѣдуетъ поработать съ учениками надъ «Эдипомъ—царемъ» или «Антигоной» Софокла; при изложеніи драмы ново-европейской, можно разобрать «Макбета» или «короля Лира» въ параллель съ пьесой Островскаго: «Свои люди—сочтемся».

е) Преподаваніе исторіи литературы, вопреки мнѣнію свѣтскихъ преподавателей, также можетъ имѣть систематическій видъ. Такъ какъ при изложеніи теоріи прозы и поэзіи, а также при практическихъ занятіяхъ преподаватель познакомитъ учениковъ съ достаточнымъ запасомъ произведеній русской литературы, то ему легко избѣжать «голословныхъ приговоровъ и общихъ обзорѣній», которыхъ такъ боится г. Скопинъ: стоитъ только ссылаться на извѣстныя ученикамъ пьесы. Приступая къ писателю, сочиненія котораго еще не были читаны, преподаватель разбираетъ одну, болѣе характеристическую его пьесу, предпосылая разбору біографическія свѣдѣнія о писателѣ, на сколько то находится въ связи съ исторіей его литературной дѣятельности и служить для объясненія его направленія; а также, если представится возможнымъ, читаетъ, для ознакомленія съ эпохой (которое необходимо для уразумѣнія писателя) соотвѣтствующій историческій рассказъ изъ Карамзина или изъ относящагося къ эпохѣ историческаго романа: на примѣръ приступая къ эпохѣ Грознаго можно прочесть мѣста изъ «Князя Серебрянаго», или «смерть Іоанна Грознаго», графа Толстаго; говоря о Домостроѣ, можно предварительно разобрать «Пѣсню про царя Ивана Васильевича», Лермонтова, предъ Котошихинимъ—мѣста изъ Ко-

хановской. Оканчивая древній періодъ русской литературы, можно прочесть выдержки изъ книги Терещенко — «быть русскаго народа», изъ «очерковъ жизни и нравовъ великорусскаго народа» Костомарова, изъ «домашняго быта русскихъ царей» Забѣлина, и пр. При всемъ томъ общія обзорѣнія, конечно, будутъ неизбѣжны; но въ этихъ случаяхъ болѣе близкое знакомство съ предметомъ ученики приобрьтутъ изъ другихъ курсовъ: напримѣръ съ древними русскими проповѣдниками ближе они познакомятся изъ уроковъ Гомилетики, духовную литературу XV и XVI вѣковъ узнаютъ изъ исторіи русской церкви; съ литературною дѣятельностію Курбскаго — изъ гражданской русской исторіи и проч.

V. Одну изъ главныхъ цѣлей занятій по классу словесности составляетъ развитіе дара слова въ учащихся, приобрьтеніе ими навыка свободно и связно выражать свои мысли, не только письменно, но и изустно. Давно уже замѣчено, что наши семинаристы, даже болѣе развитые, обладающіе достаточными свѣдѣніями, *не умѣютъ вооружить*. Этотъ важный недостатокъ прежде всего — плодъ несчастной привычки задалбливать записки преподавателей, — плодъ семинарскаго метода преподаванія въ видѣ лекцій (при чемъ на долю учениковъ выпадаетъ роль чисто — пассивная, роль слушателей), — наконецъ плодъ недостатка специальныхъ занятій, которыя имѣли бы въ виду именно эту цѣль, каковы, напримѣръ, были въ старину диспуты и коллоквиумы. Такъ какъ развитіе дара слова находится въ непосредственной зависимости отъ развитія умственнаго, то въ связи съ этою цѣлью находится другая — развитіе умственное. Обѣ эти цѣли достигаются, конечно, совокупными усиліями всѣхъ преподавателей; но для преподавателя словесности онѣ составляютъ цѣль специальную. Для достиженія ея служатъ практическія занятія по классу словесности и такъ называемый *логическій разборъ*. Вотъ здѣсь-то преподавателю семинаріи не остается ничего болѣе дѣлать, какъ послѣдовать примѣру свѣтскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ этотъ логическій разборъ составляетъ главный предметъ уроковъ словесности. У насъ, въ семинаріяхъ, эти практическія занятія могутъ быть ведены въ такомъ порядкѣ:

а) Можно начать съ простаго чтенія въ классѣ, въ слухъ, по книгѣ, народныхъ сказокъ, былинъ, басень Крылова, историческихъ и поэтическихъ разсказовъ. Привыкшіе въ училищѣ къ долбленію, ученики, большею частію, читаютъ сначала дурно: тихо, монотонно, безъ должнаго выраженія, или же торопливо, скороговоркой, безъ надлежащаго соблюденія пунктуациі и удареній. Преподаватель тре-

буеть чтенія громкаго, членораздѣльнаго, съ остановками на знакахъ препинанія, съ соблюденіемъ удареній на словахъ болѣе важныхъ въ фразѣ.

б) Прочитанное въ классѣ какъ самимъ учителемъ (учитель читаетъ на первыхъ порахъ лишь для того, чтобы дать имъ образецъ правильнаго чтенія, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда, по педагогическимъ соображеніямъ, статья не можетъ быть читана безъ пропусковъ, какъ это необходимо бываетъ при чтеніи, напримѣръ, большей части сочиненій Пушкина), такъ и самими учениками въ классѣ или на дому (назначая чтеніе на дому, учитель указываетъ, на что должно быть обращено вниманіе при чтеніи) ученики должны отчетливо передать, сначала со всѣми подробностями, потомъ въ сжатомъ видѣ, одни изустно, другіе въ тоже время письменно, на доскахъ; при чемъ обращается вниманіе на правильность выраженія, на послѣдовательность и связность разсказа. Пересказываніе прочитаннаго сопровождается вещественнымъ разборомъ, т. е. краткимъ объясненіемъ предметовъ и понятій, дотогѣ незнакомыхъ ученикамъ. Дѣло это ведется способомъ собесѣдовательнымъ. При разсказѣ, при медленности ученика въ отвѣтѣ, нужно быть терпѣливымъ, не слѣдуетъ постоянно вмѣшиваться, прерывать рѣчь ученика безъ нужды, и, не выслушавши одного, переходить къ другому. Когда стоящіе у досокъ окончатъ свое дѣло, устные отвѣты учениковъ прекращаются, преподаватель поправляетъ написанное на доскахъ, обращая вниманіе учениковъ на грамматическія ошибки, припоминая имъ грамматическія правила.

в) Въ послѣдствіи къ такому чтенію и разсказу присоединяется логическій разборъ. Въ чемъ состоитъ этотъ разборъ, какіе вопросы нужно предлагать ученикамъ и какъ предлагать—это съ достаточною обстоятельностью объяснено въ упомянутыхъ выше статьяхъ Скопина и въ книгѣ Стоюнина. Ученики отыскиваютъ планъ пьесы, т. е. указываютъ части, на которыя она распадается по мѣсту дѣйствія, описываемаго въ разсказѣ или по другимъ основаніямъ (это—такъ сказать—практическій урокъ логики: чрезъ такое отыскиванье плана ученики у образцовыхъ писателей перенимаютъ стройность и послѣдовательность изложенія), указываютъ переходы отъ одной части къ другой, и вообще связь между мыслями, отыскиваютъ главную мысль сочиненія. Потомъ объсуживаются характеры дѣйствующихъ лицъ разсказа (при этомъ чрезвычайно полезно сопоставленіе однородныхъ характеровъ, напримѣръ Плюшкина и Скупаго рыцаря, Простаковой и Адуевой, и пр., или изображеніе одного и того же лица

въ двухъ разнородныхъ произведеніяхъ — напримѣръ Бориса Годунова — у Карамзина и въ драмѣ Пушкина, Рейнскаго водопада — у Карамзина и Жуковскаго и пр.) и при руководствѣ учителя составляются полныя характеристики (сначала, при помощи соотвѣтствующихъ вопросовъ учителя, указываются частныя черты характера; къ концу урока подводится итогъ, все выработанное общими усиліями учителя и учениковъ — резюмируется). Затѣмъ опредѣляются родъ и видъ, къ которому принадлежитъ разбираемая пьеса и указываются отличительныя черты этого рода и вида (почему разбираемая пьеса относится къ поэзіи? Что въ ней эпическаго? Почему ее называютъ сказкой, а не романомъ? и пр.); указываются мѣста, представляющія выполненіе или нарушеніе одновременно съ этимъ преподаваемыхъ правилъ теоріи; дѣлаются остановки на отдѣльныхъ выраженіяхъ, метафорахъ, фигурахъ и пр.; въ пьесахъ народныхъ указываются идиотизмы живой рѣчи — аллитерація, тавтологія, звукоподраженіе — и такимъ образомъ на практикѣ проходитъ стилистика — ученіе о благозвучіи, изобразительности рѣчи и другихъ свойствахъ слога.

г) Какъ солдатъ на войну безъ ружья, ученикъ въ классѣ безъ тетради и пера не приходитъ. У насъ, гдѣ ученики въ классѣ большею частію не работаютъ, а только слушаютъ, къ сожалѣнію, это не всегда наблюдается. Обязанность учителя — строго слѣдить за опрятностію и порядкомъ этихъ тетрадей: здравая педагогика приписываетъ этому обстоятельству важное воспитательное значеніе, такъ какъ порядокъ въ веденіи тетрадей и пр. пріучаетъ дѣтей къ драгоценной нѣмецкой аккуратности. Эти тетради служатъ и для домашнихъ письменныхъ работъ учениковъ и для записей въ классѣ, такъ что предъ учителемъ, когда онъ беретъ, хоть мимоходомъ, тетрадь ученика, открывается вся мыслительная процедура ученика. Тогда не нужно учителю прибѣгать къ разнымъ ухищреннымъ способамъ ловитвы учениковъ въ пользованіи ими чужими трудами: при такихъ близкихъ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ въ послѣднихъ невозможна самая мысль воспользоваться чужимъ трудомъ.

По мѣрѣ разбора пьесы въ классѣ ученики въ тетрадяхъ дѣлаютъ свои помѣтки, на основаніи которыхъ къ слѣдующему классу изготовляютъ полный отчетъ о разобранный пьесѣ въ связномъ изложеніи: такимъ образомъ домашнія письменныя работы учениковъ находятся въ самой тѣсной связи съ занятіями ихъ въ классѣ. Учитель долженъ руководить записями учениковъ въ классѣ и отнюдь не допускать скорописанья. Записываніе «лекцій», этотъ академическій приемъ, такъ распространенный въ гимназіяхъ, въ послѣднее время

всѣми почти признается большимъ зломъ; мало того, что онъ портитъ почеркъ: онъ положительно препятствуетъ успѣху занятій, такъ какъ, не будучи въ состояніи записать всего,—для этого у учениковъ не достанетъ нужнаго проворства,—ученики неизбежно будутъ записывать кое что и притомъ будутъ опускать главное, а записывать второстепенное. Впрочемъ, такъ какъ разборъ пьесъ дѣлается совокупными усиліями учениковъ и учителя, и дѣло ведется путемъ вопрошанія и собесѣдованія, то на этихъ урокахъ записи учениковъ могутъ быть достаточно полными. Главные вопросы, отвѣты на которые должна представлять письменная работа ученика, диктуются учителемъ или пишутся на доскѣ.

д) Декламация—осмысленное и одушевленное сказываніе стиховъ и рѣчей—дѣло очень важное въ занятіяхъ по классу словесности съ будущими проповѣдниками. По этому говоренью въ классѣ заученныхъ наизусть пьесъ, прозаическихъ и стихотворныхъ, должно быть отведено видное мѣсто. Изъ первыхъ заучиваются наизусть: поученія Путятина, привѣтственные рѣчи митрополита Филарета, нѣкоторыя проповѣди Иннокентія, рѣчи изъ исторіи Карамзина. Учитель не ограничивается преподаваніемъ правилъ декламации, но предварительно самъ говоритъ пьесу и потомъ уже, заставляя декламировать ученика, требуетъ отъ него выполненія преподаваемыхъ правилъ. Заучиванью наизусть предшествуетъ разборъ пьесы. Декламируютъ ученики не съ своихъ мѣстъ, а съ кафедры, лицомъ къ цѣлому классу, и говоренью своему каждый разъ предпосылаютъ объяснительное предисловіе.—Въ концѣ курса ученики, по крайней мѣрѣ лучшіе, приучаются говорить небольшія импровизаціи на легкія темы, напри- мѣръ на нѣкоторыя пословицы (послѣ предварительнаго обдумыванья въ продолженіе часа), а также читаютъ свои сочиненія съ защищеніемъ высказаннаго отъ возраженій со стороны товарищей и учителя.

е) Письменные упражненія учениковъ начинаются письмомъ подъ диктовку: диктуются басни Крылова и лирическія пьесы изъ помѣщаемыхъ обыкновенно въ хрестоматіяхъ,—знаніе которыхъ пригодится при урокахъ теоріи и исторіи литературы. Прежде, чѣмъ диктовать по слову, учитель прочитываетъ всю пьесу, для того, чтобы ученики могли усвоить смыслъ ея. Знаки препинанія не говорятся: ученики должны сами умѣть разставить ихъ, прислушиваясь къ чтенію учителя и обращая вниманіе на паузы, имъ дѣлаемыя. По окончаніи диктовки учитель беретъ тетрадь одного изъ слабыхъ учениковъ, указываетъ въ слухъ всѣхъ ошибки, припоминаетъ грамматическія правила; ученики сами исправляютъ указываемыя ошибки въ

своих тетрадахъ. Продиктованное стихотвореніе тщательно перепи- сывается въ особую бѣловую тетрадь; при чемъ учитель требуетъ, чтобы переписано было старательно, по возможности красиво, и — непременно — четко. Это дѣлается съ цѣлю упражненія въ калли- графіи, которой также не слѣдуетъ упускать изъ вниманія: сель- скому священнику, которому очень часто приходится самому вести церковныя книги, необходимо имѣть почеркъ по крайней мѣрѣ раз- борчивый и четкій; между тѣмъ ученики, особенно поступающіе изъ до- мовъ родителей, очень часто совсѣмъ не имѣютъ почерка. Продиктованныя стихотворенія разбираются въ классѣ, заучиваются наизусть и декла- мируются, какъ говорено выше, и служатъ матеріаломъ для домаш- нихъ письменныхъ работъ, которыя сначала состоятъ въ простомъ перифразѣ, въ измѣненіи стихотворной формы рѣчи на прозаическую, въ зашѣнѣ однихъ оборотовъ рѣчи другими; потомъ ученики переходятъ къ болѣе сложнымъ работамъ: отыскиваютъ главную мысль стихо- творенія, планъ, и проч., какъ говорено выше.

При неизбежной малоразвитости учениковъ 1 и 2 классовъ семи- ріи — мальчиковъ отъ 14 до 15 лѣтъ — сочиненія на темы, которыя такъ упорно держатся у насъ въ семинаріяхъ, мы находимъ не прак- тичными: у учениковъ нѣтъ въ это время ни достаточнаго запаса свѣдѣній, своихъ или чужихъ мыслей, ни необходимой находчивости и изобрѣтательности; съ такой «темой» ученикъ рѣшительно не знаетъ что дѣлать и, бесплодно продумавши надъ нею нѣсколько дней, онъ неизбежно обратится за помощью къ знакомому ученику старшаго класса, который менторствуетъ въ этомъ случаѣ весьма охотно. Назначать сочиненія на темы учитель можетъ позволить себѣ развѣ въ послѣднюю треть втораго года: ученики въ это время уже въ состояніи составлять описанія, характеристики и рассказы о предметахъ, имъ знакомыхъ. Впрочемъ и тутъ дѣло не обойдется безъ помощи учителя, который или набрасываетъ планъ сочиненія, или указываетъ образецъ, которому ученики могутъ подражать и въ тонѣ рѣчи и въ расположеніи частей; напримѣръ, разобравши стихотво- ренія Пушкина «опять на родинѣ», учитель назначаетъ тему: «пріѣздъ семинариста домой на каникулы». Темы описательныя даются въ родѣ слѣдующихъ: «хозяйство крестьянина»; «церковь роднаго села и ея достопримѣчательности»; «деревенскія святки»; «мое прошлое»; «пожаръ»; «мои мечты» и проч. Отъ времени до времени ученики пишутъ экспромты въ классѣ, чтобы учитель могъ руководить са- мымъ процессомъ писанія сочиненій, а также для повѣрки ихъ способ- ностей и успѣховъ.

VI. Есть еще одна цѣль, когорой желательнo было бы достигать при преподаваніи словесности въ семинаріи. Каждый преподаватель есть вмѣстѣ и воспитатель; его обязанности не ограничиваются общеніемъ ученикамъ *свѣдѣній* по своему предмету: онъ долженъ стараться, не выходя, конечно, изъ круга непосредственныхъ своихъ занятій, по возможности вліять также и на нравственный характеръ учениковъ и на ихъ эстетическое развитіе. Намъ кажется, что больше, чѣмъ кто-либо иной долженъ это помнить преподаватель семинаріи: у насъ логическое развитіе большею частію идетъ удовлетворительно, благодаря присутствію въ нашихъ программахъ логики и психологіи, а также благодаря усиленнымъ занятіямъ учениковъ сочиненіями; за то средствъ для нравственнаго и эстетическаго развитія учениковъ у насъ такъ мало!... На преподавателѣ словесности, по самому свойству этого предмета, эта обязанность лежитъ больше, чѣмъ на комъ-либо другомъ. Словесность въ учебныхъ заведеніяхъ большею частію самый любимый предметъ. Пользуясь разумно этимъ обстоятельствомъ, учитель словесности можетъ сдѣлать свое преподаваніе самымъ могущественнымъ средствомъ не только умственнаго, но также нравственнаго и эстетическаго развитія учащихся, средствомъ для облагороженія ихъ понятій и вкуса, искорененія бурсацкой грубости, пробужденія лучшихъ возвышенныхъ мысловъ и стремленій. Не то это значить, что учитель словесности долженъ обратить свои уроки—въ уроки морали и педагогики: указанныхъ цѣлей онъ можетъ достигать удачнымъ подборомъ образцовъ, читаемыхъ и разбираемыхъ въ классѣ, и тѣмъ направленіемъ, какое онъ даетъ этому разбору. Уже одно чтеніе, осмысленное и одушевленное, истинно-поэтическихъ, высоко-художественныхъ произведеній всегда производитъ неотразимо благотворное дѣйствіе на воспримчивую дѣтскую натуру: оживляетъ мыслительность, развиваетъ чувство. Дѣти всегда не только съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ выслушиваютъ такое чтеніе: послѣ него большинство ихъ всегда съ охотой, съ рвеніемъ берутся за работу надъ прочитанною пьесой, по указанному учителемъ плану. Не даромъ знаменитый поэтъ Шиллеръ придавалъ такое важное образовательное значеніе чтенію поэтическихъ произведеній, что не совѣтовалъ даже анализировать ихъ послѣ чтенія, чтобы анализомъ не испортить впечатлѣнія.

Кстати здѣсь сказать, что на обязанности учителя словесности лежитъ руководить и домашнимъ чтеніемъ учениковъ, приурочивая его къ общимъ педагогическимъ цѣлямъ и къ специальнымъ цѣлямъ

своего преподаванія. Вопросъ о чтеніи въ семинаріи—очень важный вопросъ. Въ послѣднее время вездѣ, а въ семинаріяхъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, образованіе приняло характеръ самообразованія. Главный дѣятель этого самообразованія — безразборчивое чтеніе. Пропаганда нигилизма, если только справедливо, что она существовала въ семинаріяхъ, производилась именно этимъ путемъ: въ городѣ, у своихъ знакомыхъ, а особенно въ публичныхъ библіотекахъ (въ провинціи), гдѣ семинаристы всегда составляютъ весьма крупный процентъ читателей, они всегда, волей — неволей, наталкиваются на произведенія новѣйшей журналистики и беллетристики, которыя, конечно, всего менѣе пригодны для педагогическаго употребленія... И такъ, чтеніе должно быть подчинено въ семинаріяхъ доброму руководству, строгому контролю. Намъ кажется, что это руководство должно принадлежать не инспекціи съ ея дисциплинарными мѣрами — (извѣстно, что запрещаемый плодъ бываетъ особенно сладокъ, тогда какъ рекомендуемая начальствомъ книги всегда берутся учениками въ руки съ предубѣжденіемъ относительно желаемой ими доброкачественности)—а главнымъ образомъ нравственному вліянію преподавателей, преподавателей словесности по преимуществу.

И такъ вопросъ сводится къ тому: что долженъ преподаватель словесности разбирать съ учениками въ классѣ, съ цѣлю нравственнаго и эстетическаго ихъ развитія? Какія книги и какихъ авторовъ можетъ онъ рекомендовать имъ для прочтенія на дому? Перечень сочиненій для домашняго чтенія—вопросъ объ ученическихъ библіотекахъ—не входитъ въ кругъ предметовъ, подлежащихъ въ настоящее время нашему обсужденію. Скажемъ о томъ, какихъ авторовъ долженъ читать учитель словесности въ классѣ. Къ сожалѣнію ни одна изъ существующихъ христоматій — ни христоматія Галахова, ни христоматія Филонова—не удовлетворяютъ вполне потребностямъ семинарскаго преподаванія: обѣ — по своей дороговизнѣ, и кромѣ того—первая—потому, что даетъ лишь краткіе отрывки, а вторая потому, что страдаетъ неумѣстными тенденціями и наполнена излишнимъ балластомъ выписокъ изъ ученыхъ, для учениковъ по меньшей мѣрѣ бесполезныхъ.

Прежде, всего, конечно, изъ семинарскаго курса должны быть исключены писатели отрицательнаго и сатирическаго направленія, такъ какъ чтеніе такихъ авторовъ повело бы къ развитію въ дѣтяхъ неумѣстнаго критицизма и легкомысленнаго отношенія къ вопросамъ жизни. За тѣмъ на первомъ планѣ должны стоять: *Жуковский*, поэтъ юношества по преимуществу,—съ его высокими и бла-

городными идеалами; *Карамзинъ*, чтеніе котораго благотворнымъ образомъ можетъ дѣйствовать на развитіе въ дѣтяхъ патріотическаго чувства, приучаетъ уважительно относиться къ общепризнаннымъ авторитетамъ, ко всему благородному. Потомъ слѣдуютъ: *Колцовъ*, *Даль*, *Григоровичъ* — съ ихъ сочувственнымъ, но трезвымъ, чуждымъ односторонности, взглядомъ на народъ; *Кн. Одоевскій*; *С. Т. Аксаковъ* — лучший художникъ русскаго слова, — съ его глубокимъ чувствомъ природы (записки ружейнаго охотника, записки объ уженѣ рыбы), съ его спокойнымъ, умиротворяющимъ взглядомъ на жизнь (семейная хроника, дѣтскіе годы Багрова), *А. С. Хомяковъ*, нашъ лучший богословъ, богословъ не по официци, а по призванію, къ сожалѣнію слишкомъ мало извѣстный въ учебныхъ заведеніяхъ, хотя его сочиненія могли быть классической книгой въ семинаріяхъ; *Козановская*, съ ея своеобразнымъ, чисто-русскимъ складомъ рѣчи, съ ея художественнымъ, высоко-талантливымъ воспроизведеніемъ лучшихъ сторонъ старинной русской жизни: вообще *писатели славяно-фильской школы* — *К. Аксаковъ* (характеристики дѣятелей русской исторіи), *Киртневскій* (о характерѣ просвѣщенія Европы и пр.), съ ихъ сочувственнымъ отношеніемъ къ религиознымъ интересамъ, горячею любовію ко всему отечественному, трезвостію и благородствомъ сужденій, наконецъ съ ихъ уваженіемъ къ высокому достоинству литературнаго слова, уваженіемъ, котораго такъ мало находимъ мы въ произведеніяхъ литературы новѣйшей.

Но особенное вниманіе преподавателя словесности въ семинаріи, какъ намъ кажется, должно быть обращено на изученіе *народной русской словесности*, не потому, что она стала нынѣ предметомъ моды, а въ силу ея дѣйствительныхъ достоинствъ и нарочитой пригодности для цѣлей преподаванія семинарскаго. У нѣмцевъ, законодателей въ педагогическомъ дѣлѣ, изученіе родины, отечества (*Vaterlandkunde, Heimathskunde*), родной народной рѣчи и словесности считается дѣломъ первой важности; сказки, собранныя Гриммами, изучаются, говорятъ, въ каждой школѣ германской... Изученіе памятниковъ народнаго творчества вводитъ семинариста, на сколько то возможно по его возрасту и степени развитія, въ область народнаго русскаго міросозерцанія, съ которымъ придется имѣть дѣло будущему сельскому священнику. Работая надъ этими памятниками, ученикъ семинаріи осваивается съ народнымъ складомъ рѣчи, съ тѣмъ складомъ рѣчи, которымъ ему въ послѣдствіи всего приличнѣе будетъ говорить къ народу. Изучая эти памятники, онъ увидитъ, какъ давно уже и какъ глубоко народъ нашъ понималъ

высокій смыслъ христіанскаго ученія о любви къ ближнему, когда, наприѣръ, въ уста отца Ильи Муромца влагаеть такое наставленіе сыну, пришедшему къ нему взять благословеннице великое на подвиги богатырскіе:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина...

Уже одно необычайное обиліе въ народной нашей словесности духовныхъ стиховъ и легендъ покажетъ, какое преобладающее значеніе въ русскомъ народѣ имѣеть религіозное чувство, хотя, большею частію, темное и неразборчивое: развить и осмыслить это чувство, дать ему должное направленіе — предстоитъ ему, будущему сельскому пастырю. Вообще изученіе народной словесности должно показать, какъ ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые, въ слѣдъ за Бѣлинскимъ (письмо къ Гоголю по поводу «переписки съ друзьями») думаютъ, что русскій народъ—самый безбожный въ мірѣ». Наконецъ, нужно сказать еще, что произведенія народной словесности, по простотѣ и удобопонятности своего содержанія, представляютъ особенно удобный матеріалъ для классныхъ и домашнихъ работъ учениковъ, изучающихъ словесность въ самомъ началѣ своего учебнаго курса. Выборъ пьесъ этого рода такъ удобно нынѣ сдѣлать изъ богатыхъ сборниковъ Сахарова, Кирѣевскаго, Рыбникова, Безсонова, Аванасьева, Даля.

Многое можетъ быть читано и изъ другихъ образцовыхъ нашихъ писателей, которыхъ мы не указали выше,—Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Графа Л. Толстаго, Тургенева, Гончарова, Майкова, Полонскаго, Фета. Можно сдѣлать подборъ прекрасныхъ стихотвореній религіозно—нравственнаго содержанія, разборъ которыхъ будетъ какъ нельзя болѣе соответствовать общему духу семинарскаго преподаванія и, свойственнымъ художественнымъ произведеніямъ образомъ, способствовать религіозно—нравственному развитію дѣтей. Такія пьесы мы находимъ у Державина, Языкова, Хомякова (переложенія псалмовъ и пр.), Ф. Глинки (поэма: «Ювь»), Жуковскаго («Агасверъ»), Жемчужникова, Алмазова («Филаретъ милостивый» и пр.), Гр. А. Толстаго («Дамаскинъ»), Мея («слѣпорожденный» и пр.). Но это уже дѣло будущаго составителя христоматіи для семинарій.

О преподаваніи русскаго языка въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

(«*Родина. Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ работѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ. Составилъ А. Радонежскій. Изданіе второе. С.-Петербургъ. 1876 года*»).

Сборникъ г. Радонежскаго, первое изданіе котораго въ четыре тысячи экземпляровъ разошлось менѣе, чѣмъ въ одинъ годъ, встрѣченъ былъ въ нашей печати единодушнымъ хоромъ похвалъ и одобреній почти всѣхъ нашихъ газетныхъ рецензентовъ. Съ своей стороны мы считаемъ дѣломъ справедливости присоединить и свой голосъ къ этому хору. Два несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ достоинства присущи ему. Во первыхъ религіозный элементъ, важное значеніе котораго въ педагогической книгѣ никто, полагаемъ, отрицать не станетъ, представленъ у г. Радонежскаго въ такихъ размѣрахъ, какихъ онъ не имѣетъ, сколько намъ извѣстно, ни въ одномъ изъ изданій этого рода, имѣющихся въ нашей наличной педагогической литературѣ, за исключеніемъ развѣ специальной «духовно-нравственной христоматіи» г. Невскаго, употребляемой, въ качествѣ учебнаго пособия, въ нашихъ духовныхъ училищахъ. За тѣмъ — прекрасная патриотическая тенденція доминируетъ надъ всѣмъ содержаніемъ книги, оправдывая ея названіе и объединяя все содержаніе книги въ одно стройное цѣлое. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ педагоговъ, которые всякую тенденціозность считаютъ неумѣстною въ педагогическихъ изданіяхъ (см. замѣтку по поводу книги г. Радонежскаго г-на А. Е. въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» за прошедшій годъ). Мы думаемъ поэтому, что описанія русской природы, русскаго народнаго быта, русскихъ историческихъ личностей и мѣстностей —

Отъ хладныхъ финскихъ береговъ
До пламенной Колхиды, —

составляющія главное содержаніе книги г. Радонежскаго, сообщаютъ ей весьма важное достоинство, давая ребенку возможность освоиваться съ предметами, которые должны быть ему дороги и близки болѣе, чѣмъ что-либо другое. Мы хотимъ, однакожь, позволить себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній и относительно того, что, по нашему мнѣнію, составляетъ слабую сторону почтеннаго труда г. Радонежскаго. Въ небольшомъ предисловіи къ своему сборнику, намѣреваясь исчислить предметы, вошедшіе въ его составъ, составитель его замѣчаетъ: «доказывать пригодность и пользу для дѣтей предлагаемаго *читательнаго* матеріала считаемъ дѣломъ лишнимъ». Мы съ такимъ мнѣніемъ готовы согласиться, если можно, въ слѣдъ за авторомъ, признать, что его книга не больше, какъ «читательный матеріалъ», то есть предметъ внѣ-классныхъ необязательныхъ занятій учениковъ. Но если судить по заглавію книги, по ея раздѣленію на отдѣлы, по тѣмъ замѣчаніямъ, которыми сопровождается почти каждая статья, то назначеніе изданія г. Радонежскаго—быть не просто читательнымъ матеріаломъ, а предметомъ класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. «Читательному матеріалу» достаточно обладать одними отрицательными достоинствами, то есть безвредностію содержанія, общепонятностію и стилистическою правильностію изложенія. Книга для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи—дѣло совсѣмъ иное, требующее со стороны составителя такой книги приспособленія къ специальнымъ учебно-дидактическимъ цѣлямъ, свойственнымъ классному преподаванію вообще и преподаванію отечественнаго языка въ частности. Составленіе такой книги—дѣло первостепенной важности, которое едва ли можетъ быть совершено безъ того, чтобы составитель ея подробно изложилъ тѣ педагогическія соображенія, которыя руководили имъ, особенно когда онъ въ выборѣ и распорядкѣ статей для класснаго чтенія и упражненій идетъ совершенно особою дорогою, игнорируя результаты многолѣтнихъ трудовъ своихъ предшественниковъ на проходимомъ имъ поприщѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ положенія и аксіомы, какія выработаны лучшими авторитетами педагогическаго дѣла въ Европѣ. «Книга для класснаго чтенія и упражненій» г. Радонежскаго, отличающійся именно такимъ исключительнымъ своеобразнымъ характеромъ, имѣетъ въ виду замѣнить при классномъ обученіи отечественному языку извѣстныя изданія гг. Паульсона, Ушинскаго, Перевѣтскаго, барона Корфа, Басистова и Полеваго, и преподавателю русскаго языка въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній, прежде, чѣмъ ввести въ упо-

требленіе новый учебникъ, естественно желать, чтобы почтенный авторъ, о правильномъ пониманіи которымъ педагогическаго дѣла краснорѣчиво свидѣтельствуетъ обратившая въ свое время на себя общее вниманіе статья «о значеніи Кольцова при первоначальномъ обученіи» (Отечественные Записки, 1862 г.), изложилъ болѣе подробно результаты своихъ

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ,

плодъ которыхъ составляетъ, по словамъ автора (осямнадцать лѣтъ уже трудящагося на педагогическомъ поприщѣ) настоящее его изданіе. Такъ поступилъ Ушинскій, авторъ «Роднаго Слова» и «Дѣтскаго Міра», предпославшій въ своихъ изданіяхъ «читательному матеріалу», имъ собранному, довольно обширный педагогическій комментарий.

Г. Радонежскій не счелъ нужнымъ войти въ подобныя подробныя объясненія съ своими собратами педагогами. Между тѣмъ у читателя-педагога, при обзорѣ его изданія, невольно рождаются нѣкоторыя недоумѣнія, выяснить которыя было бы дѣломъ далеко не лишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ: воспитательно-образовательная тенденція, которая независимо отъ обученія техникѣ русской рѣчи или, лучше сказать, одновременно съ нимъ должна быть неизбежно присуща преподаванію отечественнаго языка, какъ и при преподаваніи всякаго другаго учебнаго предмета въ школѣ, — можетъ ли быть ограничена развитіемъ лишь патріотическаго чувства въ дѣтяхъ? Родное слово должно-ли имѣть своимъ содержаніемъ лишь отчизновѣдѣніе? Дѣтскій міръ состоитъ-ли исключительно изъ образовъ и понятій, относящихся къ народному быту и мѣстной, отечественной природѣ? Намъ кажется, едвали можно дать на эти вопросы утвердительный отвѣтъ. Образование каждаго ребенка съ самаго своего начала должно быть не исключительно-патріотическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общечеловѣческое. Дѣтскому міросозерцанію доступны предметы и понятія не изъ одной только области отчизновѣдѣнія и индивидуальной жизни ребенка. Патріотическая тенденція должна быть присуща при преподаваніи и всякаго другаго — общеобразовательнаго предмета, а не одного только отечественнаго языка, равно какъ и преподаванію русскаго языка должна быть по возможности присуща тенденція развитія общечеловѣческаго. Говоря это, мы высказываемъ не свои только личныя воззрѣнія, а общезвѣстныя положенія педагогики. Мы живо помнимъ, какъ подобныя эти сужденія дебатировались и въ періодической нашей печати, и въ

почтенномъ «Русскомъ Педагогическомъ Обществѣ» по поводу появленія известнаго «отечествовѣднія» г. Семенова.

Такимъ образомъ, судя съ указанной точки зрѣнія, мы не считаемъ особеннымъ достоинствомъ книги г. Радонежскаго отсутствие въ ней всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые составляютъ, въ сравненіи съ нею, отличіе «Дѣтскаго Мира» Ушинскаго, а также книгъ гг. Паульсона, Полеваго и другихъ: разумѣемъ описаніе открытій и изобрѣтеній, имѣющихъ значеніе общечеловѣческое, каковы: книгопечатаніе, огнестрѣльное оружіе, матеріалы письма, открытіе Америки и морскаго пути въ Индію, а также—очерки изъ жизни и быта другихъ народовъ (въ прекрасномъ изложеніи гг. Гончарова, Яковлева, Боткина и другихъ), рассказы изъ естественной исторіи, особенно же—уроки элементарной логики, которые у Ушинскаго изложены, по нашему мнѣнію, болѣе, чѣмъ удовлетворительно и отсутствие которыхъ въ нашемъ школьномъ преподаваніи особенно ощутительно.

Будучи лишена того, что въ учебникахъ Ушинскаго и даже г. Паульсона составляетъ, по нашему мнѣнію, достоинство, книга г. Радонежскаго не чужда того, что составляетъ въ нихъ слабую сторону, разумѣемъ внесеніе въ «книгу для класснаго чтенія» собственныхъ сочиненій ея составителя и передѣловъ имъ произведеній нашихъ образцовыхъ писателей. По нашему убѣжденію при обученіи родному языку ребенокъ съ перваго же раза долженъ имѣть дѣло съ произведеніями образцовыми по изложенію также, какъ и по мыслямъ. А кто рѣшится произвести въ образцовые писатели не только г. Радонежскаго съ его «читательнымъ» матеріаломъ, (въ «Родинѣ» помѣщено около ста собственныхъ его сочиненьицъ и передѣловъ), но и самого покойнаго Ушинскаго, писателя-педагога, несомнѣнно гораздо болѣе опытнаго и компетентнаго? Мы несогласны съ тѣмъ, чтобы въ нашей литературѣ у образцовыхъ писателей нельзя было набрать достаточнаго количества статей, потребныхъ для элементарнаго курса русскаго языка. Одно «дѣтство и отрочество» графа Л. Н. Толстаго сколько даетъ по истинѣ образцовыхъ, художественныхъ очерковъ дѣтскаго быта! А «Семейная хроника» Аксакова, а его же «Записки ружейнаго охотника», «Записки объ уженѣ рыбы», а рассказы Даля, Григоровича? Г. Радонежскому стоило лишь повнимательнѣе пересмотрѣть существующіе хрестоматическіе сборники, если ужъ почему-либо ему было затруднительно проштудировать самыя сочиненія названныхъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ, писателей, и, смѣемъ его увѣрить, его собственное сочинительство оказалось бы ненужнымъ,—не понадобились бы въ его книгѣ сочиненіе

имъ самимъ такіе рассказы, какъ «Вечерняя молитва» «Отправление въ школу», «Похороны канарейки», «Ученый скворецъ», «Птичій дворъ», «Большая собака», «Купанье на Волгѣ», «Удильщики» и проч. и проч. Тѣмъ меньше можетъ быть, по нашему мнѣнію, оправдана передѣлка составителемъ книги на свой особый ладъ произведеній образцовыхъ писателей. Зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось г. Радонежскому такъ безбожно изувѣчить прелестное, одно изъ лучшихъ, стихотвореніе Кольцово: «Ну, тащися сивка» — мы рѣшительно не понимаемъ. Сочинительство Ушинскаго еще можетъ быть до нѣкоторой степени оправдано; авторъ задался извѣстной, добросовѣстно выработанной имъ самимъ, на основаніи нѣмецкихъ и англійскихъ педагогическихъ сочиненій, теоріей учебной дѣтской книги, составилъ извѣстный планъ—цѣлыя восемь рубрикъ, для которыхъ дѣйствительно трудно было подыскать отрывки изъ отечественныхъ образцовыхъ писателей, особенно для тѣхъ отдѣловъ, которые имѣютъ своимъ предметомъ очерки и рассказы изъ естественной исторіи, примѣнительно къ наглядному методу обученія. Составляя свою книгу, Ушинскій имѣлъ въ виду не только упражненія въ языкѣ, соединенныя съ постепеннымъ изученіемъ грамматики, но вмѣстѣ съ тѣмъ — дать матеріалъ для умственной гимнастики и, кромѣ того, сообщить возможно болѣе полезныхъ свѣдѣній. При такой сложной задачѣ ему по необходимости приходилось переводить соотвѣтствующія ей статьи изъ изданій нѣмецкихъ и англійскихъ. Г. Радонежскому, который предположилъ дать въ своей книгѣ не больше, какъ, по его собственнымъ словамъ, «читательный матеріалъ», легко можно было обойтись безъ сочинительства. Не говоримъ уже о томъ, что при составленіи «читательной книги» изъ однихъ лишь образцовыхъ сочиненій достигается другая, весьма немаловажная, учебная цѣль—предварительное ознакомленіе учениковъ съ примѣрами, знаніе которыхъ нужно при послѣдующемъ объясненіи—въ V, VI и VII классахъ—родовъ и видовъ словесныхъ произведеній.

Даже Г. Радонежскій хорошо сдѣлалъ, что не ввелъ въ свою книгу приторно-слащавыхъ «притчей» Круммахера, столь претящихъ здорову дѣтскому чувству, — отъ которыхъ не убереглись въ своихъ изданіяхъ такіе опытные педагоги, какъ г. Паульсонъ и покойный Ушинскій. Но въ замѣнъ этихъ притчей являются въ книгѣ г. Радонежскаго нѣсколько рассказовъ — того же характера, сочиненныхъ главнымъ образомъ самимъ составителемъ книги, и сочиненныхъ, по нашему мнѣнію, въ литературномъ отношеніи не особенно искусно. Таковы: «Вечерняя молитва», «Старушка няня»,

(стихотвореніе какого-то г. Лаптева), «Большая собака», «Ванюшина рубашечка» и проч. и проч. Справедливо замѣчаютъ, что сцены изъ дѣтской жизни занимательнѣе для взрослыхъ, чѣмъ для дѣтей, что, умиляясь наивностью дѣтей, странно думать, будто эта наивность также умилительна и для самихъ дѣтей. Взрослый человѣкъ съ сожалѣніемъ, конечно, вспоминаетъ «лѣта своей юности, лѣта невозвратно мелькнувшаго своего дѣтства»; но дѣти смотрятъ впередъ, и если оглядываются на самихъ себя, то вовсе не тѣми глазами, какими на нихъ смотритъ человѣкъ взрослый.

Моральная сторона книги для чтенія въ изданіи г. Радонежскаго, за исключеніемъ патріотической тенденціи, въ полномъ пренебреженіи. Самый существенный составной элементъ «Родины», послѣ описаній русской природы и рассказовъ изъ русской жизни, составляютъ басни (изъ одного Крылова заимствовано ни болѣе—ни менѣе, какъ тридцать семь басень). Намъ кажется и, сколько намъ извѣстно, не однимъ намъ, что басни, вопреки установившемуся у насъ ходячему понятію, пишутся не для дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ: басня—родная сестра сатирѣ; это, какъ по происхожденію, такъ и по употребленію во всѣхъ литературахъ, такая литературная форма, въ которой изображается неприглядная сторона обыденной жизни, со всѣми ея неправдами и фальшью. Такія басни, какъ автобіографическій «Василекъ» Крылова составляютъ рѣдкія исключенія, и изображается эта правда въ формѣ басни потому, что истина и для самихъ-то взрослыхъ «сносѣе въ полоткрыта». А вводить дѣтей съ перваго раза въ сферу житейскихъ аномалій, да и вообще въ область общественныхъ отношеній, по общему убѣжденію лучшихъ педагоговъ, антипедагогично. Вмѣсто того, чтобы помрачать дѣтское воображеніе неприглядными картинами жизненной пошлости и неправды, не лучше-ли въ самомъ дѣлѣ знакомить ихъ прежде съ идеалами, съ свѣтлою стороною человѣческаго существованія? А изученіе басень съ социальнымъ оттѣнкомъ ведетъ кромѣ того къ развитію въ дѣтяхъ преждевременнаго критицизма и отрицательнаго направленія, вредъ котораго дознанъ у насъ недавними горькими опытами.

Положимъ, что многія басни и изъ числа помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Радонежскаго, по содержанію своему, вполне невинны, а по художественности языка и живописности образовъ представляютъ самый удобный «читательный матеріалъ», что, обыкновенно, и составляетъ не одного автора «Родины»; положимъ, что составитель разсматриваемаго сборника, выбирая для него басни, не имѣлъ въ

виду морализировать съ дѣтьми въ социальномъ направленіи, а имѣлъ въ виду единственно ихъ нарочитую пригодность въ качествѣ читательнаго матеріала. О послѣднемъ мы заключаемъ, между прочимъ, и изъ того, что всѣ тридцать семь басенъ являются въ его книгѣ, такъ сказать, случайно, приурочиваются къ тѣмъ или другимъ описаніямъ и рассказамъ чисто механическимъ образомъ. Помѣстилъ, наприимѣръ, авторъ описаніе собаки, — въ слѣдъ за тѣмъ является басня: «Двѣ собаки»; за описаніемъ вороны слѣдуетъ «Ворона и лисица»; за дубомъ слѣдуетъ «Свинья подъ дубомъ», за муравьемъ—«Стрекоза и Муравей» и проч. Но все-таки намъ кажется, что такія басни, какъ «Двѣ собаки», «Лебедь, ракъ и щука», «Лисица и виноградъ», «Муха и пчела», «Щука», «Тришкинъ кафтанъ», «Волкъ и ягненокъ», «Квартетъ», «Волкъ и журавль», «Гуси», «Мельникъ» и многія другія—вовсе не гармонируютъ съ тою дидактическою цѣлью, какая приличествуетъ педагогической книгѣ.

Не болѣе гармонируютъ съ этою цѣлью и другія многія статьи сборника г. Радонежскаго. «Большая собака», заброшенная взрослыми и спасенная отъ неизбежной смерти ребенкомъ, лижетъ всѣмъ руки и ноги; только что похоронивъ канарейку, предметъ своей привязанности, дѣти утѣшаютъ себя тѣмъ, что «папа другую купитъ» и проч. Что въ этомъ хорошаго?

Наконецъ, мы должны замѣтить, что самая «родина» представлена въ изданіи г. Радонежскаго и неполно и невѣрно. Неполно потому, что изображена лишь внѣшняя ея сторона (природа, деревья и звѣри Россіи), а также нѣчто изъ крестьянскаго быта—(почти то же, что у Ушинскаго и другихъ) и анекдотическая сторона отечественной исторіи; но за тѣмъ ничего такого, что относилось бы къ характеристикѣ русскаго народнаго міровоззрѣнія: Ничего изъ былинъ (а еще такъ недавно изданъ сборникъ Авенаріуса, изъ котораго, благодаря литературному пересказу въ немъ былинъ, такъ легко было бы заимствовать въ сборникъ многое, не обременяя дѣтей непонятными для нихъ выраженіями народной рѣчи: въ этомъ отношеніи сборники Басистова и Полеваго имѣютъ преимущество предъ книгою г. Радонежскаго); ничего изъ народной лирики, за исключеніемъ звукоподражательной дѣтской пѣсенки, заимствованной, кажется, изъ «Роднаго слова»; ничего изъ народныхъ пословицъ и загадокъ, которыя, знакомя ребенка съ правилами народной мудрости, въ то же время такъ будятъ мысль ребенка и шевелятъ ея пытливость;—въ этомъ отношеніи даже устарѣвшая значительно книга г. Поульсона имѣетъ безспорное преимущество. Изъ народныхъ сказокъ помѣщены:

«Проворная лягушка» «Лисица и волкъ», да «Лисица и журавль», въ которыхъ мировозрѣніе русскаго народа представлено въ нравственной стороны въ крайне непривлекательномъ видѣ: въ одной — лягушка, добравшаяся до города на хвостѣ лисицы, незамѣтно для послѣдней, хвалится предъ нею своимъ плутовствомъ; въ другой — изъ двухъ воровъ-плутовъ, лисицы и волка, одинъ перехитрилъ другаго въ неправильномъ способѣ приобрѣтенія и т. д. Ужели такова мораль нашей народной мудрости, выразившейся въ народной словесности? А сказка «О правдѣ и кривдѣ» (помѣщенная между прочимъ въ грамматикѣ — сборникѣ Перевлѣвскаго) — эта народная апофеоза правдолюбія и честности русскаго человѣка съ прекрасною идеею божественнаго Промысла, рано или поздно вознаграждающаго обиженныхъ неправдою людскою? А «Царевичъ-козелочекъ» (помѣщена во многихъ книгахъ для чтенія) съ прекрасною-характеристикою русской семейственности и родственнаго чувства? Наконецъ, даже столь любимая и популярная «Жарь-птица», съ ея идеей высшей правды и превосходства нравственныхъ качествъ предъ одностороннею смышленностию и эгоистическою смѣтливостию, болѣе соотвѣтствовала бы идеѣ педагогической книги и, главное, вѣрнѣе характеризовала бы народное мировозрѣніе, чѣмъ «Проворная лягушка да «Волкъ и лисица». Чѣмъ лучше сдѣланный г. Радонежскимъ выборъ сказокъ для его сборника — разсказа, помѣщеннаго въ сборникѣ Полеваго («Учебная христоматія»), надъ которымъ такъ справедливо посмѣялись рецензенты, безусловно похвалившіе «Родину» г. Радонежскаго: «У богатаго мужика борода расчесана лопатой, у бѣднаго мужика борода расчесана клиномъ. Богатый говорить: «Иванъ мнѣ долженъ», и расправитъ бороду въ одну сторону; «и Петръ мнѣ долженъ» — и расправитъ бороду въ другую сторону. А бѣдный говорить: и я ему долженъ, и сберетъ свою бороду въ горсть». Съ своей стороны, мы глубоко убѣждены, что образовательнаго матеріала русская народная словесность содержитъ въ себѣ отнюдь не меньше, чѣмъ литература книжная, и въ этомъ смыслѣ нашимъ педагогамъ, составителямъ учебныхъ книгъ по русскому языку, отнюдь не излишне послѣдовать примѣру нѣмцевъ, у которыхъ педагогическое значеніе памятниковъ народнаго творчества давнымъ-давно признано всѣми.

Вообще, отдавая должное религіозному элементу въ книгѣ г. Радонежскаго и ея патрѣтической тенденціи, мы думаемъ, что учебникъ г. Паульсона выше соотвѣтствующей ему части книги г. Радонежскаго, а «Родное слово» и «Дѣтскій міръ» Ушинскаго, съ точи

зрѣнія педагогической теоріи, далеко оставляютъ за собою соответствующіе этимъ изданіямъ отдѣлы «Родины».

Наконецъ — нѣсколько словъ относительно такъ называемыхъ «упражнений въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи», планъ для которыхъ очень часто помѣщаетъ при статьяхъ составитель разсматриваемаго сборника. Вотъ примѣры этихъ упражненій: «главная мысль: описывается сельскій домикъ». «Главная мысль: описывается ручей». Намъ кажется, что въ этихъ примѣрахъ авторъ не совсѣмъ правильно отождествляетъ *предметъ* сочиненія съ *главною мыслью*, что, по нашему мнѣнію, не одно и то же.

1878.

Новая книга для народа.

(Золотая Грамата. Народная христоматія, составленная Фед. Вас. Ливановымъ.
Москва, 1875 г.).

Составленіе книги для народа — далеко не такое легкое дѣло, какъ иногда думаютъ. Когда покойный Щербина приступалъ къ составленію своей «Пчелы», онъ предварительно изложилъ печатно свои понятія о задачахъ и характерѣ подобнаго изданія въ известной статьѣ, напечатанной въ свое время въ «Отечественныхъ Запискахъ», и не прежде, какъ выслушавши критическія замѣчанія на эту статью со стороны лицъ компетентныхъ, выпустилъ въ свѣтъ свое, во многихъ отношеніяхъ весьма почтенное, изданіе, имѣющее развѣ одинъ существенный недостатокъ — плодъ односторонняго увлеченія доктринами литературной школы, къ которой принадлежалъ составитель «Пчелы» — преобладаніе въ ней археологическаго-лѣтописнаго элемента.

Не такъ посмотрѣвъ на дѣло составленія народной энциклопедіи известнѣйшій сочинитель сборниковъ «Раскольниковъ и Острожники» (со степенью научнаго и литературнаго достоинства которыхъ читатели наши достаточно знакомы по тремъ рецензіямъ, помѣщеннымъ въ «Христіанскомъ Читеніи» и въ «Церковномъ Вѣстникѣ»), Ф. В. Ливановъ, издавшій нынѣ новый свой трудъ подъ многообъясняющимъ заглавіемъ: «Золотая Грамата, первая въ Россіи учебно-воспитательная христоматія, заключающая въ себѣ болѣе 1,000 статей; настольная книга для всего русскаго народа, составленная и изданная Фед. Вас. Ливановымъ (кандидатомъ богословскихъ наукъ академіи) къ употребленію въ народныхъ школахъ всѣхъ вѣдомствъ російской имперіи и для всѣхъ классовъ уѣздныхъ и духовныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ, а также гимназій и прогимназій, гражданскихъ и военныхъ, женскихъ пансіоновъ, пріютовъ и институтовъ. Посвящается дворянству и духовенству, и всѣмъ, кому ввѣрено русскимъ царемъ воспитаніе русскаго народа».

При всемъ желаніи сказать что-либо хорошее о книгѣ, составленной «кандидатомъ богословскихъ наукъ академіи» и притомъ, какъ увѣряетъ составитель въ предисловіи, «подъ руководствомъ нѣкоторыхъ искренно къ нему расположенныхъ архіереевъ, многихъ профессоровъ академіи, его товарищей по воспитанію, извѣстныхъ по своей учюности лицъ высшаго духовенства Петербурга и Москвы», мы рѣшительно затрудняемся это сдѣлать. Просмотрѣвъ внимательно «Золотую Грамату», мы пришли къ убѣжденію, что она составлена при полномъ отсутствіи какого бы то ни было пониманія самыхъ элементарныхъ требованій педагогическаго и народно-дидактическаго изложенія, такъ что, по нашему мнѣнію, книга г. Ливанова рѣшительно не пригодна ни въ смыслѣ настольной книги для учащихся, ни въ смыслѣ хрестомати — энциклопедіи для граматныхъ простолюдиновъ. Настольною книгой для школы «Золотая Грамата» г. Ливанова не можетъ быть, по нашему мнѣнію, потому, что каждый изъ отдѣловъ, входящихъ въ составъ «Золотой Граматы», составляетъ въ школахъ особый учебный предметъ, служить матеріаломъ спеціального (конечно, въ предѣлахъ элементарнаго курса) преподаванія, но нарочито для того составленнымъ, рассмотрѣннымъ и одобреннымъ учебными и учеными комитетами программъ и руководствамъ. Уже судя а priori, не трудно догадаться, что изложить въ двухъ небольшихъ томикахъ нѣлые учебные предметы съ такою полнотою и отчетливостію, съ какою они излагаются въ класномъ преподаваніи въ школахъ и въ отдѣльно издаваемыхъ руководствахъ, положительно невозможно. Особенно напраснымъ представляется намъ введеніе въ «Золотую Грамату», въ полномъ составѣ, курсовъ священной исторіи ветхаго и новаго завета и русской гражданской исторіи. Въ любомъ изъ элементарныхъ учебниковъ, принятыхъ въ руководство въ нашихъ школахъ, оба эти предмета, по нашему мнѣнію, излагаются и полнѣе и удовлетворительнѣе, нежели какъ могъ это сдѣлать г. Ливановъ въ своей книгѣ, при томъ разнообразіи предметовъ, о которыхъ онъ нашелъ необходимымъ трактовать въ ней. Не удовлетворяетъ насъ въ «Золотой Грамотѣ» и глава «объ обязанностяхъ христіанина». О томъ, что такое вѣра, надежда, любовь и другія христіанскія добродѣтели, въ чемъ состоитъ обязанность человека въ отношеніи къ Государю, отечеству, властямъ предрержающимъ, къ пастырямъ церкви, къ учителямъ и наставникамъ, къ родителямъ, къ дѣтямъ и т. д., въ нашей духовной литературѣ есть столько прекрасныхъ разсужденій, пространныхъ и краткихъ, отличающихся и полнотою содержанія, и должною отчетливостію, и общенятностію

предожда, что составителю христоматии вовсе не было надобности сочинять вновь, на скорую руку и, как сейчас увидимъ, кое-какіе новые трактаты о тѣхъ же предметахъ;—стоило лишь поближе ознакомиться съ нашею духовной литературой, сдѣлать изъ нея выборъ соответствующихъ программъ изданія статей, и—перепечатать ихъ на страницахъ своей книги. Не говоря уже о твореніяхъ святоотеческихъ и писаніяхъ нашихъ отечественныхъ богослововъ-проповѣдниковъ, начиная съ св. Тихона Задонскаго, укажемъ на прекрасную книгу «Объ обязанностяхъ христіанина» (протопресвитера В. Б. Бажанова), бывшую столь долго руководствомъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, кратко и просто-общепонятно излагающую истинны нравственнаго христіанскаго ученія, —любая глава изъ которой могла бы съ полнымъ успѣхомъ замѣнить собственныя разглагольствованія г. Ливанова. Въдъ христоматія, по общепринятому понятію объ этого рода изданіяхъ, и должна именно содержать въ себѣ отрывки изъ образцовыхъ писателей, представляющіе образцовое, такъ сказать, классическое рѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ,—образцовое не только по мыслямъ, но и по изложенію. Такъ всегда составлялись христоматіи отъ начала учебнаго дѣла; такъ всегда поступали люди, пользующіеся болѣе или менѣе прочною репутаціею въ педагогическомъ мірѣ, и въ этомъ отношеніи всѣ извѣстные въ нашей литературѣ составители христоматій,—начиная съ Максимовича, автора стариннаго «Друга Дѣтей», и оканчивая барономъ Корфомъ, авторомъ недавно изданнаго «Нашего Друга», —гг. Ушинскій, Галаховъ, Паульсонъ, Перевлѣскій, Неваковскій, Водовозомъ, Филоневъ и множество другихъ издателей популярныхъ сочиненій,—которыхъ г. Ливановъ совершенно напрасно обвиняетъ всѣхъ огуломъ въ безбожномъ реализмѣ,—не во гнѣвъ будь ему сказано, поступаютъ гораздо цѣлесообразнѣе и умнѣе: въ большей части этихъ изданій, если не во всѣхъ, есть отдѣлъ религіозно-нравственнаго чтенія, составленный изъ болѣе замѣчательныхъ отрывковъ — или изъ святоотеческихъ твореній, или изъ нашихъ отечественныхъ богослововъ-проповѣдниковъ, или наконецъ изъ разсказовъ библейскаго и церковно-историческаго содержанія, заимствованныхъ изъ лучшихъ духовныхъ изданій.

Составитель «Золотой Граматы» пренебрегаетъ этимъ общепринятымъ способомъ составленія христоматій и предпочитаетъ самъ компоновать небольшіе трактаты о разныхъ догматическихъ и правоучительныхъ предметахъ—по своему излюбленному, ему одному свойственному диковинному методу, съ такимъ изумительнымъ успѣхомъ примененному, какъ въ изданіи «Раскольники и Острожники»:

двѣ-три фразы изъ одного автора, двѣ-три—изъ другого, двѣ-три своихъ собственныхъ; вмѣсто логической связи между этими ключами—знаменательныя многоточія, и—статья готова. Нужно, напр. г. Ливанову скомпонировать для своей христоматіи правоучительный трактатъ «О любви къ отечеству»: онъ беретъ известную статью Карамзина «О любви къ отечеству и народной гордости», отнюдь, разуиѣется, не упоминая о ея авторѣ, пересказываетъ эту статью отчасти подлинными словами, отнюдь не отиѣчая этихъ словъ общепринятыми для подобныхъ заимствованій грамматическими знаками—ковычками, отчасти въ вольномъ перифразѣ, нѣкоторыя слова и цѣлыя предложенія выпуская, нѣкоторыя вставляя отъ себя вновь, и вообще обезобразивая образцовый оригиналъ до послѣдней степени, придѣлываетъ соотвѣтственное правоученіе, обращенное «къ русскому народу»,—и правоучительный трактатъ для христоматіи готовъ. Чтобы наше заявленіе не показалось читателю голословнымъ, приводимъ изъ этой статьи небольшую выдержку, по которой читатель самъ можетъ судить о характерѣ и степени достоинства мозаической работы г. Ливанова.

«Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастье. А начало всякаго благополучія *во всякой странѣ* имѣетъ для нашего воображенія *какую-то* особенную прелесть. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря *на вѣчный голодъ*, любитъ хладный вракъ землѣ своей. Переселите его въ счастливую Италію—онъ взоромъ и сердцемъ будетъ *обращаться* къ сѣверу, подобно магниту; *это и есть любовь къ отечеству* (подчеркнутыя слова вставлены г. Ливановымъ, остальные принадлежать тексту подлинника. Далѣе нѣсколько мыслей подлинника опущено и затѣмъ начинается вольное переложеніе карамзинскаго текста, изъ котораго составитель статьи удерживаетъ лишь нѣкоторыя слова). Но любовь къ отечеству, называемая обыкновенно патриотизмомъ, состоитъ не въ одномъ чувствованіи расположенія къ родинѣ, не въ ненависти къ прочимъ государствамъ и поношеніи ихъ, но въ постоянномъ и дѣятельномъ стремленіи по возможности дѣлать все, чего требуютъ Государь и благо отечества, заботиться объ удаленіи всего, что можетъ вредить достоинству и власти Государя, правамъ и пользѣ соотечественниковъ и благу отечества и по мѣрѣ силъ и способовъ содѣйствовать благосостоянію отечества. Мы живемъ въ царствѣ русскомъ. Наше русское царство устроено именно по образу вѣчнаго царства. Нами управляетъ одинъ царь. Онъ пасетъ насъ какъ пастырь; мы всѣ представляемъ изъ себя какъ бы одно стадо; насъ одумевляетъ

одна дукъ повиновенія; мы послушны одному глазу». Далѣе слѣдуетъ рядъ отрывочныхъ мыслей, почерпнутыхъ изъ соответствующей главы курса нравственнаго богословія, искусственно сплетаемыхъ съ сентенціями самого составителя книги. Всѣ эти мысли, пожалуй, хороши сами по себѣ; но было бы гораздо лучше, если бы составитель книги, вмѣсто этого перифраза и искусственнаго натянутого подбора чужихъ мыслей, перепечаталъ въ своей «Золотой Граматѣ» одну изъ проповѣдей протоіерея Ключарева на день восшествія на престолъ Государя Императора, отличающихся и большею полнотою и зрѣлостію мыслей о томъ же предметѣ, а главное—большею связностію и изяществомъ изложенія; или даже отрывокъ изъ статьи Хомякова: «Мнѣнія русскихъ объ иностранцахъ».

Что касается до другихъ статей того же отдѣла, составленныхъ по извѣстнымъ курсамъ нравственнаго богословія, то онѣ еще менѣе удачны. Предоставляемъ самимъ читателямъ рѣшить вопросъ, на сколько удобны для дѣтскаго или престолярднаго пониманія мѣста въ родѣ слѣдующихъ: «Надежда какъ бы перстомъ въ каждое мгновеніе указываетъ отдаленное и невидимое; потому что желаніемъ отдаленнаго какъ бы огнемъ разжены всѣ части души и отсутствующее вмѣняется имъ (надѣющимися) за присущее и не могутъ они дать себѣ отдыха въ стремительномъ теченіи, совершаемомъ съ радостію». Или: «Каждое государство есть ни что (*не что*) иное, какъ нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимую властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго; есть великое семейство человѣковъ, которое по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могли быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцомъ, признаеть надъ собою въ семь качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ Государя; есть союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частию своей свободы для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія». Еще: «душа христіанина, напитанная истинною вѣрою, постоянно стремится излиться огнемъ молитвенныхъ возношеній къ Богу». Все это, повторяемъ, мысли прекрасныя; но изложеніе—ни сколько не приспособленное къ пониманію ни дѣтскому, ни престолярдному. Тѣмъ же недостаткомъ—неудобовѣрностію изложенія—отличаются и весьма многія статьи другихъ отдѣловъ христоматіи. Что, наприимѣръ, пойметъ читатель-простолюдинъ или ученикъ начальной сельской школы въ извѣстномъ прекрасномъ—поэтическомъ опредѣленіи исторіи, сдѣланномъ Баран-

зинимъ, которое составитель «Золотой Граматы» предпосылаетъ своему рассказомъ изъ русской исторіи (составленнымъ, по словамъ г. Ливанова, ни болѣе ни менѣе, какъ по осьмнадцати извѣстнымъ русскимъ историкамъ): «Исторія есть священная книга народовъ, есть зеркало ихъ бытія и дѣятельности, скрижаль откровеній и правилъ, завѣтъ предковъ къ потомкамъ, дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго... Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердца и слова въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ различными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ» и проч.

Мы не находимъ, также, удачно составленными множество «біографій» — святыхъ, отцовъ церкви, іерарховъ, замѣчательныхъ людей, писателей — какія находимъ въ изданіи г. Ливанова. Біографіи эти слишкомъ кратки, представляя нѣчто въ родѣ послужныхъ списковъ, и слишкомъ безцвѣтны для того, чтобы могли имѣть то образовательно-воспитательное дѣйствіе на читателей-дѣтей и простолюдиновъ, котораго ожидаетъ отъ своей книги г. Ливановъ. Онѣ годятся развѣ въ качествѣ справочнаго-календарнаго указателя цифровыхъ и тому подобныхъ данныхъ о годѣ рожденія, мѣстахъ служенія, времени смерти и т. п. замѣчательныхъ историческихъ личностей, для тѣхъ, кто имѣлъ возможность предварительно ознакомиться съ подробностями ихъ жизни изъ специальныхъ ихъ біографій. Въ этомъ отношеніи, намъ кажется, было бы болѣе цѣлесообразнымъ вмѣсто краткаго-голословнаго перечня главныхъ событій жизни замѣчательныхъ личностей, предложить въ хрестоматіи подробные рельефные рассказы болѣе поучительныхъ отдѣльныхъ фактовъ изъ ихъ жизни, какъ это дѣлается, на примѣръ, въ извѣстной книгѣ «Училище благочестія» и во многихъ хрестоматіяхъ. По мѣстамъ въ книгѣ г. Ливанова много вредитъ дѣлу непомерное его пристрастіе къ слишкомъ рѣзкой полемикѣ, съ присоединеніемъ къ ней, по мѣстамъ, уже вовсе неуѣстной книгопродавческой рекламы. Вотъ, на примѣръ, «біографія» Тургенева въ «Золотой Граматѣ»: «Тургеневъ, шестидесятилѣтній старикъ, въ настоящее время первый и лучшій русскій писатель. Выше его въ настоящее время никого нѣтъ. Ему всѣ поклоняются (исключая матеріалистовъ и сумасбродныхъ нигилистовъ) и цѣнятъ въ его сочиненіяхъ глубокой смыслъ, трезвую философію и поэтический талантъ. Имя его бессмертно въ Россіи! Невѣжды недавно еще носили Тургенева (литературная челядь). Но это нисколько не

уменьшило достоинствъ безсмертнаго русскаго писателя, на сочиненіяхъ котораго воспиталась вся современная Россія. Сочиненія Тургенева изданы Салаевымъ въ VIII томахъ и составляютъ насущную потребность каждаго образованнаго семейства въ Россіи».

Но всего болѣе, по нашему мнѣнію, неудачны въ книгѣ г. Ливанова предисловія и послѣловія, которыми составитель «Золотой Граматы» обставляетъ каждую статью своей книги. Здѣсь г. Ливановъ выходитъ изъ своей сферы — компиляціи и перифраза чужихъ мыслей, и въ слѣдствіе этого, сочинительство его до того здѣсь не складно, что изъ подъ его пера не выходитъ ничего, кромѣ поголовной, безперемонной, въ педагогической книгѣ вовсе неумѣстной и до послѣдней степени надоедающей брани противъ матеріалистовъ и нигилистовъ, да пустой, иногда стихотворной, фразеологіи. Матеріалисты и нигилисты, безспорно, не хорошіе люди, но за чѣмъ же брань? Не довольно ли было упомянуть о нихъ въ первомъ предисловіи и затѣмъ въ дальнѣйшемъ содержаніи книги ограничиться положительнымъ изложеніемъ ученія церкви и здравыхъ идей политическихъ и иныхъ, въ формѣ, доступной читателю простолюдину?

За всѣмъ тѣмъ, мы должны замѣтить, что въ «Золотой Граматѣ» есть нѣчто, что съ пользою можетъ быть прочитано; это — элементъ чисто-хрестоматійный, то есть, стихотворенія, рассказы, пословицы, басни и т. п., гдѣ сочинительство г. Ливанова не могло имѣть мѣста. Къ сожалѣнію, чтеніе и этой части книги значительно затрудняется такижъ непомятымъ множествомъ опечатокъ, какого мы еще нигдѣ никогда не встрѣчали. Повторяемъ: мы отъ всей души сочувствуемъ прекрасной цѣли, которой вздумалъ послужить г. Ливановъ, воодушеваясь сознаніемъ современныхъ нуждъ народной школы и грамотнаго простолюдина, — сочувствуемъ тому религіозно-нравственному и патриотическому идеалу, который предносился его воображенію, когда онъ брался за составленіе своей «Золотой Граматы»; но осуществленіе этой доброй цѣли у него вышло до того неудовлетворительно, что его изданіе имѣетъ весь характеръ спекуляціи, и, во всякомъ случаѣ, въ заключеніе своей замѣтки, мы не можемъ не припомнить ему русской пословицы, въ числѣ другихъ приведенной въ его книгѣ: «всякое дѣло мастера боится».

Новый опыт учебника по Закону Божию.

Законъ Божій для дѣтей младшаго возраста. Составилъ свящ. М. Соколовъ Петербургъ, 1876 г.—Въ наукѣ о воспитаніи, какъ извѣстно, давно уже установился тотъ принципъ, что какъ элементарное обученіе въ начальныхъ школахъ, такъ и преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не должно ограничиваться однимъ лишь сообщеніемъ научныхъ знаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ должно имѣть въ виду и цѣли воспитательно-образовательныя: формальное развитіе способности мыслительной, образованіе правильно-настроеннаго чувства и вкуса и т. п. Отсюда-то возникъ пресловутый споръ классиковъ съ реалистами, имѣвшій цѣлю рѣшить вопросъ о томъ, изученіе какихъ предметовъ имѣетъ наиболѣе образовательное значеніе: предметовъ ли реальныхъ или классическихъ языковъ и литературы? Стремленіе утилизировать школьное преподаваніе для тѣхъ или другихъ спеціальныхъ педагогическихъ цѣлей, для развитія въ дѣтяхъ тѣхъ или другихъ настроеній, того или другаго склада понятій—доходило у насъ иногда, какъ извѣстно, до односторонностей и крайностей, какъ это было, напримѣръ, не такъ давно, когда въ видахъ развитія демократическо-патріотическаго чувства все преподаваніе словесности сводилось къ изученію Некрасова и другихъ поэтовъ того же характера. Какъ бы то ни было, въ то время, какъ почти всѣ учебные предметы, входящіе въ составъ какъ элементарнаго, какъ и средняго общеобразовательнаго курсовъ, давнымъ давно и у насъ, какъ и повсемѣстно, преподаются по такимъ или инымъ, предварительно выработаннымъ началамъ педагогической теоріи, опредѣляющей, что и какъ должно быть преподаваемо дѣтямъ изъ каждой науки примѣнительно къ воспитательно-образовательнымъ цѣлямъ начальныхъ и среднихъ училищъ, методика закона Божія, самаго важнаго, конечно, предмета въ курсѣ учебныхъ заведеній, до послѣдняго времени находилась, можно сказать, въ самомъ первобытномъ состояніи. Количество учебныхъ часовъ въ недѣлю, назначенныхъ по

росписанію для закона Божія, было едва-ли не единственнымъ, стимуломъ, опредѣлявшимъ объемъ и содержаніе уроковъ. Приемы обученія, съ давнихъ поръ общеупотребительные при изложеніи всѣхъ прочихъ предметовъ среднеобразовательнаго курса, игнорировались, большею частію оо. законо-учителями, и законъ Божій былъ, такъ сказать, внѣ законовъ методики. Изучивались «начатки христіанскаго ученія», затѣмъ священная исторія въ болѣе пространномъ объемѣ, затѣмъ катихизисъ Филарета. Сколько тратилось непроизводительнаго дѣтскаго труда на выразумѣваніе и заучиваніе точной, но малопонятной для дѣтей богословской фразеологіи; сколько расходовалось безъ пользы времени со стороны самихъ законоучителей на растолкованіе темныхъ выраженій этихъ учебниковъ, вполне компетентныхъ въ смыслѣ символическихъ книгъ, но по изложенію нисколько не приспособленныхъ для дѣтскаго пониманія! И все-таки законъ Божій, за нерѣдкими, конечно, иногда весьма блестящими исключеніями, оставался болѣе *учебнымъ* предметомъ, чѣмъ предметомъ воспитательно-образовательнымъ, вліяющимъ на характеръ нравственныхъ симпатій и умственныхъ настроеній учащагося люда и русская словесность, на примѣръ, куда какъ превалировала въ этомъ отношеніи предъ закономъ Божиимъ путемъ разбора, эстетическаго и логическаго, образцовыхъ и художественныхъ произведеній, заправляя настроеніемъ и мысли и чувства учащихся, иногда можетъ быть и не совоѣмъ въ строгой гармоніи съ тѣмъ, къ чему направляется обученіе религиозное!

Первый опытъ критическаго отношенія къ установившимся издавна рутиннымъ приемамъ обученія закону Божію, если не ошибаемся, принадлежитъ бывшему законоучителю Николаевскаго гатчинскаго института, о. Вудрявцеву, который въ замѣчательной, въ свое время обратившей на себя общее вниманіе нашихъ педагоговъ, критической статьѣ по поводу священной исторіи протоіерея М. И. Богословскаго (напечатанной въ «Педагогическомъ Вѣстникѣ», издававшемся дѣтъ двадцать тому назадъ покойнымъ извѣстнымъ нашимъ педагогомъ Н. А. Вышеградскимъ, составителемъ проекта существующихъ въ настоящее время женскихъ гимназій), впервые поставилъ чисто-методическій вопросъ о томъ, что и какъ должно быть преподаваемо дѣтямъ изъ ветхозавѣтной библейской исторіи, чтобы это преподаваніе содержало въ себѣ не простую передачу содержанія св. книгъ ветхаго завіта и всѣхъ безъ исключенія фактовъ изъ исторіи, сколько религиозной, столько же и гражданской еврейскаго народа, а содержало въ себѣ матеріалъ, существенно относящійся къ христіанству и вмѣстѣ съ тѣмъ образовательно дѣйствующій на развитіе въ учащихся хри-

стванскаго религіознаго чувства и цѣлостнаго религіознаго міровоззрѣнія. Затѣмъ стали появляться одинъ за другимъ новыя болѣе или мѣне своеобразныя опыты изложенія предметовъ закона Божія почтенными оо. законоучителями-педагогами, составлявшими свои труды по болѣе или менѣе строгому соображенію съ принципами педагогики, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашихъ педагогическихъ журналахъ стали печататься и теоретическія статьи по методикѣ закона Божія. Первымъ по времени нововведеніемъ въ этомъ отношеніи является примѣненіе къ преподаванію священной исторіи принципа нагляднаго обученія, для чего приспособлены были перепечатанныя съ нѣмецкихъ изданій картины изъ священной исторіи Шнорра и Шрейбера, текстъ къ которымъ былъ составленъ о. Б. Стратилатовымъ и позже—о. В. Г. Пѣвцовымъ, а о. В. Михайловскимъ изданы вновь составленныя миниатюрныя картинки, о которыхъ мы имѣли случай упомянуть въ прошлогодней замѣткѣ (въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 11-й) о трудахъ этого почтеннаго дѣятеля по народному образованію. Затѣмъ о. протоіереемъ Дмитріемъ Соколовымъ впервые былъ приспособленъ методъ совмѣстнаго изученія всѣхъ частей курса закона Божія, продолжившихся прежде отдѣльно въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Къ новому поколѣнію законоучителей-педагоговъ принадлежитъ и о. Михаилъ Соколовъ, преподаватель закона Божія въ первой с.-петербургской гимназій и первомъ реальномъ училищѣ, недавно еще вступившій на педагогическое поприще и уже успѣвшій составить себѣ довольно почетную извѣстность въ средѣ нашихъ педагоговъ (между прочимъ, прекрасными составленными «чтеніями» по закону Божію, произнесенными въ Солянскомъ городкѣ).

Говорятъ иногда, что составить академическую лекцію легче, чѣмъ дать элементарный урокъ, и написать учоную диссертацию можно съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ хорошую книгу педагогическаго содержанія. Мы охотно вѣримъ этому, ознакомившись съ почтеннымъ трудомъ о. Соколова. Составитель новаго учебника по закону Божію не открываетъ, конечно, Америки въ своемъ предметѣ, идетъ по пути, уже намѣченному, практикуетъ методъ, имѣвшій уже примѣненіе въ нашей законоучительской практикѣ. Но въ осуществленіи этого метода мы находимъ съ его стороны столько педагогическаго такта, столько тщательности какъ въ общемъ построеніи учебнаго курса, такъ и въ выборѣ и распорядкѣ матеріала и въ обработкѣ деталей разсказа, что не можемъ не признать за его трудомъ полнаго и серьезнаго достоинства. Независимо отъ педагогическаго таланта составленіе такой книги—трудъ и трудъ весьма

почтенный. Прежде всего, какъ по объему содержанія, такъ и по изложенію, каждый разсказъ въ его книгѣ строго соображенъ съ предполагаемою степенью дѣтскаго пониманія и нуждами школы. Количество фактическихъ подробностей сокращено до послѣдней степени, и при этомъ ничто существенно необходимое для элементарнаго курса не опущено; взаи́мъ излишнихъ фактическихъ подробностей введенъ элементъ религиозно-наставительный, который является въ изложеніи о Соколова не какъ механическая приставка въ видѣ особыхъ правоученій, выдѣленныхъ въ особые параграфы, напечатанные мелкимъ шрифтомъ (какъ это дѣлалось иногда въ подобныхъ случаяхъ прежде, напримѣръ въ пользовавшейся въ свое время громкою извѣстностію передѣланной съ нѣмецкаго священнои исторіи о Симеона Брасноцвѣтова), а въ видѣ особенной, усвоенной авторомъ манеры пересказа самыхъ фактовъ, по которой этотъ религиозно-наставительный элементъ весьма искусно вплетается въ самый разсказъ, какъ его составная органическая часть. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: *«Вмѣсто того, чтобы раскаяться и попросить у Бога прощенія, Адамъ сказалъ: я не виноватъ; жена, которую ты мнѣ далъ, она принесла плодъ и я ѣлъ»*. *«Адамъ и Ева очень радовались рожденію Каина: они думали, что сыны ихъ вырастятъ, будутъ помогать имъ въ трудахъ и позаботятся о нихъ въ болѣзни и старости»*. *«Авель молился за родителей своихъ, за брата, и всѣмъ желалъ добра. Каинъ просилъ у Бога добра только себя»*. *«Всѣ люди и животныя утопали, а богобоязненный Ной съ своей семьей спокойно плавалъ въ ковчегѣ, потому что Господь хранилъ его»*. *«Симъ и Іафетъ были добрыя сыновья. Они любили отца своего, и потому тяжело имъ было слышать насмѣшки брата надъ отцемъ. Ной осудилъ непочтительнаго сына, другихъ же сыноей благословилъ. Господь слышитъ молитвы родителей за дѣтей: посылаетъ добрымъ дѣтямъ счастье и отнимаетъ свою милость у злыхъ людей, огорчающихъ своихъ родителей»*. Когда люди разошлись въ разные стороны, они забыли, что все они родные другъ другу». *Іосифъ горько плакалъ, но братья не жалели его: они были такъ злы, что рады были обидѣть своего добраго брата»*. Подобнымъ способомъ авторъ ведетъ свой разсказъ во всей книгѣ, изложеніе каждаго факта строго соображая съ тѣмъ, чтобы достигнуть не одного лишь механическаго воспринятія памятью знаній изъ области религіознаго ученія, но цѣлостнаго, сознательнаго усвоенія и умомъ и сердцемъ, соотвѣтственно началамъ педагогикѣ и

воспитательно-образовательнымъ путемъ религіознаго обученія. Намъ хочется, впрочемъ, относительно такого приѣма автора сдѣлать одно замѣчаніе. Намъ кажется, что при подобномъ изложеніи фактовъ авторъ долженъ соблюдать своего рода діапазонъ, чтобы въ передачѣ факта не сказать больше, чѣмъ сколько даетъ библія. Уже когда авторъ говоритъ, что *думали* Адамъ и Ева или о чомъ *молились* Авель и Каинъ, онъ, намъ кажется, допускаетъ маленькую поэтическую вольность, потому что говоритъ о томъ, чего не содержится прямо въ библейскомъ повѣствованіи. Тоже самое можно сказать о слѣдующихъ мѣстахъ книги: «Часто, не смотря на тяжелые труды, имъ (Адаму и Евѣ) не доставало хлѣба, чтобы быть сытыми, и они обращались къ Господу: «Господи, помоги намъ достать пищу» (стр. 15). «Послѣ грѣхопаденія они ссорились, обижали другъ друга, и не всегда прощали обиды одинъ другому» (стр. 16). «Авраамъ приглашалъ всякаго прохожаго въ свою палатку» (стр. 29.) «Господь сказалъ Ною (послѣ потопа): теперь опять все пойдетъ по старому: на землѣ будутъ сѣять и жать хлѣбъ, за холодомъ будетъ слѣдовать тепло, за лѣтомъ—зима, за днемъ—ночь. Но потопа никогда не будетъ». Эта послѣдняя тирада—уже настоящая фигура олицетворенія, удобная больше для проповѣди, чѣмъ для историческаго разсказа. И такихъ мѣстъ въ книгѣ не мало.

Но главное отличіе настоящей книги состоитъ въ приспособленіи такъ называемаго совмѣстнаго метода изложенія всѣхъ составныхъ частей курса закона Божія. Всѣ особенности этого метода авторъ общаеетъ объяснить въ особомъ сочиненіи, имѣющемъ видѣти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Мы съ своей стороны считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ и въ настоящей своей замѣткѣ. Прежде всего, насколько дѣло касается священнои исторіи, авторъ вводитъ наглядное изученіе ея по картинамъ, нарочито для настоящаго изданія изготовленнымъ художникомъ Брюковымъ. Съ объясненія по этимъ картинамъ разсказовъ изъ священной исторіи, методомъ аналитическимъ илѣ синтетическимъ, начинается урокъ. Затѣмъ къ каждому почти библейскому разсказу, особенно новозавѣтному, авторъ приурочиваетъ изложеніе и объясненіе той или другой истины вѣрученія или нравученія, молитвъ, праздниковъ и богослуженія, такъ что въ итогѣ въ рядъ библейскихъ разсказовъ влдается въ элементарномъ, конечно, объемѣ, весь итогъ вѣрученія и нравученія, всѣ главнѣйшія молитвы и нѣкоторыя пѣнопѣнія (например, тропари), символъ вѣры, заповѣди.

десятословія и т. д. Въ этомъ приуроченіи къ библейскимъ рассказамъ элементовъ изъ другихъ составныхъ частей курса закона Божія — главное отличие книги о. Соколова и главное его искусство. Сказавши, на примѣръ, о сотвореніи человека, о томъ что душу его Господь создалъ похожую на Себя, авторъ пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы сказать о свойствахъ Божіихъ. При рассказѣ о благодарственной жертвѣ Ноя послѣ потопа авторъ излагаетъ учение о молитвѣ вообще; бракъ въ Канѣ даетъ поводъ автору изложить литургическое и догматическое понятіе о таинствѣ брака, исцѣленіе расслабленнаго — о таинствѣ елееосвященія, рассказъ о блудномъ сынѣ — о таинствѣ покаянія, рассказъ о тайной вечери — о таинствѣ евхаристіи и т. д. При каждомъ новозавѣтномъ событіи говорится о времени и образѣ его празднованія, а также приводятся и объясняются нѣкоторыя пѣснопѣнія и молитвы. Заслуживаетъ упоминанія также тотъ тактъ, съ какимъ авторъ обходитъ несовсѣмъ удобныя для изложенія дѣтямъ мѣста библейскаго повѣствованія. Такъ, рассказывая исторію Птифаровой (Пентефрѣевой) жены, авторъ ограничивается замѣчаніемъ, что «она хотѣла, чтобы Іосифъ вмѣстѣ съ нею обманывалъ ея мужа»; седьмую заповѣдь десятословія авторъ переводитъ: *неперелюби* и объясняетъ такъ: «люди часто любятъ другихъ людей неправильною любовью: однихъ любятъ за богатство, другихъ за красоту, не смотря на ихъ грѣхи; третьихъ — за то, что они умѣютъ льстить. Не любятъ, напротивъ, людей добрыхъ, умныхъ, благочестивыхъ, которые могли бы научить ихъ добру. Чтобы научить людей любить всѣхъ правильною любовью, Господь сказалъ: не прелюбодѣйствуй — не перелюби. Не люби никакого человека неправильно, больше, чѣмъ велѣлъ любить Господь» (стр. 177).

Авторъ назначаетъ свое изданіе для одноклассныхъ и двуклассныхъ сельскихъ школъ, начальныхъ народныхъ училищъ, гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія и военнаго, для полковыхъ школъ и для поступающихъ въ военную службу со званіями IV разряда. Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ его труда, не можемъ не пожелать ему возможно большаго распространенія. Цѣна книгъ не дорога; 248 страницъ, напечатанныхъ въ три шрифта (между прочимъ славянскій, который напечатана большая часть молитвъ, символовъ и заповѣди), стоитъ 35 копѣекъ.

Законъ Божій въ народныхъ школахъ.

(О преподаваніи закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Соч. Ширскаго. Кострома, 1876 г.)

Едвали нужно много распространяться о пользѣ, даже больше — о положительной необходимости изданій, подобныхъ настоящему. Осмотрѣться въ своей дѣятельности, провѣрить свою практику теоріей, рационализировать ее тѣми законами и правилами, какія выработали наука и многовѣковой опытъ опередившаго наше отечество и въ дѣлѣ школьнаго обученія, какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ общественнаго развитія, запада, было бы дѣломъ отнюдь не лишнимъ для нашихъ со. законоучителей сельскихъ школъ даже въ томъ случаѣ, еслибы въ ихъ дѣятельности все обстояло вполнѣ благополучно, еслибы жалобы, которыя слышатся въ нашей печати весьма нерѣдко (см. напр. «Голосъ», № 293), на дѣятельность со. законоучителей, не имѣли достаточныхъ основаній. Мы, съ своей стороны, признаемся, не даемъ слишкомъ большой вѣры этимъ жалобамъ по той простой причинѣ, что на ряду съ ними столь же часто слышатся въ печати (напримѣръ въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», а также въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ) заявленія о непошрвой притязательности, а иногда и недостаточной компетентности лицъ, предъявляющихъ помянутыя жалобы. Но все же мы знаемъ, что число со. законоучителей въ нашихъ сельскихъ школахъ, болѣе или менѣе основательно знакомыхъ съ началами дидактики и методики, не можетъ быть слишкомъ большимъ, такъ какъ педагогика съ своими отраслями вошла въ число учебныхъ предметовъ нашихъ семинарій еще слишкомъ недавно, лишь со времени ихъ преобразованія, доселѣ еще не законченнаго.

Такимъ образомъ едвали мы ошибемся, если предположить, что по меньшей мѣрѣ еще цѣлая половина нашихъ сельскихъ oo. законоучителей, при всей добросовѣтности отношенія къ своему дѣлу, вынуждена, по необходимости, довольствоваться старинными приемами обученія, составляющими не результатъ общепризнанныхъ научныхъ положеній дидактики, а плодъ личнаго вдохновенія тѣхъ или другихъ изъ этихъ почтенныхъ тружениковъ, ихъ индивидуальнаго пониманія дѣла.

Какъ пособие для педагогическаго самообразованія тѣхъ изъ нашихъ oo. законоучителей, которые имѣютъ въ томъ надобности, книга г. Ширскаго составляетъ весьма цѣнное, по нашему мнѣнью, приобретеніе нашей вообще весьма скудной духовно-педагогической литературы. Съ внѣшней стороны она довольно полно охватываетъ весь кругъ вопросовъ, относящихся къ законоучительству въ начальныхъ народныхъ училищахъ ¹⁾. Со стороны содержанія она довольно

¹⁾ После введенія, въ которомъ говорится о важности преподаванія закона Божія въ начальныхъ училищахъ, о главной и второстепенныхъ цѣляхъ этого преподаванія, авторъ трактуетъ (отдѣлъ 1-й) о томъ, каковъ долженъ быть законоучитель: о законномъ утвержденіи его въ должности (приводятся наши узаконенія о томъ, изъ какихъ лицъ избираются законоучители и кѣмъ утверждаются въ должности), о соблюденіи законоучителемъ законнаго порядка въ отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей (приводятся всѣ дѣйствующія у насъ правила и узаконенія, касающіяся въ какомъ-либо отношеніи законоучителя) о необходимыхъ законоучителю качествахъ — этическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, о необходимыхъ для него познаніяхъ, о потребностяхъ для него педагогическаго самообразованія и средствахъ къ тому, о приготовленіи къ урокамъ и проч. Во второмъ отдѣлѣ говорится о приученіи дѣтей къ исполненію закона Божія, какъ одной изъ обязанностей законоучителя и о способахъ къ этому, о молитвѣ дѣтей и участіи ихъ въ богослуженіи, о чтеніи душещепотныхъ книгъ, исполненіи долга св. исповѣди и св. причастія, о соблюденіи церковныхъ заповѣдей и благочестивыхъ русскихъ обычаевъ и проч. Эти два отдѣла составляютъ впрочемъ не больше, какъ третью часть книги, весь интересъ которой, по нашему мнѣнью, сосредоточивается въ третьемъ отдѣлѣ, содержащемъ въ себѣ спеціально методику закона Божія для народныхъ школъ. Здѣсь сначала говорится о программѣ преподаванія закона Божія въ начальныхъ училищахъ и разбираются существующія у насъ программы, главнымъ образомъ—программы барона Корса и святи. Вътвеннаго, затѣмъ подробно рассматриваются предметы преподаванія на класѣ закона Божія, говорится о взаимномъ отношеніи этихъ предметовъ и о распределеніи ихъ по курсамъ или возрастамъ, объ объемѣ преподаванія, о послѣдовательномъ его ходѣ и распределеніи по урокамъ, объ урокахъ и распределеніи учебнаго времени по урокамъ, объ учебникахъ и руководствахъ. Наконецъ авторъ излагаетъ подробно методъ преподаванія: а) катехизиса (здѣсь излагаются общія правила, способы и формы начального преподаванія въ призывеніи къ объясненію катехизиса, рѣшается вопросъ о значеніи заучиванія наизусть и о томъ, при какихъ условіяхъ это заучиваніе можетъ сопровождаться разумнымъ усвоеніемъ заучен-

вспомогательно свидѣтельствуетъ о весьма солидной эрудиціи автора въ нѣмецкой педагогической литературѣ, а также объ обиліи фактовъ и свидѣній, добытыхъ путемъ непосредственнаго, долготѣлннго наблюденія автора надъ нашими народными школами (г. Ширскій состоитъ съ 1864 года членомъ костромскаго уѣзднаго училищнаго совѣта). Почти всѣ основныя положенія изъ общей методики и дидактики (авторъ приводитъ ихъ впрочемъ лишь настолько, насколько они имѣютъ непосредственное отношеніе къ его главному предмету— преподаванію закона Божія) и спеціальныя — по методикѣ закона Божія (изложенныя въ его книгѣ въ формѣ тезисовъ и напечатанныя особымъ, крупнымъ шрифтомъ), а также весьма значительная доля частныхъ правилъ, относящихся къ техникѣ преподаванія закона Божія—происхожденія компилятивнаго, заимствованы изъ сочиненій Олера, Цечвица, Шютце, Мюнха, Шмида, Пальмера, Раумера и другихъ нѣмецкихъ писателей. Но то, что во многихъ другихъ случаяхъ было бы недостаткомъ, въ настоящемъ—является положительнымъ достоинствомъ. Педагогическая литература у нѣмцевъ такъ богата; дидактика и методика находятся у нихъ на такой высокой степени совершенства, что при относительной скудости этого рода произведеній у насъ, нашимъ педагогамъ долго еще не придется ничего другаго дѣлать, какъ черпать обѣими руками изъ этого обильнаго источника, слѣдуя при этомъ апостольскому наставленію: все искушающе, добрая держите. Въ чести автора слѣдуетъ замѣтить, что онъ твердо помнитъ это наставленіе, провѣряя постоянно положенія западныхъ педагоговъ ученіемъ священнаго писанія, святоотеческими твореніями и символическими книгами православной церкви. Первые два отдѣла книги—«о томъ, каковъ долженъ быть законоучитель» и «пріученіе дѣтей къ исполненію закона Божія» въ этомъ отношеніи настолько хороши, что, отнюдь не утрачивая педагогическаго характера, могли бы цѣликомъ войти въ учебникъ по пастырскому богословію. Да и въ методической части своего труда къ теоріямъ нѣмецкихъ педагоговъ авторъ относится съ полною критическою осмотрительностію. Такъ, совѣтуя законоучителю читать книги педагогическаго содержанія, авторъ замѣчаетъ: «нужно помнить, что всѣ нѣмецкіе писатели педагоги дѣлятся, по основнымъ началамъ своего ученія, на два класса: богословствующихъ и философствующихъ».

наго), б) о методѣ преподаванія св. исторіи (виды преподаванія: въ формѣ разсказа—словами библіи, свободнаго пересказа въ библейскомъ духѣ, объяснительнаго разговора, чтенія по учебнику, преподаванія по картинкамъ и проч.), в) методѣ объясненія молитвъ и г) методѣ объясненія богослуженія.

лики. У первых основныя педагогическія понятія заимствуются изъ Божественнаго Откровенія, у послѣднихъ—изъ начала разума. Первые, напримеръ, признаютъ конечною цѣлю воспитанія—благочестіе (Целлеръ), приготовленіе дѣтей для царства Божія (Шюверъ, Франка), достиженіе цѣлей жизни, указанныхъ человѣку Богомъ (Пальмеръ) и т. д. Вторые выводятъ конечную цѣль воспитанія—напримѣръ такъ называемые евдемонисты—изъ назначенія человѣка для временнаго благополучія (Базедовъ, Кампе, Реховъ, Зальцманъ), послѣдователи Канта изъ нравственнаго закона разума, изъ идеи нравственно-добраго. Фикте поставляетъ конечную цѣль воспитанія въ свободной дѣятельности разума и истекающемъ отсюда нравственномъ добрѣ (Фезе, Нитгаймеръ). Шеллингъ ищетъ основной идеи педагогики въ абсолютномъ. Иные—въ идеѣ человѣчества, въ чисто-человѣческомъ (Песталоцци, Арндтъ и др.), въ понятіяхъ туманности (Денцель), божественности (Граверъ), образованія и христіанской цивилизаціи (Блаше, Бенке). Въ сочиненіяхъ перваго разряда, т. е. съ богословскимъ направленіемъ, нужно при чтеніи строго различать: что въ нихъ принадлежитъ протестантству или католицизму, и что вытекаетъ изъ общаго христіанскаго вѣрученія. Сочиненія втораго разряда нужно читать со всюю осторожностію и принимать въ нихъ только то, что не претивно христіанскому ученію и началамъ здраваго разума» (стр. 39). Для знакомства читателя съ воззрѣніями, принадлежащими лично автору, составляющими результатъ его личнаго опыта и наблюденій, укажемъ нѣкоторые. «Дѣтей, пріученныхъ въ домахъ родителей молиться двуперстнымиъ сложеніемъ, отнюдь не слѣдуетъ принуждать къ оставленію этого обычая» (стр. 58). «Совѣтами прихожанъ—крестьянъ отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать. Руководствуясь простымъ религіознымъ чувствомъ и житейскою опытностію, они не рѣдко разрѣшаютъ самыя сложныя педагогическія задачи далеко вѣрнѣе многихъ записныхъ педагоговъ. Семья и училище должны идти рука объ руку» (стр. 42—43). «Нѣтъ ничего обманчивѣе, какъ безусловно вѣрить въ природную невинность каждаго дитяти. Для нравственно-испорченныхъ дѣтей духовникъ часто является единственнымъ ангеломъ-спасителемъ. Въмѣсто, того, чтобы писать пространныя книги о способахъ врачеванія дѣтей отъ пороковъ, лучше заботиться о томъ, чтобы дѣти чаще и должнымъ образомъ исповѣдывались. Протестантскіе педагоги, признавая въ принципѣ воспитательное значеніе исповѣди, стараются ослабить его указаніемъ на тѣ злоупотребленія, какія допускаются при исповѣди въ римско-католическихъ школахъ.» На этомъ основаніи и наши пе-

дагоговъ смотрять недобѣрчиво на исповѣдь дѣтей въ начальныхъ училищахъ. На это мы отвѣтимъ: 1) злоупотребленія возможны при всякомъ дѣлѣ; 2) духоваштво наше вовсе не имѣетъ стремленій, свойственныхъ іезуитамъ» (стр. 86). «Присяжные въ новыхъ судахъ нерѣдко оправдываютъ явныхъ преступниковъ, виновность которыхъ совершенно доказана, и большая часть такихъ оправдательныхъ вердиктовъ дается по дѣламъ, признаваемымъ уголовными — изъ уваженія къ нравственному закону и къ уставамъ церкви православной, наиримѣръ по дѣламъ о раскольникахъ. Христіанская совѣсть общества справедливо возмущается подобными приговорами. Это происходитъ отъ того, что присяжные выбираются часто изъ людей, не обучавшихся закону Божию и не бывавшихъ у исповѣди. Такие люди не могутъ имѣть правильныхъ христіанскихъ понятій о преступности, виновности и оправданіи» (стр. 84). «Великое зло во многихъ училищахъ составляютъ сами учителя, открыто нарушающіе заповѣдь о мостахъ. Они даютъ пагубный примѣръ дѣтямъ и сверхъ того вооружаютъ православный народъ противъ училищнаго образованія. Многія училища въ селахъ пали именно отъ того, что учителя, безъ разбора опредѣляемые сельскимъ начальствомъ и мировыми посредниками, не соблюдали постовъ. Подобнымъ учителямъ мѣсто въ протестантской Германіи, но не въ православной Россіи. Настоятели церкви обяваны дѣлать учителямъ замѣчанія сначала наединѣ, а потомъ въ присутствіи завѣдывающихъ училищемъ, а если бы ихъ замѣчанія не были приняты, доносить о томъ своему начальству и училищнымъ совѣтамъ» (стр. 100). «Игры и арѣлница въ простомъ народѣ несутъ большую частію на себѣ отпечатокъ язычества. Многія изъ нихъ грубы и безнравственны (посидѣлки, когда молодые люди того и другого пола собираются вмѣстѣ и проводятъ время безъ всякаго надзора, въ пѣніи пѣсней и въ играхъ, допускающихъ самое не позволительное сближеніе позовъ). Малыя дѣти присутствуютъ при этомъ въ качествѣ зрителей и такимъ образомъ съ юныхъ лѣтъ воспитываютъ въ себѣ понятія, разрушительно дѣйствующія на ихъ цѣломудренное чувство» (стр. 103). «Въ ряду историческихъ книгъ, особенно полезныхъ для преподавателей Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, по всей справедливости должно поставить на первомъ мѣстѣ Четивъ-Минеи св. Димитрія Ростовскаго. По этимъ книгамъ воспитались въ христіанскую жизнь милліоны людей въ православной Россіи. Онѣ написаны образцовымъ языкомъ, проникнуты глубокимъ благоговѣйнымъ чувствомъ, представляютъ христіанское ученіе и христіанскую жизнь наглядно въ

совершеннѣйшихъ образцахъ благочестія. Онѣ имѣютъ неизъяснимую привлекательность для дѣтей, и потому весьма желательно, чтобы законоучители хорошо были знакомы съ содержаніемъ этихъ книгъ, и какъ можно чаще обращались къ нимъ на урокахъ по закону Божію» (стр. 36). Эти прекрасныя мысли, къ которымъ мы охотно присоединяемся, даютъ читателю понятіе о характерѣ воззрѣній автора и о направленіи его книги. Изъ оригинальныхъ сужденій автора, относящихся къ методикѣ преподаванія закона Божія, укажемъ на его разборъ программъ извѣстнаго русскаго педагога барона Корфа (въ его «Начальной школѣ» стр. 311—325) и священника Вѣтвеницкаго. Относительно первой г. Ширскій говоритъ (стр. 115—119), что въ ней «законъ Божій умаленъ въ своемъ значеніи и поставленъ въ невозможныя для него условія». Г. Ширскій отнюдь не хочетъ думать, чтобы авторъ программы намѣренно старался отнять у закона Божія подобающее ему значеніе, такъ какъ въ указаніяхъ барона Корфа есть мѣста, несомнѣнно удостовѣряющія, что онъ имѣетъ высокое понятіе о воспитательномъ значеніи закона Божія, что онъ подъ закономъ Божиимъ разумѣетъ не только нравственное, но и догматическое ученіе. Причину не совсѣмъ правильной постановки закона Божія въ ряду прочихъ учебныхъ предметовъ нашей народной школы Корфомъ г. Ширскій видитъ въ ненормальномъ увлеченіи почтеннаго педагога нѣмецкими педагогическими теоріями, въ томъ, что онъ не искалъ основаній для своей программы «ни въ ученіи и практикѣ церкви, ни въ учебной практикѣ русской» (стр. 117). Не менѣ жестоко нападаетъ авторъ рассматриваемой книги на такъ называемый совѣстный методъ преподаванія закона Божія, вошедшій у насъ въ послѣднее время почти въ общее употребленіе. Авторъ не имѣлъ въ виду новаго опыта этого метода, какой представляетъ недавно вышедшій въ свѣтъ учебникъ о. Михаила Соколова, о которомъ мы своевременно оновѣстили читателей «Церковнаго Вѣстника», а говоритъ лишь по поводу «начальнаго наставленія въ православной христіанской вѣрѣ» о. Дмитрія Соколова. Методъ этотъ, по мнѣнію автора, отнюдь не новый, такъ какъ въ Германіи онъ былъ извѣстенъ еще въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, гдѣ скоро впрочемъ былъ оставленъ, какъ «неудовлетворяющій требованіямъ здравой дидактики». Методъ этотъ 1) ставитъ предметы преподаванія, относящіеся къ закону Божію, въ ложныя несвойственныя имъ положенія: одинъ предметъ ставится въ положеніе, такъ сказать, хозяина дома, а всѣ другіе занимаютъ въ немъ временное помѣщеніе: «и хозяинъ и гости въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно

«Терпѣть стѣсненіе». У о. Д. Соколова св. исторія служить канвою для другихъ предметовъ и потому, съ одной стороны, во многихъ мѣстахъ намѣренно расширяется, для того, чтобы было къ чему приставить подходящія къ рассказамъ молитвы, катихизическія истины, а съ другой—сокращается, чтобы дать мѣсто молитвамъ, объясненію богослуженія и т. д. Нѣкоторыя событія, весьма важныя, у него вовсе опущены, такъ не говорится о Мельхиседекѣ, объ Іовѣ, о многихъ событіяхъ изъ жизни царя и пророка Давида; другія рассказаны сухо и кратко, такъ что не могутъ произвести впечатлѣнія на души дѣтей. Мало того: «новый» методъ «ставить дѣтей въ ложныя несвойственныя имъ отношенія къ предметамъ преподаванія». Вообще къ совмѣстному методу г. Ширскій не менѣе безпощаденъ, чѣмъ достопочтенный о. Василій Рождественскій, не такъ давно разсуждавшій о томъ же предметѣ на съѣздѣ московскихъ законоучителей (см. «Моск. Епарх. Вѣдом.» 1874 г. № 37, стр. 391). Любопытно будетъ выслушать сужденія защитниковъ новаго метода; книга, обѣщанная о. Михаиломъ Соколовымъ какъ послѣсловіе къ его «Загону Божію для начальныхъ народныхъ училищъ», представитъ въ этомъ отношеніи особенный интересъ: путемъ преній выработывается научная истина. Но всего больше достается отъ достопочтеннаго автора разсматриваемой книги нашимъ переводчикамъ и парафрастамъ молитвъ, особенно о. Чemenъ и о. Іоакиму Романову. Переводовъ молитвъ на русскій языкъ у насъ появилось уже нѣсколько (кромя изданій оо. Чemenы и Романова, извѣстны переводы об. П. А. Лебедева, В. Я. Михайловскаго, Думитрашко, Свирѣлина), слѣдовательно необходимость ихъ для школьнаго преподаванія признается въ законоучительской практикѣ почти за аксіому. Нашъ авторъ доказываетъ, и доказываетъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательно, что общеупотребительныя молитвы вовсе не требуютъ перевода на русскій языкъ, что этимъ переводомъ, еслибы даже онъ могъ быть сдѣланъ гораздо лучше, нежели какъ онъ сдѣланъ въ имѣющихся изданіяхъ, лишь прибавляется новая трудность къ уразумѣнію молитвъ, что наконецъ переводъ этотъ положительно вреденъ для дѣтей, потому что утверждаетъ ихъ въ ложной мысли, будто церковно-славянскаго языка нельзя изучать безъ перевода на русскій, будто православная церковь говорить съ народомъ на совершенно непонятномъ для него языкѣ (стр. 334 — 347)! Наконецъ, какъ на одно изъ болѣе удачныхъ мѣстъ книги, укажемъ на вполнѣ практичныя разсужденія автора о съѣздахъ законоучителей (стр. 45—47), которые, по его мнѣнію, долж-

ны происходить въ уѣздахъ не менѣе одного раза въ годъ, а въ благочиніяхъ и по два раза въ тотъ же срокъ.

Вообще, повторяемъ, почтенный трудъ г. Ширсаго составляетъ весьма цѣнное приобрѣтеніе въ нашей духовно-педагогической литературѣ. Нужно желать и можно надѣяться, что новизною своего содержанія, интересомъ поставленныхъ въ немъ педагогическихъ вопросовъ, полемическимъ отношеніемъ къ практикующимся у насъ теоріямъ, онъ возбудитъ оживленную полемику между нашими законоучителями-педагогами и будетъ способствовать категорическому отвѣту на тѣ вопросы, въ рѣшеніи которыхъ, въ интересахъ религіозно-нравственнаго воспитанія народа, давно уже ощущается у насъ положительная необходимость.

О современномъ состояніи изученія святоотеческихъ твореній въ нашей духовной литературѣ.

Въ настоящее время никто уже, кажется, не обвиняетъ нашей духовной науки и школы въ пристрастіи къ схоластикѣ, которой еще такъ недавно, если вѣрить заявленіямъ нашей свѣтской печати, та и другая платили столь обильную дань. Точно также не видно, чтобы кто нибудь заподозрѣвалъ нашу духовную науку и нашу школу въ непоумѣрномъ увлеченіи рационалистическимъ или папистическимъ направленіемъ западной богословской науки, безъ помощи которой намъ естественно обойтись невозможно, и произведеніями которой не отказывается пользоваться ни одинъ изъ нашихъ богослововъ. По крайней мѣрѣ люди компетентные, имѣвшіе поводъ высказываться по этому предмету, замѣчая, что «русскіе ученые усваиваютъ себѣ убѣжденіе, что сколько бы они ни учились въ своемъ отечествѣ, все-таки не могутъ достигнуть той высоты, на какой стоитъ заграничная, въ особенности нѣмецкая интеллигенція во всѣхъ областяхъ умственного развитія», что «русскіе богословы съ живымъ интересомъ и не безъ увлеченія стремятся знакомиться со всѣмъ, что въ ея области производитъ нѣмецкая интеллигенція», что «въ нашей богословской литературѣ явственно обнаруживается стремленіе попасть въ тонъ нѣмецкихъ богословскихъ изслѣдованій, усвоить себѣ ихъ научный характеръ», — добавляют, что такое убѣжденіе «въ известной степени справедливо», что такое стремленіе «имѣетъ свои хорошія стороны», что «самая полемика противъ нѣмецкаго рационализма и свободомыслія, не ограничиваемаго никакимъ авторитетомъ, вноситъ въ наши богословскіе труды нѣмецкіе приемы, а нерѣдко и самые результаты нѣмецкой богословской критики», и — отнюдь при этомъ не высказываютъ подозрѣнія или опасенія, чтобы гдѣ либо и когда нибудь у насъ это изученіе нѣмецкой и вообще заграничной богословской литературы сопровождалось неумѣренностію, отсутствіемъ

критики, и какими бы то ни было злоупотреблениями (см. интересные письма о нѣмецкой интеллигенціи) — въ Правосл. соборѣдникѣ 1875 г. февраль).

Но кромѣ завѣщанной намъ предшествовавшими вѣками весьма обширной схоластической литературы, научнаго достоинства которой, конечно, отнюдь нельзя отрицать безусловно, ни въ смыслѣ ея историческихъ заслугъ, ни въ смыслѣ ея пригодности для цѣлей современнаго нашего богословскаго преподаванія, — кромѣ современной нѣмецкой и вообще заграницной богословской литературы, обстоятельное знакомство съ которой годъ отъ года становится для насъ все болѣе и болѣе обязательнымъ, по мѣрѣ того, какъ, благодаря сторонательскому движенію въ Германіи, а также англо-католикамъ, все болѣе и болѣе усиливаются на западѣ симпатіи къ церкви восточной, — кромѣ этихъ двухъ духовно-образовательныхъ ресурсовъ, у насъ, какъ извѣстно, существуетъ еще одинъ, и притомъ гораздо болѣе важный источникъ богословскаго знанія, на который издавна, со времени братьевъ Лихудовъ, не переставали съ особенною настойчивостію указывать нашей духовной школѣ лучшіе умы и лучшіе представители нашей церкви, именно тѣ, которые утверждали, можетъ быть нѣсколько односторонне, что «для Россіи есть своя школа и своя ограда истиннаго просвѣщенія — церковь»: разумѣемъ литературу святоотеческихъ твореній. Въ какомъ положеніи находится въ настоящее время у насъ разработка этого первоисточника нашего богословія?

Вопросъ этотъ возникаетъ въ виду факта случайнаго, конечно, но тѣмъ не менѣе не лишенаго своего рода знаменательности: съ настоящаго года *ни одно* изъ нашихъ духовныхъ изданій не печатается болѣе на своихъ страницахъ святоотеческихъ твореній въ переводѣ на русскій языкъ, — что доселѣ каждое изъ нихъ считало своею священною и непремѣнною обязанностію. Почтенная ученая корпорація московской духовной академіи еще съ прошедшаго года прекратила (или можетъ быть только приостановила) свое изданіе «твореній святыхъ отцовъ въ русскомъ переводѣ», которое съ такою энергіею и съ такимъ достоинствомъ вела столько лѣтъ, — приди, вѣроятно, въ убѣжденію, что уже исполнила свой долгъ, завѣщанный ей волею блаженной памяти московскаго митрополита Филарета... Что же? Наличнымъ количествомъ имѣющихся уже въ нашей литературѣ переводовъ святоотеческихъ твореній исчерпываются ли существующія у насъ въ этомъ отношеніи потребности русской духовной науки?

Литература переводовъ святоотеческихъ твореній на русскій языкъ— въ нихъ полномъ составѣ и систематическомъ видѣ—въ настоящее время имѣетъ уже у насъ свою исторію. Послѣ многочисленныхъ, но отрывочныхъ и случайныхъ переводовъ лучшихъ мѣстъ изъ св. отцовъ, какія въ избыткѣ появлялись въ нашихъ двухъ старѣйшихъ духовныхъ журналахъ — «Христіанскомъ чтеніи» и «Воскреснемъ чтеніи» за первые годы ихъ изданія, почти этого дѣла въ болѣе научной систематической формѣ, по мысли покойнаго митрополита Фидарета, принадлежитъ московской академіи, предпринявшей свое изданіе въ началѣ сороковыхъ годовъ. Изданіе это не всѣхъ удовлетворяло: слышались сожалѣнія о томъ, что оно лишено хронологическаго порядка и той систематичности, какая существуетъ въ известномъ изданіи Мина Patrologiae cursus completus, что переводчики непомѣрно заботясь о близости перевода къ подлиннику, жертвуютъ нѣсколько чистотой и правильностію русской рѣчи, и проч. Изданіе начато было по неизвѣстнымъ соображеніямъ прямо съ твореній св. Григорія Богослова, — причемъ предшествовавшіе вѣкъ исторіи христіанской литературы оставлены были безъ вниманія. Правда, творенія мужей апостольскихъ были переведены уже раньше въ Христіанскомъ чтеніи за первые годы (посланія св. ап. Варнавы, св. Климента римскаго, Игнатія Богоносца, Поликарпа, творенія св. Иустина Философа—кромѣ разговора съ Трифономъ іудеевщиномъ, который въ удовлетворительномъ отдѣльномъ переводѣ преосв. Ириней существовалъ еще раньше); но это не помѣшало нѣсколько позже «Православному Собесѣднику» напечатать на своихъ страницахъ новый переводъ посланій св. Игнатія, какъ и вообще не устраняло возможности и пользы новаго критическаго изданія всѣхъ твореній мужей апостольскихъ, при пособіи позднѣйшихъ изслѣдованій въ области патрологіи, что и сдѣлалъ съ большимъ умѣньемъ редакторъ «Православнаго Обзорія» — въ первыхъ годахъ этого изданія. Творенія каждаго святаго отца почтенная ученая корпорація московской академіи сопровождаетъ помѣщаемою въ прибавленіяхъ подробною его біографіею, состоящею большею частію изъ фактическихъ подробностей о жизни св. отца, ученымъ образомъ обслѣдованныхъ, но не всегда содержащей въ себѣ подробную критическую бібліографію самыхъ твореній и оцѣнку предъидущихъ изданій, что обыкновенно находимъ въ западныхъ изданіяхъ подобнаго рода. Какъ бы то ни было, нельзя не отнестись съ глубокою благодарностію къ труду московской академіи, давшей такимъ образомъ нашей литературѣ болѣе или менѣе удовлетворительный переводъ почти всѣхъ главнѣй-

шихъ святыхъ отцовъ періода вселенскихъ соборовъ — этого золотого вѣка святоотеческой литературы. Затѣмъ послѣдовало изданіе «Христіанскимъ Чтеніемъ» твореній Златоуста, Феодора Студита, Евсевія Кесарійскаго, Германа, патріарха константинопольскаго и другихъ. Далѣе «Православный Собесѣдникъ» напечаталъ новый переводъ толкованій на евангелія и посланія апостольскія Теофилакта Болгарскаго, въ виду нарочитой пригодности этихъ сочиненій для цѣлей противу-раскольнической полемики, которой посвятило себя на первыхъ по-рахахъ почтенное казанское изданіе. «Православное Обзоріе», послѣ попытки издавать апокрифическія евангелія, не удавшейся по усло-віямъ цензурнымъ, приступило къ изданію твореній мужей апостоль-скихъ и апологетовъ, и сдѣлало это изданіе, закончивъ св. Иринеємъ Ліонскимъ, по всѣмъ правиламъ и со всѣми приемами ученаго кри-тическаго изданія. Изданіе это, по нашему мнѣнію, было рѣшительно лучшимъ въ ряду подобныхъ, пока «труды кievской академіи» не предприняли, по мысли Государыни императрицы, изданія русскаго перевода твореній св. отцовъ церкви западной. Но выпустивъ въ свѣтъ съ прекрасно составленными критико-біографическими этюдами творенія св. Кипріана кареагенскаго, блаж. Августина и блаж. Иеро-нима, почтенная кievская ученая корпорація приостановила (если не прекратила) свое прекрасное предпріятіе. Послѣ этого лишь въ «Ру-ководствѣ для сельскихъ пастырей» за прошедшій годъ явился пол-ный переводъ творенія св. Григорія Двоеслова — «de cura pastorali». Съ нынѣшняго года, какъ мы сказали, уже ни одинъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ не даетъ больше переводовъ святоотеческихъ твореній, хотя, намъ кажется, этого важнаго дѣла отнюдь нельзя считать на столько полно осуществленнымъ, чтобы уже ничего не оставалось болѣе дѣлать въ этомъ отношеніи нашимъ духовнымъ журналамъ, если бы редакція ихъ, въ интересахъ наибольшаго распространенія своихъ изданій, не сочли нужнымъ по возможности устранить изъ нихъ архаическій элементъ, замѣнивъ его статьями, имѣющими въ виду удовлетвореніе болѣе насущныхъ потребностей современной религіозной жизни нашего читающаго общества. Не говоря уже объ учителяхъ церкви и церковныхъ писателяхъ періода, слѣдующаго за вселенскими соборами, изъ первыхъ вѣковъ христіанства и временъ вселенскихъ соборовъ, далеко не все имѣется въ русскомъ переводѣ. Такъ въ немъ отсутствуютъ такія имена, какъ св. Климентъ Александрійскій (изъ твореній котораго на русскій языкъ въ полномъ составѣ переведено одно лишь слово его «о томъ, какой богачъ спасется»), отецъ хри-стіанскаго богословія — Оригенъ, св. Амвросій Меліоданскій (творенія

котораго въ старыхъ, начала настоящаго столѣтїа, переводахъ давно уже сдѣлались библиографическою рѣдкостью) и ин. др.

Другой подобный фактъ, на которомъ мы останавливаемся также не безъ нѣкотораго недоумѣнїа: ни въ литературѣ нашей, ни въ школѣ не видно ни откуда вниманїа къ богословскимъ сочиненїямъ Хомякова, челоуѣка, самымъ основательнымъ образомъ изучившаго западную богословскую науку, преимущественно рационалистическую, но не хотѣвшаго стать къ ней въ рабскїя отношенїа и сѣумѣвшаго съ замѣчательнымъ чутьемъ угадать въ литературѣ святоотеческихъ творенїй восточной церкви свѣточъ на пути къ религіозной истинѣ и изъ непосредственнаго изученїа ихъ извлечь такой богатый запасъ оружіа для своей блестящей и оригинальной апологіи православїа отъ нападенїа папства и протестанства. Въ этомъ игнорированїи нашей литературой замѣчательнаго богослова—мірянина, который повисъ онъ у тѣхъ же нѣмцевъ, несомнѣнно брїобрѣлъ бы у нихъ значенїе въ родѣ того, какое имѣли тамъ Шлейермахеръ или Роте, намъ хочется, впрочемъ, видѣть простое недоразумѣнїе. Съ своей стороны, усматривая въ богословскихъ сочиненїяхъ Хомякова образецъ непосредственнаго, глубокаго и цѣлостнаго изученїа святоотеческихъ творенїй, мы останавливаемся на этомъ фактѣ въ настоящемъ случаѣ лишь какъ на поводѣ къ тому, чтобы напомнить о значенїи непосредственнаго изученїа святоотеческихъ творенїй, если не для нашей духовной школы и литературы, что конечно, каждому хорошо извѣстно, то для каждаго христіанина и въ частности для тѣхъ любителей духовной науки, которые, подобно Хомякову, интересуются ею независимо отъ какихъ бы то ни было профессиональныхъ задачъ. Для этого не нужно говорить много о значенїи святоотеческихъ творенїй вообще: достаточно указать на святоотеческія произведенїа классическихъ вѣковъ христіанства, вѣковъ вседенскихъ соборовъ, — тѣхъ вѣковъ, когда отцами церкви, этими глубокими мыслителями, лучшими представителями эллинской учености и образованности, выработана полная и стройная система христіанскаго міровоззрѣнїа, наукообразное изложенїе христіанскихъ догматовъ и морали. Какое своеобразное впечатлѣнїе выносить внимательно изучившїй святоотеческія творенїа богословъ, когда видитъ, какъ, не смотря на все безконечное разнообразїе идей и на правденїй мысли въ этихъ творенїяхъ, опредѣляемое разстоянїемъ времени, мѣста, индивидуальными особенностями лицъ, характерными отличїями странъ и народовъ, все это разнообразїе сходитъ въ единствѣ основнаго ученїа, такъ что всѣ различныя творенїа святыхъ

отцовъ суть не что иное, какъ стройныя части одного стройнаго организма церковнаго ученія!

Въ виду такихъ соображеній, можно ли не пожалѣть, что переводъ святоотеческихъ твореній у насъ вдругъ повсемѣстно прекратился въ то время, когда не сдѣлана, можетъ быть, и половина дѣла! Мы не позволимъ себѣ думать, чтобы этотъ фактъ означалъ, что одинъ изъ первоисточниковъ нашего богословія забыть, или даже, что онъ не занимаетъ въ нашей наукѣ должнаго значенія; но въ тоже время въ нашей литературѣ мы имѣемъ слишкомъ немного данныхъ, чтобы утверждать, что самобытная разработка святоотеческихъ твореній, для цѣлей ли школьнаго преподаванія или для цѣлей духовно-литературныхъ вообще, имѣла у насъ въ настоящее время то широкое развитіе, какого естественно желать въ виду основныхъ задачъ нашей богословской науки и наиболѣе насущныхъ потребностей нашей религіозно-церковной жизни. Не знаемъ, на сколько то будетъ справедливо, но мы склонны думать, что употребленіе святоотеческихъ твореній доселѣ въ нашей литературѣ и школѣ имѣетъ характеръ болѣе отрывочный, такъ-сказать сентенціонарный, въ родѣ того, какое имѣло мѣсто въ вѣкѣ діакона Варнефрида или Рабана Мавра; то-есть, что у насъ доселѣ пользуются лишь нѣсколькими, издавна приводимыми въ курсахъ богословія изрѣченіями, такъ-называемыми классическими мѣстами, изъ святоотеческихъ твореній, вмѣсто того, чтобы изучать міровоззрѣніе каждаго святаго отца въ его цѣлостномъ видѣ, изучать каждаго святаго отца, какъ историческую личность, какъ представителя и выразителя въ христіанскомъ мірѣ духовнаго и умственнаго настроенія, характеризующаго эпоху, и, главное, какъ органъ церковнаго преданія, болѣе или менѣе полно воспроизводящій вѣру цѣлой церкви и ея ученіе въ данный періодъ времени.

Когда историки всеобщей литературы—Шерръ, Гетнеръ, Дрәперъ и другіе игнорируютъ въ своихъ произведеніяхъ эту отрасль литературы, отводя для нея въ своихъ курсахъ самое мизерное мѣсто, какъ предмету, имѣвшему лишь свое специфическое значеніе для богословія,—мы это понимаемъ, понимаемъ, что имѣя такую предвзятую мысль относительно значенія свято-отеческихъ твореній, имъ трудно въ этихъ твореніяхъ усмотрѣть явленіе всемірно-историческое, выражающее міровоззрѣніе и всю совокупность интеллектуальныхъ интересовъ громаднаго по объему пространства времени и колоссальнаго по своему грандіозному содержанію періода въ развитіи человѣческой мысли и всемірной культуры. Для нихъ—этихъ историковъ—свя-

тые отцы церкви не болѣе, и не иное что, какъ люди специальной профессіи, которая и въ то время не имѣла преобладающаго и направляющаго значенія, а въ нашъ вѣкъ и окончательно—все болѣе и болѣе—утрачиваетъ свое значеніе, и имъ естественно проходить ихъ молчаніемъ или упоминать вскользь, мимоходомъ. Въ этомъ отношеніи въ нашей, по крайней мѣрѣ, литературѣ, посчастливилось лишь одному Максиму Туринскому, проповѣдями котораго г. Стасюлевичъ нашею возможнымъ воспользоваться въ своей «исторіи средних вѣковъ» какъ источникомъ для политической исторіи того времени, да В. И. Ламанскій въ своемъ недавнемъ чтеніи въ славянскомъ комитетѣ представилъ очеркъ государственныхъ и политическихъ понятій отцовъ церкви (очеркъ этотъ—отрывокъ изъ сочиненія, которое печатается въ имѣющемъ выдти въ непродолжительномъ времени въ свѣтъ славянскомъ сборникѣ). Но не такъ, конечно, думаетъ наша духовная школа, и вотъ почему нельзя не пожелать, чтобы въ ней употребленіе святоотеческихъ твореній сентенціонное и отрывочное замѣнилось цѣлостнымъ изученіемъ каждаго отца, чтобы ясенъ былъ индивидуальный образъ его личности и его міровоззрѣнія, его значеніе для своей эпохи и въ ряду другихъ дѣятелей христіанской мысли и общечеловѣческаго развитія. А для этого, очевидно, необходимо намъ имѣть полный переводъ святоотеческихъ твореній на русскомъ языкѣ,—только въ этомъ случаѣ такое изученіе можетъ сдѣлаться общедоступнымъ и одинаково возможнымъ не только для лицъ профессиональныхъ, но и для каждаго желающаго посвятить себя этой отрасли знаній.

Въ виду того, что ученые корпораціи наши и періодическія духовныя изданія съ настоящаго года прекратили свои полезныя работы въ этомъ направленіи, для чего, конечно, они имѣли свои достаточныя основанія, давъ въ замѣнъ святоотеческихъ твореній, переводъ другихъ, по характеру и потребностямъ времени не менѣе важныхъ, отдѣловъ древне-христіанской письменности (имѣемъ въ виду переводъ на русскій языкъ древнихъ литургій, предпринятый Христіанскимъ Чтеніемъ, вызванный потребностію, возбужденною въ этомъ отношеніи старокатолическимъ движеніемъ), нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ трудамъ частныхъ лицъ, посвящающихъ себя отъ времени до времени этой отрасли литературной дѣятельности, каковы, на примѣръ, были въ недавнее время труды архимандрита Елишента (переводъ «бесѣдъ св. Григорія Двоеслова» Спб. 1860 г.), г. Карнѣева (переводъ сочиненій Тертуліана и Лактанція, кажется не довольно точный, но за то блистающій изяществомъ и правиль-

ностію русской рѣчи), а въ наше время переводы Оптиной пустыни; и компиляціи изъ святоотеческихъ твореній покойнаго преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, и наковъ, наконецъ, недавно появившійся переводъ творенія св. Амвросія Медиоланскаго de officiis ministrorum («О должностяхъ священнослужителей церкви Христовой. Изъ творенія св. Амвросія епископа медиоланскаго—de officiis ministrorum. Кіевъ 1875) г. Пospьлова. Последнее изданіе отчасти удовлетворяетъ изложеннымъ выше требованіямъ относительно изданія святоотеческихъ твореній: третью часть книги (стр. LXXXIX + 229) въ видѣ предисловія къ сочиненію Амвросія составляютъ два очень недурно составленные этюда: одинъ—о жизни, личности и мировоззрѣніи святаго Амвросія, другой—критическій обзоръ его сочиненія de officiis ministrorum. Одобряя, впрочемъ, трудъ г. Пospьлова, мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что почтенный переводчикъ нашъ достаточнымъ предложить своимъ читателямъ твореніе св. Амвросія не въ полномъ составѣ, а лишь тѣ главы изъ трехъ книгъ de officiis, которыя имѣютъ, по соображеніямъ издателя, ближайшее отношеніе къ жизни и дѣятельности современнаго православнаго пастыря: намъ кажется, что обстоятельства, среди которыхъ приходится дѣйствовать современному священнику, настолько существенно разнятся отъ обстоятельствъ времени Амвросія, что едва ли въ его произведеніи можно указать что-либо специально приспособленное къ современнымъ нуждамъ пастырской жизни и дѣятельности; по своему содержанию и характеру твореніе св. Амвросія такого рода, что можетъ и должно имѣть значеніе для пастырей церкви всѣхъ временъ, а не одной какой либо эпохи. Тѣмъ меньше намъ кажется, можно согласиться съ почтеннымъ переводчикомъ въ томъ, чтобы онъ имѣлъ право дѣлать въ текстѣ творенія св. Амвросія «сокращенія или соединенія». Подобный способъ изданія давно уже отвергнутъ критикою не только относительно святоотеческихъ твореній и вообще произведеній древности, но и относительно произведеній свѣтской беллетристики. Впрочемъ и въ томъ видѣ, въ какомъ сдѣланъ г. Пospьловымъ переводъ творенія св. Амвросія, оно съ пользою восполняетъ итогъ отрывочныхъ и неполныхъ переводовъ изъ святоотеческихъ твореній, какой имѣется уже въ нашей литературѣ—въ «Христіанскомъ Чтеніи» и въ «Воскресномъ Чтеніи» за прошедшіе годы, а равно въ другихъ нашихъ духовныхъ изданіяхъ.

дпытатъ Венри: О иде рр и вв оорн и м а в н о о б а о o

О собородательномъ богословіи.

(Православное собородательное богословіе, или практическая Гомилетика. Соч. прот. Іоанна Толмачева. Томъ III и IV. Спб., 1877 г.).

Почтенный трудъ о. протоіеря Толмачева (первый томъ котораго вышелъ еще въ 1868 году, а второй—въ 1869 г.), составляеть, безспорно, одно изъ наиболѣе капитальныхъ приобрѣтений нашей духовно-ученой литературы за послѣднее время. Входить въ обстоятельную оцѣнку этого труда было бы впрочемъ и теперь нѣсколько преждевременно, такъ какъ онъ еще не оконченъ—не достаетъ пятого тома, который, по программѣ автора, долженъ содержать въ себѣ темы церковныхъ поученій на дни праздничные и на особенные случаи церковной жизни. Мы ограничимся поэтому нѣсколькими замѣчаниями о значеніи этого рода изданій вообще и о тѣхъ качествахъ труда о. Толмачева, о которыхъ можно заключать по вышедшимъ доселѣ томамъ.

Говорить много о пользѣ, даже болше—о положительной необходимости изданій подобнаго рода для православныхъ пастырей проповѣдниковъ едва ли нужно. Достаточно указать на то, что тамъ, гдѣ по силѣ историческихъ обстоятельствъ и по складу церковной жизни приходскому проповѣдничеству придается болшее значеніе, чѣмъ у насъ, гдѣ оно находится на гораздо высшей степени развитія—разумѣемъ протестантство, а также отчасти и католичество,—подобныя изданія появлялись и существовали всегда во множествѣ, начиная съ средневѣковыхъ «*legenda aurea sanctorum*» и «*gesta Romanorum cum applicationibus moralitatis*». Въ настоящее время на Западѣ не стѣсняются прибѣгать къ такимъ пособіямъ даже проповѣдники, получившіе специальное гомилетическое образованіе въ проповѣдическихъ семинаріяхъ. Въ кабинетѣ любого нѣмецкаго пастора всегда найдется не одна *Buch der Predigten* (книга проповѣдей), въ родѣ Нессельмановой. Тѣмъ болше необходимо подобныя пособія у насъ, гдѣ не только въ академіяхъ, но и въ семинаріяхъ доселѣ теорія и

исторія проповѣди преобладаютъ надъ практическимъ обученіемъ воспитанниковъ проповѣдничеству, гдѣ поэтому будущіе пастыри—проповѣдники вступаютъ на свое поприще далеко не обладая необходимымъ для того навыкомъ. Кому изъ занимающихся проповѣдничествомъ неизвѣстно по собственному опыту, какого труда иногда стоитъ выбрать подходящую тему для проповѣди и развить ее съ должною доказательностію и убѣдительностію, — сколько тратится при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу на эту работу времени, всегда дорогаго для пастыря церкви при многосложныхъ обязанностяхъ его служенія? То правда, что было бы лучше, если бы проповѣдь всегда въ цѣломъ своемъ составѣ представляла плодъ непосредственнаго ораторскаго творчества и ораторскаго вдохновенія. Но много ли и не у насъ даже насчитывается проповѣдниковъ—ораторовъ въ строгомъ смыслѣ слова? Ихъ считаютъ единицами, они являются изрѣдка. Между тѣмъ, и по смыслу евангельскаго ученія о пастырскомъ служеніи и по исконнымъ доннынѣ дѣйствующимъ каноническимъ правиламъ, проповѣдничество составляетъ неотѣмный долгъ каждаго приходскаго священника; и это еще вопросъ, какое проповѣдничество нужнѣе и полезнѣе: вдохновенное ли ораторское слово рѣдкой знаменитости, сказанное предъ избранными слушателями, или заурядное повсемѣстное въ приходскихъ храмахъ учительство рядовыхъ приходскихъ пастырей. Вотъ для этихъ то послѣднихъ такіа пособія, какъ трудъ о. Толмачева, составляетъ предметъ можно сказать насущной необходимости.

У насъ доселѣ этой потребности старались удовлетворить изданіемъ сборниковъ готовыхъ проповѣдей. Таковъ сборникъ, изданный Святѣйшимъ Синодомъ въ 1777 г., таковы сборники поученій на дни воскресные и праздничные, изданные редакціей «Воскреснаго Чтенія» и «Руководства для сельскихъ пастырей» и нѣкоторыми частными лицами—оо. Нордовымъ, Бѣлоцвѣтовымъ, Владиславцевымъ, Стратилатовымъ и т. д. Но при всемъ несомнѣнномъ достоинствѣ и относительной пользѣ, для означенной цѣди, этихъ сборниковъ, они далеко недостаточны для полнаго ея осуществленія. Проповѣди пишутся, какъ справедливо замѣчаетъ и о. Толмачевъ въ своемъ предисловіи, для слушателей, а не какъ пособие для проповѣдниковъ; какъ проповѣди для слушателей, онѣ заключаютъ въ себѣ много условнаго и относительнаго; та или другая истина объясняется въ нихъ примѣнительно къ извѣстнымъ обстоятельствамъ мѣста и времени; самое развитіе мысли въ проповѣди отличается всегда личнымъ настроеніемъ оратора въ данную минуту, между

тѣмъ для проповѣдника, ищущаго пособія, нужны мысли безъ всякихъ условныхъ приспособленій, безъ тѣхъ особенныхъ подробностей, которыя имѣютъ значеніе лишь случайное и временное. Проповѣдывать по проповѣди готовой, составленной при иныхъ обстоятельствахъ и для иного рода слушателей, значило бы не достигать проповѣднической цѣли. Другое дѣло указать проповѣднику рядъ темъ, предоставить ему свободу выбора между ними соответственно его личнымъ воззрѣніямъ на задачу проповѣди при данныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, дать ему необходимый подборъ аргументаціи для каждой темы. Здѣсь и необладая особеннымъ талантомъ, безъ всякихъ претензій на ораторство, проповѣдникъ можетъ тѣмъ не менѣе проявить всю ту степень индивидуальности, какая необходимо должна быть присуща проповѣди, въ аргументаціи основныхъ мыслей частными соображеніями и доводами, извлеченными изъ собственнаго запаса мыслей и чувствъ проповѣдника и приспособленными къ специальнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ времени. Проповѣдь, составленная такимъ образомъ, не будетъ вполнѣ самобытна по содержанию, но тѣмъ не менѣе не будетъ лишена болѣе или менѣе своеобразнаго колорита, будетъ носить отпечатокъ личности проповѣдника, оживлена его мыслью, согрѣта его чувствомъ, хотя и будетъ построена изъ готоваго уже матеріала.

Впрочемъ въ нашей литературѣ трудъ о. Толмачева имѣлъ предшественниковъ. Разумѣемъ во-первыхъ «Пособіе для проповѣдниковъ», изданное въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Ярославѣ иѣстнымъ каедральнымъ протоіереемъ о. П. Соколовымъ, во-вторыхъ труды преосв. Викторина, епископа полоцкаго—«Темы для ученій къ простому народу» (С. Петерб. 1859 г.) и о. архимандрита Іосифа «Программа народной проповѣди» и «дополненіе» къ ней («Современность», 1872 г. № 22 и 82). О двухъ послѣднихъ трудахъ—преосв. Викторина и архим. Іосифа—мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, они имѣютъ спеціальныи характеръ, соответствующій ихъ частному назначенію. Что касается труда о. Соколова, составляющаго одинъ небольшой томъ, въ свое время небезполезнаго, то, чтобы видѣть, насколько далеко оставляетъ его за собою изданіе о. Толмачева, мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя нѣсколько поближе съ характеромъ изложенія и содержанія этого послѣдняго.

Планъ сочиненія о. Толмачева сколько простъ, столько же практиченъ. За руководящее начало своей работы авторъ избралъ церковныи уставъ. Весь годовой кругъ въ церковномъ отношеніи, какъ

известно, раздѣляется на двѣ части: на недѣли въ тріоди или такъ называемыя недѣли по пятидесятницѣ, и недѣли тріоди; каждая изъ этихъ частей въ свою очередь подраздѣляется на два отдѣла или послѣдованія; первое послѣдованіе составляютъ первыя семнадцать недѣль по пятидесятницѣ, въ которыя читается евангеліе отъ Матѳея; второе—пятнадцать недѣль по пятидесятницѣ (XVIII—XXXII), въ которыя читается евангеліе отъ Луки. Недѣли тріоди также раздѣляются на два отдѣла—недѣли тріоди великопостной (отъ недѣли Мытаря и Фарисея до недѣли Ваий) и недѣли тріоди цвѣтной (отъ Пасхи до Пятидесятницы). Сообразно съ этимъ весь курсъ собесѣдовательнаго богословія о. Толмачева дѣлится на четыре части. Пятую прикладную часть, еще не изданную, составляютъ темы для поученій на праздники господскіе и богородичныя, общіе святымъ и на разные случаи церковной жизни.

Въ основу содержанія проповѣдей авторъ полагаетъ исключительно евангельскія и апостольскія чтенія, такъ называемыя «зачала». Сначала онъ предлагаетъ общее экзегетико-гомилетическое обзорніе дневнаго евангелія и апостола, причѣмъ опредѣляетъ отношеніе каждаго дневнаго зачала къ проповѣдничеству, указываетъ основную мысль или идею дневнаго чтенія, затѣмъ выводитъ частныя и частнѣйшія истины, о которыхъ проповѣдникъ можетъ бесѣдовать на основаніи дневнаго зачала. Темныя и малопонятныя мѣста въ зачалахъ объяснены авторомъ въ особыхъ примѣчаніяхъ, гдѣ авторъ дѣлаетъ не прѣвзвучительное—проповѣдническое, а догматическое, историческое, иногда и филологическое толкованіе текста. Кромѣ значенія руководительнаго, опредѣляющаго кругъ и свойство предметовъ для церковнаго собесѣдованія, общее обзорніе зачалъ имѣетъ и другое не менѣе важное значеніе, именно оно само въ цѣломъ составѣ можетъ служить программой хотя уже не тематической проповѣди, а бесѣды, большею частію аналитической, иногда—синтетической, содержащей въ себѣ толкованіе не одной фразы текста, не тематическое рассужденіе на одну мысль, извлеченную изъ чтенія, а—всего дневнаго евангелія или апостола. За каждою темою слѣдуетъ расположеніе проповѣди на нее,—рядъ частныхъ мыслей, представляющихъ въ общемъ составѣ ея систематическое развитіе. Здѣсь приводятся всѣ тексты св. Писанія, которые могутъ служить доказательствами какъ главной, такъ и частныхъ мыслей, и весьма нерѣдко на ряду съ собственными мыслями автора выдержки изъ твореній св. отцовъ Церкви. Самыя темы, приводимыя въ сочиненіи о. Толмачева, двухъ родовъ: однѣ—развитыя во всѣхъ частяхъ, дѣленіяхъ и подраздѣ-

леніяхъ, такъ что составляютъ настоящую схему и расположеніе цѣлой проповѣди, другія — неразвитыя, содержащія въ себѣ лишь указанія главныхъ частей предполагаемой проповѣди. Что касается внутренняго свойства темъ, то имъ нельзя отказать въ трехъ несомнѣнныхъ достоинствахъ: авторъ видимо заботился о томъ, чтобы онѣ были: 1) анкетически-правильны, то есть органически вытекали изъ текста, 2) специальны, то есть касались бы одного какого-либо предмета и исчерпывали его вполне, и 3) разнообразны, такъ что мы не замѣтили, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда евангельскія зачала въ разные дни совпадаютъ между собою, темы были тождественны: сочинитель въ этомъ случаѣ всегда умѣетъ найти новую сторону въ предметѣ.

Авторъ назвалъ свой трудъ «Собесѣдовательнымъ Богословіемъ». Это названіе, не смотря на то, что оно въ первый разъ является въ нашей богословской терминологіи, представляется намъ не только вполне умѣстнымъ, но и какъ нельзя болѣе удачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ предметныхъ указателей къ первымъ четыремъ томамъ, которые авторъ весьма кстати приложилъ къ IV-му тому, которые даютъ читателю-проповѣднику возможность не только ориентироваться въ громадной массѣ собраннаго имъ матеріала, но и болѣе свободно располагать имъ, приурочивая тѣ или иные темы къ другимъ недѣлямъ и днямъ праздничнымъ, тѣмъ къ каковымъ онѣ приурочены авторомъ, мы убѣждаемся, что въ составъ этого сочиненія въ специально-проповѣдническомъ изложеніи вошли всѣ главнѣйшіе предметы изъ области Богословія догматическаго и нравственнаго, причѣмъ догматы и нравоученія являются не разъединенными, а въ ихъ естественной генетической связи, такъ что при изложеніи ученія догматическаго изъ него выводятся истины нравоучительныя, а при изложеніи правилъ христіанской морали эти правила возводятся къ своимъ догматическимъ основаніямъ. Нельзя не пожалѣть здѣсь лишь объ одномъ: авторъ съ замѣчательною обстоятельностью излагаетъ положительное ученіе, догматическое и нравственное, такъ что по его четырехтомному изданію проповѣдникъ дѣйствительно можетъ сказать *спиритусъ* *модемъ* *всю* *волю* *Божію*, преподавать весь кругъ истинъ догматическихкихъ и правилъ христіанской дѣятельности, живописать человѣческую природу какъ въ добрыхъ, такъ преимущественно грѣховныхъ ея проявленіяхъ; но содержаніе проповѣди особенно проповѣди современной, не можетъ ограничиться однимъ положительнымъ ученіемъ Вѣры или обличеніемъ общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ; тѣмъ дальше, тѣмъ все больше, какъ въ проповѣднической практи-

кѣ, такъ и въ общественномъ сознаниіи выясняется особенное значеніе для нашего времени Богословія основнаго и апологетики христіанства, потребность критики разныхъ отрицательныхъ, антирелигіозныхъ и антихристіанскихъ теорій и соціальныхъ доктринъ. Этотъ элементъ можетъ быть приуроченъ къ содержанію проповѣди, къ изложенію съ церковной кафедры отнюдь не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ элементъ положительный догматическій, и однаковъ въ трудѣ о. Толмачева онъ представленъ весьма слабо. Нѣкоторымъ оправданіемъ этого, важнаго на нашъ взглядъ, ощущенія можетъ служить то обстоятельство, что наша апологетическая литература обогатилась болѣе или менѣе цѣнными взглядами лишь въ самое послѣднее время и у автора, особенно когда онъ писалъ первые томы своего труда, не было подъ руками въ достаточномъ количествѣ готоваго матеріала, которымъ бы онъ могъ воспользоваться для своей работы въ этомъ направленіи.

Менѣе удачнымъ представляется намъ другое названіе, которое даетъ авторъ своему труду—«Практическая Гомилетика». Въ вышедшихъ четырехъ томахъ мы не находимъ какой-либо методической статьи, въ которой бы авторъ выяснилъ свои понятія о томъ, какимъ образомъ, по его понятію, могло бы быть приспособлено его изданіе къ преподаванію науки о проповѣдничествѣ. То правда, что при преподаваніи Гомилетики въ семинаріяхъ долженъ быть усвоенъ практическій методъ, о чомъ мы имѣли случай сказать выше (въ статьѣ о книгѣ г. Поторжицкаго). Но намъ кажется, что тѣ или другія теоретическія понятія относительно проповѣди лучше можно объяснить чрезъ разборъ образцовыхъ проповѣдей, чѣмъ чрезъ изученіе плановъ и расположеній. Трудъ о. Толмачева можетъ быть въ высшей степени полезенъ при практическихъ упражненіяхъ воспитанниковъ семинаріи въ составленіи проповѣдей, но очень мало—при выясненіи теоретическихъ понятій о тѣхъ или другихъ свойствахъ проповѣди.

Таковъ по своему характеру и достоинству трудъ о. Толмачева. Повторяемъ: мы не можемъ отнестись къ нему иначе, какъ съ полнымъ и глубокимъ уваженіемъ, съ искреннимъ убѣжденіемъ въ его несомнѣнной пользѣ для пастырей-проповѣдниковъ и для учебныхъ занятій въ семинаріяхъ. Составить пять объемистыхъ томовъ темъ и расположеній для проповѣдей по нашему мнѣнію едвали не труднѣе, чѣмъ написать вдвое большее количество томовъ самыхъ проповѣдей. Проповѣдь можетъ быть болѣе или менѣе удовлетворительна и въ томъ случаѣ, когда она составляетъ не что иное, какъ непо-

средственное излияніе религіознаго чувства, выраженіе непосредственнаго ораторскаго вдохновенія, не стоившее проповѣднику большаго напряженія мысли. Составленіе расположеній и схемъ для проповѣдей и притомъ по нѣскольку на одинъ текстъ—это плодъ исключительно головной работы, это—трудъ ученый, научный, требующій съ одной стороны громадн. начитанности, эрудиціи, съ другой—диалектической изобрѣтательности, остроумія и глубокомыслія.

Въ заключеніе мы можемъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію «Собесѣдовательное Богословіе» о. Толмачова можетъ быть полезно не только какъ пособіе для проповѣдниковъ и руководство при практическихъ занятіяхъ по составленію проповѣдей воспитанниками семинарій, но и какъ назидательное чтеніе для всѣхъ благочестивыхъ посѣтителей храмовъ Божіихъ, любящихъ поучаться въ законѣ Господнемъ, усвоившихъ себѣ прекрасный обычай древнихъ христіанъ и нашихъ благочестивыхъ предковъ—вникать въ смыслъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на литургіи—прежде чѣмъ пойти въ храмъ или по возвращеніи изъ него. Толкованіе этихъ чтеній, какое находимъ въ трудѣ о. Толмачева, на столько обстоятельно и наставительно, что оно можетъ вполне замѣнить тѣ сочиненія, какими обыкновенно въ этомъ случаѣ пользуются.

Объ истории русского проповѣдничества.

(Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества. Т. 1. М. Спб. 1878 г.)

Весьма объемистый томъ въ восемьсотъ страницъ содержитъ въ себѣ лишь очеркъ древняго, до-петровскаго періода исторіи русскаго проповѣдничества. Изъ этого обстоятельства читатель имѣлъ бы право заключить, что неизвѣстный авторъ лишь изъ скромности назвалъ свой трудъ очеркомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ книгѣ такого объема могла бы уместиться самая обстоятельная прагматическая исторія русской проповѣди до-петровскаго періода, гораздо болѣе обстоятельная, чѣмъ, напримѣръ, «Исторія русской литературы» г. Порфирьева. Но изданіе неизвѣстнаго автора, не смотря на свой объемъ, дѣйствительно не болѣе, какъ очеркъ древней русской проповѣди, и притомъ далеко не столь полный, какъ можно было бы пожелать, принимая во вниманіе прекрасную программу, которую предпосылаетъ авторъ своему труду. Относительная малосодержательность настоящаго сочиненія при обширномъ его объемѣ объясняется двумя причинами. Во первыхъ, кромѣ свѣдѣній собственно о русскихъ поученіяхъ до-петровскаго періода, авторъ нашелъ нужнымъ сообщить въ своей книгѣ свѣдѣнія о проповѣдничествѣ греческомъ (стр. 1—92), затѣмъ изученію самыхъ памятниковъ проповѣди русской предпослать очеркъ «гражданскаго быта и характера русскаго народа» (стр. 92—164) и такимъ образомъ довольно значительную часть своего труда наполнить матеріаломъ, неимѣющимъ непосредственнаго отношенія къ его предмету. Во вторыхъ, неполнотѣ изученія предмета, даже въ объемѣ очерка, очень много способствовало въ настоящемъ случаѣ планъ, котораго держится авторъ въ своемъ трудѣ: онъ не обобщалъ самыхъ памятниковъ проповѣдничества въ хронологическомъ порядкѣ, каждаго въ его цѣломъ составѣ, а группируетъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія по известнымъ рубрикамъ. Въ древне-русскія проповѣди авторъ дѣлитъ на четыре группы: 1) проповѣди нравственно-аскети-

ческая, 2) церковно-историческая, 3) истолковательная, 4) практическая. Говоря о проповѣди нравственно-аскетической, авторъ излагаетъ ученіе проповѣдниковъ а) о постѣ, б) о молитвѣ, посѣщеніи церкви и соблюденіи праздниковъ, в) о сокрушеніи сердца и покаяніи, г) о чтеніи книгъ, какъ средствѣ духовнаго усовершенствованія, и проч. Говоря о проповѣди практической, авторъ разсматриваетъ: 1) обличеніе проповѣдниками умственныхъ заблужденій въ вѣрѣ: а) суевѣрій: аа) суевѣрія языческаго, бб) астрологическаго, вв) суевѣрія, порожденнаго апокрифами; 2) обличеніе язычества: а) державшагося въ центрѣ Россіи съ XI до XV вѣка, б) идолопоклонства инородцевъ, в) астрологін, г) апокрифической литературы. Въ подобномъ же порядкѣ излагается обличеніе проповѣдниками ересей, нравственныхъ недостатковъ народа и проч. Понятно, что при такомъ порядкѣ изложенія, вслѣдствіе отсутствія тематизма въ древне-русскихъ поученіяхъ, автору приходится говорить объ одномъ и томъ же поученіи нѣсколько разъ, иногда ограничиваясь лишь простымъ упоминаніемъ о немъ. Не отрицая въ принципѣ достоинствъ плана, по которому составилъ свой трудъ неизвѣстный авторъ, — который даетъ возможность представить умственную жизнь нашихъ предковъ и состояніе церковнаго учительства въ одной цѣльной картинѣ, мы однакожъ думаемъ, что трудъ автора и при меньшемъ объемѣ былъ бы содержательнѣе, еслибы онъ былъ составленъ по общепринятому хронологическому порядку обзорнія писателей и ихъ произведеній, раздѣленнаго на періоды, съ общимъ введеніемъ въ каждый изъ нихъ — однимъ словомъ, по тому порядку, какому держатся Шевыревъ въ своемъ курсѣ, Порфирьевъ и др. Автору оставалось бы въ этомъ случаѣ лишь устранить излишнія лирическія разлагательства и идеалистическія воззрѣнія почтеннаго московскаго учонаго, естественныя при первой встрѣчѣ съ литературными богатствами древней Руси, но устарѣвшія для нашего времени, при помощи новѣйшихъ открытій и изысканій въ области древне-русской литературы — гг. Срезневскаго, Сухомлинова, Тихонравова, «Православнаго Собесѣдника» и другихъ изданій — поподнять естественныя и неизбежныя въ такомъ относително давнемъ трудѣ, какъ лекціи Шевырева, упущенія и пробѣлы, и сдѣлать, можетъ быть, многое другое, что представилось бы нужнымъ по соображеніямъ автора, — во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, трудъ былъ бы меньшій, а результаты — большіе.

Авторъ настоящаго сочиненія несомнѣнно обладаетъ обширною эрудиціей въ области своего предмета, составляющей, конечно, результатъ его занятій по преподаванію гомилетики въ одной изъ се-

минерий, о чемъ онъ заявляетъ въ предисловіи. Но тѣмъ не менѣе на читателя не совсѣмъ благопріятно дѣйствуетъ отсутствіе въ книгѣ такъ называемаго ученаго аппарата—точныхъ цитатъ и ссылокъ на тѣ источники, изъ которыхъ онъ почерпаетъ свои свѣдѣнія, весьма не рѣдко отличающіяся оригинальностью и новизною. Въ книгѣ есть особый параграфъ, озаглавленный: «источники русскаго проповѣдничества» (т. е. источники для исторіи русскаго проповѣдничества); но вмѣсто того, чтобы дать здѣсь полную и точную библиографію матеріаловъ, источниковъ и пособій, авторъ, дѣлаетъ лишь бѣглый перечень разныхъ изданій, какъ говорится—«своими словами», не упоминая иногда даже о тѣхъ изъ нихъ, которыми въ самой книгѣ преимущественно пользуется. Еще меньше точныхъ цитатъ въ самой книгѣ. Въ этомъ упущеніи, равно какъ въ нѣкоторой небрежности языка, въ отсутствіи строгой точности и отчетливости въ слововыраженіи нельзя не видѣть слѣдствія той торопливости, съ какою, надо думать, писалась эта весьма объемистая книга.

Въ частностяхъ содержанія книги есть не мало сужденій, съ которыми едва ли можно согласиться. Всю исторію русскаго проповѣдничества авторъ дѣлитъ на три періода: первый—съ половины IX до половины XVII в., второй—съ половины XVII в. до половины XIX, или съ 1664 по 1856 годъ. Во второмъ періодѣ русская проповѣдь, по мнѣнію автора, находилась подъ влияніемъ латинскихъ образцовъ. Неужели, спросимъ мы, проповѣди Гедеона Криновскаго, Анастасія Братановскаго, святаго Тихона Воронежскаго, Платона, митрополита московскаго, Филарета московскаго, Филарета кievскаго, Иннокентія писались, подъ влияніемъ латинскихъ образцовъ? Третій періодъ русской проповѣди—самостоятельной, по мнѣнію автора, начинается не ранѣе, какъ съ 1856 года—со времени окончанія крымской войны! Не менѣе ошибочнымъ, чѣмъ это дѣленіе на періоды исторіи русскаго проповѣдничества, признаемъ мы общій приговоръ автора о характерѣ проповѣди греческой. «Проповѣдничество греческое по характеру своему отвлечено, далеко отъ жизни дѣйствительной, ея тревогъ, запросовъ и недоразумѣній (стр. 16). Живденные вопросы и потребности времени, раскрыты въ греческой проповѣди, это—вопросы и потребности нѣкоторыхъ городовъ, но не византийской имперіи... Да эти вопросы болѣе случайны, касаются нѣкоторыхъ моментовъ жизни, а не существенныхъ потребностей названныхъ городовъ (стр. 32—33); что же касается главныхъ недуговъ имперіи, отъ которыхъ завистли и частныя неурядиства ея и которые могли быть облегчены проповѣдью, то объ нихъ едва нахо-

димъ упоминаніе въ греческихъ проповѣдяхъ» (стр. 32 — 34). Мы думаемъ, напротивъ, что греческое проповѣдничество отличалось вполне жизненнымъ характеромъ. Св. отцы проповѣдники не упускали ни одного случая въ своихъ проповѣдяхъ освѣтить съ точки зрѣнія христіанской морали современную имъ жизнь общественную и политическую, такъ что по ихъ проповѣди можно составить довольно полную картину нравовъ и быта современнаго имъ общества. Уже Елиментъ Александрійскій въ сочиненіи «о томъ, какой богачъ спасется», рисуетъ яркими красками паразитовъ тогдашняго общества — кліентовъ, обрुжавшихъ богачей. А обличенія ростовщичества, пировъ и оргій, ни чѣмъ не уступавшихъ вакханаліямъ языческаго времени, и другихъ пороковъ общества, какия находимъ у Григорія Богослова и Василия Великаго, а слово «о любви къ бѣднымъ» Василия В., по поводу низверженія статуи и на Евтропія, Златоуста, обличенія театра и цирка, разсужденія о взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ классовъ, проекты уничтоженія пролетаріата и пауперизма, и многое множество другихъ историко-бытовыхъ подробностей въ проповѣдяхъ отцовъ церкви, которыя всё трудно исчислить? Наконецъ, самыя догматическія — отвлеченныя разсужденія св. отцовъ, составляющія преобладающій элементъ въ ихъ проповѣдяхъ, вовсе не были чѣмъ-либо «далекимъ отъ жизни дѣйствительной, ея тревогъ, запросовъ и недоразумѣній», напротивъ, представляютъ не что иное, какъ компетентный и авторитетный откликъ церковныхъ пастырей на «запросы и недоразумѣнія», одолѣвавшія тогдашнее общество. Автору, конечно, не безызвѣстны слова Григорія Богослова и Григорія Нисскаго, относящіяся къ этому предмету. «Состязаніями оглашается всякая площадь, говоритъ Григорій Богословъ, въ самые терема женскіе, эти жилища простоты, проникаетъ смятеніе, и цвѣтъ стыдливости увядаетъ отъ страсти къ словопрѣію. Пустословять (о современныхъ догматическихъ вопросахъ) для одной забавы, какъ обо всемъ другомъ, послѣ конскихъ скачекъ, послѣ театра, послѣ пѣсенъ, послѣ пресыщенія чрева и послѣ удовлетворенія плотской похоти». «Такии людьми (разсуждающими о догматахъ) наполнены, говоритъ Григорій Нисскій, всё мѣста въ городѣ, переулки, улицы, рынки, площади; спорять ветошники, мѣнялы, продавцы съѣстныхъ припасовъ. Если спросишь кого объ ободахъ, — онъ тотчасъ начнетъ философствовать съ тобой о природѣ Рожденнаго и Нерожденнаго. Если захочешь справиться о цѣнѣ хлѣба, онъ отвѣтитъ: Отецъ больше, а Сынъ подчиненъ. Если скажешь: не дурно бы помыться въ банѣ, — услышишь въ отвѣтъ: а вѣдь Сынъ произошелъ изъ Несущаго». Въ

нантъ практическій, утилитарный вѣкъ намъ трудно понять это умно-
 ченіе въпрямую отвлеченнаго міросозерцанія, какое присуще было
 христіанскому обществу времени Григорія. Народъ, по складу своихъ
 духовныхъ силъ, по преимуществу спиритуалистическій, народъ обра-
 зованный классически, развившійся на философіи и діалектикѣ, на-
 родъ, привыкшій къ отвлеченному мышленію, только что получивъ
 новую доктрину, еще не свыкся съ нею, но всматривается и вдумыва-
 ется въ нее. Для него христіанство не стало еще, — какъ для мно-
 гихъ людей нашего времени, — одной «традиціей» — это еще обильный
 матеріалъ для свѣжаго порыва религіознаго чувства. Еслибы почтен-
 ный авторъ разсматриваемаго сочиненія обратилъ вниманіе на это
 обстоятельство и вспомнилъ ту степень энтузіазма, съ какою рабо-
 тама христіанизованная мысль греческаго народа надъ догматами пра-
 вославія въ эпоху проповѣднической дѣятельности великихъ св. от-
 цовъ церкви восточной, — онъ не сказалъ бы, что эта дѣятельность
 была далека отъ жизни дѣйствительной, ея запросовъ тревогъ и не-
 досторазумій (стр. 16, 32—34). Вообще пора оставить это устарѣлое
 воззрѣніе на проповѣдническую церковно-учительскую дѣятельность
 св. отцовъ церкви, понятнее въ устахъ такихъ историковъ культуры,
 какъ Дреперъ или нашъ отечественный — Щановъ (разумѣемъ его
 «соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго на-
 рода», Спб. 1870 г.), но недостойныхъ духовной науки. Мы увѣрены,
 что если бы кто-нибудь далъ себѣ трудъ изучить святоотеческую
 литературу (не исключая писемъ, напримѣръ Василия В. и Григорія
 Богослова), какъ матеріалъ для государственной и культурной исторіи
 Греческаго Востока, въ параллель съ тѣми источниками, какими
 обыкновенно пользуются историки этого времени, то въ результатѣ
 получилась бы историческая картина того времени гораздо болѣе пол-
 ная и рельефная, чѣмъ какую мы имѣемъ до настоящаго времени.
 Въ нашей литературѣ, къ сожалѣнію, изученіе святоотеческой лите-
 ратуры въ этомъ направленіи находится въ совершенно младенче-
 скомъ состояніи; какъ на опытъ подобнаго изслѣдованія святоотече-
 скихъ писаній можно узнать на статью И. А. Чистовича — «письма
 св. Василия Великаго» (Хр. Чт. 1866 г.).

Приступая къ изложенію фактовъ изъ исторіи собственно русской
 проповѣди древняго періода, авторъ, сказали мы, находитъ нужнымъ
 предислать этому изложенію очеркъ «гражданскаго быта и характера
 русскаго народа». Здѣсь читатель найдетъ не мало любопытныхъ
 частности и убѣдится изъ этой главы въ несомнѣнной эрудиціи
 автора въ области русской исторіи. Но въ тоже время очеркъ этотъ

слишкомъ кратко. для того, чтобы исчерпать предметъ съ тою полнотою, какой можно пожелать даже для «очерка», и слишкомъ обширенъ по отношенію къ тому объему, въ какомъ авторъ излагаетъ факты самой проповѣди. Руководясь главнымъ образомъ Соловьевымъ и Карамзинымъ, авторъ рассказываетъ о «медленномъ организованиіи государственной власти и законовъ» въ древней Руси, о «бременіи государственныхъ сословій», о «необразованности русскаго народа», о пожарахъ, голодѣ, эпидеміяхъ, усобицахъ князей, о великихъ бѣдствіяхъ, постигавшихъ Русь (нашествіе дикарей и пр.), о деспотизмѣ въ русскомъ семействѣ, своекорыстіи и криводушіи русскихъ людей, о раннихъ бракахъ; затѣмъ описываетъ чувственность русскаго народа (развратъ, пьянство, пресыщеніе, неряшество, своеволие, сварливость, самоуправство, забіячество, страсть къ сквернословію, корыстолюбію, воровство, обманъ, взяточничество, подлоги, попрошайство, преобладаніе чувствъ надъ мыслию, суевѣрія (ворожба, гаданіе, примѣты, заговоры, предразсудки и пр.). Все это, конечно, интересно и полезно знать; но, во первыхъ, все это гораздо подробнѣе изложено въ специальныхъ сочиненіяхъ по этому предмету (напримѣръ, въ очень хорошей монографіи г. Рущинскаго «религіозный бытъ древней Руси по сказаніямъ иностранцевъ», напечатанномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества и Древностей»), а во вторыхъ — и это главное — изъ изложенія автора не видно, какое отношеніе все это имѣло къ русской проповѣди, такъ какъ въ остальныхъ главахъ своего труда авторъ даетъ почти одно простое библиографическое описаніе памятниковъ проповѣдничества. По нашему мнѣнію, авторъ поступилъ бы гораздо целесообразнѣе, еслибы, оставивъ въ сторонѣ рѣчь какъ о греческой проповѣди, такъ и о гражданскомъ бытѣ русскаго народа, въ введеніи въ изученіе древне-русской проповѣди ограничился изложеніемъ ближайшихъ историческихъ обстоятельствъ, непосредственно обуславливавшихъ мѣру развитія и характеръ церковнаго проповѣдничества въ древней Руси. Такими обстоятельствами были: относительная легкость и скорость распространенія христіанства въ древней Руси. Разсматривая это обстоятельство, составляющее одинъ изъ предметовъ равногласія между двумя господствующими въ русской наукѣ воззрѣніями на древнюю Русь, западническимъ (последнее по времени выраженіе его — упомянутое выше сочиненіе Шацова) и славянофильскимъ (последній представитель котораго въ области литературы — Шевыревъ въ своихъ «денціяхъ»); авторъ могъ бы остановиться на изложеніи причинъ относительно — быстрого распространенія христіанства въ русскомъ

народъ и относительно-снорого усвоенія его русскимъ обществомъ, каковыми слѣдуетъ признать: характеръ православной Вѣры и аналогію началъ православія съ типическими особенностями славянскаго быта и нравовъ (причины внутреннія); содѣйствіе благовѣрныхъ князей (построеніе храмовъ, учрежденіе училищъ, заботы о «почитаніи книжномъ», матеріальная помощь духовенству и проч.), энергія церковной іерархіи (миссіонерскіе подвиги пастырей): монастыри, въ особенности киевпечерскій, и ихъ литературная производительность; сообщеніе памятниковъ христіанскаго учительства на доступномъ для русскаго народа языкѣ. Затѣмъ, вмѣсто того чтобы описывать стереотипными чертами (со словъ большею частію иностранцевъ) большею частію общечеловѣческіе пороки русскаго народа, авторъ могъ бы постараться опредѣлить степень религіознаго просвѣщенія русскаго общества и народа въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи. Матеріалами для такого изслѣдованія, которое неизбежно имѣло бы апологетически-полемическій характеръ въ виду противорѣчивыхъ возрѣній на значеніе въ исторіи христіанскаго просвѣщенія древней Руси южнаго славянства и грековъ, могли бы послужить: литература апокрифовъ и легендъ, какъ прямое выраженіе степени и характера пониманія русскими людьми христіанскаго ученія и хр. исторіи. По памятникамъ же устной народной словесности—напримѣръ былинамъ, заговорамъ, загадкамъ, пословицамъ можно было попытаться выяснитъ значеніе христіанскаго идеала въ дѣйствительной жизни русскаго народа и общества, степень проникновенія христіанскихъ началъ въ пованія и нравы. «Не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина», говоритъ Ильъ его родной батюшка, давая ему благословеніе на поѣздку богатырскія. И такихъ характерныхъ штриховъ и деталей въ памятникахъ народнаго творчества, которыхъ нельзя приурочить къ какой либо одной эпохѣ, но которыя, безъ всякаго сомнѣнія, характеризуютъ древне-русское, а не послѣпетровское русское мировоззрѣніе, можно набрать не мало въ былинахъ такъ называемыхъ Владимірова цикла и новгородскихъ (Никола Можайскій въ былинѣ о Садѣ, паломничество Васьки Буслаева, черты христіанскаго склада семьи и проч.). Еще болѣе вниманія заслуживали бы со стороны изслѣдователя въ этомъ отношеніи памятники книжные: Житіе Θεодосія печерскаго, Поученіе Владиміра Мономаха, моленіе Даніила Заточника, путешествіе къ св. мѣстамъ, и самый фактъ паломничества, развившагося до того, что потребовалось за-прещеніе со стороны іерархіи странствовать во св. землю, непотѣрное развитіе церковной казуистики, выраженіемъ котораго служатъ

вопрошаніе Кирика и отвѣты Нифонта и проч. и проч. Сгруппировавъ всё эти свѣдѣнія относительно широкаго развитія христіанизаціи мировоззрѣнія, общественныхъ и частныхъ нравовъ древней Руси, авторъ имѣлъ бы право и возможность утверждать, что относительная скудость церковно-учительныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ древней Руси, не можетъ служить доказательствомъ слабости христіанскаго просвѣщенія русскаго народа и отсутствія пастырскаго учительства въ немъ. Не лишне было бы также автору заняться общаго сужденія о значеніи для христіанскаго просвѣщенія Руси единоплеменныхъ намъ южныхъ славянъ, которымъ принадлежитъ, можетъ быть, гораздо болѣе значительная часть дѣйствительнаго труда въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ самимъ грекамъ, снабжавшимъ русскую церковь іерархіей. Необходимость сравнительнаго критическаго изученія сочиненій г. Терновскаго и Шапова являлась бы сама собою каждый разъ, когда автору пришлось бы касаться этого предмета.

Мы не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ частныхъ оmissions, на неточности терминологіи и тому подобныхъ недостаткахъ въ трудѣ неизвѣстнаго автора, неизбѣжныхъ до нѣкоторой степени въ работѣ такого обширнаго объема. Во всякомъ случаѣ трудъ этотъ, не представляя какихъ-либо новыхъ научныхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе можетъ быть очень полезенъ, какъ книга для чтенія, мы могли бы прибавить—какъ справочная книга, если бы сочинитель не пренебрегъ обычнымъ въ подобныхъ работахъ приемомъ—приведеніемъ точныхъ цитатъ тѣхъ многочисленныхъ источниковъ, какими онъ пользовался.

Излишества и опущения въ обзоръ русской народно-учебной литературы.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ по порученію комитета гражданскихъ государственныхъ комиссій. Спб. 1878. Въ своихъ библиографическихъ замѣткахъ мы, едва ли не первый въ журналистикѣ, имѣли случай высказаться о необходимости изданія, подобнаго настоящему (см. «Христ. Чтеніе» за 1860 г., № 11-й). Мы не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ подробную оцѣнку обширнаго труда, изданнаго въ настоящее время комиссіей, въ составъ которой значатся имени двадцати, наиболее известныхъ педагоговъ Петербурга. Это послѣднее обстоятельство служить въ некоторомъ образѣ рекомендаціей книгъ. Одѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній. Прежде всего обзоръ далеко не даетъ *полнаго* перечня относящихся къ народно-школьному дѣлу изданій, появившихся въ свѣтъ въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія (этотъ предѣлъ времени избранъ комиссіей въ виду того соображенія, что лишь пять двадцать тому назадъ народное образованіе обратило у насъ на себя вниманіе и правительства и общества), не дѣлаетъ выборъ между ними, руководствуясь «ихъ цѣлесообразностію въ отношеніи содержанія и изложенія, а также и дешевизной». Дѣло хорошее, конечно, изъ громадной массы накопившагося матеріала выдѣлать лишь пригодное для цѣли; и, конечно, кому же было и сдѣлать это, какъ не комиссіей изъ специалистовъ. Но мы боимся, что устранивъ излишнее, не исторгла ли изъ своего «Обзора» почтенная комиссія и часть *полезнаго*?

По каждому изъ тринадцати отдѣловъ, на которые раздѣляется книга (педагогика, законъ Божій, родной языкъ, математика, пѣніе, рисованіе и черченіе, гимнастика, географія, исторія, естественныя науки, сельское хозяйство и судо-сберегательныя товарищества) указываются книги трехъ родовъ: 1) книги для самообразованія народнаго учителя; 2) собственно для школъ (учебники, руководства, учебныя пособия) и 3) книги для дѣтскаго и народнаго чтенія. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ можно указать опущенія равно какъ и излишества. Такъ въ отдѣлѣ закона Божія рекомендуются многотомныя «Догматическое Богословіе» прѣсов. Макарія и «Православно-правительство Богословіе» еп. протоіерей Соллерскаго (стр. 59); но не упоминается о «Богъданъ

по православно-догматическому Богословію» и «Чтеніяхъ по нравственному Богословію» прот. Е. Попова, о «Догматическомъ Богословіи» прот. Руданова, о «Нравственномъ Богословіи» Богдановскаго, о книгѣ протопресвитера В. Б. Бажанова: «Объ обязанностяхъ христіанина». Нужно ли говорить, что первыя два сочиненія, при всемъ ихъ классическомъ достоинствѣ, и дороги и малодоступны, по своей учености, для пониманія сельскаго учителя, а послѣднія — вполне достаточны для него какъ пособія? Для «самообразованія» сельскаго учителя, въ виду тѣхъ обвиненій, какія иногда слышатся на народную школу, ему полезно было бы знать что-нибудь изъ апологетики, а также изъ богословія сравнительнаго. «Обзоръ» находитъ возможнымъ рекомендовать «Записки на книгу Бытія» преосв. Филарета, «Богослуженіе христіанское со времени апостоловъ до IV вѣка» г. Смирнова, «Права и назначеніе женщины въ христіанствѣ» Надеждина (двѣ ученые магистерскія диссертациі) и — не упоминаетъ ни единымъ словомъ объ изданіяхъ о. Заревича (изъ которыхъ многія составлены видлѣ общепонятно), Н. А. Сергіевскаго («Размышленіе о сущности христ. вѣры», Гизо, «Публичныя чтенія объ основныя истинахъ христіанства», «Отецъ небесный» и «Вопросъ о злѣ», Наввля), Авдія Востокова («Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ даривамъ и ко всему роду человѣческому»). Полезно было бы также сельскому учителю знать что-нибудь о расколѣ, который имѣетъ такое важное значеніе въ нашей народной исторіи и современной народной жизни. Но «Обзоръ» не упоминаетъ не только объ «Исторіи раскола» преосв. Макарія или объ известной книгѣ Муравьева («Расколъ, обличаемый своею исторіею»), но также и о «Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу» преосв. Филарета и Игнатія, ни объ истинно-древней церкви митр. Григорія, ни о «Выпискахъ изъ старопечатныхъ книгъ» Озерскаго, ни даже о «Бесѣдахъ» Твердынцева. Но, литургіи рекомендуется книга Дмитревскаго «Изъясненіе литургіи» — хорошее, не уже нѣсколько устарѣвшее сочиненіе, не упоминается ни «Новая Скрижаль» преосв. Венямина, сочиненіе гораздо лучшее, снабженное притомъ въ послѣднемъ изданіи (Кораблева и Сирякова) прекрасными рисунками, ни «Дни богослуженія православной церкви» прот. Дебольскаго, ни «Литургика» Хорошунова. Упоминаются «Св. Земля» Олесницкаго, тяжеловѣсная докторская диссертация, которую и изъ ученыхъ не всякій одолѣетъ, и не упоминаются «Послѣдніе дни Иерусалима» (первый томъ общедоступной христіанской бібліотеки, начатой изданіемъ покойнымъ Вустодіевымъ), ни книга Рера («Палестина» и пр.), ни «Опытъ библейско-есте-

ственной исторіи» Сибирцева, ни подобное же изданіе Н. Л. Зайцева. Изъ св. отцовъ церкви рекомендуется одинъ св. Іоаннъ Златоустъ. Изъ духовныхъ журналовъ упоминаются «Странникъ» и «Воскресное Чтеніе», но забыто «Душеполезное Чтеніе», которое на своихъ страницахъ представляетъ популярнаго духовно-назидательнаго чтенія ни какъ не менше, если не больше, чѣмъ два названные журнала. Изъ жизнеописаній святыхъ на ряду съ изданіями Муравьева и Бахметевой вполне заслуживали бы упоминанія «Житія русскихъ святыхъ», составленные ерхия. Игнатіемъ. Изъ учебниковъ и руководствъ по Св. Исторіи мы, къ изумленію, не встрѣчаемъ на страницахъ «Обзора» изданій, пользующихся вполне заслуженною извѣстностію въ педагогической практикѣ, таковы «Св. Исторія Ветхаго и Новаго Завета», протоіерея М. И. Богословскаго (за которую автору присуждена С.-Петербургской академіей степень доктора богословія), Св. Исторія прот. И. И. Базарова, выдержавшая нѣсколько изданій и доселѣ невышедшая изъ употребленія въ училищахъ, «Св. Исторія» кievскаго протоіерея І. М. Свѣрцова, его же ученіе о «Богослуженіи православной церкви». Пропущены даже нѣкоторыя такія изданія, которыя одобрены въ качествѣ руководствъ или пособій для школъ Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія или Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ; таковы напримѣръ, изданія: о. Чечени (политвы въ переводѣ на русскій языкъ съ объясненіями, первый, по времени появленія, учебникъ этого рода), Свиральниа, Песельева, Думитрашко, А. Е. Соколова, протоіерея Самуила Михайловскаго «О совершеніи таинства» (изъ изданій о. Василия Михайловскаго также указываются лишь нѣкоторыя). Изъ массы педагогическихъ и народныхъ изданій почтеннаго «товарищества общественной пользы» и московскаго «общества распространенія полезныхъ книгъ» (указываются самая незначительная часть (изъ изданій духовнаго содержанія—ни одного)).

Обращаясь къ другимъ отдѣламъ книги, мы и тамъ не находимъ многого, что заслуживало бы по меньшей мѣрѣ упоминанія. Нѣтъ рассказовъ Бялева о Кириллѣ и Меодіѣ, объ Антоніѣ и Феодосіѣ пѣтерскихъ, — написанныхъ именно для народнаго чтенія, прекрасныхъ стихотвореній Алмазова («Фигареть милостивый» и др.), изданныхъ московскимъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, педагогическихъ изданій Ишимовой, народныхъ изданій Андришьева, книги Н. Полеваго о Ломоносовѣ, ничего изъ сочиненій Ковалевскаго, изъ рассказовъ Жюль Верна, нѣтъ Робинзона Крузо, Дефо, нѣтъ русской грамматики Говорова, духовно-нравственной христоматіи г. Невскаго, Воронежскаго «Духовнаго Цвѣтника», не говоримъ уже

о «Златой Братѣ» Диванова, которая при всѣхъ своихъ недостаткахъ, какъ христоматическій сборникъ, была бы не лишняя для народныхъ школъ, Данилевскаго и Оссовскаго — «Есть ли гдѣ конецъ свѣту» и дѣтскихъ другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ педагогическихъ изданій, достоинство которыхъ болѣе или менѣе одинаково, велико. Навыгодное впечатлѣніе произвести также полное отсутствіе въ книгѣ сочиненій славянофиловъ: не говоря уже о сочиненіяхъ Хомякова, въ книгѣ не упоминается о сочиненіяхъ С. Т. Аксакова: («Защита объ уженъ рыбы», «Записки ружейнаго охотника»), («Семейная хроника») представляющихъ лучшіе образцы русской художественной рѣчи. Тѣмъ менѣе, конечно, мы имѣемъ права ожидать упоминанія о сочиненіяхъ Кохановской, Данилевскаго. Въ предисловіи въ книгѣ председатель комисіи и главный редакторъ сборника замѣчаютъ, что при составленіи книги комисіи, между прочимъ, постарались выяснить себѣ кругъ знаній, необходимыхъ для учителя и учениковъ народной школы, и что въ этомъ случаѣ она пришла за норму лишь уже *сработанной на Западѣ* высшей народной школы съ общеобразовательнымъ характеромъ. Мы съ своей стороны думаемъ, что едвали иллюзорно и научно, въ виду общеобразовательнаго характера школы, стѣснять до такой степени патристическую тенденцію, въ какой дѣлаетъ это почтенная комисія въ своей книгѣ. Сами нѣмецкіе авторитеты, которые такъ усердно (и вѣднѣ основательно) интудуруютъ комисіей въ ея «руководящія статьи», едвали бы посоветовали ей устранять изъ своего изданія писателей, которые учатъ не худому дѣлу, учатъ любви къ родной странѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ даютъ лучшій образовательный, въ этомъ смыслѣ, матеріалъ.

Всѣхъ статей въ «Обзорѣ» девять сотъ шестьдесятъ пять, по числу разсмотрѣнныхъ и рекомендуемыхъ комисіей сочиненій. Рецензии, естественно, отличаются краткостью: указывается въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе книги, и, болѣею частію, ея достоинства и недостатки, говоримъ болѣею частію, потому что иногда случается, что авторъ рецензіи говоритъ болѣе *по поводу* книги, о томъ, что, по его мнѣнію, было бы желательнѣе видѣть въ изданіи извѣстнаго рода; нежид о томъ, что содержится въ книгѣ и каково ея достоинство (см. напр. стр. 100—о мюллеровскомъ «Сборникѣ бесѣдъ св. Златоуста»).

Братство отзывовъ о книгѣ и отсутствіе въ сборникѣ упоминанія о многихъ такихъ книгѣхъ, о которыхъ упоминають сѣбѣдовамо бы, заискали, какъ кажется, отъ того, что имѣетъ съ отзывами о

книгахъ комиссія нашла нужнымъ въ каждомъ отдѣлѣ обзора перечню изданій предпослать такъ называемую руководящую статью. Всѣхъ такихъ статей въ сборникѣ четырнадцать, такъ что составляютъ эти статьи почти цѣлую половину книги (около двадцати печатныхъ листовъ), представляя, въ своей совокупности, такъ сказать, народно-учебную энциклопедію. Намъ кажется, что «Обзоръ» вышелъ бы полнѣе въ отношеніи количественномъ и былъ бы содержательнѣе, еслибы почтенные составители его ограничились одною непосредственною своею задачею—библіографіей народно-учебной литературы. Что касается руководящихъ статей, то онѣ могли бы или составить особое приложение или и вовсе не являться. Большинство этихъ статей имѣетъ компилятивный характеръ, представляя сокращенное или упрощенное изложеніе содержанія тѣхъ или другихъ сочиненій по методикѣ и дидактикѣ, сочиненій, указываемыхъ и въ обзорѣ и имѣющихся у всякаго порядочнаго сельскаго учителя. Впрочемъ оригинальными мы признаемъ лишь статьи г. Яковлева (по сельскому хозяйству), г. Михайловскаго (по исторіи) и о. М. Солодова (по закону Божію). На эту послѣднюю статью обращаемъ вниманіе оф. законоучителей. Авторъ подробно развиваетъ свою теорію такъ называемаго совместнаго или концентрическаго метода обученія закону Божію, по которой составилъ свой учебникъ (о немъ мы въ свое время оговорили читателей) и даетъ подробную, подробную программу уроковъ закона Божія въ сельской школѣ. Здѣсь же авторъ даетъ подробную оцѣнку книги г. Широкаго «О преподаваніи закона Божія». Кстати упомянемъ здѣсь о весьма дѣльной критикѣ на книгу Широкаго, принадлежащей перу о. Н. Камемскаго, одного изъ законоучителей г. Базани, напечатанной въ двухъ послѣднихъ выходяхъ (мартъ и апрѣль) журнала «Страдникъ». Авторъ этой статьи, далеко не соглашаясь съ возрѣніями г. Широкаго, дѣлаетъ не мало такихъ замѣчаній о преподаваніи катихизиса, съ которыми трудно не согласиться, хотя онѣ идутъ въ разрѣзъ не только съ книгой г. Широкаго, но и вообще съ тѣмъ методомъ преподаванія закона Божія, который тѣмъ дайте, тѣмъ все болѣе приобретаетъ у насъ нравъ гражданства. Отмечая свою замѣтку по поводу «Обзора народно-учебной литературы», нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что въ книгѣ нѣтъ алфавита собственныхъ именъ, обычнаго въ справочныхъ книгахъ и совершенно необходимаго для того, чтобы ищущему въ «Обзорѣ» надобность было ориентироваться въ той массѣ матеріала, какой онъ представляетъ.

Подвижные школы и учителя изъ отставныхъ солдатъ.

Послѣ того, какъ такимъ ревнителямъ народныхъ интересовъ, каковы были злополучные герои двухъ послѣднихъ нашихъ политическихъ процессовъ, не удалось скомпрометировать въ глазахъ правительства дѣло народного образованія, и само министерство народного просвѣщенія беретъ на себя, согласно Высочайшей волѣ, выраженной въ рескриптѣ на имя графа Д. А. Толстаго, поддержку такого грандіознаго мѣропріятія, какъ введеніе обязательнаго народнаго обученія по всей Имперіи, мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждемъ подробной разработки этого вопроса въ нашей печати и считаемъ себя обязанными отмѣчать всѣ относящіяся къ этому предмету факты какъ отрадные, такъ и печальные.

Газета «Гражданинъ» печатаетъ на своихъ страницахъ (№ 2 1875 г.) письмо одного сельскаго учителя изъ Новоржевскаго уѣзда, содержащее въ себѣ горькія сѣтованія на подвижныя школы съ бродячими учителями. Во время объѣзда инспекторомъ народныхъ училищъ г. Миландеромъ подвѣдомственнаго ему округа, въ одномъ селѣ «найдена школа изъ 15 мальчиковъ и учителя бродяга, не имѣющаго на обученіе разрѣшенія». Такихъ школъ въ одномъ околоткѣ корреспондента «Гражданина» насчитывается цѣлыхъ пять, гдѣ учителями состоятъ отставные солдаты и имъ подобный народъ «съ распущенною нравственностію» и не имѣющій никакой собственности, ни постоянной квартиры, переходящій съ своими школами изъ избы въ избу, гдѣ они помѣщаются въ той самой комнатѣ, въ которой живетъ семейство хозяина и въ которой «хрюкаютъ свиньи да орутъ дрожащія отъ холода телята». Далѣе корреспондентъ горько жалуется на то, что ему приходилось выслушивать просьбы о принятіи въ его школу для дальнѣйшаго обученія не только дѣтей, но и семнадцати-лѣтнихъ юношей, желавшихъ поступить непремѣнно въ третье отдѣленіе его школы. Въ заключеніе корреспондентъ высказываетъ убѣжденіе, что по всей справедливости *«слѣдовало бы преслѣдо-*

вот эти подвижныя школы съ цѣлью шатающимися учителями, съ которыми нередко попадаютъ люди подозрительнаго поведенія, а иногда и грубые расколоучители».

Отъ всей души раздѣляя горе «Гражданина» по поводу печальнаго факта, ему сообщеннаго, мы тѣмъ не менѣе считаемъ себя обязанными сказать свое слово за принципъ подвижныхъ школъ и за учителей грамотности изъ солдатъ. Пова не осуществленъ еще министерскій проектъ объ обязательности народнаго образованія, иная въ учрежденіи нормальныхъ школъ вновь наши скудныя матеріальными средствами, а иногда и сознаніемъ ихъ необходимости, земства будутъ затрудняться, — наличное число народныхъ школъ, можно сказать безъ преувеличенія, совершенно ничтожно съ существующею въ этомъ отношеніи потребностію. При такомъ положеніи дѣла дешевыя переносныя школы грамотности являются весьма полезнымъ, если не необходимымъ подспорьемъ къ наличному числу народныхъ школъ. Не вездѣ же и не всегда переносныя школы также уродливы, какъ тѣ, съ которыми довелось познакомиться корреспонденту «Гражданина», и не всѣ же отставные служивые такъ дурны, какъ тѣ, которые причинили столько скорби г-ну И. М. Переносныя школы существуютъ не въ одной Россіи — если только онѣ у насъ дѣйствительно существуютъ, и мы думаемъ даже, что въ Россіи онѣ болѣе умѣстны, чѣмъ гдѣ нибудь, такъ какъ у насъ разбросанность и далекое разстояніе другъ отъ друга деревень не даютъ возможности собрать въ волостныя или приходскія школы, если бы онѣ шиблись даже въ каждой волости, болѣе двухъ и много — трехъ десятковъ дѣтей изъ тысячи нуждающихся въ школѣ. Думается намъ, что не было ли бы болѣе полезно и болѣе дѣлособразно, вмѣсто того чтобы строить вновь дорого стоящія особыя зданія для школъ со всѣми спеціальными приспособленіями, — болѣе или менѣе значительную часть уже существующихъ школъ, по усмотрѣнію мѣстныхъ потребностей и удобствъ, обратить въ переносныя, переводя ихъ чрезъ каждыя два-три года изъ одной деревни въ другую, въ шибующіяся во всѣхъ большихъ деревняхъ готовыя и свободныя зданія, чтобы дать возможность обучиться грамотѣ значительно большому числу дѣтей, нежели какое можетъ обучить осѣдая въ одномъ мѣстѣ школа.

Подобнымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока число учительскихъ семинарій, министерскихъ ли то или земскихъ (разграниченіе это, впрочемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе исчезаетъ: такъ двѣ земскія учительскія семинаріи — одна — черниговская — переданы самимъ

меншею въ заведываніи министерства — см. объ этомъ корреспонденція въ газетѣ «Нодія», № 2 за 1875 (годъ) по крайней мѣрѣ не удвоится, пока земскія и правительственныя народныя школы будутъ затрудняться приобретать для себя учителей изъ тоговаго уже мала контингента, созданнаго новымъ уставомъ духовныхъ семинарій въ лицѣ ихъ воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ и изучившихъ специально педагогичу съ дидактикой, — безъ учителей изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и другихъ подобнхъ лицъ, ранныхъ ими недостатка педагогической подготовки, не возможно обойтись, если мы не хотимъ, чтобы дорогое для всякаго истиннаго гражданина и для всякаго русскаго челоука великое дѣло народнаго образованія не пошло у насъ перенашимъ шагамъ на первыхъ же порахъ своего наступательнаго движенія. Не одно «образованіе», хотя бы только первоначальное, проектируемое для народа новымъ положеніемъ въ народныхъ училищахъ, но и простая грамотность для него есть уже благо въ виду необходимости для него защиты отъ эксплоатаціи его смысла и его силъ разными народолюбцами, которые отнюдь не прочь, шедъ рукою, трактовать его какъ иподое быдло и «чёрныя непресвѣщенныя», годную лишь для того, чтобы распорядиться съ, какъ темною и грубою силой для цѣлей, тогда мало равняющихся отъ тѣхъ, которыя преслѣдовались народолюбцами въ родѣ Демгушина съ компаніей.

Однакоже благихъ послѣдствій введенія у насъ всеобщей воинской повинности будетъ состоятъ немало въ томъ, что при малыхъ срокахъ военной службы по новому уставу, народная обшденная жизнь будетъ периодически освѣжаться современными приливомъ вышедшихъ изъ народа грамотныхъ, изучившихся грамотѣ въ войскахъ, которые, оставаясь среди своихъ родныхъ и одессельцевъ, службятъ защититъ ихъ отъ равныхъ абакатовъ, волостныхъ писарей и кулаковъ — скупщиковъ.

По меньшей мѣрѣ грамотность, простая грамотность, даетъ народу возможность самообразованія посредствомъ чтенія, такъ какъ литература сечившей для народа, хотя по немногу, но — тѣмъ не менѣе увеличивается, благодаря энергій почтенной коммисіи солиднаго городна, товарищества общественной пользы, московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ, с.-петербургскаго комитета грамотности (врд. Императорскаго вольнаго экономическаго общества), хотя матеріальныя средства этого послѣдняго, въ себѣ днѣмъ, годъ отъ году, какъ видно изъ послѣдняго его отчета, все болѣе и болѣе скудѣютъ, наконецъ благодаря усердію къ дѣлу народнаго образова-

ня разных частных предпринимателей, въ родѣ гг. Кочетова и фанъ-деръ-Флита, издающихъ для народа въ видѣ небольшихъ брошюръ доступныя его пониманію произведенія нашихъ образцовыхъ писателей—Гоголя, Пушкина и другихъ. Наконецъ намъ кажется, вмѣсто того, чтобы призывать преподавателей на педагогическихъ курсахъ, гораздо лучше было бы подумать о томъ, нельзя ли какъ нибудь привлечь ихъ къ занятіямъ на лѣтніе учительскіе курсы, пользу и даже необходимость которыхъ, намъ кажется, нельзя не признать, не смотря на остроумные доводы противъ нихъ одного педагога, въ русскомъ педагогическомъ обществѣ, но такъ давно доказывавшаго безплодность этихъ курсовъ, въ виду тѣхъ денежннхъ затратъ, на нихъ они требуютъ.

Свои *ria desideria* по дѣлу народнаго образованія мы простираемъ даже дальше. Не жора-ли, думается намъ, возстановить, для рабочихъ, обѣихъ столицъ и губернскихъ городовъ, воскресныя школы, прекрасное учрежденіе, патентованное опытомъ всего образованнаго міра, такъ хорошо принявшееся было и у насъ и сколько лѣтъ тому назадъ, и скомпроментировавшееся злоупотребленіями двухъ-трехъ школъ, которыя были вовсе незамѣтны въ ряду другихъ, безупречныхъ во всехъ отношеніяхъ? Вѣдь не всѣ же народныя учителя похожи на того нравственнаго урда, котораго выводитъ на сцену въ своемъ вѣснмъ недурномъ разсказѣ «Изъ дня въ день, записки сельскаго священника» тотъ же «Гражданинъ». Мы не думаемъ, чтобы существовали гдѣ-либо въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ народныя учителя, въ родѣ этого героя, который собираетъ дѣтей въ школу по праздникамъ и воскресеньямъ, чтобы лишить ихъ возможности быть въ церкви и молиться Богу, а въ замѣтъ того дѣлаетъ для нихъ цѣлдневныя репресіи по четвергамъ. Мы думаемъ, что этотъ типъ производный, ни начемъ не основанный вымыселъ фантасма, — на что много походитъ и корреспонденція изъ Новоржевскаго уѣзда, вызвавшая настоящую нашу замѣтку. Если же подобныя личности и могутъ появляться въ средѣ нашихъ народныхъ учителей, то для чего же существуютъ у насъ потенциальное сословіе администраторовъ народныхъ училищъ? Или «Гражданинъ» думаетъ, что они «безъ ума мечъ носятъ»?

Февраль 1875:

За что русский народ любит братьевъ Славянъ.

Слѣдя съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ за всѣмъ, что происходитъ внѣ на аренѣ кровавой борьбы за существованіе, которому ведутъ наши единовѣрные братья, русскій человѣкъ съ не менѣе напряженнымъ вниманіемъ прислушивается къ тому, что говоритъ и думаетъ объ этомъ безпристрастномъ побойщѣ просвѣщенный западъ. Увы! въ отечествѣ филистерскаго утилитаризма—въ Германіи, также какъ и въ странѣ политической меттерниховской безнравственности—Австріи, на родинѣ философскаго матеріализма и позитивизма—во Франціи, также какъ и въ странѣ меркантильнаго матеріализма практическаго—въ Англіи, вездѣ къ добру и злу, какъ явленіямъ изъ сферы нравственныхъ отвлеченій, постыдно равнодушны. Мало того; любви стыдятся, христіанской любви къ страждущему человечеству; мысли гонять—мысли о политической и культурной равноправности народностей...

Княгиня Елизавета Есперовна Трубецкая сообщаетъ въ газетахъ, что герцогъ Смальскій пожертвовалъ 1,000 франковъ въ пользу страждущихъ: таковъ итогъ всей христіанской нравственности въ отечествѣ Боссюэта и Лякордера. Дестопочтенный мистеръ Брайтъ, да еще одинъ членъ парламента, сдѣлами, какъ видно изъ послѣднихъ извѣстій изъ Англіи, попытку на нѣсколькихъ митингахъ возбуждать сочувствіе къ славянамъ если не правительства, то общества своей страны; да мистеръ Берингъ сообщилъ парламенту весьма внушительныя цифры избитыхъ и изнасилованныхъ въ Болгаріи: таковъ современный итогъ христіанскихъ добрыхъ дѣлъ въ странѣ, сослужившей нѣкогда великую службу человечеству и цивилизаціи уничтоженіемъ торговли невольниками, въ отечествѣ правильно организованной филантропіи, убѣжищѣ сектантамскаго мистифицизма и пуританскаго піетизма. Престарѣлый Гарибальди, привѣтствующій впрочемъ всякую инсurreкцію и не дѣлающій различія между борьбой за существованіе и революционнымъ междоусобіемъ, шлетъ свой ободряющій привѣтъ несчастнымъ герцеговинцамъ: таковъ голосъ современной Италіи, порадовавшей недавно православный міръ возстаніемъ

достопочтеннаго монсиньора Трабулко противъ духовной тирании Ватикана. Единоплеменники Лессинга и Шиллера, подъ звуки турецкихъ пушекъ и барабановъ, услаждаютъ свое зрѣнiе и слухъ «Кольцоъ Нибелунговъ» въ Байретѣ. При видѣ такого отношенiя западнаго мiра къ кровавой драмѣ, разыгрывающейя на Балканскомъ полуостровѣ, какъ не сказать съ неизвѣстнымъ портомъ:

Стыдитесь, жалкіе народы,

Не ваши-ль предки въ Палестинѣ

За гробъ Господень лили кровь?

Къ чему-же вы хотите нынѣ

Срамить дѣла своихъ отцовъ?

Россiя одинока въ своемъ сочувствiи къ славянамъ. Почетное и славное одиночество! Мы присутствуемъ при чудномъ и величественномъ явленiи—при могучемъ и грозномъ подъемѣ народнаго русскаго духа, того духа, который былъ источникомъ всего великаго и славнаго въ нашей исторiи, который спасалъ престолъ, честь и благо отечества и въ усобицы князей, и въ эпоху татарскаго владычества, и въ годину нашествiя иноплеменныхъ. Эти уже не сотни, а, пожалуй, тысячи, если не отправившихся, то порывающихся на поле битвы, и не изъ простыхъ только русскихъ людей, а и изъ культурныхъ слоевъ и изъ высшаго образованнаго общества; эти мотни натовъ и узлы тряпокъ нищей старухи, эти кофѣйки и пятаки русскихъ мужиковъ и рабочихъ, изъ которыхъ образуются тысячи рублей, эти неустанные кружечные сборы — посидѣнный трудъ на пользу страждущихъ благородныхъ русскихъ дамъ, это повсюдное на Руси чувство горя и состраданiя, это повсемѣстное дихорадочное напряженiе вниманiя ко всему, что происходитъ подъ Адексинцомъ, эти нерѣдко слезныя молитвы въ храмахъ о страждущихъ и убитыхъ; это, говоримъ, грандіозное, прекрасное зрѣлище, въ виду котораго, какъ въ моментъ святѣйшаго изъ христіанскихъ священнодѣйствiй, невольно умокаетъ плоть человѣка и слабѣютъ всякіе порывы житейскаго эгоизма. Вся Русь, объята однимъ чувствомъ, однимъ добрымъ порывомъ. Органы печати, прежде враждебные другъ другу, едиными усты и единымъ сердцемъ проповѣдуютъ любовь къ страждущимъ. Интеллигенція научная и литературная, безразличiя партій, сходится во взглядахъ на славянскій вопросъ: замѣтны и славянофилы, подали другъ другу десницу общенiя.

Гдѣ источникъ этого явленiя? За что все мы такъ единодушно любимъ славянъ?

Прежде, чемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, стоитъ обратить вниманіе на то, какъ объясняютъ это не совсѣмъ ожидаемое явленіе недоумывающіе культурные враги славянства. Въ одной вѣнской корреспонденціи газеты «Times», приведенной въ «Госодѣ» (№ 233), разсказывается, что во вѣдѣ русскихъ предпріятіяхъ, задуманныхъ къ облегченію бѣдствій славянской войны, господствуютъ самые зловредные элементы, — элементы красные, революціонные и демагогическіе! Есть французская поговорка: *calomniez, calomniez, et quelque chose en restera toujours* — клевети, клевети больше, хоть чему-нибудь изъ солганнаго да повѣрятъ... На ряду съ письмомъ вѣнскаго корреспондента «Times'a» въ газетахъ сообщаются извѣстія о томъ, что мнѣніе о зловредности и опасности русскаго участія къ славянамъ, на сколько это мнѣніе раздѣляется въ Бѣлградѣ, распространяется тамъ малочисленною партією такъ называемыхъ омадинцевъ — что-то въ родѣ отпрыска космополитической интернаціонали («Господи, не доброе ли стѣя стѣял еси на селѣ твоёмъ: откуда убо клеветы?»), питающей, какъ извѣстно, непреодолимый ужасъ къ религіи вообще и къ духовенству въ частности, какъ повсемѣстнымъ и самымъ прочнымъ опорамъ консерватизма? Зная, что возбужденію сочувствія къ славянамъ и успѣшнымъ сборамъ въ ихъ пользу всего больше способствуютъ воззванія нашихъ архипастырей и поученія сельскихъ священниковъ и не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, до какой степени православное вѣроученіе и православное духовенство чуждо какому-бы то ни было виду политики (см. объ этомъ нашу статью въ «Церковномъ Вѣстникѣ» за настоящій годъ), что проповѣдуя состраданіе и любовь къ бѣдствующимъ братьямъ, наши пастыри отнюдь не выходятъ изъ области простаго христіанскаго правоученія, составляющаго прямую обязанность ихъ званія, и желая между тѣмъ поселить раздоръ между братьями — по принципу: *divide et impera* — эти юные мудрецы ничего лучшаго не придумали, какъ, по поговоркѣ, сложить бѣду съ большой головы на здоровую. *Сола неправда себѣ!* Отпрыскъ интернаціонали называетъ красными революціонерами православныхъ русскихъ пастырей и даже аристократовъ, членовъ общества попеченія о раненыхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Что можетъ быть курьезнѣе и наивнѣе?

Но обратимся къ вопросу, который поставили въ началѣ.

При объясненіи того добраго чувства, которое объяло всю Россію, намъ кажется прежде всего слѣдуетъ припомнить давнишнее славянофильское ученіе о племенныхъ особенностяхъ и культурныхъ

тияхъ, которое съ такою основательностію раскрыто въ сочиненіяхъ Вирѣвскаго, Хомякова, Данилевскаго и Ламанскаго. Русскій человѣкъ по преимуществу есть человѣкъ чувства, человѣкъ сердечнаго порыва. Могло ли у него не возникнуть то благородное чувство, которымъ въ настоящее время въ тихомолку любятъ и которому можетъ быть завидуютъ сами культурные враги славянства, при извѣстіи объ ужасахъ, происходящихъ въ Босніи и Болгаріи, когда онъ такъ охотно жертвовалъ и на пострадавшихъ отъ наводненія въ южной Франціи и въ пользу германскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ? Но русскій человѣкъ—человѣкъ не просто чувства и порыва, но чувства и порыва религіознаго. Давно уже и не нами сказано, что русскій народъ—самый религіозный въ мірѣ. Онъ если и не сознаетъ, то чувствуетъ, что «аще кто о своихъ, паче же присныхъ, не радить, вѣры отвергся и невѣрнаго горшій есть»; а онъ знаетъ, что южные славяне его не только единокровные, но и единовѣрные братья, которымъ онъ обязанъ величайшимъ своимъ благомъ—православіемъ. Нужно ли говорить о томъ, въ какой мѣрѣ это чувство должно было усиливаться отъ болѣе близкаго знакомства съ прекрасными свойствами славянской природы, съ ихъ любовью ко всему, что свято и дорого для истинно-народнаго русскаго чувства, съ общественными и семейными доблестями этого «народа будущаго» Западной Европы, призваннаго, какъ утверждали по крайней мѣрѣ славянофилы, и кажется—не безъ основанія, обновить ея обветшавшую общественную и политическую жизнь въ тѣхъ, кто хотя мимоходомъ, какъ говорится—однимъ глазомъ успѣлъ заглянуть въ этотъ чудный уголокъ Европы, гдѣ среди благодатной природы живетъ матеріально обнищавшій, но столь богато одаренный нравственною мощью, столь чудно выносливый народъ? Отвѣтъ на это дадутъ читателю отчеты нашихъ славистовъ о ихъ путешествіяхъ по славянскимъ землямъ и современный единомушнный голосъ всего, что есть мыслящаго на Руси, и всей нашей печати.

Что касается православнаго русскаго духовенства, то «въ лѣта нашей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго нашего дѣтства», многіе изъ теперешнихъ нашихъ священниковъ, городскихъ и сельскихъ, обучавшіеся въ семинаріяхъ (одесской, кіевской и петербургской) и академіяхъ (кіевской, московской, петербургской) по нѣскольکو лѣтъ провели въ товарищескомъ сожителствѣ молодыхъ славянъ, и подобно пишущему эти строки не изъ книгъ только и христоматій познакомились съ ихъ чудною народною поэзіей, въ которой столько

свѣжести и нравственной чистоты, столько страстной любви къ то-
ремичной родинѣ, столько героизма и доблести. Можно-ли было не
проникнуться и въ то время ихъ честнымъ и благороднымъ патрио-
тическимъ горемъ, слушанъ, по временамъ, прицѣвъ то заунывной, то
порывисто-героической сербской пѣсни:

Сербъ се бие,
И кровь лие,
За свою свободу!

Можно-ли и теиерь, стоя въ толпѣ праздныхъ, къ добру и злу
постыдно равнодушныхъ, соглядатаевъ славянскаго страданія и слы-
ша раздрающій душу вликъ современнаго юго-славянскаго Бульбенки
старшаго: «гдѣ ты, батько, слышишь-ли все?» не откликнуться:
«слышу! добре, сынку, добре!»

Nonny soit qui mal у pense: да будетъ стыдно тому, кто
худо подумаетъ о нашей любви къ нашимъ единокровнымъ и еди-
новѣрнымъ братьямъ-страдальцамъ.

29-го Августа
1876 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
12	Гизе	Гизо
22	безуловное	безусловное
37	ерархін	іерархін
81	Гриша за Волгой	«Гриша», «За Волгой»
157	помышеніи	помышленіи
156	athesheticae	athesheticae
161	досадно	досадна
174	прологомъ	прилогомъ
186	своей	свой
196	всемилоствѣйшіи	всемилоствѣйшая
200	растригали	разстригали
258	компетентный	компетентный
262	стояло	стояли
470	сю	его
452	десятками	десятьами
482	мѣне	мѣне
483	искусно	искусно
—	сыновой	сыновой
520	въ книгѣ	къ книгѣ

CONTENTS

Introduction	1
Chapter I	10
Chapter II	25
Chapter III	40
Chapter IV	55
Chapter V	70
Chapter VI	85
Chapter VII	100
Chapter VIII	115
Chapter IX	130
Chapter X	145
Chapter XI	160
Chapter XII	175
Chapter XIII	190
Chapter XIV	205
Chapter XV	220
Chapter XVI	235
Chapter XVII	250
Chapter XVIII	265
Chapter XIX	280
Chapter XX	295
Chapter XXI	310
Chapter XXII	325
Chapter XXIII	340
Chapter XXIV	355
Chapter XXV	370
Chapter XXVI	385
Chapter XXVII	400
Chapter XXVIII	415
Chapter XXIX	430
Chapter XXX	445
Chapter XXXI	460
Chapter XXXII	475
Chapter XXXIII	490
Chapter XXXIV	505
Chapter XXXV	520
Chapter XXXVI	535
Chapter XXXVII	550
Chapter XXXVIII	565
Chapter XXXIX	580
Chapter XL	595
Chapter XLI	610
Chapter XLII	625
Chapter XLIII	640
Chapter XLIV	655
Chapter XLV	670
Chapter XLVI	685
Chapter XLVII	700
Chapter XLVIII	715
Chapter XLIX	730
Chapter L	745
Chapter LI	760
Chapter LII	775
Chapter LIII	790
Chapter LIV	805
Chapter LV	820
Chapter LVI	835
Chapter LVII	850
Chapter LVIII	865
Chapter LIX	880
Chapter LX	895
Chapter LXI	910
Chapter LXII	925
Chapter LXIII	940
Chapter LXIV	955
Chapter LXV	970
Chapter LXVI	985
Chapter LXVII	1000

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Introduction	1
Chapter I	15
Chapter II	35
Chapter III	55
Chapter IV	75
Chapter V	95
Chapter VI	115
Chapter VII	135
Chapter VIII	155
Chapter IX	175
Chapter X	195
Chapter XI	215
Chapter XII	235
Chapter XIII	255
Chapter XIV	275
Chapter XV	295
Chapter XVI	315
Chapter XVII	335
Chapter XVIII	355
Chapter XIX	375
Chapter XX	395
Chapter XXI	415
Chapter XXII	435
Chapter XXIII	455
Chapter XXIV	475
Chapter XXV	495
Chapter XXVI	515
Chapter XXVII	535
Chapter XXVIII	555
Chapter XXIX	575
Chapter XXX	595
Chapter XXXI	615
Chapter XXXII	635
Chapter XXXIII	655
Chapter XXXIV	675
Chapter XXXV	695
Chapter XXXVI	715
Chapter XXXVII	735
Chapter XXXVIII	755
Chapter XXXIX	775
Chapter XL	795
Chapter XLI	815
Chapter XLII	835
Chapter XLIII	855
Chapter XLIV	875
Chapter XLV	895
Chapter XLVI	915
Chapter XLVII	935
Chapter XLVIII	955
Chapter XLIX	975
Chapter L	995

